



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



—



М.

РУСИ


ВРЕМЯ

е.)

та







Издание С. Я. Дуды.

ИЛЮСТРОВАННАЯ
НАРОДНАЯ ИСТОРИЯ РУСИ

ОТЪ НАЧАЛА ДО НАЙНОВѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

НАПИСАЛЪ

О. Ив. Р.

членъ Общества имени Мих. Качковскаго.

(Второе дополненное издание.)




ЛЪВОВЪ.

Типографія Ставроградскаго Института


подъ управленіемъ Мих. Ровца.

1905.



Второй издатель: Софія Коропась.







Вступное слово.



ередаю тобѣ, почтенный Читателю, книжку, въ которой списана исторія твоей Отчины, Руси твоей святой. Знаніе той исторіи, исторіи своего родимого краю, есть вѣдай найважнѣйшимъ условіемъ къ разбудженью національного самопознанія, къ согрѣтію въ сердцѣ читателя теплыхъ чувствъ любви для Отчины, для св. вѣры и своего народа. Коли отже, брате милый, станешь читати славныхъ подвигахъ предковъ твоихъ, коли ознаешься о давно пережитой доброй и лихой олтѣ Руси и увѣдаешь, *що были времена, где усь значеньемъ своимъ, силою и славою была впереди межи другими народами. Тогда то ты возмужаешь и величатися будешь, что еси ты Русинъ, сынъ той колись-то славной Руси, помокъ того онюгда сильного и великого народа

Подѣлъ Исторіи.

Для добраго перегляду и лучшаго спамятанья собѣ событій въ исторіи нашей Отчины, дѣлимъ предлагающее сочиненіе на три части или періоды :

I. періодъ отъ г. 862 до г. 1340, періодъ княжескій, такъ названный для того, що въ томъ времени владѣли у насъ въ цѣлой Руси князѣ русскіи съ роду первого князя Рюрика.

II. періодъ отъ г. 1340 до г. 1772, періодъ названный польскимъ, ибо въ томъ времени владѣла на нашей земли, Руси галицкой, королѣ польскіи.

III. періодъ отъ г. 1772 до нынѣшнихъ временъ, періодъ названный австрійскимъ, ибо по заведенію Польши въ г. 1772 прійшла наша Галицкая Русь подѣ владѣніе монарховъ австрійскихъ и до нынѣ подѣ милостивымъ владѣніемъ ихъ находится.



ПЕРІОДЪ I.

862—134 г.

ЧАСТЬ I.

Отъ начала Руси до паденія Великаго княжества Кіевскаго.
Давныи Славяне, ихъ житіе, обычаи
и народныи сословія.

Наши предки Славяне жили въ давныхъ предхристіанскихъ часахъ особными громадами подъ управленіемъ своихъ родовачальниковъ. Нелучились они разомъ, но каждое племя имѣло свои особныи обычаи, свои законы и преданія. Были они вправдѣ зъ природы мирныи и тихи, не любили войны, но неразъ таки самы межи собою заводили споры, а коли случалась на нихъ напасть отъ чужихъ народовъ, то не могли они оборонитись, бо силы ихъ не были совокуплены во-едино. Яко погане не вѣрили они въ единого Бога но поклонялися солнцю, небу, водѣ, землѣ, вѣтрамъ, деревьямъ, птицамъ, камнямъ

и самы выдумовали собѣ божища, ставляли имъ кумиры и приносили имъ жертвы. И такъ то придумали они собѣ Дажбога, божище солнца; Хорса, божище огню; Велеса, божище скотѣвъ; Стрибога, божище вѣтра; Перуна, божище громѣвъ и блискавиць. Той послѣдній былъ у нихъ найстаршимъ богомъ и его то величавый кумиръ стоялъ въ Кіевѣ надъ Днѣпромъ, где передъ нимъ день и нѣчь горѣлъ такъ званый „святый“ огонь и где ему приносили жертвы изъ звѣрятъ, а потомъ и зъ людей. Кромѣ того вѣрилъ народъ и въ меньшихъ богѣвъ, якъ въ русалки (водны дѣвиць), мавки (польны), лѣсовики (въ лѣсахъ), домовики (въ хатахъ), дѣдки (въ болотахъ). Умирающимъ родителямъ отдавали велику честь и приносили имъ жертвы. Такихъ умершихъ грѣбали въ земли, или по бѣльшой части палили въ огни, а попель ихъ собирали въ горщки и тѣи закопывали въ землю. На могилѣ покойного справляли поминки, такъ званую „тризну“, на которой ѣли и пили, а для мертвыхъ часть стравы оставляли. Они вѣровали въ ворожбитство и чары, изъ того пошло много забобѣвъ. Мали они и свои празники, якъ „Коляду“ и „Купала“, мали и привязанны до нихъ праздничны пѣсни, зъ которыхъ гдѣяки и до днесъ еще въ переданіи сохранилися.

Тѣмъ найдавніѣйшіи предки наши умѣли, уже ставляти собѣ деревянныя дома, рубити снаряды до управы земли, заходить съ скотомъ, прясти, шити, готовитьъ страву и напитки, а особливо медь; мали и свои мѣры, монеты, ковали военныя списы, а нерѣдко и мечи. Въ общей потребѣ собирались на раду, котора называлася „вѣчемъ“.

Коли же предки наши призвали отъ Варягъ собѣ князей, тогда стали порядки у нихъ змѣняться, племена лучились уже разомъ въ одну великую спѣлность, надъ которою стоялъ яко владѣтель свѣой князь, и котора вѣтъмъ назвалася княжествомъ. Князь окруженъ своею дружиною, зложенною изъ охотникѣвъ Славянъ и Варягъ, навладали на поодинокіи племена дань (изъ скѣрѣ, воску, медѣ), которую собирали съ народа на содержанье свое и своей дружины, а ихъ головною задачею было, вести тую дружину на воровѣвъ Руси до бою.

Князь имѣли право управлять народомъ и владѣти землями. Походили они зъ роду князя Рюрика, котораго предки наши призвали собѣ отъ Варягъ, изъ-за моря. Старшій въ родѣ князей назывался Великимъ Княземъ; онъ былъ отцемъ для цѣлой княжеской родины, имѣлъ право судити и наказовати молодшихъ и розполагати ихъ удѣлами. По смерти князя-отца дѣлились сыны

его землями, и то было потѣмъ причиною, що наша русская держава, великая и славная на весь мѣръ держава, стала распадатись, земли роздробилась на многочисленныя удѣлы, настали взаимныя борябы межи князьями, а Великій Князь, яко голова, оказывался уже не въ силахъ, щобы удержати ладь и устройство въ удѣлахъ: для того и не дивно, що при внутреннихъ роздорахъ подъупали мы, а скрѣпились на насъ орды татарскія и король польскій.

У каждаго князя была своя дружина, были то его войны, которыя сопровождали его всюду и охраняли ѳтъ чуждыя русскую землю. По-при дружинѣ вѣйбѣльше значили у насъ бояре, которыя среди жителей Руси занимали мѣсто межи родомъ княжескимъ, а дружкии сословіями народа. Тыхъ бояръ выслали князь яко пословъ, посередниковъ при заключеніи ихъ договорѣвъ съ соседними народами, и для нихъ то такъ собирали князь дань изъ народа.

Кромѣ дружины и бояръ были въ стародавней Руси еще и други сословія, которыя и мали свои особыя названія. Такъ на пр. молодшан княжеская дружина состояла изъ „гридовъ, пасыниковъ и строжковъ“, а тѣ становили военныя отряды и личную службу князя. Самы же жители русского народа дѣлались на свободныхъ и рабовъ. До свобод-

ныхъ причислялись кромѣ „бояръ“ также и „людине“, подъ которымъ то общимъ названіемъ разумѣлись: „гриды“, „гридьба“, т. е. нижшій родъ княжеской дружины, „огнищане“, люди зажиточныи, имѣющіи свои большіи хозяйства; „гости и кушцы“, люди занимающіися торговлею; „ремесленники“, „черные люди“, т. е. жителей меньше богатыи; „изгои“, т. е. такіи люди, що стратили свое имѣніе, но оставали свободными, или были то невольники освободившіися; „смерди“, малыи посѣдатель земли, и тѣи были обвязаны брати участь въ войнѣ, имѣти своихъ невольниковъ, а если который умеръ бездѣтный, то имѣніе его переходило на князя.

Иное сословіе народа были люди несвободныи подъ именами „рабѣвъ“, „челяди“, „холопѣвъ“ и „невольниковъ“, которыхъ уживано до всякихъ домашнихъ работъ. Такимъ рабомъ ставался пойманный на войнѣ а не выкупленный плѣнникъ, ставался человекъ, продавшійся при свидѣтеляхъ, также должникъ, если не могъ ѣтдати долга, наконецъ и родившійся ѣтъ рабѣвъ, или кто оженился съ чужою рабынею. Свободный человекъ могъ и самъ себе продати или продати свои дѣти, и то будь на всегда, будь только на условенное время.

Начало Руси.

Въ найдавніѣйшихъ часѣвъ имѣли Славяне жилища свои надъ сѣверными берегами Дуная и Чорного Моря, но выпираемыи другими народами посувались они изъ первоначальныхъ жилищъ своихъ на сѣверъ и заняли пространъ землѣ отъ Дуная до Балтійскаго моря, отъ рѣки Лабы въ Нѣмеччинѣ ажъ до Волги. Въ тѣхъ земляхъ они строили собѣ села и города, занимаючись то земледѣльствомъ, то скотоводствомъ и торговлею. Въ девятьсотъ лѣтъ по рожд. Христа стали они въ землѣ, пѣзднѣйше Русію названной, извѣстны пѣдъ различными славянскими именами, якъ: надъ Днѣпромъ Поляне съ городомъ Кіевомъ, надъ Днѣстромъ Лютичане и Тиверцы, въ сѣверныхъ Карнатахъ Хорваты, на Волиню Деревляне съ городомъ Каростень, надъ Бугомъ Бужане, надъ рѣкою Двиною и Припетію Полочане и Дреговичи, надъ Десною и Сулою Сѣверяне съ городомъ Любеча и Черниговъ, надъ рѣкою Окою Вятичи, надъ Созною Радимичи, надъ жерелами Двины, Днѣпра и Волги Кривичи съ городами Смоленскъ, Изборскъ и Полоцкъ, надъ озеромъ Ильменомъ Славяне съ городомъ Новгородомъ.

Межи тыми всѣми племенами найславнѣйшими были Поляне надъ Днѣ-

промъ и Славяне надъ озеромъ Ильменовомъ. Тѣмъ то послѣднимъ, получившись разомъ съ другимъ славянскимъ племенемъ Кривичей и сусѣдными финскими племенами Чудію и Весію зѣ-надъ Бѣлаго Озера, основали сильную державу Новгородскую, котора, акъ говоритъ преданіе, уже тогда имѣла 100.000 мужей готовыхъ до оружія. Въ г. 859. нанали на державу тую Варяго-Руссы извѣ-за Балтійскаго моря и наложили на ню дань. Однакъ въ-коротцѣ прогнали Новгородяне Варягъ и начали самы собою управлять, выбравши зѣ-помежи себе начальника, котораго „новгородомъ“ называли. Недолго однакъ треваль миръ въ державѣ Новгородской; одни племена повставали противъ другихъ, а спорамъ и межиусобицамъ не было конца. Въ той порѣ собралъ начальникъ старшинъ изъ всѣхъ племенъ на „вѣче“ и предложилъ имъ: чи бы не добре было для заражденья злomu призвати чужога якога князя и поставити его начальникомъ державы. На тое предложенье згодилася вся старшина и въ сейчасъ отправились послы Балтійскимъ моремъ до Варяжскихъ князей Рюрика и братьей его Синеуса и Трувора съ прошеніемъ, щобы они приняли правленіе надъ землями Новгородскими. По долгихъ переговорахъ братья князѣ далися намовити до того; въ г. 862 вступили они съ своими дружинами

въ новую свою державу, где народъ прѣ-
нялъ ихъ искренно хлѣбомъ-солью и где



Прѣбѣтіе Рюрика съ братьями на Русь.

они начали бѣть теперь княжити. Братья
князѣ подѣлилися занятыми землями

въ той способъ, що Рюрикъ поселился межи Славанами и Чудію въ Новгородъ, Синеусъ межи Весію надъ Бѣлымъ Озеромъ, а Труворъ межи Кривичами въ Изборску. Такимъ способомъ основали ново пришедшіи князѣ княжество русское, и дали початокъ той державѣ, которая называлася Русію.

На памятку славного того событія поставленъ и открытъ былъ въ Новгородѣ, въ 1000 лѣтъ потомъ, т. е. въ г. 862 величавый памятникъ, пригадующій потомкамъ Руси основаніе Русской державы.

По двохъ лѣтахъ т. е. въ г. 864 умерли оба молодшіи братья князѣ Синеусъ и Труворъ, а оставшійся Рюрикъ, сполучилъ ихъ землѣ со своими и началъ самъ княжить надъ всею Русію.

Р ю р и к ъ .

Г. 862—879.

Оставши единовластнымъ княземъ, Рюрикъ распространилъ владѣніе свое на сусѣдныи славянскіи племена Полочанъ, Ростовцѣвъ и Румунцѣвъ и владѣлъ потомъ державою своею спокойно ажъ до г. 879. т. е. всего 17 лѣтъ.

Съ Рюрикомъ и братьями его прійшли въ Новгородскую землю два варяжскіи бояре Аскольдъ и Диръ со своими дружинами. Не получивши однакъ отъ Рюрика землѣ на поселеніе, пустились они

съ дружинами своими черезъ славянскіи
землѣ на полудне съ тѣмъ намѣренъемъ,
щобы записатись у Грековъ въ военную
службу. Плывучи такъ на лодкахъ Днѣ-



Князь Рюрикъ.

промъ, они доплыли до города Кіева
и узнали тутъ, що той городъ основанъ
трема братьями, которыхъ имена были
Кій, Щекъ и Хоревъ, и той городъ Кіевъ
вразъ съ принадлежащими славянскими

землями теперь покоренъ былъ Хазарами и платилъ имъ дань. Кіевская земля дуже подобалась Аскольду и Диру и въ сей-часъ ударили они съ хороброю дружиною своею на Хазаръ, прогнали ихъ и самы осѣли тутъ и основали собѣ отдѣльное княжество Кіевско-Русское, которое отграничено было ѳтъ Новгородского племенами Сѣверянъ и Кривичей и ѳтъ теперь управлялось самостоятельно черезъ 20 лѣтъ ажъ до г. 882. Рюрикъ княжилъ межъ тѣмъ въ Новгородской Руси лѣтъ 17 и умеръ въ г. 879., оставляючи по собѣ малолѣтнего сына Игоря и отдаючи опѣку надъ нимъ и надъ Русію сроднику своему Олегу.

Апостолы Славянъ св. Кирилъ и Меѳодій.

Во время правленія Рюрика сталося въ земляхъ западныхъ Славянъ одно дуже важное для насъ событіе, именно переведене было священное Писаніе изъ греческого языка на языкъ славянскій. Дѣло тое совершили Апостолы Славянъ, братья св. Кирилъ и Меѳодій.

Ростиславъ, князь славянскихъ племенъ на Моравѣ, просилъ Цареградекого царя Мухавла III., щобы той прислалъ ему мудрыхъ проповѣдникѳвъ, которыи бы на славянскѳмъ языкѣ проповѣдали народови истины вѣры Христовой. Треба ло знати, що Моравяне приняли уже



Св. Кирилъ и Меѳодій.

вѣру Христову изъ Запада, но яко народъ славянскій не могли разумѣти тыхъ учителей вѣры Христовой, що до нихъ изъ Германіи (Нѣмеччины) приходили.— Царь Михаилъ удовольилъ прошенію Ростислава и выслалъ ему въ г. 863. двоухъ мужей, прославившихся уже своими подвигами въ дѣлѣ наверненія народѡвъ на христіанство, братьей св. Константина (названнаго Кириломъ) и Меодія. Тіи святыи братья, пришедши въ Моравію, начали проповѣдати слово Боже и крестити народъ. Щобы же лучше утвердити народъ въ вѣрѣ, они постановили перевести св. Писаніе и богослужебныи книги на языкъ славянскій, зрозумѣлый для народа. Въ той цѣли придумали они славянскую азбуку (кирилицю), и совершили съ Божію помощію переводъ св. Евангелій и литургичныхъ книгъ. Въ того времени начала отправлятись литургія, т. е. Служба Божа на славянскомъ языкѣ всюда межи Славянами, затѣмъ и на Руси, воли въ ней по низверженіи язычества Церковь Христова утвердилась.

Кто хоче узнати що больше о житію и подвигахъ св. Кирила и Меодія, нехай перечитае собѣ книжечку изданіи Общества им. Качковскаго ч. 111 за мѣсяць Мартъ 1885.

Первыи сѣмена вѣры Христовой на Руси.

Говорить достовѣрное преданіе, що первыи лучи свѣтла божественной науки Христовой, занесены были на русскіи землѣ далеко еще передъ основаніемъ княжества русскаго, ибо въ первомъ столѣтію по Христѣ черезъ Апостола св. Андрея первозваннаго. Святой той Апостоль, проповѣдаючи Евангеліе надъ Чорнымъ моремъ, поплынулъ рѣкою Днѣпромъ въ гору и зайшовъ съ учениками своими до тыхъ горъ, на которыхъ пѣзднѣйше построень былъ городъ Кіевъ. На тии то горы взоишовъ св. Андрей и предсказалъ, що на горахъ тыхъ возсіяе благодать Божя, що на нихъ возстане съ часомъ великій городъ съ численными, величавыми храмами Божиими, а благословивши горы сіи на знакъ будущаго просвѣщенія земель тыхъ черезъ Евангеліе встроимилъ въ землю крестъ и, совершивши моленія, отправился въ дальшій путь. Обшедши земли славянскіи, св. Апостоль Андрей вернулъ черезъ Римъ до Греціи, где и скончался мученическою смертію, розпятый на оливномъ деревѣ. Однакъ первыи тии сѣмена вѣры Христовой въ нашихъ земляхъ выдали первый плодъ не скорше, ажъ въ другой половинѣ девятого столѣтія. А сталося то такимъ способомъ: Аскольдъ и Диръ, утвердивши владѣніе свое въ Кіевѣ, под-

няли выправу съ воинами своими на 200 легкихъ лодьяхъ Днѣпромъ на Чорное море противъ царства Византійскаго. Обыльная добыча, якую находили они въ тыхъ богатыхъ земляхъ, заманювала ихъ до такихъ выправъ почаще. На одной такой выправѣ подступили они ажъ подъ Цареградъ и, истребивши цѣлу околицю, загрозили самому городу. Цареградяне, видячи себе въ такъ великой опасности, прибѣгнули съ царемъ своимъ Михаиломъ и Патриархомъ Фотиємъ къ горячей молитвѣ; цѣлую нѣчь они молились въ церкви Влахернской, въ которой находились чудотворныи ризы Пречистой Дѣвы Маріи, а надъ раномъ вынесли ризу тую въ торжественномъ походѣ середъ пѣсней набожныхъ надъ берегъ моря и погрузили ю въ водѣ. Въ той хвили сорвалась ужасная буря; спокойное до тѣхъ поръ море взволновалось, вскипѣло, порозносило и порозбивало русскіи лодки о скалы и береги такъ, що Аскольдъ и Дирь ледви съ малою дружиною спаслись отъ погибели и убѣжали въ Кіевъ. Испытавши такимъ способомъ на собѣ гнѣвъ Божій и узнавши о причинѣ своего пораженія, Аскольдъ и Дирь послали пословъ до греческаго императора съ прошеиємъ о миръ и святое крещеніе. Тогда то выслалъ императоръ греческій Енисеона и священниковъ на Русь, и тѣмъ, просвѣтивши Русинѣвъ евангельскою про-

повѣдію, окрестили князей и много изъ народа въ г. 867. Такой то былъ початокъ вѣры Христовой на Руси, а хотя и теперь весь народъ не былъ еще христіанскій и ажъ за князя Владиміра славно окрестился въ Днѣпрѣ, то все таки добрый початокъ къ дальшому спасительному дѣлу былъ уже положенъ. Такъ то уже самы первыи сѣмена святой вѣры Христовой приняты были Русинами добровольно и зъ переконаня, а безъ ніякого чужого насилія, приняты были изъ Цареграда, съ обрядомъ греческимъ.

8

О л е г ъ,

управитель Руси въ часѣ малолѣтства князя Игоря
879—912 г.

Державою управлялъ по смерти Рюрика сродникъ его Олегъ въ имени малолѣтнего сына Рюриковаго Игоря. Но и потомъ, коли уже Игорь дѣйшолъ до своихъ лѣтъ, Олегъ не пересталъ самъ вести корму правленья, такъ якъ молодой Игорь, видячи и признаючи глубокую мудрость своего оцѣкуна, не хотѣлъ ѳтбирати ему зъ рукъ веденія державныхъ дѣлъ. Заразъ по смерти Рюрика отправился Олегъ съ войскомъ и съ малымъ Игоремъ рѣкою Днѣпромъ на полудне, щобы розширити границѣ русской державы. Взавши по дорозѣ города Смо-

леньскъ и Любечъ, подступилъ Олегъ
 подъ Кіевъ на лодкахъ и притворившись
 за варяжского купца, запросилъ до себе
 Аскольда и Дира, щобы будьто съ ними

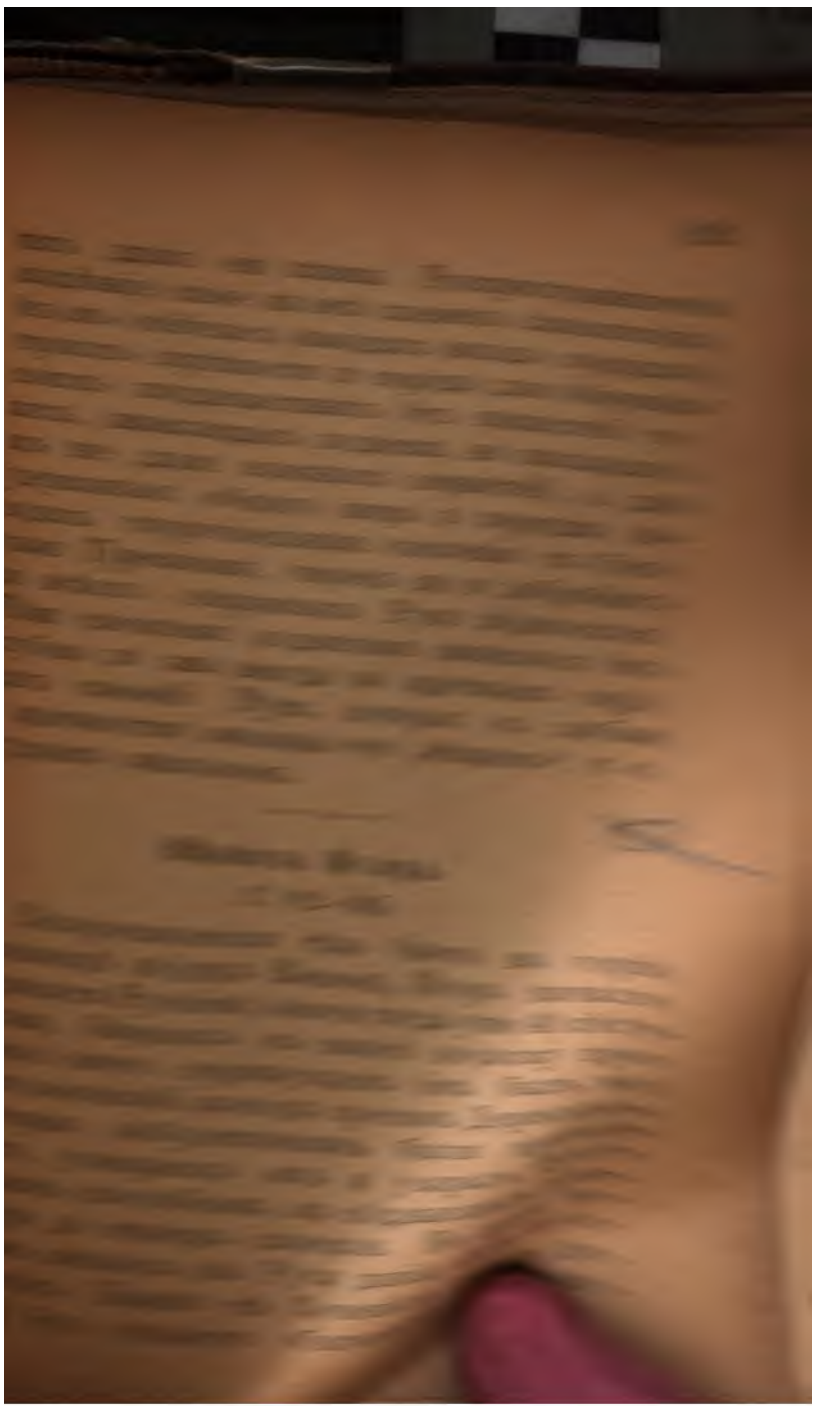


Князь Олегъ, названный „Вѣшмъ“.

поздоровитись. Тѣмъ, не предчувствуячи
 ничего злого, вступили на лодки, но
 тутъ-же они въ сейчасъ были отъ вои-
 новъ схвачены и убиты по повелѣнію

Олега, а се для того, що они не князь, а только бояре, та яко такіи посмѣли устроить собѣ княжескую державу. Тогда вступилъ Олегъ съ дружиною безъ перепоны въ Кіевъ, занялъ городъ той и назвавши его „матерею всеѣхъ русскихъ городовъ“, поселился въ немъ съ княжескимъ дворомъ. Съ тѣхъ поръ Олегъ поднималъ походы на все славянскіи земли въ-округъ, подчинилъ собѣ Сѣверянь, Радимичанъ, Деровлянъ, Лютичанъ, Угличей, Тиверцѣвъ, а въ конецъ Хорватѣвъ надъ Днѣстромъ и Сяномъ, и такимъ способомъ соединилъ оба недавно образовавшіися русскіи княжества, Новгородское и Кіевское, въ одно Великое Княжество Русское. Устроивши такъ сильную русскую державу, выправился Олегъ съ 80.000 воинами на лодяхъ противъ Грековъ, подступилъ подъ Царградъ и нанѣсъ цѣлой греческой державѣ такой пополохъ, що Греки стали просити мира и заключили съ Олегомъ договоръ, дуже корыстный для Руси. По той славной побѣдѣ вернулся Олегъ съ великими достатками въ Кіевъ, где однакожь вскорѣ, якъ голосить преданіе, отъ укушенья змѣи, що выползла изъ подъ стерва его улюбленного коня, умеръ. Смерть Олега вызвала въ цѣлой Руси великій жаль, и не дивно; былъ бо то добрый, правдивый опѣкунъ русской земли, который цѣлое свое житье посвя-

Олега, а се для того, що они не князѣ, а тѣлько бояре, та яко такіи посмѣли устроить собѣ княжескую державу. Тогда вступилъ Олегъ съ дружиною безъ перепоны въ Кіевъ, занялъ городъ той и назвавши его „матерею всеѣхъ русскихъ городовъ“, поселился въ немъ съ княжескимъ дворомъ. Съ тѣхъ поръ Олегъ поднималъ походы на все славянскіи земли въ-округъ, подчинилъ собѣ Сѣверянь, Радимичанъ, Деревлянъ, Лютичанъ, Уличей, Тиверцѣвъ, а въ конецъ Хорватѣвъ надъ Днѣстромъ и Сяномъ, и такимъ способомъ соединилъ оба недавно образовавшіися русскіи княжества, Новгородское и Кіевское, въ одно Великое Княжество Русское. Устроивши такъ сильную русскую державу, выправился Олегъ съ 80.000 воинами на лодяхъ противъ Грековъ, подступилъ подъ Царградъ и нанѣсъ цѣлой греческой державѣ такой пополохъ, що Греки стали просити мира и заключили съ Олегомъ договоръ, дуже корыстный для Руси. По той славной побѣдѣ вернулся Олегъ съ великими достатками въ Кіевъ, где однакожь вскорѣ, якъ голосить преданіе, отъ укушенья змѣи, що выползла изъ подъ стерва его улюбленного коня, умеръ. Смерть Олега вызвала въ цѣлой Руси великій жаль, и не дивно; былъ бо то добрый, правдивый опѣкунъ русской земли, который цѣлое свое житье посвя-



щійся скотоводствомъ и ловами дичины. Тутъ то дикуны прійшли изъ Азіи надъ Волгу, перегнали черезъ Русь Угрѣвъ (которые ѳттакъ осѣли дальше на западъ



Князь Игорьъ.

надъ Дунаемъ), а за Уграми и самы явились у предѣловъ Руси и заняли береги Черного Моря ѳтъ рѣки Дона и Дуная. Съ тыми то Печенѣгами заключилъ

Игорь миръ, щобы ѳтъ напастей ихъ охоронитись.

Уже то лежало въ природѣ Игоря, що не былъ ѳнъ военного духа, а бѳльше мирного успособленья; велѣдствіе того проводилъ ѳнъ дальшій часъ своего владѣнія въ спокою, не велъ нїякихъ военъ, а занимался внутренними справами своей державы. Доперва въ пѳздной старости своей въ г. 941. двигнулся ѳнъ на Грековъ, до чого принужденъ былъ именно тѣмъ, що Греки ѳтказались платити Руси дань, якую обовязались давати еще за Олега. Тогда то собралъ Игорь великанское войско и высадивши оное на береги Греціи, грабилъ и пустошилъ околицю черезъ три мѣсяцы. За тотъ часъ собрались и Греки до бою, окружили Русивѳвъ, выперли ихъ зъ береговъ на море и тутъ мало не совсѣмъ погромили ихъ своимъ искусственнымъ греческимъ огнемъ, що и въ водѣ горѣлъ.

Такъ пораженный Игорь, вернувши въ свояси, постановилъ ѳтмститися на Грекахъ и собравши другое войско изъ своихъ земель, призвалъ собѣ еще до помочи Варяговъ и Печенѣговъ и отправилъ водою и сушею на Грецію. Греческій царь, узнавши, съ якъ великанскою силою Игорь приближается, выслалъ чѣмъ-скорѣйше послѳвъ съ прошеніемъ о заключеніе мира. Тогда Игорь, превозносячи корыстный миръ надъ крова-

вую войну, принялъ отъ Грековъ дорогіи дары въ золотъ и серебръ и отправился спокойно въ свою землю, а потомъ заключилъ съ Греками письменный договоръ, въ которомъ одна и друга сторона клялася торжественно, додержати условія мира. Примѣтити тутъ слѣдуетъ, что изъ Русской стороны одни изъ посольства кляли клятбу на способъ поганскій, складаячи на горбку у стопъ божьща Перуна оружіе, щиты и золото, а другіи „Руссы Христіяне“ клялися въ Кіевѣ, въ соборной церкви св. Іліи, изъ чого познати можно, что тогда уже немало было христіянъ въ русской земли.

По поворотѣ своемъ изъ Греціи выправился Игорьъ съ войскомъ на Деревлянъ, но не по доброй воли, а подбуренный до того своими друженниками. Такъ бо было сталося, что знаменитый воевода Игоря Свѣнелдъ высланный былъ отъ князя съ отрядомъ войска покорити Угличей и Тиверцѣвъ надъ Днѣстромъ, а коли той воевода, исполнивши свою задачу, запасся тамъ всякаго рода добычею и достатками, тогда другіи бояре Игоревы, завидуючи Свѣнелду, начали подмвляти Игоря, щобы ишодъ збирати данины и добывати добра у Деревлянъ. Игорь послухалъ бояръ и выступилъ съ войскомъ на свѣй народъ, на Деревлянъ, собиралъ данины для себе и для дружины, а бояре его собѣ окремо гра-

били несчастныхъ. Деревляне дали все, что только Игорь захотѣлъ, но Игорь на дорогѣ въ Кіевъ послалъ дружину до дому, а самъ вернулся еще разъ до Деревлянъ, чтобы догодити возбужденной въ немъ жадности и еще бѣльше стягнуги зъ народа дани. Деревляне, доведенны тѣмъ до крайного отчаянья, окружили Игоря и малую его дружину у города Коростеня и умертвили Игоря ужаснымъ способомъ. Таеъ соромною смертію погибъ сынъ Рюрика Игорь за тое, що на хвилю дался поводовати жаждущимъ богатства боярамъ и поступилъ противъ добраго голосу совѣсти своей.

Княгиня Ольга.

Г. 945—957.

Игорь оставилъ по собѣ сына Святослава, но тому было тогда ледви четыре рови; для того принялась самая вдова Игоря, княгиня Ольга, управлять Русію до полнолѣтности своего сына. Ольга, хотя женщина, но сильного мужеского духа, управляла такъ благородно и славно, що заслужила собѣ справедливо имя „Мудрой“, яко Русь ей надала. Первымъ дѣломъ ей было отмстити на Деревлянахъ смерть мужа своего Игоря. А помстилась же она страшенно! ДЕРЕ-

вляне, хотя уже присоединены до Кіево-русского княжества, имѣли теперь еще своего власного князька Мала, а щобы избѣгнути гнѣву Ольги, они задумали оженити его съ нею и выслали въ той



Княгиня Ольга Мудрая.

цѣли двадцать найзнатнѣйшихъ людей своихъ до Кіева. Ольга, не отказуючи имъ впрость, объявила, що желала бы видѣти численнѣйшее посольство, а тыхъ двадцать велѣла тайно кинути въ яму

и живцемъ ихъ тутъ закопати. Незадолго прійшли до Кіева другіи самыи найзнаменитшіи послы ѳтъ Деревлянъ, не знаючи ніякъ о тѳмъ, що съ тамтыми сталося. Тыхъ запросила Ольга до банѳ (лазнѳ), а замкнувши ихъ тамъ, велѳла баню пѳдпалити, такъ, що всѳ въ ней згорѳли. Но тѳмъ не довольствовалася княгиня; она выбралася еще съ доборовою дружиною на самыхъ Деревлянъ до города ихъ Коростеня, пѳдъ такимъ предлогомъ, що будыто хоче справити тризну (поминки) по своемъ мужу, и сюда спросила множество Деревлянъ; тѳхъ же упивши медомъ, велѳла дружинѳ своей ударити на нихъ и убивати. Тогда легло на могилѳ Игоря 5000 людей.

По такихъ поминкахъ вернула Ольга въ Кіевъ и, якъ здавалося, довольна уже своею местію. Но нѳтъ! мести той еще не былъ конецъ: она вернула въ свояси, собрала еще сильнѳйшее войско и взявши съ собою пятилѳтного сына Святослава, отправилася противъ Деревлянъ, розорила городъ ихъ Коростень, покорила Деревлянъ совершенно, завладѳла всею ихъ областію, наложила на нихъ еще бѳльшіи дани, прогнала дотеперѳшного ихъ старшину, а присоединивши цѳлковито ихъ землю до Кіевской державы, возвратилася уже задоволена въ Кіевъ. Дальшіи лѳта правленія своего проводила Ольга мирно, и занялася пѳтомѳсть вну-

треннимъ устройствомъ державы; она ѣздила съ сыномъ и дружиною по всемъ областямъ Руси, заводила порядки, роздѣляла по справедливости землю между жителей, устанавливала отвѣтныя поземельныя податки и всюду яко добрая и мудрая княгиня промышляла о добрѣ и славѣ своей державы. Коли же Святославъ достигъ 16. года жизни своей, Ольга отдала ему въ г. 957. правленіе, а сама отправилась въ Грецію, чтобы тамъ обучиться въ правилахъ вѣры христіанской, котору уже зѣ-давно уважала единоправдивою, и чтобы тамъ, яко въ самомъ источнику христіанской вѣры принять св. крещеніе. Тайну св. крещенія совершилъ надъ Ольгою самъ Патріархъ; онъ далъ ей при крещеніи имя „Елены“ и по совершеніи всехъ святыхъ обрядовъ, сказалъ ей тѣи слова: „Благословенна ты между русскими женами тѣмъ, що ты возлюбила свѣтло, а оставила тьму; сыны Руси не перестанутъ тебе благословити отъ рода въ родъ“. По св. крещеніи, попрацавшись съ греческимъ Царемъ и Царицею, княгиня Ольга вернула на Русь. Тутъ наклоняла она сына своего Святослава, чтобы и онъ далъ себе окрестити, но той мужъ дикого, военного порова отрекъ ей: „Якъ я самъ одинъ прииму законъ Христовъ, то дружина зѣ мене смѣяться буде“. Дванадцать лѣтъ еще жила Ольга, приготавливала внуковъ своихъ ко

христіянству, а послѣ тыхъ боговѣрно и свято проведенныхъ лѣтъ, упокоилась на 79. году своего житья въ г. 969. За свою благочестивую жизнь названа она отъ Руси равноапостольною, а Церковь святая причислила ея къ лику Святыхъ, и память ей обходится на Руси д. 11-го Юлія каждого лѣта и до нынѣ.

Князь Святославъ.

Г. 957—972.

Святославъ, то воинъ, богатырь тѣломъ и душою. Хоробрый, предприимчивый, онъ мечталъ только о военныхъ подвигахъ и середь нихъ цѣлый свой вѣкъ проводилъ. Отъ молодости заправленный до боевой жизни, съ вѣрною дружиною своею жилъ онъ въ чистомъ полю безъ всякихъ выгодъ, даже безъ шатра, спалъ на келимку зъ подъ сѣдла, а съ сѣдломъ подъ головою, и кусень дичины или коньского мяса жареный на огни былъ ему стравою. Вотъ такій былъ князь Святославъ.

Правленіе свое началъ князь Святославъ походомъ на Хазаръ надъ Волгою и Дономъ, побилъ ихъ, взялъ ихъ столицю Бѣлую-вежу, освободилъ племя Вятичей, которое платило Хазарамъ дань, и прилучилъ до своей державы всѣ землі отъ рѣки Ови, Волги, Дона ажъ до Каспійскаго и Азовскаго моря. Уладившись

такъ зъ одной стороны, помчался Святославъ съ войскомъ на Болгаръ надъ Дунаемъ. Греческій Царь, не могучи собѣ самъ поради́ти съ Болгарами, которыи



Князь Святославъ.

ему мали дань платити, просилъ Святослава о помѣчь и послалъ на потреби похода 1.500 фунтовъ золота. — Не треба и говорити, що Святославу дуже сподобалося предложеніе тое, такъ и сейчасъ погнался онъ съ доборовымъ войскомъ

розбивъ Болгаръ, забравъ много городѣвъ ихъ, межи инными и столицю ихъ Переяславецъ, и такъ собѣ тутъ житѣе уподобавъ, що и не думавъ скоро вертати въ Кіевъ. Межи тѣмъ загрозила Кіеву бѣльшая опасность. Печенѣги узнавши, що Святослава нѣтъ дома, пѣдступили пѣдъ Кіевъ, где заперлась княгиня Ольга съ внуками своими. Жителѣ Кіева были въ отчаянію: въ городѣ наставъ голодъ и недостатокъ воды, а тутъ ни способу увѣдомити Святослава, що въ столицѣ его дѣся. Вправдѣ находився за Кіевомъ съ другой стороны Днѣпра малый отрядъ русскаго войска съ воеводою Прѣтичемъ, но и до того не было кому дати знати, щоби спѣшилъ съ помочію. Положеніе Кіевлянъ было до крайности отчаянное. На счастье найшовся межи Кіевлянами одинъ смѣлый молодець, умѣючій говорити по печенѣжски: той перебрался за Печенѣга и съ уздечкою въ рукахъ перейшовъ черезъ непріятельскій войска, пытаючи всюду, чи не видѣлъ кто его коня. Такимъ способомъ перебрался онъ къ Днѣпру и тутъ скинувъ одѣжь изъ себе та скочилъ въ воду, переплылъ рѣку и доставшись до Прѣтича, розказавъ ему всю бѣду. На другій день раненько, пустился Прѣтичъ черезъ Днѣпръ до Кіева, напавъ при звуку трубъ на Печенѣговъ, а тин думаючи, що то иде Святославъ, настрашились и бѣгомъ ѣтсту-

пили отъ Кіева. Кіевляне, отдохнувши на хвилю, послали сейчасъ гонця до Святослава надъ Дунай, сказати ему: „Ты княже, чужой землѣ шукаешь и пильнуешь, а свою оставилъ; насъ мало-що не забрали Печенѣги съ матерію и съ дѣтьми твоими; если не прійдешь и не оборонишь насъ, то зновъ насъ заберуть. А чижъ не жаль тобѣ отчины твоей и старой матери твоей и дѣтей твоихъ?“—Получивши такую вѣсть Святославъ явился скоро въ Кіевѣ, догналъ Печенѣговъ, розбилъ ихъ и такъ возстановилъ миръ въ отчинѣ своей.

Здавалось бы, що теперь Святославъ буде спокійно жити въ Кіевѣ, — но гдетамъ! Его тягнуло назадъ надъ Дунай и просьбы матери не вздержали его; онъ дѣлалъ приготовленья до отходу. Въ-томъ умерла Ольга. Святославъ похоронивши ю по християнски и оплакавши вразъ съ сынами своими, роздѣлилъ землю всю русскую на три части: Кіевъ съ прилежащими землями далъ найстаршому сыну Ярополку, землю Деревлянску Олегу, Новгородску же наймолодшому Владиміру, а самъ пустился съ войскомъ назадъ на береги Дуная, до возлюбленного Переяславця. Но тутъ межи тѣмъ змѣнились обстоятельства: Волгаре, примирившись съ Греками, выступили противъ Святослава и заперлись въ Переяславци; однакъ русскіи воины взяли городъ приступомъ в

диди Болгаръ, а Святославъ недо-
ный еще покореніемъ ихъ, постано-
идти на Грековъ и выслалъ до нихъ
а своего и велѣлъ имъ сказать: „Хо-
дти на васъ и взяти вашъ городъ
и сей (Переяславецъ).“ Греки собра-
00 тысячъ воинѣвъ, приняли вызовъ
иступили противъ Святослава. Русскіи
ы, узрѣвши такіи безчисленныи за-
ы войска передъ собою, смѣшались,
огатырскій князь ободрилъ ихъ сло-
: „Уже намъ утѣкати не возможно
нехочъ должны мы станути противъ
.. Не повстыдаемъ русской землѣ, по-
емъ тутъ костями! Бѣжати, то соромъ
а смерть на воинѣ, не соромъ; отже
емъ крѣпко. Я иду передъ вами, а
положу мою голову, тогда дѣлайте,
амы знаете.“ На тии слова отозва-
вся дружина единомушно: „Где твоя
ва, тамъ и мы наши головы поло-
ы!“ и ударила съ яростию и отчая-
сь на враговъ. Греки не выдержали
ого напада, подались и начали утѣ-
.. Святославъ же гналъ за ними, гра-
и-розорялъ города ихъ ажъ подъ
ихъ столицю Цареградъ. Греческій
видячи, що грозитъ крайняя бѣда,
орился и сталъ просити мира, согла-
я на предложенныи Русію условія и
втилъ не тѣлько на живыхъ, но и на
ихъ воинѣвъ. Тогда донерва повер-
Святославъ до Переяславця. По тыхъ

послѣднихъ битвахъ осталось Святославу такъ мало войска, що казалось дуже небезпечно оставатись такъ въ чужой землѣ: для того задумалъ Святославъ вернути въ отчину свою. Зѣйшовшись еще лично съ царемъ греческимъ на березѣ Дуная, Святославъ заключилъ съ нимъ постоянный миръ и дружбу, послѣ чего оставилъ съ дружиною Переяславецъ и съ добычею и сокровищами верталъ въ свояси. Дунаемъ поплылъ онъ на Черное море, а тымъ до устья рѣки Днѣпра. Тутъ совѣтовалъ Святославу воевода Свѣнелдъ, щобы дальній путь продолжати по суши, берегами Днѣпра, а не водою черезъ опасныя пороги Днѣпровыи, такъ якъ тамъ могутъ напасти Печенѣги. Но Святославъ не послухалъ той рады и пустился водою въ гору. И въ самѣмъ дѣлѣ наткнулся на Печенѣговъ, которыи узнавши, що Святославъ вертае съ великими богатствами а малою дружиною, засѣлись тутъ на него. Началась неровная борьба: Печенѣговъ тьма, а Русскихъ, збѣдованныхъ далекимъ походомъ, малая горстка, тожъ и не диво, що Печенѣги разбили русское войско, а самого князя доставши въ руки, отрубили ему голову. Такою печальною смертію кончилъ Святославъ, той славный и знаменитый богатырь Руси. Свѣнелду съ маленькими остатками войскъ удалось якось передертись

ливо черезъ Печенѣговъ и занести
лева сумную вѣсть о томъ, що слу-
ся.

Великій Князь Ярополкъ.

Г. 972—980.

Икъ сказано было выше, подѣлилъ
ославъ землю свою русскую на три
и межи своихъ сынѡвъ: найстаршому
полку ѡтдалъ престолъ княжій въ Ки-
въ доокрестными землями, другому
у землю Деревлянскую, а наймолод-
у Владиміру Новгородскую землю.
умнѡй кончинѣ отца, осѣли сыны въ
ѣленныхъ собѣ областяхъ и были бы
въ согласіи и гараздѣ, еслибы одинъ
ай не былъ ихъ посварилъ межъ со-
и не поднялъ одного противъ друго-
о кровавого бою. Вотъ якъ то случи-

При Ярополку жилъ старый довѣ-
ый воевода, уже намъ знаный Свѣ-
дѣ. Сынъ воеводы того именовъ Лютъ,
стился одного разу на ловы далеко
Деревлянскіи лѣсы, належащии до кня-
лега и стрѣтился тамъ съ самымъ
Олегомъ. Князь Олегъ розъяренный
, що Лютъ посмѣлъ безъ его дозво-
н въ области его на ловы заходити
ь его на смерть. Старый Свѣдѣ,
чи помстити смерть сына, подмовилъ
я Ярополка на войну противъ Оле-
Ярополкъ, послухалъ злочастной ра-

ды, ударилъ съ войскомъ на старша брата, побилъ его и погналъ за нимъ города Вруча или Овруча, где Олегъ, укаючи черезъ мѣстъ, былъ зопхненъ поромъ войска своего въ воду и тамъ смерть придавленъ людьми и кѣньми.



Князь Ярополкъ.

рополкъ не предвидѣлъ такого печалго исхода и жалѣлъ искренно своего ступка, но за пѣзно! Що сталося, пропало! Онъ вступилъ теперь въ зѣ брата и прилучилъ ихъ своихъ. — Вотъ такий-то быдъ почат братско-княжескихъ кровавыхъ межи

а которые какъ дальше, увидимъ по-
и всю землю соромомъ, подорвали ей
и повагу въ самыхъ початкахъ ей
втія.

Коли довѣдался князь Владиміръ о
то, що сталося съ братомъ его Оле-
гомъ, убоялся и ѡнъ и бѣжалъ изъ Нов-
города за море до Варягъ, а Ярополкъ
ей-же часъ занялъ его землю и по-
ложилъ въ Новгородѣ своихъ посадни-
ковъ, т. е. намѣстникѡвъ, и такимъ спо-
собомъ сталъ одинъ владѣтелемъ всѣхъ
земель. Однакожъ не надармо бѣ-
жалъ Владиміръ въ чужую землю; ѡнъ
хотѣлъ помстити смерть своего брата
Олега, и собравши межи Варягами силь-
ную дружину, вернулъ по двоухъ лѣтахъ
одиную землю и объявилъ вѡйну
Ярополку. Въ походѣ своемъ зайшолъ
Владиміръ въ землю полоцкую, где вла-
дѣлъ отдѣльный князь Рогволодъ, кото-
роу донька Рогнѣда, „Горылавою“ зва-
на, обручена была Ярополкови. Владимі-
ръ подобалася Рогнѣда, и ѡнъ захотѣлъ
женитись съ нею; коли же такъ отецъ
и донька съ презрѣньемъ ему ѡтка-
лись, Владиміръ занялъ Полоцкъ своими
силами, убилъ Рогволода и двоухъ его
сыновъ, а самъ таки оженился съ Рог-
нѣдою и послѣ того съ дружиною дви-
нулся на Кіевъ, противъ Ярополка. Яро-
полкъ заперся съ войскомъ и воеводою
Свендъгомъ въ престольномъ городѣ своемъ

и былъ бы тутъ держался, еслибы погану ему не былъ измѣнилъ власный его воевода Блудъ. Той Блудъ подкупленный Владиміромъ, намовилъ Ярополка, чтобы онъ выйшолъ изъ Кіева, бо будтото Кіевляне змовляются на него. Ярополкъ послухалъ Блуда, выйшолъ изъ Кіева, заперся въ городъ Содня, но и сталъ его Блудъ намовляти, чтобы онъ поддался и помирился съ Владиміромъ. Послухалъ Ярополкъ и теперь Блуда, но на погибель свою. Коли бо онъ только вступилъ въ двери дому Владиміра, напали на него два Варяги и пробили мечами. Такъ остался теперь Владиміръ однимъ княземъ цѣлой русской землѣ.



Князь Владиміръ Великій,

Г. 980—1015.

1. Владиміръ до крещенія своего, т. е. отъ 980—988 г.

Владиміръ воспитанъ былъ въ дитинствѣ бабкою своею, мудрою Ольгою, которая яко благочестивая христіянка вщепляла въ сердце своего внука самыя благородныя чувства и честноты, отвѣтныя духу христіанства. Но не дозрѣлъ еще молодой князь до самостоятельного вѣку, коли дѣстался онъ яко Новгородскій князь подъ руководство дядька своего (брата матери) Добринѣ, дикого язычника, що жилъ цѣлый въ поганствѣ; тожь

не дивно, що благодатныи сѣмена, занесены въ его сердце наукою Ольги, оро затерты были въ молодци; не дивно, що въ дальшихъ дѣйствіяхъ его проявлялся духъ поганскій, яко вліяніе огуна Добринѣ, и що въ душѣ Владимира выродились лихіи страсти жестоко-



Князь Владиміръ Великій.

го кровожадности и сластолюбія. Такъ оро только засѣлъ Владиміръ на престола Кіевскомъ яко единоподержавный князь всей Руси, въ сейчасъ ставлялъ въ много идоловъ розличнымъ поган-

и былъ бы тутъ держался, еслибы поганю ему не былъ измѣнилъ власный его воевода Блудъ. Той Блудъ подкупленный Владиміромъ, намовилъ Ярополка, чтобы онъ выйшолъ изъ Кіева, бо будьто Кіевляне змовляются на него. Ярополкъ послухалъ Блуда, выйшолъ изъ Кіева, заперся въ городѣ Содня, но и сталъ его Блудъ намовляти, чтобы онъ поддался и помирился съ Владиміромъ. Послухалъ Ярополкъ и теперь Блуда, но на погибель свою. Коли бо онъ только вступилъ въ двери дому Владиміра, напали на него два Варяги и пробили мечами. Такъ остался теперь Владиміръ однимъ княземъ цѣлой русской землѣ.

Ж

Князь Владиміръ Великій, Г. 980—1015.

1. Владиміръ до крещенія своего, т. е. отъ 980—988 г.

Владиміръ воспитанъ былъ въ дитинствѣ бабкою своею, мудрою Ольгою, которая яко благочестивая христіянка вщепляла въ сердце своего внука самыя благородныя чувства и честноты, отвѣтныи духу христіанства. Но не дозрѣлъ еще молодой князь до самостоятельного вѣку, коли дѣстался онъ яко Новгородскій князь подъ руководство дядька своего (брата матери) Добринѣ, дикого ямчаника, що жилъ цѣлый въ поганствѣ; тожъ

не дивно, що благодатни сѣмена, за-
 ченны въ его сердце наукою Ольги,
 ро затерты были въ молодци; не див-
 но, що въ дальшихъ дѣйствіяхъ его про-
 являея духъ поганскій, яко вліяніе о-
 дуна Добринѣ, и що въ душѣ Влади-
 мѣ выродились лихіи страсти жестоко-



Князь Владиміръ Великій.

кровожадности и сластолюбія. Такъ
 ро тільки засѣлъ Владиміръ на пре-
 стѣ Кіевскомъ яко єдинодержавный
 князь всей Руси, въ сейчасъ ставлялъ
 много идолѣвъ розличнымъ поган-

скимъ божищамъ и велѣлъ съорудовати тутъ деревяннаго Перуна съ серебрянною головою и золотыми усами, также божка Дажьбога, Стрибога и другихъ, то зъ каменя, то зъ дерева. Тымъ то божищамъ приносилъ онъ и поганскій народъ жертвы, даже жертвы изъ людей! А помню того, що Владиміръ женатый былъ съ Рогнедою, донькою князя Полоцкаго, прибралъ онъ собѣ еще и другихъ женъ, а коли убитъ былъ братъ Ярополкъ, оженился таки еще и съ вдовою по Ярополку, котора тогда была беременна и въ коротцѣ родила сына Святополка.

Неспокойный духъ Владиміра не долго усидѣлъ дома, а началъ воевати. Нампередъ погнался съ войскомъ на Польщу и отбилъ отъ ней города Червенскій, т. е. Перемышль, Червень и другіи, которыи заняли были Поляки Русинамъ за Святослава или Ярополка. Потомъ усмирить Владиміръ племена Вятичей и Ладимичей надъ рѣвою Окою, которыи не хотѣли платити дани; оттакъ покорилъ дикое, убогое, но мужественное племя Ятвяговъ надъ рѣками Бугомъ и Нѣномъ, а въ конецъ отправился на Болгаръ, которыи жили надъ берегами Волги и Камы, а которыхъ одна половина давно уже переселилась была надъ Дунай и приняла вѣру Христову. Побивши тыхъ Болгаръ надъ Волгою и Камою,

вернулъ Владиміръ богатый военною славою и добычами, до Кіева.

Въ томъ времени было уже на Руси, а особенно въ Кіевѣ много христіянъ, однакъ доля ихъ была тогда еще незавидна; всѣ церкви христіянскіи были разрушены, а христіянамъ приказано было поклонятись идоламъ; если же где которыи зъ нихъ тому супротивлялись, то ихъ убивано. За тыхъ то часѳвъ были тутъ два первыи мученики за вѣру Христову, именемъ Θεодоръ и Іоаннъ, которыхъ память церковь наша обходитъ дня 12 Юлія що-рочно. Смерть ихъ мученическа послѣдовала такимъ способомъ: Коли Владиміръ вернулъ побѣдоносно зъ выправы на Ятвягѳвъ, велѣлъ ѳнъ принести божищамъ жертвы изъ людей въ знакъ благодарности. Жребій (досъ) выпалъ на одного хорошего молодця, сына одного Варяга, который принялъ христіянскую вѣру. Коли войны Владиміра прійшли до отца, требовати сына на жертву идоламъ, заперся тойже съ сыномъ своимъ въ хатѣ и сказалъ воинамъ: „Ваши боги — то не Богъ, а дерево, що днесъ стоитъ, а завтра согне; не дамъ сына мого, а если ваши боги суть правдивыи, то нехай выплютъ которого зъ-межи себе, щобы той самъ взялъ собѣ жертву“. Розлюченныи язычники кинулись на дѳмъ Варяга христіянина, розвалили его, а пѳдъ заваленными стѣнами погибли отецъ и



Первыи христіянскіи мученики въ Кіевѣ Феодоръ
и Іоаннъ.

сынъ. Отецъ назывался Θεодоръ, сынъ Іоаннъ, и они оба въ лику Святыхъ предстоятъ у Господа Бога за рѣдную землю русскую.

Се и были два первые и послѣдніи мученики за вѣру Христову въ земли русской, воли жеи тѣмъ въ другихъ краяхъ, а особливо въ державѣ римской за часѡвъ гоненія христіанъ, многіи тысячи вѣрныхъ гибли мученическою смертію за имя Христа.

2. Крещеніе Владиміра въ г. 988.

Вернувши изъ походѡвъ военныхъ до Кіева, князь Владиміръ въ своемъ добромъ сердцѣ почувствовалъ отвращеніе до сиверныхъ звычаевъ поганства, въ якомъ народъ его жилъ. Онъ вспомнулъ науки бабки своей, мудрой Ольги и набралъ переконанья, що вѣра поганская съ своими дикими обрядами и жертвами есть ложна: отже онъ постановилъ спасти ѡтъ ней и себе и своѣй народъ. А въ ту-же пору приходили до Владиміра посольства ѡтъ Болгаръ зѣ-надъ Волги, которыи исповѣдали магометанскую вѣру; приходили послы ѡтъ римскихъ католикѡвъ и ѡтъ жидѡвъ, и всѣ они предлагали ему свою вѣру. Владиміръ всѣхъ слухалъ съ увагою, но ихъ промовы не припали ему до сердца. Наконецъ выслали и Греки одного своего философа,

(мудреца) до Владиміра, а той доказавши напередъ неприличностьъ вѣры магометанской и опровергнувши ученія жидовъ и Римлянъ, розказалъ просторно со-держаніе старого и нового Завѣта и свя-тую науку Спасителя Іисуса Христа, а толкуючи основно о безсмертіи души, о страшномъ судѣ, о небѣ и о пеклѣ въ-ко-нецъ открылъ передъ княземъ картину живо чертающую образъ страшного суда. Той образъ представлялъ праведныхъ по правой сторонѣ, идущихъ въ рай, а грѣшникѣвъ по лѣвой, влеченыхъ до пе-кла. Владиміръ, пораженный картиною и тронутый до глубины сердца, востхнулъ и сказалъ тѣи слова: „Добре тымъ по пра-вой сторонѣ, а горе тымъ по лѣвой!“ На тѣи слова замѣтилъ греческій мудрецъ: „Если и ты хочешь быти съ праведны-ми по правой сторонѣ, то окрестися.“ Однакожъ Владиміръ не хотѣлъ въ такъ важномъ дѣлѣ поступати на свою руку; для того отпустилъ онъ мудреца съ ве-ликою четію и богатыми дарами, а самъ собралъ раду своихъ бояръ и розказалъ имъ, якіи были у него посольства и що каждое изъ нихъ ему предклагодало. Бояре выслушавши все, рѣшили, щобы vybrати наймудрѣйшихъ людей изъ Руси и тыхъ послати по всѣмъ краямъ, дабы они по-всюду самы наочно пересвѣдчились, ко-торая вѣра наилучша. Подобалась тая рада князеви, и онъ въ сей-часъ избралъ

десятьохъ самыхъ умнѣйшихъ изъ бояръ и выслалъ ихъ въ путь. Послы отправились по всѣмъ краямъ и зайшли наконецъ до Цареграда въ Греціи. Императоръ греческій принялъ ихъ радостно и съ великими почестьями и завелъ ихъ до церкви св. Софіи. Тутъ то представился посламъ обрядъ греческій въ цѣлой своей славѣ и красотѣ. Богослуженіе, пѣвіе церковное, кадила, свѣтла сдѣлали на нихъ такое впечатлѣніе, що они не могли дати собѣ отчета зъ того, що видѣли и що слышали. Умъ ихъ былъ пораженъ, находился въ восторзѣ, а сердце якими-то неизъясненными чувствами умиленія рвалось до того Бога, которого будто видимо живого найшли въ храмѣ томъ. Вернувши до Кіева сказали послы до Владиміра: „Тамъ (въ Греціи) пребываетъ Богъ съ людьми, и служба ихъ лучша всѣхъ другихъ; не можемъ позабыти той красоты и того великолѣнія; а такъ якъ каждый человекъ, коли вкусить солодкого отвертаеся отъ горького, такъ и мы не хотимъ дальше оставати въ нашей поганской вѣрѣ.“ Затѣмъ и постановили князь и бояре принять вѣру Христову по греческому обряду.

Не радъ былъ однакъ Владиміръ принимати крещеніе яко подвластный, только яко побѣдитель и для того онъ пустился съ войскомъ завоевати на полуостровѣ Крымскѣмъ належащій до Гре-

кѡвъ богатый, торговольный городъ Корсунь. Пѡдступивши пѡдъ той городъ, осадилъ его Владиміръ войскомъ и хотѣлъ его вяти приступомъ; но справа не была такъ легка. Корсуныяне заперлися въ городъ, боронилися крѣпко и не хотѣли безъ бою пѡддаться. Но одинъ Корсунявинъ, именовъ Анастасъ, кинулъ азъ города межѣ войска Владиміра стрѣлу, на которой было написано: „Зъ востока за вами суть колодези, изъ которыхъ иде вода трубами (рурами) до города; перетнѣтъ трубы, а городъ вашъ.“ Князь приказалъ перетяти трубы и Корсунь по недостатку воды пѡддался. Изъ Корсуны выслалъ Владиміръ послѡвъ до греческихъ царей, братѣй Василя и Константина, съ тымъ заявленіемъ, щобы ѡтдали ему сестру свою Анну за жену, а ѡнъ за тѣмъ и окрестится. Царскіи братья согласились на предложеніе Владиміра и выслали до Корсуны сестру свою со священниками и дружиною. Дивнымъ совѣтомъ Божиимъ заболѣлъ Владиміръ въ ту самую пору на очи такъ тяжко, що мало-що не ослѣвъ, и тогда велѣла ему сказати царица Анна, щобы сейчасъ окрестился, а буде здоровъ. И — о диво! Владиміръ приступилъ до крещенія, а якъ тѡлько Архіерей положилъ свою руку на голову его, ѡнъ чудомъ Божиимъ прозрѣлъ и въ великой радости воскликнулъ: „Теперь увидѣлъ я истинного Бо-



Отправленіе изъ Переграда въ Корсунъ царевны Анны

га! По крещеніи, въ которомъ Владиміръ одержалъ имя Василія повѣнчался онъ съ царевною Анною, и взявши съ собою Корсунця Анастаса и священникѣвъ греческаго обряда, также мощи святыхъ Климентія и Ѡива и много сосудѣвъ и иконъ церковныхъ, отдалъ городъ Корсунъ Грекамъ, а оттакъ отправился назадъ въ Кіевъ.

3. Крещеніе всеи Руси въ г. 988.

Дѣло просвѣщенія народа русскаго было въ послѣдствіяхъ своихъ такъ важнымъ, такъ славнымъ и достопамятнымъ событіемъ, що заслуге оно, щобы о немъ тутъ въ отдѣльномъ уступѣ упомянути.

Князь Владиміръ, вернувши въ Кіевъ христіяниномъ, постановилъ въ сейчасъ и народъ свой вывести изъ тмы поганства и просвѣтити его вѣрою во Христа Спасителя. Замышленное дѣло началъ Владиміръ отъ того, що велѣлъ торжественно окрестити своихъ дванадцать сынѣвъ въ жерелѣ, которое отъ того „Крещатикомъ“ названо, и началъ искореняти поганство, розоряючи поганскіи идолы-лжебоги то сожженіемъ въ огни, то потопленьемъ въ водѣ.

Межи тѣмъ митрополитъ Михаилъ, привезенный Владиміромъ изъ Греціи, ходилъ со священниками межъ народомъ и поучалъ его въ истинахъ вѣры Христовой. Одною же дня выдалъ князь

владиміръ приказъ, щобы всѣ люди,
вельможи и рабы, мужчины, невѣсти и



Крещеніе Кіевлян .

дѣти, явились въ опредѣленномъ дни на
Днѣпрѣ до св. крещенія. Народъ повинно-
вался безъ сопротивленія и вступалъ на

данный знакъ въ великомъ мужествѣ въ присутствіи князя въ рѣку Днѣпръ, а священники, читаючи молитвы на берегахъ, совершали надъ нимъ Тайну св. крещенія. Князь Владиміръ стоялъ на берегахъ а коли обрядъ св. крещенія кончился тогда вознесъ онъ руки на небо и въ горячей молитвѣ просилъ благословенія Божого для новопросвѣщенного народа своего и утвержденія его въ св. вѣрѣ. Въ той хвѣли, якъ примѣчае нашъ русскій летописецъ, Преподобный Несторъ, ликовали земля и небо надъ такимъ множествомъ спасенныхъ душъ. Заразъ по крещеніи велѣлъ Владиміръ въ Кіевѣ, на мѣстцахъ, где передше стояли идолы божищъ поганскихъ, строити великолѣпныи храмы Божіи, межъ иными церковь св. Василия на холмѣ, где стоялъ Перунъ, а также церковь Преч. Дѣвы Маріи, такъ звану „Десятинную“, нареченную такъ отъ того, що князь назначилъ на удержанье ей десятую часть изъ всѣхъ своихъ доходовъ. Разомъ съ крещеніемъ вводилъ Владиміръ у себе и богослуженіе греческое на языкѣ славянскомъ, вводилъ и такіи же богослужебныи книги, якіи тогда уже находились у христіанскихъ Болгаръ, изъ греческого на славянскій языкъ св. Кириломъ и Меѳодіемъ переведены, а якіи до нынѣ во всѣхъ русскихъ церквахъ нашихъ для богослуженія употребляются.

Изъ Кіева распространялась св. вѣра Христова дуже скоро по всеѣмъ землямъ русскимъ, а самъ князь ревно заходилъся волю дѣла того и крестилъ народъ во всеѣхъ подвластныхъ земляхъ, ставлялъ церкви и назначалъ священникѡвъ, а для скрѣпленія новой вѣры христіанской основалъ въ Кіевѣ митрополію, въ Новгородѣ архіепископство и епископства въ многихъ другихъ городахъ. И такъ скоро и смирно довершилъ Владиміръ тоє славноє и чрезмѣрно великое дѣло крещенія Руси, за которое, яко ровное Апостольскимъ подвигамъ, церковь русская назвала его „равноапостольнымъ“ и причислила его къ почету Святыхъ. Цѣлая же Русь вдячными сердцами дѣтей своихъ не перестане отъ рода въ родъ величати тоє свое „красное солнышко“, своего великого князя Владиміра.

4. Владиміра послѣ крещенія своего отъ г. 988—1015.

Вѣра христіанская теплою свѣтла своего перетворила якъ наилучше цѣлую Русь въ загалѣ, а князя Владиміра въ особенности. Съ днемъ крещенія своего удалилъ Владиміръ всеѣ жены, якихъ яко поганинѣ держалъ бѡльше, а жилъ бнѣ теперъ благочестиво съ женою Анною. Духъ его передъ тѣмъ дикій, мстивый, смирился, стался лагоднымъ, добродѣйнымъ и милостивымъ. Живучи въ стодѣ съ сосѣдними народами, польскимъ,

чешскимъ и угорскимъ, звернулъ Владиміръ все свое вниманіе на свою державу, на внутреннее устройство, и докладаль всѣхъ усилій, щобы утвердити добробытъ межи своимъ народомъ; однимъ словомъ ѡнъ понялъ свою задачу яко князь, которого власти отданы народы, еще полудикіи, щобы тіи ихъ дикости привести до новои, свѣтлои жизни. Якъ ни трудная то задача была, но мимо того исполнилъ ю Владиміръ превосходно, чѣмъ и даль ѡнъ доказъ, якимъ былъ на-скрѣзь добрымъ человѣкомъ. Зналъ Владиміръ, що сама св. вѣра Христова безъ глубшого знанія еи, не много бы причинилась до ублагодненья дикихъ норовѣвъ народа, но що треба доконче безпрестанной науки, треба просвѣщенія. Тому-то для укрѣпленія вѣры христіанской постановилъ ѡнъ роспространити у себе и книжное просвѣщеніе, и въ той цѣли заводилъ ѡнъ такъ въ Кіевѣ, якъ и въ другихъ городахъ Руси по-при церквахъ такожь и школы для обученія дѣтей. Для охороны державы князь Владиміръ основаль численныи городаы и ихъ населялъ народомъ, а за все время ѡтъ крещенія своего поднялъ ѡнъ, и то лишъ принужденный, два военныи походы; одинъ на Хорватѣвъ надъ Днѣстромъ, которыи взбунтовались были и ѡттакъ нужно ихъ было оружіемъ усмирити, а другій походъ на Печенѣгѣвъ, которыи еще за отца Владиміроваго наца-

дали на Русь, а которые и теперь, вдер-
шись въ земли русскіи, начали ихъ не-
покоити. Владиміръ прогналъ дикіи ор-
ды Печенѣговъ разъ и другій, а щобы на
будуще охоронитися ѳтъ ихъ нападѳвъ,
построилъ надъ рѣками Десною, Сулою,
Трубежомъ сильныи крѣпости и осадилъ
ихъ войскомъ. Межи тыми крѣпостьями
найзначнѣйшіи были Васильковъ и Бѣл-
городъ надъ Днѣпромъ, и Переяславъ
надъ Трубежомъ. /

Тѳлько было всѣхъ подвиговъ военныхъ
за цѣлый часъ ѳтъ крещенія Владиміра
до его кончины. А уже-жь за все прочее
время занимался Владиміръ внутренними
дѣлами державы своей, устройствомъ ей
и поднесенемъ нравственнымъ своего
народа. И добре то было тогда на той
Руси нашей: народъ былъ богатый, жилъ
свободно и спокойно, занимающись то зе-
мледѣлемъ, то торговлею. Тожъ не див-
но, що скоро поднеслася Русь высоко въ
очахъ другихъ народѳвъ и засіяла своею
славою и честію въ далекихъ сторонахъ
свѣта. Самъ же Владиміръ, яко князь ве-
ликои державы, гостепріемный, щедрый
и милосердный, дѣлился достояніемъ сво-
имъ съ цѣлымъ народомъ, устраивалъ у
себе гостины, на которыи запрашалъ бо-
яръ, воинѳвъ и множество другихъ лю-
дей, а о бѣдныхъ то уже тамъ всегда па-
мяталъ и выдалъ имъ изъ своего двора не
тѳлько стравы и всякое питье, но и гро-

ши и все, що имъ было нужно. Тоже о пѣковался ѓнъ хорыми и немощными и велѣлъ розвозити на возахъ хлѣбъ мясо рыбу, овощи, бочки съ медомъ для тыхъ немощныхъ, и самъ выглядоваль убогихъ и больныхъ, щобы тѣлько долю имъ улегчити. Такое то золотое сердце было у князя Владиміра. А дѣти Руси, испытуючи стѣлько блага ѓтъ батька своего, милосердного князя, горнулися съ искреннѣю любовію до него и во вдячности прославляли его пѣснями, называючи его „краснымъ солнечкомъ, ласкавымъ княземъ Владиміромъ.“ Середъ такой общой любви народа своего проживаль Владиміръ свои лѣта и досить глубокой старости. Чувствуючи же себе уже слабымъ до правленія державы, ѓнъ роздѣлилъ юмежи 11 своихъ сынѣвъ, оставляючи собѣ одинъ Кіевъ. Тогда то постановилъ ѓнъ щобы по его смерти найстаршій въ родѣ Рюрика княжилъ въ Кіевѣ, а молодшіи щобы уважали того найстаршого яко голову родины и ему подчинялися. Той найстаршій малъ ѓтъ того часу называтися Великимъ княземъ. Справедливо и истинно по отцевски распорядилъ Владиміръ наслѣдствіемъ своимъ и сподѣвался, що дѣти и внуки будутъ волю его свято сохранять, а ино не предвидѣлъ, що недолго по его смерти, вслѣдствіе такового роздѣла его державы, произойде горе и великое смущеніе на Русь цѣлую.

Передъ самою смертію своею дожидая еще Владиміръ горести. Печенѣги ворвались зновъ въ границѣ Руси, и Владиміръ, не могучи уже самъ отправлятися противъ вороговъ, выслалъ на нихъ своего сына Бориса. А що горше и сумнѣйше, абунтовался противъ него сынъ его Ярославъ, що досталъ отъ отца Новгородъ, и противъ того Ярослава выбирался Владиміръ, щобы укротити гордого и заслѣвленного сына, но здаеся изъ горести попалъ въ тяжкій недугъ, и черезъ вѣлька дней умеръ въ селѣ Берестовѣ коло Кіева дня 15, Юлія 1015. г.

**Великій Князь Святополкъ, названъ
„Окаяннымъ“.**

Г. 1015—1019.

Въ пору смерти Владиміра, жило изъ сыновъ его осемъ и управляли они слѣдующими удѣльными княжествами: 1) Ярославъ въ Новгородѣ, 2) Борисъ въ Ростовѣ, 3) Глѣбъ въ Муромѣ, 4) Вячеславъ въ области Деревянской, 5) Всеволодъ въ Володимірѣ на Волюню, 6) Мстиславъ въ Тмураканю, 7) Святополкъ (сынъ Ярополка, брата Владиміра, а принятый Владиміромъ за сына) въ Туровѣ 8) Брючеславъ (внукъ Владиміра, по сынъ его изъ Рогнѣды Изяславовой) въ Полоцку. Найстаршій межи князями былъ Святополкъ,



усыновленный Владиміромъ, и ему то по старшинству належался престолъ велико-княжескій. Но такъ Владиміръ, якъ и Кіевляне любили дуже Бориса и ради



Великій Князь Святополкъ, названъ „Окаяннымъ“.

были видѣти его у себе на престолѣ. Однакожь при смерти Владиміра не было въ Кіевѣ жадного зъ сыновъ его, тѣлько былъ Святополкъ, а Борисъ былъ на военной высправѣ противъ Печенѣговъ. Бояре укрывали вправдѣ передъ народомъ смерть

Князя своего черезъ три дни, думаячи, що на тотъ-часъ поверне Борисъ; однакъ годъ было долго выжидати, такъ якъ Борисъ не верталъ, а тѣло покойника треба было похоронити. Коли-жь тѣлько зложено тѣлнныи мощи Владиміра въ мраморовой домовинѣ въ Десятинной церкви, сейчасъ выступилъ Святополкъ съ своими правами на владѣніе, а приласкавши собѣ еще бояръ богатыми подарками, засѣлъ въ Кіевѣ на велико-княжескомъ престолѣ. Но всегда таки боялся онъ соперникѣвъ и не былъ певный купленой вѣрности Кіевлянъ; для того то онъ постановилъ насильственнымъ способомъ утвердиться на престолѣ. Власне тогда Борисъ, разбивши Печенѣговъ, верталъ въ свояси, а не знаячи ничего о смерти отца своего ночевалъ спокѣйно въ таборѣ надъ рѣкою Альтою. Святополкъ выслалъ тогда до него однихъ послѣвъ съ привѣтствіемъ и любезностями, а другихъ съ тѣмъ, що-бы его житя позбавити. Ти послѣдніи напали ночью на палатку Бориса и умертвили его жестоко, а убитое тѣло его привезали до Вышгорода, где ихъ выжидаль Святополкъ. Сей-часъ послѣ того убійства запросилъ Святополкъ еще и другого брата, Глѣба, князя Муромского до Кіева подъ предлогомъ, що будто недужный отецъ, Князь Владиміръ, бажае еще зъ нимъ видѣтись. Неподозрѣваючи дести, Глѣбъ выбрался въ дорогу, а коли плыль



Князя св. Борась и Гдѣль

Днѣпромъ, коло Смоленска дознался о смерти отца и о убійствѣ брата Бориса, но власне тогды, коли онъ сидячи на лод-

цѣ, оплаковалъ смерть отца и брата, напали на него нанятый Святополкомъ убійцѣ и умертвили его. Тѣла обоихъ убитыхъ князей зложено пѣзднѣйше въ церкви въ Вышгородѣ, а коли они засіяли чудесами, причислены были оба въ почетъ святыхъ и память ихъ совершае Церковь наша дня 24. Ялія що року.

Тава сама судьба постигла и третьёго брата, Святослава, Князя Деревлянско-го, по той дознавшись о убійствѣ братьей хотѣлъ спасти жизнь свою бѣгствомъ и пустился на Угры. Однакъ въ горахъ Карпатахъ дѣгнали его посѣпаки Святополковы и тамъ же его убили. До днесь еще показываютъ коло села Синевѣдска пѣдъ Карпатами мѣстце, где малъ быти убитый Святославъ и называютъ тое мѣстце „долина Святослава“. Позбывшись такъ третьёго брата думалъ може Святополкъ вести дальше тое братоубійственное дѣло; однакъ довольно уже пролялось уже невинной крови, и теперъ рука Божого отмщенія достигла уже самого окаянного братоубійцю. Но якъ то стало? Переслава, сестра князей, высла-ла была до Ярослава въ Новгородѣ вѣсть о смерти отца и о убійствѣ братьей. Ярославъ закипѣлъ местію, собралъ войско, выправился на Святополка, а побѣдивши его надъ Днѣпромъ, прогналъ его зъ Кіева и самъ занялъ его престольный городъ. Но Святополкъ имѣлъ сильного о-

пѣкуна, якимъ былъ тесть его, король польскій Болеславъ Хоробрый; побить теперь, онъ утѣкъ до тестя того и просилъ у него помочи противъ брата. Болеславъ вступился за зятя своего, выбрался на Русь и надъ Рѣкою Бугомъ встретился съ Ярославомъ и войсками его. Если прійшло до битвы, Ярославъ не выдержалъ напору польскихъ войскъ и былъ принужденъ вернути до своего Новгорода, а Болеславъ тымчасомъ вступилъ съ Святополкомъ въ Кіевъ и розложилъ тутъ со своимъ воинствомъ. Видно добулося Болеславу и войску его въ битвѣ у Кіевѣ, бо якось они розгазовали тутъ, якъ-бы и не думали вертати до своєю Польщу. Однакъ самымъ же Кіевлянамъ обидно стало ихъ газдованье, а коли Святополкъ долго не мѣгъ дождати того, щобы ему тесть ѳтдалъ велико-княжій престолъ, тожь за пѣдмогою само Святополка зачали Кіевляни тайкомъ бивати Полякѣвъ. Тогда Болеславъ, бо чись бѣдшой бѣды, созвалъ своихъ воиновъ и заграбивши многіи сокровища дорогоцѣнности зъ Кієва, съ великою добычею верталъ въ Польщу, а по дороге загорнулъ еще города Червенскіи, являючы Червень и Перемышль, и прилучилъ тамъ на якійсь часъ до Польщи. Примѣтитъ тутъ слѣдуе, що тѣи такъ званы Червенскіи города, хотя зъ-поконвѣва русскіи но яко лежащіи у найблизшихъ границахъ

Польщи, были въ часѣ княжескихъ ме-
жнусобиць по кѣлькѣ разы Поляками за-
няты; однакъ оставали они при Польщи
не долго, бо наши князѣ за каждымъ ра-
зомъ ѡтбирали ихъ назадъ и яко соб-
ственность Руси, соединяли ихъ съ на-
шею Русію.

Якъ лишь Болеславъ опустилъ рус-
скія землѣ, поднялся знову Ярославъ съ
войскомъ изъ Новгорода воювати брата,
окаянного Святополка. Святополкъ спро-
вадилъ собѣ на помочь Печенѣговъ и съ
ними хотѣлъ опертись Ярославу. Надъ
рѣвою Альтою (где то убитый былъ Бо-
рисъ) прійшло до борьбы завзятой; по-
бѣда цѣлый день колебалась межъ обома
сторонами, ажъ надъ вечеромъ правда
взяла верхъ. Святополкъ, розбитый и
прогнанный, съ соромомъ принужденъ
былъ утѣкати, и въ часѣ того бѣгства
погибъ гдесъ безъ вѣсти марно. Князя
сего назвалъ народъ за мерзкій его дѣла
„Окаяннымъ.“

Прогнавши сего братоубѣйцу изъ
Руси, Ярославъ занялъ Кіевъ съ су-
сѣдными землями, сполучилъ ихъ съ сво-
ими Новгородскими и сталъ управлять
Русію яко Великій Князь.

2

Великій Князь Ярославъ Мудрый.

Г. 1019—1054.

Засѣвши на велико-княжескомъ престолѣ, Ярославъ долго еще не имѣлъ покою были бо на Руси еще два удѣльные князѣ: одинъ братанецъ Брячеславъ Полоцкій, другій же братъ Ярослава, Мстиславъ Тмутороканскій, съ которыми то приходилось ему еще оружіемъ росправитись. Первый изъ нихъ, Брячеславъ, напалъ на Новгородъ, плѣнилъ много жителей тамошнихъ и уходилъ съ ними въ Полоцкъ; но Ярославъ догналъ его, освободилъ плѣнниковъ, а для святаго покою отступилъ еще Брячеславу вѣлька своихъ городѣвъ. Не такъ легко прійшло Ярославу росправитись съ братомъ Мстиславомъ. Тотъ Мстиславъ, названный для своей хоробрости и щедрости Удалымъ, славный уже побѣдами надъ дикими ордами Черкесѣвъ или Касогѣвъ, пѣднялся на брата Ярослава съ великимъ войскомъ. Оба братья стрѣтились съ своими войсками на березѣ рѣки Руды, и по завзятой борьбѣ преодолѣлъ Мстиславъ, а Ярославъ побѣжденный бѣжалъ въ Новгородъ. Но великодушный Мстиславъ не хотѣлъ дальше воевати съ братомъ, а послалъ сказати ему: „Ты старшій братъ, будь же ты княземъ въ Кіевѣ, а я буду княжити въ Черниговѣ.“ Братья помирились такъ, що всѣ землѣ

по правой сторонѣ Днѣпра мали належати до Ярослава, яко до Великого Князя, а землѣ по лѣвой сторонѣ до Мстислава, — и ѓтъ того часу жили братья уже въ наилучшомъ согласіи.



Великій Князь Ярославъ Мудрый.

Славно и всегда побѣдоносно воевалъ потомъ Ярославъ съ сусѣдными врагами русской державы. И такъ въ г. 1030. ѓнъ усмирилъ землю Ливонскую и основалъ тамъ городъ Юрьевъ; въ слѣдующемъ годѣ отправился разомъ съ бра-

томъ Мстиславомъ на Польшу, где
былъ королемъ Мечиславъ II. и отобразъ
отъ того города Червенскій. Потомъ Я-
рославъ выправлялся еще на Печенѣговъ,
на Ятвяговъ, на Литву, на Мазовшанъ.



Мстиславъ.

на Грецію и всюду относилъ блестящія
побѣды и окрыль славою русское оружіе.

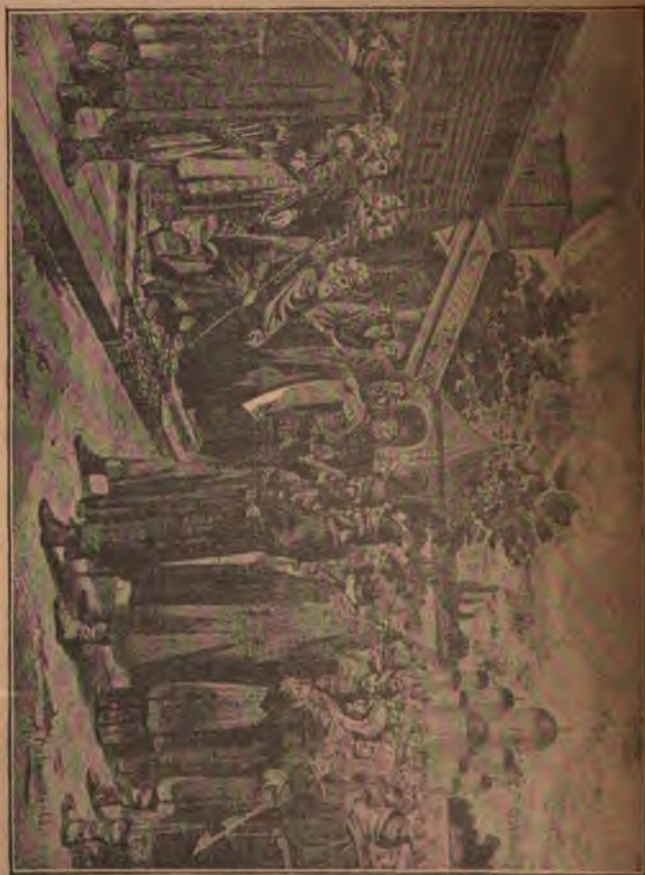
Въ г. 1036. умеръ Мстиславъ, не
оставивши ніякихъ дѣтей. По немъ остал-
ся до нынѣшнихъ часовъ одинъ славный
памятникъ, т. е. церковь Преображенія
Господня въ Черниговѣ. Вся земля по

окойномъ братѣ прилучилъ Ярославъ до
вого княжества, вслѣдствіе чого еще
азъ теперъ всѣ земли русскіи становили
дну великую державу, а Ярославъ былъ
княземъ цѣлои Руси.

Отъ теперъ посвятилъ Ярославъ всѣ
свои труды на благо своего народа и на
внутреннее устройство русской державы.

заходясь онъ около того дѣла такъ
сердно и умно, що заслужилъ собѣ славу
лучшаго князя и приобрѣлъ у народа
звание „Мудрый“. Самъ онъ любилъ
чтѣть все науки, читалъ всегда ученые
книжки, велѣлъ переводити ученымъ лю-
демъ духовныи книжки зъ греческого на
славянскій языкъ и сохранялъ ти книжки
въ церкви св. Софїи въ Кіевѣ. Онъ заво-
дилъ школы по всѣхъ бѣльшихъ городахъ,
ежи иными такожъ въ Новгородѣ, где
отды училося 300 боярскихъ и священ-
ническихъ дѣтей. Сверхъ того занимался
Ярославъ ревно роспространеніемъ хри-
стіанства, созидалъ богатии церкви, межи
другими величавую церковь св. Софїи въ
Кіевѣ, установлялъ епископства и поста-
влялъ Митрополитомъ на всю Русь въ Кі-
евѣ первого Русина, Иларїона, дуже бла-
гочестивого и образованного мужа. Яросла-
ва то вѣбопомнымъ дѣломъ было собраніе
отдашнихъ законѣвъ, которые зовутся
Русскою Правдою“. Въ тыхъ то
законѣвахъ запрещено дѣлати кривды и

шкоды всѣмъ людямъ Руси, и установ-
лено кары за всякіи преступленія.



Чтеніе народу „Русской Правды“.

Затѣмъ то и прославилась Русь за
князя своего Ярослава „Мудрого по цѣломъ“.

свѣтъ таѣ, що тогдашніи цари и король посторонныхъ державъ глядали пріязни и входили въ связи зъ нашимъ княземъ. И таѣ на пр. сестру его Марію (Доброгнѣву) посваталъ король польскій Казиміръ; съ одною донькою его Елисаветою оженился король Норвегжскій Гаральдъ, съ другою, Анною французскій король Генрикъ I., а съ третьёю Анастасією король угорскій Андрей I. Изъ сынѡвъ же его одинъ Владиміръ былъ женатый съ польскою королевною, а другій Всеволодъ съ донькою греческого Царя Константина Мономаха.

Еще за житія подѣлилъ Ярославъ землѣ свои межн сынѡвъ своихъ: найстаршому Изяславу ѡтдалъ княжество Кіевское и Новгородское, и поставилъ его Великимъ Княземъ, головою цѣлой родины; другому Святославу далъ княжество Черниговское, третьёму Всеволоду княжество Переяславское, четвертому Вячеславу княжество Смоленское, а пятому Игорю Владимірское княжество. Шестый сынъ, Владиміръ, умеръ еще на два роки передъ отцемъ, оставивши по собѣ сына Ростислава. Чувствуючи себе близкимъ смерти, Ярославъ призывалъ сынѡвъ своихъ до себе и свазалъ до нихъ еще тіи слова: „Жійте, дѣти, съ собою въ любви и мирѣ, а Богъ буде съ вами и поборете ворогѡвъ вашихъ; если же будете межъ собою спорити, то и самы загинете и погубите землю отцѣвъ

и дѣдовъ вашихъ“. Устроивши такъ державу свою, умеръ Ярославъ въ г. 1054. и погребенъ былъ въ Кіевѣ въ церкви Софійской въ мраморовой гробницѣ, которая до днесь тамъ сохраняется.

Русь по смерти Великого Князя Ярослава Мудрого.

Со смертію Ярослава Мудрого кончится единство и величіе русской державы, успѣвшій ледви-що скрѣпитись и вознестися по́дъ правленіемъ того мудрого князя. Заблысло ясное и теплое солнце надъ землями Руси, и здавалось, що согрѣе оно нарѣдъ сильный, могущій и счастливый; однакъ скоро — ахъ, скоро померкло оно, роздались тучи, зальяли ѳтъ востока до запада, ѳтъ сѣвера до юга русскую державу и нанесли ей много смутку, бѣдствія и горя, въ которыхъ Русь наша немало страдала цѣлыи столѣтїя. Правда, бѣдствія тїи дотыкали звычайно не цѣлую Русь, но поединокїи си удѣлы, именно тїи меньшіи удѣльными княжества, въ которыхъ жили спорящїи съ собою князѣ; а кромѣ того и тїи князѣ, выступающїи противъ себе до бою, ставили одинъ противъ другого дружину, т. е. свое войско, которое звычайно не числило бѣльше, якъ кѣлька сотень, а уже наибѣльше кѣлька тысячь мужа.

Отже въ такихъ случаяхъ не бывало тутъ такъ великаго кровопролитія, якіи происходили на властивыхъ народныхъ войнахъ, где враждующи съ собою народы ставили противъ себе по кѣлькадесять тысячъ, ба и по кѣлька сотъ тысячъ войска. Наши удѣльные князѣ, одинъ, якъ другій самъ для себе, такъ численныхъ войскъ николи не удерживали, а боролись межъ собою съ своими нечисленными дружинами; однакожь за тыхъ то ихъ межиусобиць тогда лишъ и была наибѣльшая для Руси бѣда, если где-якіи изъ сихъ князей, увзявшись конечно покнати своего брата-противника, призывали собѣ до помочи сусѣдовъ, якъ то были при насъ гордыи Поляки, дикіи Половцѣ, потомъ Печенѣги и Татары. Тіи являлись у насъ за домашнихъ княжескихъ, часомъ малозначительныхъ борбъ уже въ бѣльшой силѣ, и они уже не щадили чужую собѣ землю, а нищили добытки и житье русскихъ людей безъ помилованья, и тогда домашніи межиусобиць перетворялись въ тяжкіи кровопролитныи войны. — Се и буде явственно изъ дальшихъ показаній нашей исторіи.

Мы же знаемъ уже изъ прежде сказаннаго, що Ярославъ Мудрый, умираючи, взывалъ до своихъ дѣтей изъ смертной постель: „Любѣтся, дѣти, бо иначе загинете и погубите землю отцѣвъ вашихъ!“ Не послушали дѣти слѣвъ отца, и далѣй

спознилось тоє, що вінъ предсказать. Съ хвилею роздѣла Руси межѣ сынѡвъ Ярослава, начинаєся и неотрадная доля ея. Связь, яка должна была лучити братьей взаимно, вскорѣ розстроилась: повага, яку долженъ былъ имѣти Великій Князь надъ другими удѣльными князьями, скоро упала; не стало послуху для старшинъ, не стало и порядку, мира.

Заразъ по смерти отца почали спорити межъ собою сыны, потомъ внуки, и рѣдео кто повиновался Великому Князю. Мало не каждый удѣльный князь роздѣлялъ удѣлы на своихъ сынѡвъ и ѡтбиралъ ихъ у другихъ, въ чого поставляли непорозумѣнья, сварнѣ и братніи кровавыи межиусобицѣ. Коли же который изъ князѣвъ чувствовалъ себе за слабымъ, то, якъ сказано, наводилъ собѣ на помѡчь чужіи дикіи орды, а тіи яко неукрощенная дичь, якъ саранча руйновали и пустошили святую нашу землю. Борьбы завзятыи: то о велико-княжій престолъ, то о поодинокіи удѣлы, пролитіє братской крови, безъустанныи дикіи наѣзды поганской дичи — вотъ намъ печальная картина, яка представляєся очамъ въ исторіи нашей по смерти Ярослава Мудрого. Посередъ такого неустройства стали упадати повага и значеніє великого княжества Кіевского, а тѡлько ажъ побзидѣйше образовались на западѣ и на сѣверѣ окремыи бѡльшіи княжества, якъ

то на сѣверѣ Суздальское, на западѣ Галицкое, которыи, получивши добрыхъ и мудрыхъ князей удѣльныхъ, прославились надъ другіи княжества и своею славою притѣнили а съ часомъ усунули изъ виду величіе Кіева такъ, що вся лучшая жизнь Руси сосредоточалась въ Галичинѣ и Суздальщинѣ.

Мы рады бы молчаніемъ перейти періодъ мрачный и печальный, періодъ княжескихъ спорѣвъ и межиусобиць, якіи настали по смерти Ярослава, а желали бы чѣмъ-скорѣйше зновъ росповѣдати о свѣтлѣйшихъ хвиляхъ нашей историчной жизни; однакъ для самой связи историчного розказа необходимо по крайней мѣрѣ коротко вспомнути о той сумной намъ бывальщинѣ и поднести въ ней нѣкоторыи личности и событія, якіи являлись тогда яко свѣтлыи звѣзды середъ темной ночи.

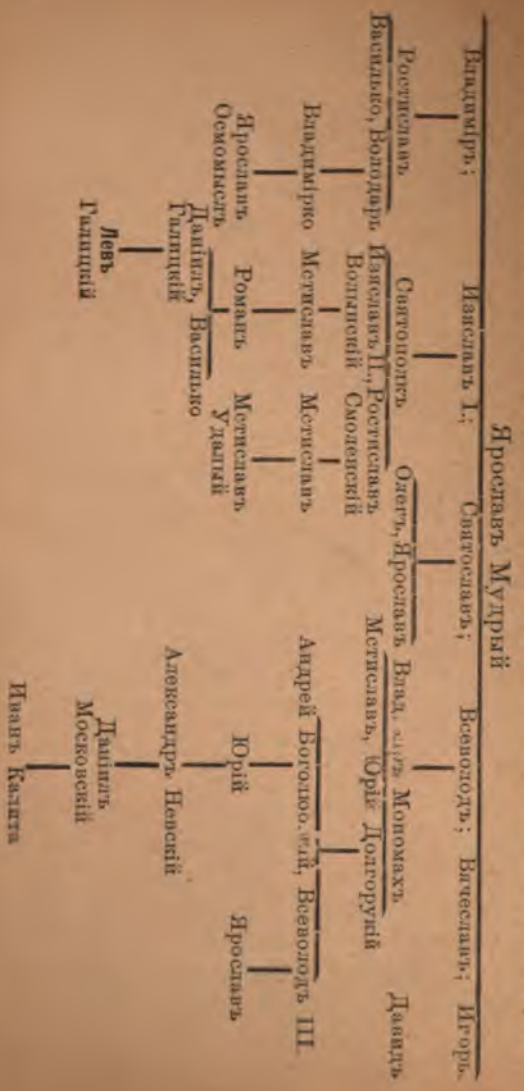
Ж

Потомки Ярослава Мудрого.

Для лучшаго перегляду исторіи нашей въ тыхъ часѣвъ, подаемъ тутъ родословный списокъ сынѣвъ, внукѣвъ и дальшыхъ потомкѣвъ Ярослава Мудрого:

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА ПОТОМСТВЪ ВРОСЛАВА МУДРОГО.

иже они поствѣдовати по себѣ, видѣючи въ различныхъ княжествахъ. Руси:



Въ той то родословной табелѣ записаны суть поименно потомки Великого Князя Ярослава Мудрого, а то въ такомъ порядку, що подъ его же именемъ зъ горы наведены суть прежде всего сыны его, подъ ними слѣдуютъ сыны его сынѡвъ, т. е. внуки, дальше правнуки, пра-правнуки и т. д., ажъ наконецъ та родословная заключаея изъ одной стороны на князю Львѣ Галицкомъ, изъ другой на Иванѣ Калитѣ, Московско-Суздальскѡмъ. О тыхъ потомкахъ Ярослава Мудрого буде тутъ дальше въ исторіи нашей на своемъ мѣстци неразъ соотвѣтна згадка, а щобы знати родоводъ каждого изъ нихъ, належитъ читателю еи завертати неравъ до той родословной таблички, которая тутъ повыше есть напечатана.



Великое Княжество Кіевское.

Г. 1054—1113.

Еще десять лѣтъ по смерти Ярослава Мудрого былъ на Руси миръ. Черезъ той часъ сидѣлъ спокойно на велико-княжескомъ престолѣ найстаршій сынъ Ярослава Изяславъ, а молодшіи князѣ, которыи мали свои роздѣленные межи нихъ княжества и ѡтъ того назывались князьями „удѣльными“, повиновались найстаршому, т. е. Великому-Князю и жили съ собою въ згодѣ. Но по тыхъ 10 лѣтахъ мира и згоды распочались сварнѣ

и борьбы mezi братьми то о велико-княжескій престоль, то о поодинокіи удѣлы, и борьбы тіи заострювались щоразъ бѣльше и нанесли много-премного горя Руси. Початокъ тыхъ братскихъ



Великій Князь Изяславъ.

межиусобиць былъ вотъ такий: Ростиславъ внукъ Ярослава Мудрого по сынъ его Владиміръ, якъсь при роздѣлѣ Руси оставленный безъ удѣла, напалъ на городъ Тмуторокань, выперь збѣттамъ Глѣба, внука Ярослава Мудрого по сынъ его Святославъ и завладѣлъ самъ тымже го-

родомъ. Отецъ Глѣба, Святославъ, вступился за сына и съ войскомъ своимъ прогналъ Ростислава изъ Тмутороканя и посадилъ тамъ назадъ своего сына. Но незадолго потомъ напалъ вновь Ростиславъ на Глѣба и выгнавши его оттуда, завладѣлъ въ Тмуторкани, тай въ окрестности. Такой то былъ початокъ того несчастья, где братъ возставалъ на брата съ оружіемъ, и они жестоко проливали рѣдную кровь. Вскорѣ розъярился той братоубійственный огонь и въ самой срединѣ Руси. Самъ Великій Князь Изяславъ былъ два раза прогнанный изъ Кіевского престола: первый разъ отъ самыхъ же мѣщанъ за то, что не хотѣлъ имъ дати оружія противъ Половцѣвъ, и тогда то еще якосъ вернулъ Изяславъ до Кіева, введенный туда при помочи сродника своего, польского короля Болеслава Смѣлого; однакожь незадолго прогнали его и другій разъ зъ Кіева его братья Святославъ и Всеволодъ, изъ которыхъ первый, т. е. Святославъ, здѣлался Великимъ Княземъ. Въ-коротцѣ умеръ той Святославъ, а тогда засѣлъ Изяславъ по третій разъ на велико-княжескомъ престолѣ. Братья Изяславъ и Всеволодъ помирились съ собою, отобрали сынамъ Святослава отцевскій удѣлъ и раздѣлили тойже межи своихъ дѣтей. Но за то сынъ Святослава Олегъ нанялъ Половцѣвъ и поднялся на дядька своего

Всеволода, разбилъ его въ бою и самъ завладѣлъ Черниговомъ. За Всеволодомъ унялся Великій Князь Изяславъ и разомъ зъ сыномъ Всеволода, Владиміромъ Мономахомъ, выступилъ на Олега. Прійшло до битвы коло Чернигова; Олегъ былъ тутъ побитый и принужденъ утѣкати, но изъ другой стороны палъ въ той битвѣ самъ Великій Князь Изяславъ.

За владѣнія В. Князя Изяслава жили въ Кіевѣ два пустинножителѣ, начальники русскаго монашества, Преподобныи Антоній и Θεодосій, Печерскіи Чудотворцы. Святый Антоній родомъ изъ Любеча коло Кіева, ходилъ до Греціи на Авонскую гору, где былъ славный греческій монастырь, и тамъ онъ постригся въ монахи. Вернувши до отчины, устроилъ собѣ коло Кіева надъ Днѣпромъ пещеру и тутъ провадилъ житье строгаго монашескаго. Незадолго прійшоу до него св. Θεодосій родомъ зъ Василькова, сынъ богатыхъ родителей, и постригся такожь въ монахи. Оба они св. Антоній и Θεодосій, выкопали пространнѣйшіи подземныи пещеры, устроили въ нихъ келіи и притягали до себе много людей изъ цѣлой Руси, которыи такожь хотѣли вести подобную монашескую жизнь. То былъ початокъ русскихъ монаховъ, которыи жили по уставу св. Василія, а которыи послѣ Василіянами назвались. На горѣ коло тыхъ пещеръ создана была вскорѣ вели-

колѣнная церковь, названа Лаврою, а славна еще до тѣхъ поръ на цѣлую Русь подъ именемъ Кіево-печерской Лавры. Гая



Препод. Антоній и Теодосій Печерскіи.

то церковь Лавра была средоточіемъ, розсадникомъ всего просвѣщенія и книжной науки на Руси. Зъ-бтти розносили бла-

гочестивыи монахи вѣру Христову и прѣсвѣщеніе во всѣ предѣли Руси. Въ томъ то Кіевопечерскѣмъ монастырѣ жилъ въ тыхъ часахъ за Великого Князя Святополка нашъ найславнѣйшій русскій лѣтописецъ



Лѣтописецъ Преп. Несторъ.

тописецъ, Преподобный Несторъ, первый началъ писать Исторію Руси, изъ которой то и мы дознаемся, що у насъ дѣялось на земли русской ѳтъ найдавнѣйшихъ часѣвъ ажъ до В. Князя Владимира Мономаха. За того князя умеръ Преподобный Несторъ въ г. 1113. и дѣло

нимъ начатое, т. е. лѣтопись Руси продолжали дальше Кіево-печерскіи монахи.

Но вернемъ мы до нашего розказа о той несчастной добѣ княжескихъ межиусобиць. По великомъ Князю Изяславѣ наступилъ на велико-княжеской пре-



Князь Святополкъ.

столь братъ его Всеволодъ, а по кончинѣ того сынъ Изяслава и внукъ Ярослава Мудрого, Святополкъ. Часы того князя Святополка переполнены самыми межиусобными борьбами; каждый молодой князь где только могъ, старался загорнути чужій удѣлъ и поставлялъ тамъ

своихъ дѣтей; выперты же князѣ зверталися о помѣчь куда лишь могли, а находили ю найчастѣйше у дикихъ Половцѣвъ, которыи, пришедши ътъ Уральскихъ горъ, вмѣсто Печенѣгѣвъ заочевали теперь въ южно-восточныхъ степахъ Руси, и которыи своею дикостію, нелюдскими разбоями и грабежами сталися истиннымъ бичемъ для русскихъ земель. Въ томъ печальномъ часѣ за Святополка потреба было доконче мужа, который бы зъумѣлъ погодити князей межъ собою и такъ всѣ соединенныи ихъ силы обернути на общаго врага, на Половцѣвъ. И въ самомъ дѣлѣ найшолся одинъ мужъ такий межъ князьями Руси, которому такии и удалось, хотя на короткій часъ, хотя въ части, довершити тое великое дѣло. А былъ нимъ именно сынъ Вел. Князя Всеволода, а внукъ Ярослава мудраго, Владиміръ Мономахъ. Сей князь изъ всѣхъ современныхъ князей наймудрѣйшій, а при томъ хоробрый, великодушный, глубоко чувствовалъ тое горе, якое роздалось по земли русскѣй, и сердце его болѣло на видъ братскаго кровопролитія и бѣдствій народа русскаго, такъ ътъ князей якъ и ътъ Половцѣвъ походившихъ. Щобы затѣмъ такому несчастью положить конецъ, уговорилъ ѡнъ всѣхъ князей, щобы злѣхались въ городъ Любечи и установили мѣжъ собою який лучшій ладъ. Князѣ послухали Владиміра

Мономаха и въ г. 1097 собравшись въ Любечи, тутъ они згодилися на тое, щобы каждый изъ нихъ задержалъ отцѣвскій свѣй удѣлъ а одинъ другого щобы не трогалъ но всѣ щобъ соединенными силами боронили русскую землю отъ общо-го врага, Половцѣвъ. Всѣ князѣ согласились на тое, присягли доховати собѣ взаимно миръ, а на знакъ того цѣловали крестъ святой и оттакъ въ наилучшой згодѣ розвѣхались.

Здавалось, що бѣдѣ прійшолъ конецъ, що водворится миръ и що отживе по тыхъ борьбахъ истощенная Русь. Но где-тамъ! Торжественный союзъ, заприсяженный клятвою, таки вскорѣ нарушенъ былъ ужаснымъ способомъ, а то тыми же людьми, которыхъ первымъ обовязкомъ было стерегчи его, т. е. именно Великимъ Княземъ Святополкомъ и Волынскимъ Княземъ Давидомъ. А сталося то такъ: Василько князь Тербовельскій, повертаючи до Любеча вступилъ до Кіева поклонитися Кіевскимъ святынямъ, а вовсе не надѣвучись, въ виду крестного цѣлованія, ніякого зла для себе. Былъ тутъ въ Кіевѣ и Владиміро-Волынскій Князь Давидъ и той оклеветалъ Василька передъ Вел. Княземъ Святополкомъ, а Святополкъ увѣривши клеветѣ нечестной велѣлъ сковати князя Василька въ оковы и выдалъ его Давиду. Слуги Давида, що везли Василька изъ Кіева въ Владиміръ-Волын-

скій, въ дорозѣ выкололи ему по приказу своего князя обѣ очи, а такъ ослѣпленого князя-братанка своего заключилъ Давидъ въ темницѣ. Другіи князѣ, узнавши о томъ мерзкомъ поступку Святополка и Давида поднялись подъ проводомъ Владиміра Мономаха, щобы укарати клятво-преступникѡвъ, и двинулись на Кіевъ на Святополка. Но той хитрый князь звалилъ всю вину на Давида и поклялся самъ идти на него съ оружіемъ. И вотъ зновъ начались кровопролитія; Мономахъ съ князями ступалъ на Давида, а Василько съ братомъ Володаремъ изъ своей стороны мстились на Давидъ и Святополку. Оттакъ розгорѣла межи князями братская борьба, а съ нею зновъ ишло розореніе Руси, истребленіе народа. Скончилось однакъ на томъ, що вскорѣ князѣ постановили за кару отобрати Давиду его княжество Владимірское а оставили ему лишь кѡлька меньшихъ городѡвъ.

Межи тѣмъ не уставали бѣдствія отъ Половцѣвъ; тии вдирались теперь знову въ русскіи землѣ, налили, нищили и опустошали цѣлую окрестность, где лишь станула ихъ стопа. Никого тое такъ не болѣло, якъ благородного князя Мономаха; онъ то сталъ намовляти всѣхъ князей, щобы не дали такъ запропащовати своей отчины, щобы разомъ получились и прогнали дикого врага. И удалось Мономаху зновъ соединити всѣхъ князей и войска

ихъ, и повести ихъ на Половцѣвъ. Въ г. 1111 полученные русскіи войска стерлись съ дикими Половецкими ордами, разбили ихъ совершенно, прогнали за границѣ русскихъ земель и освободили Русь на долгій часъ отъ ихъ напастей. Въ г. 1113 умеръ Святополкъ, той то Великій Князь, который вмѣсто быти отцемъ Руси, отцемъ младшимъ князямъ, былъ ихъ томителемъ, нарушителемъ ихъ згоды. Кромѣ различныхъ бѣдствій, якіи долежали отчинѣ нашей за сего князя, не можна не згадати тутъ еще и о томъ, що за его правленія явились у насъ въ первый разъ зиды.

По смерти Святополка сталъ Великимъ Княземъ въ Кіевѣ, за згодою всѣхъ князей и на общее желаніе народа, умный, достойный и славный своими подвигами князь Владиміръ Мономахъ.



Владиміръ Мономахъ.

Г. 1113—1125.

За владѣнія того князя на Руси, вернули счастливыи и мирныи часы Ярослава Мудрого. А былъ же той князь Владиміръ Мономахъ по истинѣ якобы самъ Ярославъ Мудрый. Внукъ тогожь Ярослава по сыну его Всеволодѣ и нареченъ затѣмъ по старому обычаю Руси по отцу Всеволодовичемъ, бнъ уже зъ самой юности получилъ еще и другое почетное

название а то по своей матери Еленѣ, которая была донькою славного греческого Царя Константина Мономаха. А такъ какъ тое греческое нареченіе „Мономахъ“ означае по нашему „Единоборецъ“, т. е.



Князь Владиміръ Мономахъ.

яко-бы богатырь который самъ одинъ въ силѣ бороться за многихъ, и такъ какъ князь сей Владиміръ Всеволодовичъ отъ самыхъ юныхъ лѣтъ отличался надъ всѣхъ князей великими богатырскими свойствами такого Мономаха, то и цѣлая Русь называла его для бѣльшой почести

всегда своимъ Мономахомъ, яко-бы уважаячи его тымъ единымъ борцемъ-богатыремъ, що силою своего ума зможе постояти за благо всѣхъ, такъ князей, якъ и народа Руси.

И поправдѣ то, якъ лишь сталъ Мономахъ Великимъ Княземъ Руси, внутренніи междоусобицѣ сейчасъ устали; удѣльные князѣ не смѣли зачинати борьбу, всѣ слухали Мономаха яко отца, а если который починалъ сварню, то и сейчасъ усмирялъ его Мономахъ. Но внѣшніи вороги, якъ Половцѣ и Поляки, не нападовали нашихъ земель, а миръ и тишина водворились на Руси и тревали черезъ 12 лѣтъ, т. е. до смерти Мономаха до г. 1125. Одаренъ самыми добрыми свойствами ума и сердца, Великій Князь Владиміръ Мономахъ былъ въ самомъ дѣлѣ отцемъ такъ княжеской родины, якъ и всего народа. Своимъ примѣромъ поучалъ онъ князей, якъ въ мирѣ и любви должны жити они межи собою, якъ благородно и справедливо должны поступати съ своимъ народомъ и якъ старатись лишь о его добро. Яко умный высоко образованный мужъ, Вел. Князь Владиміръ Мономахъ списалъ свои прекрасныи чувствованія и мысли въ одной книжцѣ, котора и до нынѣ извѣстна подъ названіемъ „Поученіе духовное Мономаха своимъ дѣтмъ“. Въ той книжцѣ описалъ нашъ В. Князь Мономахъ исторію своей жизни,

свои дѣла и свои занятія, а потомъ подалъ дѣтямъ своимъ завѣтное поученіе, какъ имъ въ житію вестися налезити. Особенно же онъ упоминае ихъ тутъ, чтобы брали въ оборону вдовъ и сиротъ и слабыхъ передъ сильными; чтобы шановали гостя; поручае имъ посѣщати хорыхъ, мертвыхъ честно погребати; витати каждога человека добрымъ словомъ, любити своихъ женъ, почитати старшихъ, духовныхъ просити о благословеніи, не начинати ніякого дѣла безъ Бога, посѣщати церковь, а на Господа во всемъ надѣю покладати. Такое то поученіе оставилъ Владиміръ Мономахъ дѣтямъ своимъ, а изъ того уже видимъ, какъ высоко стоялъ сей Князь подъ взглядомъ нравственности, какъ благородна, честна и праведна то была душа.

Всѣ же дѣла правленія доброго того князя, то рядъ самыхъ добрыхъ дѣлъ къ поднесенію народнаго благобыта, въ чемъ и примѣромъ и душею былъ онъ самъ, Великій Князь Мономахъ. За его правленія возносились новыи, живописею украшенныи церкви и монастыри, созидались города, какъ славный Владиміръ надъ рѣкою Клязмою, строились мосты, дороги и прч. Той Великій Князь, яко законодатель, змѣнилъ и дополнилъ сборникъ законѣвъ „Русскую Правду“, помагалъ поднесенію русской словесности и много иного добра здѣлалъ для народа. Жаль,

що не долго княжилъ онъ на велико-княжескомъ престолѣ яко отецъ Руси, бо только 12 лѣтъ. Въ 72 роцѣ жизни въ г. 1125 онъ упокоился, а тѣло его понесли сыны и бояре до церкви св. Софїи въ Кіевѣ, где оное похоронили. Великодушїе князя сего, ревная дѣятельность и прозорный умъ поставили его дуже высоко въ очахъ современныхъ и осѣнили славою въ памяти потомства.

Ледви только не стало на Руси Мономаха, а не стало уже и ладу и мира, и вернули зновъ давнѣйшіи бѣдствїя: неукротимыи сварнѣ и борьбы межъ удѣльными князьями. Цѣлая русская земля была тогда подѣлена межю три поколѣня зъ роду Ярослава Мудрого. Одно поколѣнье то были сыны Владиміра Мономаха, званни Мономаховичи, другое внуки Святослава Ярославича а сыны князя Олега, званни Олеговичи, а третье поколѣнье внуки Ростислава, внука Ярослава Мудрого, званни Ростиславичи. Тїи послѣднїи обладали землями на Червоной Руси, и ихъ исторїю, яко насъ наиблизше обходящую, розскажемъ подробнѣйше въ окремомъ роздѣлѣ, а теперь поглянемъ еще, що дальше дѣялось въ тѣхъ земляхъ где владѣли

Мономаховичи и Ольговичи.

Якъ сказано было выше, розгорѣлась по смерти Мономаха на ново братская

борьба и то начали спорити межю собою Мономаховичи съ Ольговичами о велико-княжеской престолъ. Среди тѣхъ межю-усобиць переходилъ Кіевъ зъ рукъ до рукъ, ажъ поки не зойшолъ изъ степени первопрестольного города.



В. Князь Ярополкъ.

По Мономаху былъ Великимъ Княземъ Кіевскимъ сынъ его Мстиславъ, который еще досыть спокойно княжилъ. По его смерти засѣлъ на велико-княжескомъ престолѣ братъ его Ярополкъ, и за него то начались оныя борьбы двоихъ поколѣній Ольговичей и Мономаховичей.

Ольговичи выступили съ своими правами до Кіева и расправлялись желѣзомъ, но Ярополкъ удержался счастливо на своемъ престолѣ до самой смерти. По немъ сталъ Великимъ Княземъ братъ его Вячеславъ, но его вскорѣ выперъ зъ престола Всеволодъ Ольговичъ. Однако за Всеволода зачало уже упадати значенъе великого княжества Кіевского, а то зъ той причины, що середъ безъустанныхъ внутреннихъ боръбъ, вылонились у границъ княжества Кіевского два другіи Княжества, которые могуществомъ своимъ притѣмили Кіевъ и въ конці отняли ему начальственное значенъе и поставили его въ рядъ обыкновенныхъ меньшихъ удѣльныхъ Княжествъ. И такъ на западѣ розвинулось сильное и славное Княжество Галицкое, которое теперь за князя своего Владимірка было майже самостоятельнымъ и на Кіевъ не оглядалось. На сѣверѣ зновъ сынъ Мономаха Юрій, названный Долгорукимъ, основалъ великое и могущее княжество Суздальское, и той усмотрювалъ тѣлько случайности, щобы и Кіевъ прилучити до своего княжества. Маючи такихъ двоихъ могучихъ соперникѣвъ, не дивно, що попри нихъ Великіи Князѣ Кіевскіи уже мало що значили и тѣлько якъ-такъ держались на своемъ престолѣ. По Всеволодѣ Ольговичу призвали Кіевляне собѣ на князя зновъ Мономаховича, и то внука

Мономаха, именованъ Изяслава. Ольговичи же вступились за братомъ своимъ Игоремъ и хотѣли его посадити въ Кіевѣ; такъ и зновъ началась межиусобиця. Изяславъ, при помочи дядька своего Вячеслава,



Князь Изяславъ.

удержался въ Кіевѣ до смерти. По немъ здѣлался Великимъ Княземъ Кіевскимъ Юрій Долгорукій и былъ такимъ только два лѣта. По его смерти въ коротцѣ Кіевъ утратилъ значенъе велико-княжескаго престольнаго города. Сынъ Юрія, князь Суздальскій Андрей Боголюбъ-

скій, не добивался уже того престола, но самъ коло себе на сѣверѣ Руси лучиль удѣльныхъ князей и принялъ названіе Великого Князя Суздальскаго, и сидѣлъ въ престольномъ своемъ городѣ Владимірѣ надъ Клязмою. Тутъ имѣлъ онъ уже такъ великую власть и повагу, що по своей волѣ устанавливалъ или проганялъ Великихъ Князей Кіевскихъ, то Мономаховичей, то Ольговичей, ажь въ г. 1169 поднялся самъ съ войскомъ на Кіевъ, взялъ его приступомъ, розорилъ, и такъ положивши конецъ великому княжеству Кіевскому, здѣлалъ изъ него удѣльное, собѣ подчиненное княжество. Мѣстце великаго княжества Кіевскаго заняло теперь великое княжество Суздальское, которое стало початкомъ и средоточіемъ одной великой русской державы на сѣверѣ и востоцѣ.



ЧАСТЬ II.

Русь Галицкая или Червоная Русь.

(До первого напада Татаръ).

Въ самыхъ початкахъ Руси размѣстились надъ рѣками Сяномъ и Днѣстромъ въ горахъ Карпатахъ племена славянскіи, званьи Хорватами или Хробатами, которыи уже за Олега Вѣщаго становили часть княжества Кіевско-Русскаго. Западная часть той области, яко сусѣдная Польщи, знаная въ исторіи такожь подъ именемъ Червенскихъ городѣвъ, переходила неразъ подъ владѣніе Польщи, но за Владиміра Великаго, а окончательно за Ярослава Мудраго присоединена назадъ до Руси, образовалась въ удѣльное княжество Перемышльское. Восточная же часть той области составляла княжество Галицкое, перетворившоеся потомъ вразъ съ Перемышлемъ въ Королевство Галицко-Володимірскае, которое уже отдѣльно управлялось и стало самостоятельнымъ, отъ Великихъ Князей Кіевскихъ, а потомъ Суздальскихъ независимымъ. Понеже насъ, яко жителей той части Руси, наибольше обходить ей исторія, тому, будемъ стараться въ дальшомъ повѣтствованіи толковати бѣльше всего про исторію Галицкой Руси, а про исторію другихъ княжествъ згадовати будемъ о стѣлько, о скѣлько намъ тое для ясности цѣлой Исторіи необходимо покажется.

Ростиславичи.

Якъ намъ уже извѣстно, остался Ростиславъ, внукъ Ярослава Мудрого, при смерти дѣда своего безъ нѣякого удѣла;



Князь Ростиславъ.

для того бѣжалъ онъ въ Тмуторокань и завладѣлъ тою областю. Въ г. 1065. умеръ той Ростиславъ, отроенный черезъ одного греческаго посла; но онъ оставилъ по собѣ трехъ сыновъ: Рюрика, Володаря и

Василька. Сыны тѣи Рюстислава *) получили вправдѣ по смерти отца на удѣль княжество Волынско-Владимірское, но не долго удержались въ немъ, бо Великій Князь Всеволодъ (отецъ Мономаха) посадилъ тамъ Ярополка, брата сего своего по Изяславѣ, а Ростиславичи должны были усунуться на западъ, где обняли въ послѣданье города Червенскіи. Отъ теперь то осѣли Ростиславичи постоянно въ Перемышляхъ и основали въ г. 1078:

Княжество Перемышльское и Теребовельское, въ которомъ княжила родина Ростиславичей ажъ до своего вымертья непрерывно. Яко первый князь Перемышльскій являея найстаршій изъ Ростиславичей Рюрикъ (умеръ 1092 г.). За его то владѣнья выѣхалъ разъ князь Володимірскій

*) Тутъ наводимъ родословную таблицу Ростислава, который былъ внукомъ Ярослава Мудрого отъ найстаршого сына его, Владиміра:



рополкъ, здаеся въ гостѣ до Ростиславичей, бо ѡхаль спокойно въ повозцѣ; а дорозѣ одинъ изъ дружины его имеемъ Нерадецъ, вытѣгнулъ ненадѣянно ечѣ и пробилъ нимъ князя, а самъ утѣкъ о Перемышля и тутъ скрылся. Зѣ той ричины подозрѣвали князѣ, що въ убійствѣ томъ была и рука Рюрика и выбраисъ тому съ войскомъ на Рюрика. Якъ ончилась тая выправа, исторія не упоинае, а тѣлько знаемъ то, що по Ярополку получилъ княжество Владимірское Давидъ Игоревичъ, а убійство Ярополка казалось въ послѣдствіяхъ сумнымъ для ростиславичей.

Володарь и Василько (1092—1124)

Въ роцѣ 1092. умеръ Рюрикъ, а оставиши два братья его подѣлились княжествомъ Перемышльскимъ такъ, що Володарь сталъ княземъ въ Перемышля, а Василькови дѣсталась Теробовля, гдѣ онъ и основалъ княжество Теробовельское. За стараньемъ Владиміра Мономаха обратисъ всѣ князѣ на зѣздѣ въ Любечи 1097. г. На зѣздѣ томъ явилися Володарь и Василько, и тамъ они за согладемъ всѣхъ князей были утверждены въ своихъ удѣлахъ и цѣловали вразѣ со всѣми другими князями св. крестъ, присягуючи, що будутъ сохранять миръ и згоу. Якъ доховали князѣ заприсяженный

миръ, тое уже знаемъ, а также знаемъ и то, яка то несчастная доля постигла по томъ Любечскѣмъ зѣздѣ князя Василька Теробовельского. Его то оклеветать былъ князь Давидъ Володимірскій передъ княземъ Святополкомъ, що будьто бѣв



Князь Володаръ.

(Василько) убилъ Ярополка и теперь настае на житъе Великого Князя. Случайно заѣхалъ Василько въ Кіевъ, Святополкъ увязнилъ его и ѳтдалъ его въ руки Давида а слуги Давида за его подущеньемъ выкололи несчастному очи въ Вѣлгородѣ, куда его изъ Кіева скованого повезли.

ое злочинство, якъ сказано было выше, бурило доокрестныхъ князѣвъ на Давида и на Святополка, а затѣмъ то вскорѣ о крестномъ цѣлованіи въ Любечи пошлаась межъ князьями нова завзятая ежнусобица.

Князь Владиміръ Мономахъ и другіи князѣ, якъ лишь учули о томъ лукавомъ обступку, собрались съ войсками и пустились напередъ на Святополка, а коли той вывалилъ всю вину на Давида и самъ пошелся идти на него съ местию, тогда привулись князѣ на Владиміръ Волыинскій, где княжилъ Давидъ. Напуганный Давидъ почалъ просити Василька, сидѣвшаго у него въ темницѣ, чтобы онъ охранялъ Мономаха отъ нападу и борьбы, и здаеся, Давидъ допнялъ своей цѣли. Но помимо того таки не пустилъ онъ Василька изъ темницѣ, а еще и напалъ на землю его враждебно. Коло городка Буена стрѣтился онъ однакъ съ мстителемъ за Василька, съ братомъ его Володаремъ Перемышльскимъ, а притѣсненный пустилъ Василька на волю. Другого року оба братья тяжело а тяжело отплатили ему за все его лиходѣйства. Также и Киевскій Великій Князь Святополкъ выступилъ на Давида съ великимъ войскомъ, прогналъ его зъ Волынского княжества и посадилъ тамъ сына своего Метислава. Давидъ утѣкъ до Польци. Великій Князь Святополкъ вмѣсто того, чтобы вернуть

въ свояси, захотѣлъ еще завладѣти областями Ростиславичей. Тое однакъ ему не удалось, бо братья Володаръ и Василько со св. крестомъ въ руцѣ вышли противъ него, а по завзятой битвѣ прогнали его за границѣ своего княжества.

Святополкъ, хотя пораженный наголову, таки все промышлялъ, якъ бы то ѳтметити Ростиславичамъ, та выслалъ другого сына своего Ярославца до угорского короля Коломана просити его о помѳчь противъ Володаря. Коломанъ не долго дался просити, а таки сейчасъ выбрался съ тысячными полками на Перемышль и розложился нѳдъ Перемышлемъ по правѳмъ березѣ рѣки Вѳгора. Володаркови и княжеству его Перемышльскому угрожала великая опаснѳсть, и ѳнъ то въ такѳй бѳдѣ помирился уже и съ завзятымъ своимъ врагомъ Давидомъ, выслалъ того до Половцѣвъ, а самъ заперся въ Перемышли. Угры почали нападати на обсаженный гѳродъ, но на счастье Володаря, Давидъ гдѣсь недалеко нашолъ хана Половецкого Боняка и съ его отрядами спѣшилъ на помѳчь Перемышлеви. Дикая орда Половцѣвъ кинулась на Угрѳвъ изъ востока, Володаръ въ самъ той часъ выскочилъ изъ своего города, и такъ соединенныи войска взяли ворога на два боки, та и розбили его на-прахъ. Множество Угрѳвъ потопилося въ Вѳгорѣ и Сянѣ, а прочии съ королемъ

воимъ Коломаномъ ледви змогли спасти-
 е бѣгствомъ. — Тою то блистательною
 побѣдою выборолъ собѣ Володаръ на дол-
 гое время миръ.

Союзникъ Володаря зъ послѣдней би-
 вы, Давидъ, устремился по поражени
 прѣвѣ на Волынь добылъ собѣ вправдѣ
 назадъ княжество Волынское, но незадол-
 го старшии въ родѣ князѣ, собравшиися
 а одинъ зъѣздъ, ѳтняли ему тое кня-
 жество въ наказаніе за ослѣпленіе кня-
 я Василька, а ѳтдали его сыну Свято-
 олка Ярославцу. Но и той не долго тамъ
 сидѣлъ. Покоренный Ярославецъ Моно-
 махомъ бѣжалъ до сродникѡвъ въ Поль-
 ду, а на престолѣ Владимірско-Волын-
 скѡмъ засѣлъ сынъ Мономаха Романъ;
 по смерти того же другій сынъ Монома-
 ха Андрей.

Межи тѣмъ Ростиславичи укрѣпили
 свое Перемышльское княжество и утвер-
 дились въ немъ такъ, що никто уже не
 осмѣлъ ихъ въ владѣніи непокоити.

Лишь съ сусѣдною Польщою при-
 одило Володарю неразъ еще розправ-
 ятись, а звычайно давался ѡнъ Польщѣ
 обрѣ въ знаки. Поляки озлобленныи хо-
 вѣли доконче достати Володаря въ свои
 руки, и въ самомъ дѣлѣ удалось имъ дѣ-
 лать то пѡдступнымъ способомъ. Якійсь
 хитрый вельможа польскій Петръ на-
 ялся былъ въ службу до Володаря ѣз-
 дить съ нимъ часто въ лѣсы на ловы и

одного разу схватилъ его несподѣванъ своими людьми, связалъ и отвѣзъ Польшу. Сыны Володаря и Василько братъ его, мусѣли дати Полякамъ 20 гривень серебра, щобы схваченого такимъ подступомъ отца и брата выкупити. В роцѣ 1124. умерли оба наши честныи князѣ, Володаръ и Василько, оставляючи своимъ наслѣдникамъ обезпеченое право преемства слѣдїя въ областяхъ Перемышля и Теремовли.

Княжество Галицкое.

Князь Владимірно (1124—1153.)

Князь Володаръ оставилъ двоихъ сыновѣвъ: Ростислава и Владимірка. Они и дѣлились межю собою Перемышльскимъ княжествомъ такъ, що Ростиславъ взялъ Перемышль, а Владимірко Звенигородъ. Сыны ослѣпленнаго Василька, Іоаннъ и Григорій владѣли въ Теремовли.

Сыны Володаря незадолго поперелись, выступили противъ себе съ оружїемъ, но въ-коротцѣ умеръ одинъ изъ нихъ, именно старшїй Ростиславъ. Тогда братъ его Владимірко загорнулъ всю область, а сынови его Ивану, званому Берладникомъ, отступилъ где-якіи земли на рѣкѣ, впадающей въ Дунай, куда тая область его тогда ростягалася. Позднѣйше появились князѣ Теремовельскїи, а Владимірно

мірко прилучилъ ихъ удѣлъ до княства Перемышльскаго, перенѣся зъ Пешня до Галича, и далъ початокъьному и державному Княжеству Гадкому, и назвалъ себе Княземъ Га-



Князь Владимірко.

шимъ. Владимірко, князь мудрый и кественный, владѣлъ въ нашихъ Галицкихъ земляхъ 29 лѣтъ, и черезъ тойъ здѣлалъ онъ тое свое княжество въ славнымъ и могунцимъ, що веѣ про-русевѣи князѣ, яеъ коли съ нимъ за-вѣли, но могли и соединенными сво-

ими войсками его одолѣти и призывали еще на него Поляковъ, Угровъ и Половцевъ. Опытный въ искусствѣ военномъ князь Владимірко подвизался всегда въ различныхъ походахъ то въ своей справѣ, то въ справѣ другихъ князей, а будучи къ тому и прозорливымъ, старался онъ достигнути цѣли, где не можно было силою тамъ хитростію. Онъ вмѣшивался въ споры сусѣдъ своихъ, мирилъ спорящихъ, мстилъ обиды, и такою дѣятельностію розпространилъ границѣ своей державы, та по́днёсь ю до такой высоты, що она имѣла отъ теперь переважное значеніе и вліяніе въ всѣхъ русскихъ справахъ. Сверхъ того, яко человекъ благочестивый, онъ отдавался богомолю, защищалъ людей праведныхъ и богобоязненныхъ, а безбожныхъ и неправедныхъ укрощалъ всегда и строго наказывалъ. Такая то была и цѣлая жизнь Владимірка. — Приведемъ тутъ важнѣйшіи изъ его подвиговъ военныхъ. Недолго по смерти отца случилась ему добрая способность отмстити на Полякахъ за кривду, яку они нанесли его отцу Володарю. Одинъ изъ вельможъ польскихъ именемъ Венгерецъ, управляющій польскимъ городомъ Вислицею, згодился тайно отдати Владиміркови той городъ за певную нагороду. Владимірко скорысталъ изъ того, выправился съ войскомъ своимъ въ границѣ Польщи, переправился черезъ рѣку Ви-

ду, быстрымъ походомъ достигъ до города Рислицы, занялъ его, опустошилъ всю область и набравши множество добычи и плѣнниковъ, повернулъ въ плечь.

Три раза боролся Владимірко съ Великими князьями Кіевскими. Первый разъ происходило имъ о обсажденіе княжества ольинского. Вел. Князь Всеволодъ послалъ тамъ сына своего Святополка. Владимірки было не на руку имѣти сусѣда льговича и тому объявилъ онъ Великому Князю войну. Вел. Князь собралъ а Владимірка всѣхъ князей призвалъ ксе и Поляковъ и Половцевъ, и съ такою громадною силою двинулся въ походъ. Конецъ былъ такий, що Владимірко, оточеный неприятелями изъ всѣхъ сторонъ, помирился съ великимъ Княземъ, заплативши ему 1400 гривенъ себѣра.

Утомленный тою неудачною войною, Владимірко хотѣлъ троха отпочати и удался на ловы. Въ томъ часѣ поднесли Галичане противъ него мятежь (бунтъ) и призвали на княжій престолъ братавца своего Ивана Берладника, который сей часъ и явился въ Галичи. Дознавшись о томъ Владимірко, помчалъ съ вѣрною ружиною подъ Галичь и осадилъ той городъ. Три недѣль тревала осада, а вѣонецъ по завязтой битвѣ бѣжалъ Берладникъ, а Владимірко занялъ городъ и

укаралъ строго бунтовщикѣвъ. То былъ первый случай, где мѣщане и бояре-вельможи бунтовались противъ своего князя. Пондѣйше увидимъ мы еще не разъ, какъ тѣ самовольныи люди измѣняли княжескому роду, старались обмежити власть князей и такимъ способомъ наносили они своей отчинѣ много бѣдствій и смуть.

Незадолго прійшло Владимірови другій разъ воевати зъ Великимъ княземъ Всеволодомъ, а то, зъ той причины: Прогнанный зъ Галича Иванъ Берладникъ убѣгъ до Кіева подъ защиту Великаго Князя. Владимірко, огорченный тымъ, что Вел. Князь принялъ Берладника, ворвался въ его землѣ и взялъ ему городъ Прилуки. Вел. Князь Всеволодъ собралъ другій разъ всѣхъ князей, призвалъ Полоцкѣвъ и Полякѣвъ, двинулся на Владимірка и осадилъ городъ его Звенигородъ. Звенигородцѣ, подъ проводомъ воеводъ Халдѣева, боронились крѣпко и не хотѣли поддаться, а Вел. Князь видячи, что всѣ его усилія суть даремны, отступилъ отъ Звенигорода, вернулся въ Кіевъ оттакъ еще съ ббольшими силами собрался ударити на Владимірка. Но смерть перешкодила ему въ томъ.

По смерти Вел. Князя Всеволода, не встала немалая борьба о престолъ Кіевскій межю двома князями зъ роду Мономаха, а то межю Изяславомъ и Юріемъ Суздальскимъ. Самъ Владимірко зъ по

чатку не мѣшался до тыхъ борѣбъ; но коли узрѣлъ, що безпорядки на Руси перейшли всякое ожиданіе, тогда постановилъ бнѣ привести ладъ, выбрался съ войскомъ на востокъ и взявши сторону Юрія Суздальскаго, поставилъ его Великимъ княземъ въ Кіевѣ, а самъ помолившись въ церквахъ Кіевскихъ, вернулся доми. Побѣднѣйше удалось Изяславу прогнати Юрія зъ Кіева и самому осѣсти на престолѣ Кіевскомъ, и тогда то бнѣ поставилъ помститися на Владимірку. Призвавшъ Угрѣвъ и ихъ короля Гейзу и дичихъ Чорныхъ Клубокѣвъ, Изяславъ подступилъ съ ними подъ Перемышль. Владимірко стоялъ таборомъ въ кутѣ mezi Силомъ и Вѣгоромъ. На другій день по Недѣли Воскресенія Христоваго кинулись Угры съ русскими войсками въ брѣдъ черезъ Сянь, розбили дружину Владимірка такъ, що бнѣ принужденъ былъ скрытисъ за окопами Перемышля. Союзныи войска русскіи и угорскіи подступили теперь ажъ подъ самыи стѣны укрѣпленнаго Перемышля. Владимірко найшолся въ безвыходномъ положеніи ибо вести дальнше отчаянную борѣбу противъ такъ великанской силы, казалось немислимимъ. Для того Владимірко, передумавши цѣлую нѣчь, якую бы тутъ радувати, пустился на хитрости: бнѣ притворился, що будьто раненъ въ битвѣ и и лежить на смертельной постели, а ме-

жи тѣмъ выслалъ послѣвъ до короля угорскаго и просилъ о прощеньіе для себе и о защиту передъ Изяславомъ. Просьбы послѣвъ и подкупленныхъ угорскихъ воеводовъ повліяли на короля до такой степени, що той, мимо представленій и напора изъ стороны Изяслава, не хотѣлъ добывать Перемышля, но ѳтступилъ съ своими отрядами, Изяслава же умирилъ Владимірко обѣтницею, що зверне ему забраныи недавно города Бускъ и другіи, и що буде теперь всегда союзникомъ его. Такимъ способомъ спасъ Владимірко себе и свое княжество ѳтъ неминуемой великой бѣды.

Незадолго послѣ того умеръ Владимірко нагло. Коли повертали разъ въ церкви по вечерни пораженъ ударомъ крови, палецъ неживый на замку (въ р. 1153). Былъ то князь надзвычайно живого и неспокойнаго духа, а понеже при тѣмъ цѣлымъ сердцемъ дбалъ о добро и благобытъ народа, то и былъ ѳнъ дуже любленъ и высоко почитанъ на всей Руси. По его смерти засѣлъ на Галицкомъ престолѣ сынъ его

Ярославъ Осмомысль.

Г. 1153—1187.

Уже самое названіе того князя „Осмомысль“ показуе, що мудрое и славное было его правленіе. И въ самомъ дѣлѣ совершенно оправдалъ той князь Яро-

славъ данное ему народомъ названіе, которое показуе, що уважали его яко-бы одаренного бѣльшимъ числомъ змыслѣвъ, чѣмъ ихъ мають звыкльи люди. По истинѣ бо имѣлъ той князь Ярославъ всѣ добродѣтели, якихъ требуеся ѳтъ доброго



Князь Ярославъ Осмомыслъ.

и мудрого правителя державы, и не гонилъ ѳнъ за добычами военными, не добывалъ земель, бо и самъ уже великую державу по отцу наслѣдилъ, но ѳнъ промышлялъ о благосостояніи своего народа, о поднесеніи земледѣлія и торговлѣ, тѣхъ головныхъ условій добробыта народнаго,

любилъ тишину, а воевать лишь тогда якъ того было необходимо потреба, однако и въ такихъ случаяхъ онъ, жалѣючи руской крови своихъ подвластныхъ, нанималъ собѣ чужии полки. Однимъ словомъ, былъ то найзнаменитѣйшій князь своего времени, славимый отъ своего народа и также отъ чужихъ за свои добродѣтели и прехорошии свойства души.

Якъ только вступилъ той князь Ярославъ на престолъ своего отца, поставилъ онъ собѣ твердо, избѣгати военныхъ подвиговъ, а подъ благодатию мира зашитись добрымъ внутреннимъ устройствомъ своего княжества. Въ той цѣли намѣрялъ онъ звернути Вел. Князю Изяславу городъ Бускъ и другии, которыхъ его отецъ, мимо обѣтницъ даной подъ Перемышлемъ, не былъ звернулъ. Однакожь Галицкii бояре его спротивились тому намѣренью, и вслѣдствіе того принужденъ былъ Ярославъ радъ-нерадъ принять вызовъ Вел. Князя и готовитись до военного похода. В. Князь Изяславъ собралъ многочисленное войско и двинулся на Галичъ. Ярославъ изъ своей стороны, не далъ ся завѣстудати своими полками галицкими и выйшолъ противъ непріятеля. Оба войска стрѣтились надъ Серетомъ коло Теробовль, и коли мала начатись битва, тогда Галицкii бояре, вѣрныи друженники князя, обавляющись, щобы Ярославу въ той неровной битвѣ не приключилось якое

сказали до него: „Мы хотимъ гонати зложити за честь твоего отца, м, княже, молодой и одинъ у насъ; нибы тобѣ що злого учинилось, що будемъ дѣяти? Уѣдь затѣмъ ѳтуда езпечное мѣстце, а мы самы будемъ себѣ битись!“ Князь уступилъ, и сей-началась завзятая битва и тревала вечера. Обѣ стороны держались крѣпко и поддавались, ажъ въ-конецъ на од-нѣ крылѣ побѣдили Галичане, а на дру-гѣ Вел. Князь Изяславъ. Галичане за-няли много плѣнникѳвъ, а Изяславъ плѣ-нъ вновь богато Галичанъ, та и обѣи съ ними страшенно дико, бо въ-н велѣлъ ихъ майже всѣхъ вырѣзати, а мѣ видячи, що бѳльшая часть его-ска розсыпалась, вернулъ чѣмъ-ско-ше въ Кіевъ.

Пѳзднѣйше высылалъ еще Ярославъ и стройныи полки будь въ помощь-авникамъ своимъ, будь для общого бла-Руси на дикихъ Половцѣвъ, но самъ-но ѳнъ не глядалъ славы военной, а мышлялъ тѳлько о тѳмъ, щобы пѳдне-свою Галицкую Русь до цвитуцого-говня въ каждомъ взглядѣ. За его-дѣвья не смѣлъ никто изъ сусѣдѳвъ-Поляки, ни Угры, нападати на нашѣ-и и черезъ то розвивались спокойно-ледѣліе и торговля, водворялись ме-народомъ счастье и гараздъ.

Славою и добробытомъ наслаждалася Русь наша по́дъ мудрымъ правленіемъ Ярослава Осмомысла. Самъ однакъ не зазналъ онъ счастья въ своихъ родинныхъ отношеніяхъ. Онъ былъ женатый съ Ольгою, довькою князя Суздальскаго Юрія, и имѣлъ отъ той сына Владиміра; но житье его съ тою женою не было счастливое. Послѣдуючи якое-то влеченію сердца своего, жилъ онъ въ Галичи съ любовницею Анастасією въ роду Чарговыхъ, съ которою имѣлъ сына Олега. Черезъ тую то Анастасію мала ей родина великое вліяніе на княжескомъ дворѣ, на що зновъ негодовали буйныи Галицкіи бояре. Княгиня Ольга зъ горя и досады оставила Галичъ и уѣхала въ Польшу, а въ самомъ Галичи повсталъ межъ боярами на князя бунтъ. Недовольный вынесеніемъ родины Чарговыхъ зъимилъ бояре Анастасію, званую загално Анастаською, спалили ю на кострѣ, а родину ея вымордовали, забрали ея майно и принудили князя, щобы принялъ назадъ законную свою жену и сына своего Владиміра. Такого то горя и смутку дозналъ Ярославъ въ домашной своей жизни и не дожиль уже веселѣйшой хвилѣ до самой смерти, котора и постигла его въ р. 1187. Умираючи, князь Ярославъ Осмомыслъ призналъ Олега своимъ законнымъ сыномъ и назначилъ его на кня

веніе въ Галичи, а Владиміру надаль только Перемышль.

За часовъ Ярослава списаль одинъ рускій пѣвецъ знаменитую пѣснь подъ заглавіемъ „Слово о полку Игоря,“ которая до днесъ сохранилась и въ которой воспѣвается слава того нашего князя слѣдующими словами: „Галицкій Осмомысле Ярославе! Высоко сидишь на своемъ золото-кованномъ престолѣ; ты подперши горы Карпатскіи своими желѣзными полками, заступилъ дорогу Королю угорскому; затворяешь ворота Дунаю, мечешь бремена черезъ облаки, кораблѣ правишь по Дунаю; грозы твои по землѣ текутъ; отвираешь по своей волѣ ворота Кіеву и мечешь далеко своими стрѣлами на султановъ Половецкихъ. . . .“ И справедъ, Ярославъ нашъ добрыми дѣлами для блага народа оправдалъ всецѣло тѣ давныи ему похвалы пѣвца „Слова о полку Игоря.“

Владиміръ Ярославичъ.

Г. 1187—1198.

Бояре Галицкіи не хотѣли держатись завѣщанія Ярослава Осмомысла, самовольно прогнали Олега и призвали на Галицкій престолъ Владиміра. Но показалося, що мудрый князь Ярославъ зналъ, що дѣлалъ и що не безъ причины усунулъ Владиміра отъ Галицкого престола, бо Владиміръ оказался совсѣмъ неспо-

собнымъ до княженія. Яко молодой лев кодухъ, развратный норовами своимъ ѡнъ тратилъ майно отцѣвское и велъ себѣ блазнительную жизнь, ѡтдаючись сладкострастію и пїянству. Гордые а сильные вліяніемъ своимъ бояре и вельможи Галицкіи почали негодовати на такого князя своего, и щобы его звергнути зъ престола, порозумѣлись тайно съ сусѣднымъ Владимірскимъ княземъ Романомъ изъ славной родины Мономаха. Владиміръ узнавши о томъ, що дѣлаеся противъ него, утѣкъ съ княжескими сокровищами на Угры, а до Галича вступилъ по немъ Романъ Владимірскій и занялъ княжескій престолъ. Ѳтъ теперь начинаеся и на нашей Галицкой Руси тая бѣда съ князьями, що одинъ проганялъ другого, а на тѣхъ взаимныхъ усобицахъ нагѣрьше выходилъ народъ.

Прогнанный Владиміръ не думалъ ѡтречися отцѣвского престола, но дѡстайшися на Угры, ѡнъ сталъ просити угорского короля Беля о помочь. Беля согласился, та и вскорѣ поднялся съ великою силою на Галичъ. Романъ, мѣркуючи, що не успеѣе удержатись противъ его силы, уступилъ изъ Галича безъ битвы, ѡттакъ Угры заняли городъ безъ препятствій. Но якъ же тяжело завелся на своемъ союзнику! Беля вмѣсто того, щобы ѡтдати городъ Владиміру, посадилъ там на престолѣ своего сына Андрея, а Вла

димира забралъ съ собою на Угры та и посадилъ его тамъ въ темницѣ. Но не долго газдовали и Угры въ нашомъ Галичи. Они бо начали тутъ рядитись своимъ дикимъ обычаемъ, творили народу различныи насилія, ѳтбирали мужамъ жены и доньки, по церквахъ ставляли свои конѣ, словомъ дѣлали всякую пакость Галичанамъ. Такое поступованье огорчило Галичанъ такъ, що они задумали позбытись Угрѳвъ. Въ тую саму пору набѣгъ Владиміръ изъ вязницѣ и съ помощію польского короля Казиміра Справедливого, снѣшилъ добывати собѣ отеческій престолъ. Галичане, якъ лишь доуѣдались, що законный князь ихъ приближаея, поднялись на Угрѳвъ, прогнали Андрея и съ великою радостію приняли зновъ до себе Владиміра. Ѳтъ того часу владѣлъ уже Владиміръ въ Галичи спокойно ажъ до своей смерти, которая послѣдовала въ р. 1198.

Со смертію Владиміра перевелся князевскій родъ Ростиславичей, который около 100 лѣтъ управляли нашою Галицкою Русію и выдвигнули княжество русское надъ Днѣстромъ и Сяномъ, Отчину нашу, на становище независимой державы, розширили ю далеко по устьѣ Дуная и утвердили ю въ славѣ и могуществѣ на долги лѣта.

... вновь родословную т
 жеской отрасли, которой ро
 князь Романъ, правнукъ о
 маха. И такъ слѣдовали в
 Романа одинъ по другѣмъ:

Р
 119



Р о м а н ъ .

Г. 1199 1205.

Сейчасъ по смерти Владиміра двинулся Романъ изъ Волыня, вступилъ въ Галичъ и соединивши Княжество Галицкое съ своимъ Володимірскимъ, основалъ великую державу Галицко-Володимірскую. Князь Романъ началъ управлять тою державою, яко первый изъ родины Романовичей, которая то родина по Ростиславичахъ уже ажъ до р. 1337. владѣла на престолѣ Галицкой Руси.

Романъ, вступивши въ Галичъ, засталъ тутъ противную собѣ партію недовольныхъ бояръ. Щобы утвердиться во владѣніи своемъ, онъ укротилъ предосѣмъ буйство тыхъ своевольныхъ людей такимъ рѣзкимъ способомъ, що однихъ поубивалъ, а другихъ прогналъ, и такъ забезпечилъ себе въ Галичи.

Въ Кіевѣ княжилъ тогда тестъ Романа Рюрикъ (Ольговичъ). Коли настали тамъ безпорядки, поспѣшилъ Романъ съ войскомъ до Кіева, постригъ тестя своего въ монахи, а самъ завладѣлъ Кіевомъ и прилучилъ его съ окрестными областями до своей Галицко-Володимірской державы. Такъ ростягалась теперь Галицкая Русь отъ Днѣпра и степовъ Половецкихъ ажъ до устій Дуная и до Карпатъ, а зъ западной и сѣверной стороны пѣходила далеко въ предѣлы Польци и Литвы.

Тою то могущею и славною державою правлялъ нашъ дѣльный князь Рома который занятый всегда подвигами енными, „пролеталъ — якъ говоритъ немъ лѣтопись — край быстро якъ орелъ боролся хоробро яко туръ, стремился земли неприятельскіи яко левъ, подвалъ и забиралъ въ полонъ Половцѣи и Литовцѣвъ, и побѣдоносно поража и завоювалъ сусѣдныи поганскіи племена.“ Черезъ то отже слава Романа розслась по всей Европѣ и папа Пикентій, слѣдившій за всѣми событіи хотѣлъ приобрѣсти Романа для себе и слалъ къ нему въ 1204. г. особое сольство, которое предложило нашему князю Роману королевскую корону лищобы онъ принялъ латинскій обрядъ. Папскіи доказывали князю пресходство латинской вѣры, но князь манъ, воспитывавшійся за молодылѣтъ такъ на Руси якъ и въ Краковѣ затѣмъ знавшій оба обряды вѣроисноданій, отвергнулъ предложеніи папски послѣвъ. Тогда одинъ изъ тѣхъ послѣждаючи конечно склонити Романа римской вѣры, сказалъ до Романа, папа посредствомъ меча св. Петра менадѣлти его областими. Извѣстнощо въ то время папы скидали зъ престолѣвъ или сажали на нихъ царей королей своего латинского обряда и воще распоряджались по своей воли у



Посольство Папы Инокентія до Князя Романа.

родѣвъ того же обряда въ Европѣ. Но гордый нашъ князь не дался зловити на обѣщаніе. „Такій ли мечъ у папы?“ — запыталъ онъ делегатѣвъ. — „Если такій, то я, имѣючи свой, не нуждаюсь въ немъ, а своимъ возвеличу русскую землю.“

И хорошо бо то было и жилось Руси нашей подъ правленіемъ такого князя-богатыря, — такъ щожь! Всевышній судаль ему не долго княжити на золотокванномъ Галицкомъ престолѣ, — скоропостижная смерть на поли битвы перетяла нить молодого и дорогого для Руси жителя! А случилось то въ роцѣ 1205 такъ: Въ сусѣдной Польщи водились межи ей князями роздоры о престолѣ Краковскій межи Лешкомъ Бѣлымъ и Владиславомъ. Романъ, яко своякъ Лешка, выбрался къ нему на помощь, занялъ область Сандомирскую и стануль съ войскомъ подъ городомъ Завихостомъ. Тутъ выѣхалъ онъ одного дня изъ табора своего съ маленькою дружиною и прѣздилися спокойно, не надѣючись нигде ворогѣвъ. Нагло напали на него засѣвшіися въ лѣсахъ войска польскій и обступили нашу горстку съ Романомъ. Романъ оборонялся отчаянно, но въ-конецъ положилъ свою богатырскую голову, вразъ съ горсткою своей дружины. Такъ то на чужой земли и въ чужой справѣ скончался нашъ славный Князь Романъ! Русскіи полки нашли на другій день мертвое тѣло своего

князя, и въ великой печали отвезли оное
въ Галичъ и похоронили въ церкви св.
Богородицы.

**Безурядицы въ княжествѣ Галицко-Влади-
мирскомъ до первого напада Татаръ.**

По Романѣ осталась вдова съ дво-
ма маленькими сынами, изъ которыхъ
старшому Даниилу было четыре роки,
а младшему Василию два. Зъ-разу
признали Галичане Данила своимъ кня-
земъ, однакъ тому, яко дитинѣ, подъ о-
пѣкою нѣжной женщины, трудно было
удержатись межъ такимъ неспокойнымъ
народомъ, якимъ стали Галичане подъ
проводомъ буйныхъ своихъ вельможъ. Ве-
λικое и могущее княжество Галицкое
было дуже лакомымъ кускомъ такъ для
посторонныхъ русскихъ князей, якъ и
для чужихъ сусѣдъ, Поляковъ и Угровъ,
а на бояръ, яки по смерти Романа зновъ
численно явились въ Галичи, трудно бы-
ло полагати; ти бо, яко люди корысто-
любивыи, глядали своей власной выго-
ды и заедно перекидались туда, где имъ
для тыхъ выгодъ ихъ казалось лучше.
Не дивно затѣмъ, що вскорѣ по смерти
Романа розгорѣлась въ предѣлахъ Галиц-
кого княжества завзятая борьба, которая
тревала такъ долго, поки не доросъ Да-
нилко до мужескихъ лѣтъ и не сдѣлалъ
ладу въ державѣ своего отца.

Первымъ изъ тыхъ, що мали вели-
кую охоту княжити въ Галичи, былъ

Рюрикъ, тойже самъ, котораго недавнѣе постригъ былъ Романъ въ монахи. С Рюрикомъ, дознавшись о смерти Романа, чѣмъ скорѣйше оставилъ монастырь, и соединился съ Краковскимъ княземъ Владиславомъ, и оба пустились добывать Галиц. Романова вдова удалясь о помочь



Романова вдова.

угорскаго короля Андрея, который недавно родинъ Романа записягъ былъ друбу. Той король Андрей якъ только узнался, яка бѣда угрожае сиротамъ Романъ, выслалъ въ сейчасъ свое войско и прогналъ Поляковъ и Рюрика изъ Галича. Но спокойе не долго тревалъ. Ро

ва вдова съ сиротами, видячи, що на
верь не ма для ней житья въ Галичи,
павила той городъ и переселилась въ
Видимиръ Волинскій, коренный удѣль
войного Романа. Тымъ часомъ въ Га-
лици настали новыи перевороты. Одинъ
бояръ Владиславъ, званый Кормили-
къ, колисъ-то выгнанный Романомъ изъ
Галича, вернулъ теперь назадъ и вскорѣ
выскалъ собѣ прочихъ вельможъ и бо-
яръ. Онъ то уговорилъ Галичанъ, що
лучше буде для нихъ призвати до
се на княженіе сынѣвъ Игорія Пути-
вского, который женатый былъ съ
дѣвкою Осмомысла. Запрошены Игоревичи
охотно приняли предложеніе Гали-
чанъ и прибывши сюда, роздѣлились зе-
млями Галицими такъ, що одинъ взялъ
Теревъ, другій Звенигородъ, третій Тере-
влю, а четвертый Владитиръ Волинскій,
гдѣ власно проживала вдова Романа
съ дѣтьми. Бѣдная невѣста принуж-
дена была ночью утѣкати съ дѣтьми, що-
бы не попасти въ руки Игоревича, и ѣх-
ала въ оборону свояка своего, поль-
скаго князя Лешка. Лешко принялъ ихъ
гостеприимно и сердечно, оставилъ у се-
бя малюго Василька и вдову, а Данилка
послалъ съ посольствомъ до короля угор-
скаго Андрея, который и приютилъ сирот-
чича у себе и воспитывалъ его
какъ бы свою рѣдную дитину.

Не долго гостили Игоревичи на Галицкой Руси. Въ самомъ Галичи хотѣли верховодити буйныи бояре, а князь не хотѣлъ зновъ залежати ѳтъ ихъ ласки. Такъ одного дня князь приказалъ вырѣзати около 500 бояръ, а другии, межи ними и Владиславъ Кормиличичъ, утѣкли на Угры. Тутъ бѣжавшии бояре упросили короля Андрея, щобы той помѳгъ имъ прогнати Игоревичей, а поставити для нихъ Данилка княземъ. Король Андрей, взявши съ собою Данилка, переступилъ Карпаты, получился тутъ съ польскими войсками Лешка, который въ той самой справѣ тутъ появился, и прогнали Игоревичей, а трехъ изъ нихъ дѳстали розлюченныи бояре въ свои руки и умертвили ихъ постыдно, повѣсивши на вѣсильницѣ.

Такимъ способомъ вернули сыны Романа до своей отчины. Но и теперь они не долго удержались въ ней. При Данилку въ Галичи была его мати, а тое само не подобалось своевольнымъ боярамъ, бо они хотѣли самы управлять въ имени молодого князя и насиліемъ выправили вдову Романову зъ Галича. Якъ скоро дѳзнался о томъ Андрей угорскій, поспѣшилъ зновъ съ войскомъ и ввелъ мати Данила назадъ до Галича, а самъ вернулъ за Карпаты. Усмиренныи бояре взволновались еще разъ и покликали до себе на княженіе Мстислава, князя Пересоп-

ицкого. Данило бѣжалъ на Волынь, а вмѣстѣ съ нимъ гордый бояринъ Владиславъ ормичичъ засѣлъ самъ на княжескомъ престолѣ. А такъ какъ того еще не бывало, чтобы княжествомъ владѣлъ не родителю князь, то постороннии князья, дознавшись о такой дерзости боярина, не перѣли, чтобы славный Романовъ престолъ занималъ бунтовщикъ-самозванецъ. Князья собралися зновъ Андрей угорскій Лешокъ, князь польскій, та прогнали Владислава съ Галича, однакожь прогнаны они его теперь уже не въ пользу Рима, а для себе самихъ. Они помнили, повѣнчати свои дѣти, т. е. пяти-лѣтняго королевича угорскаго Романа съ трехъ-лѣтною донькою Леша, и посадити ихъ на Галицкомъ престолѣ. Чтобы якое-нибудь заспокоити князей Данила и Василька, они дали имъ на владѣніе Владиміръ Волынскій.

Четыре роки сидѣло войско угорское въ Галичи съ воеводою Филею, та пригрозило народъ и его вѣру. Однакожь и теперь не дозволилъ Всевышній торжествовати неправдѣ, а погубилъ скоро силу нашедшихъ и несправедливо занявшихъ землю нашу иноплеменниковъ. Оудиемъ правосудіа Божого, явился теперь славный на цѣлую Русь князь русскій:

Мстиславъ Удалый,

яко князь Галицкій отъ г. 1219—1227.

Въ тыхъ безпокойныхъ, а дм Ру
Галицкой несчастныхъ временахъ жи
на Руси и княжилъ въ Новгородѣ кня
Мстиславъ, которого народъ за отлич
ныя свойства души и за его слави



Князь Мстиславъ Удалый.

подвиги для блага отчины справедлив
назвалъ „Удалымъ.“ Былъ то найди
пий и найрозумнѣйшій князь въ он
часъ на Руси. Борецъ за правду, оубк
и ангель-хранитель пригнетенныхъ, м
тель за кривды и обиды, словомъ от

Руси, припоминающій всѣмъ незабвенно-
 о Великого Князя Мономаха. Сей то
 Мстиславъ Удамый, учувши, яко
 оре дознають Русины въ Галицкомъ
 княжествѣ отъ завоевателей своихъ, У-
 ровъ и Поляковъ, выстроилъ доборовыи
 полки, поспѣшилъ изъ Новгорода дати
 помочную руку Галичанамъ. Вскорѣ стрѣ-
 нился съ войсками гордого воеводы Фи-
 лиа надъ рѣкою Днѣстромъ. Началась
 страшная битва, въ которой правда
 была верхъ; Мстиславъ разбилъ полки
 врага, Филиа взялъ въ неволю, а самъ
 отступилъ подъ Галичь. Тутъ заперли
 и остатки войскъ угорскихъ и не дума-
 ютъ поддаваться. Однакожь дѣльный Мсти-
 славъ по короткой осадѣ взялъ Галичь
 приступомъ, плѣнилъ Коломана съ его
 воеводами и магнатами и отослалъ ихъ
 въ свой родинный городъ Торческъ, где
 они сидѣли цѣлый рокъ подъ стражею.
 И наконецъ король угорскій за вели-
 кую цѣну ихъ не выкупилъ.

Данилко же между тѣмъ сидѣлъ въ
 княжествѣ Волынскомъ, а хотя тутъ я-
 вился часъ безпокоилъ его польскій князь
 Яножъ, но съ тѣмъ скорѣ упорался
 съ Данилко, отобралъ ему забранныи
 роды и съ того часу уже спокойно вла-
 делъ во Владимірѣ.

Мстиславъ же, занявши Галичь и
 истинивши его отъ враговъ, засѣлъ самъ
 на Галицкомъ престолѣ а любленнѣй на-

родомъ управлялъ Галицкимъ княжествомъ ажъ до року 1227. въ згодѣ съ су-сѣднымъ Данилкомъ.

Такимъ образомъ завладѣла тишина и миръ въ отчинѣ нашей, но была то тишина коротка, тишина передъ страшенною грозой. Вотъ бо о той порѣ начали собираться изъ далекаго востока черныи хмары новой вражды, що скоро розліялись страшенною тучей по цѣлой Руси и долго-долго змывали ей нивы потоками крови и слезъ, сковали бародъ нашъ въ тяжкіи оковы злочастной неволѣ татарской.

Великое Княжество Суздальское

до первого напада Татаръ.

Закѣмъ приступимъ до описанья лихой долѣ русского народа, въ часѣ нападѣвъ татарскихъ, необходимо намъ еще узнати, що дѣялось до тѣхъ поръ въ другой части землѣ русской, т. е. въ великомъ княжествѣ Суздальскомъ, которое сперва возросло и розславилось было такъ само, якъ наша Галицкая Русь, но потомъ еще бѣльше горя испытала отъ Татаръ, чѣмъ наша Галичина.

Знаемъ уже, що княжество тое подобно Галицкому выдвигнулось по-надъ всѣ другіи; що князь его Андрей Боголюбскій, уничтоживши великое Кі-

евское Княжество, самъ принялъ имя Великого Князя, подчинилъ собѣ Кіевъ и Новгородъ и сталъ верховодити въ цѣлой сѣверной Руси, надавши Княжеству Суздальскому видъ самостоятельной



Великій Князь Андрей Боголюбскій

державы. Сей князь Андрей былъ дуже дѣятельный, а при томъ и дуже благочестивый мужъ, его можно было всегда видѣти въ церкви на молитвахъ, часто и

по ночи ходилъ до церкви, зацалюваль свѣтла и молился передъ образами святыхъ. Онъ то выбудоваль много церквей и приукрашалъ ихъ великолѣпно, до будовы спроважоваль знакомитыхъ майстрѡвъ изъ запада и тымъ самымъ причинялся богато до развитія и поднесенія всякого искусства на Руси, такъ, що незадолго самы уже русскіи мастера безъ помочи чужихъ знали ставити и живописати хорошо Божіи храмы. Однакъ мимо своихъ заслугъ и своей доброты, стался Андрей Боголюбскій передъ часомъ жертвою дикости одного своего пѡдданого. Былъ то таки его слуга, которого онъ надъ всѣхъ другихъ наибѡльше любилъ, имевемъ Іоакимъ Кучковичъ. Одного разу князь велѣлъ за якусь провину казнити его брата, а тѣмъ озлобленный Іоакимъ пѡдмовилъ убійцѣвъ, и тѣи направили неспѡдѣвано въ ночи на Великого Князя Андрея, умертвили его.

По смерти Андрея настали споры межи родиною о великое княжество, но вскорѣ положилъ тѣмъ спорамъ конецъ братъ Андрея Всеволодъ, званный Великое - Гнѣздо, мужъ сильного духа и волѣ. Онъ былъ Вел. Княземъ въ Суздаль до р. 1212. и за его часѡвъ розширила сѣверная Русь свои предѣлы и возростала въ добробытѣ. По смерти Всеволода слѣдовалъ на велико-княжескомъ Суздальскомъ престолѣ сынъ его Юрій.

Той водилъ свои войска на дикіи племена надъ рѣкою Волгою, а не забывалъ и о благу своего края, бо пильно старался о по́днесеніи книжного просвѣщенія, будовництва и другихъ искусствъ. За его то владѣнья явилась на Руси клятая татарская орда, и онъ же самъ Великій Князь Юрій полягъ въ войнѣ съ тою дичею въ р. 1237.



Ч А С Т Ъ Ш .

Т а т а р е .

Первое нашествіе Татаръ.

Тяжкій смутокъ долягае сердцю русскаго человѣка, коли розсмотрюе онъ тѣ картины бывальщины нашей, въ которыхъ междуусобныи борьбы князей, неугомонныи ихъ распри роздирали нашу землю, истощали ей силы и подрывали повагу ей владѣтелей. Но на видъ того несчастья, якое по́зднѣйше постигло отчину нашу, страдальницу, отъ ордъ татарскихъ, то уже замирае сердце отъ ужаса и жалости. При княжескихъ усобицахъ терпѣли лишъ поединокіи странства, поединокіи части Руси; войска стирались меньшими отдѣлами, а все таки хотя и наибольше бывало роздраженье, то свои щадили себе до певной мѣры, щадили народъ одноплеменный и одной вѣры, не наставали одни на другихъ такъ, щобы ихъ совершенно розорити, стерти изъ лица земли. Въ часѣ княжескихъ усобицъ таки повставали города, созидались храмы Божіи, основывались школы, и народъ возросталъ въ добробыть не въ одной сторонѣ.

Но инакше то — инакше сталось на Руси отъ нападуд Татаръ. Орда татарска

настигла на отчину нашу мовъ тая, не-
 удержимою бурей гнаная хмара, що
 въ одной хвили истребляла все, що лишъ
 могла досягнути, розліялась по русскихъ
 земляхъ мовъ тая страшенная повѣнь,
 що взбуренными своими волнами, нищила
 людей и ихъ имущества. Падалъ невин-
 ный народъ пѣдъ ударами татарской
 дичи, и никому не было пощады, ни
 старику, ни невѣстѣ, ни дитинѣ; одни
 лягли въ своей крови отъ татарскихъ
 мечей, а другіи, що не успѣли спастися
 бѣгствомъ въ лѣсы, повлечены были на
 арканахъ (мотузахъ), въ неволю — въ та-
 тарскій ясырь. Куда тѣлько ступила
 нога поганой Татарвы, тамъ замирала
 вся жизнь, а яко слѣды по ней, оставали
 на всѣхъ просторняхъ несчастной Руси
 недопаленыи згарища и розвалины сла-
 вныхъ городѣвъ и зажиточныхъ селъ,
 куны людскихъ трупѣвъ и костей. Зѣйки,
 плачь, стонъ живущихъ и умирающихъ
 зливались съ переразливимъ краканьемъ
 хищныхъ воронѣвъ, роздирающихъ остан-
 ки людскихъ трупѣвъ, и проносились по
 всей Руси отчайдушныи голоса: „Горе
 Руси, горе! Кара, Божа кара на Русь!“

Татары, званы такожь Монголами,
 жили сперва далеко на востоцѣ въ Азій.
 Былъ то народъ дикій, кочевый, совсѣмъ
 отмѣнной породы ѳтъ нашей. Ростомъ
 были они не велики, лице у нихъ шир-
 роуе, смаглаве, чело низке и плоске,

носъ короткій, очи маленьки, усь и борода рѣдки, уши велики, словомъ, весь складъ ихъ тѣла безъобразный. За то ѣздили они славно на коняхъ, та на нихъ они майже и взростали, переганяючи по широкихъ Азійскихъ стенахъ свой стада овецъ и верблюдовъ. У нихъ не было постоянныхъ жилищъ, ни городовъ, ни сель, но они зимою и лѣтомъ жили въ шатрахъ, выдѣланныхъ изъ хворосту, въ серединѣ выстеленыхъ коврами (диванами). Шатра тѣи они, переходячи куда-индѣ, разбирали и переносили зъ мѣстця на мѣстце. Для нихъ добре было всякое мясо, здорове, чи зъ падлины, а пили они кумысъ, т. е. напитокъ, приправленный зъ кобылячого молока.

Поодинокіи громады татарскіи звались ордами, а ихъ начальники ханами. Одинъ зъ такихъ хановъ Темучинъ, сполучилъ то волею, то неволею много такихъ громадъ або ордъ разомъ и назвался Чингисъ-Ханомъ. Онъ началъ нападати на сусѣдныи собѣ дикіи народы въ Азїи, на Китай и Персію, завоювалъ ихъ и такъ устроилъ великанскую свою татарскую державу, котора грозна стала въ цѣлой Азїи. Двохъ изъ своихъ воеводъ, Чепу и Суботая, выслалъ Темучинъ на западъ, щобы докончили завоеванья въ Азїи, и тѣи повели свои войска черезъ горы Кавказкіи ажъ до границъ Руси, а тутъ напали на Половцѣвъ. Ханъ По-

ловецкій, именемъ Котянъ, былъ тестемъ князя нашего Мстислава Удалого, тожь прогнанный теперъ Татарами изъ своихъ земель и выпертый ажъ до Днѣпра, сталъ просити у того зятя своего помочи, обдарилъ другихъ князей русскихъ богатыми дарами и говорилъ до нихъ: „Нынѣ забрали Татары нашу землю, а завтра возьмутъ вашу; боронѣтъ насъ, бо иначе будемъ посѣчены и мы и вы!“

Мстиславъ Удалый, роздумавши дѣло, запросилъ всѣхъ князей на нараду до Кіева. Князѣ собрались, начали радити и въ конецъ рѣшили, щобы собрати войска на ворога и ударити на него въ его земли. — Въ мѣсяци Апрѣлю р. 1224. они зѣхались изъ всѣхъ сторонъ съ войсками своими надъ Днѣпромъ, перешли Днѣперъ и пѣдъ начальствомъ Мстислава Удалого пустились въ степы на врага. По дорожѣ стрѣчали они тѣлько малыя отряды татарскіи, но скоро розбили ихъ на прахъ и поступали дальше. Дня 31. Мая 1224. станули наши войска надъ рѣкою Калкою, що впадае до моря Азовскаго. Первыи переправились черезъ рѣку Мстиславъ съ Даниломъ, а тутъ нечаяно станула передъ ними уже сама великая орда Татаръ, числящая кѣлька сотъ тысячъ люда. Мстиславъ съ Даниломъ ударили на врагѣвъ; зачалася ужасная борьба, борьба на житье и смерть.

Но Татаръ было за много; Мстиславъ мусѣлъ податись въ задъ, а Данило, раненый стрѣлою татарскою въ грудь, уступилъ такожь зъ боевища. Надоспѣли другіи князѣ съ Половцями, и теперъ всѣ разомъ станули челомъ супротивъ Татаръ. Первыи выступили Половцѣ, но не устояли и по короткѣй борбѣ завернулись утѣкати, а тымъ способомъ помѣшали ряды русскихъ войскъ. Оттакъ настала невиданная и нечуванная рѣзня. Мстиславъ старался всѣми силами привернути порядокъ — но на дармо! Князѣ и войска ихъ бились якъ лютыи львы, но нищо не помого, бо непрозрачная хмара Татаръ съ свойственною собѣ дикостію заливала нашихъ борцѣвъ до-кола кругомъ. Мало не цѣлое войско наше было вырубано въ цень; шестѣхъ князей убито, а три достались Татарамъ въ руки и были затоптаны на смерть ихъ ногами подъ накладеными на нихъ досками. Малая ледви горстка русского войска спаслася бѣгствомъ, а съ нею уцѣлили и наши князѣ Мстиславъ Удамый и Данилко.

Несчастная тая битва надъ Калкою затревожила цѣлую Русь. Такого пораженія не понесли еще русскіи войска николи, — а черная орда татарская, которую Русины въ первый разъ тутъ побачили, уже отъ первого того напада стала страшилищемъ на всѣ людскіи умы. На

счастье, Татаре еще не мыслили теперь о покореню русскихъ земель и въ сей-часъ по битвѣ надъ Калкою повернули назадъ въ Азію.

Дознавши такъ чувствительного наказанія Божого надъ Калкою, думала наша Русь, що князѣ наши опамятаются, згорнутся теперь чѣмъ-скорѣйше разомъ и подадутъ собѣ всѣ руки, щобы такъ боронити отчину ѳтъ вспѳльного грозного врага; — но где-тамъ! Духъ роздора mezi князями и духъ мятежа межъ боярами не застигъ, а сталъ продолжати свои лихіи дѣйствія.

Дальшіи безъурядицы въ Галицкой Руси.

Князѣ Мстиславъ Удамый и Данилко, вернувши зъ-надъ Калки, стали дальше управлять своими княжествами, а видячи великую опасность, яка угрожала имъ изъ востока ѳтъ Татаръ, скрѣпляли свои силы и пригстовлялись до ѳтпору на случай новыхъ бѣдъ. Но въ дѣлѣ тѳмъ стали имъ перепоню ихъ гордыи и власте-любивыи бояре. Одинъ Галицкій бояринъ, именовъ Судиславъ, найбогатшій изъ всѣхъ и наибѳльше вліятельный, началъ розносити ложныи вѣсти, що будьто Мстиславъ намѣряе всѣхъ бояръ выгубити. На вѣсть тую стали бояре утѣкати до Угоръ, и они то,

съ Судиславомъ въ челѣ, просили угорскаго короля о помочь противъ Мстислава. Король угорскій сполучился съ Поляками и двинулся на Галичь. Мстиславъ, узнавши о томъ, выступилъ противъ Угрѣвъ и Полякѣвъ, та и разомъ съ Давилкомъ и братомъ его Василькомъ (который николи не ѳступалъ Данилка) розбилъ ихъ пѣдъ Звенигородомъ. Помимо того таки спокою не было. Мстиславъ простилъ мятежникамъ боярамъ и Судиславу, но здѣлалъ ѳнъ то на своѣ клопѣтъ, бо Судиславъ со своими приверженцами объявилъ Мстиславу рѣшительно, що всѣ бояре желаютъ собѣ, щобы ѳнъ подружилъ свою доньку съ сыномъ угорскаго короля, Андреемъ и ѳтдалъ бы тымъ же Галицкѣй престолъ. Мирѣлюбивый и добродушный Мстиславъ, не хотячи допустить до новыхъ бунтѣвъ и кровопролитѣй, согласился съ предложениемъ боярѣ, выдалъ доньку свою Марію за Андрея, угорскаго королевича, ѳтдалъ имъ Галицкѣй престолъ, а самъ удалился въ свое удѣльное княжество на Подѣлю въ городъ Торческъ, где въ рѣкъ потомъ и умеръ (1228 г.).

Такъ зновъ прѣйшли Угры до Галича, но и теперъ не на долго, бо таки вскорѣ были выперты самымъ народомъ. Королевичъ угорскій Андрей, обнявши Галицкое княжество, поставилъ воеводою Судислава за его заслуги для себе,

и такъ оба они вразъ стали управлять Русію. Но теперь вскорѣ наскучило уже Галичанамъ зносити правленіе Угрѣвъ, народъ збунтовался, призвалъ Данилка изъ Волыня и по́дъ его начальствомъ прогналъ такъ Судислава, якъ и Андрея. Угры покусилиль еще и другій разъ достати Галича, и въ р. 1231. удалось королевичу Андрею зновъ завладѣти Галичемъ, но теперь уже по разъ послѣдній. Въ р. 1233. по́дступилъ Данило по́дъ Галичъ и осадилъ его. Народъ то́лько того и выкидалъ. Въ часѣ осады умеръ королевичъ Андрей, а Угры безсильни и битыи до того уже не оружіемъ, а страшною слотою, що точно тогды зъ неба на нихъ пала съ соромомъ утѣкали за Карпаты.

Данило добился окончательно отцевскаго престола своего въ Галичи и сталъ Великимъ Княземъ Галицко-Волынскимъ. Но еще разъ въ р. 1235. прійшло ему розправятись о сво́й престоль; въ то́мъ бо роцѣ случилось, що Данила не было въ Галичи, затѣмъ гордыи бояре, и убоявшись, що теперь уже ихъ сила и вліяніе на справы державы сломаны, скорыстали зъ отсутствія князя Данила и призвали собѣ на его мѣстце князя Михаила зъ Чернигова. Но мѣщане и народъ, огорчены до крайности поведеніемъ бояръ, выжидали лишь своего правовитого князя, и коли Данило по-

явился по́дъ Галичемъ, они розвали единадушно: „Се нашъ володарь, Богомъ давый намъ Квязь!“ та и кинулись всё до него, якъ пчелы до матки. О́тъ теперь не важился уже никто безпокоити Данила въ его владѣнїи надъ Русїю Галицко-Волынскою.

Нязь Данило о́тъ 1235—1264 года.

Второе нашествїе Татаръ.

Утвердившись на Галицкомъ престолѣ, думалъ Данило, якъ бы по́днести державу свою, якъ ввести въ ней ладь и добро, — и достигъ о́нъ той своей цѣли, бо слава Галицкой Руси и его слава возросла скоро до такой степени, що Русь считалась въ цѣлой Европѣ державою одною съ наибольшихъ, а Данило однимъ зъ найзнаменитшихъ князей.

Испытавши стóлько разóвъ невѣрности Галицкихъ боярь, простилъ имъ и теперь Данило великодушно, коли окончательно сталъ ихъ княземъ; но все-жь таки самъ городъ Галичъ черезъ тыхъ боярь сталъ ему нелюбымъ такъ, що о́нъ теперь построилъ собѣ городъ Холмъ, здѣлалъ его яко-бы другую своею столицею и перенѣсъ до него свóй княжескїй дворъ.

Оттакъ началъ Данило поволи при соединяти до своего княжества также и

други сусѣдныи русскіи землѣ, а въ р. 1239. загорнулъ Подѡлье и Кіевъ и посадилъ тамъ своего воеводу Димитрія. Сверхъ того покорилъ онъ собѣ Ятвяговъ надъ рѣкою Нарвою, Половцѣвъ



Князь Давидъ.

надъ Прутомъ и Серетомъ, забралъ Полякамъ землю Любельскую, и такъ утворилъ величезную русскую державу, которая простиралась отъ Днѣпра, Чорного моря и Дуная ажъ до Люблина, и отъ Карпатъ ажъ до рѣки Нѣмна на Литвѣ.

Но одна тяжкая мысль лежала на сердцѣ нашего Данила безъустанно, а то именно згадка о пораженіи надъ Калкою. Эта мысль всегда беспокоила его сильно, онъ бо предчувствовалъ, що новая гроза изъ востока приблизится и що незадолго ожидае его тяжкая розправа съ Татарами, тѣмъ бѣльше, що ходили уже вѣсти о новыхъ нападахъ ихъ на сѣверную Суздальскую Русь. Тожь началъ Данило оглядатись за помочію, заключилъ союзъ зъ Литвою, а самъ поѣхалъ на Угры, щобы угорского короля Белью позыскати яко союзника противъ Татаръ.

Межи тѣмъ вѣсть о новомъ явленіи Татаръ вполнѣ справдилась. Незадолго по поворотѣ зъ-надъ Калки умеръ Чингисъ-ханъ Темучинъ. По его смерти розпалась держава татарска на четыре части; часть западную званую „Золотая Орда“ или „Кипчакъ“ обнялъ внукъ Темучина, Бату-Ханъ, званый обыкновенно Батыемъ. Той двинулся въ р. 1237. съ цѣлою ордою своею на сѣверную Русь, розоряючи и истребляючи все въ неслыханый способъ. Татары нищили тамъ всѣ города и села мечемъ и огнемъ, убивали князей, бояръ и весь народъ; упали города Рязань, Бѣлгородъ, Суздаль, Владиміръ, Москва и пр. Суздальскій Вел. Князь Юрій хотѣлъ боронити свою землю, та палъ самъ и все его войско въ кро-



Подчища Батмя подъ Кіевомъ.



Защита Десятинной церкви отъ полчищъ Батюя
въ Кіевѣ.

вавой битвѣ. Цѣлая сѣверная Русь покрылась ѳть границѣ до границѣ трупами, а надъ ними одна тѳлько простиралась луна. Вернулъ Батый изъ сѣверной Руси, оставивши въ ней самыя згарища; но за три лѣта явился зновъ на Руси, а теперъ именно на Южной т. е. нашей.

Въ р. 1240 станулъ Батый подъ Кіевомъ. Хмарою непрозрачною Татаре явился тутъ, и якъ вспоминае лѣтописецъ русскій: „ѳтъ скрыпа безчисленныхъ повозокъ ихъ, ѳтъ рыку верблюдовъ и ржанія коней въ таборѣ татарскомъ, не могли жители Кіева чути слова одинъ другого.“ Кіевляне заперлись съ воеводою Димитріемъ и рѣшили боронитись до послѣднѣго. Тогда зачали Татаре деревянными таранами разбивати муръ. Зѣпоза розваленыхъ мурѳвъ боронились еще отчаянно Кіевляне цѣлый день, а въ конецъ не устояли. Татаре ворвались въ городъ, а Кіевляне заперлись въ Десятинную церковь. Но и тую развалили Татаре, разорили цѣлый городъ и весь вародъ вырѣзали въ пень. Зѣ того часу славный Кіевъ, мати русскихъ городѳвъ, на долго уже поднепаль.

Отъ Кіева погналъ Батый орду свою на Галицкую Русь, а зѣ ѳтти на Угры и на Польшу. Страшный то былъ часъ для отчины нашей! Данила не было дома; ѳнъ отправился на угры просити помочи, а тымъ часомъ падали его города

одинъ за другимъ; одинъ только укрѣпленный Кременецъ устоялся. Величье и достойнїе Руси ишло съ дымомъ, жизнь людская изливалась въ потокахъ крови. На развалинахъ Галича раздѣлилась орда татарска; одна часть погналась на Угры, друга на Польшу. Съ Угорщиною и Польщею, далѣй и съ Моравою и Шлезкомъ не лучше обѣйшлись Татары, какъ съ нашою землею. И такъ всюду народъ и города падали жертвою ихъ огня и меча. Ушоломлены успѣхами своихъ походѣвъ, Татары готовились идти дальше на западъ, где стоялъ имъ уже отвертый путь на Нѣмечину; но нагло на вѣсть о смерти верховного своего хана Октая, завернули они назадъ въ станица свои надъ Волгу.

По отходѣ Татаръ, вернулъ Данило изъ Угорщины на Русь, та горько заплакалъ, какъ увидѣлъ тѣ развалины, тѣи згарїща, тую купами людскихъ и конскихъ костей застелену красную землю свою. Однакожь помимо того онъ не подался отчаянью, но всѣми силами принялся подносить изъ руины свое княжество. Въскорѣ станули знову старыи города; люди що успѣли въ лѣсахъ и отлюдныхъ мѣстцахъ спастися передъ Татарами, вертали на свою землю, и такъ какъ мало уже было своего народа, то позволялъ Данило чужимъ, какъ Нѣмцамъ, Орменамъ и Грекамъ, поселятись въ нашихъ зем-

ляхъ. Такимъ способомъ станула поволи Русь наша зновъ на ноги и съ часомъ вертала до своей силы и славы. Вправдѣ покусились бояре и теперь еще разъ повести мятежь и призвали собѣ Ростислава, Черниговского князя который съ помочію Угрѣвъ и Полякѣвъ пустился завладѣти княжествомъ Галицкимъ; но Данило разбилъ его совершенно подъ Ярославлемъ, а непоправныхъ бояръ покаралъ строго.

Въ г. 1234 завозвалъ Батый всѣхъ князей Руси до Сераю щобы они зложили ему поклонъ преданности, наложилъ на нихъ данъ и предоставилъ собѣ надъ ними найвысшую власть. Тогда то раздѣлилъ Батый цѣлую подбитую Русь на западну и восточну, поставивши яко границу межи ними рѣку Днѣпръ. Въ восточной Руси, которая назвалась Великою Русію, онъ поставилъ верховнымъ княземъ Великого Князя Суздальского Ярослава, а въ западной, котора назвалась отъ теперь Малою Русію, князя Данила. Той подѣлъ Руси на Великую и Малую осталъ отъ теперь на всегда.

Зъ тыхъ поръ ѣздили всѣ князѣ сѣверной Руси, даже Вел. Князь Суздальскій съ поклономъ въ Золотую Орду, и до всѣхъ земель сѣверной Руси высылалъ Батый своихъ урядникѣвъ, такъ званыхъ басканѣвъ и бесерменъ, щобы тиі стягали зъ народу данъ, отъ которой были сво-

бодны тóлько духовныи лица и монастыри; а о Червоной Руси тогда якъ-бы позабыли Татары. Но то тóлько здавалось такъ: Батый бо ждалъ на Данила въ своей столицѣ Сераю, а коли той не явился, выслалъ нагнѣванный Батый своихъ послóвъ съ великою грозбою до него. Зажурился Данило — но щожъ было дѣяти? Опертись Татарамъ не было надѣи; треба отже было ѣхати и склонити голову передъ поганцемъ Батыемъ. Въ р. 1250 помолился Данило въ церквахъ въ Галичи и въ Кіевѣ, переправился черезъ Днѣперъ и поѣхалъ черезъ стѣны надъ Волгу до Батыя. Батый, узрѣвши у себе найзнаменитшого князя Руси, урадовался и принялъ его надсподѣванно добре и заговорилъ до него ласкаво: „Добре ты здѣлалъ, що пріѣхалъ до мене. А чи пьешь ты нашъ напитокъ кумысъ?“ — До теперь я его не пилъ, — отвѣтилъ Данило; но если прикажешь, буду пити“. Батый сталъ его угощати кумысомъ, назвалъ его своимъ другомъ, а потóмъ отпустилъ его здорово до дому. На доказъ своей ласки для него, Батый не посылалъ даже до Галича своихъ баскакóвъ по дань.

Повернуль Данило въ Галичъ здоровъ и безпечный о свою землю, та сумно ему стало и обидно, що óнъ принужденъ былъ передъ Татаринóмъ такъ унижиться и що теперь ніяко зъ ханской ласки уважался княземъ; тожь въ сей-часъ óнъ

зачалъ придумовати, якимъ бы спосо-
бомъ зъ неволѣ татарской вызволитись.
Въ той цѣли Данило сталъ дружитися
съ своими сусѣдами, и такъ звязался онъ
съ угорскимъ королемъ Белею и помо-
галъ ему въ войнѣ противъ Нѣмцѣвъ.
При той случайности оженилъ Данило
сына своего Романа съ одною княжною
австрійскою Гертрудою и добывалъ для
него австрійского престола; но намѣренія
тѣх не довелись до кѣнца. Позднѣйше
оженилъ Данило найстаршого сына Льва
съ Констанціею, донькою короля Белѣ,
а братанку свою Анастасію выдалъ за
вольского короля Болеслава. Самъ Дани-
ло оженился по смерти первой своей же-
ны со сродницею литовского князя Мин-
довга, а молодшого сына своего Шварна
оженилъ съ донькою тогоже Миндовга.
Такимъ способомъ получился Данило съ
сусѣдами своими и готовился скинути
изъ себе ярмо татарское.

Въ той самъ часъ прислалъ папа
римскій Иннокентій IV. своихъ послѣвъ
до Данила, предложилъ ему королевскую
корону и обѣтовалъ ему послати всѣхъ
князей Запада на помѣчь противъ Та-
таръ, щобы ино за то Данило принялъ
унию съ Римомъ. Данило долго надумо-
вался, но въ-конецъ видячи, що военная
помѣчь Запада противъ Татаръ ему не-
обходима, принялъ предложенія папы,

приступилъ до унии (згоды) съ Римомъ и короновался въ р. 1255 въ городѣ Дрогичинѣ яко король Руси.



Данило король.

Здавалось теперь, що Данило съ помочію своихъ союзникѡвъ, подпертый войсками, обѣщанными папою, смѣло зможе поставить чело Татарамъ, и затѣмъ прожене ихъ на всегда изъ Руси. Сталось однакъ совсѣмъ противно. Ханъ Батый, дознавшись, що Данило змовляе на него цѣлый западъ, выслалъ въ тои часъ воеводу своего Куремсу на Русь. Данило, уповаючи на то, що приспѣе помѡчь союзникѡвъ, началъ войну, и хотя на первой встрѣчи побилъ Куремсу, однакже тутъ и увѣрился, що дальше самъ бы не устоялся. Просилъ онъ затѣмъ папу о обѣщаную помѡчь, — но на дармо! Помѡчь не приходила. Тогда Данило, огорченъ до-живого зѡрвалъ всякую связь съ Римомъ, а ограничившись теперь на помѡчь самой тѡлько Литвы, рѣшилъ вразъ съ тою боронити своей отчины. Война тягнулась долго; три роки велось Данилови яко-такѡ. Со своими сынами Львомъ и Шварномъ онъ выпиралъ Татаръ що-разъ дальше за Днѣперъ, ажъ въ р. 1259 Батый ѡткликалъ нездѡбного Куремсу, а на его мѣстце выслалъ съ но-

имъ, войскомъ смѣлаго и лютого воево-
Бурундая. Той Бурундай налетѣвъ
и съ страшенною хмарою своего войска,
несъ нашою ледви отжившой Руси по-
ти тяжкіи удары. Онъ то вымагалъ те-
рь отъ Данила щобы той розорялъ самъ
он города и крѣпости. Данило хочъ-
хочъ принужденъ былъ тому повинот-
тись, щобы еще бѣльшого несчастья
землю свою не стягнути. Такъ зновъ
ли въ розвалинахъ города: Луцкъ,
земѣнецъ, Владиміръ, Львѣвъ и другіи
рѣщленны мѣста на Волыню и въ Га-
цкій земли. Одинъ Холмъ спасенъ былъ
тостію брата Данилового Василька.
Онъ однакъ не задоволился Бурундай,
онъ възвалъ еще Данила, щобы той
войскомъ своимъ ишокъ разомъ съ
старами на Польшу и на Литву. Радъ-
радъ принужденъ былъ Данило послу-
ти могущого Бурундая и выслалъ брата
сынѣвъ своихъ съ войсками, щобы они
помагали Татаръ въ нищеню Польци
союзной съ нимъ Литвы. Опустошивъ
и Русь, Литву и Польшу, повернулъ
Бурундай назадъ надъ Волгу.

Теперь то розглянулся Данико по
си своей, и тяжкій смутокъ овладѣлъ
въ сердце. Города розрушены, народъ
бѣдливый, — слава цѣлой Руси на долго
зкопана. До того еще почали Литовцѣ
титися за тое, що Русь наша руйно-
на съ Татарамы ихъ землѣ, убили Да-

нилового сына Романа, що пребывалъ на Литвѣ, и яко новыи враги они нападали на Русь. Тое горестное состояніе Руси было причиною страданій Данила, середъ которыхъ онъ и скончался въ р. 1264 въ своей столицѣ Холмѣ. Еще передъ смертію роздѣлилъ онъ свою державу на три части: брату Василькови отдалъ Волинь, сынови Льву далъ Перемышль и Львовъ, а другому сынови Шварнови Галичъ и Холмъ.

Изъ жизни Данила можемъ познати, що то былъ князь добрый, мудрый, мужественный и побожный; онъ дбаль о добро своего народа. Въ домашномъ своемъ житіи былъ онъ наилучшимъ отцемъ родины, почиталъ мать свою и любилъ дѣти свои искренно. Цѣлая его жизнь проходила въ неустанныхъ борьбахъ съ противностями, которымъ онъ смѣло ставлялъ чело и николи не упадалъ на духу. За молоду боролся онъ о достояніе своего отца, которое хотѣли ему отобрать вороги, а коли уже онъ добился отцовскаго престола, не усидѣлъ на немъ спокойно и счастливо, бо принужденъ былъ розправляться съ новымъ и страшнымъ ворогомъ, т. е. съ Татарами. Зависимость отъ Татаръ была для него такъ тягостна, що вязался онъ съ другими народами и принялъ былъ на часъ даже унию съ Римомъ въ надѣи, що такимъ способомъ охоронится отъ Татаръ. Но надѣя та

жестоко его завела, и онъ умеръ, не достигнувши задуманнаго своего бажанья, не успѣвши скинути зъ отчины своей татарского ига.

Зъ его то часѣвъ, отъ коли онъ изъ Великого Князя южной Руси сталъ королемъ Галицко-Володомірскимъ, назвалось и то княжество наше королевствомъ: а тое названіе, хотя потомъ за владѣнія Польши было залишено, но вконецъ за правленія Австріи оно таки обновлено, и затѣмъ наша галицко-русская земля слызе знову королевствомъ Галиціи и Володиміріи.

Л и т в а.

Уже за Данила начала наша Русь, входить въ близшіи сношенія съ судѣднимъ княжествомъ Литовскимъ. Позднѣйше заняла Литва весьма видное мѣстце въ исторіи Руси, для того уважаемъ умѣстнымъ познакомиться ближе съ тымъ сусѣднымъ народомъ.

Литовцѣ занимали маленькую лѣсистую краину надъ рѣкою Нѣмною, на сѣверѣ отъ нашего Волынского княжества. Жили они въ лѣсахъ и кормились дикими овощами и звѣриною. Яко погане, поклонялись они божищамъ, изъ которыхъ найстаршій былъ у нихъ Церку-

ность (Перунъ на Руси); кромѣ того почитали они ужей и змѣй.

Нечисленный народецъ той литовскій зѣ давенъ давна подчиненъ былъ русскимъ князямъ, ажъ доперва въ часѣ межиусобицъ нашихъ князей, Литовцѣ ѳтлучились ѳтъ Руси и начали поставлѣти собѣ своихъ князей. Одинъ изъ тыхъ литовскихъ князей, именовъ Рингольдъ, сполучилъ дрѳбныя племена въ одну державу и началъ розпространѣти границѣ ей нападами на сусѣднѣи землѣ. Сынъ же его Миндовгъ сталъ властивымъ основателемъ княжества литовского и назвался Великимъ Княземъ Литовскимъ. Съ тымъ то Миндовгомъ заключилъ нашъ Данило дружескѣи союзъ и оженилъ своего сына Шварна съ его донькою. Миндовгъ покинулъ поганство, сталъ христѣианиномъ и крестилъ себе и дѣти свои на вѣру нашу русскую. Сынъ Миндовга Войшелкъ, который былъ душою союза межи Литвою и Русію, вступилъ въ монастырь и постригся въ чернцѣ. Пѳзднѣйше, якъ намъ уже извѣстно, не могла Русь додержати заключеного союза съ Литвою. бо принуждена была давати Татарамъ вспомогагельныя войска на Польшу и Литву. Тогда выступилъ Войшелекъ зѣ монастыря и мстился на Руси; убилъ даже сына Данилового Романа, по чѣмъ ѳнъ назадъ вступилъ въ монастырь. Въ коротцѣ убитый былъ Миндовгъ

своими врагами, а Войшелкъ еще разъ покинулъ монастырь, добылъ собѣ отцевскій престолъ и тогда еще разъ ѣновилися дружескіи ѣношенія межи нимъ а нашимъ королемъ Даниломъ. Послѣ ѣтдалъ Войшелкъ литовскій престолъ шуринови своему Шварну, а самъ таки передъ концемъ жизни повернулъ зновъ въ улюбленное мѣсце свое въ монастырь.

Такъ стояли справы на Литвѣ при смерти нашего короля Данила.

Князь Левъ.

† 1301.

По смерти Данила былъ верховнымъ княземъ на Руси нашей братъ его Василько, который самъ княжилъ на Волыни. Левъ обнялъ землю Перемышльску и Львовскую, а братъ его Шварно землю Галицкую и Холмскую. Оба брата повиновались стрывеви, яко начальному князеви. Шварно былъ кромѣ того еще княземъ литовскимъ — но не долго. Въ р. 1270 умеръ Шварно, а удѣлъ его, т. е. Галичъ и Холмъ прилучилъ Левъ до своихъ земель и сталъ теперь княземъ цѣлой нашей землѣ Галичины. Въ р. 1271 умеръ Василько на Волыни и роздѣлилъ княжество Волынское такъ, що сынови своему Владиміру далъ городъ Владиміръ съ прилежащими зе-

млями, а наймолодшому сынови брата
свого Данила Метиславу, далъ Луцѣвъ.
Теперь прійшла верховная власть надъ



Князь Левъ.

Русю на князя Льва яко найстаршого
въ родѣ.

Князь Левъ былъ мужъ властелю-
бивый, но при томъ розсудный и про-
зорливый. Его задачею было охоронити

свою землю отъ нападѣвъ посторонныхъ и забезпечити собѣ въ ней владѣніе. Зналъ онъ, що отъ запада, т. е. отъ Поляковъ, дыбающихъ на захваченье русскихъ земель, не може ничего добраго сподѣватись; для того онъ скорше уже довѣрялъ союзови съ Татарами. Татары, хотя и якъ дикій народъ, но они не нарушали нашей вѣры, и позваляли Леву свободно розпоряжатись въ его княжествѣ; они придали ему даже значительный отрядъ своего войска для охоронны его особы и границъ его державы. Удержючи союзъ съ Татарами, князь Левъ воевалъ то съ Польщею, то съ Литвою, которые часто вдирались въ наши землѣ и рады были на всегда ихъ собѣ поѣбити; коли жежи тѣмъ Татары о поѣбитью земель въ южной Руси не думали, а якъ скоро являлись въ нихъ для хвилевой добычи, такъ скоро зъ нихъ и счезали.

Князь Левъ владѣлъ 37 лѣтъ. При концѣ жизни онъ змѣнился. Предпріемчивый и скорый на дѣло въ молодомъ вѣцѣ, онъ на старость стался лагоднымъ, жилъ въ мирѣ съ сусѣдами и дбалъ о порядокъ и добро своего народа. Щобы на будучность забезпечити Руси своей помочъ у сѣверной, сильной уже Суздальской Руси, онъ оженилъ сына своего Юрія съ донькою Вел. Князя Московского Суздальского. Дбаючи о благоустройствѣ своей землѣ, онъ отбудовалъ городъ

Львовъ, укрѣпилъ его твердыми стѣнами и окопами, и населилъ купцами Греками и Сарацинами. На горѣ, которая теперь называется „Высокимъ Замкомъ“, збудовалъ собѣ князь Левъ великолѣпный княжескій замокъ.

Послѣдніи дни жизни своей посвятилъ Левъ богомолію. Онъ удалился въ тихій закутокъ въ Спасскій монастырь (выше Старого-Мѣста), и тутъ здается принялъ на смертной постели монашескій чинъ и упокоился въ Бозѣ въ р. 1301. Тѣло его похоронено въ церкви монастыря въ Лавровѣ.

Въ р. 1767 по пожарѣ монастыря открыто въ каменной стѣнѣ двѣ трумны, обитыя серебрянными блихами и украшены рѣзбою. На одной изъ нихъ вырѣзано было имя Льва.

Король Юрій I.

Г. 1301—1315.

По смерти князя Льва вступилъ на престолъ Галицкой Руси единственный сынъ его Юрій I, который имѣлъ тогда уже 40 лѣтъ. Юрій отличился еще за жизни отца своего хоробростію яко дѣльный воинъ на поляхъ битвы; коли однакъ сталъ самъ княземъ, покинулъ дѣла военные и постановилъ собѣ въ мирѣ хоронити и забезпечити тое, що по отцѣ наслѣдилъ. Принужденъ лишь конечностію, бралъ Юрій за оружіе, но счастья

въ походахъ военныхъ не имѣлъ. Заразь въ початкахъ своего правленія, въ р. 1302 побитый ѡтъ Поляковъ, принужденъ былъ ѡтдати имъ городъ Люблинъ; но за то присоединилъ онъ до своего княжества землю Волынскую. Тамъ владѣли: сынъ



Король Юрій I.

Давида Мстиславъ и сынъ Данилового брата Василька Владиміръ. Оба ти князь померли до р. 1305. и тогда перейшла цѣлая Волынская земля на Юрія. Юрій, ставши ѡттакъ владѣтелемъ всѣхъ земель, якими управлялъ дѣдъ его король Давидо, вѣнчался королевскою короною

и принялъ названіе „Короли всей Малой Руси“.

Отъ теперь жилъ Юрій спокойно у себе и въ згодѣ со всѣми сусѣдами. Въ особлившой пріязни жилъ онъ съ польскимъ княземъ Болеславомъ Мазовецкимъ и выдалъ доньку свою Марію за сына тогожь, Болеслава Тройдена, изъ котораго супружества родился сынъ Болеславъ Тройденовичъ, крещенный въ русской вѣрѣ и названный русскимъ княземъ. Здавалось, що черезъ то въ спокою и гараздѣ прожіе король Юрій цѣлый свѣй вѣкъ, — но Богъ судилъ ему иначе; — онъ бо яко воинъ положилъ свою голову на поли битвы за отчину. А сталося то такъ: Выпало Руси провадити вѣйну, и то съ Литвою. На Литвѣ княжилъ передъ тѣмъ короткій часъ сынъ нашего короля Данила Шварно. По смерти Шварна завелись тамъ споры о княжій престолъ, ажъ въ-конецъ засѣлъ на немъ литовскій князь Витенъ. За его часѣвъ нападали на Литву нѣмецкіи рыцарѣ, такъ званы „Крестоносцѣ“, и перли ю до русскихъ границъ. Витенъ выслалъ сына своего Гедимина на Волинь, добывати землѣ. Въ р. 1315. вступилъ Гедеминъ въ русскіи предѣлы, zdobyлъ наши города Дрогичинъ и Берестъ и посувался що-разъ дальше до города Владиміра Волинскаго. Юрій собралъ на скорѣ свое рыцарство и съ помочію Та-

сь стануль противъ Гедимина підъ адиміромъ. Прійшло до завзятой боротьбы; Татаре подались и уступили, а наши вѣрники понали въ розстройство. Юрій вправдѣ удержати порядокъ и вступилъ самъ на челѣ свого войска, вѣрною тамъ, где боротьба найзавзятѣйша была; однакъ и его присутствіе въ бою ничего не помогло. Литовцѣ розбили нашихъ, а самъ Юрій, пробитый стрѣлою, погибъ яко богатырь за свою отчизну, за Русь свою.

Зъ жизни короля Юрія І. памятно и то, що вінъ старался усиленно затримати у себе въ Галичи митрополію. Навѣршикомъ бо всей русской Церкви всѣхъ епископствъ былъ до теперѣшда Митрополитъ Кіевскій, посвящаний Патріархомъ Царгородскимъ. Съ нашествіемъ Татаръ и съ паденіемъ Кіева, перемѣнилася и митрополія Кіевска, а въ р. 1299. перенесся Митрополитъ Максимъ изъ Кіева до Москвы. Изъ того выйшла негода для Руси Галицкой, бо если побѣда ей было нового Епископа, то выдало или вѣхати ажъ до Москвы, чтобы перенести Митрополитъ посвятилъ Епископа, а вѣрники выжидали, ажъ Митрополитъ приѣде въ Галицкую Русь. Въ виду того старался нашъ король Юрій, имѣти свого Галицкого Митрополита. Жилъ въ оный часъ въ Галицкой землѣ мужъ святой, именемъ Петро. Онъ родился на Волявю

и въ 13. рсцѣ своей жизни постригся въ монахи, а яко такіи прославился своими добродѣтелями, побожностію и писаньемъ (мальѣваньемъ) иконъ. Побднѣйше онъ удалился въ уединенное мѣстце надъ рѣкою Ратою (коло села Дворцы въ Жолковскомъ окрузѣ) где проводилъ святуу, строго монашескуу жизнь. Дознался о немъ король нашъ Юрій и упротсилъ его, щобы онъ ѣхалъ въ Цареградъ просити Патріарха о окремого Митрополита для Галицкой Руси. Петро послухалъ и отправился въ Цареградъ, и тамъ доручилъ Патріархови письмо отъ короля Юрія. Въ письмѣ томъ протсилъ Юрій, щобы Патріархъ посвятилъ на Митрополита того мужа, который ему доручилъ письмо. Патріархъ, побачивши, що Петро мужъ святой, истинно достойный занимати той святительскій чинъ, поставилъ его Митрополитомъ всеи Руси. Петро вернулъ на Русь, но заѣхалъ не до Галича, а до Москвы, тамъ осѣлъ и зъ-отти ходилъ по всѣхъ русскихъ земляхъ устроувати церковныи дѣла и посвящувати Епископѣвъ. Умеръ онъ въ р. 1326, а тѣло его нетлѣнное почивае до днесъ въ Москвѣ въ храмѣ св. Успенія.

Андрей и Левъ II.

Г. 1315 1324.

Перевага Литвы на Малой Руси.

По смерти короля Юрія стали Галицко-Волынскими князьями два его сыны, Андрей и Левъ II.; Андрей сидѣлъ въ Владимірѣ, а Левъ въ Луцку. Оба они урядили межю собою, щобы ѳтомстити на Литовцяхъ смерть отца своего, короля Юрія. Но оказалось, що силъ на не у Руси уже не ставало; князьъ свидисъ вправдѣ противъ Литовцѣвъ съ ѳмцами, но и то не помогло, бо Гедиминъ, литовскій князь, розбилъ напередъ Нѣмцѣвъ, а потомъ въ р. 1319. кинулся на Русь, ѳтобралъ ѳтъ князя Льва Рогичинъ и Берестъ и забралъ ему еще городъ Луцкъ. Князь Левъ оставилъ огды свою отчину и удался за Днѣпръ.

Гордый побѣдами Гедиминъ и захоженный военнымъ счастьемъ своимъ, не довольствовался частію землѣ Волынской, которую уже загорнулъ; ѳнъ видѣлъ добре, що держава Галицко-Волынска зачинае колебаться въ своихъ пѳдставахъ и що е трудно ему прійде дальше розширять свои заборы, а еще наконецъ зналъ и тое, що другая часть Руси, Русь сѣверная, уздальско-Московска, держится окремо, до того она все еще не уладилась съ Татарами, которыи именно лишь тую сѣверную Русь, яко наиблизшую ихъ су-

сѣдку, нападали, жестоко грабили и шили. Тожъ не залишилъ литовскій Князь Гедиминъ корыстати изъ тыхъ неблаприятныхъ обстоятельствъ Руси и въ шдѣ добычи двигнулся походомъ на Кіевъ. Счастье спріяло ему и теперь. Въ Кіевѣ княжилъ тогда якій то потомокъ зъ рюрика, князь Станиславъ; онъ то хотѣлъ повздержати Гедимина на пу въ Кіевѣ, однакъ надармо. Войско Станислава стрѣтилось съ литовскими воюсками пѣдъ Бѣлгородомъ; завязалась страшенная битва и кончилась такъ, а можна было предвидѣти. Гедиминъ побѣдилъ русскіи войска и пѣдступилъ у безъ перепоны пѣдъ самъ Кіевъ. Кіевляне не хотѣли здатися добровольно и держались цѣлый мѣсяць хоробро; но коли о вконецъ увѣрились, що долше не удержатся, отворили брамы Кіева, выйшли съ духовными и старшиною городовъ противъ Гедимина и ѣдали ему горю.

По занятію Кіева повернулъ Гедиминъ съ великою славою въ свою Литву а въ Кіевѣ поставилъ своего намѣстника Миндова. Такъ отже Гедиминъ допня своей цѣли: завладѣвши частію Воли и Кіевщиною, онъ имѣлъ уже перева на Руси и утвердилъ въ ней свое вліяние. Правду сказати, не найгѣрше выйшли т земля русскіи що прійшли теперь пѣд Литву. Они освободились ѣтъ тяжкого ярма татарского, и Гедиминъ не прих

ь Русинамъ кривды ни въ имѣнію, въ вѣрѣ, ни въ законахъ ихъ. Прото, онъ глубоко почиталъ православную вѣру и велѣлъ сынамъ своимъ и вельможамъ креститься по греческому обряду.

Маячи уже давнѣйше у себе въ употребленіи русскую бесѣду, Гедиминъ потомился теперь близше съ нашою литературою и наукою, и взялъ съ собою Литву много русскихъ ученыхъ, думныхъ, художникѣвъ и ремесленникѣвъ, и тѣи въ его краю ширили греческую и рускую бесѣду, просвѣщеніе, искусство и ремесла. Полюбилъ, якъ видимъ, Гедиминъ все, що было русское и ставя тое у себе дома зацепити, т. е. въ свою зрусчитити. Такъ отже пошла вправдѣ Литва оружіемъ русскіи войска, но за тое въ духовномъ взглядѣ наша подчинила собѣ Литву и здѣшную народомъ русскимъ вѣрою и божествомъ.

Межи тѣмъ на Руси Галицко-Волынскій князь, теряющей видимо политическую силу и самостоятельность, владѣлъ князь Андрей, сынъ Юрія І. Онъ то былъ наглядно, що войною ничего не делалъ, для того старался онъ войти въ дружескіи отношенія съ Гедиминомъ, и наконецъ осягнулъ онъ тѣмъ певше, що сына своего Юрія оженить донькою Гедимина, а свою доньку Бу-

шу выдалъ за сына Гедимина, Любча. Сверхъ того князь Андрей заключилъ еще торговельный договоръ и съ Немецкими князьями и жилъ въ пріязни съ польскими



Князь Андрей.

королемъ Владиславомъ. Отъ того времени проживалъ Андрей спокойно въ своей, пересиджуючи то въ Львовѣ, то въ Владимірѣ, и упокоился въ р. 1324, оставя единственному сынову своему Юрію Галицко-Володимірскую державу

Юрій II.

Г. 1324—1337.

Дванадцять лѣтъ владѣлъ кн. Юрій II въ Галицкой державѣ, называючи себе „Княземъ всеи Малои Руси.“ Въ самомъ дѣлѣ мала то уже стала была галицкая Русь: изъ земель Волынскихъ остались при ней тѣлько остатки. Левщина вся отобрана оставала при Литвѣ, а самой Галичинѣ не достало уже той державной силы и славы якою она недавно еще на всю Европу величалась.

Сей князь Юрій II. яко прямой помощникъ галицко-русскихъ королей Давида, Льва и Юрія I, хотя и мѣгъ называти себе королемъ Малои Руси, но онъ таки принялъ названіе мало-русского князя, а то головно по той причинѣ, що сіе имя „князь“ стало еще зъ часѣвъ праодителя русско-княжеского роду, первоо князя Рюрика, у всей Руси домашне, войске и народомъ русскимъ улюблене; коли межи тѣмъ названіе „король,“ якоходящее ѳтъ латинского запада, не имѣло для Русинѣвъ такъ милого значенія таки не принялося въ народѣ.

Примѣчаемъ тутъ, що славянскіи народы за найдавніишихъ временъ называли своихъ владѣтелей владыками, а зъ часѣвъ Рюрика настаю на Руси названіе князей. По принятію христіанства владыками стали называти русскихъ епископѣвъ, для которыхъ то названіе для бѣлой почести и до нинѣ удержалось, а за то кня-

себе на княжескій престолъ. Жили то-
 ы изъ родины Романовичей двѣ кня-
 зѣ, одна Марія, донька Юрія I, що
 да за княземъ польскимъ Тройденомъ
 мала сына Болеслава, а друга кня-
 зя Буша, жена Любарта Гедиминови-
 Литовского. По всесторонней нарадѣ
 адыки и бояре наши рѣшили запрот-
 ти до себе Болеслава Тройдено-
 ча который и крещенъ былъ въ рус-
 ой вѣрѣ и названъ русскимъ княземъ
 я того, що отъ матери былъ воспита-
 ый въ любви и прихильности для Руси.
 олеславъ призванный явился во Львовѣ
 ѣль-скорѣйше, щобы его кто не выпе-
 едилъ, и записягъ на св. Евангеліе що
 уде цѣлымъ духомъ русскимъ княземъ
 що постоитъ вѣрно за св. церковь и на-
 одъ рускій. Однакожь вскорѣ познали
 аличане, що тяжко завелись на Беле-
 лавѣ, бо сей-часъ по его вступленью на
 русско-княжескій престолъ они увидѣли,
 що Болеславъ отступилъ отъ материнской
 ьры, а перейнолъ на латинскій обрядъ,
 тже вже и черезъ то само онъ, яко пе-
 еходовецъ, заразъ стратилъ у Русинѣвъ
 ювѣріе. А якимъ княземъ былъ онъ для
 Руси, то вскорѣ показалось, бо онъ окру-
 авалъ себе самыми Поляками и Нѣмцами
 иновѣрцами, тымъ лишъ и роздавалъ
 амыи виднѣйшіи достоинства, накладалъ
 на народъ надзвычайныи податки, сталъ
 водити латинскую вѣру и ругался зъ вѣ-

ры православной русской. ба еще до то
на дворѣ своемъ заводилъ такую гиду
розпусту, якой въ земляхъ русскихъ
николи не бывало. Народъ русскій
стерпѣлъ такого князя, и въ самъ д
праздника Благовѣщенія р. 1340 Льв
не отруили Болеслава на пирѣ. О
была такъ сильна, що розсадили т
Болеслава на куснѣ.

Король польскій Казиміръ нападае на чину въ р. 1340.

Ледви тóлько позбылись Гали
Болеслава Тройденовича, а уже въ
ка день по томъ явился для Гали
Руси новый опѣкунъ, тогда могущій
лою, который не пытаючи никого,
вался въ предѣлы нашего краю, за
нулъ наши землѣ и прилучилъ ихъ
своей державы. Опѣкуномъ тымъ б
король польскій Казиміръ, назва
у Полякôвъ Великимъ. Той узнавши с
прасной кончинѣ сродника своего Т
деновича, замыслилъ помститись за
и при тóмъ добыти собѣ красныи и
гатыи русскіи землѣ. Тожь собралъ
въ сей часъ доборовый отрядъ вои
и пустился манôвцями, щобы не зве
ти ничіей уваги и ненадѣйно напасти
Львôвъ. За кôлька дней Казиміръ
нулъ у брамъ того города и осадилъ

ру св. Юрія, где много скрылося народа, а добывши скоро тую крѣпость, осадилъ и городъ. Львовяне, неприготовлены на такой несподѣванный нападъ, не могли и думати о долгой оборонѣ; тожь въ-коротцѣ они отворили Казиміру брамы мѣста; вымовивши собѣ лишь тое, чтобы онъ не посмѣлъ нарушати русской вѣры и княжескихъ сокровищъ, и що имъ Казиміръ торжественно прирекъ не нарушати. Казиміръ, вступивши въ городъ боялся еще розпоряжатись тутъ самовольно, отобралъ только обѣтницу вѣрности, а оставляючи давныи порядки въ управленіи городскѣмъ, выбрался назадъ. Но первое уже тое посѣщеніе на Руси король Казиміръ зазначилъ тѣмъ, що помимо данного приреченья забралъ дорогоценныи княжескіи сокровища, якъ то: два золотыи кресты съ часткою святого дерева крестного, на которомъ распятый былъ Спаситель міра Іисусъ Христосъ, до того двѣ золотыи короны, украшенныи дорогими каменями, также великолѣпныи княжескіи одежи и збруи, — та и повѣзъ до Кракова. Такой то былъ вступъ до дальнихъ дѣйствій Казиміра на Руси.

Того самого року по празднику св. Іоанна Крестителя вступилъ Казиміръ съ великимъ войскомъ уже отверто на Русь Галицкую, а города и крѣпости здавались ему — одни добровольцо, други по короткой, завзятой, но безъусиль-

шной оборонѣ. Тогда занялъ Казимиръ Перемышль, Любачѣвъ, Туставъ, Галичъ, Теревовлю, Кременецъ и Львѣвъ, и оставилъ уже свою залогоу, состоящую изъ нанятыхъ нѣмецкихъ воякъвъ. Такимъ способомъ загорнулъ онъ Галицкія земли прилучилъ ихъ до своего королевства польскаго, а самъ вернулъ въ Польшу. Было то въ р. 1340.

Другую часть Галицко-Волынскаго княжества, т. е. Волынь занялъ въ то самое время литовскій князь Любартъ мужъ Волынской княгини Буши, и сталъ тамъ удѣльнымъ княземъ, яко князь Литвы и Волыни.

Такъ положили сусѣды конецъ ликому и державному княжеству нашему Галицко-Волынскому, роздѣлили между себе достояніе наше, та и звелась наша сила, наша слава и воля наша. Русь згнетена и обиджена зачинае повинovati чужимъ владѣтелямъ, доживаетъ тяжкую гѣркую долѣ, та въ жалю и гореспѣвае:

„Взяли мене поломали,
Та въ пучечки повязали —
Така доля моя!“

Вел. Княжество Суздальско-Московское

отъ первого нашествія Татаръ до р. 1340.

Въ той самъ часъ, коли княжество Рязанско-Волынское по татарскихъ напа-
дахъ клонилося къ паденію, — дѣялось
и въ Рязани иначе въ земляхъ русскихъ на
Сѣверѣ, т. е. въ великомъ княжествѣ
Суздальско-Московскомъ. Не смотря на
то, что Русь тамта далеко бѣдѣ
нававала отъ Татаръ, чѣмъ наша Русь,
тѣмъ всегда шло въ ней къ лучшему,
и княжество Суздальско-Московское по-
мѣру бѣдъ бѣдѣ скрѣплялось и поступало
и воли до того, чтобы колись статись тою
Славянскою державою, чкою есть нынѣ
Славянская Русь.

Якъ знаемъ, въ р. 1237 явились Та-
тары на сѣверной Руси, истребили, ра-
зорили всѣ земли и города, и замѣнили
всю сѣверную Русь въ одно зорище,
и одно кладбище. Правда, двинулся
противъ Татаръ Вел. Князь Суздальскій
Юрій II., но не встигъ онъ охоронити
земли своей, погибъ самъ, погибло и все
то войско. Съ тѣхъ поръ высылали
туда Татары своихъ урядниковъ, баска-
ковъ и бесерменъ, а тѣи обдирали весь
рай и народъ безпощадно, собираючи
дань для своего Хана. Съ того часу под-
дала цѣла сѣверная Русь подъ иго та-
тарское и томилась въ немъ долго-пре-
долго, бо ажъ до р. 1480, т. е. черезъ 250

лѣтъ. Всѣ Князѣ сѣвера, такъ Великіи Суздальскій, якъ и другіи удѣльные князѣ, залежали ѳтъ ласки Ханѳвъ. Принуждены были ходити до нихъ и нятися до пятъ, за що Ханы затверждали ихъ въ ихъ достоинствахъ.

По несчастной кончинѣ Юрія II. Великаго Князя Суздальскаго слѣдовалъ на престолѣ велико-княжескомъ братъ его Ярославъ, который ѳздилъ съ другими князями до Батыя на поклонъ и получилъ ѳтъ него верховную власть надъ цѣлою Великою Русію. По Ярославу сталъ Вел. Княземъ Суздальско-Московскимъ сынъ его Александръ Невскій. Умный то былъ и прозорливый Князь. За жизни отца своего былъ ѳнъ княземъ свободнаго и славнаго Новгорода, и тогда выправлялся на Шведѳвъ, которыхъ и билъ надъ рѣкою Невою, ѳтъ чого и звала его Русь Невскимъ. Яко Великій Князь Суздальскій управлялъ ѳнъ дуи мудро 18 лѣтъ, а также благорозумно поступалъ ѳнъ взглядомъ Татаръ. Видѣлъ бо ѳнъ, що силою противъ нихъ не здѣлае ничего, ѳздилъ такъ и ѳнъ до нихъ часто, съ поклономъ, та и съ просьбами и подарунками отводилъ Ханѳ ѳтъ погубныхъ нападѳвъ на Русь.

По смерти Александра Невскаго, братанцѣ его и дѣти начали зновъ спорити межъ собою; видно, до теперъ еще не научила ихъ бѣда того, що тѳлько се

земь могутъ они устоятись. Тѣи на-
дѣники Невского, вмѣсто щобы разомъ
гнѣсь рука за руку и съ Малою Русію
учитись на ворага, стали ѣздити до
арь, клеветали одни на другихъ,
дни противъ другихъ призывали собѣ
помочь той бичъ Божій. Такъ зновъ
ливалась русская кровь то ътъ брат-
о, то ътъ татарского оружія.

Середь такого несчастья, водившого-
на Руси, жилъ въ маленькомъ тогда
одку Москвѣ наймолодшій сынъ
ксандра Невского, Даніилъ и того
рало провидѣніе, щобы ѡнъ спасалъ
тъ сѣверной Руси и вовелъ въ ней
адъ порядокъ. Даніилъ сидѣлъ спо-
но въ своимъ городци и управлялъ
ро и честно своимъ народомъ, такъ,
народъ весь въ Москвѣ и всюда
окрестности полюбилъ его надзвы-
но. Слава Москвы и еи князя розхо-
ась що-разъ дальше, и цѣлыи кня-
тва, найзнаменитшіи города лучи-
ь съ Даніиломъ. Въ р. 1299 перенесся
рополитъ всей Руси Максимъ изъ
ореного Кіева во Владиміръ Залѣсскій
о Москвы, а наслѣдникъ его, знаный
ь Митрополитъ святой Петръ,
еселился въ самую Москву. ѐтъ того
у всеѣ Митрополиты Руси постоянно
живали въ Москвѣ, ѡтъ чого городъ
почитался уже первопрестольнымъ

городомъ и стался яко-бы сердцемъ и душою Руси.

По смерти Данила вступилъ на престолъ Московскій сынъ его Юрій, а потомъ другій сынъ Іоаннъ Калита, который былъ княземъ сѣверной Руси отъ р. 1328 до 1340. Былъ се чрезвычайный и добрый князь. Ему то предсвѣстилъ святой Петръ Митрополитъ, что Богъ буде благословити родъ и что потомки его будутъ Царями и владѣть великою державою. И въ самомъ дѣлѣ уже самъ Іоаннъ Калита мудрымъ своимъ правленіемъ далъ первое основаніе великой Русской державѣ. Будучи въ зависимости отъ Татаръ, заходился онъ съ ними оглядно, и для того поставленъ былъ отъ нихъ Великимъ Княземъ всѣхъ русскихъ земель на сѣверѣ и востокѣ. Межи Татарамъ происходили тогда частыя спору, для того не могли они уже такъ натискать на Русь, какъ прежде, а брали дань лишь изъ Москвы. Отъ нихъ и оттуда удалилъ Іоаннъ Калита татарскихъ баскаковъ, а дань за Москву онъ платилъ самъ изъ своихъ доходовъ.

Вел. Князь Іоаннъ Калита понималъ хорошо, что найпершою задачею русскихъ князей есть та, чтобы скинути изъ себя татарское ярмо, чего они однакъ не успѣютъ здѣлать, пока разъ всѣ не получатъ подъ управленіемъ одной головы. Поэтому до исполненія той задачи далъ

мъ; онъ бо принявши названіе „Великаго князя всеи Руси“, подчинилъ собѣ съхъ другихъ Князей, держалъ ихъ крѣпкою рукою при собѣ, собиралъ отъ нихъ дань, а при томъ удерживалъ пріятныя сношенія съ Татарами, чтобы тѣмъ въ его дѣлѣ не перепиняли. Такимъ образомъ положилъ Іоаннъ Калита первыи пѣдвалины пѣдъ тое великанское вѣданіе Великой Русской державы и приготовилъ ей свѣтлую будучность. Онъ умеръ въ г. 1340, въ томъ самомъ роцѣ, въ которомъ Русь Галицкая стратила свою самостоятельность на всегда и роздѣлена перейшла пѣдъ владѣніе своихъ сусѣдовъ.

Іоанна называлъ народъ Калитою въ причины его особенного милосердія для бѣдныхъ; куда бо онъ только поступалъ или ѣхалъ, носили за нимъ калиту съ грошми, зъ которой онъ раздавалъ щедро всякому, кто помочи его потребовалъ.

Поглядъ на внутренне устройство Руси до р. 1340.

I. Церковь. Зъ часѣвъ введенія христіанства на Руси черезъ Владиміра Великаго, утверждалась тутъ Церковь Христова съ каждымъ днемъ що-разъ больше, и станъ духовный приходилъ до великаго

значенія и поваги. Уже Владиміръ Великій основалъ митрополію въ Кіевѣ и численныя епископства по цѣлой Руси, которыя въ XIII. и XIV. вѣцѣ было уже на Руси. Верховнымъ начальникомъ надъ всеми Епископами былъ Митрополитъ всея Руси Кіевскій, посвящаемый Патриархомъ Цареградскимъ за согласіемъ Великаго Князя Руси. Въ р. 1299 перенесся Митрополитъ Максимъ на сѣверную Русь, на рѣкъ до города Владиміра, а потомъ въ Москву. Изъ того обстоятельства вышлѣ невыгоды для Малой Руси, а окончательно церковный роздѣлъ, бо Малая Русь стремилась до того, чтобы имѣти своего власнаго Митрополита. Митрополиты посвящали Епископовъ, которыхъ выбирали соборъ старшіи священники, бояре и мѣщане вразѣ и съ княземъ. Князь выпосажали щедро епископства, надавая имъ десятину изъ мыта, меду, изъ лѣсовъ и пр. и назначали имъ доходы изъ монастырей, церквей, дворницъ и селъ. Церковь и настоятелѣ духовныи, якъ Епископы и священники, имѣли на Руси великіи преимущества. До Епископовъ належалъ судъ надъ мірскими людьми въ справахъ духовныхъ, а станъ духовный, т. е. игумены, священники (и попове), діаконы и причта церковная свободны были отъ суда мірскаго княжескаго, а подчинены были судови Владыки. Станъ духовный свободный былъ отъ всякихъ

аней, а люди, до него належащи, т. е. приписаны до монастырей или до владыцтвъ, обязаны были давати роботу дань (погребщину) тымъ служителямъ церковнымъ, которые въ церквахъ гололили славу Богу и за князей и народъ почилися. Такъ отже станъ духовный занималъ на Руси высокое мѣстце и имѣлъ великіи права и привилеи. Церкви и монастыри умножались и мали всюду великое уваженіе. А и подъ жестокимъ татарскимъ ярмомъ развивалась спокочно Церковь наша; Татары бо при всей своей жестокости не затрогивали ни вѣры нашей, ни обряда, но противно шановали нашу вѣру и почитали особенно станъ духовный, священниковъ и Епископовъ, такъ они не только что сохраняли ихъ жизнь, но освобождали ихъ даже и отъ дани, которую каждый мірскій житель Руси платити былъ принужденъ.

Только въ Галицкой Руси, и то ажъ на часовъ Болеслава Тройденевича стали находити сюда латинскіи монахи, Францисканы и Доминиканцы, которые трудились въ дѣлѣ соединенія Церкви въ Римъ и заводили где лишь могли, навѣтъ и насиліемъ обрядъ латинскій. Дѣло однакожъ тое не велось еще и за Болеслава Тройденевича; ажъ потомъ приняло оно широкіи размѣры за Казимира и другихъ польскихъ королей.

II. Держава. Житель Руси дѣлился на четыре сословія, т. е. 1) сословіе церковное, о которомъ що-ино говорится. 2) сословіе боярское, 3) мѣщанское и 4) простые люди или чернь.

1) Бояре, по-при духовенствѣ най-высшее сословіе на Русѣ, были то воеводы по городахъ, полководцѣ и найвысшіи достойники въ державѣ. Они окружали князя, назначали всякіи поборы и данины. Они добились великой власти и силы супротивъ сословія мѣщанъ и селянъ. Особенно на Руси Галицкой они дошли до такой власти, що неразъ распоряжали по своей волѣ княжескимъ престоломъ и въ своей самоволѣ заводили неразъ домашніи борьбы и безурядицы, поставляли или проганыли князей, а разъ навѣтъ одинъ бояринъ самъ для себе захватилъ княжескій престоль въ Галичи. Такъ лихо повліяло на нашихъ бояръ сусѣдство Польщи и Угорцины, где шляхта и магнаты въ подобный способъ придавливали мѣщанъ и селянъ та радили по своей самоволѣ.

2) Мѣщане жили по бѣльшимъ городамъ и посѣдали свои недвижимыи имѣнія и свои права. Съ-разу имѣли они великій голосъ въ справахъ державы, сходилися на вѣче, радили о законахъ, и свободны были ътъ данинъ. Но съ часомъ пригнетены ътъ бояръ, они теряли свои права, и одни изъ нихъ остались

о-такo свободныи, другіи платили по-тки князеви, инныи боярамъ. Мѣщане ободныи занимались по бѣльшой части рговлею и ремеслами.

3) Чернь земледѣльцы селяне, стано-ли найчисленнѣйшую часть народа, початку свободныи, но со взростомъ ярства потеряли свои права и свободу, али платити дань, ѳтбывати всякіи ро-ты въ громадѣ и для боярскаго двора, и часто выставлены были на грабежи гнетъ ѳтъ стороны боярства, именно тыхъ часѳвъ, коли то боярство на спо-бѣ шляхты польской было розбуило.

III. Торговля, искусство, литература.
 въ державѣ русской жили где куда также юплеменники, якъ Нѣмцѣ, Ормяне, Са-цины и Жиды, которыи наибѣльше за-имались торговлею. Князѣ надѣляли та-кхъ торговцѣвъ розличными привиле-и, щобы тѣлько держати въ земляхъ оихъ и черезъ нихъ удержовати тор-вельныи сношенія съ другими народа-и. Найважнѣйшимъ мѣстомъ торговель-имъ въ нашихъ земляхъ былъ Галичъ, ѳтки купеческіи лодки перевозили вся-и товары, якъ сбѣже, сѳль, дерево и пр. вѣстромъ на Чорное море до Цареграда, зъ ѳттамъ зновъ привозили выробы куства зъ золота, шолку и волны. Пѳз-ѣйше, коли Русь войшла и съ Нѣмця-и въ сношенія торговельныи, то голов-ами осередками торговлѣ стали городы

II. Держава. Жителѣ Руси дѣлились на четыре сословія, т. е. 1) сословіе церковное, о которомъ що-ино говорилось, 2) сословіе боярское, 3) мѣщанское и 4) простые люде или чернь.

1) Бояре, по-при духовенствѣ найвысшее сословіе на Руси, были то воеводы по городахъ, полководцѣ и найвысшіи достойники въ державѣ. Они окружали князя, назначали всякіи поборы и данины. Они добились великой власти и силы супротивъ сословія мѣщанъ и селянъ. Особенно на Руси Галицкой они дошли до такой власти, що неразъ распоряжали по своей волѣ княжескимъ престоломъ и въ своей самоволѣ заводили неразъ домашніи борьбы и безурядицы, поставляли или проганяли князей, а разъ навѣтъ одинъ бояринъ самъ для себе захватилъ княжескій престолъ въ Галичи. Такъ лихо повліяло на нашихъ бояръ сусѣдство Польщи и Угорщины, где шляхта и магнаты въ подобный спосѣбъ придавляли мѣщанъ и селянъ та ридили по своей самоволѣ.

2) Мѣщане жили по бѣльшимъ городамъ и посѣдали свои недвижимыи имѣнія и свои права. Зѣ-разу имѣли они великій голосъ въ справахъ державы, сходилися на вѣче, радили о законахъ, и свободны были ѳтъ данинъ. Но съ часомъ пригнетены ѳтъ бояръ, они теряли свои права, и одни изъ нихъ остались

яко-такo свободныи, другіи платили по-
датки князеви, инныи боярамъ. Мѣщане
свободныи занимались по бѣльшой части
торговлею и ремеслами.

3) Чернь земледѣльцы селяне, стано-
вили найчисленнѣйшую часть народа,
зѣ початку свободныи, но со взростомъ
боярства потеряли свои права и свободу,
стали платити дань, ѳтбывати всякіи ро-
боты въ громадѣ и для боярскаго двора,
та и часто выстарлены были на грабежи
и гнетѣ ѳтъ стороны боярства, именно
зѣ тыхъ часѳвъ, коли то боярство на спо-
сѳбѣ шляхты польскои было разбуяло.

III. Торговля, искусство, литература.

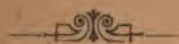
Вѣ державѣ русской жили где куда также
иноплеменники, якѣ Нѣмцѣ, Ормяне, Са-
рацины и Жиды, которыи наибѣльше за-
нимались торговлею. Князѣ надѣляли та-
кихъ торговцѣвъ различныи привиле-
гиими, щѳбы тѳлько держати въ земляхъ
своихъ и черезъ нихъ удержовати тор-
говельныи сношенія съ другими народа-
ми. Найважнѣйшимъ мѣстомъ торговель-
нымъ въ нашихъ земляхъ былъ Галичъ,
зѣ ѳтѣи купеческіи лодки перевозили вся-
кіи товары, якѣ сѳбѣже, сѳль, дерево и пр.
Днѣстромъ на Чорное море до Цареграда,
а зѣ ѳттамъ зновъ привозили вырѳбы
искуства зѣ золота, шолку и волны. Пѳз-
днѣйше, коли Русь войшла и съ Нѣмця-
ми въ сношенія торговельныи, то голов-
ныи осередками торговлѣ стали города

Львѣвъ, Луцкъ и Владиміръ, которые то города имѣли исключное право на складъ чужеземныхъ товарѣвъ. Черезъ такую широко розвинуену торговлю по́дносилось и добро народа матеріальное, заводились ремесла и по́дносилось просвѣщеніе.

Що до искусства и литературы завдичовала Русь свои успѣхи за тыхъ часѣвъ наибѣльше Грекамъ, именно высоко тогда образованному Царгороду, которую то столицю Греціи называли иначе Византією, а по́сля того также искусства Греко́въ наречено византійскими. Разомъ съ христіанствомъ зацепилося на Руси такожъ все умѣніе по вкусу византійскому. Просвѣщенная вѣрою Христовою Русь ставила по городамъ и селеніямъ церкви и приукрашала ихъ великолѣпно, къ тому же призывано майстрѣвъ, будовничихъ, рѣзьбарѣвъ и живописцѣвъ изъ Цареграда, а ти дали початокъ искусства того на Руси.

Якъ въ искусствѣ, такъ и въ литературѣ нашей зъ тыхъ часѣвъ видимъ вліяніе Цареграда. Съ вѣрою приняла Русь обрядъ греческій, а книги до Богослуженія переведены были изъ языка греческого на русско-славянскій. Первый переводъ святой Евангеліи походитъ ѳтъ св. Кирила и Меѳодія; другіи Богослужебныи книги переводили монахи наши въ Печерской Лаврѣ, выобразовавшіися на книгахъ греческихъ. Ти то русскіи

монахи занимались наибольше словесно-
стію и были первыми розсадниками про-
свѣщенія по всей Руси. Много памятни-
кѣвъ словесности нашей зъ найдавнѣй-
шихъ временъ заховалося до днесь, и они
посвѣдчаютъ такъ о высокой образован-
ности славной бывальщины, якъ и о нрав-
ственности и любви отчины современ-
ныхъ жителей. Такими памятниками суть
на пр. Русская Правда, Лѣтопись
Нестора, Поученіе дѣтямъ Вел.
Князя Мономаха, Слово о Полку
Игоря и прч.



ПЕРІОДЪ II.

(Г. 1340—1772).

ЧАСТЬ I.

Споры межи Литвою и Польщею о Галицко-Владимірскую
спадщину — до уніи Любельской (1340—1569).

Назимірь (польскій) и Ольгердъ (литовскій).

Съ прискорбіемъ приходится вводить
тебе, дорогій брате читателю, въ той но-
вый періодъ исторіи отчины твоей, Руси
Галицкой. Отъ теперь бо принимае исто-
рія тая совсѣмъ другій видъ. Не будемъ

уже стрѣчатись въ ней со славою и величіемъ той Руси, яко самостоятельной державы, и съ доблестными подвигами князей для добра народа, ни со взростомъ и возвеличеніемъ народа и Церкви нашей святой, а противно, станемъ придвлятись, якъ Русь наша теряе свои народныи права, якъ опѣкуны еи ѳтнимають еи тѣи права, славу еи и честь, якъ позбавляють еи всего, що ей было найдорожше т. е. свободы, а даже и русскую вѣру ей и обрядъ св. выдають на поруганіе. Правда и за прежнѣго періода, за часѳвъ своей самостоятельности южная Русь переносила не одно тяжкое горе, коли смотрѣла на руины земель своихъ за княжескихъ межиусобиць, коли умывалась въ потокахъ крови дѣтей своихъ, Татарами убитыхъ; но тогда все таки имѣла она своихъ князей, свои законы, свободно ей было называтись Русію, и тогда еи Церкви св. не посмѣла коснутись ни даже татарская дичь. Однакъ теперь — читай лишь далѣй, дорогой брате, а дознаешся, якую долю переживала наша южная Русь пѳдъ покровомъ братнѣи Польщи.

Въ паденіи своемъ роздѣлилась Галицко-Волынская держава на двѣ части: Галичину забралъ король Казиміръ до Польщи, а Волынская земля припала Литвѣ, т. е. Литовскому князеву Любартову, яко своякови вымершой княжеской

родины Романовичей. На Литвѣ умеръ Гедиминъ въ р. 1341 и оставилъ сѣмъ сынѡвъ, межи которыми заравъ по смерти отца прійшло до спорѡвъ, ажъ въ-конецъ двоухъ изъ братьей, Ольгердъ и Кейстутъ, ѡтличающіися межи другими умомъ и мужествомъ, взяли въ свои руки най-высшую власть, и они погодилися такъ, чтобы Ольгердъ сталъ надъ всѣми Великимъ Княземъ. Пѡдъ его верховною властію и опѣкою управлялъ Волынскою Русію братъ его Любартъ. Широ можемъ сказать, що пѡдъ тымъ литовскимъ владѣніемъ отдыхала Русь якъ-такъ свободно и переживала досытъ счастливы времена. Самъ бо Ольгердъ, оставивши брату своему, хороброму Кейстуту, оборону Литвы ѡтъ Нѣмцѣвъ-Крестонѡсцѣвъ, которые безъустанно непокоили Литву ѡтъ запада, звернулъ особенное свое вниманіе на справы Руси. Що до вѣры, родныхъ связей и поглядѡвъ своихъ былъ Ольгердъ такъ искреннымъ Русинѡмъ. Давно уже окрещенный въ православной вѣрѣ и женатый разъ и другій съ русскими княжнами, проживалъ ѡнъ майже постоянно на Руси середъ русскаго народа, преданный тому народу тѣломъ и душею мѡвъ-бы коренный русскій князь. Онъ старался якъ наибѡльше русскихъ земель собрати пѡдъ свое владѣніе, а привлечую ѡтъ Руси вѣру, народнѡсть и просвѣщеніе, надати своей рѡдной Литвѣ.

Не только самъ Ольгердъ, но и всѣ дѣти его крестились по обряду православному и дружились съ русскими княжескими дворами. На княжескомъ дворѣ Литвы чути было только русское слово, видно было только русскій обычай, а въ литовской Церкви только русское православное богослуженіе, — однимъ словомъ, все Литва походила вѣрою, народностію, науками, обычаями на справедливую Русь. Тоже не дивно, что народу русскому не такъ тяжело было жити подъ такою зрущею Литвою; не дивно, что народъ русскій связался съ Литвою дружескимъ союзомъ и полюбилъ ю и дѣлилъ съ нею широко и охотно такъ радость какъ и горе.

Инакъ складались дѣла въ Галичинѣ. Казиміръ съ польскимъ войскомъ и нанятыми Нѣмцами напалъ нечаянно на Галичину, загорнулъ ю насиліемъ и, чтобы въ ней обезпечиться, сталъ ей накидывать свѣи польскій ладъ. Русь, позбавлена такъ нагло самостоятельности своей, опамяталась, а предчувствуя, что ждетъ ю въ будущности подъ Польщею лихая доля, добыла послѣднихъ своихъ силъ, чтобы скинути чужое ярмо. А были тогда въ Галичинѣ два знакомиты рыцарѣ-бояре, потомки роду княжеского: одинъ Дмитрій Детко, воевода Перемышльскій, а другій Данило зч. Острога. Они то собрали народъ на раду, представили ему опасность, яка

рожае русской земли, и всё урадили, а лучше Русинамъ соединитися съ Татарами, якъ по́ддлагати Польщи. Татары выбирали зъ Руси лишь свою данину, въ прочіи внутренніи sprawy ей совѣтъ не мѣшались; Казиміръ же заразъ въ початку забылъ на обѣтницѣ, якіи поужилъ торжественно во Львовѣ, та гдѣ гдѣ накидати Русинамъ свои польскіи порядки, наставати на православную вѣру и перетягати на латинство нашихъ вельможъ и бояръ. Въ виду того не дивно, что Галицкая Русь отчайдушно клонилась же радше на сторону Татаръ.

Соединившись съ Татарами, выступили Русины всё, что ино ихъ было здобныхъ до оружія, и кинулись съ завязанностію на Поляковъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней они прогнали Поляковъ почти изъ Руси, а ворвавшись еще въ границѣ Польщи, пустошили тамъ мѣста, мѣста и села, а войска и заложники польскіи загнали по-за Вислу. Давши на первый разъ Полякамъ такую памятку, вернулись русскіи борцы въ Галичину, и Татары въ свою Орду. Дѣялось то въ р. 1342. Такимъ способомъ освободились Галичане на якійсь часъ отъ чужой власти и здобыли собѣ еще хотяи на коротко самостоятельность. Теперь назвали свои старшины и воеводы по годахъ, а найстаршій надъ ними былъ нимитрій Детко въ Перемышли.

Но такое независимое состояніе Галичины не долго уже удержалось. Казиміръ, выпертый изъ Руси, не пустилъ въ ока богатыхъ и хорошихъ земель русскихъ, а выжидалъ лишь отвѣтной способности, чтобы вновь ударити на нихъ и собѣ ихъ завоевати. Въ замыслахъ его вспоминалъ его всюда папа римскій, а сей взывалъ Мадярѳвъ и Чехѳвъ, чтобы ти ишли съ Казиміромъ воевати „шизма-тицкую“ Русь, а самому Казиміру ѳтступилъ на тую вѳину десятины костельныйякѳи побиралъ зъ Польци. Помимо всего того таки не скорше, ажъ въ 1349. нада-лась Казиміру удобная хвиля до похода на Русь. Въ тѳмъ бо роцѳ случилось что литовскій Вел. Князь со своими и русскими войсками зъ Волыня понѳсь ѳтъ нѳмецкихъ рыцарѳвъ чувствительное поражение и стратилъ много войска. Такъ тую то хвилю выкорысталъ Казиміръ для себе и собравши множество войска, двигнулся на Русь, и то уже не на саму Галицкую, а на Волынскую. Въ быстромъ походѳ ѳнъ загорнулъ города Волынскіи: Луцкъ, Владиміръ, Берестъ, а въ конецъ и Холмъ, который долго не хотѳлъ ему здатися. Въ забраныхъ городахъ Казиміръ поставлялъ всюда своихъ старостѳвъ, намѳстникѳвъ, свои залогѳ, и сталъ закладати латинскіи костелы. Якое впечатлѳніе здѳлалъ той походъ Казиміра на русскіи умы, свѳдчить о тѳмъ русская

пись Даниловича, въ которой ска-
: „Въ лѣто 1349. прійде король Ка-
ръ съ мною силою, и взялъ лестви-
ю Волынскую и много зла хрестіа-
нъ сотворилъ, а церкви претворилъ
латинское служеніе“. Въ той самъ
жѣ лѣтѣ, якъ говоритъ зновъ польская ли-
топись (kronika Bochwica), выбралась
одна часть шляхты польской на Га-
лицкую Русь, а остановившись подъ Пе-
ришлемъ, запросила до себе друже-
во Перемышльскихъ русскихъ бояръ
и аршинъ на раду и на гостину. Коли
необачныи пріѣхали въ ихъ таборъ,
и польскіи напали на нихъ по го-
рѣ, перерѣзали до одного, а самы за-
брали въ Перемышли. Такимъ то спосо-
бомъ добивалася старо-польская шляхта
здѣшніе надъ Русію.

Казиміръ завладѣлъ теперь Волынію,
оставивши Любартови только одинъ
городъ Луцкъ, повернулъ въ Польшу.
Какъ не долго тѣшилсѣ онъ своими
успѣхами на Волыню, бо уже въ р. 1352
г. литовскіи Ольгердъ и Лю-
бартъ, скрѣпивши свои силы, вторгнули
на землю Волынскую, повыганяли Поля-
ковъ изъ всѣхъ городѣвъ, та отобрали
и городъ Берестъ, Владиміръ, Холмъ, Белзь
и др., загнались ажъ въ землѣ Галицкіи
и носили Полякамъ много бѣдъ. На-
противъ русскій принималъ всюду Литов-
скіи войска съ отвертыми руками. Ольгердъ

могъ теперь присоединити до Литви цѣлу давнѣйшую Галицко-Владимірскую державу; однакъ ѓнъ задоволился самымъ пораженіемъ Поляковъ и ѓтobrаніемъ Волыня, а думаючи, що до Галича ѓнъ вмае такъ певного права, якъ до Волыни уступилъ изъ Галицкихъ городѓвъ. Казиміръ ограниченъ былъ однакожь теперь на самъ городъ Львѓвъ.

Не легко прійшло Казиміру перенести такіи тяжкіи удары, заданыи ему Литвою ѓнъ оглянулся за постороннюю помочіищобы ѓтплатити Литвѣ. Въ той цѣли ѓнъ завелъ переговоры съ угорскимъ королемъ Людвикомъ, и торгъ въ торгъ погодился съ тымъ и заключилъ вотъ такой договоръ: Король угорскій зрѣкъ своихъ (розумѣется, урoеныхъ) правъ до Галицкой Руси на корысть Казиміра, и застерѣгъ собѣ и наслѣдникамъ своимъ право, выкупити тѣи землѣ за 100,000 золотыхъ, если Казиміръ оставитъ по собѣ законного сына; если же Казиміръ умрѣ безъ потомковъ, то землѣ тѣи мають перейти на власность Мадярамъ. Черезъ такой контрактъ купна и продажи чуждо землѣ зыскалъ Казиміръ збройную помочь у короля угорского. Крімъ того выслалъ папа римскій наказъ до всѣхъ польскихъ бискупѓвъ, щобы тѣи голосны по всей Польщи военный походъ, такъ званую круціату (т. е. крестовый походъ) на истребленіе поганъ и „шизм

ковъ". И зачалъ Казиміръ теперь р. 1353 съ новыми силами и съ помочію Огдьярѣ новую нападную войну на Волынь. Ольгердъ воевалъ въ самъ той съ съ нѣмецкими крестоносцами; отже братья его князѣ Кейстутъ и Любартъ, воюя противъ Поляковъ и Мадяровъ, не могли, однакъ, не были въ состоянію одолѣти великихъ войскъ польско-мадярскихъ. Самъ Кейстутъ достался въ неволю, и Любартъ едва уишолъ изъ такую же долею. Въ коротцѣ однакъ случилось тутъ дѣла инный оборотъ. Ольгердъ, упоравшись съ Крестоносцами, бѣжалъ что-ино встигъ братьямъ на мочъ, ворвался въ польскій землѣ, побѣдилъ ихъ, а Казиміра и войска его отогналъ изъ Волыня. Кейстуту удалось спастись изъ неволѣ и онъ сполучился съ братьями. Казиміръ, увидѣвши теперь, что не зможе устоятись противъ Ольгерда, заключилъ съ нимъ новый миръ, который и недуже для себе выгодный. Въ договорѣ того мира Любартову признано за полкъ, Владиміръ и Холмъ; братанцю Ольгерда Юрію Наримунтовичу признано за полкъ, Кейстуту Берестъ, Казиміръ же держалъ одну тѣлько землю Львовскую, еще и съ той обовязался платити Татарамъ певныя данины.

Отъ теперь ажъ до р. 1366, т. е. черезъ дванадцать лѣтъ владѣлъ на Руси князь Галицкой, якъ и Волынской спо-

кѣй. Ольгердъ Литовскій, користавчи зъ того перемирья, отправился въ сей часъ на Татаръ, щобы съ ними розплатитись и прилучити до себе тѣи землѣ русскіи надъ Днѣпромъ и Днѣстромъ, которыи еще до недавна составляли княжество Кіевское и такъ званое Понизье, а которыи пѣдчинены были теперь Татарамъ. Въ р. 1362 розбилъ Ольгердъ совершенно ханѣвъ татарскихъ и забралъ имъ землю Кіевскую геть ажъ по-за Днѣпръ и Понизье, званое теперь Подѣльемъ. Подѣлье ѣнъ ѣтдалъ въ управленіе братанцямъ своимъ Коріатовичамъ, а землѣ Кіевскіи сынови своему Владимірови. Потомки того Владиміра, званыи Олельковичами ѣтъ сына его Олелька, княжили въ Кіевѣ перейшло 100 лѣтъ.

Коли Ольгердъ розправлялся съ Татарами, въ тую саму пору передумоваль зновъ Казиміръ надъ новою войною противъ Литвы. Въ р. 1366 уладившись на востоцѣ, воюваль Ольгердъ зновъ съ Нѣмцами, и тую то хвилю усмотрѣлъ Казиміръ яко найотвѣтнѣйшу, щобы напасти на Литву. Съ великимъ войскомъ поднялся ѣнъ на землю Волынскую и напаль тутъ князя Любарта. Любартъ самъ былъ за слабый, а коли помощь на разѣни откуда ему не надходила, тожь началъ ѣнъ уступати. Затѣмъ Казиміръ занималь одинъ городъ за другимъ; но и те-

перь не довершилъ замыслѣвъ своихъ, бо нагло явился Ольгердъ на помощь Любартови и не допустилъ Казимира до дальшаго похода. Тогда на предложеніе самого Любарта зроблено угоду, по которой землю Холмску и Белзкую, зависящую отъ Польщи, отдано Юріеву Даниловичу, потомкови галицко-русскихъ князей; землю Луцкую съ одною частію Владимірской звернено Любартови, а другую часть землѣ Волинской отступлено Казимиру, который изъ своей стороны посадилъ тамъ князя Александра Коріатовича. На томъ и закончились на теперь войны межи Литвою и Польщею въ спорѣ ихъ о посѣданье тыхъ русскихъ земель, въ которыхъ князей своихъ родовитыхъ не стало. Оттакъ Казимиръ уже до самой смерти своей не велъ уже войны на русскихъ земляхъ, а занялся другимъ дѣломъ, именно почалъ вводить

Новыи порядки на Галицкой Руси.

Землѣ русскіи, занятыи Казимиромъ до Польщи, граничили на западъ по рѣку Вислоку, а на востокъ по Сереть, на полудне по Карпаты, а на сѣверъ приширляли до княжества Владимірскаго. Цѣлая то-та пространь землѣ славна была своими богатствами, заполнена многими городами, цвитущая торговлею и промы-

словъ. Видѣлъ Казиміръ, що обогатилъ свою Польшу прекрасною добычію; щобы отже тую собѣ и наслѣдникамъ своимъ забезпечити, старался онъ ти землѣ тѣсно злучити со своею державою. Дѣло се онъ зачалъ отъ того, що на мѣстѣ давнихъ деревяныхъ замкѣвъ ставлялъ новыи мурованыи, а городаы обводилъ мурами и ровами (во Львовѣ, Певемышли, Сяноку, Любачевѣ, Теробовли, Галичи и Тустани). Зъ-початку, щобы не дразнити дуже русскимъ жителей, оставлялъ онъ по городамъ русскихъ урядникѣвъ и достойникѣвъ, а также русскіи установы. Особенно увагу звернулъ Казиміръ на городаы и горожанскій (мѣщанскій) станъ, отже щобы ти якъ найтѣснѣйше соединити, отновилъ онъ и розширилъ торговельныи сношенія русскихъ городѣвъ съ другими сусѣдными державами, надалѣ нѣкоторымъ городамъ (Львову, Сяноку, Ряшеву и Коломыи) нѣмецкое право, такъ званое „право магдебурское“, по которому мѣщане тыхъ городѣвъ вызволены были изъ подѣ судѣвъ королевскихъ урядникѣвъ, а имѣли свою раду громадскую и лаву (соборъ) своихъ судіѣвъ. Тое право вводило такожъ подѣлъ городскихъ ремесленникѣвъ и купцѣвъ на цехи. Съ правомъ магдебурскимъ вводились и новыи суды, но Казиміръ позвалялъ Русинамъ судитись своимъ русскимъ правомъ. — Тогда то зачала сходитись до нашихъ

родовъ громадами различная чужина
цѣлого свѣта, якъ особенно Нѣмцѣ
Жиды, и они то наибольше корыстали
новыхъ торговельныхъ свободъ на-
ихъ городовъ, поселяючись въ ихъ
ередкахъ, а вытѣсняючи нашихъ рус-
ихъ мѣщанъ поволи на передмѣстья,
верхъ того начали постепенно и высо-
и уряды и достоинства переходити
руки Поляковъ, а Казиміръ надѣлялъ
русскими землями и имѣніями, та
такъ паны польскіи чѣмъ-разъ числен-
йше находили на богатую русскую
млю, и не только що забирали они
сскіи землѣ, но еще ставались роз-
дниками латинской вѣры на нашей
уси. А о тое головно и розходилося
азиміру; онъ бо отъ сердца собѣ же-
лъ ввести на Русь вѣру тую, и тѣмъ
безпечити польское на Руси панованье.
къ отже онъ насылалъ на Русь мно-
ство латинскихъ священниковъ и ла-
нскихъ монаховъ, ставилъ имъ кля-
горы и костелы, надѣлялъ ихъ рус-
ими добрами, а даже отнималъ Руси-
мъ церкви и перетворялъ ихъ въ ла-
нскіи костелы. Сталось такъ во Львовѣ,
о Богородичную церковь назначилъ
азиміръ на костелъ (нынѣшню катедру
льскую). Латинскіи ксендзы и монахи
дили по дворахъ русскихъ бояръ и
льможъ и перетягали тыхъ на латин-
во, а въ томъ дѣлѣ наvertsанья велось

имъ успѣшно, бо Казиміръ оказоваль великую ласку такимъ переходовцямъ, роздаваль имъ достоинства и уряды. Не дивно отже, що найшлося немало ласыхъ на королевскую ласку, особенно наши колись славныи, а теперь зноровленныи бояре переходили въ польскій таборъ, ба где-якіи зъ нихъ, покинувши свою вѣру, преданія и звычайи народа своего, ставали Поляками. А коли побудовано по городамъ уже немалое число польскихъ костеловъ, то и фундовано для латинникѡвъ также лат. епископства на имѣніяхъ и добрахъ русскихъ церквей и русскихъ епископствъ. Такимъ способомъ закоренилося на Руси латинство, а Церковь русская убожѣла и упадала.

Одно ино еще непокоило Казиміра, а именно тое, що Русь Галицкая духовно соединена была съ Великою Русію, маючи надъ собою одного Митрополита всеи Руси, который сидѣлъ въ Москвѣ. Щобы отже розорвати тую связь, промышлялъ Казиміръ, якъ бы выстаратись для Галицкой Руси окремого Митрополита. Въ томъ дѣлѣ помогли ему самы русскіи вельможи и бояре. Тии видячи, що упадае вѣра и розстроюеся русска церковь, а на ей кошть пѡдносится латинство, думали, що причина тому така, що Митрополитъ ихъ, обитающій далеко ажъ въ Москвѣ, не въ состояніи боронити интересѡвъ русской церкви въ Галичинѣ,

зоровати Галицкіи епископства и удержати въ нихъ ладъ. Тожь и заявили и желаніе, щобы для нихъ постаршено емого Галицкого Митрополита. Не ба и говорити, що такое желаніе было зиміру тѣлько на руку. Тожь въ сей-ть, по русскому обычаю, где-якіи поски князѣвъ (якіи еще лишались зъныхъ русско-княжескихъ родинъ) сърами и духовенствомъ выбрали еписпа Антонія въ Галицкого Митрополита и выслали его до Патріарха Царгородского, щобы той его на оное достоинство благословилъ. Самъ Патріархъ, розтрьввши положеніе Галицкой Церкви, йшолъ такожь до переконанья, що тебъ именно потребный бы ей былъ свѣй трополить, и затѣмъ благословилъ тонія въ р. 1371 на Митрополита Галицкого, ѳтдаючи ему пѳдъ власть всѣ епископства, якіи тогда въ Галицкой си находилися.

Межи тѣмъ умеръ Казиміръ въ р. 1370. о называютъ Поляки „Великимъ“; и самомъ дѣлѣ былъ то человекъ нечаянно даровитый, рыцарь въ дѣлахъ военныхъ, мудрый управитель державы, свѣдѣный законодатель, справедливый судья; ѳнъ бралъ въ оборону станъ хлопцевъ противъ самоволѣ и несправедливости шляхты и магнатѳвъ, поднѣсъ жизнь обожанскую, торговлю, розширилъ грады Польщи; однакъ всѣ тїи заслуги

положилъ онъ только для Польши, а для Руси. Если же что и доброго на Русь дѣлалъ, то не дѣлалъ того за-для Руси, но за-для своей Польши. Правда, не уби онъ еще совершенно нашего народнаго житья, но за тое далъ сильную поделину до панованья Польши надъ нами и латинства надъ русскою церквою, а черезъ то само подкопалъ нашу народную жизнь и далъ первый толчокъ до даждя стисненья всякихъ правъ нашего народа и Церкви нашей.

Владиславъ Опольскій и Людвикъ угорскій яко владѣтелъ Руси Галиціей.

Казиміръ умеръ безъ мужеского потомка. Зъ его родины жилъ одинъ князь Владиславъ Опольскій и сестра Казиміра Елисавета, которой сынъ Людвикъ былъ королемъ угорскимъ. По подставѣ давней угоды, сталъ теперѣ Людвикъ королемъ Польши и владѣтелемъ той части Руси, котору Казиміръ прилучилъ до Польши; но онъ сидѣлъ собѣ въ Уграхъ, а до Польши выслалъ матеръ свою Елисавету. Подъ правленіемъ той женщины начала шляхта издovati въ Польши по своему, чѣмъ-расамовольнѣйше, а на Руси появили сильныя волнованія въ сей-часъ по смерти Казиміра. Русь бо корыстаючи зъ хвѣ

зыхъ безъурядиць польскихъ, подня-
 сь знову, щобы освободитись ѳтъ поль-
 ой зависимости. Дѣло тое началъ Лю-
 ртъ, князь Волынской. Ему стало жаль
 ихъ земель, що ѳтъ него забралъ Ка-
 міръ, и ѳнъ задумалъ ѳтобрати ихъ
 перь назадъ. Съ Любартомъ соединился
 братъ его, хоробрый Кейстуть и
 рій князь Белзкій, который былъ та-
 жь зависимый ѳтъ Польщи. Всѣ разомъ
 и кинулись съ войсками своими рус-
 ими на Польшу, а ѳтобравши Полякамъ
 родъ Владиміръ Волынской и очистив-
 и цѣлую Волынскую Русь зъ польскихъ
 погъ, пустились пустошити и руйнова-
 польскій край. Ограбивши довольно
 части польскіи надъ Вислою, они вер-
 ни съ богатою добычею въ свои землѣ.—
 Галицкой Руси поднялись въ тѳмъ же
 съ такіи самыи волненія въ народѣ,
 горый радъ былъ высвободитись изъ-
 дъ панованья Польщи. Галичанъ все
 и тягнуло до Литвы, где русская на-
 дность и Церковь русская имѣли вели-
 е значеніе. Тогда, якъ переае намъ
 топись, „исповѣдники православія по-
 бно возбранной рѣцѣ переполнили
 ай“. Многіи латинскіи епископы ѳт-
 шили ѳтъ римской церкви и повер-
 ни до православной вѣры. Не стало
 латинскихъ епископѳвъ, ни лат. ксен-
 ѳвъ, ни костелѳвъ, затѣмъ и доходѳвъ,
 горыми ихъ Казиміръ вывѣновалъ;

лишь малое число жителей на Руси осталось вѣрными латинству. Людвикъ угорскій, услышавши о томъ, що дѣся на русскихъ земляхъ, желалъ позбытиса клопоту та и даровалъ ти землѣ своякови своему Владиславу Опольскому. Такимъ способомъ достала теперь Галицкая Русь окремого князя зъ польского роду для себе.

Владиславъ Опольскій ставши княземъ Руси, вступилъ цѣлкомъ въ слѣды Казимира. Правда, онъ старался такожъ подносити торговлю въ нашихъ земляхъ, надѣлялъ города привилеями и бралъ въ оборону вародъ передъ самоволек бояръ и вельможъ; но помимо того, таки не злюбила собѣ его Русь, бо онъ зачалъ на ново вводити въ ней латинскій обрядъ. Заразъ зъ-початку онъ спровадилъ монаховъ Францишкановъ и Доминикановъ, установилъ польское арцибискупство въ Галичи и вывѣновалъ оное доходами сольныхъ жупъ зъ Дрогобыча и Жидачева. А коли польскій арцибискупъ въ Галичи не мѡгъ усидѣти, перенѣсъ его Владиславъ за согласіемъ папы римского до Львова, и тутъ далъ ему свѡй дѡмъ и даровалъ города Рогатынь, Олеско и Тустань. — На всѣ ти поступки Владислава смотрѣли съ огорченіемъ русскіи бояре и вельможи, що еще твердо стояли при своей русской Церкви и сносилися всегда съ Литвою и Литовскими

синами, а даже лучилися съ ними ино противъ Владислава. Въ самой Галичинѣ народъ сталъ що-разъ сильнѣйше лноватись и остро выступати въ обонѣ своихъ правъ и Церкви своей. Владиславъ видячи, що не умѣе утихоми-ти взбуреной Руси, зрѣкъся добровольно сского княжества въ р. 1379 и ѳтдалъ е назадъ Людвику угорскому, а самъ халъ на Шлезско.

Такъ перейшла теперь наша Русь ову пѳдъ владѣніе Угрѳвъ. Скоро тѳль-уступили залогн Владислава, прійшли сей-часъ до Галичины войска угорскіи заняли всѣ важнѣйшіи города. Людикъ дбалъ о нашу землю; а выслалъ до лича своего воеводу и своихъ урядни-въ, и тымъ поручилъ управлять на-имъ краемъ. Вправдѣ осягнули наши овояне где-якіи корыстныи права, но ѳлько и всего добра было намъ за ѳдвика; за тое забирали угорскіи уряд-ки и паны землѣ и города, а вѣру гинску ширили такъ само, якъ за ѳольского. Тожъ и не дуже жалила Русь, ни Людикъ въ р. 1382 померъ.

Людикъ оставилъ по собѣ тѳлько ѳ доньки, Марію и Ядвигу, и по-новилъ старшую изъ нихъ Марію еще житья своего королевою Угрѳвъ, Польщи Галицкой Руси. Однакъ Поляки не хо-ли зависѣти ѳтъ Угрѳвъ и допрошувалъ, щобы молодшая Ядвига приняла

лишь малое число жителей на Руси осталось вѣрными латинству. Людвикъ угорскій, услышавши о томъ, що дѣся на русскихъ земляхъ, желалъ позбытиса клопоту та и даровалъ ти землѣ свякови своему Владиславу Опольскому. Такимъ способомъ достала теперь Галицкая Русь окремого князя зъ польского роду для себе.

Владиславъ Опольскій ставши княземъ Руси, вступилъ цѣлкомъ въ слѣды Казимира. Правда, онъ старался такожь пѣдносити торговлю въ нашихъ земляхъ, надѣлялъ города привилеями и бралъ въ оборону народъ передъ самоволею бояръ и вельможъ; но помимо того, таки не злюбила собѣ его Русь, бо онъ зачалъ на ново вводити въ ней латинскій обрядъ. Заразъ зъ-початку онъ спровадилъ монаховъ Францишкановъ и Доминикановъ, установилъ польское архиепископство въ Галичи и вывѣновалъ оное доходами сольныхъ жупъ зъ Дрогобыча и Жидачева. А коли польскій архиепископъ въ Галичи не мѣгъ усидѣти, перенѣсъ его Владиславъ за согласіемъ папы римского до Львова, и тутъ далъ ему свѣи дѣмъ и даровалъ города Рогатынъ, Олеско и Тустанъ. — На всѣ ти поступки Владислава смотрѣли съ огорченіемъ русскіи бояре и вельможи, що еще твердо стояли при своей русской Церкви и сносилися всегда съ Литвою и Литовскими

синами, а даже лучилися съ ними ино противъ Владислава. Въ самой Галичинѣ народъ сталъ що-разъ сильнѣйше являтися и остро выступати въ оборонѣ своихъ правъ и Церкви своей. Владиславъ видячи, що не умѣе утихомирить взбуреной Руси, зрѣкъся добровольно польскаго княжества въ р. 1379 и отдалъ е назадъ Людвику угорскому, а самъ похалъ на Шлезско.

Такъ перейшла теперь наша Русь въ оуку подъ владѣніе Угрѣвъ. Скоро толькѣ уступили залогы Владислава, прійшли же сей-часъ до Галичины войска угорскіи заняли всѣ важнѣйшіи города. Людикъ же обдбалъ о нашу землю, а выслалъ до князя дича своего воеводу и своихъ урядниковъ, и тымъ поручилъ управляти нами въ краемъ. Вправдѣ осягнули наши воеваны где-якіи корыстныи права, но польско и всего добра было намъ за Ядвигу; за тое забирали угорскіи урядники и паны землѣ и города, а въ Русь и вѣру и языкъ ширили такъ само, якъ за польскаго. Тожъ и не дуже жалила Русь, и Людикъ въ р. 1382 померъ.

Людикъ оставилъ по собѣ толькѣ въ доньки, Марію и Ядвигу, и поновилъ старшую изъ нихъ Марію еще житья своего королевою Угрѣвъ, Польщи и Галицкой Руси. Однакъ Поляки не хотѣли зависѣти отъ Угрѣвъ и допрошувались, щобы молодшая Ядвига приняла

корону польску. Марія зрелася охот неспокойной Польщи на корысть сестры своей Ядвиги, но отъ Руси Галицкой хотѣла отступити, а задержала ю по своимъ Уграхъ, и ддятого назвала се также королевою Галиции и Володимир Якъ попередно Людвикъ, такъ тебѣ Марія отдала Галицкую Русь своимъ вдоводамъ въ правленіе, а ти предвидящо такъ чи сякъ Мадьяри не долго Руси удержатся, стали выпродавати Ілицкіи области и города Любартови Бельинскому. Тогда то перейшли на вѣность Любарта города: Кременецъ, Олехово, Лопатынъ, Рогатынъ и Снятынъ. Прочіи города, якъ: Галичъ, Перемышль, Львѡвъ и Тереховля остали при Маріи, однакъ не долго бо тѡлько до р. 1387, которомъ то роцѣ сестра ей Ядвига, королева Польщи, ти города знову до Польщи пролучила.

За королевы Маріи возникнули на Руси Галицкой такіи самыи мятежи, якъ и по смерти Казимира. Православныи Бѣлосины повыганяли латиньскихъ ксендзѡвъ и отобрали у нихъ добра, якіи имъ и давалъ Владиславъ Опольскій, а черезъ то они подорвали на якійсь часъ существованье латинского костела на Руси. Однакъ уже по трехъ лѣтахъ т. е. въ 1390 за короля польского Ягайла появилось на Руси латинство знову. Польскіи звернули латинскимъ епископамъ и

остелы и имѣнья, та заводили ксендзѣвъ
воихъ на Руси нашей все и все еще
больше.

Я г а й л о,

Вел. Князь Литвы, король Польши и дѣдичъ Руси.

По смерти Ольгерда въ р. 1377 сталъ
Вел. княземъ на Литвѣ сынъ его Ягай-
ло. Мати Ягайла была Юліянна, русская
княгиня Тверская, а сынъ Ягайло былъ
крещенъ по русскому обряду и одержалъ
на св. крещеніи имя Яковъ. Литва на-
ходилась въ томъ часѣ въ прикомъ по-
ложенію. Въ одной стороны мала завзя-
тыхъ вороговъ нѣмецкихъ Крестоносцѣвъ,
а въ другой стороны Вел. князей Москов-
скихъ, которыхъ зразивъ собѣ нероз-
важный Ягайло и стянулъ на Литву
ихъ непріязнь. Щобы спасти себе въ
той бѣдѣ, задумали Литовцѣ и Ягайло со-
единитись съ сусѣдною Польщею. А власне
теперь надалась имъ къ тому наилучшая
способность. На польскомъ престолѣ за-
сѣла молода и красная королева Ядви-
га. Тую то Ядвигу стали Литовцѣ сва-
тати за своего Ягайла. Поляки вельможи
и духовенство возрадовались чрезмѣрно,
узнавши о тыхъ сватахъ; для нихъ было
то дуже на руку прилучити до Польши
Литву и богатии ей русскіи землѣ. Тожъ
почали они усильно намовляти Ядвигу.

щобы не ѳткидала сватѳвъ литовскихъ. А хотя Ядвига мала уже выбраного своего жениха, австрійского князя Вильгельма, но якъ стали паны наставати и в уговорювати, ѳтказалась Ядвига ѳтъ своей любви и вволила волю польскихъ панѳвъ, ѳтдаючи руку Ягайлѳ. Тогда Поляки поставили Ягайлѳ свои условія и такое вымагали ѳтъ него: щобы ѳнъ еще передъ вѳнчаніемъ принялъ латинскую вѳру; дальше щобы окрестилъ Литовцѳвъ, которые тогда были еще въ поганствѳ, а въ-конецъ, щобы и православную Литву и Русь навернулъ на латинство. Ягайло былъ человекъ слабой волѳ и мало образованный; тожь ѳнъ въ сей часъ присталъ на всѳ условія Поляковъ, и хотя крещенный уже въ православной церкви, таки перекрестился на латинскій обрядъ, а съ нимъ тогда уже перекрестилось и много литовскихъ князей и бояръ. Вскорѳ вѳнчался ѳнъ съ Ядвигою, короновался въ Краковѳ въ р. 1386 и назвался „Королемъ Польщи, Вел. Княземъ Литвы и дѳдичемъ Руси.“ Гнѳвалася Русь, гнѳвалася и Литва, що ихъ князь сталъ переходовцемъ, а нѳкоторые князѳ русскій и литовскій выступили противъ Ягайла съ оружіемъ. Однакоъ Ягайло чувствовалъ теперъ себе въ силѳ и не убоялся. Князѳ, возставшіи на Ягайла, не удѳяли ничего; они улягли передъ силою. Ягайло межѳ тѳмъ приступилъ быстро до дѳла,

е обѣцалъ Полякамъ, та и къ сожа-
лю, добре имъ выслуговался. Въ сей-
тъ по своей коронаціи выправился онъ
множествомъ польскихъ священникѡвъ
Литву и выдалъ тамъ наказъ, щобы
погане и православныи крестились
латинскую вѣру. Въ престольномъ го-
дѣ Литвы, въ Вильнѣ, Ягайло зало-
лъ латинское епископство въ земляхъ
и основалъ много латинскихъ паро-
и вывѣновалъ ихъ щедро добрами.
уже оповѣстилъ Ягайло своему народу,
всѣ землѣ латинскіи прилучае до
лицы, а литовскимъ боярамъ надае та-
же прара и свободы, якии мала шля-
польска, однакожь тымъ тѡлько
и нихъ, що пріймутъ латинскую вѣру.
ерхъ того Ягайло выдалъ еще за на-
вою поляскихъ панѡвъ и ксєндзѡвъ
моту, котора приказовала, щобы Ли-
цѣ католики що поженились съ пра-
славными, сорвали слюбъ, а женились
другій разъ съ католичками, всѣ же
славныи, если входятъ въ супруже-
о съ католиками, должны перекрести-
ь на латинскую вѣру. Того было уже
бѡвцямъ, а особенно Русинамъ за мно-
Поднялись негодованія, народъ роп-
ь и бунтовался по всѣмъ городамъ и
амъ, князѣ русскіи и литовскіи зачали
ыватись ѡтъ Литвы и не хотѣли при-
вати надъ собою ни Ягайла ни брата
Свиргайла, которого поставилъ Ягай-

до Вел. Княземъ для Литвы. Народное возмущеніе ставалось що-разъ грознѣйше и причиняло много бѣдствія такъ Ягайлѣ, якъ и всѣмъ землямъ русско-литовскимъ.

Въ томъ часѣ, коли Ягайло такъ усильно заводилъ латинство на Литвѣ и въ прилученной до нея Руси, т. е. такъ званой литовской Руси, была Галицкая Русь подѣ владѣніемъ Угрѣвъ. Тая Русь наша належала тогда еще до Маріи королевы угорской, сестры польской Ядвиги. А коли точно тогда возникли на Угорщинѣ страшенныи бунты народныи Ядвига скорыстала зъ того, выправила польскіи войска на Галицкую Русь; тѣ прогнали угорскіи залогі и заняли Снокъ, Перемышль, Львѣвъ, Теревовлю, Галичъ, та и прилучили зновъ Галицкіи землѣ до Польщи. Русины нерады бы такой перемѣнѣ; но Ядвигу щобы не допустить до возмущеній, подтвердила гордови Львову и другимъ русскимъ гордамъ всѣ свободы и права, якіи они подѣ правленіемъ Угрѣвъ имѣли. Добыти тѣи землѣ русскіи отдалъ мужъ Ягайло въ управление своему воеводѣ Янови зъ Тарнова, который и назвалъ русскимъ старостою. Такъ и прійшъ Галицкая Русь зновъ подѣ панованъ Польщи.

Витолдъ и Свидригайло,

Вел. Князь литовско-русскій.

Новыи порядки, якіи вводилъ Ягайло на Литвѣ, особенно же насильное напущеніе латинства, вызвали такъ въ самой Литвѣ, какъ и въ литовской Руси великое неудовольство и возмущеніе такъ дворянъ, какъ и народа. На челѣ тыхъ неудовольныхъ станули два литовскіи князь, какіи братья Ягайла, а то стрыечный братъ Витолдъ и рѣдный братъ Свидригайло. Первый, Витолдъ выступилъ въ оборонѣ Литвы и ей независимости ѳтъ Польщи. Былъ то мужъ великихъ дарованій, смѣлый; удалый рыцарь, но въ поступованью своемъ впадалъ иногда въ суперечности и оказовался двучиннымъ. Разомъ съ Ягайломъ ѳнъ пріяель былъ латинскую вѣру, а помимо того ѳнъ съ початку стоялъ сильно за Литвою и Русію, не допускалъ до нихъ польскаго господарства; но какъ тѣлько началъ Вел. Княземъ Литвы, началъ входить зновъ въ переговоры съ Польщею и угодитися зъ нею. Пѣзднѣйше ѳнъ стался зновъ сорвати всѣ угоды, носился въ мыслию о самостоятельности Литвы и Руси, и теперь увидѣлъ, що се было не надаремно; ѳнъ бо сповязался уже тѣсно съ Поляками, що тѣи не дали ему довершити намѣренія. Въ конецъ

оказалось що всѣ заходы Витолда были безкорыстны, а для Руси вредны.

Не такойъ былъ Свидригайло, другій защитникъ правъ Литвы и Руси. Той превосходилъ Витолда разумомъ, твердостью характера и щирымъ патриотизмомъ. Крещеный въ вѣрѣ православной, онъ не хотѣлъ за Ягайломъ принять латинска, а противно, остался вѣрнымъ своей вѣрѣ и боролся за ню половину столѣтїя. Въ матери Русинь, былъ онъ цѣлымъ сердцемъ и всею душою Русинь. Онъ прилягъ до русскаго народа, выступилъ явно яко предводитель Руси, а всѣ его дѣла и подвиги стремили къ тому, чтобы повернути Руси давнюю ей честь и славу, чтобы утворити назадъ русскую самостоятельную державу, высвободити русскїя землѣ изъ подъ владѣнїя Польщи и поставити на ноги такую Русь, яка была за Романа и Данила. За тое то и полюбилъ русскїй народъ того покровителя своего, батькомъ рѣднымъ его называлъ, и шоль за нимъ въ огонь и давалъ за него жизнь и имѣнїе. — Къ сожалѣнїю, не доведось и Свидригайлѣ исполнити замыслѣвъ своихъ. Въ дальшой исторїи дознаемся, що было причиною, що тїи хорошіи намѣренїя Свидригайла на ничемъ кончились. Передъ тымъ должны мы тутъ розказати исторїю за князя Витолда.

1) Витолдъ, Вел. Князь Литовско-русскій.

Князь Витолдъ огорченъ тымъ, що Ягайло ставши королемъ Польщи, отдалъ землѣ литовскіи въ управленіе брату своему Скиргайлѣ, яко старостѣ Литвы; затѣмъ Витолдъ станулъ по сторонѣ Литовцѣвъ и Русинѣвъ, недовольныхъ распоряженьями Ягайла. Онъ призвалъ собѣ въ помощь крестоносцѣвъ, соединился съ княземъ Юріемъ Белзкимъ, котораго Ягайло прогналъ изъ Белза и выступилъ противъ Ягайла. Прійшло до вѣны, которой конецъ былъ такий, що Ягайло призналъ Витолда Вел. Княземъ Литвы и належащихъ до ней земель русскихъ, а кромѣ того Ягайло согласился на то, чтобы Литва была державою сама для себе, за що Витолдъ обовязался, що буде жити въ братной згодѣ зъ Ягайломъ и буде помогати ему войскомъ, если где окажется того потреба. Такимъ способомъ оставала теперь при Польщи только одна Галицкая Русь; всѣ же прочіи русскіи землѣ прежнѣго Волынского и Кіевскаго княжества подчинены были Витолдови. При такомъ состояніи рѣчей можно было надѣяться, що Русь и Литва подъ начальствомъ мужественнаго Витолда выволятся на всегда зъ-подъ вліянія и опѣки Польщи. Но щожь? — таки самъ Витолдъ не допустилъ до того! Онъ былъ католикомъ римскаго обряда, и его та-

гнуло всегда до запада и до Польши. Вправдѣ онъ самъ не преслѣдовалъ русской Церкви, но за то все таки дружилъ съ Ягайломъ и польскими панами, которымъ не давала покою тая мысль, що они не могли на Руси и Литвѣ свободно по своей волѣ распорядиться. Тѣмъ то паны польскіи разомъ съ Ягайломъ поддавали Витолдови гадку, чтобы онъ на Литвѣ и на Руси запровадилъ „унію“ съ Римомъ, т. е. чтобы Церковь русская осталась вправдѣ при своемъ обрядѣ, но чтобы признала папу римского головою своей Церкви. Витолдъ, яко католикъ, принялся охотно за такое дѣло, но изъ того не вышло много добра ни для Литвы, ни для Руси. На саму бо згадку о уніи, взволновался народъ православный и православныи князѣ а цѣлая Литва и Русь подѣлилась на два таборы: одни, т. е. католики, стояли при Витолдѣ, а други, православныи станули противъ него подъ начальствомъ Свидригайла. И други князѣ русскіи, якъ Володиміръ Кіевскій (сынъ Ольгерда) и князь Корятовичъ на Подолью, не хотѣли признати Витолда надъ собою верховнымъ княземъ. Дойшло до того, що треба было оружіемъ розправлятися. Счастье сприяло Витолдови. Напередъ покорилъ онъ Владиміра Кіевского, прогналъ его зъ Кіева, а княжество Кіевское отдалъ Скиргайлѣ. Коли же Скиргайло вскорѣ померъ, то Витолдъ

придучилъ землѣ Кіевскій яко провинцію до Литвы и поставилъ тамъ своего на-мѣстника. Пѣзднѣйше выправилъ Ви-толдъ на Подѣлье, побилъ Корятовича, прогналъ его, а землю Подѣльску продалъ Ягайлѣ за 20.000 гривенъ серебра. Ягай-ло же даровалъ землѣ тѣмъ заслуженному своему польскому пану Спыткови зъ Мельштына. Съ Свидригайломъ удалось Ви-толду помириться. Такъ изъ всѣхъ тѣхъ внутреннихъ борѣбъ выйшолъ Витолдъ побѣдоносно; переконался однакъ, що на теперъ не ма еще що съ „унією“ зачина-ти, та и далъ тому spokѣй,

Вел. княжество Литовское съ русски-ми землями примыкало теперь непосред-ственно до Орды татарской. Осмѣленный до теперѣшними своими побѣдами, Ви-толдъ задумалъ еще покорити собѣ и Та-тарь. Онъ затѣмъ приготовилъ великое войско литовско-руско-польское, и въ р. 1399 ударилъ на Татарь. Надъ рѣкою Ворсклою, що вplyвае до Днѣпра, завя-залась страшная битва, а конецъ ей былъ майже такій самъ, якъ надъ рѣкою Калбою въ р. 1224. Войска Витолдовы розбиты были на всѣхъ становищахъ, полягло множество народа, множество князей русскихъ и литовскихъ, вырубана была шляхта польска, межи инными по-гибъ и Спытко зъ Мельштына, владѣ-тель Подѣлья, а самъ Витолдъ ледви у-тѣкъ зъ боевища и спасся бѣгствомъ.

Татаре загналися на Русь, розбурили Кієвъ и давнымъ своимъ обычаемъ опустошали Подолье и Волинь, оставляючи зновъ на долгиі лѣта горестную памятку для бѣдной Руси. Найстрашнѣйшую мечьтворили Татаре на Подолью, где по смерти Спытка не было кому краю боронити передъ ихъ напастями; ажъ доперва потомъ сжалился Витолдъ, откупилъ тѣ земли назадъ отъ Ягайла и отдалъ ихъ брату Свидригайлѣ.

Тымъ часомъ ломили собѣ голову паны польскіи и польска шляхта надъ тѣмъ, щобы Литву соединити съ Польщею и прійти до власти въ тыхъ пространныхъ земляхъ Литвы и богатыхъ областяхъ русскихъ. Въ конецъ они такъ довели до того, що Ягайло зѣхался съ Витолдомъ въ Перемышли, и тутъ обзѣдали такую угоду: если Ягайло умре бездѣтный, то Витолдъ засяде на престолъ Польщи, а если Витолдъ умре передъ Ягайломъ, то Ягайло настане Вел. Княземъ Литвы и Руси. При той угодѣ были свидѣтелями паны польскіи и литовскіи, и тѣи зъобовязались, що по смерти Ягайла или Витолда на будущее вспѣльно выбирати собѣ будутъ одного короля.

По такой угодѣ успокоились немного паны польскіи, надѣючись, що если не теперъ въ сей-часъ, то по крайной мѣрѣ

и долго станут властителями Литвы и цѣлой Руси.

Но нашлись такіи, которымъ угода не совсѣмъ не припала до вкусу, а были Русины и князь Свидригайло, що видѣлъ теперь на Подѡлю. Коли рознесся сама тѣлько вѣсть о такой умовѣ, колись цѣлая Русь мала бы прійти къ Польщу, закипѣло по цѣлой Руси, родъ громадами горнулся до Свидригайла, яко до покровителя и защитника своихъ правъ, щобы пѡдъ его проводомъ уміемъ запротестовати противъ такой ганой угоды. Свидригайлови такъ сажелажала на сердци независимость Руси въ Польщи, тожь змовилсь онъ съ Крестоносцами и выступилъ на челѣ Руси йною на Ягайла и Витолда. Вѡйна тривала три роки. Ягайло вступилъ на Польщю со всѣми своими военными силами, коли Крестоносцѣ нагло ѡтступили ѡтъ Свидригайла, принужденъ былъ тойже перестати вѡины, бо видѣлъ що противъ великанской силы Ягайла и Витолда не устоится. Но гадка яка разъ попала въ душѣ Свидригайла, т. е. гадка горенья самостоятельной русской державы, не ѡтступила ѡтъ него. Незадолго зачалъ онъ зновъ сноситись и переговорюватись тайно съ Крестоносцами, тѣмъ разомъ онъ лихо выйшолъ на выдѣлъ. Витолдъ узналъ о тыхъ тайныхъ сношеніяхъ, и схвативши его, оса

диль по́дъ стражу, где бѣдный Свидгаило томился девять лѣтъ.

Въ той самой часъ, коли Свидрига переживалъ сумныи лѣта въ вязи, выправили паны польскіи новую хитрость на тѣснѣйшее прилученье Литвы и Польши, а властиво на зневаженіе и наидорожшихъ чувствъ Руси, придумали такъ звану „унію Городельскую“. Въ р. 1413 зѣѣхались Ягаило съ польскими вельможами и Витолдъ съ Литовцами католиками въ мѣсточку Городельскую и постановили тамъ такое: 1) На случаю смерти Витолда Литва признасть клятву своимъ Ягаило, а на случай случайной смерти Ягаила, выберуть Польша Витолда своимъ королемъ; 2) Витолдъ у себя шляхту литовскую, а Польша мае принять гербы польскіи; 3) Витолдъ мае быти теперь соймъ такой въ Польши, и уряды польскіи; 4) шляхетъ, членомъ сойма и достойникомъ же быти только человекъ католикъ. Этотъ договоръ или унію тую по́дписали и Польша польскіи и литовскіи. Въ Русь же по́дписалъ той уніи ни одинъ человекъ, бо все видѣли, що тутъ ходило о тое, щобы православныхъ выключить отъ всехъ правъ и достоинствъ, щобы пригнести вѣру православному, а ввести всюду латинство. Русь же еще цѣлая была тогда твердо при православіи, а теперь за тую унію Городельскую еще б

ше знелюбила Полякѡвъ, и о нѣякой унїи не хотѣла знати. Ба и самъ Витолдъ позналъ вкоротцѣ свой блудъ: позналъ, що онъ теперь майже цѣлкомъ зависимый ѡтъ польскихъ панѡвъ которы не тѡлько опановали Ягайломъ, но и его (Витолда) каждый крокъ слѣдили. Ему стало соромно, що онъ Вел. Князь Литвы и Руси, ѡтдалъ себе такъ необачно пѡдъ дозоръ панѡвъ польскихъ: тожь началъ онъ передумовати, якъ бы звольнити тую унїю и освободитись ѡтъ союза зъ Польщею. Въ той цѣли порозумѣлся онъ съ Вел. Княземъ Московскимъ Василиемъ I. и въ порозумѣнїю съ Ягайломъ постановилъ оголосити себе королемъ литовско-русскимъ.

Замысламъ Витолда спрїялъ и Ягайло, онъ бо ѡтъ якогось часу отвернулся ѡтъ Полякѡвъ. Особенно же зъ той поры, коли по смерти Ядвиги оженился съ русскою княжною Софією Ольшанскою, возбудилося въ немъ родинное чувство, онъ затужилъ за своею Литвою, выѣздилъ часто зъ Польци и отпралялся на Русь и Литву, отчину свою, и тѣйно радовался всякимъ подвигамъ, поднятымъ на славу ей, на вызволенье ей зъ пѡдъ зависимости польской. И теперь ѡтъ души вбиралъ онъ замыслы Витолда и охотно хотѣлъ его видѣти независимымъ владѣтелемъ, королемъ Руси и Литвы.

Въ р. 1429 въ день Богоявленія зѣхались въ Луцку на Волини цѣсарь нѣмецкій Жигмонтъ, Вел. Князь Московскій Василій П. съ Митрополитомъ всерусскимъ Фотіемъ, король польскій Ягайло, король Дунскій Ерикъ, два татарскія ханы, воевода Молдавскій, два мистры нѣмецкихъ Крестоносцевъ, послы отъ цари греческого и посланникъ отъ папы римского, а всѣ прибыли съ великими дружинами дворянъ и слугъ. На зѣздѣ томъ въ городѣ Луцку подношено по-при другіи справы такожь и тое, щобы признати Витолда королемъ, а Литву и Русь самостоятельнымъ, отъ Польщи независимымъ королевствомъ. Всѣ владѣтелѣ, даже ханы татарскія згодилися съ тѣмъ; одни лишь Поляки подъ проводомъ бискупа Краковскаго поднесли великій шумъ, и ссылаючись на унию Городельску, доказывали, що Польша мае теперь право до Литвы и Руси, а въ-конецъ уѣхали розъярены изъ Луцка. Ягайло, якъ ни добре желалъ Витолдови, не малъ своей волѣ и выѣхалъ такожь на другій день за своими панами. Однакъ Витолдъ, не оглядаючись уже теперь на Польшу, заявилъ, що таки прійме корону, и вызначилъ уже часъ на свою коронацію, що мала отбытись въ Вильнѣ дня 8. Сентября 1429 г. Цѣсарь Жигмонтъ обѣцалъ на той день прислати корону и уже спѣшили его послы съ короною, щобы на означеный день станути въ Вильнѣ; но хитрыи Поляки, дознавшись о томъ,

тарались проворнымъ способомъ перекорити коронаціи Витолда. Безъ вѣности Ягайла, они захватили посланца Жигмонта во Львовѣ и отобрали корону, Витолдъ и гостя, зѣхавшія на коронацію, выжидали короны якойсь, та не дождавшись ея, остаточо и зѣхались. — Витолдъ, огорченый дойности такимъ поступкомъ Поляковъ, гнетенный журбою и старостию вѣку, рь слѣдующаго року 1430, проживши 81.

Изъ всего оповѣданья о Витолдѣ наемъ, що цѣлая жизнь того князя та надзвычайно дѣятельна, що онъ, яко умный, хоробрый и справедлиый, не давался уводити загорѣльцямъ и гнѣйнымъ и хотяи самъ отъ души какъ, не преслѣдовалъ и не угнеталъ вославныхъ. По при всѣхъ тыхъ свойствахъ розрушилъ онъ самостоятельность Литвы и Руси черезъ тое, що усторожилъ въ тыхъ земляхъ удѣльныхъ князей, а на ихъ мѣстце поставилъ ополянскихъ Литовцевъ намѣстниками, и дальше за то головный початокъ до подчинения тыхъ земель Польщѣ.

2) Свидригайло, Великий Князь Литвы и Руси.

Уже изъ прежнего оповѣданья знаемъ, о Свидригайлѣ, що онъ былъ верный другъ и защитникъ Руси.

Знаемъ о немъ и тое, що увязнѣвъ Витолдомъ, онъ пересидѣлъ въ вязни 9 лѣтъ, ажъ высвободили его зъ-отта два русскіи рыцарѣ княжеского рѣ Данило Острожскій и Александре Носъ. Пѣзвѣйше помирился Свидгайло съ Витолдомъ, и жилъ съ нѣмъ въ согласіи ажъ до его смерти.



Свидригайло, Вел. Князь Литвы и Руси.

По смерти Витолда выбрали Русскіи и Литовцѣ Свидригайла Вел. Княземъ Литвы и Руси. Наибольше постарался о томъ самыи Русины, они бо своею бѣдностію переперли въ литовской радѣ выборъ. Ягайло, рѣдній братъ Свидригайла, возрадовался тѣмъ выборомъ тѣмъ дуже, що ѣтступилъ ѣтъ своего прѣдѣла, ажъ мѣгъ мати до Литвы и Руси.

тавѣ Городельской уніи, и самъ по-
 пилъ на Литву привитати брата сер-
 о на велико-княжескомъ престолѣ.
 кба Ягайла съ Свидригайломъ
 била польскихъ панѡвъ, польскую
 коронну, а они затребовали ѡтъ
 тригайла, щобы зложилъ Ягайлови,
 польскому королеви присягу вѣрно-
 и послушенства. Свидригайло не
 бы противился тому, щобы при-
 и надъ собою старшинство Ягайла,
 рый вѣдай и былъ рѡднымъ его
 шимъ братомъ, а старшинство въ родѣ
 усскому обычаю всегда почиталось
 ко. Однакомъ польскіи паны затре-
 ли дальше ѡтъ него, щобы ѡнъ не ино
 польской рады коронной принялъ
 велико-княжескій престолъ, но щобы
 и Подѡлье и Волынь ѡтлучилъ ѡтъ
 ны, а присоединилъ ихъ до Польщи.
 тригайло засмѣялся тогда зъ поль-
 ѣ панѡвъ та отвѣтилъ имъ, що ему
 снится принимати свое достоинство
 Полякѡвъ, бо не Поляки поставили
 Вел. Княземъ, а сама Литва и Русь;
 ѡнъ затѣмъ самъ собѣ независимый
 въ наслѣднихъ батькѡвъ своихъ на
 достояніи, а о ѡтступленью Подѡлья
 млыня Польщѣ и о якоисъ уніи, якою
 ики обдарили Витолда, ѡнъ ничего
 нати не хоче, ба и тую унію въ
 ив Руси и Литвы розрываетъ и ни-
 сть.

Такимъ смѣлымъ отвѣтомъ возмутились польскіи паны и въ той часъ, но король ихъ Ягайло гостилъ на Литву вторгнули безъ его вѣдомости неснованно на Подолье, убили въ Камен Подольскомъ Литовского намѣстника, взяли той городъ и другіи города падного Подолья, та прилучили ихъ Польши. Такъ само хотѣли Поляки сповитись и съ Волынскою землею, но тут застали уже Русинѣвъ приготовлень до отпору.

Свидригайло, дознавшись о тако безправномъ поступку Полякѣвъ, вымани на Ягайлѣ приказъ, щобы ѳтдано Подолье назадъ Свидригайлови; однакъ пидьи вельможи польскіи не зважали приказъ короля и выдали старостѣ Каменця, пану Бучацкому, другій приказъ щобы той не важился ѳтдавати Каменю и другихъ городѣвъ никому. Тая сава воля польскихъ вельможъ розъярила крайности гнѣвъ Свидригайла, и ѳнъ съ часъ погнался на Волынь и Подолье, здобылъ нѣкоторыи замки на Подолье, но въ-конецъ таки выпертый изъ Подолья, уступилъ на Волынь. На Волынь горнулося до него все рыцарство русскіи якъ до своего избавителя; и даже лицкіи Русины возстали противъ Польши и спѣшили до него. Съ тыми то численными полками хоробрыхъ Русинѣвъ рывивалъ Свидригайло польскіи войска.

къ концахъ Галичины. Пóдъ Терелею, пóдъ Львовомъ, пóдъ Рогатицею и пóдъ Белзомъ полягло много Поляковъ óтъ меча русской мести.

Теперь побачила Польша, що то Русинами и Свидригайломъ не такъ легко упоратись; затѣмъ польскіи паны удили своего короля Ягайла, чтобы собралъ всѣ военныи силы Польши, какъ самъ на челѣ тыхъ войскъ ишолъ въ Волюнь. Горестный былъ той походъ польскихъ для Руси: по дорожѣ шли они страшенно надъ землями русскими, палили, нищили, убивали все, попало пóдъ руки, и въ такомъ поѣздѣ станули наконецъ пóдъ городомъ Луцкомъ. Луцкъ боронилъ хоробрый вождь Юрша, а боронилъ его такъ, що никакии усилия Поляковъ, чтобы добыти Луцкъ, оказались безуспѣшными. Луцкъ стоялъ непобѣдимый. Тымъ чаше, коли Поляки безъ корысти тратили свои силы пóдъ Луцкомъ, Свидригайло говорилъ на Польшу зъ одной стороны о немъ и о другихъ рыцарей Крестоносцевъ, а зъ другой о Молдаванъ. Круто стало теперь для Польщею. Изъ одной стороны вдерся въ Подолье господарь Молдавскій и сташи въ оборонѣ Руси, наносилъ польскимъ войскамъ смерть и знищенье. Какъ съ Молдавянами удалось Полякамъ яко-такое справитись; они выперли

ихъ назадъ до Молдавіи. Но за тѣмъ съ другой стороны вдерлися въ грани Польщи Крестоносцы и въ короткое время часть зрѣвнали съ землею 24 польскіе городѣвъ и бѣльше якъ 1000 селѣ. Тогда здавалось, що приходитъ Польщи слѣдняя година. Съ Крестоносцами было кому бороться, бо вся сила Польши стояла пѣдъ Луцкомъ. А Свидригайло собралъ уже сильныя полки на знычнѣе войскъ польскіихъ, которыя по тѣмъмѣсячной безъустанной обсадѣ Луцка упали на духу и зъ недостатку харчу отъ розличныхъ недуговъ приходили въ очень плохое состояніе.

Теперь то и прійшла для Свидригайла найотвѣтнѣйша пора ударить войска вражїи, зничити ихъ силу, упрочити гордѣсть польской шляхты и навсегда освободити Русь и Литву отъ польскаго опекунства. Но въ той то рошительной хвили Свидригайло якъ заколебался. Вмѣсто корыстатн въ наступающей хвили изъ того, що Поляки тѣмъ были приперты до стѣны, онъ да се увести влеченїю сердца, дался увѣренїю любви къ брату своему Ягайлѣ, жалелъ надъ его несчастнымъ положеньемъ и заключилъ съ Польщею миръ! Такъ поступилъ Свидригайло, а тѣмъ поступкомъ правда отвернулъ отъ Польщи грозное несчастье, но за то запропастилъ дружбу Руси, которая въ его руки всю с

дѣбу зложила, та ѡнъ то и свою долю
и всегда тѣмъ пѡдкопалъ.

Поляки, спасеныи Свидригайлѡмъ
отъ неминуемой погибели, скоро тѡлько
дойшли до себе ѡтъ переполоху, въ сей-
часъ ѡтплатились Свидригайлѡви за его
рислугу. А зачали они ѡтъ Галицкой
Руси. На тую то, ѡтъ горя тяжело стра-
дущую землю, звернулся теперь весь
имѣвъ и лютая мѣсть гордой Польши.
Такъ умертвилъ Ягаило многихъ ви-
нѣйшихъ мужей Галицкой Руси за то,
то они пѡдмавляли народъ русскій про-
тивъ Польши и лучились съ Свидригайл-
ѡмъ; вельможамъ русскимъ ѡнъ поѡтн-
ялъ ихъ имѣнїе и понадавалъ ихъ
дѣлахъ польскимъ; на всѣхъ Руси-
ѡвъ наложилъ розичныи тягары и по-
датки и надаванье десятины латинскимъ
костеламъ; а кромѣ того ѡнъ ѡтнялъ Га-
лицинѣ остатокъ самоуправы и здѣлалъ
въ ней звычайную провинцію Польши,
назвавши ю „русскимъ воевод-
ствомъ“. Въ томъ воеводствѣ поста-
вилъ теперь Ягаило воеводою непрїателя
Руси, Яна Одровонжа. Вотъ такіи были
первыи послѣдствїя того нерозважного
поступку, якій здѣлалъ Свидригаило въ
еговорѣ пѡдъ Луцкомъ. То сталося въ
1432.

Еще досаднѣйше ѡтплатились Поляки
тому Свидригайлѣ. Въ немъ видѣли
они для себе непримиримого ворага, а

друга для Руси; тожь уважали они потребу за якую-нибудь цѣну его позвѣся. Въ той цѣли выслали они въ часть на Литву своихъ людей, чтобы говали католикѡвъ противъ Свидригайла. А было уже тогда на Литвѣ много нѡвъ католикѡвъ, которымъ нелюбо было что Свидригайло стоялъ за православіе и оборонялъ оное супротивъ латинянъ. Тѣи то паны католики литовскіи охоту слухали пѡдстрекательства своихъ ересьничѡвъ польскихъ, а коли еще до того и самъ папа римскій прислалъ на Литву окремое письмо, которымъ розрѣшилъ Литовцѡвъ ѡтъ присяги, даной Свидригайлу, тогда тѣи то паны, пріятель Польскій, смѣло зѣхались до Вильна, низложили Свидригайла зъ велико-княжого престола и выбрали собѣ Вел. Княземъ Жигимонта, брата Витолдоваго, друженъ Польщи, который таки заразъ ѡтнесъ Поляками унію Городельску, признавъ короля польскаго паномъ Литвы, а остался тѡлько его ленникомъ, т. е. пѡдданнымъ.

Такою то ѡтплату получилъ Свидригайло за свое неоцѣненное добродѣтельное какое высвѣдчилъ Полякамъ въ мирѣ Луцкомъ.

Звѣзда Свидригайла начала крути, но еще совсѣмъ не загасла. Ѳстала ѡтъ него Литва, но осталась ему вѣрною Русь, которую ѡнъ все таки с

е надъ Литву любилъ. Русины Волыни Подолья, разъ уже до него цѣло при-завшись сердцемъ, готовы были за его головы свои зложити, и теперь, ли уарѣли его обидженнымъ отъ Польщи Литвы, пѣднесли всѣ свое оружіе за сть своего Любимця. И такъ возгорѣла вая вѣйна: зъ одной стороны Польща Литвою, а зъ другой Русь съ Свидри-йломъ. Въ одной хвили выросло на Руси якъ-бы зъ-пѣдъ землѣ великанское йско пѣдъ начальствомъ своихъ кня-й и воеводъ, и оно одушевленное гад-ю обороны своей вѣры и народности, алось до завзятой борьбы, до борьбы и смерть и житье.

Найславнѣйшіи воеводы рускіи, кня- Федько Острожскій и Алексан-еръ Носъ, радили Свидригайлѣ, щобы ѣ покинулъ мысль о измѣннической итвѣ, а щобы за то цѣлый стоялѣ за Русь, щобы всѣми силами ударилѣ на Польшу, ѣтобралѣ ѣтъ ней Галицкую Русь и такъ ѣтновилѣ бы назадѣ мо-щую русскую державу. Добрая то была да; жаль тѣлько, що честолюбивый Свидригайло не радѣ былѣ ѣтказатися ѣтъ своихъ правъ на Литву. ѣнѣ бо, ѣ Литовецѣ зъ роду, не думалѣ Литвы, ѣ своей батькѣвщины, оставити въ ру-кахъ Жигмонта и постановилѣ въ одинѣ часѣ провадити подвѣйную войну, такъ ѣтъ Польщи, якъ и на Литвѣ.

Справа то была за трудна, бо третъ было роздѣлити войска: одни послатъ противъ Литвы, а съ другими ударитъ на Польшу. Но Свидригайло уповаль въ свои силы и приступилъ до дѣйствій



Князь Феѣко Острожскій.

Самъ отправился съ доборовыми полками противъ Жигмонта на Литву, а противъ Польши выслалъ другу половину войскъ пѣдъ начальствомъ Острожской и Носа.

Зъ начала велось хорошо русскимъ йскамъ, особенно Острожскій и Носъ славили русское оружіе блистательными побѣдами. Острожскій боролся съ польскими войсками на Подолью, разбилъ ихъ ужасно подъ Копистриномъ и гналъ ихъ Поляками ажъ въ Галицкую Русь, где на каждомъ кроку давался имъ воинаки. Онъ то, сей русскій князь Федько Острожскій стался пострахомъ для Польши, и о немъ говорили, що будто онъ воюе въ змовѣ съ дикими вихрами.

Не меньше счастливо велось и Александру Носу на Волыню. Польша вытравила противъ него свои войска подъ начальствомъ Русина-перевертня Грицька Кердеевича, которого русскимъ хлѣбомъ выгодовала русская мати, а онъ несчастивый на матеръ свою Русь ступилъ съ оружіемъ, щобы дослужитись панской ласки. И тутъ боролись хоробро наши войска подъ начальствомъ Носа и выбрали собѣ неодну побѣду; но въ-конецъ таки они мусѣли уступить передъ перемагающими силами Польши.

Не такъ счастлилось самому Свиригайлѣ на Литвѣ. Заразъ на вступѣ побилъ его сынъ Жигмонта литовского Михаилъ подъ Ошмяною. На-скорѣ собралъ Свиригайло новыи полки зт-надъ Давпра и запустившись на-ново въ глубину Литвы, отплачовался сердито за по-

раженіе подъ Опшынною и побивалъ, когда войска Жигмонта черезъ цѣлый р. 1433

Слѣдующаго року 1434 умеръ Ягайло. Дознавшись о томъ Свидригайло, стянулъ новыя силы и вступилъ на Литву въ самъ той часъ, коли Поляки выбирали собѣ короля. Ажъ въ р. 1435 прійшл до битвы подъ Волкомиромъ, где станули противъ себе всѣ полки зъ одной стороны литовско-польскіи, а зъ другой русскіи. Къ сожалѣнью, и теперь не спривало счастье Свидригайлови. Войска его побиты на голову, найдѣльнѣйшій князь и полководцѣ лягли трупомъ на поли битвы, а самъ Свидригайло съ останками рыцарей русскихъ принужденъ былъ уступить въ Кіевъ.

Однакъ и теперь еще держалъ Свидригайло въ своей руцѣ Подолье, землѣ заднѣпрянскіи, такъ званую Украину, и часть Воляня съ Луцкомъ, — довольно землѣ, щобы утворити отдѣльную могущую державу. Но злая доля преслѣдовала уже Свидригайла и веда его до щоразъ бѣльшого паденія. Дознавши чувствительныхъ поражений на поли битвы, стративши премного вѣрныхъ воиновъ и бѣльшую часть своихъ лучшихъ рыцарей, Свидригайло упалъ на духу, и сталъ до крайности роздраженъ и недовѣрчивъ даже ко своимъ наиблизшимъ друзьямъ. Въ томъ непригодномъ росложеніи души велѣлъ онъ живцемъ спалити друга сво

его Смоленскаго епископа Герасима, подозреваячи его о змову съ Жигмонтомъ; а що найгѣрше, онъ затворилъ въ вязницѣ безъ причины найдовѣреннѣйшого и наибѣльше заслуженнаго товарища всѣхъ военныхъ подвиговъ и преданнаго своего друга, князя Федька Острожскаго. Зажурились Русины, споглядаючи на то, та говорили одни другимъ, що изъ того не выйде ничего добраго. Такъ оно и сталося. Острожскаго освободили зъ вязницѣ два польскіи шляхтичи, и тогда тойже, огорченъ поступкомъ Свидригайла, поддался со всѣми своими землями королю польскому.

Съ отступленемъ Острожскаго, разрушилась вся подвалина независимаго существованья Свидригайла и Руси. Наибѣльшая часть Волыня и Подѣлья нашлась уже въ рукахъ Польши, а Свидригайло, щобы себе спасати, здѣлалъ послѣдній свѣй промахъ: онъ призналъ короля Польши своимъ верховнымъ паномъ, а землѣ Кіевску и Волынскую приналежащими до Польши: самъ же онъ осѣлъ подъ охраною Поляковъ въ Луцку.

Но и въ Луцку не усидѣлъ долго Свидригайло. Жигмонтъ литовскій забавалъ совершенной его погубы и вымѣлъ на Полякахъ, що тѣи его отреклися, и землѣ его ѳтдали въ посѣданье Литвѣ. Оставленный теперь и ѳтъ Польши, князь Свидригайло боялся о свою жизнь, вы-

нёсся изъ Луцка и на старыи лѣта и нужденъ былъ скитатись по чужии землямъ.

Такъ укончилась борьба Руси съ Пошею, та властиво не укончалась, а тихла тóлько на долшій часъ, поки 1½ вѣка пóзнѣйше не выбухла страннымъ пламенемъ крайнёго отчаянства въ войнахъ козацкихъ.

На теперь смирился русскій народъ и выжидалъ спокойно своей судьбы. Земля русскіи, пóдъ управительствомъ польскихъ и литовскихъ воеводъ и старостъ не знали властиво, до кого належали: до Польщи, чи до Литвы. Жигмонтъ князь Литовскій, держалъ пóдъ своимъ правленіемъ Литву, Волынь, Кіевщину и часть Подóбля, но óнъ присягъ, що и тии землѣ óтдасть Полякамъ по своей смерти, а уже и теперь уважались Поляки панамии всеи Руси. Изъ того выйшло, что такъ Жигмонтъ, якъ и Польща упреляли теперь въ земляхъ русскихъ. Правленіе Жигмонта было для Русинóвъ выносимымъ. Мало того, що óнъ на дучность нѣяко запродалъ Русь еще своего житья, но óнъ къ тому згнуццалъ и теперь надъ Русинами и ихъ вѣрныи Русины зачали на него змавлятись, що многіи страдали въ вязницяхъ, а многіи даже житьемъ переплатили. Въ коней дóйшло роздражненье Русинóвъ до того, что они пóдъ проводомъ своего князя Ч...

горыйского умертвили своего врага, князя Жигмонта въ р. 1440.

По той сумной кончинѣ Жигмонта повернулъ Свидригайло на Русь, осѣлъ въ Луцку и проживалъ тутъ спокойно послѣдніи лѣта своей жизни, стараясь о сколько было въ его силѣ улегшити долю подвластныхъ собѣ Русинѣвъ. Въ р. 1452 скончался сей великій мужъ. Умираючи, онъ завозвалъ до себе бояръ Волынскихъ и приказалъ Юршѣ, своему воеводѣ, передъ ихъ лицомъ зложити присягу, що по его смерти онъ не отдастъ никому Луцкъ, только посламъ Великого Князя Литовского.

Князь Свидригайло заслуге въполнѣ, чтобы Русины назвали его дѣльнымъ, великимъ, и съ честью поминали его память. Цѣлая его жизнь, полна трудѣвъ, страданій, перейшла на оборонѣ русскихъ земель и русского народа супротивъ Польши. Онъ стремилъ непрестанно до того, чтобы отдѣлѣти напередъ Литву и Русь отъ Польши, а послѣ самую Русь отъ Литвы и Польши и построить зъ ней независимую державу. Стоячи за интересами Руси, конечно ему было статись противникомъ Литвы, а особенно Польши, а яко такий, онъ стался непримиримымъ ихъ врагомъ и вязался съ врагами ихъ, нѣмецкими рыцарями. Въ борьбѣ о свое становище и о права Руси, былъ онъ постоянный ажъ до смерти и осталъ вѣр-

ный русскому народу даже и въ найтшихъ хвильхъ своей жизни. За то приобрѣлъ онъ собѣ любовь цѣлой Руси, которая и всюду за нимъ слѣдовала и охоту кровь свою за него проливала. Въ частной жизни твердый, щирый, говорливый, при томъ скорый и вспильчивый, онъ ководился болше жаркимъ чувствомъ чѣмъ холоднымъ разумомъ, что влади и наиболше ему и цѣлои его справѣ разъ вредило. Подъ Луцкомъ онъ да увлечи чувству братской любви и пустилъ наилучшую случайность, исполнити свои намѣренія, що-до утвореніи самостоятельного быту Руси. Послѣ вѣдани того роздраженъ и веденъ чувствомъ подозрительности, онъ зачалъ хо обходитись съ наилучшими друзьями своими, а не розважилъ, якъ злыи того выйдуть послѣдствія. Такъ чередомъ недостатокъ зимной розваги и политической осторожности, онъ дался другимъ рехитрити. Впрочемъ и счастье ему даже не служило: всѣ заходы его, всѣ подвиги, поднятыи съ такъ тяжкимъ трудомъ, не принесли жадныхъ успѣховъ. Не смотря однакъ на то, не може Рускадати каменемъ на того мужа, который такъ прихильнымъ всегда являлся ои народности и вѣры, который все Руси жилъ, съ Русію страдалъ, для Руси всѣ личныи выгоды посвятилъ; отже и справедливо, що Русь въ своей ои

венной Исторіи имя и память сего князя высоко цѣнить и почитае.

Внутренній переворотъ на Руси за Ягайла.

Безпосредственно до Польщи належащи за Ягайла зъ давнѣйшого Галицко-Владимірскаго княжества Русь Галицкая, земля Холмская, Белзская и западная часть Подолья. Въ земляхъ этихъ настали за владѣнія Ягайла новыи порядки, которыи измѣнили давныи политичныи и церковныи отношенія, якии бышъ въ часахъ русской самостоятельности, придавили на Руси русскую жизнь и надали ей видъ чужій, противный стремленимъ и чувствамъ русскаго народа. Порядки ти новыи, введенныи не за согласіемъ народа, а насильственно; для того вызвали они (якъ мы то уже видѣли) въ самихъ початкахъ великое огорченіе и голосный ропотъ Руси. Коли же пѣзднѣйше ти чужкии введенія принимали щоразъ ширшіи размѣры; коли не перебиралось въ средствахъ, щобы згнести всю русскую свободу; коли ти новаторства амляли на цѣли, всякими способами не терпимости и своевольствами истребити народность Руси и найдорожшіи духовныи святости ей, тогда пукла струна русской терпеливости и роздался громовый голосъ ярости и гнѣва, а рука ненасытимой ме-

сти карала ужасно грѣхи гордого тѣля.

Отъ самого початку своего правленія старался Ягайло вывернути на Галицкую Русь давній порядокъ старо-русскій, скіи законы и звычай, а на мѣстѣ завести всюда польскій ладъ. И такъ межиль онъ власть удѣльныхъ русскихъ князей, якіи еще где-куда тутъ остѣ отнималъ имъ ихъ землѣ и города, а давалъ тѣи польскимъ вельможамъ. Тѣ отобралъ онъ русскому князеви Белому пребогатую его землю, а отдалъ польскому князеви Земовиту Мазовецкому. Поляки, якъ Спытко зъ Мельшты досталъ округъ Самборскій, Петръ коцкій Дубецко, Тарло Стрый, Дми зъ Горая землю Холмскую, а другіи польскіи родины Тарновскихъ, Буцацкихъ, Язловецкихъ и пр. поселялися отъ тѣи на Галицкой Руси. Такъ само и Подляска (западная половина) перейшло до Польши яко провинція, а въ-конецъ и Галицкая Русь стратила въ р. 1432 совершенно свою самостоятельность и сталась провинціею Польши. Зъ того часу перестала Галицкая Русь уважатись окремымъ краемъ своимъ власнымъ управленіемъ, а сталась польскимъ воеводствомъ, подчиненнымъ польскимъ законамъ и польскому заряду. Прійшли новыи польскіи уряды, а уряды тѣи роздавались польскимъ панамъ въ сѣи землями, селами и городами. Русь

боярскій и мѣщанскій станъ затрачовался скоро при новомъ польскомъ ладѣ. Одна часть изъ нихъ, котора держалась твердо своего обряда и своей вѣры, тратила свои имѣнія на корысть польскихъ пановъ, и въ ней настали теперь подвластныи кметы или такъ званыи земляне; другая же часть, видячи, що всякіи привилеи, достоинства и корысти могутъ достатись только людямъ латинского обряда, отрекалась своего обряда и своей народности, переходила на латинство, принимала польскіи имена и польскую народность. Такъ изчезало въ нашей Руси русское дворянство, русское боярство, а ихъ мѣстце заняли польская шляхта и польскіи дѣдичи. Русская народность, теряючи своихъ бояръ, сохранилась однако поповреждена въ сердци народа, который, не смотря на всякіи насилія и гоненія, осталъ ей вѣрнымъ. Но народъ той терялъ теперь свою свободу, якою до недавна вполнѣ наслаждался. Новыи дѣдичи накладали на сей народъ всякіи тягары, службы и данины то грошевыи, то въ плодахъ земныхъ, то присволяли собѣ надъ простонародіемъ всю власть судити и карати самовольно. Съ того вывязалось тое пригнетающее и нечеловѣческое подданство — п а н щ и н а, въ которой селянинъ - хлѣборобъ стался цѣлкомъ зависимымъ отъ дѣдича, стался его слугою, его рабомъ.

А якъ же дѣялось съ русскою Церквою въ той часъ? Ягайло, вѣрный обѣтови, якій далъ Полякамъ, старался всякими способами розширяти и укрѣпляти на Руси латинство. Онъ спроваджовалъ на Русь польскіи кляшторы Францишкановъ и Доминикановъ и уносажалъ ихъ русскими имѣніями. Уже зъ того часу назначены были для русскихъ земель польскіи бискупы, но до теперъ не было у нихъ еще достаточного доходу, ни маетки, а тѣлько былъ пустой титулъ. Ажъ зъ ласки Ягайла приходили ти бискупы до великихъ достатковъ. Густо поѣносились польскіи костелы и кляшторы, а народъ рускій приневоленъ былъ на ти же давати десятину. Що бѣльше, на добрахъ Галицкой митрополіи основано латинское архієпископство, которому мали быти подчинены всѣ русскіи епископства. То былъ початокъ вмѣшованья латинскихъ архієпископовъ въ справы русскои Церкви, зъ чого, розумѣся, повстали многіи новыи бѣды и клопоты. Заразъ зъ самого початку прійшло русскои Церкви гѣрько испытати послѣдствія такихъ установъ. Русскій Епископъ въ Галичи принужденъ былъ уступити зъ престола своего, оставити свою церковь и хранитись съ крылошанами своими въ поблизкомъ селѣ Крылосѣ. Въ Перемышли ѣтобралъ Ягайло Русинамъ величавую ихъ церковь, будовану зъ тесового каме-

ни, и велѣлъ ю перетворити на латинскій костелъ (нынѣшна польска катедрa), а тѣла покойныхъ православныхъ, которыи въ той церкви почивали, велѣлъ повыкидати зъ гробовъ. Русскій Владыка, огорченъ тою грабежію и зневагою, оставилъ свой престолъ владычій и уступилъ съ крылошанами до Самбора.

Для скорѣйшого розширенья латинства на Руси издавалися новыи законы, которыи постановляли, що никто изъ православныхъ не смѣе засѣдати въ соймѣ, ни доступити якого-нибудь достоинства; черезъ такіи постановы що-разъ больше русскихъ вельможъ переходило на латинство, що-разъ бѣднѣла русская Церковь, а по́дносилась и вкоренялась латинска.

Такъ дѣялось въ Галицкой Руси за Ягайла. А такъ якъ поступала Польша съ Галицкою Русію, такъ рада была здѣлати и съ Волынскою и Подольскою Русію, которыи належали до Литвы. Ягайло, избранъ Поляками яко орудіе къ ополяченью и златинизованью Руси, старался на Литвѣ въ сейчасъ устранить тамъ духа русскаго зъ народности и вѣры, и затѣмъ вводилъ латинство насиліемъ, основывалъ костелы, бискупства, выдавалъ грамоты, стѣсняющіи греческое вѣроисповѣданіе. По повелѣнію Ягайла заходили въ Литовскую Русь и на Литву латинскіи епископы и польскіи паны, которыи и тутъ

старались вмѣшловаться во внутренніи порядки тыхъ земель и перестроити ихъ по своей мысли. Они употребляли всякихъ возможныхъ средствъ, щобы Литву и Литовскую Русь соединити такъ тѣсно съ Польщею, дабы тѣи землѣ стались польскими землями съ польскими законами и обычаями, и они то доводили Ягайла и Витолда до „униі Городельской,“ черезъ которую рады были перетворити народность и вѣру русскую въ польскую. Однакожъ всякіи усилія панѣвъ польскихъ, щобы дѣстати Литву и Литовскую Русь въ свои руки, разбивался на теперъ еще о опѣръ князей и вельможъ литовско-русскихъ, которыи за ніякую цѣну тогда еще не хотѣли допустити до тѣснѣйшого полученья Литвы съ Польщею.

Завзятыи борьбы Русинѣвъ пѣдъ проводомъ Свидригайла противъ Польщи и споляченной части Литвы, жестокое умертвленіе литовского князя Жигмонта, гонителя русской вѣры и народности, даютъ намъ наилучшее доказательство, якъ завзято и отчаянно боронилась Литовская Русь передъ тою опѣкою и дружбою, съ якою навидалась ей неусыпно Польша.

Русь подъ Ягайлонами, т. е. наследниками Ягайла.

Наследникъ Ягайла на польскомъ престолѣ, сынъ его король Владиславъ, хотѣлъ иначе поступати взглядомъ Руси Галицкой, котора уважалась уже цѣлковито власностію Польщи. Онъ надѣлилъ русское дворянство такими свободами и привилеями, якими пользовалась шляхта польска. Однако тѣ льготы остались только на паперѣ, бо шляхта польска не допустила, чтобы они въ сущности переведены были. Такъ и осталось затѣмъ при старомъ, якъ было и за Ягайла: паны польскіи надѣлялись щедро русскими землями, а давныи тыхъ же земель властителей, русскіи бояре, если не хотѣли пристати на польскій ладъ, на латинскую вѣру, мусѣли оставлять свои отчины.

За того короля Владислава выродилась гадка униі церковной, т. е. полученія Церкви восточной съ западною, котора то гадка состояла въ томъ, чтобы вся греко-восточная Церковь признала папу римского головою той же Церкви. Въ р. 1439 звѣхались до мѣста Флоренціи (въ Италіи) многіи православныи Епископы, межи ними и Митрополитъ Московскій Исидоръ и Патріархъ Цареградскій Іосифъ, и тѣи пристали на соединеніе Церкви восточной съ западною и подписали тую унию такъ звану Фло-

рентійскую. Щобы однакъ Русинѣмъ не клонити до такой уніи, выдалъ король Владиславъ грамоту, которою зрѣвнать русскую Церковь и духовенство русское во всѣхъ правахъ съ латинскимъ, а приказалъ даже ѳтдати Русинамъ забраннн до теперъ церковныи имѣнія, которыи присвоили были собѣ польскіи старости и бискупы. Но и тая грамота остала тѣлько на паперѣ. Унія на Руси не привилась, русская Церковь и ей духовенство остали дальше Поляками упослѣджены.

На Литвѣ убито межи тѣмъ князя Жигмонта, а на его мѣстце выбрано Великимъ Княземъ Литвы и литовской Руси другого сына Ягайла, Казиміра. Поляки мали уже тогда такой замыслъ щодо Литвы: Казиміру хотѣли ѳтдати самую Литву безъ Руси, яко намѣстникови, зависимому ѳтъ Польщи, а Волынскую Русь прилучити до Польщи, и такимъ способомъ ослабити сильное княжество Литовско-русское и утвердили свое вліяніе на справы литовской Руси. Однакъ на теперъ еще не повелся сей хитрый замыслъ. Литовцѣ, призвавши Казиміра изъ Польщи, оголосили его Великимъ Княземъ Литвы и Руси, ѳтъ Польщи цѣлковито независимымъ. Казиміръ прирекъ Литовцямъ, що не признасть русскихъ земель николи власностію Польщи, и ѳтдался щиро справамъ литовско-русскимъ. Прихильный для Руси, ѳнъ почиталъ ей нѣ-

у, ей права и обычаи, и дѣлалъ для русской народности великіи уступства. Въ 1440 возстановилъ онъ княжество Кіевское и надалъ оно прогнаному княземъ Витолдомъ Олелькови Владиміровичу.

Въ р. 1444 полягъ король польскій Владиславъ Ягайловичъ въ битвѣ съ Турками пѣдъ Варною. Теперь прійшла для Польши вновь удобная хвиля, злучити съ собою Литву и Польшу, а то черезъ выборъ князя литовско-русского Казимира на польского короля. Тожь и выслано въ Польшу въ сей-часъ посольство до Казимира, щобы той принялъ польскую корону. Однакъ Казиміръ, знаючи гордость польскихъ вельможъ и замысли ихъ взглядомъ Литвы и Руси, долго не хотѣлъ принять короны: ажъ доперва по двохъ рокахъ т. е. въ р. 1446 онъ дался намовити до того и поѣхалъ до Кракова облити престолъ королевскій. Передъ своимъ ѳѣздомъ, онъ еще разъ заporučилъ свято Литовцамъ и Русинамъ, що земель ихъ николи до Польши не прилучитъ.

Но такимъ способомъ все же дѣстались три народы; Русины, Литовцы и Польша пѣдъ правленіе одного владѣтеля, Казимира Ягайловича. Такое сполученъе трехъ народѣвъ въ одну державу было бы для всѣхъ хороше и корыстне, еслябы основывалось оно на пѣдставѣ рѣвности и справедливости для всѣхъ една-

ковой. Но въ тѣмъ власне быта и бѣда, що Поляки желали прилучити себе Русь и Литву, однакъ лишь нащобы надъ ними панувати и потя для себе всякій пожитки зъ ихъ стыхъ земель. Литва же и Русь борлись передъ такою напастію, що имъ стало.

Казиміръ старался годити обѣращии стороны; однакъ на дЧерезъ цѣлый часъ его владѣн было конца спорамъ и роздорамъ; велись безъустанно, а несогласія Польщею зъ одной стороны, а Литви и Русію зъ другой що разъ бѣльшострювались. Мало не що року зѣлись Поляки и Литовцѣ съ Русинамъ вспѣльни соймы до Пѣтркова, ПарЛюблина или Сѣрадзя, щобы порозтись и поеднатись; но звичайно ѣздились обѣ стороны въ наибѣльшгнѣвѣ и розъяренію. Разъ зѣхаони до Люблика; Поляки якъ звѣно, выступили тутъ со своими прадо земель русскихъ Волыня и Поди и стали доказовати, що Казиміръ былъ уже тѣи землѣ для Польщи, ба уже и Ягайло распоряджалъ ними яв роль польскій. Но и Литовцѣ присюда съ собою исторію, списанную русскомъ языцѣ, и зъ ней доказоПолякамъ несправедливость ихъ тванія, понеже Волынь и Подѣлье еп

Гедимина, а потомъ за Ольгерда добровольно прилучились до Литвы. Коли же Поляки, не уважаячи на повагу исторіи указали на увію Городельскую, въ которой будто-бы вся Литва и Русь по́ддалась по́дъ владѣніе Польщи: тогда выступили противъ того Литовцѣ якъ одинъ мужъ и заявили, що унія та была выманиена лестию и подступомъ, а Русины освѣдчили къ тому, що коли на тую унію ни одинъ Русинъ не по́дписался, то она для нихъ не мае ніякого значенья и цѣлкомъ ихъ не обходитъ. Такъ розъярены одни на другихъ, всѣ въ наибольшомъ гнѣвѣ розѣхались. Якъ той соймъ въ Люблинѣ, такъ отбывались и другіи того рода соймы. Одного разу ѣхали Литовцѣ и Русины на соймъ до Парчева, и по дорожѣ довѣдались що Поляки замыслили ихъ вырѣзати, якъ то разъ были здѣлали съ Русинами въ Перемышли еще за Казимира Великого. Дознавшись о томъ литовскіи и русскіи депутаты, не доѣздили уже до Парчева, а розложились таборомъ по́дъ Берестомъ недалеко Парчева. Тутъ замыслили они завстыдати напо́въ польскихъ за ихъ лукавый и поганый замыслъ и запросили ихъ до себе на обѣдъ. Поляки урадованы запрошеньемъ, узброились и поспѣшили въ гостину, но прибавши по́дъ Берестъ, не застали уже ни одного Литовця, ни Русина, а *найшли на свѣй соромъ полома-*

ныи и подертый гербы польскіи, которыи Польша обдарила вельможь литовскихъ въ Городлѣ. По тѣмъ событіи, разумѣся, усилилась еще бѣльше вражда и роздвоенье межи Польщею а Литвою и Русію.

Король Казиміръ видѣлъ, що у него нѣтъ силы ни власти помирить всѣ три народы, и ѳтъ того часу уже не склаковалъ вспѣльныхъ соймѳвъ, но ѳтбывались соймы ѳтдѣльно на Литвѣ, а ѳтдѣльно въ Польши, черезъ що самъ король былъ межи молотомъ а коваломъ. Не хотячи зразити собѣ цѣлкомъ польскую шляхту, ѳнъ принужденъ былъ неразъ исполнити ихъ волю и пристати на ихъ требованія, та пѳдписовалъ грамоты, якии они собѣ уложили. Литовцѣ же и Русины такожь не засындяли своей справы, а на своихъ соймахъ ставили установы, которыи забезпечовали ихъ самостоятельность и независимость ѳтъ Польши, и предкладали ихъ Казиміру до пѳдпису. Зъ того выходило, що Казиміръ въ одинъ часъ подписовалъ двѣ установы, совсѣмъ собѣ противныи, а черезъ тое само терилъ довѣріе такъ у Поляковъ, якъ и у Литовцѣвъ и Русинѳвъ. Ставшись однакъ орудіемъ въ рукахъ польскихъ панѳвъ, безсильный и непорядный щобы управляти Польщею, Литвою и Русію по всей справедливости, ѳнъ отвергаяся повѳли ѳтъ Русинѳвъ, которыхъ въ

его державѣ было числомъ наибольше и
которые за свою народнѣсть и вѣру сто-
яли найтвердѣйше. И такъ, коли умеръ
добрый и умный князь Симеонъ Олель-
ковичъ, що зъ руки короля Казимира
княжилъ въ области Кіевской, тогда пе-
ретворилъ Казимиръ Кіевское княжество
на воеводство и поставилъ тамъ вое-
водою своего любимого Литовця Галтоль-
да и другихъ неприклонныхъ Русинамъ
старшинъ католикѣвъ, которые народъ
русскій пригнетали и вѣру его преслѣдо-
вали. Послѣдствія зъ того вышли такіи,
що народъ русскій зъ-надъ Днѣпра пе-
реходилъ громадами на сѣверъ въ Вели-
кую Русь, котора пѣдъ тую пору была
уже могущимъ Царствомъ. Тогда то пе-
реселились въ Великую Русь въ поддан-
ство Царя Ивана Ш. князѣ потомки Оль-
герда: Трубецкіи, Ольшанскіи, Бѣльскіи,
Олельковичи, и потомки Владиміря Вел.:
Одоевскіи, Воротынскіи, Перемышльскіи
и прочіи.

Коли Казимиръ увидѣлъ, що Русины
въ Кіевщинѣ и на Волыню, не зазнавши
добра и справедливости ѣтъ польской ко-
роны, наклоняются до Великой Руси,
сталь негодовати на Царя Ивана, гнѣ-
вался на него, гнѣвался и на своихъ Ру-
синѣвъ, та и сталь пѣдмовляти Нового-
родцѣвъ противъ тогожь ихъ Царя, що-
бы они ѣтлучились ѣтъ Великой Руси,
а присоединились до Литвы. Мало недо-

ставало, що было бы прійшло до войны межи Царемъ а Казиміремъ, но той послѣтній, розсудивши въ-конецъ, що при такой войнѣ мѳгъ бы тѳлько бѳльше стратити, присталъ на перемиріе, въ котромъ радъ-нерадъ мусѳлъ згодитися, щобы землѣ тыхъ князей, що переселились зъ Малои Руси въ Великую, належали теперь до Великой Руси.

Видимъ изъ сказанного до теперь, що хотя, якъ здавалось зъ-початку, легче буде жити Русинамъ пѳдъ владѣніемъ Казиміра, то таки дальше вся надѣя кончилась на ничѣмъ, коли Казиміръ-ставши королемъ Польщи, далъ себе руководити польской шляхтѣ. Въ тыхъ часахъ дозволава ла земля наша еще и другіи тяжкіи бѣдствія, именно ѳтъ нападѳвъ татарскихъ. Тое то лихо, наносящое смерть и недолю, цѣлый той часъ не оставляло земель русскихъ. Ледви троха ѳтдохнулъ народъ по одномъ татарскомъ нападѣ; ледви притихли воплѣ несчастныхъ людей, дознавшихъ всей горести татарского бича, а уже зновъ настигла тая саранча и зновъ истребляла все огнемъ и желѣзомъ. И такъ за Ягайла еще коли Свидригайло оставилъ отчину свою и скитался на чужинѣ, вдерлися Татаре съ великою силою въ землѣ наддвѣпрянскіи, на Волынъ и Подѳлье, и запустили свои загоны ажъ на Галицкую Русь, пустошили весь край безъ мило-

сердія, безъ мѣры, и ѳтступали ажъ тогды, коли напоились до волѣ русскою кровію и заграбили съ собою все, що ино далось взяти. Въ р. 1448 они зновъ вторгнули въ Подѳльскую и Галицкую землю. А въ самъ той часъ Поляки и Литовцѣ сварились межи собою, а народа русского и его имѣнія не было кому боронити. Въ р. 1450 польскіи войска выправлялися на Молдаванъ и на Волохѳвъ, та розбитыи были на-прахъ ѳтъ господаря Волоцины, воеводы Богдана, такъ, що ледви кѳлька полкѳвъ вернуло цѣлыхъ до дому. Зъ той хвилѣ зновъ скорыстали Татаре и ворвались двома ордами на Подѳлье и на Галичину, а не находячи нигде перепоны, загнались на Городокъ и Белзъ, где омаѳо самъ Белзкій князь Болеславъ Мазовецкій не дѳстался въ ихъ неволю. Та незадолго, бо уже въ р. 1453 явились зновъ Татаре въ Галицкой Руси, опустошили цѣлу Теробовельскую землю, загнались пѳдъ Львѳвъ, попалили тутъ передмѣстья, цѣлую окрестность розграбили и на долго оставили печальныи слѣды своей гостины. Взяти за оружіе, станути противъ того ворога зновъ не было кому; панове не квапилися проганяти Татарина, а если коли они и собрались то уже было за пѳзно. Татаринъ здеръ, що мѳгъ, набралъ въ полонъ русскихъ молодцѣвъ и молодицъ, наладовалъ возы русскимъ майномъ и изчезалъ съ тѣмъ

всѣмъ въ широкомъ заднѣирянекомъ степѣ. А на Руси оставали опустошенныя нивы, розореныя села и городки; отидя лигли трупами въ оборонѣ своихъ родинъ и своего тяжко заграбѣваного имѣнія, а дѣти ихъ повлечены на аркавахъ въ далекую чужину, въ постыдную неволю, где уже якъ камень въ воду пропадали. Тай така то была доля наша короля Казимира!

По смерти Казимира Ягайловича в р. 1492 сталъ королемъ Польщи найстаршій его сынъ Янъ-Альбрехтъ, названный по своему роду Ягайлончиномъ. Тогда то Литовцѣ, щобы разъ положить конецъ домашнимъ спорамъ съ Польщею и цѣлковито ътъ ней ътлучитися, выбрали собѣ Вел. Княземъ другого сына Казимірового, Александра. Такимъ способомъ стала Литва съ Русію зновъ ъдѣльнымъ княжествомъ со своимъ независимымъ княземъ, своимъ русскимъ закономъ и своимъ русскимъ языкомъ. щобы не допустити на-ново до близкихъ сношеній межи Литвою а Польщею, вѣдали Литовцѣ съ княземъ своимъ законъ по которому не дозволено было Полякамъ показоватися и проживати въ Литвѣ, запрещено имъ куповати земель или и селитися въ русскихъ земляхъ.

Но такое непріязное для Польщи истроеніе Литовцѣвъ не долго тревало вкоротцѣ бо сама уже Литва глядала дру-

и съ Польщею, а то по слѣдующей при-
чинѣ: Царь Великой Руси Иванъ, коры-
стячи изъ отдѣленья Литвы отъ Поль-
и, вторгнулъ въ область Черниговскую,
до тогда до Литвы належала, и занялъ
самъ кѣлька городѣвъ русскихъ, которые
ранѣе были прилучити до Великой Ру-
си. Князь Александръ литовскій, щобы
не стратити еще бѣльше русскихъ земель,
заключилъ съ Царемъ перемирие и въ-
донецъ еще одружился съ его донькою
Еленою. Но помимо того не было уже
мира межи Литвою и Великою Русію.
Александръ всегда относился непріязно
къ своему тестеву, а въ своемъ княже-
ствѣ не сприялъ православію, а даже дѣ-
лалъ ему кривды. Одружившись съ ца-
ревною Еленою, онъ обѣщаль, що оста-
вить своей женѣ свободу вѣроисповѣда-
нн, а однакожь обвинчался съ нею по
латинскому обряду, не позволилъ ей по-
строить собѣ свою православную церковь
въ Вильнѣ, удалилъ отъ ней велико-рус-
скихъ дворянъ, а неволилъ ю принять
латинскій обрядъ.

Якъ обходженося съ царевною Еле-
ною, такъ и поступовано съ прочими пра-
вославными жителями литовской Руси.
Латинники принуждали Русинѣвъ при-
нимати латинскій обрядъ и другій разъ
крестити по латинскому обряду. Такое
оведеніе латинникѣвъ не подобалось и
тому папѣ римскому, такъ що онъ по-

вздерживалъ ихъ въ такой ревности и упоминалъ, чтобы православныхъ не крестили впростъ на латинникѣвъ, но чтобы ихъ только до унии съ церквою западною наклоняли. Первымъ послѣдствіемъ такого поступованья князя и латинникѣвъ было то, что русскіи князѣ, находящіися на граници Великой Руси, переходили туда со своими родинами и свои землѣ подчанили Царю Великой Руси. Дальшимъ же послѣдствіемъ той нетерпимости супротивъ православной вѣры были непорозумѣнья межи Литвою а Великою Русію, и въ-концѣ вѣйна. Въ вѣйнѣ той выславъ Александръ противъ велико-русскихъ войскъ своего найславнѣйшого воеводу, Гетмана Литвы, русского князя Константина Острожского, но разбитый Острожскій самъ попался въ плѣнъ и отвезенъ былъ въ Москву, а войска велико-русскіи утвердились въ занятыхъ земляхъ сѣверной Литвы. Въ виду той опасности ѳтъ сторовы Вел. Руси, зачала Литва глядати пріязни и помощи у Польщи.

Точно въ пору вѣины межи Литвою а Русію, умеръ король польскій Янъ-Альбрехтъ, а зъ той хвилѣ скорыстали Литовцѣ и предложили князя своего Александра на короля Польщи. Поляки рады, що стара гадка ихъ, получить Литву и Русь съ Польщею, може теперъ осуществитись, пристали на предложеніе

вцевъ и безъ опоры избрали Александра своимъ королемъ.

Ставши королемъ Польщи, продолжалъ Александръ войну съ Великою Русью, однакожъ несчастливо такъ, что видя себя принужденнымъ заключить миръ и признати на власность Великой Руси города Чернигоръ, Рылъскъ, Олудубъ и Новгородъ сѣверскій. Зъеминыя хлопоты Польщи корыстали еще татары и Молдавяне. Татары нападали на Галицкую Русь и зашли ажь до Луцка, Белза, Люблина, Вава, ба и до Кракова, а Молдавяне ли русское Покутье.

Король Александръ умеръ наглоутю въ р. 1506. На Литвѣ поставленъ былъ намѣстникомъ и Великимъ канцлеромъ Литвы знаменитый русский князь Михаилъ Глинскій. Былъ тотъ князь Русинъ, преданный всею душою и вѣрѣ и народности. Его то хотѣло русское сторонничество избрати Великимъ Княземъ Литвы по смерти Александра, однакожъ Литовцы католики того не побоявались и при помочи Поляковъ, опустили, щобы православный челонокъ, Русинъ сердцемъ и душою, засѣлъ на литовскомъ престолѣ, а выбрали они княземъ третьяго сына Казимірово-Жигмонта. Поляки въ Краковѣ, узнавши о томъ выборѣ, приняли въ сей-то годъ же Жигмонта на своего короля, и такимъ способомъ зновъ одинъ вла-

дѣтель былъ въ Польщѣ и на Литвѣ, чтобы случайно вновь не распалась та унія, надъ которою они такъ долго трудились.

За правленія того Жигмонта, званого Старымъ, настали на Руси три лучшихъ времени. Яко благородный и разумный дѣтель, онъ принялся устраивати внутренніи дѣла и въ Литовской Руси. И въ томъ поступалъ онъ собѣ безпристрастно и справедливо для всѣхъ народностей и вѣроисповѣданій. Бѣльшимъ городамъ Руси онъ надавалъ право магдебургское, зъ чего мали Русины такую корысть, что уже не подлягали судови королевскихъ староствъ и воеводъ, а управлялись и судились своими городскими судами, котрыи собѣ выбирали свободными голосами. Добра того не зазнали однакъ Русины Галицкіи. Галичина уважалась уже отъ давна польскою областію: всюду по галицко-русскимъ городамъ перевагу мали Поляки и вѣра латинская, а Русины и ихъ вѣра были погорджены и понижены. Русинъ не малъ права свѣдчити противъ Поляка, при выбовѣ громадской ради былъ выключенъ, але при томъ давалъ различныи датки на латинскіи костелы.

Заразъ зъ-початку правленья своего началъ Жигмонтъ на-ново войну съ Великою Русію, котора съ перервами тянулася 30 лѣтъ. Въ той войнѣ заняла велико-русскаи войска найтвердѣйшую и наибольшую крѣпость на Литвѣ С м

искъ. Счастье въ войнѣ сприяло то имъ, то другимъ: разъ отнесъ даже изъ Константинъ Острожскій (що веръ изъ русскаго плѣна) блистательную фду надъ велико-русскими войсками въ Оршею и взялъ тогда въ польскую олю множество русскихъ воинѳвъ и водъ; однакъ въ-конецъ Жигмонтътаки отобралъ утраченнаго Смоленска и цѣ- области Смоленской, котора отъ те- ѳ осталась при Великой Руси, и онъ иужденъ былъ заключити миръ съ реми велико-русскимъ Василиемъ.

Въ часѣ тыхъ военъ Польщи и Литвы Великой Русію, Татары и Молдаване, иники Царя, непокоили и опустошали лѣ русскіи на Подѳлью. Татарамъ вязался Жигмонтъ платити 15.000 вонцѣвъ що-рочно, щобы его не на- товали, а вмѣсто того щобы ишли овати Великую Русь. Пѳзднѣйше, коли имо того Татары безустанно врыва- ѳ въ наши землѣ, выправился про- ѳ нихъ славный князь Острожскій тивачовалъ имъ сердито за всѣ па- ти, яки они Руси чинили. Кромѣ о начало теперь надъ Днѣпромъ роуватись малорусское войско вацкое, которое незадолго отограло вную ролю въ нашей исторіи. Ти то ки стали отъ теперь на границяхъ си сильною стражею и обороняли ю , теперь всегда передъ Татарвою.

На томъ мѣстѣ скажемъ гдѣ
ближше о Константинѣ Остро-
скомъ, который, яко русскій князь
звычайно въ тыхъ часахъ прослав



Князь Константинъ Острожскій.

Былъ то внукъ князя Федора О-
ского, того самого, що то завзято
ся за Русь противъ Польци. Сей

Константинъ, якъ признають самы Поляки, былъ въ своемъ часѣ найславнѣйшій полководецъ, що выгралъ въ своемъ житию 33 битвы. Онъ то поразилъ велико-русскіи войска пѣдъ Оршею и за тую побѣду удостоилъ его король Жигмонтъ наибольшой почести. Король той устроилъ ему триумфальный (торжественный) вѣздъ въ городъ Вильно, при собраніи всѣхъ вельможъ зъ цѣлого краю и при ознакахъ всякихъ возможныхъ войсковыхъ почестей. При входѣ въ триумфальную браму паложилъ ему на голову самъ король вѣнецъ лавровый, послѣ чого при неумолкаемыхъ восклицахъ на его честь, впроваджено его въ православную Церковь. Тутъ въ часъ богослуженія Острожскій спѣвалъ съ хоромъ и читалъ Апостоль. За его заслуги король здѣлалъ его Великимъ Гетманомъ Литвы и воеводою на Трокахъ, и далъ ему по собѣ въ Литвѣ найвысшую власть. Позднѣйше Жигмонтъ разъ созвалъ соймъ зъ цѣлой державы своей до Вильна на Литвѣ, и на соймѣ тѣмъ показалось, що были тамъ уже самыи лишъ католики, а ни одного православного. Тожъ коли король Жигмонтъ хотѣлъ на оный соймъ запросити Острожского, то католики всѣми силами не хотѣли его припустити для того, що онъ былъ православный. Ажъ по долгихъ переговорахъ удалось Жигмонтови допустити до сойму

такое и Острожского. Въ того случая можна заключати, якъ великая выродилася нетерпимость для вѣры православной не только у Поляковъ, но уже и у Литовцевъ.

Князь Острожскій, хоти всегда былъ приклонникомъ польского короля и вѣрно ему служилъ, но мимо того оставалъ всегда вѣрнымъ своей Церкви и народности своей русской: онъ то построилъ многи церкви и щедро ихъ приукрашалъ, заводилъ при церквахъ школы для дѣтей, вспомогаючи тымъ просвѣщеніе въ русскомъ народѣ. Онъ умеръ въ преклонномъ вѣку въ добрыхъ своихъ изъ Волиню, которыя то добрыя занимали такъ великую просторную земельную имѣла цѣля тогдашня надвислянская Польша.

Родина князей Острожскихъ тѣмъ и была еще примѣчательна, що великій богатства ея просторонныхъ русскихъ земель держалися при ней только такъ долго, доки сыны его роду были добрыми Русинами и держались вѣры православной; потомъ же, якъ наслѣдникъ того славнаго Константина перейшолъ на латинство, попали великія добра той родины въ руки езуитовъ и чужинцевъ, а слава, могущество и даже родъ Острожскихъ пропали на всегда изъ лица земли!

Статуть Литовскій (1530 г.) и Унія Любельска (1569 г.).

За стараньемъ короля Житмонта
тарого уладжена была и затверджена
ли Литвы и Литовской Руси книга за-
онѡвъ, написана въ русскомъ языкѣ
русскимъ письмомъ, названа „Ста-
утъ Литовскій“. Статутомъ тымъ
дѣлено было княжество литовско-рус-
кое ѡтъ Польци и затверженъ былъ
а Литвѣ и Руси урядовымъ языкомъ
зыкъ русскій. По тому статуту Поля-
амъ не дозволялось на Литвѣ и Руси
анимати якии нибудь уряды или набы-
ати маетки, боярамъ же и князямъ ли-
овско-русскимъ запоручались давныи
ихъ права и привилеи. Такіи установы
ого статута въ правдѣ задержали на
Литвѣ и Руси якійсь часъ давныи рус-
кїи порядки и обычаи, но корыстными
были они тѣлько для высшихъ сословїи,
такъ же мѣщанскїи и селянскїи былъ
тониженыи, а особливо селяне найтяжше
ое пониженеіе почувли. Давный громадскїи
амосудъ знесено, а селянина ѡтдано пѡдъ
удъ шляхотскїи, обмежено его права до
аетку, наложено тягары, привязано до
го землѣ, на которой жилъ ѡнъ въ цѣл-
овитой зависимости ѡтъ пана — въ
панцинѣ“. Кромѣ различныхъ данинъ
о въ грошахъ, то въ плодахъ земныхъ
мѣдъ, зерно, сѣно и прч.), доженъ былъ

селянинъ подданный еще ѳтбывати всякую роботизну, т. е. такъ звану панщину 190—200 дней що-року. За селяниномъ не было кому вступитись, бо въ соймѣ не малъ ѳнъ своего заступника, тожь и было кому и представити черную долю хлѣбороба. Пѳзднеѣше, по унїи Любельской, коли тое рабство селянъ що-разъ убѳльшалось, зачали люди утѳкати въ Украинскїи области, где до конца 16 столѣтїя не было еще згадки о панщинѣ, тому то польскїи соймы выдавали строгїи законы на такихъ переселенцѣвъ, щобѣ ихъ такъ грозьбою удержати на мѣстцѣ.

Статутъ литовскїй затвердилъ и доподнилъ еще сынъ Жигмонта Старого Жигмонтъ-Августъ, но разомъ въ корысталъ ѳнъ статутъ сей яко средство до окончательнаго полученья Литвы Руси съ Польшею въ унїи Любельской.

За сего короля Жигмонта-Августа появилась въ Польшѣ, а особенно въ Литвѣ наука Лютерская и Кальвинская противна католической и она въ короткомъ часѣ такъ роспространилась, щѣ найзнаменитѣїи роды литовскїи, цѣлыи города и села ставали лютерскими или кальвинскими. Коли же король оженился съ Варварою, донькою завятаго Лютер князя литовскаго Николая Радивїла, въ котору на смерть залюбился, тогда сторонництво лютерское взяло верхъ надъ латинствомъ, а тогда и православ-

ли Русины зазнавали бѣльше свободы въ своемъ вѣроисповѣданіи и не дознали гоненій за свою вѣру. Коли однакоже умерла королева Варвара, король въ-початку тужилъ невысказанно; но потомъ оставилъ Литву и перенесшись въ Кракова, отдался совершенно вліянію поляковъ католиковъ. Поляки дѣстались вѣрны до верховодста и начали сѣяти вражду, поѣдосити гоненія и наносити обиды Литовцямъ и Русинамъ. Якъ знаемъ, манили Поляковъ богатыи и добогатныи землѣ литовской Руси, тожь не уважаючи на постановы статута литовского, они добирались до тыхъ земель различными способами, то лестію, то напліемъ. Найлучшимъ доказомъ того была сумная исторія русской княжны Елисаветы Острожской, — а исторія то такая: Елисавета, или такъ звана Гальшка Острожска, оставши сиротою по отци Или Острожскомъ, наслѣдовала по немъ великанскіи маетки на Волиню и Подѣлью. Прекрасна и богата Гальшка, звертала на себе очи польскихъ магнатовъ. Одинъ изъ нихъ, ополяченый литовскій князь, Дмитрій Сангушко, стался о ей руку, а не принятый ни матерію, ни донькою, напалъ збройно на замокъ Острожскій, звѣнчался насиліемъ Гальшкою и бѣжалъ скрытись съ нею въ Чехъ. По дорозѣ догналъ его средокъ вдовы-матери Гальшки, Мартинъ

Зборовскій, и убилъ его въ поединкѣ. Гальшка спасена вернула до матери и порадою дядька своего, Константина Острожского, мала выдаться за вѣзья Семена Слуцкого, Русина родомъ вѣрою. Польскіи паны, дознавшись тѣмъ, постановили не допустить въ рускіи руки такъ великого маютку роду Острожскихъ, та ужили до того помо самого короля. Найшолся охотникъ въ рускіи руки и маютку Гальшки, польскій шляхтичъ Лукашъ Гурка. Той Гурка выроби собѣ у короля записъ на руку Гальшки. Король знесъ на той случай пришесть статута литовского, который выключаетъ отъ дѣдицтва всѣ Русинки, вдуции мужъ до Польщи; вмѣсто того король выдалъ приказъ, щобы, не уважаячи волю матери и доньки, Русинка Гальшка шла за-мужъ за Поляка Гурку. Ма сѣ донькою находились въ той часѣ Львовѣ и заперлись тутъ въ кляштор Доминиканскѣмъ, а для своей охоро обставили кляшторъ жолнѣрами. Гурку зарѣвши, що не легко ему прійдеся стати Гальшку, выробилъ собѣ у коро новое позволенье взяти Гальшку насильемъ, и въ сей-часѣ облягъ кляшторъ збройною силою. Въ часѣ той облоги далось князю Семенови Слуцкому, небраному за жebraка, втиснутись до кляштору, где бнѣ и звѣнчался съ невѣстою своею. Но мимо того Поляки, добывши

гяшторъ, повлекли насиліемъ несчастну, же звѣнчанную Гальшку до новаго ялюбѣ съ Гуркою. Не помогли ніякіи прошенія и представленья, ни окупъ 100,000 олотыхъ, якіи давала мати Гурцѣ, щобы свободилъ Гальшку; Гурка таки не путилъ Гальшки. Однакъ не малъ Гурка хотѣхи изъ своей невѣсты: Гальшка не терпѣла ненавистного, насиліемъ ей дагого мужа, а оставала вѣрною своему законному мужеву, князю Семенову; коли же той умеръ, скончалась незадолго и Гальшка въ помѣшанью змыслѣвъ. — Веса маетокъ Гальшки перейшолъ теперь на дядька ей, Константина Острожского. Гурка лукавымъ способомъ зницилъ только молодую жизнь, а цѣли не дошилъ.

Случай той съ Гальшкою Острожскою не былъ только одинъ; такихъ случаевъ, где польскіи папы не перебирали въ средствахъ а загортали русскіи землѣ не перечислилъ бы; — а що найгѣрше, самъ король, хотя лагѣднѣй челоувѣкъ и впрочемъ не выступающій враждебно противъ русской вѣры и русской народности, не зъумѣлъ перешкодити той несправедливости, та неразъ и самъ давалъ себе ужити до ней яко орудіе.

Сей то Жигмондъ-Августъ принялся усердно за дѣло дѣйствительнаго сполученца Литвы и Руси съ Польцею, о що старались всѣми силами Поляки еще бѣтъ

часо́й Ягайла. Мимо всякихъ переполюкнъ, таки въ-конецъ удалося ему по-
винути на своемъ, и онъ довершилъ у-
литвы и Руси съ Польщею, хотя и
предвидѣлъ, якъ сумныи послѣдствія
самой Польщи изъ того выйдуть. Не
жить же признати, що король Жигмондъ
Августъ, задумуючи перевести унію
не дѣлалъ того въ зломъ намѣреннѣ
не мыслилъ, щобы зъ того выйшла
несправедливість или кривда для
Литвы или для Руси; онъ хотѣлъ лишь
единити тѣ три народы въ одну цѣло-
злучити ихъ нерозрывными узами, що
такимъ способомъ утворити изъ нихъ
динъ сильный народъ, одну необ-
можную державу. Къ сожалѣнню однакъ
можно его тымъ извинити; унія бо
несла для насъ цѣлый рядъ самыхъ
лестнѣйшихъ смуть и бѣдствій, а король
знаючи норовы и стремленія своей ш-
ты, пановъ польскихъ, мѡгъ легко в-
идѣти и предвидѣти всѣ послѣдствія
той унії предвидѣти.

Но не такъ то легко ишло и те-
перь съ оною унією; знали бо Литовцѣ, з-
наючи и Русины, чѣмъ унія пахне, тожь б-
рались противъ ней, якъ противъ з-
нужды. Скликвано ихъ на соймы, п-
решено проекты унії, говорено имъ мн-
го о братерствѣ и згодѣ, но все нада-
вало Король мимо того не зражался перв-
неудачами, и щобы задобрыти Ли-

а особливо Русинѡвъ, ѡнъ розши-
 права Статута литовского и нада-
 дворянамъ и боярамъ такіи права
 и вилей, якіи имѣли до теперъ лишъ
 ти найзнатнѣйшіи магнаты литовскіи
 льская шляхта. Тогда однакъ высту-
 противъ того власне тіи бѡльшіи
 аты литовскіи, которыи боялись, що
 въ зрѡвнанье меньшей шляхты, бо-
 литовскихъ и русскихъ со шляхтою
 скою, пѡдъупаде ихъ значенье и
 оводящее ихъ становище. Для того
 разомъ кончились на ничѣмъ всѣ
 справы о уніи. Ажъ въ р. 1569 со-
 вѣтъ король соймъ до Люблина, где зновъ
 ято справу уніи. Зъ одной
 угой стороны, т. е. изъ стороны
 ской и литовско-русской поставлено
 особныи проекты уніи, но тіи были
 собѣ противны, що литовскіи маг-
 зѡрвали нарады и оставили соймъ.
 король, рѣшившись за яку-нибудь
 таки довести до кѡнца унію, про-
 алъ дѣло безъ Литовцѣвъ съ самыми
 нами. И такъ на перекоръ всякимъ
 ѣйшимъ договорамъ и запорученьямъ,
 виль Жигмондъ-Августъ такую гра-
 , що ѡнъ, яко великій князь Литвы
 си, ѡтдѣляе всѣ русскіи землѣ, т. е.
 ынъ, Кіевщину и Подѡлье ѡтъ
 ны и прилучае ихъ на всегда до ко-
 польской. Щобы однакъ свѣтъ не
 рилъ, що ѡнъ поступае неправильно,

завозвалъ онъ до Люблина русскихъ
 можь, щобы они заявили тутъ сво
 гласіе съ его волею и поѣдписали бы
 унію Руси съ Польщею. Разомъ съ
 поусувалъ онъ на Руси всѣхъ ур
 коѣвъ и воеводъ, которыи оказали
 приклонными уніи съ Польщею, а на
 мѣстце поставилъ всюда польскихъ
 верженникѣвъ, щобы тѣи поѣддерж
 справу Польщи. На завозванье же
 зѣхались до Люблина нѣкоторыи
 можи русскіи, межи тыми и князь
 стантинъ Острожскій, князь Ми
 ксандръ Черторыйскій, князь Ми
 Вишневецкій, и они зачали тутъ р
 мовати, що имъ теперь здѣлати,
 не запропастити долъ несчастной
 По всесторонныхъ нарадахъ они
 нецъ прійшли до переконанья, щ
 при Литвѣ, чи при Польщи, все бѣ
 нака; освободитись ѣтъ однихъ п
 гихъ теперь не было уже способу;
 рада въ раду, пристали Русины де
 на лестныи представленья и обѣ
 Полякоѣвъ и ихъ короля, та и поѣд
 Любельскую унію, а то розум
 унію политичну, а не религі
 о якѣи въ Люблинѣ тогды еще и б
 не было.

Якъ тѣлько дознались о тѣмъ Л
 цѣ, що русскіи депутаты поѣдписали
 политичную унію, въ сей-часъ вы
 они своихъ заступникѣвъ до Любли

въ початку зачали умоляти на колахъ короля, щобы ѓвъ не дѣлалъ на-
 ии, щобы не унижалъ Литвы, та що-
 литовскіи и русскіи землѣ, якъ до-
 ерь, были въ купѣ съ собою и задер-
 и свои давныи свободы; однакъ го-
 у ихъ никто уже не слухалъ. Имъ
 дложено до пѳдпису актъ унїи, кото-
 і они по принужденїю пѳдписали.
 съ склеилась наконецъ дѣйстви-
 ьно тая унїя Польци, Литвы и Руси,
 отору Поляки такъ долго добивались,
 вилась, кажемъ, бо не выйшла она до-
 вольно за согласїемъ всѣхъ трехъ на-
 ѓвъ, а противно пѳдъ неуступчивымъ
 оромъ Польци, при безчисленныхъ,
 я въ-конци безуспѣшныхъ протестахъ
 стороны Литвы и Руси. Даремно
 нился король Жигмондъ-Августъ, да-
 но хвалятся до теперъ Поляки, що у-
 тая произвелась за общимъ согла-
 ь и желанїемъ всѣхъ трехъ народѳвъ
 до она будьто поєднала и связала
 хъ узами сердечной любви, яко бра-
 съ братьями, якъ рѳвныхъ съ рѳвны-
 свободныхъ съ свободными; вѣдай
 въ-сейчасъ по тѳмъ славнѳмъ соймѣ
 Люблинѣ выслалъ король по всѣмъ
 лямъ русско-литовскихъ универсалъ
 указъ королевскїй), въ которѳмъ „пѳдъ
 озъбамъ“ велѣлъ пѳдписовати при-
 у на унїю и заповѣлъ, що если кто не

пѣдпише присяги, у того сконфиску
его добра. А впрочемъ въ коротцѣ ока
ся, якъ то добровольно приняла
Русь и Литва.

Мимо наказу и грозьбъ королевск
бѣольшая часть дворянъ и вельможъ
скихъ, духовенство и народъ не хо
и слухати о уніи съ Польщею, а пос
ствіемъ того было, що вельможамъ
скимъ ѳтнято ихъ маетки и надано
Полякамъ, или такимъ Русинамъ, я
былъ лихой памяти Грицько Кердеев
а кромѣ того понасылано на Вол
Подѣлье и въ Кіевщину множество
водъ и другихъ урядникѣвъ польск
Тогда же переселялись въ Польщ
богатыи русскіи землѣ родини Жол
скихъ, Замоискихъ, Потоцкихъ, Ябло
скихъ, Конецпольскихъ и другіи, а
переводили въ сущность унію такъ,
они ю понимали, т. е. ополячивали
Волынску и Кіевскую такъ, якъ то
до тѣхъ поръ съ Галицкою Русію ус
здѣлати.

И якіижь были корысти для Ли
и Руси зъ той уніи? До теперь всег
ще считалась Литва съ Русію отд
нымъ княжествомъ, имѣла своѣй особ
соймъ въ столицѣ Литвы, въ Вильн
Поляки въ ничѣмъ не мали тутъ ни
лосу, ни до чого приступу. Тепер
черезъ унію стратило тое княжество
ковито свою самостоятельность, не

ке права выбирать собѣ своего князя, а что вправдѣ дѣсталось ей право выбирать вespольного короля, но король той—се такъ былъ король польскій.

До теперъ землѣ русскіи, кромѣ Черной Руси, становили съ Литвою одну вѣлость; теперъ же ѳторвала унія съ Литвы всѣ русскіи землѣ, а придурила ихъ до Польщи. Дворянѣ и боярѣ русскіихъ и литовскіихъ зрѣвново въ правахъ и привилеяхъ съ шляхтою польскою, а зрѣвнанье тое стало для нихъ мертвою вѣткою. Магнаты позабирали наибѣльшіи вѣроустройства имѣнія земского, а уже таякъ перевага въ маеткахъ надала имъ и перевагу надъ всею дрѣбнѣйшою шляхтою. Много говорено отѣй рѣвновоправленной шляхты стали въ рядахъ вѣдугъ магнатскіихъ, спродавали имъ свои вѣдосы на соймахъ и соймикахъ, и за ихъ права наставляли свою шкѣру. О селянахъ-хлѣборобахъ не было что и говорить, тѣлько згадати бы тое, что на нихъ наибѣльше ѳтбылась унія и она до рѣшты надала ихъ въ неволю панамъ.

Всѣмъ исповѣдникамъ православной вѣры забезпечено вправдѣ свободу вѣры и всякіи свободы, якихъ уживали исповѣдники латинской вѣры; пѣзднѣйше одвакъ ани мыслили Поляки додержати своихъ ѳбѣтницъ и нетерпимость для пра-

вославія перейшла вкоротць въ ужасное гоненіе та и выкликала страшенную борбу на смерть и житье.

Якихъ же добродѣйствъ дознала Галицкая Русь отъ той политической уніи Любельской? О той Руси не было ани вспоминки въ Люблинѣ, до ней не относилась унія, для ней не писались права; она, побита еще Казиміромъ, не мала уже права до свободъ и привилеєвъ. Вотъ що читаемъ въ кронцѣ города Львова зъ тыхъ временъ: „Изъ всѣхъ земель русскихъ только Галицкая земля находилась въ прикрѣпшихъ отношеніяхъ отъ другихъ; Львовскіи бо Русины усунены были отъ всѣхъ свободъ, якии прислуживали другимъ гражданамъ. Въ р. 1569 покликующіеся на унію, звернулись старшіи народа русского во Львовѣ Васыко Тиховичъ и Хома Бабичъ до короля съ представленьемъ, що во всѣхъ земляхъ Русины съ поляками рѣвныи мають права; для того несправедливостію есть, щобы Русины Львовскіи были упослѣжены. Тутъ росповѣли они королеви о всѣхъ кривдахъ и обидахъ, якии зносятъ Русины Галицкіи отъ Поляковъ. Тогда выдалъ король дипломъ, що все Русины Львовскіи восточного обряда мають уживати такихъ самыхъ правъ и свободъ, якихъ уживають латинники, и що запрещается подъ карою 20.000 золотыхъ утискати русскихъ гражданъ и

русское духовенство. Такъ и думали теперь Русины, що въ виду такого наказу королевского буде имъ легче жити, — но где-тамъ! дипломъ короля не помогъ ничего; староста Львовскій Полякъ, и рада громадская, вся тогда состоящая зъ Полякѣвъ, за нищо собѣ мали приказъ короля и оскорбляли Русинѣвъ дальше такъ само, якъ и передше.“

Изъ выше сказаного видимъ наглядно, що унія Любельская не тѣлько що не привнесла Русинамъ ніякой корысти ни улегченія, а противно, дала Полякамъ ширшее поле до розгосподарованья на Руси, причинилась до бѣльшого обмеженья русскихъ правъ и свободъ, придавила тяжкимъ бременемъ русскую жизнь, а остаточно навела и въ тую новую Польшу такій розладъ который былъ первою причиною пѣднѣйшого ей паденія. Вмѣсто соединити народы Польщи, Руси и Литвы, унія еще бѣльше тѣлько розъединила ихъ, пѣдняла ихъ противъ себе. Гнетъ національный и религійный по унии доводилъ до того, що множество народа изъ Волыни и Подѣлья, не могуцого вытерпѣти обидъ и оскорбленій и позабавленного урядѣвъ и своихъ маетностей, переносилось за Днѣпръ въ буйныи степы до свободного козацтва русского, где приготовлялся противъ насилія и кривдъ явный протестъ, якій и объявилъ

ся въ коротцѣ въ страшенныхъ войнахъ
козацкихъ.

ВЕЛИКАЯ РУСЬ.

Отъ Ивана Калиты до кончины царя Феодора
Ивановича, послѣднѣго изъ поколѣнья Рюрика
(1340—1598 г.).

Въ той часъ, коли Русь Галицко-Владимірская боролась о остатки своей самостоятельности и остаточна, отдана въ руки Польши, оставлена была на ей ласку и неласку, — въ той часъ развивалась сѣверная Великая Русь чѣмъ-разъ лучше, доходила до великаго могущества и славы, та вознеслась наконецъ такъ высоко, що стала на рѣвной степенѣ съ наибольшими державами образованной Европы, яко велико-русское Царство.

Первый початокъ до по́днесенья велико-русской державы далъ, якъ намъ уже извѣстно Іоаннъ Калита черезъ то, що усмирилъ поодинокихъ спорящихъ удѣльныхъ князей и по́дчинилъ ихъ своей самодержавной власти. Наслѣдники Ивана Калиты, оставали вправдѣ такъ, якъ и онъ самъ, все еще въ зависимости отъ татарской орды, но продолжали дѣло нимъ зачатое и придерживались того порядку, що по отцѣ слѣдовалъ Великимъ Княземъ его сынъ, а другіи въ родѣ, хотя и старшіи вѣкомъ, подчинялись ему яко верховному князеву-начальнику.

азъ такой порядокъ устали давныи
нѣ и братскіи межиусобицѣ, а держава
на спокойно розвиватись на внутрь
и внѣ.

Однимъ изъ славнѣйшихъ наслѣдни-
къ Іоанна Калиты на велико-княже-
нскій престолѣ былъ Димитрій Дон-
ской. Былъ то князь дуже умный и твер-
дого характера. Тяжко приходилось ему
подумать що русскій христіанскій на-
родъ переживаетъ такой соромъ и такую оби-
ду, что муситъ зависѣти ѿтъ поганской
силы; тожь промышлялъ онъ неусыпно
о томъ, якъ бы то изъ-подъ того яр-
ма вызволитись. Тогда управлялъ въ
землѣхъ всѣми дѣлами Мамай, лютый и
жестокій Татаринъ. Послы того Мама-
я, разъ прійшли до Нижнего Новгорода
требовати дань, оскорбили тамъ князя, Ди-
митріеваго тестя, за що ѿтомстились Нов-
городцы такъ, що перебили всѣхъ Татаръ.
Около 1000 мужа до-ноги. Мамай, дознав-
шись о томъ, разлютился и выслалъ отъ
себя своего войска пустошити русскіи зе-
мли.

Но онъ то и теперъ поплатился
за свои злобныи намѣренія: цѣлый его
полкъ розбитый былъ на-прахъ русски-
ми войсками. Теперъ уже не было мѣры
Мамаеваго гнѣву: розъяренный до край-
ности, началъ онъ собирати зъ цѣлой Ор-
ды татарскую саранчу и поднялся зни-
зить Русь до-тла. Вел. Князь Димитрій
Донской, що надходить рѣшительная хви-

ля що если не переломити ему татарскія силы, значило бы теперь: отдати Р вь когти дикого звѣря на роздертье. Д того то устроилъ Димитрій хорошо съ войска; собралъ нодъ свѣой праноръ всѣ сѣверно-русскихъ князей, даже и дво литовскихъ и одного воеводу зъ Волян именовемъ Димитрія, съ войсками, и та призвавши Бога на помѣчь, дингу смѣло на врага. Переправившись чере Донъ, дойшли русскія войска до рѣ Непрядвы и тутъ на Куликовомъ мѣстѣ ли стрѣтились съ Татарами, которы собралась безчисленная тьма. Надъ номъ завязалась ужасная битва, и вел она съ рѣвною завязтостію зъ обохъ ст ронъ. Якъ велика была сила войскъ т воюющихъ, познати уже зъ того, що евая линія розтягалась на двѣ милѣ. Д шій часъ перехилялось счастье то на од то на другу сторону, ажъ вь-конецъ р скія войска взяли верхъ и переломи татарскую силу. Татаре, змяты и р громлены, кинулись утѣкати. Мамай, власне тогды стоялъ на горѣ, узрѣвъ побитыи и утѣкающіи свои полчища, п валъ вь отчаяніи: „Великій Богъ х стіянскій!“ и кинулся такожь утѣка Русскія войска погнались за бѣгуущи татарскими розбитками и рѣзали та у вали Татарву безъ пощады. Дѣялось 8-го Вересня 1380 г.

Славную тую побѣду русскихъ войскъ Куликовомъ полѣ описалъ современнѣйшій пѣвецъ въ прекрасной пѣснѣ, которая до днесь переходуется подъ назвою „Мамаево побоище.“ Вел. Князю Димитію придала благодарная Русь за той бо богатырскій преславный подвигъ название „Донскій.“

Теперь то увѣрилася Русь, що не такъ рашными суть Татары, якъ зъ поры ихъ перваго появленія здавалось, и що если льбо всѣ силы русскіи соединены возьмется до нихъ, то змогутъ скинути изъ себе постыдное тое поганское ярмо. Вправдѣ и по той Куликовской побѣдѣ платилъ еще сѣверная Русь Татарамъ дань, но первый толчокъ до дальшого дѣла освобожденія ей былъ уже даный.

За внука Димитріеваго Василія Василевича (Темного) возобновились еще разъ родовыи княжескіи междусобицѣ, въ которыхъ не обійшло безъ кровопролитія и въ которыхъ самъ Вел. Князь попалъ въ неволю и былъ ослѣпленъ отъ того послѣ „Темнымъ“ назвался. Вел. Князь Василій успѣлъ укротити возстающихъ братьевъ, отнялъ у нихъ ихъ удѣлы и присоединилъ тѣ къ своему Вел. Князству Московскому. На томъ кончились же на всегда тѣи княжін междусобицѣ, которыхъ только зла наносили на Русь. Русь теперь взростала и скрѣплялася. Великая Русь скоро и безъ перепоны, а даль-

шіи Великіи Князѣ ей стали уже называться Царями.

Наслѣдникомъ Василія былъ слава на цѣломъ извѣстномъ тогда свѣтѣ его Иванъ III. Царствовалъ онъ на славу и славу сѣверной Руси 43 лѣта.



Царь Иванъ III.

(1462—1505). Онъ первый назвался Царемъ Руси, и за его великаго подвиги, якими онъ возвеличилъ славу великой Руси, назвала его потомность „великимъ.“ Сему то Царю Ивану Великому приходилось часто спорить съ сусѣдною Польщею, и уже о мало что не в

сло межи нимъ а Казиміромъ Ягайло-
омъ до вѣины. Причиною былъ Новго-
одъ. Изъ давенъ давна былъ той Новго-
одъ свободнымъ городомъ; всѣми дѣла-
и сего города и его области управляли
Новгородяне самы на своихъ вѣчахъ, а
обязаны были только платити дань
сел. Квязеви Московскому. Новгородяне,
ривляючись самоволѣ сусѣдной шлях-
ы литовской, ставали и самы самоволь-
ы, а оттакъ и недовольны своимъ поло-
енемъ, и до того побунтованы польскою
и литовскою шляхтою, зачали накланя-
гись до Литвы и захотѣли оторватись отъ
князей Московскихъ. А была тогда въ
Новгородѣ вдова по посаднику (найстар-
шомъ вѣйтѣ) Марта Борецка, звана
Посадница; то-та наибольше бунтовала
Новгородянь, щобы они поддались подъ
владѣніе Казиміра Ягайлona. Царь Иванъ,
дознавшисъ о бунтѣ, выславъ до Новго-
рода войска и укаралъ жестоко бунтовни-
ковъ. Коли же позднѣйше бунты не уста-
вали, Царь Иванъ отнялъ Новгороду его
самоуправство, запретилъ имъ собиратись
на вѣче и поставилъ тамъ своего намѣ-
стника. Марта Посадница за кару мусѣла
теперь ийти въ далекій городъ Руси на
изгнаніе. На томъ и кончился бунтъ въ
Новгородѣ, а Полякамъ отойшла охота
мѣшатись въ чужіи sprawy и заводити
неладъ и вражду въ Великой Руси.

Съ наслѣдниками Казимира, Альбрехтомъ и Жигмонтомъ, также прійшло Ивану провадити отвергую войну, которая тянулася долгии дѣта и окончилась ажъ подъ наслѣдникомъ Ивана, Царемъ Василіемъ III. О тыхъ войнахъ межи Польщею а Великою Русію розказано уже въ попереднихъ отдѣлахъ нашей исторіи, томъ довольно тутъ лишь замѣтити, що войнати выйшли остаточню на славу, на возвеличеніе и розширеніе велико-русской державы.

Другое славное дѣло, якого довершилъ Иванъ Великій, было покореніе Татаръ и освобожденіе Руси отъ неволѣ. Онъ то умѣлъ такъ повести дѣло, що порожнилъ Татаръ межи собою такъ, що цѣлое татарское ханство распалось на три враждебныя собѣ части, и тогда Царь Иванъ зломилъ тое горестное иго, которое давило Русь болестно долгии столѣтія. Тогда то онъ розбилъ Татарву, и однихъ изъ нихъ здѣлалъ своими союзниками, а другихъ даже своими подвластными, которые отъ теперь Руси платили дань. — Такъ довершилъ въ-конецъ Иванъ Великій освобожденіе народа христіанского отъ татарской неволѣ въ р. 1480, а за тое само справедливо возвеличила его Русь почетнымъ именованіемъ „Великого.“ — Въ свободныи отъ военныхъ занятій часы занимался Иванъ Великій внутреннимъ устройствомъ своей державы, строилъ ве-

кин будынки, церкви и палаты въ Москвѣ, до чого спроваджовалъ изъ-за грациѣ опытныхъ будовничихъ, малярей, рѣзбярей, здѣлалъ порядокъ въ побороподаткѣ, издалъ сборникъ русскихъ конковъ и поднималъ всякіи другіи дѣла во благо своего народа.

По смерти Ивана Великого наслѣдиль царскій престолъ сынъ его, Василій III. Онъ старался вступати въ слѣды отца своего и подвигалъ впередъ русскую державу. Онъ былъ женатъ съ Еленою сестрою князя Глинского, того самого, кто изъ Литвы перейшолъ въ Великую Русь и подчинился Царевнѣ. Умираючи, оставилъ Василій по собѣ двоухъ сынѣвъ, изъ которыхъ старшій Иванъ числилъ двѣ 3 лѣта. Тому по смерти Василія была управленіе державы вдова Елена въ р. 1533.

Царица Елена не добре поступала собою вмѣсто заняться образованьемъ сынѣвъ, щобы изъ нихъ выйшли колисыны владѣтелѣ Руси, она прибрала собою до рады людей, которыи лестію и ливствомъ доходили до ей ласки, и тини были заушники, воюючи силетнями и клеветами, вводили безпорядки и невзгоды, своимъ коварствомъ погубили много чинныхъ душъ. Народъ ропталъ голона самую Царицю и предвозвѣщалъ, что изъ такого ей правленія немного добра буде для Руси. Однако не долго суда-

лось владѣти Царицѣ Еленѣ, бо уже въ
р. 1538 умерла она наглою смертію.

Наслѣдникомъ престола осталъ ш
ней старшій сынъ Иванъ, названн
Грознымъ. Въ туо пору было ему ш
ино 8 лѣтъ; тожь принялись управлять
державою въ имени малолѣтнго Царя
самы бояре. Тѣи то бояре-опѣкуны не жу
рились совсѣмъ воспитаніемъ Царя, промъ
дѣйшовши до найвысшей власти, промъ
пляли о собѣ и всякими несправедливо
стями и насиліемъ розхищали царскі
скарбъ, пригнетали другими злочин
безсовѣстно и всякими другими злочин
ствами розстроювали порядокъ держав
ный. До наибольшого вліянія дѣйшла то
гда родина князей Шуйскихъ, и они
то взяли межи себе молодого Ивана Царя
и нимъ опѣковалися. Опѣка же ихъ со
стояла въ томъ, що они, вмѣсто вщепля
ти въ сердце молодого хлопця добродѣ
тели и свойства, якін нужны доброму в
мудрому владѣтею, старались якъ най
больше испортити его сердце и возбу
джати въ немъ злыи норovy. Шуйскіи
думали, що при такомъ душевномъ за
пуствнїю молодого Царя они будутъ мо
гли тѣмъ свободнѣйше и своевольнѣйше
управляти державою; однакъ перечисли
лись они въ томъ гѣрко. Царь Иванъ,
изъ природы быстроумный и понятли
вый, а при томъ горячій и гнѣвливыи,
скоро принималъ злыи сѣмена опѣкун-

ской науки. Онъ не видѣлъ николи доброго дѣла своихъ оубунѣвъ, не видѣлъ пощады ни милосердія у тѣхъ людей, тожь возрасталъ въ дикости норовѣвъ, въ безсердечности и своевольствѣ. Изъ того вышло, що молодой Царь, наученный ѡтъ оубунѣвъ жестокости, сталъ истинно якъ его называли такимъ, Грознымъ, а найгрознѣйшимъ для тыхъ, що такъ испортили его сердце.

Ледви дойшолъ Иванъ до 13 лѣтъ житья, а уже объявилъ онъ грозу свою на бояръ. Одного разу обидѣли Шуйскіи дворянина Царя Ивана, именемъ Воронцова, и выслали его въ заточеніе. Тѣмъ возбудили они противъ себе у Ивана страшный гнѣвъ и лютость. Розъяренный Иванъ велѣлъ схватити и убити найстаршого боярина Андрея Шуйского, а другихъ бояръ каралъ ужаснымъ способомъ, умертвлялъ ихъ, вырѣзовалъ имъ языки и пр., и то все дѣлалъ онъ при помочи родины Глинскихъ, которые добравсь теперъ до царской ласки. Онъ обходился съ боярами такъ безпощадно и строго цѣлыхъ три роки. Пришовши до полнолѣтности (до 15 вѣку жизни) вѣнчался Иванъ грозный царскимъ вѣнцемъ, оженился съ дѣвицею Анастасіею Романовною, донькою боярина-князя Романа Захаріина, и ѡтъ того часу смирился онъ во гнѣвѣ и сталъ добрымъ и умнымъ владѣтелемъ. Всѣхъ своихъ

давнѣйшихъ грѣхѣвъ каялся онъ, исповѣдался изъ нихъ всенародно и обѣщавъ, что отъ теперь буде управлять державою и народомъ честно и справедливо. И въ самомъ дѣлѣ черезъ 13 лѣтъ, т. е. до смерти возлюбленной жены своей Анастаси, Иванъ Грозный царствовалъ яко мудрый, добрый и справедливый Царь, такъ, что вся Великая Русь радовалась и славилъ Бога за то, что далъ ей такого владѣтеля. За той часъ здѣлалъ Царь Иванъ много добра для своего народа. Во внутреннемъ управленіи онъ предпринялъ численныя дѣйствія для поднесенія державы, и такъ: исправилъ давнѣйшія законы и составилъ новую книгу законѣвъ, названную „Судебникомъ Ивана IV“. Въ томъ то судебнику было межъ прочимъ постановлено, чтобы во всѣхъ громадахъ народъ самъ выбиралъ собѣ старостъ и судіевъ присяжныхъ, и чтобы царскіи намѣстники не судили никого изъ народу безъ тыхъ громадскихъ старостъ и присяжныхъ. Въ дѣлѣ духовныхъ справъ созвалъ Иванъ ученыхъ священниковъ и уложилъ съ ними правила христіанской нравственной жизни для народа, а тѣи то правила собраны были въ книжѣ, составленной въ сто главахъ и отъ того названной „Стоглавомъ“. Кромѣ того запровадилъ Царь Иванъ въ Москвѣ первую печать, завязавъ торговельными сношенія съ дру-

и державами, а въ-концеъ устроилъ
себѣ постоянное войско, вооруженное
ружьями, которое то войско для того
называлъ стрѣльцами.

Уладившись съ внутренними дѣлами,
Царь Иванъ звернулся теперь на воро-
говъ державы, именно же на Татаръ.
Царю подѣлены были теперь на три
царства: на Казанское, Астраханское и
Симбирское ханство. Напередъ двинулся
Царь Иванъ на Казанскихъ Татаръ,
чтобы истребить ханство ихъ, взять присту-
пить городъ Казань и перемѣнить то
царство на свою Казанскую губернію.
Сей-часъ по завоеванію Казани ввелъ
Царь Иванъ христіанство, построилъ
церкви и поставилъ православного
епископа. Цѣлая Великая Русь радова-
лась этими побѣдоносными дѣйствіями
того Царя и прославляла его.

Въ-коротцѣ по той Казанской вы-
пѣ занедужалъ Царь Иванъ такъ
сильно, что былъ майже близкимъ смерти.
Въ-то время того недуга находились въ спаль-
нѣ Царя бояре, и тѣи тутъ-же зачали
спори́ти межи собою и сваритись о на-
дѣлахъ, та и на самого Ивана стали
надѣваться, певны бо собѣ уже были его
дни. Но Царь Иванъ, хотя тяжело
больной, слышалъ все то и добре собѣ
вспоминать, а по́зднѣйше онъ прига-
нулъ то боярамъ самымъ ужаснымъ спо-
во́мъ.

Подвигнувшись изъ тяжкой болѣвыправился Царь Иванъ на Астраскихъ Татаръ, и тыхъ такожь билъ: по чѣмъ всѣ уже ханы изъ харіи, Сибири, Черкесь и Грузин слали въ Москву дань и приняли данство Царя. Остало еще одно Крымское ханство, найнеспоконнѣйше наибольше небезпечное для того, что стояло въ связи съ Турками, котору Султанъ владѣлъ уже тогда Цареградъ и всѣми землями давной Греціи. Трже было и добратись Цареви Ивану тыхъ Татаръ уже-жь для того са что они отдѣлены были отъ Руси и кими безъ-кѣнца степами. Для того лучился Царь Иванъ съ Атаманомъ заковъ Запорожскихъ, якимъ былъ князь Димитрій Вишневецкій томокъ роду св. Владиміра, и съ помого Атамана Царь поразилъ Крымскы Татаръ такъ, что черезъ 15 лѣтъ не са они безпокоити русскихъ земель. томъ подвигу на Крымцѣвъ князь невецкій перейшолъ въ службу Ивана и сталъ у него начальни войскъ.

Такии то были дѣла Ивана Гроа въ часѣ мудрого правленія его че 13 лѣтъ; но на томъ и кончилось правленіе его справедливое и блазумное. Отъ теперь зачинаеся э несчастный періодъ владѣнія Ивана

второмъ онъ въ порывахъ неукротимой
 злости и дикой лютости наводилъ на свою
 державу сумныи и горестныи часы.

Въ р. 1560 умерла жена Ивана до-
 бросердечная Анастасія. Смерть Анаста-
 сии поразила до крайности Царя Ивана.
 Можно сказать, она розстроила его ум-
 венныи силы. Въ печали и отчаяніи
 онъ стратѣ неотжалованой жены повѣрилъ
 царь клеветѣ, що будто Царица умерла
 отъ чаровъ двоухъ его наилучшихъ дру-
 говъ и совѣтниковъ, священника Силь-
 естра и воеводы Адашева, которыхъ
 велѣлъ онъ умертвити. Такъ не стало
 Ивану тыхъ двоухъ добрыхъ друговъ
 его, а за то онъ окружилъ себе толпою
 лукавыхъ заушниковъ, льстецевъ, кото-
 рыи безстыдными клеветами и подстре-
 ательницами поджигали его ярость. Те-
 перь то пригадался Царь Иванъ своимъ
 боярамъ за то, що они его въ часъ бо-
 лѣзни оскорбляли, и сталъ безпощадно
 карати ихъ смертію, а каралъ по боль-
 шой части самыхъ невинныхъ, най-
 лучшихъ друговъ, найвѣрнѣйшихъ слугъ
 своихъ. Не дивно отже, що коли только
 началъ лютиться Царь той, сей-часъ от-
 стали отъ него наилучшіи его воеводы:
 князь Курбскій и Вишневецкій,
 они переселились до Польщи. Тѣмъ
 поступкомъ еще больше розъяренный Царь,
 сталъ до крайности подозрительнымъ
 противу всѣхъ людей, и тогда то все

здавалось ему, що бояре замыслили его здрадити, убити. Для того о́въ жилъ себе приборною стражею, жарами, которыхъ названо „опричниками“, якобы людьми, „опричь“ кото- которыхъ никто другій у Царя не добрый. Съ тыми то опричниками выправлялъ такіи лиходѣйства и б конія, що вся Великая Русь задрепи и ужаснулась. Опричники, одѣты чорное монашеское платье, ризомъ Иваномъ о́тъ рана до вечера то моли въ церкви, то рубали головы и гра всякого хоть наименьше подозрѣна челоуѣка, а подозрѣнныхъ то было т безъ числа. Неразь хвилями опа- вался Царь Иванъ, и тогда сыпалъ ве́мъ церквамъ щедрый жертвы а винно убитыхъ, и самъ за нихъ дился; но хвилѣ такіи скоро ми и Царь по молитвахъ и поклонахъ храмъ Божомъ, зновъ велѣлъ рубати мучити людей.

Одного разу подалъ ктось лоя доносъ, що Новгородъ збунтовался тивъ Царя и вяжеться тайно съ коро- Польци. Царь Иванъ повѣрилъ лож доносowi, кинулся съ толпами св опричниковъ въ походъ на Новгор- И тутъ о́въ черезъ пять недѣль правилъ Новгородянамъ кровавую ану. Тогда то 27.000 невинныхъ д погубило о́тъ звѣрской лютости царс-

шивковъ! Вернувши до Москвы, Царь началъ глядети змовы рады также и тутъ. Черезъ кольца сѣвъ вязнено всякого, на кого акій-дѣ палъ доносъ. Въ-конецъ на одинъ день велѣлъ Иванъ Грозный согнати на площадь весь народъ; по цѣлой площади были самыя висѣлицы, костры, розломы были клѣщи, ножи и топоры. Тутъ передъ лицомъ народа ѳбылось кровое зрѣлище: 150 подоврѣнныхъ людей нено то топорами, то на кострахъ.

Коли же Царь, заслѣвленный и ошоденный кровожадностію, продолжалъ себе дома такую грозу, скорыстали того его сусѣды и вдирались въ градъ русской державы. Царь Иванъ не могъ теперь дѣйствовать противъ вѣнскихъ воротовъ, бо всецѣло занятъ былъ домашними казнями, а наилучшихъ своихъ военачальниковъ поубивалъ или ргивалъ. Тымъ часомъ же король польскій, якимъ былъ тогда Стефанъ Баторій, вступилъ въ Полоцкую область и захватилъ одинъ городъ за другимъ безъ сопротивленія. Ажь коли Баторій подступилъ подъ городъ Псковъ, онамятался Иванъ Грозный, собралъ войско на скорости и выслалъ оное до Пскова, разомъ выправилъ и пословъ до Баторія съ предложеньемъ мира. Пришло до угоды: Баторій, стративши

много войска черезъ голодъ и моръ заразу, уступилъ зъ областейъ вѣс русскихъ, но за то Царь Иванъ и нужденъ былъ отступити Польщи зъ Ливонскую и городъ Полоцкъ. Въ т военномъ неповодженю добачилъ П руку Божу и началъ отъ теперъ по лихъ дняхъ молитись, бити покл и каялся своихъ жестокихъ дѣлъ. Ода не долго тревало у него и такое ро янье, бо таки скоро попалъ онъ на въ давный свѣй гнѣвъ и ярость, кото дошли до того степени, що одного онъ ударилъ желѣзомъ сына своего, ревича Ивана, такъ сильно, що тои четырехъ дней скончался. По томъ счастлиномъ случаю зновъ опамятался П ный, тяжко каялся, служилъ панахи но теперъ завладѣла нимъ невысказан тоска, и совѣсть не давала ему уже покою ни въ день, ни въ ночи. По чахъ зрывался онъ зъ постели, кид съ крикомъ на землю, выобразалъ с що ему являються загробовыи видѣ души несчастныхъ, невинно нимъ у ныхъ; въ день же розсылалъ онъ всѣмъ монастырямъ обыльныи жер и просилъ, щобы духовенство моли о его окаянной душѣ.

Въ тую пору совершилось одно ликое утѣшительное событіе, которое т царя, якъ и весь народъ велико-рус дуже возрадовало. Атаманъ Донск

завоѣвъ, именовъ Тymoфeй Ермакъ, двoма купцями русскими Стpогано-ыми, завладѣлъ всю державу Си-бирскую (въ Азіи) и прилучилъ ю до великой Руси. Черезъ той подвигъ стала великая Русь наибольшою и найбогатшою державою межи всѣми въ Европѣ.

Незадолго послѣ того заболѣлъ Царь Иванъ страшною болѣзнею: онъ сталъ гнѣ вънутри гнити, а на внѣ пухнути, и середѣ той болѣзни скончался дня 8 Марта 1584 г., оставляючи по собѣ вохъ сынѣвъ, Феодора и Димитрія.

По смерти Ивана Грозного вступилъ на престолъ велико-русского Царства старшій сынъ его Феодоръ. Сей Царь Феодоръ былъ женатъ съ сестрою боярина Бориса Годунова, а що самъ былъ онъ немощенъ тѣломъ и слабый на души, тожь не мѣшался въ дѣла державныи, а отступилъ правленіе боярской Думѣ, зложеной изъ 5 избранныхъ вельможъ, на которыхъ челѣ стоялъ Борисъ Годуновъ. Той Борисъ Годуновъ зъ начала управлялъ державою дуже мудро и много причинилъ до поднесенья добра Вел. Руси такъ, що народъ высоко его цѣнилъ и поважалъ. Но позднѣйше овладѣлъ нимъ лукавый духъ честилюбія и подстрекалъ его до достиженія наибольшой чести державной, якою была царская корона. Въ душу его заронилась та мысль, що ему теперь надается най-



шая способнѣсть статися Царемъ. Ель тая, урившися разъ въ головѣ Годунова, не ѳтставала уже ѳтъ него. кала его що-разъ дальше и приготова поволн даже до самого найсквершого дѣла. Годуновъ бо зналъ, що ѳщный Царь Феодоръ долго не поже, до той Царь бездѣтный, то по егрти одною переноною до царского прега для Годунова стане хнба другій съ Ивана Грозного, царевичъ Димитрій. Въ душѣ Годунова, ошоломленной гнѣю и повагою, якую ѳнъ уже здѣтъ собѣ въ народѣ, а терзаемой жаждой дойти до найвышого достоинства державѣ, созрѣвалъ що-разъ бѣльше мыслѣ, который имѣлъ его довести до нн и заставилъ его позабыти о страхѣ комъ и совершнн дѣло, превосходящее всякую нечестъ и всякую злобу. Одно дня рознеслась по Москвѣ ужасная вѣсть, що царевичъ Димитрій, пребывающій съ матерію въ удѣльномъ своемъ мѣстѣ въ Угличн — убнть! Никто не смѣвался що убнство се — то дѣло Годунова. — Замыслѣ Годунова сошнлся. Въ-коротцѣ умеръ и Царь Феодоръ послѣ долшой болѣзни безъ покаяна, а съ тѣмъ нестало и законного прѣдника на велико русскій престолѣ, со смертнѣю Царя Феодора въ г. 1598 сошнлся поколѣннѣ Рюрика.

Теперь настало въ Великой Руси бунное а сумное время домашнихъ невзгодъ и возмущеній, которыи нанесли на державу много бѣдъ и много горя. О томъ расскажемъ дальше на своемъ мѣстѣ, а между тѣмъ повернемъ назадъ до нашихъ Мало-русскихъ дѣлъ, якіи совершились по Уніи Любельской.

ПЕРІОДЪ II.

ЧАСТЬ II.

Войны козацкіи.

Початокъ козацтва.

Съ заведеніемъ уніи Любельской а пѣзднѣйше еще и другой, церковной уніи Берестейской, тратила Русь совершенно свой самостоятельный бытъ ко-народный а слялась съ Польщею. Польская шляхта, зрѣвнана въ правахъ польскою, для личной выгоды приняла католичество, покидала свою народность и ставалась Поляками въ вѣрѣ, нравахъ и обычаяхъ. Одинъ только простой народъ, пригнетенный, позбавленный своихъ свободъ и насильствованный въ своихъ религіиныхъ чувствахъ, не отрѣкшись своей Руси, но еще и выступалъ въ борьбу съ польскою и съ своею спольщеною шляхтою за свою давнюю свободу, за с

му и народность свою русскую. Борьбу
 о, що приняла съ лѣтами великіи роз-
 ры и велась на-забѣй розпочали козаки.

Зъ ѳтки же взялись тѣ козаки?

Еще за временъ короля Ягайла поя-
 вись на широкой пространи степовъ
 жи Днѣпромъ а Дономъ громады рус-
 ихъ людей, по бѣльшой части люди
 подья, бездомныи, которыхъ имѣнье
 ограбили Татары, а которыи теперь бу-
 ючи по необозримыхъ стѣнахъ на до-
 ихъ своихъ коняхъ, живились ловле-
 о дьчиною и рыбою, или добычею,
 имъ удалось у Татаръ набрати. Люди
 назывались „козаками“. Слово „ко-
 зъ“ татарске, означало въ татарской
 ѳдѣ вольного бурлака или низшого
 у война. Коли цѣла Орда татарска
 дѣлвлась на поодинокіи ханства, то
 о изъ нихъ заняло землѣ Черномор-
 е и пѣдъ именемъ Крымскихъ Татаръ,
 ускало часто свои заганы на Русь.
 изъ оныхъ Татаръ, що жили на са-
 границѣ Руси, выѣздили и безъ на-
 у своихъ старшинъ на рабунокъ и
 шовали русскіи села и имѣнія.

Жителѣ тыхъ русскихъ сель, прину-
 ны были самы власною силою ѳтби-
 и такіи напады, черезъ що они не
 ни уже ѳтдаватись спокойной жизни
 емледѣлю, а привыкали до житья во-
 юго. По образу татарскихъ козаковъ
 орились и съ русской стороны шайки

и отряды русскихъ воиновъ, которыя звались такожь козаками, и тѣи приивали собѣ въ высокой степени все свойства, якъ то есть зручность и га, вдирались межи Татарь, грабобдирали ихъ безпощадно и такъ лись на нихъ за тую горькую долю дознавала отъ нихъ Русь. Съ чумножались тѣи отряды козаки великого числа, и понеже оказовони дуже полезными яко погранистража противъ Татарь, то корольскіи глядѣли спокойно на ихъ вози недобачовали въ нихъ ніякой ости для себе. Такимъ способомъ родились козаки своими селеніями наприграничной, украиной русскойсти, названой тогда отъ того Униной, именно въ Кіевщинѣ, БрацлавЧерниговщинѣ, будь то яко подвлапольскимъ старостамъ, будь яко сны, отъ никого не зависимы все люди. Сусѣдство съ Татарами деихъ безъустанно въ военномъ движдостарчало имъ великую добычу, дзъ нихъ опытныхъ борцѣвъ, а цвороги ихъ были нехристіане, то наихъ и всѣ военныи подвиги набрелигійной закраски, и тѣи казали тѣлько дозволеннымъ, но и заслужнымъ богоугоднымъ дѣломъ. Одна сама судьба, одна и тая сама цѣль, и тѣи самыи надѣи выродили въ на

русскомъ козацтвѣ тую взаимную любовь и привязанье, взаимную дружбу и пожертвованье, якими оно цѣлый міръ дивляло. Одинъ за всѣхъ, всѣ за одного, а всѣ разомъ за Русь и вѣру христіанскую, встѣ правило, якимъ одушевлялось наше козацтво. Личная свобода необремененная власность землѣ, власный судъ и управленіе, свободно выбранное, цѣлкомысленная рѣшительность членовъ громады, прерогативы для всякихъ привилеевъ и взаимная оборона отъ враговъ — то были святыни ихъ души, были улюбленные думы ихъ сердца. Такой станъ козацтва манилъ до себе русскихъ людей особенно тѣхъ що въ Литвѣ и Польци стогнали подъ ярмомъ шляхотского гнета. Отъ чаробной панованья Жигмонта-Августа, коли жизнь селянъ сталась тяжкою въ Червоной Руси, стало козацтво народнымъ оплотомъ противъ того державного порядка, стало козацтво безопаснымъ пристанищемъ для всѣхъ, кто покривдженъ былъ въ своихъ народныхъ, а потомъ и религіозныхъ чувствахъ, и кто не хотѣлъ подчинитись самоволѣ шляхты, а утѣкалъ къ козакамъ, чтобы посередъ нихъ сохранить свою народность и вѣру и личную свободу.

Одни козаки, що поселились надъ Днѣпромъ, звались Донскими козаками. Тѣ послѣдныи, яко пограничныи Великой Руси, уважали себе прива-

лежными до тойже и умножились племени изъ Великой Руси. Одинъ атаманъ (начальникъ) тыхъ Донскихъ козаковъ именемъ Ермакъ, завладѣвъ Сибирею и подчинилъ ю Цареви Вел. Русии Ивану Грозному. Тѣи же козаки що жили надъ Днѣпромъ въ такъ званой Украинѣ звались Украинскими козаками.

Часть тыхъ Украинскихъ козаковъ щобы избѣгнути зависимости отъ польскихъ старостъ, та щобы заняти найвысшій станица противъ Турковъ и Татаръ, розложила таборомъ за Днѣпровыми порогами на островъ Томаковъ. Тутъ они таборъ свой, званый „кошемъ“, оточили засѣками и назвали его „Сѣчю“. Тѣи то Запорожцы утворили съ часомъ военное братство, которое мало свои права и свои обычаи; и такъ найвысшая власть у нихъ была въ рукахъ козацкой рады, на той радѣ выбрано головное начальника, званого „кошовымъ атаманомъ“. Цѣлый ихъ таборъ или кошъ дѣлился на „курень“, а каждый курень малъ своего „куренного атамана“. Запорожскіи козаки составляли собою само ядро козацтва; тутъ была войсковая школа, тутъ собиралось все козацтво, кидѣло мужествомъ и отвагою безъ границъ. Запорожцы жили самою войною; у нихъ не было часу на спочинокъ, а якъ хижины носились они то по степамъ на

рвыхъ коняхъ, то по Днѣпру на лег-
хъ лодкахъ, чайками званыхъ, куда
ль ноля несла, то въ сусѣдное татарское
нство, то на далекое необозримое море.
ередкомъ запорожскаго козацтва была
чь, которая переносилась зъ одного
стца на другое по Днѣпровыхъ остро-
хъ. Жилища Запорожцѣвъ не обмежа-
ель однакъ на самую Сѣчь, а розкла-
лись они и на другихъ островахъ и по
регахъ Днѣпровыхъ, и творили козац-
и села. Зъ-початку самы тѣлько мужчи-
и были жителями Запорожья, но пѣз-
ѣйше стали переселяться туда цѣлыми
дныи и заводили хуторы, однакъ въ
ую Сѣчь николи не припускалось не-
сть. Съ часомъ сталоъ Запорожье при-
жищемъ для каждаго, кому немилую
ла жизнь въ родинѣ, для всѣхъ по-
вдженыхъ, обидженыхъ, и тѣи посе-
лись тутъ съ жаждою мести за себе
братей своихъ Русинѣвъ.

Такъ отже роздѣлялись козаки над-
ѣпрянскіи на украинскихъ и запорож-
ихъ; но межѣ одними а другими была
еная связь. Изъ нихъ тѣлько украин-
и мусѣли признавати надъ собою поль-
ую власть, бо они замешковали тѣи
ласти, которыи Польша до своей коро-
и прилучила; Запорожскіи же козаки
увнавали надъ собою никого, и были
ѣвъ и для себе вполнѣ свободнымъ то-
ришествомъ.

Первый козакъ, що устроилъ братію въ порядочное войско и рознесла славу его оружія, былъ Атаманъ Евфій Дашковичъ. Онъ упрядко козацтво такимъ способомъ, що выдѣлялъ 4000 найдѣльнѣйшихъ мужей; раздѣлялъ ихъ на полки и сотнѣ, поставилъ ними старшинъ, есаулѠвъ, полковниковъ, сотникѠвъ и десятникѠвъ, устроилъ зацкій судъ изъ старшихъ козакѠвъ при каждомъ куреніи установилъ своего писаря. Кромѣ того установилъ также, що каждого року въ лѣтѣ Ѡтпуща два тысячи козакѠвъ на свободную жизнь въ степы, а на ихъ мѣстце записывалъ другихъ два тысячи, такъ що всегда до доборовое войско на поготовью, случилось подняти военный походъ.

Съ войскомъ своимъ козацкимъ жилъ Дашковичъ зъ початку Великой Руси, но пѠзднѣйше перекинулся на сторону Польщи, а доставши Ѡтъ короля Жигмонта города Каневъ и Черкасскъ, помагалъ ему въ вѠйнахъ противъ Малой Руси. Славно-жъ воевалъ Дашковичъ съ Татарами! Онъ то будь самъ своимъ козацтвомъ, будь съ полками князя Константина Острожского разбилъ крымскую орду Татаръ, Ѡтбивалъ ханы и инскихъ плѣнникѠвъ зъ татарской волѣ и доставлялъ козакамъ богатую добычу.

По смерти Дашковича притихло на сейсь часть въ Украинѣ, бо такъ якъ не было способности до бѣльшихъ военныхъ подвиговъ, то и уменьшалось число козаковъ. Ажь коли прійшоль на Украину князь Дмитрій Вишневецкій и выданный былъ Атаманомъ ново-собранныхъ козаковъ, тогда на-ново закинула жизнь козацкая и разливалась тамъ полными струями. Вишневецкій побѣльшилъ число козаковъ, привимаючи до себе всякихъ охотниковъ, и черезъ тое стался онъ сильнымъ, що грозилъ навѣтъ польскому королеви, и на него совѣмъ таки не оглядался. Вславившись со своими козаками въ походѣ противъ Крымскихъ Татаръ, поднятомъ нимъ разомъ съ войсками Царя Ивана Грозного, онъ перейшоль на службу Великой Руси.

Незадолго однакъ зраженный лютымъ злобеденіемъ того Царя онъ вступилъ на службу въ службу польского короля и подался на Украину добывать собѣ славу въ военномъ дѣлѣ противъ Татаръ и Турковъ. И не малой то славы онъ тутъ довелся, коли и народныи пѣсни русскіи часто о немъ вспоминають. Одна зъ такихъ народныхъ пѣсень оповѣдае о печальной, но богатырской кончинѣ его, которая постигла его въ р. 1564. Въ томъ же роцѣ Вишневецкій выправился на Молдавию, но тутъ здрадою своихъ ворововъ, остался въ руки Турковъ. Султанъ ту-

рецькій велѣлъ его повѣсити ребромъ-железномъ палѣ, а Вишневецкій на тѣмъ гаку прославлялъ Христа и проповѣдывалъ турецкаго пророка Мугамеда. Народъ вѣсень оповѣдае, що коли онъ такъ сѣлъ на гаку, радилъ ему Султанъ вѣдати турецкую вѣру и тогда онъ Султанъ дасть ему свою доньку за жену. Но тѣмъ Вишневецкій попросилъ для кѣлька стрѣлъ, щобы застрѣлити го на вечерю своей судженой, а доста стрѣлу, кинулъ ю въ самую голову судейской доньки, та и до конца славилъ Христа, а проклиналъ невѣрныхъ.

По той сумной кончинѣ Вишневецкого нестало козакамъ знову смѣлого и приємчивого начальника. Одни козаки ходили зъ Украины и лучились съ польскими козаками, други кидали кони зброю, а принимались за земледѣльство. Здавалось затѣмъ, що туй-туй роспакоца козацкаи твердыня: однакожь не такъ стало. Не упало козацтво, а противъ оно вскорѣ начало зновь взмагатись и сподѣванно дойшло до такой силы и гущества, що затревожило цѣлый доокола. Въ самъ бо той часъ заведеасъ Польщи на русскихъ земляхъ Любецкая унїя, и таа то унїя, що мала служити до цѣлковитой заглады руской народности на Червонной Руси, влїяла причинилася наибѣльше до розмноженя и скрѣпленя козаццины; она вытнот

новый военный народъ, нову козацкую державу на оборону русскаго имени, русскихъ правъ, на мщеніе за обиды, насиліе и всякіи несправедливости. Въ сей-часъ бо по оголошенью уніи явилось множество вельможъ, дворянъ и народа невольныхъ или покривдженныхъ; тии стали покидати свои землѣ на Подѣлю, Волино и въ Галичинѣ, та и переходили толпами на Сѣчь. Вскорѣ закипѣло тамъ снова все буйною, вольною жизнею: вскорѣ станули доборовыи полки козацтва уже не въ кѣлька тысячъ, а въ цѣлыхъ 30 тысячъ люда, а надъ ними свободнымъ выборомъ былъ поставленъ Гетманомъ дѣльный козацкій рыцарь, Иванъ Свирговскій. При Свирговскомъ не дозволялись уже козаки частными перепалками съ Татарами и мариными добычами зъ таборѣвъ татарскихъ, а заускались на своихъ чайкахъ далеко на Чорное море, подступали подъ самъ Цареградъ, та съ оружіемъ въ рукахъ вызволяли христіанскихъ невольниковъ зъ турецкихъ вязницъ. Уважаючи за собѣи святый обовязокъ стеречь Русь и Христіанство отъ грозы поганской, проводило козацтво наше подъ своимъ Гетманомъ неустанную войну то съ Татарами, то съ Турками, впадали каждого року въ Крымское ханство и истребляли поганцевъ безпощадно, щобы ихъ обезсилити, невредными для Руси учинити, а самымъ собѣи набрати военной вправы.

Въ дѣлѣ томъ не оглядались козаки и Польшу, а хотя Жигмонтъ, король польскій, що-року высылалъ до нихъ свои письма и универзалы, и запрещалъ имъ непокоити Татаръ и Туркѡвъ, съ которыми самъ онъ тогда жилъ въ согласіи. Козаки письма читали, а свое дѣло дѣлали. Въ р. 1574 выправился Свирговскій помагати Молдавіянамъ противъ Туркѡвъ, но здраженный тутъ ѡтъ самыхъ Молдавіянъ полягъ на поли битвы, а съ нимъ до 2000 козацкаго цвѣту.

Въ рѡкъ пѡзднѣйше, власне коли козако́въ не было своего Гетмана, явилась безчисленная тѣма Татарвы на Малой Руси и ворвалась ажъ въ Подѡлье, на Ільинь и въ Галичину по-за Перемышль. Козаки соединились съ воеводою Кіевскимъ, княземъ Константиномъ Стружскимъ, и що было въ ихъ силѣ оборонили русскихъ земель, но на даръ. Не такъ бо легко приходилось повздвигати взбуренную безконечную хмару татарской дичи въ ей бѣгу, а то тѣмъ болѣе, що тая дичь, хотя и якъ розгромляла была Русію, но все же на-ново отростала наплывомъ свѣжихъ пришельцѡвъ изъ Азій. Тая то лютая Татарва, загнавши въ ономъ роцѣ 1574 пѡдъ самъ бѡкъ державы польского короля, зрабовала, зацила, спалила, що могла, а забрала вотки тысячей народа и скота, вернувшись за Днѣпръ до своего ханства. Не бѣ

оборонити русской земли, русскихъ
нѣ, отъ такъ страшнаго несчастья:
цтва бо нашего, якъ сказано, было
еще за мало, а панамъ польскимъ
едуже ходило о то, щобы противъ
рѣ выступити. У нихъ то, у поль-
скы пановъ, не стало тогда ни часу,
хоты итти на поганця; но коли рос-
лось о загорненье богатыхъ русскихъ
земель, то якъ мы видѣли, они не жало-
ва ни труду ни заходовъ, а суетились
быстро и горячково, щобы цѣли сво-
боды достигнути. Коли же за тѣи самыи
дѣла русскіи пришлось добыти оружія,
и народъ отъ напасти Татаръ охоро-
дился, то нагло не стало нашихъ опѣку-
щихъ, и гдесъ счезла тая о насъ печаль-
ная панская. Така то уже и была тогда
наша подъ Польщею.

Помимо того навѣтъ и послѣ такъ
сильнаго удара, не осталася Русь безъ нѣ-
мкой потѣхи. Не ратовали ей въ не-
дѣлю тѣи, що до того были свято обо-
роны, но за то потѣшали ю и гонили
чуждыи рѣдныи и вѣрныи сыны ей, бо-
ри козацкіи. Въ смутку и изъ со-
зданія надъ судьбою матери своей въ
сердцѣ жалю, що они не были въ со-
стояніи охоронити ей отъ лютого татар-
скаго напада, закипѣвши местію, они
ягли, що не отпочнуть, поки кроваво
отплатятъ бисурманамъ за обиды, на-
данныи Руси-Матери. Въ сей же часъ

почали они збиратись на Сѣчи великими громадами, а коли межи ними явилъ князь Богданъ Ружинскій, котораго зрѣкъ былъ своихъ достоинствъ и своего гордаго званія, а сталъ братомъ-козакомъ рѣвнымъ каждому другому, тогда козаки окликали его своимъ Гетманомъ и погнали съ нимъ за Крымъ воевати Татаръ на и освободжати плѣнныхъ братьевъ своихъ Русинѣвъ зъ неволѣ. И росло въ сердце у Руси бѣдной изныдѣлой, и она побачила, якъ сыны ей, якъ то-быстрокрылыи орлы мчатся на бисурманъ и ѳтплачуютъ имъ за напады на Русь, якъ они боронятъ чести русскаго имени и освящаютъ свое оружіе войною за крестъ святой, за христіанство.

Такое то было козацтво наше — русское воинство, которое пѣзднѣйше стало уже не только охороннымъ муромъ христіанства противъ поганскихъ Татаръ, но сосредоточило въ собѣ всю русскую жизнь народную съ ей питоменными състояніями, бажаніями и требованіями, жественно пѣднесло мечъ свой въ обѣнѣ своей правдѣной вѣры, правдѣной обычаевъ и народныхъ правъ, а то въ такой хвилѣ, коли противная Русь съ вѣ Польщи съ завзятостію, недостойно христіанъ, добывала всѣхъ усилій, щѣ не осталъ въ свѣтѣ слѣдъ възъ всего того, что русскимъ называлось. Уже-жь то сильная рука провидѣнія Божого не

ила до того, чтобы марно и безъ славы
агибъ той славный русскій народъ,
рый въ одушевленіи принялъ знамя
гное яко свѣй прапоръ и за него
во жертвъ полагалъ. Премудрый и
овѣтахъ своихъ неизслѣдимый Богъ
ецъ свѣта, повелъ уже дѣла такъ,
я Русь христіанская дознала спра
ивости Его, и хотя Онъ Всевышній
овины прадѣдовъ предалъ Русь нашу
имъ а тяжкимъ испытаніямъ, но въ
ць изъ ей гнѣзда вывелъ тысящи
брыхъ и удалыхъ сынѠвъ, чтобы ти
ули ей давную славу, выборолѣ для
ей права человѣческїи и привели на
до почитанія, значенія и чести. —
и то сынами-хранителями русскихъ
тъ, русской народности и вѣры явля
рыцарѣ - козаки.

Стефанъ Баторїй — возростъ козацтва.

Закѣмъ прїишло до грозного столкно
и межи народомъ польскимъ а рус
тъ, выкликанаго крайнею нетерпимо
для народности и вѣры русской зѣ
й стороны, а перебраною мѣркою тер
вости зѣ другой, заживали еще По
хорошихъ временъ, а Русины еще
тъ зноснаго быту за панованья ко
Стефана Баторїя. Король сей
пиль на престолъ польскїй въ р. 1575.
тъ то мужъ одаренный великимъ умомъ,

дуже ученый, мужественный и выростивший на потребности, желанія и права вѣснн племєнь славянскихъ, якими онъ яко король польскій владѣль. Пѳдъ тоє время розрѣздились въ Польщи уже на добры Езуиты, монашескїи латинскїи ксендзы. Возваны еще за Жигмонта - Августа для выкорененья ереси лютерской и кальвинской, здѣлали они своимъ спрытомъ великїи успѣхи и дошли до великого значенїя и влїянїя на внутрєннїи справы Польщи. Тїи то Езуиты помагали наибѳльше шляхтѣ польской вынародовляти Русь. Уже теперь пѳддавали они Полякамъ гадку, що если хотять слїяти Русь съ Польщею пѳдъ взглядомъ политичнымъ, религїйнымъ и народнымъ, то треба доконче выкоренити на Руси православїє, а привести Русинѳвъ до церковной унїи съ Римомъ. До цѣли же тої, що ихъ мысли, належало бы приступати такимъ способомъ: Напередъ треба завести такїи школы и семинарїи, где бы самы онї, Езуиты, обѳучали русскихъ дѣтей и приготовили ихъ прежде всего до унїи, а черезъ тоє до принятїя латинства; дальше треба поставляти такихъ людей русскими Владыками, которыи суть прихильны Польщи и унїи; въ-конецъ-потреба понижити православную Церковь и о скѳлько возможно ѳтнимати ей добра, щобы такъ поволи она не мала пѳдставы до существованья. Такїи пляны езуитскїи

лись чрезмѣрно польской шляхтѣ, и о томъ лишь и ходило, чтобы вывести Русь. Однакожь не такъ заисся на тую справу король Стефанъ II; онъ бо яко благородный мужъ и дѣлъ, що изъ тыхъ плановъ езуитовъ не выйде добра для краю, но шо поведеніе, якое они вымыслили, молкрайности взбурити и такъ уже сильную Русь и выкличе внутреннею борьбу, где бы уже рослось о шо бѣльше, якъ о имѣніе, якъ о вѣче. Баторій радъ былъ утвердити межи всѣми народами, находящими подъ его владѣніемъ, про тое онъ даже въ оборону всѣхъ не-католиковъ: „Я король надъ людьми, надъ ихъ совѣстію.“ Коли же предовано ему корысти, яки бы выйшли польщи изъ уніи церковной, тогда и онъ съ презрѣніемъ того рода вы и возражалъ такъ: „Я славлю шо пришедши на польскій престолъ, я я народъ русскій въ согласіи съ онымъ польскимъ и литовскимъ. У народовъ одна мысль, одна рѣвность, и межи ними распри. Въ латинскихъ церквахъ и русскихъ церквахъ отправленіе богослуженія спокойно и безъ цѣны; тожь я не виджу потребы пригнати русскую Церковь до соединенія латинскою. Не знаю, шо изъ того моги и шо зъ того вырасте, но ду-

маю и предвижую, що вмѣсто единства и согласія, введемъ неприязнь и свару межи Русь и Польшу и поведемъ обѣ безчисленныхъ несчастій, до паденія и погибели.“ Тѣи то святыи пророческіи слова вырекъ мудрый Баторій въ отвѣтъ на лестныи подстрекательства Езуитовъ и оставилъ въ мирѣ русскую Церковь. Позднѣйше дался и самъ умный Баторій увлечи безъустаннымъ намовамъ Езуитовъ и услухалъ где-якіи ихъ рады: накъ вскорѣ же того жаловалъ. И въ то коли онъ въ войнѣ съ Иваномъ Грознымъ занялъ городъ Полоцкъ, на упертое сопротивленіе тыхъ Езуитовъ отдалъ имъ большую часть православныхъ церквей и монастырей города, которыи въ сей-часъ перетворены на латинскіи костелы. Народъ побужденъ противъ того страшенный ропотъ и возносилъ жалобы до короля за свою кривду. Баторій позналъ, що зблудилъ, но не хотѣлъ на разѣ касовати разѣ Езуитовъ даного слова, а задобривъ Русиновъ крайной мѣрѣ такъ, що велѣлъ Езуитовъ кѣлька изъ забраныхъ церквей назадъ Русинамъ отдати.

Другое дѣло, до якого дался Баторій употребити противъ Руси, было введеніе нового, такъ званого Григоріянскаго календаря. Въ р. 1582 завелъ въ Русію Григорій той календарь для всѣхъ крѣпостныхъ людемъ. Тая новость якъ-разъ надавала Езуитамъ до ихъ цѣлей, тому постарался

и о томъ, що Баторій выдалъ и до всѣхъ Русинѣвъ строгій наказъ, чтобы они ѳтъ перь также у себе заводили новый кандарь и по́сля него обходили бы всѣ цѣта, т. е. чтобы святковали ихъ разомъ латинниками. Но уже на самомъ вступленіи Баторій стрѣтилъ такой опѣръ изъ ороны Русинѣвъ, якогъ николи не наидся. Цѣлая Русь съ своими Владыками и станули якъ одинъ мужъ противъ кон новизны и выразила свое негодовье общимъ ропотомъ и протестомъ. Баторій начала не хотѣлъ Баторій слухати нашихъ протестѣвъ, а осмѣлены латинскими священники позволяли собѣ многихъ слышаныхъ насилій и гоненій противъ русскаго обряда. Латинскій архибискупъ Львовскій Суликовскій загнался въ своей ярости такъ далеко, що въ самое Навечеріе Рождества Христова, коли по сѣмъ нашимъ церквамъ отправлялись торжественныи богослуженія, ѳнъ съ своими канониками и въ сопроводѣ войска нападалъ на церкви наши, розганялъ молвщійся народъ, выволѣкалъ священниковъ ѳтъ престоловъ, не даючи имъ даже докончити богослуженія, а въ-конецъ еще замыкалъ и печаталъ русскіи церкви. Такое нерозумное и оскорбляющее введеніе обурило до живого все Львовское мѣщанство; народъ русскій по́днёсь на ній бунтъ противъ архибискупа и латинниковъ, доходило даже до бѣйки, кото-

ра продолжалась ко́лька дней, и кто в
 якъ бы та справа была закончилась, е
 бы было не удалось русскому Влад
 Балабану успокоити взволнованныи
 тымъ запевненьемъ, що ѓнъ запесе
 лобу на арцибискупа и латинскихъ к
 дзѡвъ и постараетя у самого коро
 полное удовлетворенье для оскорб
 ныхъ Русинѡвъ. Тогда король Бат
 переконался, що зле здѣлалъ, давши
 увести радамъ езуитскимъ, и видячи
 бунты пѡднесенныи во Львовѣ, мог
 скоро возмогчися и обняти всю Русь
 тиву Польци, издалъ въ сей-часъ ро
 ряженье: щобы оставити Русинамъ
 рое ихъ (Юліянское) лѣточисленіе, и щ
 никто пѡдъ тяжкими карами не важи
 оскорбляти ихъ въ ихъ вѣроисповѣда
 Тымъ мудрымъ распорядженьемъ з
 дилъ Стефанъ злomu, укротилъ свое
 ство латинского священства и успоко
 возмущенный русскій народъ. Отъ те
 ажъ до смерти своей обходился Бат
 ласкаво съ Русинами.

Особлившую же увагу обратилъ
 роль Стефанъ Баторій на Украин
 на козацтво. Слава удалого коза
 рознеслась уже ѡтгомономъ далеко
 свѣтъ; слышалъ и Баторій о ихъ
 лыхъ походахъ, о чудахъ богатыр
 якихъ они доказовали, та задумалъ ус
 ити зъ нихъ порядочное войско, на
 мѡчь которого ѓнъ мѡгъ бы пола

насъ якой-нибудь вѣны. Всѣхъ ко-
 въ числилось тогда до 20.000 мужа.
 имъ своимъ устройствомъ раздѣлили
 рій ихъ на полки, зъ которыхъ
 дый поставленъ былъ въ окремой
 сти и ѳтъ которой и назывались
 ии, якъ то: полкъ Корсунскій, Чиги-
 скій, Уманскій, Кіевскій, Полтавскій
 ѳч. Каждый полкъ малъ свою стар-
 у козацку, свѣй судъ, свою раду.
 до старшинъ, то Гетмана мали вы-
 ти разомъ всѣ полки зъ-помежи цѣ-
 козацтва, а королеви прислужовало
 до затвердити его, или нѣтъ; прочихъ
 шинъ полковыхъ выбиралъ каждый
 къ для себе, а затверждалъ ихъ самъ
 манъ. Изъ всѣхъ же козакѳвъ вы-
 до 6000 самого цвѣту, вписано ихъ
 войсковый реестръ, ѳтъ чого они
 зывались „реестровыми“, а тыхъ по-
 мено яко постоянное войско не тѳлько
 насъ вѣны, но и въ часѣ мира. Ти
 тровыи козаки свободны были ѳтъ
 ихъ роботизнѣ и податкѳвъ, были
 покойномъ посѣданью своихъ земель.
 занимали до теперъ, а кромѣ того
 дый реестровый козакъ доставалъ
 я, стрѣльбу, спису, одного дуката
 шпый кожухъ въ годъ. Всѣхъ про-
 ѣ козакѳвъ, що не вошли до реестру,
 бло польское правительство ѳтдати
 амъ въ подданство, здѣлати ихъ кре-
 ами (панцизняками); но що тое ка-

намъ не удавалось и що зъ того вышло много лиха, увидимъ се пѣзднѣйше. Къ мѣ того устройства, якое постановилъ Баторій, подарилъ ѡнъ еще козакамъ родъ Трехтимировъ, а для Гетмана я довалъ новый городъ, который назвалъ Батуриномъ. — За все тое требовалъ Баторій ѡтъ козаковъ, щобы они ему магали, если случится якая военная нужда, права, та щобы самовольно не нападать на Татаръ и Турковъ, съ которыми Польша жила теперь въ перемиріи и дружбѣ. Однако въ сей-часъ показало, что того другого требованья трудно бы козакамъ исполнити; вѣдай бо все ихъ дѣло, ихъ жизнь козацкая, вся цѣль ихъ состояла въ томъ, щобы нищити и истребляти бисурманъ. Уже-жъ того сам року, коли ихъ устроилъ Баторій, погнался Гетманъ Богданко Ружинскій съ полками козацкими на Крымъ, и самъ при добытью одного неприяте- ского пѣдкону погибъ.

По смерти улюбленного своего Богданка, выбрали собѣ козаки Гетманомъ Паша и безъ огляду на запрещеніе короля продолжали свое военное дѣло противъ Татаръ. А былъ тогда mezi ними одинъ товарищъ-козаць, Иванъ зъ Молдавіи, человекъ нечуванной силы, въ двоухъ пальцахъ ломилъ кѣнскую палицу какъ-бы стебло, ѡтъ чого и обидѣ Пѣдковою его звали. Братъ сего Паша

и былъ молдавскимъ Господаремъ, ми того Турки здрадою убили, выся Иванъ Пѣдкова съ товаришамы и гетманомъ Шахомъ на Турка Молдавію, добывати собѣ престола, рый ему правно и належался. Турки алися противъ Пѣдковы съ Поляками, Пѣдова, видячи, що не устоится про войскъ польскихъ и турецкихъ, рѣси вернути съ козацтвомъ на Украйна а доходити свого права, коли окажеть къ тому способнѣйша хвиля. Но дорожъ заманено его хитростію до Браилова, где его схвачено, кинено до вѣдѣль, а потомъ по приказу Баторія отсѣчено ему голову публично на рынку. Теперъ начали козаки метитись за выю казнь брата свого Пѣдковы, и кинись съ такою завзятостію на Татаръ Туркѣвъ и опустошали ихъ области, безпоощадно, якъ николи передъ собою. Султанъ турецкій и ханъ Крымскій, дознаючи ътъ козацтва стѣлько зло, затребовали ътъ Баторія, щобы непремѣнно уничтожилъ козацтво, иначе они оба пойдуть войною на Украину. Вотъ такъ и найшолся Баторій злопотѣ; ънъ видѣлъ, що не порадить козацтвомъ, а въ душѣ и самъ тѣшился, що тѣи удалецѣ горенько даются знаки бисурманамъ. Но и зъ другой стороны провадити войну съ Турками и Татарами было ему не на руку. Тожъ,

щобы якось добрымъ способомъ поладити справу, выслалъ ѓнъ приказъ въ камъ, щобы усунули зъ гетманства Шаха на его мѣстце самъ-же ѓнъ поставилъ имъ Гетманомъ польского шляхтича Муила Зборовского. Гетманъ Шахъ, щоне стягнути неласки доброго короля козацтво, уступилъ самъ добровольно зъ гетманства и удалился въ монастырь где доживалъ свого вѣку въ молитвѣ и благочестіи. Булаву гетманску мѣняти Зборовскій, но козаки не дозволилъ о немъ ани говорити, а ѓтослав его назадъ въ Польщу та выбрали оного Гетмана по своему сердцу мужа, кавалера и ковника Даміяна Скалозуба.

Скалозубъ повелъ козацкое войско по старому на поганцѣвъ, а Баторій реконавшись, щоне покорити ему козацтва своей волѣ, смотрѣлъ уже черпать пальцѣ на всѣ ихъ дѣйствія, а на челобитныя султана таки впростѣ отвѣчалъ, що козаки мають свою волю и они не зависимы ѓтъ нѣкого, та що ему въ дѣла ніякъ мѣшатися.

Изъ выше сказаного видимъ, що короля Баторія не згѣрше еще жили и нашимъ Русинамъ въ Галичинѣ и Волыню, та що и козаки не были ослаблены въ своей свободѣ, а противно, развивались, возросли и устроились доброе войско и безъ перепоны и звали врагѣвъ христіанского міра,

манъ. Жаль только, що не долго вла-
 сть сей вырозумѣлый и мудрый король
 фанъ Баторій. Уже въ р. 1586 спочилъ
 въ могилѣ, а съ нимъ кончилось
 стье и благостояніе Польщи. Врагъ
 а поднялъ теперь зновъ два народы,
 ьскій и русскій, съ обнаженнымъ ме-
 ть противъ себе и довелъ однихъ до
 ершенного паденія, другихъ до мно-
 ь бѣдъ и страданій. Въ сей-часъ бо
 смерти Баторія возникла страшная
 бѣда Польщи съ Русію, шляхты съ на-
 омъ, католичества съ православіемъ,
 екра незгоды -межинародной занима-
 ь що-разъ бѣльше и бѣльше, поки не-
 симый пожаръ не огорнулъ всего
 ьско-русского краю. Особливо великая
 ыгода и таки правдивая бѣда выхо-
 а для Польщи изъ того, що под-
 стная ей Русь наша имѣла теперь
 козакахъ своихъ власное свое русское
 ско, добре устроенное, всегда воору-
 нное и до бою якъ наилучше вправное.
 съ коли настали далѣи лютыи борьбы
 скихъ козаковъ съ Польщею, коли
 елись грозныи для шляхты польской
 ь званыи войны козацкіи, то Поляки,
 я и якъ на долги лѣта величали
 го короля Баторія за его мудрое пра-
 ніе, то таки разомъ и злословили па-
 ть его за то одно, що онъ то именно
 роилъ козаковъ въ порядочное рус-
 е войско, якимъ то славнымъ на

весь свѣтъ русскимъ войскомъ суть
 козаки въ велико-русскомъ Царствѣ и
 нынѣ.

Дѣла церковныи на Руси. — Братства.

Зъ тѣхъ поръ, коли Русь Галиц
 Володимірская стратила свою самост
 тельность политичную, дознавала и Ц
 ковь русская що-разъ сумнѣйшою до
 Задачею Польщи было загорнути зем
 рускіи для своей маетковой корыс
 народъ же рускій въ Малой Руси ѳт
 лити и ѳтчуждати ѳтъ Великой Ру
 и польщити его до той степени, що
 и слѣду не осталось изъ того, що они, о
 Руси колись становили одну велик
 могущу и славную Русь. Перепоною
 исполненія той задачи, и то самую
 ликанскою перепоною, оказалась свя
 русская Церковь. Она бо одна держа
 цѣлую Русь въ безъустанномъ соед
 неніи, въ тѣсной духовной связи. На
 жало отже необходимо розорвати т
 связь, прекратити взаимныи сноше
 духовныи, розъединити Церковь Ма
 русскую ѳтъ Велико-русской.

Способы, якими мали Поляки дой
 до той цѣли, нашлись скоро, и бы
 они такіи: русскую Церковь понижи
 перевести Русинѳвъ на латинство, и
 по крайней мѣрѣ привести ихъ изъ и
 вославія до соединенія (уніи) съ лати

о Церквою. Для того то уже Казимир Великій, прилучившій одну часть и до Польщи, придумовалъ якъ бы орвати связь Малои Руси съ Великою, остарался для Галицкой Руси о окрестномъ Митрополита, якимъ и поставленъ Владыка Антоній. Наслѣдникъ иміра, король Ягайло, продолжалъ о, зачатое Казиміромъ, но въ острѣйше уже способъ и съ бѣльшою кривдою русской Церкви. Его дѣйствія на иженіе русской Церкви уже намъ вѣстны: но тутъ должны мы еще прийти, що по смерти первого Галицкаго митрополита остала Галицкая земля безъ епископа, а на престолѣ и добрахъницкой митрополіи основано латинское епископство. Отъ тогда починаются вѣшателства и споры межи духовенствомъ латинскимъ а русскимъ, при томъ, розумѣся, латинское духовенство куда справы выгривало, а русское должно было уступати. Сверхъ того далъ Ягайло такое право латинскимъ архіепікопамъ: назначати мірскихъ намѣстниковъ для управленія дѣлами русской Церкви. При тыхъ обстоятельствахъ подался въ русской Церкви великій недовѣдкы, русское священство, що-разъ больше зависимое отъ польскихъ или литовскихъ управителей, тратило свою свободу; мірскій люди надавали духовныя чины особамъ, часто неотвѣтнымъ и не-

достойнымъ, а черезъ тое само подвизывалась чистота вѣры и богослужения. При гнетѣ изъ стороны латинскаго духовенства, стоящаго подъ опекою короля, тратила русская церковь свои великіи мѣтки и права, убожѣла и подъупала постепенно.

Въ той самъ часъ старался и Великій князь литовскій Витолдъ установить для литовской Руси окремого Митрополиту въ Кіевѣ и подчинити его римскому престолу. Первымъ такимъ Кіевскимъ Митрополитомъ былъ Григорій Цимвлякъ. По смерти того Цимвляка то соединялася Кіевская митрополія съ Москвою, то зновъ мала своихъ Архiepистырей. Въ часѣ собора Флорентійскаго заходился Митрополитъ Исидоръ усердно около соединенья Церкви восточной съ западною; но коли дѣло тое не малъ успѣха, усунуено Исидора зъ достоинствъ митрополичаго. На его мѣстце посвященъ Григорія Болгарина, который признавалъ папу римскаго головою Церкви. Однако Епископы русскіи не хотѣли подчинитись Григорію Болгарину, а уважалъ своимъ Митрополитомъ Іону, Митрополита Московскаго. Ажъ коли умеръ той Митрополитъ Іона и коли Григорій назадъ повернулъ до православія и подтверженъ былъ Цареградскимъ Патриархомъ, тогда доперва признали его Епископы Малой Руси своимъ настоятелемъ.

оль польскій Казиміръ Ягайлонъ
 Кіевскому Митрополитѣ мона-
 Галицко-Крылосскій и звернулъ
 мѣня давной Галицкой митрополи,
 того часу положена была тверда
 ава до роздѣленья Церкви ма-
 усской отъ велико-русской.
 ии Митрополиты управляли мало-
 ою Церквою безъ огляду на велико-
 ую, а соединеніе ихъ состояло еще
 тѣмъ, що оба Митрополиты, такъ
 ю-, якъ и мало-русскій, оставали до
 16 столѣтія подъ зверхностію
 і головы, Патріарха Цареградского.
 Владѣніе королей польскихъ, Влади-
 Ш. и Казиміра Ягайлонѡвъ, выда-
 ь быти пріязнѣйшими для русской
 ни. Однакъ то такъ лишь здавалось.
 тѣ выдавали облегчающіи грамоты.
 исьмѣ брали въ оборону русекую
 овъ передъ напастями латинникѡвъ.
 новляли навѣтъ, щобы вся русская
 та, безъ огляду на вѣроисповѣданія,
 тѣлько христіянска, корыстала изъ
 ихъ вольностей и привилеевъ такъ,
 шляхта польска, и щобы она доу-
 была до всѣхъ урядѡвъ, — но жаль-
 ю, що всѣ подобныи грамоты и рос-
 кенья не переведены были въ жи-
 понеже намѣстники королевскіи, ста-
 и и шляхта польска мали собѣ слова
 я за нищо, а притѣсняли що-разъ
 не, якъ народъ такъ и Церковь рус-

скую. Нетерпимость религійна не дава приступу справедливости и вырозумѣсти, а доводила до що-разъ больша замѣшательства и безъпорядку въ самъ Церкви. А не было и кому боронити правъ и обычаевъ церковныхъ. Выше шляхта русска уже почала стыдѣти принадлежности своей до православна теперь такъ пониженной вѣры; Владыки были безсильны, священство понижено черезъ свою зависимость и черезъ нестатокъ отвѣтнаго образованья. Середъ тыхъ обстоятельствъ нужно было якогось осередка межъ мірскими людьми, которіе зумѣли бы піддержати упадающую Церковь, сохраняти порядки и обычаи церковныи и боронити вѣру, обрядъ и богочестіе передъ совершенною загладою. Такій то осередокъ на наше счастье, и шолся точно въ тыхъ сумныхъ часахъ церковного розстройствя, а были ни русскіи Братства церковныи.

Уже давнѣйше творились у насъ и поодинокихъ церквахъ добровольныи варшества, которыи мали дбати о долѣ Церкви и творити дѣла милосердія до своего народа. До такихъ братствъ вѣдали люди безъ розличія стану, а толь православныи. Однакъ въ братствахъ тыхъ не было еще добраго устройствя и они не мали ніякого вліянія на дѣло Цѣлой Церкви и не были въ состоянн устерегчи ю передъ напастями та уд

сати ей благостояніе. Ажь коли оказа-
ась потреба такого товарищества, ко-
рое бы своею повагою на внѣ могло
выступати, и въ справахъ цѣлой Церкви
абирати голосъ, тогда выслалъ Іеремія,
Патріархъ Цареградскій, Антіохійского
Патріарха Іоакима, щобы той отпра-
вился на Малую Русь и тутъ уладилъ
возстроенныи дѣла церковныи. Тогда то
въ р. 1585 устроилъ Патріархъ Іоакимъ
въ Львовѣ Успенское братство такъ,
щобы оно сталоь сильною, охоронною
крѣпостію русской Церкви. Головною за-
дACHEЮ того братства было: воспитывати
русскіи дѣти, подпомагати убогихъ, вы-
куповати зъ неволѣ плѣненныхъ людей
и прч. Члены мали свои назначенныи
собравія, а каждый изъ нихъ платилъ
по шесть грошей въ общую скарбону.
Въ домѣ при Успенской церкви заведено
школу, где учено особенно церковно-
славянского и греческого языка. При
школѣ учреждено было помѣщеніе для
убогихъ дѣтей, званое бурсою. А що
найважнѣйше, заведено свою печатню,
где друковано книжки для духовной
пользы народа. Черезъ тую то школу
и печатню дошло въ-коротцѣ Льво́в-
ское Братство до наибѣльшого зна-
ченья и поваги въ цѣлой Руси, такъ, що
якни еще оставали межи Русинами ма-
гваты и князѣ, якъ Острожскіи, Вишне-
вецкіи, Ружинскіи и пр., уважали собѣ

за честь належати до того братства. I образцу Львѣвскаго братства заводили такі-же братства и по другимъ городамъ Руси, якъ въ Вильнѣ, въ Луцку, въ Кіевѣ, но надъ всѣми ними мало старшинствъ братство Львовское. Коли такъ устроилось тое братство во Львовѣ, поручили ему Патриархъ Іоакимъ, щобы оно и глядало, якъ духовенство исполняе свои обязанности, щобы пѣддерживало въ народѣ благочестіе, нравственность и привязанность до своей русской Церкви. Такъ и стало въ-коротцѣ церковь Братство во Львовѣ истиннымъ осердкомъ духовнаго житія Малой Руси: оно было на внѣ представителемъ тыхъ синодѣвъ, що обороняли sprawy своего рода, такъ національныя, якъ и церковныя супротивъ несправедливости, кривды и гоненій. Оно вѣрно и неустрашимо и носило голосъ и ставало въ защитѣ русскихъ дѣлъ, русской Церкви и русскаго обряда, а затѣмъ была то особенно заслуга, що русска Церковь, пѣдъ напоромъ такъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ таки не упала, що русскій родъ и его старинныя святости не пропастились совершенно, и що Руссы змогли выдержати всякїи нападенія и выйшли изъ народной борьбы не соипенно змятыми и стоптаными. Къ въ р. 1589 переѣздивъ черезъ Русь патриархъ Іеремія, затвердилъ онъ и

илъ права Львовскаго братства и вы-
илъ тое же изъ-подъ зависимости
иклонныхъ ему властей.

Такій былъ початокъ нашихъ цер-
ыхъ братствъ, которыи въ дальней
ри Церкви и народа нашего самое
ое мѣстце занимаютъ. Коли бо Вла-
наши подъ напоромъ латинникѡвъ
наклонялись до отступленья отъ
ви православной, другии по боязни
дъ властiю Польщи не много оказы-
ревности для дѣлъ той-же Церкви;
то наши русскiи братства церков-
тѣмъ вѣрнѣйше и ревнѣйше стояли
оной своей православной Церкви,
ая еще зъ часѡвъ святого Влади-
Великаго была для всеи Руси до-
Материю русскихъ душъ и до кото-
народъ по всѣхъ земляхъ русскихъ
наибѣльшою любовiю былъ привя-
и. Тii то братства наши и найдолше
ились при православiи, а именно
Львовское Братство найпѡзнѣйше
всѣхъ отступило отъ него, бо при-
унию ажъ въ 114 лѣтъ по ей заве-
о Польщею.

Унія Берестейска

въ 1596 г.

Посередъ тыхъ обстоятельствъ, ямы въ попередномъ уступѣ описали, совершилось на нашей Руси великое въ своихъ послѣдствіяхъ дуже важное дѣло. Именно прійшло до соединенія восточной Церкви съ западною, церковной уніи.

Дѣло тое переведено вотъ такимъ способомъ: По смерти доброго и великого короля Баторія, вступилъ польскій престолъ шведскій королевичъ Жигмонтъ Ваза, человекъ, котораго своими наклонностями и возрѣніемъ точно по́дходилъ по́дъ руку польскимъ шляхтѣ и ей учителямъ Езуитамъ. И такъ, какъ знаемъ, постановили за всякую цѣну спольщити всю Русь, чтобы она до кореня утратила свой самобытный историчный характеръ и не мала права на самостоятельную будущность. До того треба было конечно, чтобы и сны не только народность свою, и свою вѣру перемѣнили. За Баторіемъ трудно было довести до того, понема той мудрый король почиталъ и охотился всякое вѣроисповѣданіе подданныхъ собѣ народѣвъ. Теперь же, коли наста Жигмонтъ Ваза, приступлено до того дѣла съ удвоенными силами. Самъ король, отдавшись всецѣло руководству

итѣвъ, стался ихъ орудіемъ и всю у свою въ тѣмъ и видѣлъ, щобы въ некотоликѣвъ, особенно православъ Русинѣвъ привести до католицита щобы для той цѣли, якъ то Езуега поучали, навѣтъ въ средствахъ еребирати, а тѣлько щобы лишь цѣль осягнена.

На удачу замышленного Езуитами пляками дѣла можна было тогда поти, бо печальное состояніе русской кви пѣдъ тую пору якъ-то складалось ого. Якъ бо извѣстно, стояла русская ковъ изъ давныхъ давенъ пѣдъ верымъ начальствомъ Патріарха Цареского; однакъ ѳтъ часу, коли Царемъ завладѣли Турки, стали сношенія парха съ Русію получены съ бѣльи трудностями, черезъ що терпѣла ковъ на Руси многіи невыгоды. Кроого Патріархъ, живущій пѣдъ влабисурманскихъ Туркѣвъ, не имѣлъичного содержанія и принужденъ ѳ оглядатись за ними на Русь, изъзновъ недовольны были наши Влаи и другіи духовныи лица такъ въой, якъ и въ Великой Руси. По тойинѣ Царь Велико-русскій Θεодоръ,орадою Бориса Годунова, поставилъ ѳе окремого Патріарха въ Москвѣ наъ-конецъ всѣ восточныи патріархимъ съ Цареградскимъ и згодились. Малая Русь наша таки остала тогда

пѣдъ властію Патріарха Цареградскаго. Такимъ способомъ дойшло до цѣлкомато роздѣла Церкви русской, якъ тѣмъ собѣ тѣлько задушевно желали Езуиты. Въ слѣдъ за тѣмъ уже успѣшнѣйше пошло поступати дѣло соединенія Церкви православной Малой Руси съ Церковью западною т. е. съ Римомъ. До того причинился много и самъ Патріархъ Іерусалимскій. Коли бо онъ переѣздилъ черезъ Русь въ р. 1589, щобы починити где-то порядки въ Церкви русской и задержавшись во Львовѣ, звернулъ особенную увагу на Успенское братство и надать тому такіи права, що оно мало надавать даже надъ епископскимъ судомъ, тогдашній Епископъ во Львовѣ Гедесъ Балабанъ огорчился тѣмъ немало и первый заявилъ желаніе поѣдчинити папѣ римскому. Но мало того: Патріархъ Еремія хотя и въ доброй мысли полагалъ въ іерархіи духовной такіи перемены, которыи приспѣшили церковную унію. И такъ; онъ ѳсудилъ ѳтъ должности Кіевскаго Митрополита (Дѣвочки) за то що той былъ перше двоеженецъ (по первѣмъ вѣвпши, въ другій разъ оженился), а на его мѣстце поставилъ Митрополитомъ Михаила Рагозу, человека слабодушнаго, боязливаго и настроеннаго уже на унію. Но гѣрше ошибся Патріархъ тѣмъ, що установилъ своимъ „екзархомъ“ (замѣстникомъ) для Руси Епископа

уцку Кирилла Терлецкого. Сей ерлецкій сталъ Епископомъ черезъ под-
уцство и то заходами Езуитовъ а кромѣ
эго самъ былъ челоуѣкъ нечистыхъ по-
гововъ, котороу подозрѣвали о престу-
пленія, якъ о грабежѣ, насильствованье,
даже о убійство. Но онъ зъумѣлъ такъ
срельстити Патріарха, що той надалъ
му нѣяко наибольшую власть надъ всѣ-
ми русскими Епископами.

Послѣдствія такой ошибки Патріарха
ыйшли скоро на его вредъ. Ледви бо
Патріархъ оставилъ русскіи землѣ, а уже
Терлецкій, щобы отплатитись Польци за
то кѣ нему благоволеніе а щобы усте-
регчись передъ возможнымъ выявленьемъ
воихъ преступленій, началъ передумо-
вати надъ тѣмъ, якъ бы освободитись
отъ власти и суда Патріаршого, а для
эго цѣли здавалось ему наилучше, при-
учитись до церкви западной, гдѣ уже
была ласку и подпору могъ всегда числити.
За эго намовою созвалъ слабодушный
Митрополитъ Рагоза соборъ всѣхъ Епи-
скоповъ Русскихъ до Берестя подъ та-
кимъ предлогомъ, що ото хоче поради-
тись о гдѣ-якихъ справахъ св. Церкви и
вспомнутись о права, якихъ уживають
себѣ епископы польскіи. Треба бо еще и
не знати, що была въ Польци такая
становя, що всѣ епископы мають право
сѣдати въ соймѣ; того права не хо-
тели однакъ Поляки признати русскимъ

подо властью Патриарха Цареградскаго. Такимъ способомъ дошло до цѣлковаго того роздѣла Церкви русской, якъ тотъ собѣ только задушевно желали Езуиты. Въ слѣдъ за тѣмъ уже успѣшнѣйше могло поступати дѣло соединенія Церкви православной Малой Руси съ Церковью западною т. е. съ Римомъ. До того причинился много и самъ Патриархъ Ермія. Коли бо онъ переѣздилъ черезъ Русь въ р. 1589, чтобы починити где які порядки въ Церкви русской и задержавшись во Львовѣ, звернулъ особенную увагу на Успенское братство и надалъ тому такіи права, що оно мало надзоръ даже надъ епископскимъ судомъ, то тогдашній Епископъ во Львовѣ Гедеонъ Балабанъ огорчился тѣмъ немало. Первый заявилъ желаніе подчинити папѣ римскому. Но мало того: Патриархъ Ермія хотя и въ доброй мысли поддалъ въ іерархіи духовной такіи переменны, которыи приспѣшили церковную унию. И такъ; онъ отсудилъ отъ должности Кіевского Митрополита (Дѣвочку) за то, що той былъ перше двоеженецъ (повдѣвши, въ другій разъ оженился), а на его мѣстце поставилъ Митрополитомъ Михаила Рагозу, челоуѣка слабодушнаго, боязливаго и настроеннаго уже до униі. Но горше ошибся Патриархъ въ томъ, що установилъ своимъ „екзархомъ“ (намѣстникомъ) для Руси Епископа

Луцку Кирилла Терлецкого. Сей Терлецкій сталъ Епископомъ черезъ подкупство и то заходами Езунтовъ а вромѣ того самъ былъ человекъ нечистыхъ воровствъ, котораго подозрѣвали о преступленія, якъ о грабежъ, насильствованье, даже о убійство. Но онъ зъумѣлъ такъ рельестьти Патріарха, що той надалъ ему нѣяко наибольшую власть надъ всѣми русскими Епископами.

Послѣдствія такой ошибки Патріарха шѣшли скоро на его вредъ. Ледви бо патріархъ оставилъ русскіи землѣ, а уже терлецкій, щобы отплатиться Польщѣ за то къ нему благоволеніе а щобы устегчись передъ возможнымъ выявленьемъ своихъ преступленій, началъ передумати надъ тѣмъ, якъ бы освободиться отъ власти и суда Патріаршого, а для сего цѣли адалось ему наилучше, причитись до церкви западной, где уже на ласку и подпору могъ всегда числится. А его намовою созвалъ свободунный Митрополитъ Рагоза соборъ всѣхъ Епископовъ Русскихъ до Берестя подъ такимъ предлогомъ, що ото хоче порадиться о где-якихъ справахъ съ Церквою и опомнутись о права, якъкъ гниають съ епископы польскіи. Треба бо еще и не звати, що была въ Польщѣ такая станова, що всѣ епископы мають право сѣдати въ соймѣ: того права не имѣли однакъ Поляки правити русскими

Владыкамъ хотя и Любельская Унія имъ тое право признавала и король свои грамотами тое же запоручали. Тепе отже все Епископы, разомъ собранныя мали списати и предложити королю свои жалобы и упомянуть о томъ право. Зѣхались все Владыки, а между ними такожъ що-ино высвященный Игнатій Поцѣй, одномышленникъ Терлецкого, простой мірскій человекъ, збантованный каштелянъ, котораго умыслно поставилъ король Жигмонтъ Владимірскимъ Епископомъ, чтобы велъ дѣло уніи. Тии то два Епископы, Поцѣй и Терлецкій стали на Соборѣ жаловатись зависимость отъ Патріарха въ Цареграде на тии невыгоды и шкоды, які повосѣ Церковь зъ причины той; дальше назвали на братства, особенно на Львовское которое Патріархъ вынялъ изъ-подъ епископской власти, та въ конецъ дойдя до того заключенія, що лучше подчинитись Папѣ римскому, бо въ такомъ случаю обѣцалъ и король, що признаетъ русскую Церковь и ей духовенству права и привилеи, які до теперъ то были для католикѣвъ существовали. Противъ того внесенія выступили вправдѣ рѣшительныи русскіи Епископы, однакъ въ конецъ таки поручили Терлецкому и цѣви, чтобы они въ тыхъ справахъ переговорювали съ королемъ и Римскімъ престоломъ, та чтобы передали королю

письмѣ всѣ жалобы и требованія русской Церкви.

Король принялъ Терлецкого и Поцѣя радостнымъ восторгомъ, а цѣля Польша торжествовала, що такъ легко и скоро ступае тое дѣло уніи. И въ самой рѣшдавалось теперь, що унія уже не сткнеся на ніякіи препятствія, бо у насъ русскаго, который за свое привязаніе до своей св. Церкви много а много страдалъ, давались неразъ, хотя зъ-рѣдка, слышати голоса: що може лучше бы было поѣддатись престолу римскѣму. Та и бывшіися магнаты русскіи, въ ихъ же время въ Константинѣ Острожскій, который былъ Русинами верхъ провадилъ та и у насъ людоу малъ дуже великую повагу и уваженіе, думали въ початкахъ где-то уніи, щобы такимъ способомъ освободити русскую Церковь ѳтъ польского гнета и устранить безпорядки, вкоренившіи въ ней надобре. Но князь Острожскій и другіи думали о соединеніи цѣля Польской, такъ велико, якъ и мало-русской Церкви съ западною, а кромѣ того заявляли, що они вправдѣ непротивны уніи, доперва тогды на ню згодятся, коли дѣло буде рѣшено на Соборѣ всѣхъ русскихъ и духовныхъ Русинѣвъ. И того и затребовали они черезъ Терлецкого и Поцѣя, щобы король Соборъ уній созвалъ. Король однакъ не сподѣявшись по такѣмъ Соборѣ удачи для

унии, не приставъ на тое требованье, выслалъ чѣмъ-скорше Терлецкого и Поцѣя до Риму, щобы они тамъ зложивъ у ногъ Папы римского заявленье ты русскихъ Владыкъ, которые на епископскомъ Соборѣ своемъ рѣшились приставити до соединенія съ римскою Церквою

Въ Римѣ принято Терлецкого и Поцѣя дружелюбно и съ процесіями. означенный день принуцено ихъ до Отца, якимъ былъ тогда Папа Климтій VIII. и тутъ при всѣхъ кардиналахъ Поцѣй и Терлецкій выголосили исповданье католической вѣры, зложили присягу на вѣрность и послушенство римскому престолу, а тогда уже и принуцены были до поцѣлованья ноги св. Отца. Послѣ сего перечитали ти высланные условія, подъ якими они рѣшились приставити до унии, а ти условія были всѣ такіи: 1) щобы найсв. Тайна Евхаристіи подъ обома видами хлѣба и вина всецѣло на всегда была сохранена, и бы въ Тайнѣ крещенія все остало давнему православному уставу; щобы всѣ церковныи обряды оставлены на вѣчныи часы неизмѣнно сохранены; 3) щобы не нарушати церковныи уставовъ и обычаевъ, якии на Руси давенъ-давна заведены; щобы женити русскихъ священниковъ оставити безперемѣны. Кромѣ того предложили Терлецкій и Поцѣй еще одно прошеніе, а

щобы св. Отець вставился до короля польского за русскими Епископами, дабы ти мали голосъ въ польскомъ Соймѣ и Сенатѣ, такъ, якъ польскіи бискупы. Папа Климентій принялъ ласкаво Терлецкого и Поцѣя, возрадовался чрезмѣрно ихъ заявленіемъ и присталъ на всѣ условия, ними предложенны, ба и въ сей-часъ написалъ письмо до короля Жигмонта, щобы той зрѣвналъ русское духовенство съ латинскимъ и щобы рускіи Владыки мали право засѣдати въ Соймѣ. Но письмо тое римского папы не нашло ни тогда, ни тѣмъ-меньше и потомъ ніякого послуху въ Польщи.

Терлецкій и Поцѣй вертали домѡвъ въ томъ увѣренью, що дѣло уже кончено. Однакъ якъ же тяжко обманулись они, коли становши на рѡдной земли, увидѣли, що весь рускій міръ съ княземъ Острожскимъ на челѣ, що и Владыки рускіи особенно Перемышльскій Михайлъ Копыстинскій и Львовскій Балабанъ, со всѣми братствами и священствомъ повстали противъ нихъ съ наибольшимъ обуреньемъ и поднесли грозный протестъ противъ уніи. Епископъ Балабанъ, хотяи недавно подражанный Патриархомъ Цареградскимъ икосьна хвилю припустилъ до себе мысль о уніи, но теперь отверто и всенародно отрекся ей и публично оголосилъ, що бнѣ обманенъ Терлецкимъ и Поцѣемъ,

бо онъ на Соборѣ не по́дписовалъ никакой деклараціи на унію а по́дписалъ лишь чистый паперъ, на которомъ Поцѣй и Терлецкій мали списати толькѣ жалобы русскихъ Владыкъ и русской Церкви и передати ихъ королю. Въ слѣдъ за тымъ откровеннымъ заявленіемъ Епископа Балабана поднесся великій ропотъ межи Русинами: князѣ, вельможи, мѣщане, весь народъ и братства церковныя не хотѣли ничего и слышати о уніи, а Терлецкого и Поцѣя называли „измѣнниками“. На соймѣ въ Варшавѣ, що въ той самъ часъ отбывался, выступили русскіи депутаты рѣзко противъ уніи и требовали отъ короля, щобы низвергъ всѣхъ тыхъ Епископовъ, которые уніи суть приклонныи. Даже многіи изъ поляковъ предвидячи, що зъ того выйдуть забуренья и несчастья въ краю, радили на томъ же соймѣ щобы собѣ дати спокѣй съ унією, бо буде бѣда. А и отъ востока, изъ Украйны, доносились грозныи вѣсти, що козаччина збройно готовится боронити православной вѣры и иде оружіемъ унію поборяти. Однакожь король Жигмонтъ, веденъ Езуитами на короткомъ мотузку, не бачиль все тое, а взялся скоро ступати по той слизкой стежцѣ, на котору завели его учитель Езуиты; затѣмъ постановилъ онъ оголосити унію безпроволочно, и къ той цѣли уговорилъ Митрополита Рогозу, щобы той созвалъ ве-

кій Соборъ духовный въ Берестѣ, е бы мала затвердитись тая унія.

Но и противники уніи ждали тільки якого Собора, щобы на немъ рѣшитель-но и всею силою запротестовати противъ асилія, съ якимъ задумано накинати русскому народу унію. Именно князь Іоаннъ Острожскій стануль на челѣ православныхъ, увѣдомилъ греческихъ Патріархѣвъ о предстоящомъ Соборѣ и готовился явитись на немъ самъ со всеми приклонниками та и доказати утѣ, що Русь цѣлкомъ не желеае собѣ якої уніи, якую хотять накинати ей Іоляки и Езуиты.

Соборъ въ Берестью 1596 г.

Надоспѣль въ конецъ день 6. Октяб-ря 1596 г., день назначеный на Соборъ. Въ Берестью напумѣло ѳтъ незвычай-ного стеченія множества мірскихъ и ду-ховныхъ. Но заразъ зъ самого початку одѣлились собранныи на два таборы: унійскій и православный. По сторонѣ унійской станули Митрополитъ Рагоза, епископы Терлецкій и Поцѣй, дальше млоцкій Епископъ Ермогенъ, Пинскій Аннъ Гоголь и Холмскій Денисъ. Изъ аменитыхъ мірскихъ Русинѣвъ не бы-ло при нихъ майже никого, но за тое ходились межи ними: посланникъ па-

пы римского, главный пособитель уни
 Езуитъ Петро Скарга, также польскіе
 послы короля Жигмонта и много кон
 двѣвъ и шляхты польской. Въ таборѣ
 православныхъ явились два Владыки
 Львовскій Балабанъ и Перемышльскій
 Копыстинскій, послы патриаршинъ Гр
 Никифоръ и Кирилъ Люкарій, также
 большое число духовныхъ, а зъ мірскихъ
 людей князь Конст. Острожскій и
 нимъ много русскихъ вельможъ, дворянъ
 сенаторѣвъ, ѳцпоручники Братствъ ц
 ковныхъ и представителѣ всѣхъ сос
 вій народа, живущаго на Руси. Уни
 открыли Соборъ въ церкви св. Никола
 а православныи, ѳтдѣлившиися ѳтъ ни
 совершенно, мусѣли засѣсти въ прив
 номъ домѣ, бо Поцѣй, до котораго влас
 належалъ городъ Берестъ, велѣлъ в
 прочія церкви позамыкати, щобы пра
 славныи не мали где собратися. Но
 не вредило дѣлу: православныи, по
 предсѣдательствомъ патриаршого по
 Никифора, открыли свой особый
 ховный Соборъ. Никифоръ возвалъ
 трополита Рагозу, щобы той явился
 томъ ихъ Соборѣ, а коли Рагоза ѳт
 вѣлъ, що ѳнъ приступилъ уже до у
 тогда Соборъ православный зложилъ
 зъ архицастырского достоинства, а
 нимъ и всѣхъ другихъ Епископѣвъ,
 приступили до униі. Тогда цѣлый
 православный Соборъ, духовныи и мірс

то участники, одноголосно откинули унию и въ имени цѣлой Малой Руси сиили явный протестъ противъ введенія унии, та и возвали короля, чтобы на сейце низложеныхъ Епископѣвъ онѣменовалъ другихъ самыхъ православныхъ.

Другій же Соборъ, состоящій зъ Польскѣвъ и уніятѣвъ, що отбывался въ ту пору въ церкви св. Николая, поступилъ такъ само супротивъ Владыкъ православныхъ. Епископъ Ермогенъ прочиталъ тутъ зъ проповѣдницы грамоту унии, а в. грамоту принятія Русинѣвъ до соединенія съ Римомъ, а въ слѣдъ за тѣмъ созвалъ Соборъ зъ уряду Епископѣвъ Чернышевскаго и Львовскаго, также и другихъ духовныхъ, що были на православномъ Соборѣ. Оттакъ оголошено актъ унии по всѣхъ епархіяхъ и выслано посылство до короля, чтобы той принялъ унию подъ свою опѣку. — Король, якъ и можна было зъ-горы сподѣватись, принялъ сторону уніятѣвъ и выдалъ универсалъ, въ которомъ возвѣстилъ народу о совершенью унии церковной, заборонилъ счислится съ православными Епископами, а уніятскимъ Епископамъ велѣлъ отдавати послушаніе и тѣлько ихъ уважати архипастырями. Вразъ же велѣлъ король позвать посланника патриаршого Никифора и поставити его передъ судъ, хотя и тое яко мірянинъ цѣлкомъ не малъ

права. Князь Острожскій взялъ въ оборону Святителя Никифора и сказалъ тогда до короля тѣи памятныи слова: „Ваша Милость! нарушаете наши права, топчете ногами нашу волю, дѣлаете насалие совѣсти нашей. Яко сенаторъ, я не только самъ дознаю зневаги, но вижу, що ваше тое ваше дѣйствіе веде до погубы польскаго королевства. Пóсля того, що дѣется, никто не есть безпечный своего права и своей волѣ. Предки наши, присягаючи и вѣрность своему владѣтелю, принимали и óтъ него присягу, що óнъ буде нагадати, дабы дѣялась справедливость и безпеченство каждого. Межи ними была обопóльная присяга. Отямтесь, Ваша Королевска Милость! Я уже въ глубокой старости и скоро надѣюсь оставить сей мiръ, а вы зневажаете мене, óтнимаете óтъ мене тое, що для мене найдорожше, т. е. православную вѣру! Отямтесь, Ваша Милость! Поручаю Вамъ того духовно Достойника (Никифора); Богъ буде Васъ пошукovati крови его, а менѣ до Боже не видѣти бóльше такого нарушенія права, но противно, нехай Богъ позалитъ менѣ на старость почувти о лучшем охоронѣ такъ державы, якъ и нашии правъ.“ Такую то жалостную рѣчь сказалъ князь Острожскій въ Сенатѣ до короля. — Король былъ тронутый и рѣшился пустити на свободу Никифора, но послѣ таки выслано его на заточенье въ кр

ть Магдебургъ, где онъ во вязници
меръ.

Такъ отже по Соборѣ Берестейскомъ
о оголошенью уніи надѣялось, що со-
вѣненіе Церкви восточной съ западною
уже дѣломъ довершенымъ, зала-
кенымъ. На дѣлѣ однакъ далеко еще
до того, а то по причинѣ, що унія
а вправдѣ оголошена для Русинѣвъ,
не принята ними, и дуже а дуже
ко и поволи поступала она на-передъ.
глядаючи днесъ на тоє важное дѣло
и, мы должны признати, що иначе
и не могло быти, бо при тогдашнихъ
согласствѣхъ и при способахъ, якихъ
увано при заведенью уніи на Руси,
та тая унія для Русинѣвъ чѣмъ-то
обымъ и противнымъ. Мы увѣрены,
еслибы приступлено было до дѣла
мирно, въ душѣ христіянскої любви
и прозумѣлости на народныи и духов-
ныи права и обычаи народа нашего, то
и легко была бы сама прійшла и не
было бы такихъ обманѣвъ, такого
влия, обійшло бы ся было безъ того
кровавого проливу братной крови, яка по-
шла изъ-за той уніи лилась. Тымъ
же поведено дѣло на силу противъ
и народа. Нагло розбито народъ на
таборы: уніятѣвъ и неуніятѣвъ, а на-
ложено ихъ такъ враждебно противъ се-
бе съ заскалеными зубами кидались
и на другихъ: одни, т. е. уніаты, оду-

шевленыи свѣжо принятымъ духомъ толицизма, другіи же, т. е. православни въ отчаяніи обороняющіи вѣру своѣдовъ передъ тяжкимъ насиліемъ, того часу зачался на Руси страшени роздоръ, а роздвоенье въ вѣрѣ выродъ середь Русинѡвъ самыхъ вражду неутимую, якої не бывало тутъ еще ни ду николи передъ тѣмъ. Пѡдъ охорои опѣкою короля уніятскіи Владыки чали вводити унію въ своихъ епархіахъ, а то къ сожалѣнью, навѣтъ съ помоу войска, меча и вязницѣ. Народъ и двенство опирались завзято тому насилію по селамъ и городамъ пѡднимались стѣны, но тѣи усмирены были войсками. разными способами, пѡдъ окомъ власти короля, присвоювали собѣ уніаты званійшіи монастыри и церкви та и имѣнія ихъ, а другіи церкви православныхъ розоряли или запечатовали; шенство православное было погорджено и безпощадно переслѣдоване; православному Епископамъ было запрещено творити ихъ духовныи службы, черцо принужденъ былъ народъ спроводити тайно Епископовъ и Священниковъ зъ Молдавіи, Волоцины, та и зъ Великии Руси. Що же найтяжше оскорбляло и наиболееише дотыкало народъ, то до соромное пониженье самой Церкви. Паны польскіи звыкли были выпускати свои добра жидамъ въ аренду, а жи

орыстаючи зъ пониженья Церкви, оставленной безъ защиты, брали такожь церкви православныхъ въ аренды и накладали податки за крещеніе, вѣнчаніе, похороны и за всякое церковное дѣйствіе. Уродилось у человѣка дитя, или вѣнчалъ онъ дѣтей своихъ, то не ишолъ просто до священника, а мусѣлъ напередъ поклониться жидови, щобы той позволилъ отворити церковь, щобы выдалъ ключи до ней а мотузы до звонѣвъ. Не диво отже, що такое поступованье не росполагало народа до унии, а противно, допѣкало его до-жива, ажъ въ-конецъ выводило изъ терпѣливости.

Отъ часу Собора въ Берестью ажъ до часѣвъ Гетмана Хмельницкого ужалаяся безъустанно народъ русскій передъ королемъ и соймомъ и домагаеся, щобы туу вражду за религію постаранось якосъ усмирити. Князь Константинъ Острожскій и русскій депутаты представляють окрасиво гоненія за вѣру и откликуются на конституціи и привилеи, якими Русинамъ ихъ вѣру забезпечивано давнѣйше. Депутатъ Волинскій Древницкій отзывается въ присутствіи короля на соймѣ вотъ якъ: „Въ Могилевѣ, Орши и Пинску церкви попечатано: священникѣвъ розогнано, Лѣщинскій монастырь переименовано въ шинокъ, вслѣдствіе чого дѣти умирають безъ крещенія, тѣла умершихъ вывозять яко стерво безъ церков-

ного благостовенія, народъ жіе въ рос-
стѣ невѣнчаный и умирае безъ святаго
Тайнѣ. Що же во Львовѣ дѣется? Къ
греческаго закона уніи неприклонны
той не може жити въ мѣстѣ, не мо-
заниматься торгѳвлею и въ ремеслен-
цехи принятымъ быти не може. Въ Ви-
нѣ же чи то не вопіющее притѣсненіе
Чи чувано то где до теперь? Мерт-
тѣло неуниты, коли хотятъ провадити
городъ, то тїи ворота, которыми всѣ
дять и ѣздить, навѣтъ Жиды и Тур-
запирають такъ, що православныи ц-
нуждены выносити своего мертвеца ту-
куда тѣлько грязь и нечистота городска
вывозится. Монахѣвъ, неприклонны
уніи ловять, бьютъ и въ кайдапы за-
вуютъ. Въ чины горожанскїи людей
стойныхъ и ученыхъ не принимаютъ
то, що не соединены съ унію. Коро-
сказати: великїи и неслыхавыи притѣс-
ненїя русскїй нашъ народъ такъ въ Ко-
нѣ, якъ и въ Великомъ княжествѣ
товскомъ переносить. Отъ двадцать лѣ-
на каждомъ соймѣ горькими слезами
лимъ, но и упросити не можемъ, дабы
при нашихъ правахъ и вольностяхъ
хранены остали, дабы братїя наша такі
несправедливостей не перетерпѣвала.

Изъ тѣхъ слѣвъ бесѣды децут
Древницкаго можемъ представить со-
що дѣялось на Руси по оголошенью п-
ковной уніи. Вмѣсто того, чтобы м-

рїити соединеніе, насталъ крайній роздоръ, лютая ненависть! Якъ отже показалось, зачинщики уніи, Поляки и Езуиты, придумали ю не для цѣлей религіиныхъ, но для цѣлей политичныхъ; уніа мала статись тѣлько способомъ, щобы знищити въ народѣ признаки православной вѣры и русской народности. А крайне роздражняющіи и оскорбляющіи средства, якихъ уживано до заведенія уніи, вмѣсто соединити народы тѣсными узами христіанской любви, вооружили ихъ противъ себе непріязнымъ оружіемъ и поджегли до кровавой боръбы, где уже ишло на житье или смерть. А що еще и найсумнѣйше было въ тыхъ боръбахъ, що православныи Русины, огорченныи якъ наибѣльше противъ тыхъ своихъ-же братьей Русинѣвъ, которыи унію приняли, зненавидѣли ихъ еще гѣрше, чѣмъ навѣтъ тыхъ не-Русинѣвъ, що первыи унію выдумали и вводили, называли ихъ гнѣвно „перекинчиками“ и въ часѣ народныхъ боръбъ грозно надъ ними за отступство ихъ ѳтъ давной русской вѣры мстились. Такъ то настала зъ той уніи уже межигубица не часткова, удѣльна, яка бывала за часѣвъ русскихъ князей, а межигубица загальна, всенародва.

А що тая уніа недолюблована была навѣтъ самыи тыми, которыи ю приняли, служило доказомъ тое, що многіи изъ тыхъ уніятѣвъ, особливо русскіи дворяне.

а за ними еще больше богатые мѣщане уже за тыхъ часѣвъ, коли унія тольщю настала, цѣлыми родинами переходили на латинство, а яко латинники уже ставалися на-скрѣзь Поляками. По той причинѣ тогдашній Русины, такъ православныи, якъ и самыи уняты, уважали и называли тую церковную унию отъ самого еи начала „мостомъ для переходу на латинство,“ якимъ она и самомъ дѣлѣ для Русинѣвъ поудъ Польщею за всѣ часы таки и была.

Первыи возстанья козацкіи.

Косинскій — Побода — Напывайко.

Въ сей часъ по оголошенью Берестейской унии занялся на Руси живогонь, который зъ початку частными встаньями, а незадолго настоящою гальною вѣйною поуднялъ цѣлую Русь противъ Польщи. Такъ и незадолго ишла слѣдовати отилата Польщѣ за кривды, притѣсненія и обиды, нанесеныи русскому народу и Церкви русскій. Самы же то Поляки выковали собѣ грозный мечъ, который послѣ разилъ и такъ безошадно, самы то они, черезъ свою несправедливость и нетерпимовзглядомъ національныхъ и религійныхъ чувствъ побратимчого народа, кидали на-ослѣпъ на той мечъ и не хотѣли

в видѣти, що тутъ ихъ первыхъ выжи-
е неминуема бѣда, и надближается ма-
-помалу погибель для ихъ державы.

Мы видѣли, що еще король Бато-
рій, человекъ великого розума, позналъ
прошо, чѣмъ есть козацтво, яка неоцѣ-
нна корысть може быти изъ козацкого
войска, и що при добре устроенномъ ко-
зацтвѣ може держава польска съ русски-
и землями спокѣйно розвиватись и вы-
соко поднятись. Польша бо была тогды
айже безъ войска; шляхта обовязана
полнити военную службу, чѣмъ - разъ
больше освобожалась ѳтъ той повинности
не дозволяла, дабы не - шляхтичъ но-
силь оружїе. Для того то и старался сей
удрый король Стефанъ Баторій устро-
ити козацкіи войска и зъединити ихъ
для себе, надаючи имъ належныи права
свободы. Нужно было тѣлько замысли
Баторія дальше вести благорозумно. Но
ежи тѣмъ встрѣтили добрыи замысли
со опѳръ у гордой и самовольной шлях-
ты польской, бо тая уже въ початкахъ
не допускала козакѳвъ до ихъ правъ, не
отѣла ихъ зрѳвнати съ собою, не допу-
скала козацкихъ депутатѳвъ до сойму,
заперечила имъ право голосу при выбо-
рѣ короля, называючи ихъ просто наня-
тымъ войскомъ, хлопами, которые слѣпо
повиноватись и ступати мусятъ по роз-
казу пана. До того заразъ наслѣдникъ
Баторія, король Жигмонтъ, выдалъ

строгий наказъ, щобы: 1) всего козацъ было только 4000 мужа, и що имъ съмымъ не свободно выбирати собѣ Гетмана, ни старшинъ; 2) Гетмана назначати має отъ теперь самъ король, а Гетман той буде уже самъ по своему разумѣнью и волѣ своей назначати старшинъ: всѣмъ дѣдичамъ на Волыню, Подолью, Украинѣ приказуется якъ найсторожше щобы своихъ подданныхъ, русскихъ холоповъ, въ Сѣчь не пускали, а если который холопъ отважится тое здѣлати, такого належитъ смертію карати; 4) ни въ земляхъ русскихъ не смѣе продавати козакамъ пороу сѣрку, оружіе, а даже хлѣбъ и соль. Тимъ наказъ короля конечно нелюбо и не строилъ козаковъ для Польщи. Козаки реестровыи дуже уразились тымъ и оспорились що съ ними станеться то само, и съ нереестровыми, которыхъ право польское зрѣвало съ хлопами, та що Польша теперь отберуть имъ найдорожше и сокровище — ихъ свободу. Тому то если реестровыи козаки лучитись съ нереестровыми, которые въ своей стороне хотѣли поддатись своеволѣ польскаго панства, а хотѣли быти якъ другіи свободными козаками.

Всѣ же козаки, хочъ-бы и разомъ, чуючи въ собѣ досыть силы, щобы зовати Польшу, лучились теперь съ „холопами,“ т. е. съ подданнымъ панщиизн

СЫМЪ народомъ, чтобы ѳттакъ разомъ съ
кими боронити вспѳльного всенародного
дѳла. Народъ бо той панцизнякъ пере-
живалъ теперь невысказанно гѳркий го-
дины. Одинъ писатель зѳ тыхъ часѳвъ
говорить, що „простой народъ въ Польш-
ци терпитъ муки яко-бы въ пеклѳ, а па-
ны про тое роскошуютъ мовъ въ раю.“
Польскій паны придавили жизнь селяни-
на такимъ бременемъ панщины, що, якъ
оповѳдаютъ тогдашнїи лѳтописи, „навѳтъ
въ турецкой неволи не згнуцались такъ
надъ человекомъ, якъ въ Польшци.“ На-
родъ терпѳлъ и терпитъ, ажъ въ-конецъ
пукла струна терпѳливости; хлопство въ
отчаянню утѳкало въ козаки и хватало
за оружіе, чтобы скинути зѳ себе панскую
неволю и добыти свободы. Коли-жъ еще
прїйшла унія и настали всѳ насильствен-
ныи способы для введенїя ей, тогда роз-
драженъе дойшло до крайности. Що могло,
оставляло рѳдныи хаты и глядало при-
станища и охороны въ рядахъ козацтва,
куда заносилась и ненависть до всего
панского, до всего польского, ненависть
до латинской вѳры, а еще гѳрша до унїи,
придуманной и накиненой Русинамъ
Польцею. Такимъ способомъ козацтво,
само уже зѳобидженное, сполучене теперь
съ народомъ, ставалось зѳ той поры ве-
ликою силою, а его численно умножен-
ныи полки явились борцами за право-
славную вѳру, за русскую народность.

По Гетманѣ Скалозубѣ, котора
найшолъ мученическую смерть въ турец
кой неволи, поставили собѣ козаки Ге
маномъ Христофора Косинского, и
торый хотя шляхтичъ по роду изъ По
лѣсья, но тымъ сподобался козацтву, и
отъ души ненавидѣлъ Езуитовъ и
дую шляхту польску. Коли розбѣшли
вѣсть о указѣ короля Жигмонта проти
свободъ козацкихъ, тогда поклялся К
синскій, що отомститъ Полякамъ за т
ихъ несправедливость и присталъ до
законъ.

Въ р. 1591 двинулся Косинскій
походъ на Польшу, постановивши за
мити на Руси самовольное владѣніе шля
хты и освободити народъ отъ тяжело
его ярма. Повстанье принимало съ ка
дымъ днемъ що-разъ бѣльшіи размѣр
бо до Косинского прилучались громад
недовольныхъ. Въ р. 1593 Косинскій вт
гнулъ въ Волынское воеводство и нача
дѣло тѣмъ, що принялся опустоша
имѣнія князя Острожского, воеводы ты
земель, а при томъ первого поборни
за православіе. Той первый выступъ К
синского былъ нерозважно здѣланы
бо хотя князь Острожскій первый по
писалъ ненавистную унію Любельску,
таки былъ онъ наилучшимъ другомъ
русского народа и опѣкуномъ русск
Церкви, а нападати на его хату съ о
жіемъ, было дѣломъ дуже нерозважно и

гымъ. Косинскій укрѣпился съ табо-
мъ подѣ Тернополемъ; сюда надѣшоль
коротцѣ съ свѣжими силами въ 6000
коза атаманъ Иванъ Лобода. Съ дру-
гой стороны выслано Острожскому зѣ
Польщи великую помочъ и поручено ему
мирить повстанье. Подѣ городкомъ
битвою завязалась битва. Косинскому не
удачилось. Козаки, якъ то ни хоробро
ни боролись, но были побѣждены, самъ
Косинскій полягъ въ битвѣ, а рѣштя ко-
зацтва съ Атаманомъ Лободою вернула
въ смуткомъ въ свою Сѣчь.

Такъ не удалось тое первое народное
возстанье русскихъ козаковъ, но оно
оказало переломъ въ дальшой судьбѣ
народа, оно осмѣлило народъ до дальшихъ
подвиговъ, до смѣлой обороны своихъ
краевъ.

Усмиривши возстаніе Косинского, на-
чала польская шляхта еще гѣрше збит-
коватись надѣ народомъ, приняла самыи
жестокѣи мѣры, щобы на всегда обез-
силити козацтво. Но даремны были уже
усилия Польщи. Разъ вспыхнувшій огонь
было притушенъ былъ на хвилию, що-бы
при даной случайности тѣмъ сильнѣйше
выбухнути.

Случайность така скоро надалась.
Возникла унія Берестейская. Въ сей-часъ
о ней поднялось межи народомъ дви-
женіе, а то тѣмъ опаснѣйше, що при-
няло характеръ религійный. Около князя

Острожского, яко головы православныхъ и завзятыхъ противниковъ уніи, затѣмъ теперь ворота Польщи, собирались въ покривдженны, чи то въ національныхъ чувствахъ, чи въ религійныхъ. На челѣ народного движенія стануль Гетманъ Павло Наливайко. Видѣль сей муща, що не часъ уже Руси писати на паперѣ жалобы и протесты, бо ти на нищо не придаются, а що затѣмъ приходится конечно цѣлой Руси подняти протестъ съ мечемъ въ руцѣ. Тожъ въ тую саму пору, коли въ Берестю изготовлено унію, собралъ Наливайко около 20.000 козацтва на Волыню, порозганяль польскіи заложы, выдалъ наказъ до всѣхъ жителей наддѣпрянскихъ земель: щобы никто не важился приставати на унію, щобы народъ не признавалъ своими Владыками инныхъ, тѣлько Епископѣвъ Перемышльскаго, Львѣвскаго и Могилевскаго, котѣрыи вѣрными остали православію. Съ тѣмъ выповѣль онъ Польщи настоящую войну.

О томъ же часѣ зачался и на Украинѣ военный здвигъ съ новою силою. Не-реестровыи козаки собрались въ великомъ числѣ пѣдъ начальствомъ Лободы, и спѣшили соединитися съ Наливайкомъ. Король Жигмонтъ, дознавшисъ о здвигахъ козацкихъ, выдалъ розказъ своему Гетману коронному Жолковскому, который власне тогда былъ въ походѣ на Молдавію, щобы той со всею своею

илою чѣмъ скорше завернулъ надъ Днѣ-
перъ и розбилъ збунтованое козацтво.
Межи тѣмъ Наливайко былъ уже въ роз-
сарѣ дѣла: нападалъ на имѣнія Еписко-
пѣвъ и магнатѣвъ, приклонныхъ уни,
занялъ города Луцкъ, Могилевъ и Слуцкъ,
та и дѣлалъ страшныи опустошенья.

Въ осени р. 1569 вступили польскіи
войска на Украинѹ, но осторожный На-
ливайко не взялся сей-часъ въ отвертую
вѣйну, только при малыхъ перепалкахъ
уступалъ въ глубину къ рѣцѣ Днѣпру
до головной своей силы. Ажъ коло горо-
да Чигирина надъ рѣкою Тясминомъ
розставился Наливайко укѣпленнымъ
таборомъ, роздѣлилъ свои силы на три
отряды и выжидалъ пана Жолкевского.
На окопахъ козацкаго табора выставлены
были три бѣлыи хоругви съ золоченыи
крестами и съ надписію: „Миръ Хрестіа-
намъ, а на зачинщикѣвъ вражды Богъ и
Его крестъ.“ Дались въ конецъ видѣти
и польскіи хоругви. Передъ лицемъ ко-
зацтва Поляки выставили три шибеницѣ
съ надписію: „кара бунтовцямъ,“ а на
двохъ изъ нихъ повѣсили тѣла убитыхъ
старшихъ козацкихъ. Войска приближи-
лись на малое отстоянье, станули на хви-
лю спокойно — и на разъ окрикомъ воен-
нымъ кинулись одни на другіихъ. Страш-
ная пальба изъ пушокъ и рушницъ по-
крыла въ одной хвилѣ цѣлое боевище
густымъ дымомъ. Въ одномъ мгновеніи

вырвался Наливайко изъ засады и съ н
лучшими своими полками врѣзался
ядро, въ самое сердце польской арм
Въ тойже самъ часъ другіи два козац
отряды съ Лободою и Оваромъ на ч
напали на непріятеля зъ бокѡвъ и вз
его въ два огнѣ. Пѡдъ такъ наглымъ
падомъ подались польскіи войска въ за
и попали въ ужасный безпорядокъ.
перъ закипѣла страшная борьба и п
должалась 7 годинъ. Козави и селяне-ох
ники справили польскимъ полкамъ та
рѣзню, що ледви самъ Жолкевскій
малою горсткою спасся бѣгствомъ.
своихъ карбахъ накарбовали козави 17
убитыхъ Полякѡвъ; своихъ же упало
5000 мужа. Такъ закончилась Чигир
ская битва совершеннымъ пораженьемъ
Полякѡвъ. До днесь прославляе русс
народъ на Украинѣ битву тую и На
вайка въ своей прекрасной думѣ, въ
торой спѣваеся, що самъ Богъ посла
Наливайцѣ такую побѣду за тое, що б
пославилъ во имя Господа знамена
крестами.

Чигиринская битва повліяла пѡд
хотно на весь русскій народъ, додала все
бодрости и надѣи на личную будучнѡс
Поляки же испугались, розтерялись и т
пами выселялись зъ Воляня и Подѡл

Въ сей-часъ по Чигиринской бит
принялся Наливайко за дальшую
боту. Выславши Лободу въ доокрестн

ороны. Наливайко самъ пустылся на мынь въ погоню за Жолкевскимъ, громъ по пути польскіи отряды, спалилъ нятыи ними города Могилевъ и Слуцкъ, соединившись потомъ зновъ съ Лобю, стануло надъ рѣкою Случею. Мертвѣмъ Поляки собрали новое великаное войско и манѡвцами пѡспѣшнымъ походомъ добирались такожь до рѣки Гучи щобы ѡтомстити козакамъ за Чиринь. Походъ ихъ былъ наглый; еще не успѣли козаки укрѣпити своѣй таборъ надъ Лубномъ, якъ уже далась чути перепалка ѡтъ стороны польской. Нечаянно заскоченны козаки узрѣли со смутнымъ, що изъ всѣхъ сторонъ окружили ихъ польскіи войска. Видѣли теперь козаки неминимую свою погибель, но податись ани мыслячи, съ отчаидушіемъ винулись на перебой, щобы лучше уже мерти, якъ живцемъ достатись Полякамъ въ руки. Началась зажертая борьба; въ второй, самопонятно, польскіи войска перевагою своею взяли верхъ. Тогда Жолкевскій выслалъ своихъ ѡпоручниковъ до Наливайка съ тѣмъ заявленіемъ, що если козаки уступятъ за Днѣперъ въ свою Сѣчь, то король заключить съ ними миръ и не буде ихъ беспокоити, а до слаженья того мира най самъ Наливайко съ старшинами козацкими ѣдутъ до Варшавы до короля. Щожъ было дѣяти; другого выходу для козаковъ не было,

только или всѣмъ погибати, или принять условія мира. Затѣмъ Наливайко съ старшинами отправился въ табор Жолкевского, но тутъ схвачено ихъ всѣхъ нечаянно сковано тяжкими кайданами, отослано какъ плѣнникѠвъ въ Варшаву.

Въ Варшавѣ кинено Наливайко и его товаришей въ темную тюрьму, и товано ихъ тамъ три дни и три ночи, а четвертого дня выведено на площадь и тутъ спечено на смерть въ розжарномъ мѣдяномъ быку. Казнь тая нелюдская совершилась лѣтомъ въ р. 1597.

Такой лихой конецъ того другого в родного возстанія малъ для Руси самы сумныи послѣдствія. Полки козацкіи побавлены Гетмана, одни вернули за Днеперъ, въ свою Сѣчь, а другіи кинули громадами по всѣхъ окрестностяхъ, робиваючи, рабуючи, що попало пѠдъ руку. Межи тѣмъ Поляки стали лютымъ казнями казнити русскихъ людей по всему краю за повстанье Наливайка. Щобъ имѣти понятіе о томъ яка недоля спад тогды на рускій народъ, достаточно бѣде навести ту кѠлька уступѠвъ изъ с временной лѣтописи, которая такъ бѣствія тїи описуе: „По истребленіи Гетмана Наливайка вельможи польскіи на со мѣ въ Варшавѣ провозгласили народъ рускій Ѡтступнымъ, вѣроломнымъ, бунтующимъ, осужденымъ на рабство и пр слѣдованье. Слѣдствіемъ того приговор

было тое, що дворянъ и вельможъ рус-
 скихъ выключено на всегда ѳтъ выбо-
 ровъ, ѳтъ военныхъ урядѳвъ и судебныхъ
 ѳсть, а названо ихъ хлопами. ѳтъ всѳхъ
 высшихъ русскихъ урядникѳвъ, яки бы-
 ли еще въ русского роду, ѳтобрано ста-
 нства, села и другіи доходы, а на ихъ
 ѳстце поставлено Полякѳвъ. Въ горо-
 дахъ русскихъ уврѳвлено польскіи Zalo-
 ги и самымъ воинамъ польскимъ надано
 полную власть надъ селянами и мѳща-
 ами. А що тѳлько може вымыслити сва-
 рия и нелюдскость, все тое дѳлали ти
 оины надъ народомъ. Грабежи, насило-
 анья, побои, убійства превзойшли вся-
 юю мѳру. Людямъ русскимъ запрещено
 было собираться на яки-нибудь и най-
 обвинѳйшіи собранія, а где зѳшлись
 окупы кѳлька Русинѳвъ, чи то для роз-
 овы, чи для розрывки, то польскіи па-
 мки розганяли ихъ палками. Церкви
 асиліемъ обращены были на унію. Поль-
 скихъ ксендзѳвъ, которыи съ тріумфомъ
 адили по краю для пѳдсмотру и пону-
 денія къ уніи, мусѳли возити наши лю-
 е по-неволи ѳтъ церкви до церкви. Цер-
 ви же нехотѳвшіи приступити до уніи,
 давано жидамъ въ аренду. Видячи та-
 ке осоромленье православія, рѳшта дво-
 янъ русскихъ и вельможъ поневоли и
 ѳ отчаянія переходили не на унію, а
 альше на вѳру латинскую.“

Такое то лихо дѣялось у насъ по стародавней кончинѣ Наливайка. Но народъ, разъ розъяренный до крайности, и погибъ подъ тымъ безправьемъ, не ушат духомъ, а противно возрасталъ що-разъ бѣльше въ великана и сталъ дальше тѣмъ рѣзче самъ за себе дѣйствовати.

Гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный.

(1660—1622. г.)

По усмиренію повстанья Наливайка здавалось що уже окончательно запамятуютъ на цѣлой Руси польско-шляхетскіе порядки. Однакъ не сталось такъ. Теша поднялась новая сила на помѣчь народу а силою тою было — Запорожье. Шляхетство польское, по смерти короля Баторія, старалось всѣми силами не пускати Запорожцѣвъ, однаковъ даремъ всякіи грозьбы. Напротивъ того, чѣмъ бѣльше давили народъ польскій порядкомъ тѣмъ бѣльше множилось число тыхъ бѣдцѣвъ, що глядали свободы своей Днепровыми порогами. Коли же повстанье Наливайка на ничѣмъ скончилось погнали козаки цѣлыми хмарами на Запорожье и ѳттуда стали гуляти по Чорному морѣ, та турецкіи землѣ нападкомъ на Запорожье добыло собѣ теперь найбѣльшой славы, стало головнымъ опоромъ для народа Руси и оно обняло уже

ько саму Сѣчь за порогами Днѣпра, весь малорусскій народъ, неприхиль-
й Польщѣ ставалъ теперь подъ однимъ
менемъ, около котораго совокуплялись
народныя силы.

Въ самой же Руси, въ колька лѣтъ
Наливайцѣ, настала великая перемѣ-
Поляки запутались въ войну съ Ве-
ую Русію, — бачь, захотѣлось имъ за-
вати и Царство Велико-русское, во
орѣ же познали, що сами они таки
годны противустати великанскимъ си-
ть Великой Руси, а що треба было
ь конечно подняти и Малую Русь и
козацтво ей на Москву. Щобы затѣмъ
сь зацтывати Русинѣвъ и позыскати
для своихъ цѣлей, взялись они на
ій способъ що стали сами притушо-
и той огонь розъединенія, якій заче-
ь Берестейскую унию кинули въ рус-
землѣ. На разѣ отже притихли го-
ія за вѣру православноу, прекратились
вды и насилія и якось-то усмирились
олнованыи умы. До усмирениа умѣвъ
чинилось немало и тое, що о томъ
часѣ поумерали зъ одной стороны Ра-
ь, Терлецкій и Поцѣй, головныи по-
ники униа, а зъ другой стороны упо-
лись такожь и ревныи борцѣ за пра-
авіе, яки Епископъ Балабанъ, и князь
стантинъ Острожскій, а по ихъ смер-
якось умолкли суперечки и роздоры
гійныи, а завладѣлъ яко-тако мирѣ.

Полякамъ же головно розходилося о
зацкое войско; тыхъ бо людей треба бы
конечно для Польщи зъеднати. Въ т
цѣли выѣхаль Жолкевскій на Украин
оголосилъ „загальное прощєніє“ за бунт
началь списовати до реестру тыхъ,
торыйи зъобовязуются служити польско
королю. Тыхъ козакѣвъ реестровы
набралось до 4000; Жолкевскій обѣща
имъ платити ѳтъ короля по червонце
рѣчно на одного и по кожуху, а кро
того дозволилъ имъ выбрати собѣ
помежи себе начальника, который одна
ѳтъ тецерь малъ называтись не Гет
номъ, а тѣлько Атаманомъ. Кромѣ т
реестровыхъ нашлись еще и другіи
зацкіи шайки гайдукѣвъ - грабежннкѣ
которые съ своими ватажками тако
принялись служити Польщѣ и разо
съ реестровыми пѣдъ именемъ „вой
козацкого“ пѣшли въ польску высл
поборювати Москву.

Но не въ тыхъ людяхъ былъ кор
и цвѣтъ козацтва. Корень и цвѣтъ
зацтва лежалъ въ Запорожью. Та
на Сѣчи за Днѣпромъ собралось
15.000 самыхъ удалыхъ молодцѣвъ, ко
рыи не знали надъ собою нїякой влас
а яко дѣти вольной землѣ мовъ тѣ во
ныи птицѣ гуляли по степамъ и по ме
и славными своими нападами розноси
свою славу по цѣлой Руси. Гетманс
же у нихъ былъ умный козакъ - запе

що о немъ голосить народная пѣсня: промѣнялъ жѣнку за тютюнъ и ку⁴, козакъ хорообрый и великій и сердцемъ, Петро Конаше-в-Сагайдачный. Сей человекъ аный въ р. 1606 на Гетмана, ніякъ ралъ собѣ до сердца, що король яхта не хотѣли признати его Гетмъ, но яко мужъ твердой волѣ, со своихъ Запорожцѣвъ на раду и иковалъ съ ними, що годѣ-жъ рыгву христіянскому такъ безчинно ги и що вѣдь якъ рыбѣ безъ воды. и Запорожцямъ безъ войны не ма я. Коли же Польша примирѣла ке не тыкала Гуси, то треба ийти бисурманскихъ поганъ, Татаръ, ркѣвъ. Такая стала рада на Запою, такъ порѣшили рыцарѣ козацкіи, въ сей-часъ взялися до дѣла. Чедѣлыхъ 12 лѣтъ гулялъ Сагайдачсъ удалыми Запорожцами то по ому морю, то по Крымѣ, розорялъ ережныи пристани и крѣпости, нагъ полону и добычи безъ числа, допѣкъ и султану турецкому и ви татарскому до крови и кости, та лѣ собѣ и рыцарству своему такого оосу, такой славы, якої не достигъ вхъ поръ ніякій другій Гетманъ коій.

Въ самъ той часъ найплась Польша уже великомъ клопотѣ. Война Жм-

монта съ Москвою въ часѣ Самозванцевъ
скончилась для Польщи безъ наимень-



Гетманъ Кошачевичъ-Сагайдачный.

шого усцѣха. Теперь сидѣлъ уже на ве-
лико-русскомъ престолѣ Царь Михаилъ
Феодоровичъ, но Поляковъ не оста-

вила охота дальше воювати Москву и для своего королевича Владислава добывать Московского престола. Пóдъ начальствомъ самого Владислава и гетмана коронного Ходкевича пустились они въ Велико-русскіи землѣ, та бѣдолахи скоренько переконались, що не въ свое вдались дѣло; узрѣли они, що тутъ хиба настоящая погибель имѣ готовится. До того же угрожали еще Польшѣ два сусѣды: султанъ турецкій за напады козацкіи, и король шведскій за при-балтійскіи области, до которыхъ онъ собѣ найшолъ право. Въ тыхъ отже клопотахъ не видѣлъ король Жигмонтъ иного ратунку, якъ удатись о помочь до козаковъ Запорожцѣвъ. А войско тое Запорожское мимо неустанныхъ военъ съ каждымъ днемъ возрастало; до него горнулись и всѣ рестровыи козаки, що ходили уже Польшѣ на ныслугу, та теперь, коли слава Запорожымъ выросла до неслыханной высоты, побдцались они пóдъ Сагайдачного. Сагайдачный, маючи теперь до распорядимости около 30.000 людей, чувствовалъ свою силу и назвалъ себе Гетманомъ обохъ сторонъ Днѣпра и всего войска Запорожского. — До тыхъ то козаковъ, которыхъ Жигмонтъ недавно еще преслѣдовалъ, до тыхъ людей, которыхъ онъ выгналъ изъ родины, до тыхъ „бунтовщикѣвъ и измѣн-

никѡвъ“, удался теперь Жигмонтъ, при-
 смирѣвши, о помочь. Присталъ ѡнъ у
 на всѣ ихъ условія и призвалъ Сагай-
 дачного законнымъ Гетманомъ, та посла-
 лалъ для Гетмана и для козацтва много
 золота и розличныхъ подарковъ, назы-
 валъ Сагайдачного своимъ наилучшимъ
 другомъ, щобы тѡлько той-же выручилъ
 его въ клопотъ, щобы подалъ помочь про-
 тивъ Москвы. Сагайдачный повялъ въ
 сей-часъ, для чого Поляки стали нагло
 такъ смиренны и уступчивы, но видѣлъ
 такожь, що козацтво може выкорыстатъ
 для себе положенье Польщи и здѣлать
 угоду. — Съ 20.000 козацкого войска
 двинулся ѡнъ на Москву, а выратовавши
 королевича Владислава зъ бѣды, повер-
 нулъ въ Украину.

Яко независимый управитель, началъ
 теперь Сагайдачный вводити порядки
 поѣносилъ козачину и старался повер-
 нути всѣ права, якіи ей самоволею ѡто-
 брано. Но не тѡлько на саму козачину
 смотрѣлъ Сагайдачный печаливымъ о-
 комъ; ѡнъ промышлялъ и о потребахъ
 цѣлого русскаго народа, и бралъ въ свою
 оборону найваждѣйшую справу, то есть
 справу религійную. До своей смерти про-
 мышлялъ ѡнъ о поѣнесеніи упадающей
 поѣдъ притѣсненіями православной цер-
 кви и неуспѣшно старался о внесеніи
 уніи. Въ р. 1620 пріѣхалъ въ Великую
 Русь Патріархъ Ерусалимскій Теофанъ,

данный туда головою православной
квѣ, Патриархомъ Цареградскимъ, и
вѣдѣлъ въ Москвѣ Митрополита Фи-
ета на Патриарха Вел. Руси. Тогда
просилъ Сагайдачный Патриарха Тео-
на также до Кіева и упросилъ его, що
и поставилъ Іова Борецкого, мужа
агочестивого, Митрополитомъ Малой
си, и посвятилъ еще шестѣхъ право-
сныхъ Епископѣвъ на мѣстце тыхъ,
до уніи были перейшли. Такимъ спо-
бомъ стало, що на Руси въ каждой
архіи было по двоухъ Епископѣвъ:
одинъ уніятскій, другій православный.
И смѣлый поступокъ Сагайдачного,
думѣся, не сподобался польскому ко-
леви, значило бо то, Сагайдачный
вѣшался въ королевскія права. Тожъ
жалобы уніятскихъ Епископѣвъ ого-
рили король всѣхъ що-ино посвяще-
хъ Епископѣвъ „самозванцами“ и ве-
лъ ихъ прогоняти. Но не такъ то
ка была справа; была то справа съ
сагайдачнымъ, а той стануль вѣрѣнко
оборонѣ Владыкъ православныхъ,
съ що король мимо волѣ муѣль при-
ти на все, бо нагло показалось, що
и зновъ буде потребовати помочи ко-
цвой. Въ той бо самъ часъ рознеслась
озная вѣсть, що султанъ турецкій иде
иною на Польшу зъ 300.000 войска.
Противъ Туркѣвъ выслали Поляки гет-
манъ Сапегу. Запорожцѣвъ зъ-разу не

прошено о помочь, только реестровыхъ, бо якъ ходила чутка, малъ сказати гордый Жолкевскій: „що вразъ съ Грицями не хоче воювати, нехай пасуть свинѣ“... Однакъ въ сей-часъ показалось, що значить Польща безъ козацтва. Пóдъ Цецорою надъ Прутомъ збѣйшлись Поляки съ Турками и робиты были на-прахъ: самъ Жолкевскій наложилъ головою на боевици, а другій Гетманъ Конецпольскій достался до неволѣ, и тысячи польского войска пало трупомъ. Въ той несчастной битвѣ упало и не мало реестровыхъ козаковъ, межи ними дѣльный полковникъ Михайлъ Хмельницкій, а сынъ его Богданъ, которого назначило Провидѣнье стати незадолго первымъ богатыремъ Руси, достался до неволѣ. Вотъ такъ показалось въ другій разъ, якъ безсильною была армія Польщ безъ пóдпору Запорожцѣвъ. — Коли жъ въ р. 1621 зновъ распочалась война съ Турками, пóшолъ король Жигмонтъ до головы по разумъ и ну-жь въ просьбы до Сагайдачного, щобы той со своими „Грицями свинопасами“, т. е. съ Запорожскимъ войскомъ ратовалъ Польщу. Сагайдачный зновъ выкористалъ тую хвилю и на-передъ велѣлъ королеви выдати наказъ: щобы по всей Руси православный народъ уважался рѣвноуправленнымъ съ другими, щобы всѣхъ ново поставленныхъ Епископовъ признано закон-

ми, — и ажъ тогда, коли все тое было
 блано, двинулся Сагайдачный со сво-
 и 30.000 Запорожцями и 28 пушками
 Буковину, щобы подати руку Гетману
 онному Ходкевичу. Пôдъ Хотимомъ
 йшло до завязтой борьбы, въ которой
 деломано турецкiи силы, а въ которой
 робрость козацтва вызволила Польшу
 въ неминуемой бѣды. Самъ Сагайда-
 чный, порубанный на цѣломъ тѣлѣ, вы-
 ть изъ той битвы такiи раны, що въ-
 ротцѣ ôтъ нихъ въ р. 1622 постигла
 смерть.

Сагайдачный, якъ мы то видѣли,
 святилъ цѣлое свое житье для Руси.
 и видѣли уже, якъ то ôнъ смѣло и
 но зарядилъ, щобы не дати упасти
 авославной Церкви, но самъ ôнъ кро-
 того, яко человекъ дуже ученый, пи-
 сать сочиненiя противъ унiи, писалъ
 еныи росправы на шляхту польску
 на утискъ народа, закладалъ шкóлы,
 бы зъ нихъ выходили просвѣщенныи
 борники и защитники русской Церкви,
 днѣсь братство въ Кiевѣ и завѣщаль
 и него все свое майно, препоручаючи,
 бы доходами изъ того имѣнiя удер-
 вались и учились убоги дѣти въ брат-
 ой школѣ. Повага, рыцарство и обра-
 ванье Сагайдачного, яко головы ко-
 цтва, дѣйствовали такъ, що даже По-
 ки въ той часъ почитали козаковъ
 не важились наступати на ихъ права,

та и въ дѣлахъ религіиныхъ не пося-
 они въ областяхъ Украины высту-
 съ своими притѣсненіями и заняв-
 свою споконвѣчную нетерпимость
 православія. Все то было дѣломъ Са-
 дачного.

Розширеніе уніи и дальшая судьба козацтва

Хотя за часѣвъ Сагайдачного при-
 тиснена была на Украинѣ сваволя шлях-
 ты польской и насильственное ей посту-
 пованье въ дѣлѣ уніи (не имѣла бо она
 смѣлости тогда такъ выбитковатись), то
 за то въ другихъ областяхъ русскихъ, въ
 Галичинѣ и на Литовской Руси, не пре-
 кратились давныи притѣсненія и пони-
 женья русскои народности и русскои Цер-
 кви. Не смотря на численныи грамоты
 и конституціи короля и сойму, запреща-
 ющии преслѣдовати православныхъ, го-
 ненія повторялись тутъ, усиливались и
 часто доводили до великихъ возмущеній
 въ народѣ. Наибольше розъярились отно-
 шенія межи православными а католикамъ
 въ епархіи Плодской въ томъ часѣ, когда
 въ ней былъ епископомъ Гософатъ Кув-
 цевичъ. Сей мужъ, самъ дуже строго
 обычайности, отличился нетерпимостію
 къ православію, а яко загорѣлый и до
 завзятости преданный уніать, старался
 за всякую цѣну уничтожити въ своей
 епархіи православіе, и для той цѣли со-

ѣмъ не числился со средствами, якихъ
 гдѣ же употреблялъ. Надармо старался
 агѣйдачный окремымъ письмомъ по-
 здержати того Кунцевича въ безвзгляд-
 омъ его дѣйствию; надармо умудрялъ
 го самъ польскій князь Левъ Сапѣга
 въ своемъ письмѣ, где закидалъ ему
 сякии безправности, замыканье и печанье
 православныхъ церквей, выставленье ихъ
 на посмѣховиско, оставленье лю-
 дей безъ Богослуженія и безъ святыхъ
 тайнъ и прч. прч.; надармо представлялъ
 му сей польскій человекъ, що не таки-
 и дорогами належитися заводити унию,
 людекостію и христіянскою любовію, —
 се тое не помогло. Кунцевичъ дѣлалъ
 о своему и довелъ православныхъ до
 акой ярости, що они одного дня ворва-
 нись во владычюю его палату въ Витеб-
 ку, побили его нахолкѡвъ, а самому ему
 озебкли сокрѡю голову и потомъ ки-
 ули его тѣло въ рѣку. Сталось то въ
 1623.

Убийство Кунцевича мало якъ най-
 мнѣншии послѣдствіи для Руси. Розлю-
 блены Поляки и Езуиты за то убійство,
 послали до Витебска комисію, щобы
 карати нечестивыхъ бунтовникѡвъ. Ко-
 ниси задекретовала до 100 людей на
 терть, изъ тыхъ 20-томъ велѣла въ сей-
 ась отрубати головы, а другимъ, спас-
 тимся черезъ бѣгство, поконфисковала
 аетки. Городу Витебску отобрала право

Магдебургское, а всѣхъ жителей засудило такъ: щобы пѣдъ карою смерти приняли унію. Всѣ церкви безъ изъятія бѣдано унітамъ, а кромѣ того розтягнуто той засудъ на другіи города, якъ Полоцкъ, Могилевъ, Оршу и Мстиславль. На выполненье того засуда прислано въ тіи города сильнии отряды войска, которіи мечемъ и огнемъ очищати ихъ мали ѡтъ православія. Вслѣдетвіе такого безпощадного гоненія не стало въ Полоцкой епархіи и половины людей: однихъ убито, другіи утѣкали на Вел. Русь, инни въ козацтво, а остальные пѣдъ неслыханымъ натискомъ приняли унію.

Но такіи рѣчи дѣялись не тѣлько въ границяхъ Полоцкой епархіи: то само повторялось то слабше, то грознѣйше и по другихъ областяхъ Руси. Вотъ що ѡ томъ оповѣдае русскій лѣтописецъ въ тыхъ часѣвъ: „Съ бѣдою вздерживались Поляки ѡтъ крайного пригнетанья православныхъ Русинѣвъ, доки жилъ страшный для нихъ Сагайдачный. Однакожъ якъ того не стало, а православнии люди Полоцкой землѣ подражнили Полякѣвъ черезъ убійство Кунцевича, тогда злоба съ удвоенною силою обрушилась на цѣлый народъ русскій и гоненія обновились по всей Руси съ неслыханымъ бѣшенствомъ. Такъ въ Кіевѣ велелѣпный Софійскій храмъ и другіи церкви были опустошены, а Выдубицкій монастырь до-

ста ограбленъ ; въ Луцку православныя церкви перетворены въ магазины. Въ Варшавѣ и во Львовѣ запрещали Поляки не только хоронити публично тѣла православныхъ, але навѣтъ ходити со свѣчками и свѣчами до умирающихъ. Въ Вильнѣ церкви православныхъ замѣнены въ корчмы и гостинницѣ, а люди чиновныи и цѣлители православной вѣры удалены отъ своихъ урядовыхъ занятій и еще въ подпольныи темницѣ заперты. Если кто дурнымъ завѣщаніемъ запише что-нибудь въ православную церковь, то принимать того никакъ не дозволяется. Въ Минску церковная земля отдана подъ постройку мечетей для татарскихъ колонистовъ ; евреевъ не желающихъ присоединитись къ православію, заключаютъ въ оковы или выгоняютъ изъ города ; православныхъ священниковъ мучать всякими муками, церкви ихъ позанечатованы, а навѣтъ въ загородскихъ шалашахъ строго запрещено совершать святую литургію, а кто не хочетъ идти до костела съ процесією, того казнятъ смертію...

Притѣсненія русскаго народа такъ часто и неизмѣримы, что воевода польскій, поставленный самыми Поляками, прислалъ до короля и до Сейму жалобныи письма о горестномъ состояніи народа, доведенной до крайней нищеты и разоруженья. Но письмо тое не произвело никакого дѣйствія. Не бравло и розсуд-

ныхъ голосѣвъ, межи самыми Поляками
 которыхъ противны были такому по-
 пованью и ставали въ оборонѣ Руси. И
 среди тыхъ Поляковъ, давали слышати
 вотъ такіи голоса: „Чого хотятъ Поляки
 отъ того честного русского народа? Че-
 хотятъ, щобы на Руси не было Русскихъ
 „До ушей нашихъ доходятъ плачь, вой-
 ки и царѣканья несчастного русского на-
 рода, который былъ для королевства поль-
 ского некрушимою стѣною противъ вра-
 говъ, — дѣйшло до того, що людей, про-
 гнанныхъ за унию зъ ихъ домовъ и ма-
 ковъ, не може теперь помѣстити Польша
 и Украина.“ Що за пожитокъ мае коро-
 лъ тыхъ хлопотѣвъ, якихъ нажился съ
 народомъ русскимъ? говоритъ Счастливый
 Гербургъ, вырозумѣлый Польша: „такой
 мае пожитокъ, що есть насъ народѣвъ
 славянскихъ 18, и ти все покладали ва-
 дѣю на королей польскихъ, що они ихъ
 высвободятъ изъ тяжкого поганского
 ярма, ти все за каждую потребу короля
 и народа польского готовы были дати
 свои горла, а теперь, якъ начато робити
 кривду русскому народу, суть они на-
 головными врагами. Теперь волятъ съ-
 мы умерти на войнѣ, и жены и дѣти
 свои погубити, якъ прійти съ нами до
 до згоды.“

Но не только въ самой Польша и ро-
 носились такіи голоса сожалѣнія о на-
 родѣ русскомъ; навѣтъ изъ далекой чу-

ны шведскій король, Густавъ Адольфъ, писалъ до польскаго короля такое укорительное письмо: „Въ войскахъ польскаго королевства головную силу становятъ русскіи козаки, которые на всѣхъ мѣстахъ отличались всегда хоробростию и мужествомъ. Я самъ, воюючи съ Польшею за край Лифляндскій малъ способенъ подвизати великіи подвиги тыхъ людей, послушаніе и терпѣніе. И для того не могу стерпѣти, холоднокровно дивитись на чинимыи войску козацкому всему народу Руси безчеловѣчныи напастия и варварства, якии творятся отъ неволи Поляковъ и якии цѣлый свѣтъ приводятъ въ ужасъ и негодование. Въ виду таковыхъ насилій, производимыхъ отъ бокомъ и зъ дозволенья польскаго правительства, я увѣрился нынѣ достаточно, що съ такимъ правительствомъ, пускающимъ войска свои и шляхту до зряду, съ такимъ правительствомъ не можна надѣятись на сохраненіе союзовъ и договоровъ, заключенныхъ съ сѣсѣдними державами, а належится поступати нѣмъ просто якъ-бы съ неприятелями и жестокости.“

Однакъ король Жигмонтъ не звалъ на представленья ни своихъ людей, ни чужихъ, а радовался, що ему удалось вести унию, и онъ заслѣвленный и цѣлый преданный Езуитамъ, не видѣль, что на вѣки посварилъ межи собою сво-

ихъ пѳдданныхъ, що вщепилъ въ нихъ ненависть однихъ до другихъ и що спорами религійными ѳнъ ослабилъ Польшу и зготовлялъ ей неминуемый грѳбъ.

Православныи Владыки, поставленныи для мало-русскихъ епархій за стараньемъ Сагайдачнаго, исполняли въ той часъ свою духовную задачу надъ бѳднымъ народомъ съ правдивымъ пожертвованьемъ себе самыхъ. Не уважаячи на запрещенія короля и сойма, ѳбѳздили они свои епархіи и якъ-могли ободряли народъ. Коли же притѳсненіямъ не было конца, тогда за порадѳю любимца народа русскаго, Митрополита Го́ва Борецкаго, вы́бралось зѳ-помежи Русино́въ посольство пѳдъ начальствомъ Луцкаго Епископа Исакія до велико-русскаго Царя Михаила и до Патріярха Филарета, чтобы они приняли пѳдъ свою ѳпѳку весь русскій народъ. Царь выслухалъ посольство благосклонно, однакъъ заявилъ, що не може въ тую пору приклонитись до ихъ прошенія, понеже що-ино заключилъ ѳнъ съ Польщею перемиріе, котораго якъ честный человекъ свято сохранять долженъ. — Вѳсть о томъ посольствѳ донеслась скоро до вѳдомости Поляко́въ, и то сталося причиною новыхъ и тяжкихъ гоненій Руси.

Но щѳжъ дѳялось съ козацтвомъ за той часъ? Чижь оно, которое що-ино такъ высоко стануло пѳдъ Сагайдачнымъ,

одушно глядѣло на все тое, що дѣ-
 ь на Руси, — чи Польша уже не бо-
 ь ихъ силы, що такъ безъ перепоны
 воей воли газдовала на Руси? Къ
 гнѣнію, таки такъ оно теперъ и было.
 и жилъ Сагайдачный, онъ умѣлъ
 жати козацтво на высотѣ его славы
 ваги. Коли-жь не стало Сагайдачно-
 и коли по вѣйнѣ турецкой Польша
 и отпочала, тогда знову кинулись
 ки на Украину, щобы притиснути и
 прити будьто-бы збунтоване козацтво.
 о. 1625 выслали козаки своихъ депу-
 вѣ на соймъ до Варшавы съ требо-
 ями: щобы забезпечено православную
 ; щобы отдалено уніятѣвъ отъ цер-
 и церковныхъ имѣній; щобы коза-
 ь свободно было жити въ коронныхъ
 ніяхъ Кіевского воеводства; щобы
 ки мали свѣй судъ, та щобы имъ
 одно было распоряджати своимъ имѣ-
 ь и прч. Коли же дознались козаки,
 въ Кіевѣ вѣйтъ позапечаталъ право-
 ныи церкви, поспѣшили они тамъ,
 и вѣита, ограбили католицкій кляш-
 ь и отобрали имѣнія, загорненныи
 ославнымъ церквамъ. Такъ ставали
 въ оборонѣ своей вѣры. Но въ отвѣтъ
 ое, поручено гетману Конецпольско-
 отправитись на Украину и укарати
 цтво. Надъ Курковскимъ озе-
 ь осадилъ Конецпольскій козакоѣвъ,
 сада тая дуже много его коштовала,

и въ-конецъ ничего бы онъ былъ не достигъ еслибы „реестровыи козаки“ не были уступили. Тии реестровыи, заманины обѣщанками, що ихъ права не будутъ нарушены и що имъ Поляки будутъ въ плачовату бѣльшу платню, переинували на польску сторону. Тогда станула та угода пѣдъ именемъ Кураковскихъ пунктѣвъ: „Реестровыхъ має быти 6000 мужа, а 1000 изъ нихъ буде пребывати за порогами, щобы слѣдити движѣнія ворогѣвъ. Платня тымъ козакамъ въ значаеся 60.000 золотыхъ польскихъ и одинъ рѣкъ, а ѣтбиратися она буде въ Кіевѣ по св. Ілїи. Козакамъ не свѣдѣти пускатися на море, ни розпочинати войны съ Турками, ни Татарами, а все ихъ чайки (лодки) мають быти спалены. Козаки могутъ выбирати собѣ старшог однакъ безъ титулу гетманского, а то муситъ быти затверджѣный ѣтъ польского гетмана коронного.“

Такая стала Кураковская угода. Чи угодою тою было успокоено козацтво увидимъ дальше; досыть, що ѣтъ тѣпер розложились польскїи войска широко въ Украинѣ, а народъ говорилъ: прїйшли они знищити православную вѣру и въ губити русскїй народъ. Притѣсненїе въ вѣры православной въ самомъ дѣлѣ шло разъ бѣльше вмагалось; процессы релїгїйныи были на порядку дневномъ, а въ

дѣ переполнены были православнымъ людомъ.

Дальшіи козацкіи возстанья.

Гетманъ Тарасъ Трясило; 2) Грамота примиренія
1632 г.

Кураковская угода совсѣмъ не задо-
тила козаковъ, — тожь хотя на часъ
и держались ей, но напады ихъ на
речцину и Крымъ повторялись даль-
ше. Тамъ Поляки задумали силою при-
нудити козацтво до послуху и поворности.
Въ р. 1630 прійшло на Украину войско
польское, а подъ проводомъ польскихъ
ароствъ почались новыи безправности:
продъ записовано насиліемъ на унію,
вольныхъ козаковъ обертаю въ крепач-
ковъ (панщизняковъ) и творено имъ вся-
кии кривды и обиды. Того было уже за-
ново козакамъ! Запорожье жило — не
перенѣло такой зневаги. Запорожцѣ вы-
брали собѣ въ р. 1628 Гетманомъ Тара-
са Трясила и подъ проводомъ того
вольного рыцаря погнались изъ Сѣчи
на Украину боронити козацкою славы,
козацкою волѣ. Подъ Переяславомъ
табуль Тарасъ таборомъ съ своими 30.000
душа, окопался и выжидалъ тутъ Конец-
польского. Конецпольскій надтягнуль и
оволожился противъ козацкого табора.
Черезъ три недѣли майже щоденно отбы-

вались меньшія перепалки, но всегда великою стратою для Поляковъ. Кажу що Конецпольскій стратилъ за той часъ больше людей, якъ въ три-лѣтней войнѣ съ шведскимъ королемъ Густавомъ. А въ-конецъ одной ночи передъ свитаньемъ Гетманъ Тарасъ выступилъ со всѣмъ своимъ козацтвомъ изъ табора, окружилъ польскіи войска изъ двохъ сторонъ и выправилъ имъ несподѣванно такую дѣлю, що ледви самому Конецпольскому маленькою горсткою удалось спастись бѣгствомъ отъ смерти. Тогда перебили заки самъ цвѣтъ Поляковъ, забрали польскіи арматы и цѣлый таборъ польскій съ оружіемъ и всякими богатствами. Така памятная побѣда козацтва подъ Переяславомъ, знана въ Исторіи подъ именемъ „Тарасовой ночи,“ ободривъ и вновь цѣлую Русь, въ особенности козацтво, которе черезъ два лѣта отъ теперь мстилось на шляхтѣ и на жиде за русскую кривду.

Въ р. 1630, коли Польша трохи пришла до себе по битвѣ подъ Переяславомъ, и по войнѣ, якую въ той же часъ провадила съ Шведами, выправился знаменитый панъ Конецпольскій съ новыми силами отомстити козакамъ за Тарасовую нощь. Розложилъ онъ свой таборъ подъ Переяславомъ и началъ военныи дѣйствія; однакъ и теперь якось не сприяло ему счастье. Козакамъ удалось отнять

Спрѣ всѣ перевоемы и поромы польскіи поналити ихъ, велѣдствіе чого загорона была Конецпольскому дорога въ вльщу. Но и въ томъ лиху и въ великій опасности якось выратовался Конецпольскій хитростію. Ото бо удалось ему овими обѣцянками перетягнути на свою сторону одну часть козацтва. Въ таборѣ козацкомъ насталь раздоръ; 7000 реестроухъ стануло по польской сторонѣ, а рочіи принуждены были вдатися теперь поляками въ угодовии переговоры. Марась Трясило увѣрилъ въ обѣтницѣ пяхтича пана Конецпольского и отпраидся съ четырьма старшинами до Варавы, робити угоду. Но тутъ привитанохъ по шляхотски, и яко бунтующихъ слобовъ кинено ихъ до вязницѣ и знено смертію.

Почали-жь теперь козаки дертисъ ежи собою, дѣлились на партіи, а коецъ зъ того былъ такій, що польскіи войска зновъ порозкладались по украинскихъ городахъ и продолжали свое дѣло: бязжали и пригнетали русскій народъ.

Межи тѣмъ въ р. 1632 сталось таке, що умеръ Жигмонтъ, той томитель Руси ереазъ 45 лѣтъ. Пришло до выбору нового короля. Выслали и козаки на Соймъ посольство и домагались голосу при томъ выборѣ; кромѣ того они требовали свободы вѣры, а также, чтобы платня ихъ была забезпечена, чтобы до реестру впи-

сати еще двѣ тысячи козаковъ, и ш доля не-реестрового козацтва была учена. Поляки не только не допус козаковъ до голоса при выборѣ кор но еще и обругали посланниковъ, кото затѣмъ якъ непошши повертали въ яси. Королемъ выбрали Поляки с Жигмонта, Владислава IV. Сей мужъ отъ давна спріялъ козацтву и чувствовалъ цѣлой Руси; тожь въ часъ, якъ лишь сталъ королемъ, онъ становилъ где-що доброго здѣлати Русинѣвъ, и таки на первомъ се представилъ Полякамъ, що Езуиты, провадивши на Руси унію, зацел на ней великій домашній роздоръ и б бу, отъ которыхъ и сама же Пол много терпять. Щобы отже хотя въ сти исправити здѣланную ошибку, дилъ онъ примирити православн съ уніятами въ такой способъ, щ православныи уважали хоть-бы тав самыхъ свободъ, якъ и уніаты. Ум и теплы слова короля Владислава дѣйствовали на Поляковъ такъ, що въ дѣлѣ вѣры списали для Руси т право, що называлось „грамотою п миренія“, а въ которой написано ст 1) щобы въ земляхъ русскихъ были Митрополиты, уніятскій и православн 2) въ Полоцкой епархіи мають быти т два такіи Владыки; въ Полоцку же ун скій, а въ Могилевѣ православный

пархіяхъ Перемышльской и Львов-
будуть только православныи Епи-
ы; 4) Луцкую епархію мають уніаты
цвти православнымъ; 5) православ-
ь мають звернути вѣкоторыи церкви
настыри; 6) въ енархіяхъ уніятскихъ
одно православнымъ относиться до
ославногo Епископа, а уніатамъ въ
ославныхъ енархіяхъ до уніятскихъ
скопѡвъ. — Тую то грамоту прими-
и затвердилъ и заприсягнулъ новый
ль Владиславъ. Русь задоволилась
насомъ и тою грамотою, но щожь —
и теперь ишло таки по давному:
ота была написана, але исполнялась
во въ малой части, а въ коротцѣ
лкомъ была уничтожена. Притѣсне-
не укрощались, а що бѡльше не ишли
уже ѡтъ самыхъ только Полякѡвъ,
ѡтъ самыхъ же Русинѡвъ уніатѡвъ,
рыи не уважаючи, яки будутъ по-
ствія той поганой домашной межи-
ицѣ, наступали на православныхъ,
того видячи по своей сторонѣ обо-
польского закона, съ дерзостію вы-
али и причиняли православнымъ
и кривды. Вслѣдствіе того право-
ныи зненавидѣли унію до крайности,
ѣ знаменитшіи роды русскіи, якъ
ѣ Слуцкіи, Заславскіи, Збаражскіи,
ушки, Вишневецкіи, Черторыйскіи,
ны, Сапѣги и др., даже и сынъ Кон-
гина Острожского, того славного про-

тивника уніи на Соборѣ Берестейскіи перешли на латинство, стались Панами и будовали по Подблю и Украинскіи польскіи костелы и кляшторы. Коли не стало на Руси той высшой руской шляхты, князей и магнатѣвъ, то не было кому опертись, щобы рѣвнолюбивость для православія была бережною бо при православію осталъ только простой народъ и козаки, а для тыхъ въ Полькамъ не стояло руководитись видами справедливости.

Митрополитъ Петро Могила.

Гетманы: Сулима — Павлюкъ (1633—1655)

О томъ часѣ появился на Руси сокоумный, крѣпкого русского сержантъ мужъ, который своею цовагою и чиннымъ дѣйствіемъ взумѣлъ поддержать упадающаго русского духа, а справителемъ такъ духовнымъ, религіинымъ, якъ и роднымъ подати сильную подпору. Митрополитъ сей былъ то Петро Могила, Кіевскій Митрополитъ. Потомокъ князей-гетмановъ Молдавскихъ, воспитанный вѣрности межи Поляками, онъ служилъ молоду даже въ польскомъ войску всегда на-скрѣзь преданный русской славѣ, былъ Русинъ сердцемъ и душою. Домъ своимъ посвояченый съ наилучшими магнатами въ Руси и за грани-

нѣ дойшеть скоро до великого вліянія
утѣ, куда на житье переселился, а обра-
ованный и дѣятельный въ каждомъ взгля-
ѣ, онѣ овладѣлъ скоро умами всѣхъ Ру-
нѣовѣ такѣ, що вся Русь видѣла въ немѣ



Петро Могила.

нѣ-бы истинного спасителя своего. И въ
самомъ дѣлѣ оправдалъ Петро Могила
надѣи, яки въ немѣ Русь поклала.
Въ сей-часѣ по смерти короля Жигмонта
собрались около того мужа всѣ право-
славныи дворяне, якихъ еще немного

при Руси вѣрныхъ осталось, и тѣи уже помочили его, чтобы онъ ѣхалъ на Соѳійскій до Польши и при выборѣ нового короля предъявилъ тамъ всѣ требованія Русинѣвъ. Въ той же часъ явились на ономъ избирательномъ Соѳійскѣмъ также послы отъ козацтва, но мы знаемъ уже, якъ общались съ ними панове Поляки. Лучшимъ однако усиѣхъ сдѣлало тамъ представительство Петра Могилы. Онъ то съ этими умными бесѣдами въ Соѳійскѣмъ и шломами до ново выбраного короля провадилъ до того, що уложено тогда известную „грамоту примиренія“. Не долго по томъ соѳійскѣмъ выбрано Могилу Митрополитомъ Кіевскимъ, а король утвердилъ его на томъ высокомъ достоинствѣ.

Зъ того часу начинаеся великая дѣятельность Петра Могилы въ польской русской Церкви и русского народа. Первымъ его дѣломъ было отновити старинную церковь Софійскую въ Кіевѣ и придати ей величавый видъ; онъ самъ и зывалъ ю единою окрасою православнаго народа, головою и матерію всѣхъ церквей. Кромѣ того отновилъ онъ и другіи давни русскіи церкви въ Кіевѣ, якъ церковь св. Василия, Десятинную церковь и др. Наибажнѣйшимъ же его дѣломъ было заложенье высшого училища, такъ званои Колегіи, которую потомъ въ честь его Могилянскою колегіею назва-

удержанье того училища завѣщаль все свое имѣніе. Цѣль того училища : выховати молодое поколѣнье ду- ховныхъ и мірскихъ Русинѣвъ, такъ, чтобы они власными силами могли боро- тись за правъ русской землѣ и Церкви. Подъ отличномъ надзоромъ въ томъ училищѣ воспитовались прекрасно и о- чень новыи школярѣ, изъ которыхъ мно- гихъ мали и цѣлое удержанье при са- момъ коллегіи въ бурсѣ, установленной въ домѣ Могилы, откуда и выходили мно- гии просвѣщенные силы духовныи, уже образованьемъ стояли на рѣвни- выи, съ которыми боротись прихо- дило. На Руси, где до теперъ за правив- шества Польщи пѣдъ взглядомъ на- шимъ владѣла великая застоя: где до- рожь даже проводники народа стояли въ свѣщеніемъ весьма низко, а русскій языкъ и русская вѣра напятаваны были въ томъ темноты: на той Руси ѳтъ ча- сти Петра Могилы почали быстро пѣд- ступать къ просвѣщенію, явились нагло и русскіи образованы, перенятые чи- стою любовію отчины и своей Церкви, которые не тѣлько оружіемъ изъ желѣза и меча, но и оружіемъ науки умѣли вла- дѣть, коли зайшла потреба выступити на оборонѣ Руси.

Еще друга заслуга Могилы была въ томъ, что онъ старался усунути зъ бого- рѣшій закравшіися неправильности, а

завести всюду однообразность. Въ тѣхъ цѣляхъ выдалъ онъ книгу „Служебникъ“, а потѣмъ „Требникъ“ и „Катихизисъ“, каждый священникъ былъ обязанъ исполнять и научати точно то, что въ книгахъ тѣхъ по церковному уставу было предписано. Сверхъ того самъ Могилъ, яко человекъ надвычайно ученый, бралъ живое участіе въ письменной борьбѣ, которая тогда велась межи православными и католиками, и писалъ крѣпкія и дужныя расправы на оборону православной Церкви.

Посвятивши такимъ способомъ все свои силы, и труды для добра своего народа, для лучшей его будущности и для блага Церкви своей, отдалъ онъ на ту святую цѣль такожь и все свое великое, такъ движимое, якъ и недвижимое имѣніе, и упокоился онъ въ р. 1647, оставивъ ючи по собѣ въ сердцахъ благодарныхъ Руси неложный жаль, а потомнымъ въ камъ вдячную о собѣ память.

А не только на поднесеніе прошенія повліяли дѣла Святителя Могилы, они разбудили въ великой степени такъ и чувство народное въ миліонахъ Русинѣвъ и загрѣли ихъ до дальшихъ военныхъ подвиговъ въ защитѣ своихъ національныхъ и религійныхъ правъ. И такъ въ р. 1633 звергли козаки гетмана Перевязку, якого поставили имъ Поляки, выбрали собѣ Гетманомъ Павлюка, а

вымъ Атаманомъ- Сулиму. Сулима цилъ безъустанно полки свои на Туръ и Татаръ, а Павлюкъ устроюваль мчасомъ новыи козацкіи силы на Зарожью. Поляки власне тогда ани не мали, щобы козацтву улегчити долю, они ѳткинули всякіи ихъ требованія, ісланыи до Сойму; а щобы еще и не ти возможности козакамъ реестровымъ реходити въ Запорожскую Сѣчь, побуваль Конецпольскій на Днѣпрѣ велию крѣиость (фортецу) Кудакъ, въ корой въ р. 1635 умѣщено сильную загу польского войска. Того самого року, е. въ р. 1635 верталь Сулима зъ Чорморской выправы и ѳнъ здумѣлся уѣвши нову фортецу съ баштами, окоми и съ польскимъ войскомъ. Догадалъ Сулима, на що то тая фортеца, удасть на ню, добыль ю приступомъ вызалъ залогу, а саму крѣиость розрушилъ основанія такъ, що и слѣду по ней не осталось. — Дознался скоро Конецпольскій о тѣмъ що съ его Кудакомъ сталося, страшно розгнѣванный, напалъ на портающого и походами изнуренного Сулиму, захватилъ его въ свои руки и сковвши кайданами, ѳтослалъ до Варшавы, е его и съ товаришами четвертовано (а четыре части тѣло порубано).

На Украинѣ осталъ теперь Павлюкъ мѣ. Вѣсть о смерти товариша и друга трясла его, но вразъ же возжегла въ

немъ пекучую жажду мести. Не меньше огорчене и обиджене было все козацтво. На покликъ Павлюка стануло при немъ 18.000 мужа съ однимъ жаркимъ бажаньемъ: отплатитись за обиды, или умерти. Изъ польской же сторны, якъ только зачули, що Украина зновъ зашумѣла грозно, выслано наилучшіи полки подъ начальствомъ Потоцкого и другихъ французскихъ полковорцевъ, а то съ тѣмъ, щобы знищити все козацтво, щобы равъскрутити голову тому племени „бунтовщикѡвъ.“

Недалеко Корсуня подъ селомъ Кумейками стануль Павлюкъ своимъ таборомъ. Туда же надоспѣль и Потоцкій и заняль дуже корыстное станице, а то великую площадь, vzdоль которой тянулось непроходимое болото: отъ-туда онъ выслалъ одинъ свой отрядъ, щобы заманити козаковъ въ тую сторону. Козаки со збруею въ руцѣ а съ завзятостію въ сердци, ишли въ найкрасшомъ порядку напередъ и наступали на ворога. Шестъ рядѡвъ возѡвъ, одинъ рядъ за другимъ розтягнены въ буювую линію, посувались впередъ, помежъ возами ступали козаки добре подѣлены на полки и сотнѣ. Четыре арматы стояли на передѣ, двѣ въ серединѣ воевого табора, а двѣ по заду. Поступаючи въ такомъ порядку, паткнулся въ-конецъ таборъ козацкій на болото и звернулся vzdоль

го, думаячи зайти Полякѡвъ зъ заду.
 бѣдныи, не спостерегли хитрости По-
 цкого. Нагло и несподѣванно ударили
 льскіи арматы въ саму сѣредину ко-
 цкого табора. Познали теперь козаки,
 о впали въ лапку, и почали розтягати
 ои возы зъ шестѣхъ на 12 рядѡвъ. Но
 той хвили погналъ Потоцкій свои
 лки, щобы переломити козацкій та-
 рь. Однакъ козаки стояли якъ муръ;
 въ нихъ полки Потоцкого одинъ за дру-
 мъ падали якъ ѡтъ вихру. Въ-конецъ
 послалъ Потоцкій всю свою силу, и ажъ
 й удалось розбити таборъ на двѣ ча-
 и. Теперь завязалась рѣзня на голыи
 ки. Якъ тигры боронились козацкіи
 цари цѣлый день, а боронились до остат-
 го и волѣли всѣ наложити головами,
 щбы здатись ворогови. Кровавая и за-
 ятая битва кончилась ледви ночью;
 козаки были поражены, но отвага, съ я-
 ю боронились, а завзятость, съ якою ги-
 ли доказовали наглядно и добитно, я-
 ненависть до Полякѡвъ въ ихъ серд-
 ахъ кипѣла. Съ остатками своего войска
 ступилъ Павлюкъ пѡдъ Боровицю,
 е выжидалъ еще свѣжихъ козацкихъ
 цъ. На другій день погналъ и Потоц-
 й за ними и окружилъ ихъ на-около.
 рога была козакамъ ѡтрѣзана изъ
 ѣхъ сторонъ; не было выхода, якъ тѡль-
 пѡддатись или до одного згинути
 дѣль свое несчастное положенье Па-

влюкъ, утратилъ довѣріе въ свою силу, упалъ на духу и заключилъ съ Потоцкимъ перемиріе на такихъ условіяхъ, які самъ Потоцкій поставилъ. Козаки зложили оружіе; однакъ ледви що-ино начали въ безпорядку розходитись, якъ на разъ кинулись на нихъ Поляки, и однихъ перестрѣляли, другихъ порубали, а Гетмана Павлюка и Старшинъ зловили, заковали въ тяжкіи кайданы и отправили до Варшавы. Тутъ то на Соймѣ Варшавскомъ обнаружилась у Поляковъ крайняя ненависть, якою они дышали къ козацтву. Павлюкови засуджено вложити на голову розпеченую желѣзную корону, и въ руки дати розпечену желѣзную палицю. Русскій дворянинъ Адамъ Кисель, що держался вправдѣ своей вѣрности вѣрно служилъ Польци, а который пѣзднѣйше игралъ важную ролю въ войнахъ козацкихъ, вступался въ Варшавѣ горячо за старшинами козацкими; однакъ на дармо. Ажь на слово самого короля змѣнено имъ кару на стѣлько, що ѳттятъ имъ головы и постромлювано тѣм на кѣлы, а потомъ для постраху розвожен ихъ мертвыи тѣла по селахъ Украины.

Сумная доля Руси.

Гетманъ Остряница.

По несчастливой битвѣ подъ Кумейми и по казни Павлюка въ Варшавѣ стала черная година для Руси, а въ обенности для Украины. Соймъ польскій постановилъ разъ на всегда зломыслию козацку, и въ той цѣли выдалъ противъ козакѣвъ такую грамоту, которою уничтожено всѣ дотеперѣшныя права и свободы козацтва, даже козацтва реестрового, а зрѣвно ихъ цѣловито съ хлопами. Реестровыхъ обмежено до 6000 мужа и ѳтдано ихъ уже не ѳдѣ начальство окремого Гетмана, но назначено для нихъ изъ-помежи шляхы соймowego комисаря, который аль постоянно пребывати въ Трехтипрѣвъ на Украинѣ. Козакѣвъ розложено оло Черкасъ, Канева и Корсуня, а въ другихъ округахъ запрещено козацтву жити. Одинъ полкъ козацкій поставленъ былъ надъ порогами Днѣпра, и тому получено было перехватывати и карати мертю всякого, кто бы заганялся къ черному морю. Здавалось Полякамъ, що ою грамотою они совершенно знищили эту козацкую. А оно таки не такъ было! На часъ лишъ придавлено народъ, въ второмъ разѣ возбужденое чувство мщени не далось уже нѣякими мѣрами урко-

тити, а тѣмъ меньше до кореня знати. За той часъ розъигралась пача самоволя, подсыщенная ненавистію всего русскаго, и выливалась весь своѣй на русскій народъ. Настала для Украйны черная година: размѣстились польскіе рядники и войска по всѣхъ округамъ русскихъ земель; повсюду стояли палики и шибеницѣ съ замучеными жертвами, а на нихъ торчали и конали вѣшалки, а на нихъ торчали и конали вѣшалки тѣла несчастныхъ. Изъ всѣхъ сторонъ доносился разногласный зойкъ и вой, катованыхъ за то, что держали верность своимъ братьямъ козакамъ.

Въ той печальной годинѣ рознеслось нагло вѣсть, что изъ Запорожья идетъ войско. Тамъ бо въ самомъ дѣлѣ собралось новое войско по дѣлу Гетмана Стефана Остряницы. Остряница выслалъ по всѣмъ русскимъ землямъ универсалъ, а представивши ему всю несчастную исторію Руси, просилъ всѣхъ, кто до оружія способенъ, чтобы спѣшили до Переяславля и

Въ мѣсяцѣ маю р. 1638 розпочаль
яниця свое дѣло тѣмъ, що розбѣслалъ
инокии полки по бѣльшихъ городахъ
оняти польскіи залогы. До кѣлькохъ
мѣль очищено береги Днѣпра, розбито
рогвано польское жолдацтво. Одна-
къ на Украинѣ стояла еще цѣлая ар-
мійська съ Потоцкимъ; тую отже о-
чало побороти. Потоцкій стоялъ въ
ловомъ устороню надъ рѣкою Стари-
и тутъ розложилъ свѣй таборъ. О-
яниця рѣшилъ ударити на тую го-
тую силу Полякѣвъ и не зводѣкаючи
вы, пустился съ братією козацкою
къ Старицю. Въ мѣсяцѣ Іюнію ударилъ
на польское войско. Козацтво, гна-
пекельною жаждою мести, якъ бѣ-
нныи кинулись на вражій таборъ. Кру-
къ окопѣвъ устедился высокій валъ
трупѣвъ козацкихъ и польскихъ, но
мѣльчивость людей, которыи уже ни-
къ не мали до страченья, хибѣ житѣе,
агались съ каждымъ напоромъ. Въ
мѣць вдерлись козаки по томъ помостѣ
людскихъ тѣлъ въ середину табора
къ отчаянной борѣбѣ на саблѣ и ножи
или польское войско совершенно. По-
кій спѣся съ малымъ числомъ кѣн-
ѣвъ и ѣтступилъ въ мѣсточко Полон-
ѣ (на Волиню.) Козакамъ достался въ
къ оставленный польскій таборъ со
къ оружіемъ и запасами прокормле-
По тѣй славнѣй побѣдѣ надъ Стари-

цею погнался Острияница доганяти тоцкого, и въ Полонномъ окружилъ своими полками на-около. Для Потоцка настала сумная хвиля: продертись не до силы, на помочь зъ Польщи такъ скоро не было надѣи; осталось хйба погибѣть козацкихъ саблей. Въ томъ отчаяномъ положенью выслалъ Потоцкій и вославныхъ священникѡвъ, якии въ Полонномъ находились, съ процесією Гетмана, щобы умилосердился надъ тоцкимъ и заключилъ сънимъ миръ. зацтво все противне всякимъ перемьямъ; имъ хотѣлось истребляти Поляки до послѣднаго, но Гетманъ и нѣкотори други старшины тронулись просьбами мольбами русскаго посольства и согласились на миръ, въ которомъ Потоцкій присягъ клятвою всѣ условія, якии коки поставили.

Освобождено Потоцкаго, — такъ козаки зачали розходитись, а Гетманъ Острияница поверталъ на Украинну. И бачный! Онъ повѣрилъ клятвѣ Потоцкаго и векорѣ испыталъ самъ на собѣ, а той панъ умѣе клятву держати. Вертъ Острияница съ своими полковниками саулами и хорунжими домѡвъ, та въ пивъ по дорозѣ до К а н с в а, помолитъ Богу за военный успѣхъ. Межи тѣмъ доспѣли Потоцкому зъ Польщи свѣ силы; Езуиты дали Потоцкому разрѣшеніе ѡтъ клятвы, якую онъ шизматика

ожилъ, и тогда погнался Потоцкій съ истою совѣстію“ за Гетманомъ. Въ но-, коли Острияница и его полковники думаячи о ніякѣй зрадѣ, отбывали члѣгъ спокойно въ Каневскѣмъ монастырѣ, окружити несподѣвано толпы вой- а Потоцкого монастырь и безъ труда ймали Острияницу и 37 его товаришей, такой ночью повели ихъ на мо- вахъ до Варшавы. Вотъ така дѣ- алась заплата Острияницѣ за его вели- душе и ласку, оказанную пану Потоц- му. — Въ Варшавѣ таки безъ суду вы- ечено всѣхъ козацкихъ старшинъ на знь. А была то уже казнь такъ страш- , о якѣй еще не чувано въ свѣтѣ, такъ рверска, що трудно повѣрити, щобы родъ христіанскій мѣгъ коли допуска- сь такъ звѣрской лютости. Не будемъ исовати пространно всѣхъ мукъ, які анесли козацкіи Старшины; скажемъ шь коротко, що Острияницу и трехъ полковникѣвъ колесовано, переломлено мъ руки и ноги и тягнуно зъ нихъ жи- и, поки они не ѳдали Богу духа. Дру- ихъ пѣднато желѣзными спицами жив- емъ на палѣ, инныхъ обливано смолою спалено повольнымъ огнемъ, инныхъ ада еще и рубано на куснѣ.

„Жены и дѣти тыхъ страдальцѣвъ, вишедшіи съ Украины, якъ говоритъ топись, „щобы молити панѣвъ о мило- діе и пощаду для своихъ отцѣвъ и му-

жей, увидѣвши первыи казни, наполни площадь страшнымъ крикомъ и рыданьемъ, однакожь и они скоро замолкли. Намъ польскіи каты обрѣзали груди, отрубали всѣмъ головы, а грудными мечами били конающихся людей по лицу. Дѣтей, бродившихъ около окровавленныхъ матерей, спалили на желѣзныхъ решеткахъ: квиленье немовлятъ, зойкъ и стоны невинныхъ дѣтей козачихъ раздирали воздухъ и неслись до небесъ, о мести и піючи...“

Позбавлены своихъ начальниковъ разбѣжались козаки якъ овцы безъ пастыря. Поляки же прійшли до перекопаны, що дабы на будущность не допустить бунтовъ, то треба братися до самыхъ строгихъ мѣръ; тожь зачались кары страшныи, неописаніи згнущеніяся и жестокости. Современная лѣтопись замѣчае, що и мыки Фараоновы не значать ничего супротивъ того польского тиранства. Тысячи сжилилъ народъ голову свою и высылался на терпѣливость; кто смѣлѣйшій и скался на Запорожьѣ, но и тамъ досяга рука польска, бо у пороговъ Днѣпровыхъ станула на ново Кодацкая крѣпость. Вчинати новое повстанье трудно было; истребовыхъ козакѣвъ замѣнено въ ханство; они робили панщину и платили датокъ, а надъ ихъ маетками и житьемъ мали власть урядники польскіи и воеводы; старшина польская, которая коштомъ и

огатилась и разпустивалась. Дойшло до того, що никто не зналъ, кому належить съ тѣмъ его бѣдный кусень землѣ, но авѣтъ жена и дѣти. Такое печальное состояніе тревало цѣлыхъ 10 лѣтъ. — Ставалось, що вся Русь занѣмѣла: но де-тамъ! Тыхъ 10 лѣтъ доводили тѣмъ народъ весь до крайного отчаянія. По политыхъ отцахъ и матеряхъ остались дѣти, которыи плекали въ души ненависть до народныхъ гонителей, ненависть котора заглушила всякій страхъ передъ муками и смертію. За десять лѣтъ собирается и подносится весь народъ цѣлои Руси подъ начальствомъ духа-мстителя Богдана Хмельницкого, и зачинае нову велику и славную борьбу на житье и смерть; стае ограбленный на всѣхъ чувствахъ русскій великанъ лицомъ къ лицу своевольного безсердечного гонителя своего и разчисляется съ нимъ горькимъ кровавымъ розсчетомъ.

Великая Русь.

Отъ 1598 1645.

По смерти царя Θεодора, послѣднѣго изъ роду Рюрика, настало для Вел. Руси такъ званое „смутное время“, которое тревало цѣлыхъ 15 лѣтъ. Еще за житья царя Θεодора управлялъ державою Борисъ Годуновъ, человекъ знаменитый, за-

служеный своими трудами около двести летъ въ Руси; бѣда лишь, що онъ дался увлечь властелюбою, и въ жаждѣ, чтобы посѣсть царскій престолъ, онъ допустился страсно-го дѣла: убилъ малолѣтнего царевича Димитрія. — Теперь, коли не стало царя Феодора, выбрали бояре, мѣщане и духовенство на царскій престолъ самаго Бориса Годунова; вѣдь бо, какъ думали не было въ державѣ умнѣйшаго человѣка. Годуновъ достигъ своей цѣли и вѣнчался царскимъ вѣнцемъ и управленіемъ первыхъ два роки умно, милостиво и справедливо. Онъ уменьшилъ подать и убогому народу и не далъ тому же бити кривды, поѣдосилъ земледѣльство и торговлю и старался со всеми державами сохранять пріязныя сношенія, а бы всю дѣятельность посвятити внутреннему благосостоянію велико-русской державы. Однако не долго тревало тое до и той общій миръ. Въ причины поповскаго беззаконія не давала совѣсть такую Годунову. Вскорѣ овладѣла нимъ какая-то непреодолимая тревога: онъ чувствовалъ себе незаконнымъ владѣтелемъ, а при томъ выдавалось ему, що весь миръ за такого его держитъ. Онъ началъ довѣрять боярамъ и всему окруженію выступилъ противъ нихъ съ мѣрами вана Грозного. Сверхъ того началъ и простой народъ притѣсняти и оставилъ такъ званую „барщину“ или „бѣ-

ану“, т. е. властиво зъ польска такъ званную панщину. Очевидно такое поведеніе роздражило зъ одной стороны дворянъ, зъ другой и селянъ, а тіи подняли въ многихъ областяхъ Вел. Руси разбойничіи бунты.

Но не было то еще найгôrьшее лихо. Дальше послѣдовало еще и тое: Въ р. 1591 монахъ Чудового монастыря въ Москвѣ, Григорій Отрепьевъ, просто названъ Грицько, знающій всѣ отношенія царскаго двора; и видящій нерасположеніе народа къ Борису Годуну, задумалъ кровавую, дѣвольскую штуку— задумалъ здѣлаться царемъ Руси. Въ ономъ намѣреніи перебрался онъ въ мірскаго челоуѣка и убѣгъ въ Польшу во дворъ польскаго князя Вишневецкаго. Тутъ притворился онъ, будто-бы былъ Московскій Царевичъ Димитрій и продалъ польскихъ панѠвъ, щобы они допознали ему добыти похищенный Ѡтъ него престоль. Езуиты узнавши о немъ, узнали его справедливымъ Царевичемъ Димитріемъ и представили его королеви. Король оставалъ тогда съ Вел. Русію въ перестрѣлкѣ, и по той причинѣ не мѠгъ противъ ней отверто выступити, а позволилъ только своимъ магнатамъ помогати тому самозванцу. Паны Вишневецкій, Ружинскій, Сапѣги и другіи добачили въ ономъ свою корысть, отже и взяли Гриць-

ка Отрепьева въ опѣку. Грицько обѣдъ по́дъ клятвою, що якъ тóлько Поляки помогутъ ему засѣсти въ Москвѣ на царскомъ престолѣ, бнѣ яко Царь оженись съ Мариною, донькою Юрія Мнишка, воеводы Сандомірскаго. Тогда вели польскіи паны собирати особное ту цѣль войско, а коли до нихъ причилась еще и часть козако́въ, то съ ватагою двинулись добывати для Самозванца Московскій престолъ. Въ р. 1605 переступилъ Самозванецъ рѣку Днѣпръ — города одинъ за другимъ здавалъ ему, а тóлько Новгородъ Сѣверскій, былъ воеводою хоробрый Васмановъ хотѣлъ по́ддатись. Вел.-русскіи войска собралъ Годуновъ противъ Самозванца, потыкались часто съ польскими и разъ перемагали ихъ; однакъ въ одне день рознеслась печальная вѣсть, царь Борисъ Годуновъ умеръ на смертію. Сей случай надалъ цѣлою сѣвѣ новый оборотъ. Народъ велико-русскій присягъ сынови Годунова, Феодору Той отдалъ начальство надъ войсками Васманову, а Васмановъ, видячи, что все войско не мае великой охоты воювати противъ Самозванца, перейшолъ на сторону того же. Послѣ того предатель Васмановъ ступалъ уже Грицько сподручно до Москвы. Приверженники Самозванца скинули зъ престола невинного и доброго Феодора, та и убили его вразѣ

го матерію, вдовою по Годуновѣ. Владѣіе Димитрія Самозванца тревало лишь 1 мѣсяцей, а паденіе свое самъ онъ со-бѣ приготовилъ. Ледви бо онъ засѣлъ на царскомъ престолѣ, якъ въ сей-часъ пре-ался великой розпустѣ, оскорблялъ ста-о-русскіи обычаи, грабилъ монастырѣ и уховенство. Вскорѣ пріѣхала до Москвы Марира Мнишковна съ отцемъ, а съ-ими множество узброеного люда и пля-ты зъ Польщи. Къ великому удивленію всѣхъ православныхъ оженился Самозва-нецъ съ католичкою тою Мариною и ко-роновалъ ю яко Царицю. Шляхта поль-ская, полна гордости и буйства, пьян-твующи гуляла тогда по улицамъ Мо-сквы и насмѣвалась зъ бородатыхъ Мо-шквичей. Народъ недоволенный такими-ростями, сталъ волноватись чѣмъ разъ-болѣше и далѣй уже и не мѡгъ стерпѣти-той сваволѣ Самозванца и польской шлях-ты. Тогда князь Василій Шуйскій, который въ р. 1591 тамъ своими очима-видѣлъ убитого царевича Димитрія, на-сталъ роспространяти вѣсть, що теперѣш-ній Царь то не Царь, а Самозванецъ-Иже Димитрій. Вѣсгъ тая скоро росходи-лась и находила въ народѣ вѣру. Въ де-сятый день по свадьбѣ Самозванца съ-Мариною узброенная толпа народа пѡдъ-проводомъ Шуйского впала въ царскій-ворецъ, перевязала царкихъ тѣлохрани-телей и добралась въ комнаты самого

ка Отрепьева въ опѣку. Грицько обѣщавъ по́дъ клятвою, що якъ тóлько Поляки помогутъ ему засѣсти въ Москвѣ на царскомъ престолѣ, óнъ яко Царь оженился съ Мариною, донькою Юрія Мнишка, воеводы Сандомірскаго. Тогда дали польскіи паны собирать особное войско, а коли до нихъ причилась еще и часть козаковъ, то съ ватагою двинулись добывать для Самозванца Московскій престолъ. Въ р. 1610 переступилъ Самозванецъ рѣку Днѣпръ — города одинъ за другимъ здавалъ ему, а тóлько Новгородъ Сѣверскій, былъ воеводою хоробрый Басмановъ, хотѣлъ по́ддаться. Вел.-русскіи войска собралъ Годуновъ противъ Самозванца, потыкались часто съ польскими и разъ перемагали ихъ; однакъ въ одинъ день рознеслась печаянная вѣсть, царь Борисъ Годуновъ умеръ на смертію. Сей случай надалъ цѣлою сдѣлалъ новый оборотъ. Народъ велико-русскій присягъ сынови Годунова, Феодору Той отдалъ начальство надъ войсками Басманову, а Басмановъ, видячи, что все войско не мае великой охоты воювати противъ Самозванца, перейшолъ на сторону того же. Послѣ того предатель Басмановъ ступалъ уже Грицько сподобно до Москвы. Приверженники Самозванца скинули зъ престола невинного и бробога Феодора, та и убили его вразѣ

го матерію, вдовою по Годуновѣ. Владѣ-
іе Димитрія Самозванца тревало лишь
1 мѣсяцей, а паденіе свое самъ онъ со-
бѣ приготовилъ. Ледви бо онъ засѣлъ на
царскомъ престолѣ, якъ въ сей-часъ пре-
дался великой розпустѣ, оскорблялъ ста-
ро-русскіи обычаи, грабилъ монастырѣ и
ухоуенство. Вскорѣ пріѣхала до Москвы
и Марира Мнишковна съ отцемъ, а съ
ними множество узброенного люда и шля-
хы зъ Польци. Къ великому удивленію
и смѣху православныхъ оженился Самозва-
нецъ съ католичкою тою Мариною и ко-
роновалъ ю яко Царицю. Шляхта поль-
ская, полна гордости и буйства, пьян-
ствующи гуляла тогда по улицамъ Мо-
сквы и насмѣвалась зъ бородатыхъ Мо-
свичей. Народъ недоволенный такими
гостями, сталъ волноватись чѣмъ разъ
болѣе и далѣй уже и не мѡгъ стерпѣти
той сваволѣ Самозванца и польской шлях-
ты. Тогда князь Василій Шуйскій,
который въ р. 1591 тамъ своими очима
видѣлъ убитого царевича Димитрія, на-
чалъ распространяти вѣсть, що теперѣш-
ній Царь то не Царь, а Самозванецъ
Лже-Димитрій. Вѣсгъ тая скоро расходи-
лась и находила въ народѣ вѣру. Въ де-
вятый день по свадьбѣ Самозванца съ
Марирою узброенная толпа народа подъ
проводомъ Шуйского впала въ царскій
дворецъ, перевязала царкихъ тѣлохрани-
гелей и добралась въ комнаты самого

Самозванца. Той выскочилъ ѳкономъ на подвѣрье, но тутъ хватили его Москвичи и убили. Тѣло его спалено на крестѣ, а попеломъ его набито армату и выстрѣлено въ тую сторону, ѳткуда ѳнъ пришолъ.

Царемъ оголошено Василія Шуйскаго. Но и той не удержался спокойно на царскомъ престолѣ: давныи бо приверженцы Самозванца почали новыи бунты и нашли собѣ другого Самозванца, который зновъ подъ именемъ Царя Димитрія принялся ловити рыбу въ мутной водѣ. Самозванецъ той, якъ кажутъ, (похожій на польскаго жида), найшолъ зновъ помочь у польской шляхты, и съ тыми панями и съ гореткою войска ихъ и козацтва ступалъ подъ Москву и остановился въ селѣ Тушинѣ, двѣ милѣ ѳтъ Москвы. Тутъ приѣхала и Марина, вдова по первомъ Самозванци и позабивши о стыдѣ и о страхѣ Божомъ, признала того бродягу своему мужемъ, та и для успокоенья своей совѣсти тайно съ нимъ обвѣнчалася. Народъ, отуманеный и ошуканный, лестию, порехидилъ толпами на сторону Самозванца, который не переступилъ еще воротъ Москвы, но за то всю область держалъ въ своей руцѣ. Одна Троицко-Сергіева Лавра подъ Москвою не хотѣла ему здатися и боронилась передъ его нападами 16 мѣсяцей.

Изъ того смутнаго времени, яке нагало для Вел. Руси, задумалъ теперь орыстати самъ король польскій Жигмонтъ. Онъ то собравши много войска, ступилъ въ предѣлы Вел. Руси и осадилъ сильную крѣпость Смоленскъ. Поляки, вспомагающіи Самозванца, скоро только узнали о томъ, перебѣгли чѣмъ скорше до своего короля, а Самозванецъ, опущенный народомъ, и названный презрительно „Тушинскимъ воромъ (злодѣемъ)“ мусѣлъ утѣкати до Калуги. Колька мѣсяцей стоялъ Жигмонтъ подъ Смоленскомъ, но крѣпость держалась твердо и мужественно. Ажь коли Царь Василій выслалъ собранное войско, щобы тое очистило окрестности Москвы, тогда двинулся Жигмонтъ противъ сего войска и побилъ оное подъ Кляшиномъ. Незадоволенье противъ Шуйского въ Москвѣ возрастало съ каждымъ немъ. Собралась народная Дума (Рада); она отсудила Шуйского отъ престола и едѣла постригчи его насиліемъ въ монахи. Теперь настала тяжкая година для Вел. Руси. Зъ одной стороны былъ ту еде въ Калузѣ Самозванецъ, зъ другой соялъ въ предѣлахъ Вел. Руси Жигмонтъ въ своимъ Гетманомъ Жолкевскимъ, а въ Москвѣ настало безцарствіе. Въ томъ клотномъ положеніи одни совѣтовали извратити Царя изъ роду послѣднихъ Царей, зъ дому Рюриковаго, но другая часть дворянъ и бояръ домагалась, щобы для

певнѣйшого мира предложити царскую корону сынови Жигмонта, Владислава. Таѣ часть перемогла, и въ-сейчасъ послано до Жигмонта Митрополита Филарета Романова и князя Василія Голицина, а тымъ часомъ вступилъ Жолкевскій, съ войскомъ до Москвы и началъ уже распорядитись въ имени Владислава.

Въ той самъ часъ Самозванцу въ Калузѣ що-разъ лихше поводилось. Поляки его покинули, козакѣ отступили тѣкожъ, а остали при немъ еще ино шайки бродягъ, межи которыми ему и конецъ прійшолъ. Одного бо дня посварился онъ съ якимемъ князькомъ татарскимъ, который и зарѣзалъ его ножемъ. Такъ освободилась Великая Русь отъ одного врага.

Межи тѣмъ станули велико-русскіи послы передъ Жигмонтомъ съ прошеніемъ, щобы онъ покончилъ съ войною, а выслалъ бы сына своего Владислава на Царя въ Москву. Но якже удивились послы тѣи, коли вмѣсто радостного принятія, они увидѣли гнѣвъ и недовольствіе короля. Жигмонтъ бо не только что не хотѣлъ уступати зѣ-пѣдъ Смоленска, но и не соглашался также на выборъ сына своего на Царя; ба еще и приказалъ послѣвъ русскихъ яко вязнѣвъ отпратить въ Варшаву. Ажъ темеръ прозрѣлъ народъ Московскій и позналъ, якии

то хитрыи были намѣренія польскаго короля, якъ то онъ самъ радъ былъ стати Царемъ Вел. Руси, та еще и накинута ей католическую вѣру. На вѣсть тую взволновался народъ по всей Вел. Руси. Жолтевскій поѣхалъ до Смоленска, щобы оброзумити короля, и повезъ съ собою несчастнаго Царя Василя, который потомъ таки и умеръ въ неволи въ Варшавѣ. За той часъ цѣлая Москва повстала противъ Полякѡвъ. Тогда поляки, видячи тое возмущеніе народа, запалили Москву и стали грабити людей, кидались на храмы и расхищали царскіи сокровища. Середъ страшнаго огня, якій обнялъ Москву изъ всѣхъ сторонъ, происходила ужасная рѣзня. За два дни выгорѣла цѣлая Москва, осталъ тѣлько царскій замокъ Кремль, а въ немъ затворились теперь Поляки передъ местию Москвитянъ.

Ажь въ той то порѣ прійшолъ народъ велико-русскій до опамятанья. На видѣтьхъ безчисленныхъ бѣдствій, растерзавшихъ русскую землю и приведшихъ ю до великаго розладу, повстають города, одинъ за другимъ, вооружаются и соединяются во-едно, щобы спасти zagrożенную отчину. Въ Нижнемъ Новгородѣ найшолся одинъ богобоязный, честный мужъ, человекъ здороваго розума и твердой волѣ, именовъ Кузьма Мининъ. Той созвалъ до себе людей и промовилъ до нихъ, до сердца: „Гей, братья! прій-

певнѣйшого мира предложити царскую корону сынови Жигмонта, Владиславу. Тая часть перемогла, и въ-сейчасъ выслано до Жигмонта Митрополита Филарета Романова и князя Василя Голлицина, а тымъ часомъ вступилъ Жолкевскій, съ войскомъ до Москвы и началъ уже распорядитись въ имени Владислава.

Въ той самъ часъ Самозванцу въ Калузѣ що-разъ лихше поводилось. Поляки его покинули, козаки отступили такожь, а остави при немъ еще ино шайки бродягъ, межи которыми ему и конецъ прійшоль. Одного бо дня посварился онъ съ якимъ князькомъ татарскимъ, который и зарѣзалъ его ножемъ. Такъ освободилась Великая Русь отъ одного врага.

Межи тѣмъ станули велико-русскіи послы передъ Жигмонтомъ съ прошеніемъ, щобы онъ покончилъ съ войною, а выслалъ бы сына своего Владислава на Царя въ Москву. Но якже удивились послы тѣи, коли вмѣсто радостного принятія, они увидѣли гнѣвъ и недовольствіе короля. Жигмонтъ бо не только что не хотѣлъ уступати зѣ-пѣдъ Смоленска, но и не соглашался также на выборъ сына своего на Царя; ба еще и приказалъ послѣвъ русскихъ яко вязнѣвъ отправить въ Варшаву. Ажь теерь прозрѣлъ народъ Московскій и позналъ, якии

то хитрыи были намѣренія польскаго короля, якъ то онъ самъ радъ былъ стати Царемъ Вел. Руси, та еще и накинута ей католическую вѣру. На вѣсть тую взволновался народъ по всей Вел. Руси. Жолтевскій поѣхалъ до Смоленска, щобы обрѣзумити короля, и повезъ съ собою нечастнаго Царя Василія, который потомъ таки и умеръ въ неволи въ Варшавѣ. За той часъ цѣлая Москва повстала противъ Полякѣвъ. Тогда поляки, видячи тое возмущеніе народа, запалили Москву и стали грабити людей, кидались на храмы и расхищали царскіи сокровища. Середъ страшнаго огня, якій обнялъ Москву изъ всѣхъ сторонъ, происходила ужасная рѣзня. За два дни выгорѣла цѣлая Москва, осталъ только царскій замокъ Кремль, а въ немъ затворились теперь Поляки передъ местію Москвитянъ.

Ажъ въ той то порѣ прійшолъ народъ велико-русскій до опамятанья. На видъ тѣхъ безчисленныхъ бѣдствій, растерзавшихъ русскую землю и приведшихъ ю до великаго розладу, повстають города, одинъ за другимъ, вооружаются и соединяются во-едно, щобы спасти zagrożенную отчину. Въ Нижнемъ Новгородѣ найшолся одинъ богобоязный, честный мужъ, человекъ здороваго розума и твердой волѣ, именовъ Кузьма Мининъ. Той созвалъ до себе людей и промовилъ до нихъ, до сердца: „Гей, братья! прій-

шла на насъ пора обороняти правосла-
ную вѣру и мать нашу Русь святу
Вооружѣмся, наймѣмъ воинѡвъ, продамъ
свои дома и свои маетки, — а отобѣ
и выкупимъ изъ бѣды рѡдную мать
нашу Русь!“ На той поеликъ горнузъ
весь народъ и приносилъ жертвы, и
кто мѡгъ, щобы устрои ти великое войско.
Въ-коротцѣ двинулась великанская ру-
сская сила пѡдъ проводомъ Минина
отличнаго воина начальника князя Пожа-
рскаго, и поступала къ Москвѣ. По-
роткой борьбѣ Поляки, осадившіеся
Кремль, были побиты, а лишь немно-
зъ нихъ спаслися бѣгствомъ. Житковъ
спѣшилъ своимъ на помочь, но было уже
за пѡздно; онъ самъ не успѣвши ничто
принужденъ былъ якъ непышный
вертати въ свою Польшу.

Такъ спасена была велико-русская
держава двома выборными людьми
Мининомъ и Пожарскимъ, и закончилось
„смутное время“, которое долги лѣта
редь различныхъ внутреннихъ мяте-
жъ и борьбъ Самозванцевъ угрожало Вел.
Руси великимъ разстройствомъ. Тогда
собрался въ Москвѣ народъ зъ цѣлю
Вел. Руси, избралъ выборную Думу (Ду-
ду), котора, поблагодаривши Всевини-
му молитвами и постомъ, що Онъ
сильною рукою охоронилъ русскую дер-
зю отъ гибели, приступила до выбо-
ра новаго Царя. Безъ всякихъ непорозумѣ-



Избраніе Царемъ князя Михаила Романова.

всѣ единодушно избрали Царемъ моего князя Михаила Романова, в Царицы Анастасіи, первой жены И Грозного, который вѣнчался царс вѣнцемъ въ р. 1613.

Задача нового Царя Михаила не ла тутъ легка: онъ засталъ царствъ совершенномъ розстроеныю, земля розорена, города попалены, державна бона пуста, всюда безладъ. Однак зразило то юного Царя, онъ бо з что нужно буде подняти премного т и много еще перестрадати, пока з водворится въ державѣ миръ и поряд поки поднесетъ Русь до нового бла стоянія. Тожъ въ сей-часъ принялся за работу. Избравши собѣ въ цар Думу самыхъ розумныхъ, честныхъ благонамѣренныхъ людей (межи т предо-всѣмъ Пожарского и Минина), съ ихъ помочію началъ дѣло упор ванья державы. Вскорѣ розбиты был решты шайки розбшакѣвъ, якии ещ часѣвъ Самозванцины волочились краю и грабили; вскорѣ же уладжен со Шведами, которыи въ той часъ в дебно выступили противъ Руси. Оста еще непокончена справа съ Польщевъ которою и прійшло зновъ до велик долгой вѣины. Поляки бо не страти ще надѣи здобыти для своего короле Владислава престоль Московскій, а себе новыхъ пожиткѣвъ въ простѣ

ыхъ пребогатыхъ земляхъ Великой Руси. Въ той цѣли выправилъ зновъ король Сигмонтъ войско съ королевичемъ Владиславомъ и гетманомъ Ходкевичемъ на ел. Русь. Велико-руссы громадно горнулись до молоденького своего Царя, и въ душевленіи кинулись ѳтперти и прогнати врага. Владиславъ найшолся въ приромъ положенью: половина войска его гстушила, бо не было чѣмъ того войска питати и такъ приходилось уже туй-туй самому Владиславу погибати въ чужой земли. Но въ томъ отчаянномъ положенью подалъ ему ратунокъ Гетманъ Запорожскій Сагайдачный. Въ 20.000 своего козацтва двигнулся Сагайдачный на выручку Владиславу. Съ козаками ступалъ уже Владиславъ смѣло на Москву; но и теперь ѳнъ перечислился, бо добыти Москвы, обороняемой собравшимися огромными силами Великой Руси, теперь не было и гадки. Такъ и принужденъ былъ Владиславъ въ р. 1618 заключити съ Царемъ Михаиломъ перемиріе въ селѣ Деушинѣ на 14 лѣтъ. Въ томъ перемиріе зреченъ Владиславъ титулу Царя Вел. Руси и всякихъ претенскій на Московскій престоль, за що Царь Михаилъ уступилъ Польшѣ Смоленскъ и часть Сѣверской области. Вправдѣ условія той угоды не дуже были корыстны для Вел. Руси, однакъ ей росходилося о то, чтобы

не вести на разѣ ніякой вѣйнѣ, а вперед уладити внутренніи розстроєнныи дѣла.

По смерти Жигмонта зновъ началось вѣйна межи Вел. Русію и Польщею, и въ той спріяло счастье уже бѣльше оружію польского короля Владислава. Обоим сторонамъ росходилося наибѣльше о крѣпость Смоленскъ, которая оставалася в рукахъ Польци. Вѣйна окончилася въ р. 1634, въ которомъ то роцѣ обѣ стороны заключили съ собою такъ званый вѣчныи миръ на тыхъ условіяхъ, что Смоленскъ осталъ и надалѣше при Польци, а кромѣ того заплатилъ Царь корлеви 20.000 рублей, за що король на своей стороны призналъ Михаила и енаслѣдниковъ законными Царями Вел. Руси и обѣцалъ, що буде его вспомогагъ противъ всякихъ вороговъ Вел. Руси.

Отъ того часу наслаждалась великая русская держава внутреннимъ спокойствіемъ и поволи приходила до себе по сумномъ бурливомъ времени, та возматала до що-разъ бѣльшого могущества, силы славы. Царь Михаилъ Романовъ жилъ до р. 1645 и оставилъ по собѣ енаслѣдникомъ престола 16-лѣтнего сына Алексея Михайловича.

Гетманъ Богданъ Хмельницкій и великая его война съ Польщею.

1648—1654.

Черная рада Жмелъницкого.

Перейшло 10 тяжкихъ горестныхъ лѣтъ для Руси отъ возстанія Острияницѣ. С той часъ достигла самоволя польской шляхты и притѣсненіе русскаго народа высшей точки. Черемъна отношеній между шляхтою а народомъ мусѣ конечно наступити, бо уже такъ мѣра польской самоволь, якъ и терпѣливость народа перебралась. Дальше страдати, дальше поѣдаватись на сваволю безмилосердныхъ томителей не ставало силъ. Мусѣла послѣдовати розвязка, а розвязка кровавая и страшная. Тую то розвязку испѣшили самыи внутреннїи отношенїя польщи. Въ Польщи владѣлъ тогда король Владиславъ, мужъ розумный и деятельный, однакъ онъ сталъ королемъ слабой державы, въ которой король былъ уже безсильный, а буйныи вельможи шляхта взявши поѣды ноги хлопа, управяли самовластно, захвативши въ свои руки все права, все привилеи, цѣлую форму правленїя. Сумно было Владиславу потрѣтити на тое печальное состоянїе державы, на туо несчастную долю народа, на туо обезуздану самоволю шляхты. Онъ желалъ собѣ отъ души укротити якимъ

способомъ шляхту и въ той цѣли задумалъ по́днати войну съ Турками, бо шляхта гнобити свой народъ, думалъ себѣ король, то лучше нехай бѣ Турки. Перенятый такими мыслями, король Владиславъ выслалъ повѣреннаго своего князя Осолинскаго на Украину, чтобы примирити козаковъ и прихилити ихъ до той своей мысли.

Межи козаками (реестровыми) водилось тогда такое, що головнымъ начальникомъ стоялъ коронный польскій Геманъ Николай Потоцкій, а полковыми старшинами были самыя Поляки. Всего двоихъ людей русскихъ удержалось какимсь свѣтомъ при козацкихъ достоинствахъ, а были ними: полковникъ Иванъ Барабашъ и генеральный писарь Зивий-Богданъ Хмельницкій. Первый изъ нихъ, Барабашъ, человекъ нечестного характера, корыстолюбивый, цымышлялъ о своихъ выгодахъ, и тому важалъ наилучшимъ собѣ, служити шляхтѣ. Не того же рода человекомъ былъ Хмельницкій. Онъ, щиросердечный другъ народа, сердцемъ и душою прилепленный до него, больно ѳтчувствовалъ всю его горестную долю, былъ някогда увидѣниемъ на то избранъ, чтобы стануть представителемъ и грознымъ защитникомъ своего народа. Въ молодости своей отданъ былъ Богданъ на науку въ Кіевскую школу, а потомъ кончилъ свое об-

анье въ училищѣ Езуитовъ, где научился бесѣдовать и переписоваться на разныхъ языкахъ, а зъ отки и выйтъ яко человекъ ученый образованный. Юношескихъ лѣтахъ онъ выбрался на береги Запорожцевъ, набралъ тамъ много спрыту и отъ тогда былъ уже великой чести у козацтва. Съ Сагайнымъ бралъ онъ участь въ выправѣ Молдаву, и тутъ подъ Цецорою доися въ турецкую неволю, где и научился говорити по турецки и по татарски.

Позднѣйше онъ служилъ между ревовыми козаками и за свои подвиги и чинъ былъ достоинствомъ генераль-писаря. Еще въ школѣ езуитской поилъ онъ одно важное свойство, т. е., умѣлъ онъ хоронити въ скрытости и мысли, такъ що никто по немъ и судатись не мѡгъ, що въ его души кивъ. Съ тымъ свойствомъ зналъ онъ въ то время дѣлати два дѣла непостережно для другихъ. Онъ участвовалъ во всѣхъ возстаніяхъ козацкихъ, но притомъ яки не мали на него николи подозрѣнїи мести ихъ оминала всегда Хмельского. Тая его скрытость и ловкость шла потомъ и въ поговорку у народа, и прорый собѣ говорилъ и спѣвалъ: „Богъ въ хибѣ вѣдае-знае, що Хмельницкій гае-гадае.“

Такимъ былъ Богданъ Хмельницкій. Онъ служилъ Польщѣ съ ре-

естровыми козаками и уважалъ разсуднымъ пока-що молчати; однакъ въ душѣ его кипѣло-кипѣло неутомимою жаждою мести на видъ много-страдальческаго народа своего, душа его рвалась улегчити гóрькую долю того народа. Но не часъ еще было дѣлати; „еще часокъ, еще часокъ терпи, народе мѳй“, думалъ Богданъ — и дѣлалъ съ супокóйнымъ видомъ свое дѣло. Тыхъ двоихъ старшинъ, Барабаша и Хмельницкого и еще другихъ кóльвохъ довѣренныхъ козакóвъ запросилъ князь Осолинскій на нараду и переговаривалъ съ ними въ имени короля. „Король, говорилъ онъ, знае хорошо о всѣхъ вашихъ страданіяхъ и кривдахъ; онъ влѣсными очима и съ болемъ сердца смотрѣлъ на казни вашихъ Гетманóвъ въ Варшавѣ; онъ отъ души спріяе козацтву и всему народу русскому и радъ бы улегчити ему гóрькую долю, но онъ самъ его права черезъ самоволю буйной шляхты такъ стѣснены, що онъ тóлько сожалѣти може, що такія рѣчи дѣются въ ег королествѣ. Вы же носите збрую, маете саблѣ, такъ и зачѣмъ даете себе такъ гнобити? Вотъ теперъ поможѣтъ королеви въ задуманой нимъ вóйнѣ съ Турками, а черезъ то пригнутся роги шляхтѣ, та и вы отдохнете и наживетесь славы и волѣ...“ Такъ промовилъ Осолинскій до козакóвъ на радѣ, а въ доказъ, що король ихъ не зводитъ, но настоящую щирую

е думку, отдалъ онъ найстаршему вѣ-
мъ Барабашу королевскую грамоту. Въ
і грамотѣ призналъ король козакамъ
в давнѣйшіи ихъ права, убѣдительно
иско на 12.000 мужа, позволилъ имъ
правлится куда захочуть, чи на Чор-
е море, чи на Татарь; также позволилъ
ѣ выбирать собѣ Гетмана и Старшинъ,
за тое малп они въ сей-часъ иди въ
ходѣ на Турка. Тую грамоту, а съ нею
бузаву гетманскую вручилъ Осолинскій
рабашу съ тѣмъ, щобы весь шляхъ дер-
мса въ тайнѣ, поки не дастся знакъ
ѣ Варшавы.

Бесѣда Осолинского и грамота коро-
и подѣйствовали очаровательно на умы
вацкии, въ особенности же на Хмель-
ццого. Онъ, що зѣ давна посилъ въ
юей душѣ тайную вражду до шляхты,
тогъ таки въ сей-часъ порватись до дѣ-
а. Однакъ и теперъ еще завладѣлъ онъ
адъ собою и рѣшилса выжидати удобной
вилѣ — выжидати приазу отъ короля.

Межи тѣмъ вскорѣ сползали на ничѣмъ
ѣ благородными пляны короля. Шляхта
огадалася; въ чѣмъ дѣло, подняла стра-
енный крикъ, що король хоче уничто-
ити панѣвъ и обернути ихъ въ хлопѣвъ.
вклнано соймъ до Варшавы, где король
рипертый до стѣны, зѣобовязалса пока-
ути свои гадки о войнѣ.

Но дѣло не кончилось на томъ. Зер-
о, киненсе на Украинну, приязлось Ме-

жи народомъ разносились вѣсти о грамотѣ и о поскромленью шляхты. Коли Барабашъ, узрѣвши, що королевскіи замысли не повелися, ѳтдался знову цѣльнѣ на выслуги Польщѣ, тогда звернулись взоры козакѳвъ на Хмельницкого и всѣ гадѣли на него, якъ на великого вождя своего, покладаючи въ немъ всѣ надѣи на прибавленіе.

Самъ же Хмельницкій, смотрячи зорко за всѣмъ, що сталося въ Польщи и що дѣялось на Украинѣ, постановилъ въ мысляхъ зачати самъ грозныи дѣйствіи противъ Польщи. Хитростію задобытъ ѳнъ у Барабаша находящуюся королевскую грамоту, а щобы не возбуждати противъ себе ніякихъ подозрѣній, удалился ѳнъ въ свое село Суботовъ.

Въ той часъ приключилось одно событіе, которое стало наиблизшимъ толчкомъ до отвертого выступленья Хмельницкого, яко врага Польщи. А было се такъ: Недалеко Суботова въ Чигиринѣ жилъ шляхтичъ подстароста польскій павъ Чаплинскій, личный ворогъ Хмельницкого. Чаплинскому тому захотѣлось конечно загорнути для себе село Суботово. Тожь коли разъ въ р. 1647 Хмельницкого не было дома, напалъ Чаплинскій съ шайкою своихъ чурѳвъ на Суботово, пѳдпалилъ село, зруйновалъ всѣ будынки, побилъ 10-лѣтнего сына Хмельницкого такъ, що той на другій день померъ.

въ довершеніе своей злобы еще и поразилъ насиліемъ молодую жену Хмельницкаго та обвинчался съ нею по римскому браду.

Вернулъ Хмельницкій до дому, та засталъ тѣлько згарища по хуторѣ своемъ могилу сына своего и узналъ, що и жена ему похищена. Закраялось его сердце сжкою болѣзнію, разпукалось тое сердце, и такъ уже носило цѣлое пекло сажихъ местныхъ чувствъ. Запозвалъ Хмельницкій Чаплинского передъ судъ старосты въ Чигиринѣ, но не нашолъ справедливости; поѣхалъ затѣмъ ажъ до Варшавы, занести жалобу передъ соймъ. Но тутъ на соймѣ паны взяли сторону Чаплинского и еще обругали Хмельницкаго, до будыто ѡнъ, козакъ, за женою такъ гонимое-розбиваеся. Огорченъ до крайности Хмельницкій удался до короля и предложилъ ему уже не тѣлько свою кривду, но и все бѣдствія и страданія русскаго народа, просячи для себе и своего народа о отмѣренъе святой справедливости. Король, почувствующій, якъ всегда, пригнетенному народу, отвѣтилъ Хмельницкому: „Я вижу, що здѣлано тобѣ великую кривду: но не выиграешь ты sprawy передъ судомъ, и не остае тобѣ ничего, якъ тѣлько поставити силу противъ силы. Я знаю о всѣхъ притѣсненіяхъ твоего народа, но не въ силахъ я помочи вамъ. Пора бы вамъ згадати, що вы воины и при бо-



Чорная Рада Хмельницького.

У насъ сабля; кто вамъ запрѣщае по-
йти за себе? Я изъ моей стороны буду
вѣкъ всегда прихильный.“

Получивши такой отвѣтъ, попрощался
Хмельницкій съ королемъ и отправился
въ Украину. Справы онъ не выгралъ, но
ласкавымъ принятіемъ короля дозрѣ-
ла у него рѣшительная мысль: що прійшла
ра своими силами, силами русского на-
да глядати собѣ своей правды. Остала-
ему одна дорога: взятися чѣмъ-ско-
рѣйше до военного дѣла.

Якъ скоро Хмельницкій повернулъ на
Украину, приказалъ онъ своимъ наиболь-
ше довѣреннымъ козакамъ зойтися на
определенное мѣстце на „Черную раду.“
Черною радю называлась у козацтва
тайная рада, которая отбывалась тайно,
безъ Гетмана и безъ Старшинъ, а только
при участіи самого простого козацтва: —
въ назначенный часъ въ ночи, стояли въ
густой дубровѣ въ-округъ розложе-
наго огня выбраны козаки, а середь
нихъ отличалась ростомъ и повагою осо-
бенно Хмельницкого. На него смотрѣли всѣ
съ напряженою увагою, всѣ бо чувство-
вали, що услышать щось дуже важнаго.
Сначала заговорилъ Хмельницкій сильнымъ
и ровнымъ голосомъ: „Братья! Не ма уже
на насъ правды въ Польци; мене осмѣ-
ли, а вашу просьбу откинули съ пору-
шѣнемъ. До теперъ переживаемъ тяжкіи
одины; но настануть еще тяжкіи, бо

сенать польскій постановилъ выгуби
 все козацтво до послѣднаго накорѣв
 Тожь чи маемъ дальше терпѣти на
 рабство, чи дамося дальше ковати
 кайданы, чи дозволимъ погибати и всѣ
 братьянъ нашимъ на Украинѣ, Подѣл
 Возыню и Галичинѣ? По тыхъ слова
 всѣ козаки единодушно озвались: „Го
 намъ долше терпѣти! Пора взяти за
 блѣ.“ „Такъ и я думаю, сказала Хме
 ницкій: „пора зачати дѣло, бо уже не
 терпѣти намъ самоволѣ панской. Но
 сами не здѣлаемъ ничего противъ п
 силы, противъ ихъ пушокъ, а треба ог
 нутися за помочию. На Великой Руси
 перь ей не достанемъ, бо она сама ис
 щена недавними борьбами; не ма инш
 рады а мусимъ собѣ запросити Тата
 Правда, Татаре поганцѣ, а Поляки
 ра християнска; но за свое поступова
 съ нами шляхта ихъ заслужила поганс
 го бича. Така моя рада; той радѣ ч
 не противенъ и самъ король.“ — „До
 твоя рада, батьку,“ возголосили козак
 постановили единодушно на вѣйну п
 тивъ Польци призвати собѣ до пом
 Татаръ. Такъ радили они съ батько
 Хмельницкимъ надъ способами и при
 товленьями до вѣйны цѣлую тую нѣч
 надъ раномъ розбѣйшлася рада тайко
 такъ само, якъ была собралася.

Но уже при первомъ завязку т
 великого дѣла оно мало-що и не роз

ось. Найшолся межѣ козаками такой о-
динъ зрачникъ, который открылъ Поля-
амъ все, що было говорено и постанов-
лено на Чорной радѣ. Гетманъ Потоцкій
приказалъ въ сей-часъ увязнити Хмель-
ницкого. Такъ и ждала увязненного
Хмельницкого неминуема смертная казнь.
Но не допустилъ Богъ на него такой
казни. Полковникъ Кречковскій, которо-
му увязненный отданъ былъ подъ стражу,
въ давень спріялъ Хмельницкому; отже
на свою руку выпустилъ его въ ночи
въ вязницѣ. Спасенный такимъ спосо-
бомъ Хмельницкій досѣлъ коня и по-
налъ вихромъ въ безпечную Запорож-
скую Сѣчь.

Початокъ вѣины.

Взбѣды Хмельницкого у Жолтыхъ-водѣ и подѣ Кор-
сунемъ 1648 г.

Зимомъ р. 1647 стануль Хмельниц-
кій въ Сѣчи, но не засталъ тутъ бѣльше
къ 300 Запорожцѣвъ. Съ ними онъ пе-
еговорилъ отъ сердца, велѣлъ имъ пу-
тити по краю громкій покликъ „до важ-
ного дѣла“, а самъ съ сыномъ и кѣлько-
ма козаками отправился въ Крымъ до
ана Ислямъ-Гирея. Ханъ выслушалъ
Хмельницкого и згодился дати ему по-
мочъ противъ Польщи тѣмъ охотнѣйше,
до Поляки уже черезъ кѣлька лѣтъ не

платили ему гарачу 20.000 червонцевъ. Въ сей-часъ выдалъ Ханъ подвладному своему „мурзѣ“ (военачальнику) дикому Тугай-Бееви приказъ, чтобы той безпреволочно стануль помогати Хмельницкому. Такъ уладилось вступное дѣло. — Хмельницкій довольный верталъ на Запорожье.

Запорожцѣ тымчасомъ розпустная покликъ по всѣхъ окрестностяхъ Украины; повсюду розносились слухи, що на Запорожью приготавлиается численная дружина къ высвободженью русскаго народа изъ-подъ тягостной панской неволѣ. Слухи такіи розворушили весь народъ, и изъ всѣхъ сторонъ начали продирались тайкомъ толпы здѣбныхъ до оружія людей на Запорожье. Не помагали ніякіи заперещенія, ни наказанія изъ польской стороны, чтобы не допускати народа на Сѣчь; всѣ найстрожшіи мѣры, поднятыи противъ такихъ бѣглецѣвъ, не тѣлько были безуспѣшны, но еще бѣльше роздражняли народъ и побужали его тѣмъ численнѣйше переходити въ тую сторону, где заблысла нагло надѣя избавленія. Лютились паны безъ конца, коли видѣли, якъ поволи во всѣхъ закутахъ земель русскихъ добывается голосъ неудовольства — вѣстникъ народнаго возстанія, — но воздержати тое движеніе не были они въ силахъ.

Хмельницкій, коли вернулъ изъ Кры-
я, ажъ зачудовался, увидѣвши Запоро-
жье такъ оживлене, якимъ оно давно у-
же не было. Онъ увидѣлъ тутъ 15.000
народа козацкаго, выжидающаго тѣло
начальника своего, щобы услышати ѡтъ
него знакъ до походу. Якъ тѣло явил-
ся Хмельницкій на Сѣчи и расповѣлъ о
своемъ посольствѣ, всѣ воскликнули:
„Слава и честь Хмельницкому! Онъ не-
хай буде нашимъ Гетманомъ, а мы по-
демъ за нимъ на край свѣта, хотя-бы
прійшло и всѣмъ головы положити.“ Такъ
и оголошено Хмельницкаго торжественно
Гетманомъ цѣлой Украины и вру-
чено ему знамена гетманскіи: бунчукъ съ
золоченою головкою, позолоченую булаву
съ дорогими каменями и серебрянную
войсковую печать. — Хмельницкій при-
нялъ гетманство, и въ радости, що за-
мышленное нимъ великое дѣло такъ хо-
рошо иде въ передъ, вступилъ съ коза-
ками въ церковь святу, где отправлено
благодарственный молебень, а потомъ онъ,
яко новый Гетманъ, принялся устроюва-
ти козацкое войско.

Въ Цвѣтнѣ 1648 г. дѣйшла вѣсть до
пана гетмана Потоцкаго, що Хмельницкій
выступилъ уже изъ Сѣчи. Гордый панъ
принялъ сперва вѣсть тую яко маловаж-
ну, и сказалъ: „Соромъ посылати знач-
нѣйше войско противъ яко-нибудь ник-
чемной шайки хлопѣвъ,“ и выслалъ про-

тивъ Хмельницкого реестровыхъ ко-
кѣвъ съ начальникомъ Барабашемъ
байдакахъ по Днѣпрѣ, а другій отря-
2.000 польской шляхты на коняхъ шѣ



Богданъ Хмельницкій.

начальствомъ сына своего Стефана су-
по Днѣпровому берегу. Кромѣ того
дано еще панской кѣнницѣ для охор-
12 пушекъ и множество возѣвъ, нал-
ваныхъ всякими роскошными страв-

пышными военными приборами и одѣ-
нями. Такъ выладованымъ таборомъ вы-
правились паны съ реестровыми козака-
ми „карати“ Хмельницкого и збунтован-
ное хлопство. Бѣдняки! не знали они съ
якимъ противникомъ прійдется имъ по-
мѣряться. Они перецѣнили свою силу, а
не доцѣнили збунтованное, но отчаянное
хлопство!

Хмельницкій вырубилъ уже въ
самомъ дѣлѣ изъ Сѣчи и велъ за собою
8.000 самого хороброго рыцарства (решту
оставилъ на будущей часъ), а за нимъ
тагнулъ Тугай-Бей съ 4.000 мужа, и
они станули таборомъ надъ потокомъ
Жолтыи воды.

Черезъ своихъ развѣдчикѡвъ Хмель-
ницкій доставалъ найточнѣйшия вѣдомо-
сти о силахъ непріятельскихъ и о всѣхъ
ихъ движеніяхъ. Жаль было дуже идти
Хмельницкому съ оружіемъ на реестро-
выхъ козаковъ и ихъ — братьей русскихъ
побивати. Коли отже дознался онъ, що
козаки тѣи плывуть по Днѣпрѣ и уже
недалеко Жолтыхъ-водъ находятся, вы-
слалъ до нихъ кѡлькохъ Запорожцѣвъ на
переговоры, а въ-конецъ послѣшилъ и
самъ до нихъ и ветромивши на берегу
бѣлую хоругвь съ надписію „Миръ хри-
стіанству“, промовилъ: „Братья рыцарѣ!
Нехай буде вамъ вѣдомо, що мы взялись
за саблѣ не для славы, а идемъ на Поль-
щу за вѣру, за козацтво, за весь русскій

народъ. Всѣ народы боронятъ своей свободы; то якъ же? вы будете проливать кровь рѣдной брати вашей? Вы схочет



Походъ Хмельницкого съ Тугай-Беемъ.

оставати невѣльниками на своей землѣ. Чи не васъ то Поляки называютъ хлопками? Чи не они замучили нашихъ Гетманѣвъ и Старшинѣвъ за тое, що они пост

ти за права своей Украины? Таже одна
 ти Украина всѣхъ насъ породила; чижь
 дете помагати польской коронѣ, що за-
 татила вамъ неволею, чи скорше своей
 тери Украинѣ?“ На тїи слова ѳтклик-
 улись реестровцѣ: „Не дожіемъ того со-
 му, щобы мы стали помагати ворогамъ
 противъ братїи нашей!“ И въ той хвилѣ
 топили въ водахъ Днѣпра польскїи пра-
 оры и хоругви, а затѣмъ кинулись на
 гаршихъ Полякѳвъ, порубали ихъ и по-
 идали въ Днѣперъ. Тутъ то mezi дру-
 ими згинувъ такою смертію зъ рукъ ко-
 ацкихъ такожь Б а р а б а ш ь, приверже-
 ець Польщи. На другїй день рано пе-
 ейшли всѣ реестровыи полки съ полков-
 икомъ Кречковскимъ въ таборъ Запо-
 ожцѣвъ.

Тымчасомъ подступалъ уже и панъ
 отоцкїй съ своею кѳнницею и пушками
 ѳдѣ Жолтыи-воды. Увѣдавши о поступ-
 у реестровыхъ козакѳвъ, Поляки попали
 въ великїй страхъ. Потоцкїй выслалъ гон-
 ѣвъ до своего батька о помочь; но на-
 ормо. Хмельницкїй переловилъ всѣхъ
 нцѣвъ, отправилъ Татаръ окружити та-
 рь польскїй изъ всѣхъ сторонъ, а самъ
 5 Мая выѣхалъ на кони передъ сво-
 съ Запорожцѣвъ и закликалъ до нихъ
 омкимъ голосомъ: „Рыцарѣ - молодцѣ,
 авныи Запорожцѣ! Прїйшолъ часъ по-
 ояти грудїю за русскую Церковь, за
 русскую вѣру. Богъ вамъ допоможе!“

Стойте смѣло противъ гордой польск
 силы, бо и чоужь вамъ боятись? Та
 дай батьки наши били ихъ на голо
 а вы, сыны тѣхже могущихъ предѣ
 вашихъ! Покажѣть свое завзятыѣ, добу
 те славы и рыцарства вѣчнаго. Кто
 Бога, за того Богъ!“ По той жаркой
 мовѣ Хмельницкого кинулось одушевл
 ное козацтво на польскій таборъ съ
 ликимъ крикомъ, ворвалось въ саму се
 дину польскихъ войскъ и начало ст
 шенное опустошенье. Польское вой
 стояло въ первой хвили оцѣпенѣлое
 мертвой тишинѣ, а потомъ начало
 страху утѣкати. Но тутъ не пора бѣ
 до бѣгства. Изъ всѣхъ сторонъ налѣта
 то козаки, то Татары. Видячи свое без
 ходное положенье, Поляки стали отби
 тись въ отчаянью. Козаки отобрали
 лякамъ всѣ пушки и начали изъ не
 пальбу. Цѣлое польское войско нало т
 помъ, малое тѣлько число ихъ началъ
 ковъ попалось въ татарскую неволю.
 лодый Потоцкій, полумертвый, валя
 въ крови. Запорожцѣ подняли его и
 виваючи плахтами, приговорювали: „В
 ный пане Стефане! не попалъ небоже
 на Запороже, а поховаль свою шляхт
 на болотахъ въ плахту.“ Потоцкій ум
 на другій день отъ ранъ. Межитыми,
 дѣстались въ неволю, былъ Стефанъ Ч
 нецкій, пѣзднѣйше мучитель Руси
 Иванъ Выговскій, который зыск

вѣріе Хмельницкого и сталъ писаремъ
козацкомъ войску. Всѣхъ плѣнникѡвъ
ведено до города Чигирина, который
пдался козакамъ.

Такъ началъ Хмельницкій свою вѡй-
первою великою и славною побѣдою
дѣ Жолтыми-водами. Въ той битвѣ
нѣяко святилъ свое оружіе до даль-
хъ побѣдѣ. О битвѣ сей и побѣдѣ до-
валась до нынѣ згадка въ одной козац-
й пѣсни, где воспоминается межи про-
имъ: „Отъ Жолтыхъ-водъ до княжихъ
йракѡвъ зеленое поле зарябилось не
сенными цвѣтами, а панскими тѣлами...
сыпался хмѣль изъ мѣшка, надѣлалъ
ды панамъ Ляшенькамъ; напились они
мтой водицѣ, та видно, хмѣлю много
ло заправлено, не устояли на ногахъ...
ава най буде Хмѣлеви-Хмельницкому,
о помстилъ кривды русскаго народа и
вободилъ рѡдну матеръ Украину ѡтъ
жкога ярма и неволѣ ляцкой...“ Такъ
ославилъ русскій народъ уже первую
бѣду Хмельницкого надъ Полянами.

Головная сила польскаго войска сто-
а коло Черкасѣ. Гетманы польскіи,
арый Потоцкій и Калиновскій, пировали
окойно, а и не припускали до головы
й грозы, яка уже встрѣтила одну
сть ихъ войска, а яка и на нихъ са-
ихъ вкоротцѣ мала нагрянути. Ажь тутъ
ного дня прибѣгъ въ ихъ таборъ одинъ
неный ихъ шляхтичъ, которому якосѣ

удалось счастливо умкнуги изъ-под Жолтыхъ-водъ. Той росповѣль о всещо случилось. „Все пропало, говори онъ Потоцкому : реестровецѣ намъ нанили, цѣлый нашъ таборъ забравъ войско полягло до одного. Сапѣга, Ченецкій и еще другіи въ неволи, а тсынъ, порубавый козацкими саблями, стался со свѣтомъ.“ Мовь громъ ударвѣсть тая въ Потоцкого и въ цѣлое войско. Потоцкій заломилъ руки и бухнулъ голоснымъ жалемъ за сына своимъ, а „все войско (якъ каже писецъ) стало такъ блѣде, якъ бобылае трава, прибитая морозомъ, по холодной ночи възсѣяе солнце.“ Уж и тревога переняли всѣхъ отъ найшого, въ битвахъ посивѣлого Гетманажь до послѣднаго простого воина. вога възмоглась еще бѣльше, коли всѣхъ сторонъ доходили певныи вѣщо по селахъ и городахъ възстае родъ и що Хмельницкій приближае

Въ томъ розпачливомъ положеніи собралъ Потоцкій своихъ полководца на раду, и тѣи рѣшили на-скорѣ заступитися назадъ и уступить до якои крѣпости. Пополохъ и тревожныи вѣстии рили ихъ, що они въ отвертомъ полѣ устоятъ противъ Хмельницкого. Въ стало сумно-маркотно на души и въ было, що каждый радъ бы былъ убитъ теперь до своей Польщи, оставивши

краинѣ всѣ свои добытки. Якъ-стой отсупили Поляки отъ Черкасъ и третого ня были уже подъ Корсунемъ надъ Ъкою Росію. Тутъ однакъ прійшла знову сумная для нихъ вѣсть, що Хмельницкій туй-туй за ихъ плечима. Не было же чого дальше утѣкати, а хочь-нехочь треба было станути и войти въ битву.

А Хмельницкій тымъ часомъ въ самомъ дѣлѣ приближался, и 15 Мая 1648 г. стануль подъ Корсунемъ. Отъ пороху, избивающогося изъ подъ козацкихъ ногъ, и отъ туркоту посувающихся ихъ возовъ, давалось, що то поступае якая 100.000 армія, хотяй всего козацтва было подъ Корсунемъ лишь 20.000 мужа. Знаючи авзятость рыцарей своихъ, Хмельницкій обгъ смѣло напасти на неприятеля и полагати на побѣду. Однакъ онъ, яко дорый батько, хотѣль щадити кровь козацую, и тому передумоваль все хитрыми штуками подводити и побѣджати врага. Вотъ и теперь придумаль онъ таку складую штуку, котора ему якъ наилучше далась. Онъ выбралъ кѣлька проворныхъ козакѣвъ, а обучивши ихъ, що мають горити и дѣлати, выслалъ ихъ въ сторону польского табора, щобы дали Полякамъ взяти себе въ плѣнъ. Козаки, вычечены въ хитрости, перекрадались коло польскихъ окопѣвъ, а замѣчены польскими солдѣрами, были пойманы и приведены передъ Потоцкого. На допросы Потоцкого

зачали они по долшихъ пыткахъ росповѣдати, що козацкого войска назбиралось у Хмельницкого тѣма, що съ Хмельницкимъ иде Тугай-Бей въ 50.000, и що самъ Ханъ Крымскій обѣцялъ незадолго прийти съ цѣлою ордою. „Учувши тое Поляки, испугались до-решты и руки у нихъ опустились (якъ говоритъ лѣтописецъ); весь разумъ ътъ нихъ ътступилъ.“ Собрались они на раду и урадили: чѣмъ-скорѣйше утѣкати. Щобы же не наткнутись на козацкій таборъ, приказалъ Потоцкій своимъ войскамъ уступати не гостинцемъ, а крутыми боковыми дорогами, и взялъ за проводника одного изъ пойманныхъ козаковъ, которыхъ сюда подослалъ былъ Хмельницкій. На милью ътъ Корсуня было урочище, званое Крута Балка. День передъ тѣмъ выслалъ Хмельницкій своихъ козаковъ на тое мѣстце и велѣлъ имъ на склонѣ дороги зъ горы въ долину понарубовати деревъ, навалити каменей, а самымъ засѣстись въ гущавинѣ и выжидати съ оружіемъ непріятели, щобы загородити ему дорогу. Вымысль Хмельницкого удался якъ наилучше. До-свѣта выбрались Поляки со всеми возами, пушками, съ кѣнницею изъ-пѣдъ Корсуни, и набравши отухи, поступали скоро за проводникомъ-козакомъ. Хитрый козачище часомъ тѣлько покрутилъ усъ, поглянулъ мстивымъ взоромъ на польскій таборъ, усмѣхнулся незначительно, та провадилъ

еще-разъ дальше Полякѣвъ, провадилъ Хростѣсенко—на Крутую Балку. Коли уже зближались Поляки до того несчастнаго урочища, нагло изъ всѣхъ сторонъ полетѣли на нихъ татарскіи стрѣлы. Раженныи такъ несподѣванно, пустились Поляки съ таборомъ въ лѣсъ, но тутъ и застрягли они въ ровы, трубоци и болотнистыи яры, где лежали порубаныя дерева и камѣнье. Тутъ выскочили укрытыи въ засѣдцѣ козаки и ударили просто въ лице испуганымъ и до крайности помѣшаннымъ польскимъ отрядамъ; а въ тое самое время наступалъ уже на нихъ изъ заду Хмельницкій съ головою своею силою. Такъ попались Потоцкій и Калиновскій въ такую лапку, изъ которой уже ни способу не было выйти имъ здоровымъ. Въ наибѣльшомъ безпорядку кидалось польское войско на всѣ боки, то въ лѣсъ, то въ болота, а всюдавыростали якъ зъ-пѣдъ земли козаки, та и тляли ихъ якъ снопы на полы. Потоцкій, видячи, что нема спасенія, пѣддался Хмельницкому по совершенномъ пораженіи. Цѣлый польскій таборъ съ обома начальниками, цѣла артилерія, всѣ запасы военныи достались въ козацкіи руки. — А коли уже притихло по битвѣ, козаки, отпочавши по тяжкой работѣ, начали сходитись коло своихъ плѣнникѣвъ и дражнили ихъ насмѣшками. Пана гетмана Потоцкаго одѣли въ хлопскую сермягу; еще-жь для

большой потѣхи козацтва велѣлъ М. Хмельницкій посадити на пушку, а в заки, везучи его, приспѣвовали: „Ой Потоцкій, Потоцкій! розумъ въ тебе жѣвоткій; не годишся ты гетмановати, за треба было тебе Хмельницкому ѳтдати. Пѳдешь небоже за Запороже, у Татаръ сырой кобылины жовати“.

На другій день велѣлъ Хмельницкій ѳтправить благодарственный молебень побѣду, а послѣ началъ роздѣляти добычу. Наибольшую часть плѣнников ѳтдалъ онъ Татарамъ въ неволю; мѣстами ими поѳшли въ неволю тую гетманъ Потоцкій и Калиновскій. „Поѳхали (говорить украинская пѣсня) панскіи рыданы въ Крымъ пышно и велѣбно: были два польскіи Гетманы съ ихъ полковниками и ротмистрами, а возы ихъ со всякимъ добромъ остались Запорозцямъ, щобъ полатати козацкую худорбу. И обогатились бо козаки по той битвѣ на каждого припало стѳлько дорогой добычи, що на долгій часъ всѣ имѣли довольно убранства и зѣстныхъ припасѳвъ, а также и оружія и коней. Сам Хмельницкій на свою часть дѳсталъ возѳвъ, наладованныхъ панскими скарбамъ.“

Корсунская побѣда была дужь важною въ своихъ послѣдствіяхъ: наразъ бо отворились русскому народови очѳны, онъ позналъ, що гнобитель его не такъ суть могучіи и непобѣдимы, якъ велич

лись, онъ узрѣлъ, що упала панска гордость пѣдъ соединенными ударами рабѣвъ, которые рѣшились въ-конецъ скинути изъ себе панское ярмо. — Вѣсть о сей побѣдѣ рознеслась молніею по цѣлой русской землѣ и повліяла чародѣйно на всѣхъ ея жителей. Народъ пѣднѣсь пригнетенную голову, щобы розвязати неволею повязаныи руки, и рвался до Хмельницкого, щобы помагати ему въ дальшомъ дѣлѣ освобожденія Руси.

По битвѣ Корсунской поступилъ Хмельницкій пѣдъ Бѣлую-Церковь и розложилъ тутъ спокойно таборомъ, не рѣшенъ еще, що ему дальше дѣлати. Воювати польского короля онъ не имѣлъ намѣренья, короля бо того онъ уважалъ своимъ другомъ и благодѣтелемъ, а тутъ съ каждымъ днемъ прибывало ему щоразъ бѣльше народу до козацкого войска. Ажъ нечаяно прійшла изъ Польщи вѣсть, що король Владиславъ упокоился. Тое событіе розвязало Хмельницкому руки, и теперь онъ уже не надумовался, а рѣшилъ коротко: идти дальше вѣйною на Польшу.

Очищенье русскихъ земель. — Непорядная година въ Польщи.

Рѣкъ 1648 былъ для Польщи страшный рѣкъ! Въ двохъ битвахъ стратили Поляки майже цѣлую свою военную силу,

король Владиславъ умеръ, а Хмельницкій стоялъ имъ съ грозною силою за плечима. Пополохъ и тревога межи Польскими взросли до найвысшой степени многіи изъ нихъ утѣкали съ цѣлыми рудинами за границу, другіи, будучи вѣждаючи судного дня, постили и молились за свои грѣхи. Въ той непорочно годинѣ найшолся одинъ здорово-мысливый человѣкъ, который поднялся хитростию ратовати Польшу отъ погибели. Человѣкомъ тымъ былъ воевода Брацлавскій Адамъ Кисель. Русинъ зъ роду и вѣры Кисель признавался еще и теперь своей народности и до Церкви русскій, кднакъ онъ сжился уже такъ съ Польскими, що русского характеру не было в немъ и слѣду, а за тое цѣлымъ сердцемъ тягнулъ за Польшу. Русскій народъ давнѣе недовѣрялъ Киселеви и поговаривалъ собѣ, що „у Киселя русскіи врандѣ кости, но они заросли докола польскимъ мясомъ.“ — Той то Кисель задумалъ теперь политикою послужити Польшѣ и выдобыти ю зъ несчастного поуженья. Онъ то отъ самого початку великой вѣйны козацкой старался задобрити Хмельницкого различными обѣщанками и теперь вѣйшолъ съ Хмельницкимъ на новыи мирныи переговоры. По тыхъ переговорахъ Хмельницкій згодился мѣсяця Вересня не ийти съ войскомъ на Польшу.

Но въ томъ же самомъ часѣ навѣсть побѣдахъ Хмельницкого зажглась цѣль Русь отъ Карпатъ до границъ царства Вел. Русского однимъ пламенемъ насного возстанія. Всюда по мѣстахъ и мѣстахъ собирались вооруженныи шайки молодыхъ и старыхъ людей, записывались подъ хоругви Хмельницкого, и они сами съ проводирами своими разбѣгались по краю, щобы, якъ они говорили: «чищати русскую землю.» Наста же тогда для Польщи послѣдняя година. Шайки такіи, званыи „загонами,“ вожаались надзвычайно скоро, а было ихъ множество на Подолью, на Волюню, на Галичинѣ, на Литвѣ, въ Бѣлой Руси на Днѣпромъ. Съ завзятостію и бѣшенствомъ видались они на польскіи дворянскіи замки, на костелы и кляшторы, и палаты, грабили, убивали безъ пощады, безъ опамятанья; по дворахъ панскихъ грабили, кого надыбали, безъ разбору, чи рцѣвъ, чи женщинъ, чи дѣтей. Люто и дикости ихъ не было мѣры. Памяти, якого поруганія и якихъ обидъ навала русская вѣра отъ загорѣлыхъ олинковъ, видались теперь тии загоны и ожесточеніемъ на польскихъ ксендзовъ, предавали ихъ поруганію, грабили, убивали, точили и мучили безъ милосердія. Найбѣльше досталось жидамъ, которыи яко арендаторы панскихъ добръ и земель, и церквей, довели народъ до

крайнего отчаянія. Теперь отже, когда случилась способность, выливалъ народъ на нихъ цѣлую грозу мести своей. По современному преданію погибло тогда якихъ 100.000 жидовъ. Одинъ рабникъ въ тѣхъ часовъ записалъ въ своихъ запискахъ: „не осталось тогда въ русской землѣ ни одного жида: всюду по поляхъ, по вахъ, въ потокахъ лежали тѣла брашнашихъ, бо гонителѣ ихъ были быстры отъ орловъ поднебесныхъ“.

Вся шляхта польска, поселенная на русскихъ земляхъ, въ безумномъ страхѣ не боронилась, а утѣкала, коли ей удалось. Одинъ лишь изъ всѣхъ панскихъ пановъ не стратилъ отваги, былъ князь Іеремія Вишневецъ. Человѣкъ сей, отличный на цѣлу Польшу своимъ мужествомъ и твердымъ характеромъ, происходилъ изъ родины польскихъ князей. Отецъ его Михаилъ умно яко твердый Русинъ въ православнѣ вѣрѣ. Еремія же отданный въ дитинствѣ въ езуитскую школу, перемѣнилъ свѣру, сталъ католикомъ, а разомъ съ тѣмъ сталъ ненавистникомъ и гонителемъ своей вѣры и народности. Въ своихъ громныхъ добрахъ на Украинѣ онъ адилъ съ завзятою ревностію латинства гонилъ православныхъ и разбивалъ русскихъ людей. Своею отвагою и жестокимъ обходженьемъ съ народомъ б

тъ извѣстный а при томъ и зненавиденный на цѣлой Руси.

Въ той часъ, коли возставши „загоны“ очищали русскую землю отъ Польши, бралъ Вишневецкій около себе до 8000 мужа войска, гонилъ за тыми, якъ ихъ зывалъ, „гайдамаками,“ и розгонялъ крестными шайки тыхъ-же, а кого тѣмъ досталъ въ руки, то мстился на немъ такою самою дикостію, съ якою розвѣнены хлопы воювали Полякѣвъ. Онъ издевался найстрашнѣйшии муки и казни, и приговорювалъ до своихъ воинѣвъ: „Учте ихъ такъ, щобы они чувствовали, щобы умирають.“ Въ той гонитѣбѣ за гайдамаками загнался онъ въ-конецъ на Волну на сильный отрядъ найгрознѣйшаго ватажка Кривоноса. Два разы бѣгался онъ съ тымъ отрядомъ въ отдаленной битвѣ, но помимо своей хоробрости и вправы военной, мусѣлъ уступати передъ нимъ до Польши.

Цѣлое лѣто 1648 бушевали тѣи гайдацкіи загоны по Руси зъ одной и другой стороны Днѣпра, руйновали панскіи имѣнья, розбивали Полякѣвъ и жидѣвъ, отнимали отъ нихъ русскіи землѣ, таковыи брали всѣ найважнѣйшии города по всей части Хмельницкого. Въ короткомъ времени сталъ Хмельницкій паномъ всѣхъ земель русскихъ, хотя самъ сидѣлъ спокійно въ Чигиринѣ, переговорювалъ съ польскимъ сенатомъ, а вразъ-же устрою-

валъ доборовое свое козацкое войско заготовляючись до дальшой вѣины. Мирныя переговоры съ Польщею не довели до ничего. Гордая шляхта, не смотря на то, что находилась въ такъ безвыходномъ положенью, не прозрѣла, не хотѣла добачати грозящего небезпеченства не хотѣла и теперь еще ѳтдати Русь справедливости, а поставила такія условия, которые могли только Хмельницкому и весь русскій народъ бѳльше роздранили и оскорбити. Видно, такъ въ вѣной книзѣ призваченья было записано, что Поляки въ ономъ памятномъ року 1648 ни прозрѣти, ни добачити не могуто, яко зъ оного же года началось несчастное роспаденіе ихъ державы, а именно черезъ то, что за появленіемъ Хмельницкого уже водворилась и глубоко вкоренилась въ русскомъ народѣ мысль Русь ѳтъ Польщи цѣлковито ѳторвати на всегда освободити.

Въ мѣсяци Серпню 1648 г. поднявъ Хмельницкій изъ-пѳдъ Бѣлой-Церкви ступаль быстрымъ походомъ на Волынь до рѣки Случи. За нимъ тягнулось доборовое козацтво, дышущее жаждою освобожденія и скрѳзь военною.

Битва надъ Пилявкою.

Собрали Поляки новое войско изъ
 мужа шляхты противъ Хмель-
 ного, и поставили надъ ними трехъ
 ханыхъ въ пухахъ роскоши пановъ:
 авского, Конецпольского и
 рога. Тии паны еще зъ роду не ви-
 вѣины: первый изъ нихъ былъ на-
 изнѣженный въ забавахъ, второй
 цкъ, що ледво уса ему зачали сѣ-
 , а третій славный хиба тѣмъ, що
 добре по латинѣ бесѣдити. Хмель-
 ий назвалъ ихъ про тое отвѣтно до
 способностей, одного „перина,“ дру-
 „дитина,“ а третёго „латина.“
 три начальники повели собранное
 о пѣдъ Глиняны, где мали табо-
 розложитися. Войско тое были то
 и новобранцѣ, паны, которые теперъ
 житье розпустне середъ достатковъ,
 бленыхъ зъ рускихъ земель. При-
 аены уважати хлопа за худобу, го-
 и они и теперъ: „Противъ такой
 ы не стоитъ тратити куль; мы ихъ
 ками розженемъ по поли.“ Други
 до той степени зарозумѣлы, що
 мяли такую молитву: „Господи Бо-
 е помагай ни намъ, ни имъ, а тѣль-
 ь далека придивляйся, якъ мы на-
 ь розбѣдемъ тую хлопскую череду.“
 и же выправились не якъ-бы на вѣй-
 а якъ-бы ино мали повеличатись

своими строями, коньми и богатствами. У каждого былъ конь чудо - красивый съдла серебряныи та вызолоченыи, саблѣ съ серебряными вырѣзками, бархатныи контуши, по́дбитыи дорогими футрами на шапкахъ китицѣ съ дорогими камнями, чоботы съ серебряными или золотыми острогами, на шіи ихъ блестящии золотыи ланцухи, за поясомъ торчали богатыи кинджалы. Но еще бѣльшу роскошь видно было за столами при ихъ обѣдахъ и вечеряхъ. Тутъ заставляли они пребогатыи всякіи начинья и кубки изъ золота и серебра, а каждый изъ пановъ вѣзъ за собою бочки съ виномъ, медомъ, припасы до ѣдженья, цукры и всякіи ласощи. Що бѣльше: для выгоды тѣла везли они еще съ собою ванны до купанья и богатую постѣль, щобы панское ихъ тѣло въ поли не зныдѣло. —

Такого то войска выправила Польша 36.000 мужа противъ Хмельницкого. Но кромѣ того славетного табора по́дъ Глинянами собрался другій таборъ польскій по́дъ Константиновомъ. Былъ то таборъ Іереміи Вишневецкого. Сей гордый магнатъ, огорченый тѣмъ, що не его выбрано теперь гетманомъ коронного войска, хотя онъ одинъ зъ помежи всѣхъ Поляковъ извѣстный былъ яко найотличнѣйшій полководецъ, зашилъ собѣ зъ Варшавского сенату и поставилъ на власную руку военный таборъ изъ 12.000 мужа

Самой доборовой шляхты, та и не хотѣлъ прилучитись до тамтого, якъ называлъ „Бабского войска,“ но стануль собѣ окремо пѣдъ Константиновомъ. Межи обома польскими таборами происходили сварнѣ, который еще бѣльше не допускали ихъ до полученья, що было Хмельницкому цѣлкомъ на руку.

Дня 20 Сентября приближился Хмельницкій до рѣчки Пилявки и стануль напротивъ польского коронного табора. По короткихъ перепалкахъ рознеслась межи Поляками грозная вѣсть, що цѣлая орда Татаръ спѣшитъ подати руку Хмельницкому. Вѣсть тая выкликала огромный переполохъ: въ ночи зачали утѣкати польскій войска, покидаючи все свое майно. Надъ раномъ добачилъ Хмельницкій движенія непріятеля, и нужь цѣлою своею силою пустился за нимъ въ погоню. Межи утѣкающими подвоилось замѣшанье и страхъ: всѣ видали оружіе, каждый кричалъ: „стѣйте!“ а самъ утѣкалъ безъ памяти. Збитыи въ толпы паны доставались громадно въ неволю, другіи скидали зъ себе многоцѣнныи збруи и одежи, щобы легче было утѣкати. Цѣлый богатый и величавый польскій таборъ дѣстался козакамъ майже безъ выстрѣла. Якъ росповѣдають современные лѣтописцѣ, взяли торды козаки 100.000 возѣвъ съ кѣньми, наладованныхъ всякими достатками, 80 пушокъ и на 10 миліонѣвъ роз-

личныхъ дорогоцѣнностей, не вчисляючи уже шоломовъ, оружія, соболевыхъ футуръ перскихъ матерій, постелѣ и прч., все это валялось по полю на цѣлую милю. Съ жаждою кинулись хлопцы на тѣ дорогоцѣнности, на ласощи, ѣдла, вина и напитки, а черезъ то занедбали дальшю преслѣдовати рещту утѣкающихъ безъ ума-души рыцарей. Но и того уже, що сталося было довольно, щобы видѣти, якъ страшная кара Божя спѣткала Поляковъ за ихъ гордость и нелюдскость.

Въ той самъ часъ стоялъ пѣдъ Константиновомъ таборѣ Вишневецкого, выжидаючи неприятеля. Тогда же дознался Вишневецкій, якъ недобитое коронное войско хоробро зъ-надъ Пилавки поутѣкало, пустился и самъ на-утѣкача до Львова, а выдержши тутъ ѳтъ мѣщанъ контрибуцію военную для себе, поѣхалъ до Варшавы, где власне тогды собрался Сеймъ выбирати нового короля.

Осада Львова и Замостья.

По Пилавской битвѣ остигъ нагло Хмельницкій въ военномъ запалѣ, и вражда, якую носилъ онъ въ сердцѣ своемъ противъ Польци, якось на разѣ усмирилась. Бачь, ему яко-бы наскучились уже безъустанныи битки. Теперь по такъ славныхъ побѣдахъ, по совершенномъ

истребленіи польскихъ войскъ на Руси, онъ мѳгъ безопасно идти на Варшаву и примусити панѳвъ, щобы приняли его условія; мѳгъ совершенно переломити самоволю буйной шляхты и саму Польшу перетворити на лучшей ладъ. Однако на тое не отважился Хмельницкій, не повелъ дальше дѣла въ удобную пору такъ, якъ оное былъ зачалъ. Поступаючи поволи, не рѣшался онъ на нѣкое дѣло. Иванъ Выговскій, шляхтичъ польскій, що дѳстался до неволѣ козацкой пѳдъ Жолтыми-Водами, а потомъ успѣвшій собѣ добитись довѣрія и дружбы у Хмельницкого, дораджовалъ ему теперь и пѳдмовлялъ его, щобы ѳтступилъ ѳтъ дальшого походу, а задоволялся бы уже тѣмъ покореніемъ Полякѳвъ, якого до теперь доказалъ, и щобы спокойно верталъ въ свою Украину. Пѳдмовы Выговского, здается, подобались Хмельницкому, бо по дорозѣ коло Збаража онъ созвалъ военную раду козацку и запыталъ ей: що дальше дѣлати, чи идти въ глубину Польци, чи вертати на Украину, щобы отпочити по трудахъ въ родинныхъ хатахъ? „По моему мнѣнію,—говорилъ онъ тутъ — наилучше вертати на Украину, и зѣ-ѳттамъ выслати депутатѳвъ на Соймъ до Варшавы, и дожидатись выбору нового короля.“ Ледви кончилъ Хмельницкій таку свою бесѣду, якъ всѣ козаки голосомъ негодованія закричали, що не вертати имъ, а

идти на Варшаву — розбурити Польщу „Веди насъ,“ кричали они: „батьку Хмельницькій, кѣнчай Ляхѣвъ, щобы и душо по нихъ не стало.“

Увидѣвши такой рѣшительный протестъ и непримиримую завязтѣсть козачества, двинулся Хмельницькій походомъ по дѣль Львѣвъ и стануль тутъ дня Октября 1648 г. Городъ Львѣвъ былъ тѣгда обварованою крѣпостію; кругомъ сѣведенъ ровами и вадами и подвѣйнимъ муромъ, а стояла въ немъ и досыть сильная войсковая залага. Тому то Львовлянемежи которыми была уже бѣльша повинна Полякѣвъ, постановили не здаваться легко, а доки дасться, боронити. Заразъ первого дня началъ Хмельницькій острѣлювати городъ зъ трехъ сторонъ. Ему не трудно было взяти Львѣвъ приступомъ, но самъ ѣнъ не хотѣль того, жаловаль людской крови и не хотѣль допустити, щобы тотъ колись славный рускій городъ розхищали и розорили Татаре и гайдамаки. Для того ограничилъ ѣнъ на острѣлюванью города, а тымъ сомъ выслаль до жителей Львова посланника своего Головацкого и предложилъ имъ миръ на томъ условіи, щобы заплатили 200.000 червоныхъ золотыхъ окупи. Зъ початку не хотѣли радныи мѣстамнихи Бернардины пристати на ниякую угоду. Мѣщане же, особливо русскіи лѣде, що давно уже были выцертыи шлѣ

и жидами на передмѣстяч, зрѣяли
 ильницкому и голосно отзывались за
 , чтобы здатись; ба и самы они тай-
 носились съ таборомъ козацкимъ.
 ский начальники и радныи мѣста
 ковали тое, а добачаючи для себе
 впенчества ѳтъ самыхъ православ-
 ь жителей Львова, якихъ тогды еще
 не мало, мстились на нихъ и попа-
 всѣ передмѣстя. Въ той часъ ки-
 сь одни зъ бездомныхъ русскихъ
 мѣщанъ впрость межи козацтво, а
 ии безъ хаты и хлѣба волочились по
 яхъ города нужденныи, схорѣлыи.
 ородѣ повсталъ далѣй великій голодъ,
 ва и помѳръ; осада продолжалась, а
 вскій замокъ (Высокій Замокъ), най-
 гѣйшее мѣстце обороны для города,
 ли уже козаки. Такъ бѣда съ каж-
 ь днемъ убѳльшалася. Тогда доперва
 ала городская рада послѳвъ до Хмель-
 ого просити о пощаду. Выбрано че-
 хъ депутатѳвъ, межи ними одного
 на Лаврысевича, члена Ставропи-
 ого братства, и тиѳ отправилися до
 Лисениць пѳдъ Львовомъ, где была
 ара Гетмана Хмельницкого. Одинъ
 депутатѳвъ, Полякъ, палъ передъ
 ьницкимъ на колѣна и со слезами
 чахъ просилъ помилованья для го-
 просилъ, чтобы уменьшено цѣну
 у. „Помидуйте насъ, говорилъ ѳнъ: по-
 ьте за-для нашей крайной бѣдности!

Паны до-чиста ограбили насъ; Пиляво войско обобрало насъ и покинуло; та мы въ несчастномъ положенью! Не да намъ погибнути зъ нужды и въ голодъ. Затѣмъ приступилъ до Гетмана Руск Лаврысевичъ и въ щирой промовѣ пр ставилъ ему истинно горестное состоян города. Съ увагою и сочувствіемъ ш слуховался Хмельницкій бесѣдамъ до татѣвъ, а въ кѣнци сказалъ: „Боли мене сердце, що дѣются такіи рѣчи русскихъ городахъ, а всему тому вин ваты Вишневецкій и Конецпольскій. ловныи вороги русского народа. Они няли у насъ все — такъ лишилось о т. е. взытись за оружіе. Вы просите лосердія, но и я его просилъ, а не шолъ. Я жалѣю надъ вами и поми васъ; однакъ союзникамъ моимъ Т рамъ вы мусите выплатити тую с яку я заплатити обѣтовалъ. У насъ го жидѣвъ, тыхъ пъявокъ, що вые ють кровь зъ русского народа; ѣтъ і требуйте, щобы найбѣльшу часть о доставили.“

По такомъ рѣшителъномъ отвѣтѣ было що Львовянамъ дѣлати, якъ тѣ пѣдчинитись судьбѣ и приняти усл Хмельницкого. Готовыхъ грошей шлось во Львовѣ ледви 16.000 чер цѣвъ; ренту треба было складати въ варахъ и дорогоцѣнностяхъ. Мѣщан бывали свои матеріи, кляшторы и кос

Давали сокровища, жидаы зносили съ ляментамъ золото, серебро и перлы, и все тое возами ѳтправлено въ таборъ козацкій. Мѣщане же „на примиреніе“ угощали еще козаковъ по русскому обычаю такъ въ городѣ, якъ и въ таборѣ.

Одержавши окупъ, велѣлъ Хмельницкій на пращаніе выстрѣлити изъ всѣхъ пушокъ, и еще того самого дня ѳтступилъ съ цѣлымъ войскомъ ѳтъ осады Львова въ дальшій походъ пѳдъ Замоеть.

По дорозѣ зновъ приунылъ былъ якось Гетманъ Хмельницкій и хотѣлъ замышлети дальшую вѳйну; но козаки зновъ пѳдняли великій ропотъ и кричали всѣ: „Не вертати намъ назадъ! Веди насъ, Батьку Гетмане, на Польшу.“ Трудно было супротивлятись волѣ цѣлого козацтва, тожь повелъ Хмельницкій дальше свою армію. По дорозѣ принималъ ихъ всюда народъ съ восторгомъ; всюда збѣгались до Хмельницкого православныи Русины и одни приставали до козацтва, другіи, величаючи его своимъ освободителемъ, зносили до него всякіи запасы, щобы хотя такимъ способомъ заявити радость свою и благодарность русскому козацтву.

Дня 5-го Ноября стануль Хмельницкій пѳдъ Замоеть емъ. Тутъ провадилъ ѳнъ уже дѣло свое военное якъ-бы зъ умыслу лѣниво и нерадиво. Вмѣсто уда-

рители всю силу на крепость и взяли приступомъ, разставилъ онъ наоколо войска, а самъ разослалъ гонцевъ своихъ то до Замостья, то до Варшавы, за мирными переговорами. Козацтво заявляло грозно свое неудовольство зъ такого поведенія своего Гетмана, а щобы ихъ задобрити, припускалъ Хмельницкій колыма меньшихъ штурмовъ на окопы крепости, но безъ наименьшого усиѣха. Три недѣль выстоялось войско подъ Замостьемъ съ заложенными руками майже бездѣльно.

Тымчасомъ отбывался въ Варшавѣ выборъ короля. Наибольшую партію имѣлъ сынъ покойного Жигмонта Ш. Янъ-Казиміръ. Депутаты козацкія попирали такожъ того кандидата, бо сподѣвались, що онъ буде управляти справедливо и не дастъ Руси пригнетати. Тожъ и выбрано въ-конецъ Яна-Казиміра.

Якъ тѣлько дознался Хмельницкій, що выбрано короля по его воли, урадовался тѣмъ чрезмѣрно и высказалъ свое задоволенье польскому посланникови тѣми словами: „Того тѣлько я ждалъ, щобы королемъ былъ добрый Янъ-Казиміръ! Теперъ не подутъ уже козаки на Польшу, а вернуть въ свою Украину, бо будутъ певны, що имъ уже нѣяка кривда не станесе.“ Якъ сказалъ такъ и сдѣлалъ Гетманъ: собравши съ Замостья 20.000 зл. окупу, пустился онъ зъ цѣлымъ своимъ таборомъ въ обратный путь на У-

яину. Поляки самы ажъ чудовались, что имъ прійшло такъ легко позбытись зацтва. „Навѣрно, говорили они, самъ король послалъ на Хмельницкого слѣпоту, и ты съ такимъ силами онъ не тѣлько не взялъ Замостья и Варшавы и не зруйвалъ цѣлои Польщи, но навѣтъ цѣлмъ залишилъ непріятельскіи дѣйствія.“

Поворотъ Хмельницкого на Украину.

Новый король Янъ-Казиміръ выдалъ въ сей-часъ по своемъ выборѣ повелѣнія до Хмельницкого пѣдъ Замостье съ грамотою такого содержанія: „Посылаемъ Вамъ, яко Старшому Запорожского войска, гетманскою булаву и хоругвь, и прирекаемъ вамъ повернути законныя права. Мы видимъ, что Запорожское войско стояло пѣдъ Вашою властію независимо ѳтъ старостѣвъ коронныхъ и до споры залагодились за высланьемъ въ той справѣ нашихъ комисарѣвъ до насъ. Такъ Васъ просимъ, чтобы Вы перестали вѣйну, перестали опустошати королевство наше, розпустили узброеную чернь и ѳтослали Татаръ.“ На тое скавое письмо короля ѳтступилъ Хмельницкій ѳтъ Замостья и приказалъ всѣмъ казацкимъ загонамъ залишити свои наряды. А до шляхты польской, котора еще стояла на Украинѣ, выдалъ король пись-

мо, чтобы теперь не важилась нарушить русской вѣры, ни притѣснити русской вѣры, бо въ противномъ случаю отъ насъ гроза, а тогда горе буде для Польщѣ.

Въ мѣсяци Январѣ 1649 г. прибылъ Гетманъ Хмельницкій до Кіева. При званіяхъ звонѣхъ, при выстрѣлахъ пушечныхъ и радостныхъ восклицахъ народа въѣхалъ Гетманъ съ Старшинами въ столицу Кіевскую. При золотыхъ воротахъ подъ стѣнами храма св. Софіи привиталъ ихъ Митрополитъ съ духовенствомъ и гражданами Кіевскими. Бурсаки, ученики академіи и иныхъ шкѣлъ заспѣвали хвальныя пѣсни и величали Хмельницкого, яко избавителя Руси. Былъ въ то время въ Кіевѣ великій гость, Патриархъ Ерусалимскій. Той виталъ такожь Хмельницкого и побѣдоносное его войско и побуждалъ Гетмана постояти и далѣй крѣпко противъ латинства. Заплакали здѣсь и достопочтенныя козаки, заплакалъ и Гетманъ, дѣлаючи восторгъ и одушевленіе народа, званного его рукою изъ тяжелой невѣжды отродившагося теперь до новой свѣтлой жизни.

Цѣлый Кіевъ ажъ розходился общою радости: всюду праздновано великій праздникъ, всюду угощено и славлено братьей козаковъ. Одинъ лишь батюшко Гетманъ посоловѣлъ нагло и смело въ рѣчь общаго ликовація. Ажъ теперь

жется, упрекалъ его голосъ совѣсти за о неprimѣрное поведеніе по Пилявской обѣдѣ, за то, що ѓнѣ поступилъ противъ волѣ козацтва, противъ волѣ цѣлого русскаго народа, що съ розмысломъ подадилъ Польшу и не покончилъ справу освобожденья зъ нѣдѣеи цѣлковито. слѣдствіе такихъ упрековъ совѣсти наала Гетмана якась хандра: ѓнѣ то погилъ, то молился ревно и съ роскаяніемъ лежалъ на лиці въ церкви передъ образами, то зновъ пилъ до безпамяти и гѣвалъ думы своего укладу; то былъ лавый и дружелюбный, то зновъ строгій гордый.

Такая тоска и тое роскаяніе мучили Гетмана долшій часъ. Ажъ по кѣлькохъ недняхъ переѣхалъ ѓнѣ до Переяслава, оженился съ Чаплинскою и ѓтъ того су сталъ спокойный и веселый.

Подвиги козацкіи и слава Хмельницкаго розѣшлись далеко по свѣтѣ, коли Хмельницкій проживалъ спокойно въ Переяславлі, начали до него звѣстатись посланники съ различныхъ державъ, щобы заключити съ нимъ миръ и дружбу. Такъ пріѣхалъ посолье ѓтъ турецкаго Султана и здѣлалъ съ Хмельницкимъ мирный договоръ, по которому могли козаки свободно плавати по Чорному морю и вести тамъ бесплатно торговлю черезъ цѣлыхъ сто лѣтъ. За то оязались козаки оборонити турецкіи

города и не нападати на нихъ. Приѣхавъ также посолъ ътъ Семиградского князя Ракочого и предлагалъ Гетману дружескій союзъ противъ Польщи съ помощью, щобы ѡнъ помѡгъ для его князя приобрѣсти польскую корону; за то е му цѡль ѡнъ Хмельницкому свободу православной вѣры въ цѣлой Польщи, а е самому удѣльну, независиму державу Украинѣ. Однакъ Хмельницкій зналъ, что на союзъ зъ Мадярами не ма що полати, тожь и не хотѣлъ съ ихъ княземъ ніяку дружбу входить.

Дальше явились у Хмельницкого послы ѡтъ господарей Молдавы и Воицины. У молдавского Господаря Лиука была славна своею красотою донька Дона-Розанда, съ которою бажалъ Хмельницкій оженити сына своего Тимоша. Зъ той причины принялъ ѡнъ пословъ молдавскихъ ласкаво и выслалъ съ нимъ на Молдаву отрядъ козакѡвъ пѡдъ начальствомъ тогожь своего сына. Приишли такожь до Переяславля и велико-русские послы ѡтъ царя Алексѣя Михайловича. Ти привезли Гетману цѣнныи подарки ѡтъ Царя и ласкавыи слова. Царь далъ ему наилучшого успѣха въ борбѣ за православную вѣру и заявилъ, щобы разѣ съ нимъ не буде лучитись противъ Польщи, поки тая сама не дасть прины до розрыву перемирія, съ Велико-Русію заключенного.

Дойшолъ отже Хмельницкій и русское зацтво за одинъ годъ до такой силы, о вѣхъ посторонныи сусѣдныи державы парались о ихъ дружбу, о ихъ взгляды. Какъ сильнымъ сталъ народъ нашъ, ко- весь получился въ оборонѣ своей на- дности и своей вѣры!

Теперь выжидалъ еще Хмельницкій себе тыхъ, которыи недавно еще были обителями народа, а теперь сами мали ийти просити у того народа ласки и ощады, т. е. онъ выжидалъ комисаровъ ть польского короля.

Переговоры Польщи съ Хмельницкимъ въ Переяславлѣ.

Выбрались наконецъ и польскіи комисари на Украину. На тыхъ комисарей выбралъ король Адама Киселя, братанка его молодого Киселя, князя Четвертинского и другихъ вельможъ. Вступили тии паны въ русскіи землѣ и вздрогнули на видъ того опустошенья, якое стрѣчали на каждомъ поступу: всюду обрушены костелы, обгорѣлыи панскіи уоры, непогребанныи тѣла.

Дня 9 Февраля 1649 г. станули ко- мленскіи послы въ Переяславли. Хмель- нцкій принялъ ихъ съ почестями вы- алъ яко мѣстце до переговоровъ велм-

кую городскую площадь, где звичайно отбывалась козацкая Рада. Тутъ являлся онъ во всемъ своемъ величии и могуществѣ. Самъ онъ, прибранный въ богатую соболью шубу, стоялъ въ серединѣ; окружали полковники, держали надъ нимъ бунчуки, а въ рукахъ свои полковники держали булавы. Народъ и простые козаки стояли кругомъ. При голосѣ бубновъ и трубъ подошелъ Адамъ Кисель Хмельницкому, несучи въ одной руке королевское письмо, а въ другой булаву, усыпанную дорогими камнями. Подавая письмо Гетману, началъ Кисель свое слово, но одинъ изъ полковниковъ прервалъ ему тую, воскликнувши: „Кисель ты кость отъ костей нашихъ, а ты бранился отъ насъ и присталъ до Ляховъ! Хмельницкій приказалъ полковнику выгнать тебя, а Кисель сталъ дальше говорить. Но нагло роздались изъ толпы козацкие голоса: „На що вы принесли тѣ дары? Хотите насъ зновъ уловить въ свои сети? Нехай счезнутъ ваши дары! Не бойтеся нами, а саблею расправляйтесь съ нами, коли хотите! Тримайте собѣ вашу Украину, а Украина намъ Козакамъ нехай станется!“ Хмельницкій былъ на тотъ время спокойный, тожь онъ перервалъ последние и запросилъ комисарей на другой день до себе. Но тутъ началъ уже Гетманъ горячиться: кричалъ и грозилъ: „Либо менѣ со всѣмъ Запорожскимъ

омъ провасти, закричалъ ѓнъ: или зѣ-
 ѣ польской со всѣми сенаторами, ду-
 ми и князьками згинути! Посмотрѣть,
 о и теперь дѣется въ Литвѣ: Радзивиль
 джае русскихъ людей на кѡлъ! Но я
 у написалъ, що если ѓнъ хоть одного
 бѣстиянина погубить, то за тое отвѣ-
 атъ всѣ Поляки, якіи у мене суть въ
 тѣнѣ.“ А звертаючись до Киселѣвъ, ска-
 илъ Гетманъ: „Отречѣтся вы, православ-
 ми паны, отъ Полякѡвъ и останьте съ
 ами! Нехай пропаде Польша, а Русь
 уде тогда пановати!“ — Такъ говорилъ
 етманъ, коли былъ тверезый; но коли
 ругимъ разомъ сидѣлъ межи своими
 олковниками подпитый, тогда говорилъ
 ѣ такъ грозно, що страшно было при-
 сунити до него. „Що тутъ толковати?
 кричалъ ѓнъ тогда до комисарей: —
 ѣ вашей комисіи не буде ничего; вѡйна
 усить розпочатись за двѣ-четыре недѣ-
 ѣ! Выверну васъ всѣхъ ляхѡвъ до горы
 гами, а на послѣдокъ ѡтдамъ васъ въ
 волю Туркамъ. Якіи у васъ порядки?
 ии законы? Паны дѣлають, що хотять,
 короля за нищо собѣ не мають. Най
 роль былъ королемъ, най бы покаралъ
 язькѡвъ и шляхту. Переступить що
 язь, ѡтрубати ему голову; переступить
 закъ ему то саме здѣлати. Вотъ буде
 гды правда! Я, хоть собѣ малый чело-
 къ, а вотъ даль менѣ Богъ такое, що
 теперь единовладный Самодержецъ

русскій. Коли король не хоче быти и родемъ, то якъ ему угодно, най зложитъ корону!“

Переолоханнии комисари хотѣли лскати Гетмана и козацтво обѣщанками заводили що-день переговоры; но Гетманъ всегда сердитый, отвѣтилъ имъ на конецъ: „Шкода говорити! Было переше вести со мною переговоры; теперь вма уже на тое часу. Теперь доконалъ тое, о чемъ и не мыслилъ, а докажу ептого, що и загадалъ. Выбью весь русскі народъ зъ ляцкой неволѣ. Передше во валъ я за свою кривду; теперь буду ввати за нашу православную вѣру. Корля мы почитаемъ, но шляхту и панѣвненавидимъ до смерти. Не пугайте мевашимъ войскомъ! Я ѳтберу вамъ полвину Польщи, бо допоможе мнѣ въ томъ вся чернь по Люблинъ и Кракѳвъ, а ѳтъ ней не ѳтступлю, бо то первая силнаша. У мене буде двѣста-триста тысячвойска. Но за границу съ нимъ не поѳне поѳду воевати Турка и Татарина, а бѳде зъ мене Украины, Волынья и Подля; доволѣ буде русского княжества и Холмъ, Львѳвъ, Галичъ, а въ другу строну по Горынь и Припетъ“. Слова тговорилъ Гетманъ съ крикомъ и угроамн, всакивалъ зъ мѣстця и тупалъ игами. „Онъ такъ розъярился — говоритпотомъ комисари: — що мы, слушаюего, на-скрѳзь подеревѣли“. — Но и по

ки, що були тогдa съ Хмельниц-
 , договорювали комисарамъ що не
 Минули уже тii часы, — говорили
 — коли Ляхи, насъ осѣдлали: те-
 они намъ не страшны! Мы пѳзнали
 Пилавцями, що то не тii Ляхи що
 ъ были, то не Ходкевичи, не Жол-
 ii, але якiсь Тхоржевскii и Заѳнч-
 ii; то дѳти поубираныи въ желѳзо,
 гъ страху умерали, якъ тѳлько насъ
 или“.

Такъ проходили дни за днями, а ко-
 ри не тѳлько не добились ничего,
 це мусѳли боятись за себе самыхъ ;
 ваки съ грѳзными лицами на нихъ
 нися. Въ-конецъ на усильныи ихъ
 енiя, написалъ имъ Хмельницкiй
 условiя мира: 1) Въ цѳлой Руси
 дити слѳдъ и память унii; 2) Митро-
 гъ Кiевскiй буде занимати въ Соймѳ
 е мѳстце по примасѳ (найстаршомъ
 бискупѳ польскомъ); 3) всѳ уряды
 тоинства на Руси мають быти об-
 ны православными; 4) козацкiй Гет-
 буде зависимый тѳлько ѳтъ самого
 я; 5) жидамъ не свободно поселя-
 на Украинѳ; 6) Геремiя Вишневец-
 е буде николи начальникомъ войскъ
 жихъ.

Ли условiя перемирiя, принятого
 ьницкимъ на три мѳсяцѳ, пѳдписа-
 льскii комисари, но пѳдписали они
 о для того, щобы здорово выдѳста-

тись въ Польшу; знали бо они, що король ни шляхта не пріймуть и не твердятъ ти условія. — Уже и въ самой хвилѣ заключенія перемиря соблюдалось оно ни зъ одной, ни зъ другой стороны Селянскіи русскіи загвозставшіи разъ противъ притѣснителъ своихъ, не дали себе теперь ничѣмъ вздержати. Борьба ихъ на Волыню и дѣлю не уставала ни навѣть въ той чколи Хмельницкій спокѣйно сидѣлъ Переяславлі. Селяне вязалися самъ собою въ численни сильнии загвозпадали на польскіи крѣпости, на двокостелы и розрушали все безъ помванья. — То само дѣялось и зъ польской стороны. На Волыню собиралось польское войско, а съ нимъ находило много ныхъ панѣвъ и стали давнымъ обычаемъ притѣснати народъ. Изъ обохъ сторонъ возрастала завязанность и розъяренность, хотя воевода Адамъ Кисель, повертавъ съ тяжкимъ сердцемъ изъ Переяславоговоривалъ панѣвъ шляхту, щобы яко вѣдай лучше воспитанныи и обрваннии люди, поскромляли супроти простого народа свою злобу, но все его уговорюванья не помогли ничогкровь ліялась зарѣвно хлопска, якпанска. Тутъ, то тамъ, по всему Волы и Подѣлю отбывались напады, погони и розбои, що страшно было по краю поглянути.

Въ виду такихъ обстоятельствъ не было наименьшой надѣи на постоянный миръ. Съ одной и другой стороны приготовлявано новую войну, которая въ концѣ обновилась еще передъ срокомъ заключеннаго тримѣсячнаго перемирія.

Отновленіе войны. — Осада Збаража.

Битва подъ Зборовомъ.

Комисари, вернувши въ Польшу, предложили условія перемирія, поставленныя Хмельницкимъ, королеви и сенаторовъ. Коли перечитано ти условія, повсталъ межи шляхтою великій крикъ обуренья и гнѣву. Въмѣсто пристати на миръ, постановлено выставити новое войско подъ начальствомъ Лянцкоронского, Фирлея и Вишневецкого, а королеви поручено собрати „посполитое рушенъе“, т. е. загальное ополченіе. Видно, чувствовали уже Поляки крайнюю опасность, коли подняли противъ козацтва всю военную силу зъ цѣлой своей державы. — Но и на Руси не дармовано. Противно, тутъ цѣлый народъ собирался до новой войны. Города и села ставали пустою, бо кто только жилъ, бралъ, що было подъ руками, и спѣшилъ въ Чигиринъ въ головной таборъ Хмельницкого. Селяне покидали свои плуги мимо дорогого

весняного часу и не журились, що дуть вѣсти они и ихъ родины, бо надѣлись жити коштомъ Польщи. Руководники покидали свои варетаты, купці свои склепы, урядники свои уряды, и все шло записоватись въ козаки. Одни старики, дѣти, женщины и калѣки оставались дома. Въ короткомъ часѣ стануло козакомъ Хмельницкого двѣста тысячъ воиновъ. Хмельницкій роздѣлилъ ихъ на полки по двѣсти повѣтовъ, а полки на сотнѣ, сотнѣ на куренѣ. Всѣхъ полковъ утворилось 12, а то 12 зъ правого берегу Днѣпра, а 12 зъ лѣвого. Съ такимъ величезнымъ скопомъ выступилъ Гетмакъ зъ Чигирина и двигался поволи такъ званымъ шляхемъ на Волюнь, выжидаючи еще союзника своего, Крымского хана. Незадолгъ надоспѣлъ и ханъ съ 80.000-ордою Татаръ и соединился съ козаками въ одну армію. Наконецъ надлетѣли еще зъ-за Дона степовыи удалыцѣ, Донскіи козаки, щобы помагати братьямъ своимъ украинскимъ въ бою за вѣру. Вся эта огромная сила посувалась въ-первую очередь на Польскіи войска по́дъ начальствомъ короля. Войска розложились межю тѣмъ по́дъ Збарожомъ. На самъ слухъ, що приближается Хмельницкій съ силою безъ числа, переполохалась шляхта съ своими царицами, слугами и локаями такъ, що хотѣли бѣжати изъ по́дъ Збаража. Но въ Вишневецкій, человекъ рѣшительный,

блый и до того любленный жолнѣрами, умѣлъ ихъ ободрити своимъ мужествомъ и горячою промовою, та отвелъ ихъ въ постыднаго бѣгства.

Поляки окопались пѣдъ Збаражемъ, своимъ обозѣ. Дня 29-го Юнія стануль пѣдъ Збаражемъ также и Хмельницкій союзникомъ Ханомъ и обложилъ польскіи окопы доокола своимъ войскомъ, чтобы пальбою и голодомъ довести Поляковъ до зданьяся. Въ округъ польскаго ла велѣлъ Гетманъ насыпати валъ высокій, и поставивши на него свои пушки, лилъ зъ нихъ въ таборъ неприятеля. Тогда — якъ говоритъ одинъ польскій историкъ: дерлось хлопство на польскіи окопы якъ смола, а татарскіи стрѣлы, летящии кривыми лучами, затемняли солнце“. Ночію подняли Поляки свои окопы выше, но и Хмельницкій поднесъ свои выше, такъ, що не только изъ пушекъ, но уже и зъ стрѣльбъ можна было бити въ польскій таборъ. Валъ концы былъ такъ высокій, що якъ только кто изъ польскаго табора выставилъ голову, въ сей-часъ его убивали; а крѣмъ того врывались козаки въ окопы и забивали возы со всѣми ладунками и хватали воиновъ въ неволю. Прійшла на Поляковъ отчаянная година: одинъ изъ нихъ, бывшій тогда пѣдъ Збаражемъ, говоритъ: что въ той-часъ братъ брату не смѣлъ одати помочи: ксендзы не могли при-

готовляти воиновъ на смерть. Гѣрше б
 козацкой пальбы докучала имъ спеш
 тѣснота, гнитье труповъ и голодъ. П
 пасы всѣ были истреблены; ничего
 можъ было достати за нѣяку цѣну;
 ны отвыкли уже ътъ своихъ роскошны
 пировъ, а кормились кѣнскимъ мясом
 шляхта рѣзала свои шкалы, а коли
 тыхъ не стало, то кормленося стерво
 собакъ, котѣвъ и мышей, или гряз
 сирую землю; до питья была еще ва
 но съ червами и суровицею изъ трупо
 До того всего дразнили ихъ и насмѣ
 лись зъ нихъ русскіи хлопы, сидячи
 валахъ. „Коли то — ругали они: буд
 вы панове, ътбирати чиншъ зъ Украин
 Рѣкъ уже, якъ мы вамъ ничего не п
 тили, а тутъ конѣ ржуть, волю поша
 ли, на ярмарокъ до Вроцлава гнати
 хочуть. Ей панове, годѣ вамъ въ ваши
 норахъ долше держатись: тѣлько ду
 контуши поваляли, лазячи по вала
 Вѣдь все то наше, тай самы вы пона
 те въ добычу Татарамъ. Ото вамъ ш
 сіи, аренды, панцины, сухомельщи
 здирства! Гарна вамъ была тогды му
 ка, а теперъ вамъ такъ славно загр
 въ дудки козаки“.

Насмѣвающись зъ бѣды панѣвъ, и
 снѣвовали собѣ хлопы пѣсенку, и
 самы уложили: „А що то за хижба
 тамъ на вырѣжку? Пѣдъ тою хиж
 Ляхи сидѣли, собакъ лупили, пожи

мали, зубами тягали. Ой дѣду Фирлѣю, дай намъ олѣю! А ты Вишневецкій, ди танчикъ по нѣмецки!“ Служали все е Поляки — и гинули изъ голоду, та вно уже хотѣли здатися; но Вишневецкій не допустилъ до того: однихъ стыдалъ за ихъ трусливость, другихъ ободрялъ надѣю на недалекую порочь, а самъ былъ безъ отдыха всегда на ногахъ. „Лучше умремъ всѣ до одного, — кричалъ онъ: якъ маемъ стати русами хлопству на потѣху“. Но и самому Вишневецкому не ставало уже крѣпкого духа. Единственная его надѣя была помочь отъ короля, а тутъ о королю ни слуху, ни дыху. Ажъ найшолъ онъ межъ воими одного смѣльчака, молодого шляхтыча Скржетуского, который пѣднѣлся перебитися черезъ козацкій валъ и тагоръ и донести королеви о безвыходномъ положеніи польского войска пѣдъ Збаржемъ. Скржетускому удалось замышленое дерзкое дѣло: переодѣвшись за русского хлопа, онъ переплилъ ночью черезъ гавъ, приперающій до польского табора, проползъ якъ змѣя посередъ спящихъ татаръ, и досвѣта найшолся уже на боковнистыхъ мѣстцяхъ за козацкимъ валомъ. Тутъ пересидѣлъ онъ цѣлый день въ укрытїю, а въ ночи поползъ на челевѣ травами дальше и дальше, ажъ доки не достигъ мѣстца, где не было уже нїякой стражи козацкой. Зъ-отти онъ пус-

тился уже смѣло бѣгцемъ ажъ до Торова, где засталъ самого короля Яна Зиміра, собирающаго „посполитое руныѣ“. Король выршилъ вправдѣ въ 40 тысячъ шляхты и 60.000 слугъ уже скорше столицѣ своей, но поступалъ дуже шлди, а то для того особенно, що не имѣніякихъ вѣдомостей ни о Фирми ни о Хмельницкомъ, такъ якъ гонцѣ, высланныи изъ-пѣдъ Збары переловлюваны были русскими селями. Теперь отже дознавшись положительнѣ Скржетуского о несчастномъ и женѣю своей шляхты, пустился онъ, мѣгъ скоро на помочъ осадженымъ стануль уже пѣдъ Зборовомъ неда Збарая. Межи тѣмъ Хмельницкій зъ якъ найточнѣйше о всѣхъ движеніи неприятели, и самы Зборовскіи мѣгъ донесли ему, що король съ „посполит рушеньемъ“ стоить уже пѣдъ Зборовомъ и обѣцяли ему помагати. Гетманъ вилъ половину войска пѣдъ Збарая а самъ зъ другою половиною и стномъ разомъ въ 100.000 мужа выприся противъ короля пѣдъ Зборѣвъ.

Пѣдъ самымъ Зборовомъ стгустый дубовый лѣсъ. До того лѣса велъ Хмельницкій свое войско и дился уже пѣдъ самымъ бокомъ полго обоза, никѣмъ изъ Поляковъ не зченый. Изъ лѣса видно было все дѣялось въ польскомъ обозѣ. Дня 5.

и, въ само полудне, увидѣли козаки, войска польскіи почали переправлять черезъ рѣку Стрыпу. Половина войска уже переправилася и засѣла безпечно объѣда, не надѣючись ніякого нападенія. Въ той хвили на знакъ Гетмана или на нихъ козаки и Татары напали, и были такъ наглы и такъ сильно, что поляки не могли ни то утѣкати, ни оборонитись, и всѣ были вытѣяты и убиты. Погибло тогда много самой лучшей шляхты; на полѣ мѣста застѣся луги польскими трупами. Однакоже онець на томъ; за хвилю розпочалась уже борьба на противномъ берегу, и былъ самъ король и тутъ загорѣла въ наибольшій завязности. Три раза подавалось назадъ польское войско; но король разы поддержалъ ихъ отвагу самъ и вывелъ ихъ, видаючись въ тѣ мѣста, где начался бой на лютейшій. До глубокой ночи держались Поляки, но окружены всѣхъ сторонъ, не мали уже надѣи на спасеніе. Коли ночью бой прекратился, говорили паны королеви, щобы спасался король, такъ якъ тутъ выжидаетъ его неминуемая гибель; однакъ стыдно было королеви хватитись того способу ратунку и онъ отозвался: „Николи не пощеду себе слабымъ трусомъ; хочу устояти до конца, хочу жити и умирати съ войскомъ“. Онъ приказалъ войску окопаться и готовился до завтрашняго бою.

Настало рано, а съ нимъ началась новая борьба. Козаки ударили на окопы, окопы не выдержали, а козацкое войско ворвалось въ польскій обозъ, рѣзало и истребляло все безъ милосердія. Число Польковъ уменьшалось съ каждою хвилиною, въ-конецъ осталась лишь малая горстка коло короля. Еще одна хвиля, а уже и само польское до послѣднаго было бы истреблено и король найшолъ бы ся въ неволи. Но въ той послѣдней хвили рѣзнулся неожиданно воскликъ: „Згода! Згода!“ То былъ голосъ самого Хмельницкого. — На голосъ той застановленной битвы, — козаки перервали кровавый танецъ! Що было причиною такъ на того застановленья битвы, трудно рѣшилось здається, Хмельницкій почиталъ короля такъ высоко, що видячи его въ такій крайній опасности, не хотѣлъ допустить до оскорбленья або заглады его особы.

Вечеромъ начались мирныя переговоры, и то напередъ межъ королемъ и татарскимъ ханомъ. Король заключилъ умову, по которой обовязался платити ханови щорѣчно 90.000 золотыхъ и одразувану дань 200.000 золотыхъ. На другій день прислалъ Хмельницкій въ польскій таборъ своихъ пословъ до заключенья договора. Паны польскіи, помимо того, що змяты и розбиты были на всѣхъ точкахъ; помимо того, що теперъ они ходились въ рукахъ Хмельницкого,

Гѣли зъ початку вступати въ перего-
ры съ тыми (якъ ихъ называли) „збун-
ванными хлопами;“ однакъ въ-конецъ
всудилъ король, що не ма инной рады,
лько миритись съ Хмельницкимъ и
вняти условія, якии ѓнъ предложитъ.
Такъ заключено съ козаками и пѓдпи-
но окремый договоръ пѓдъ Зборовомъ,
торый ѓтъ того названъ Зборов-
имъ договоромъ; а заключено его
такихъ условіяхъ:

- 1) Войско козацкое буде состояти изъ
40.000 мужа, записаныхъ въ ре-
естрахъ зъ воеводствъ Кіевского,
Брацлавского и Черниговского.
- 2) Въ тыхъ мѣстцахъ, где будутъ
козаки, не свободно стояти корон-
нымъ войскамъ.
- 3) Въ козацкихъ земляхъ не смѣють
поселятись жидаы.
- 4) Що до уніи, здѣлається окремое
постановленье за согласіемъ Кіев-
ского Митрополита.
- 5) Митрополитъ Кіевскій буде засѣ-
дати въ державномъ Соймѣ.
- 6) Всѣ уряды и достоинства въ озна-
ченныхъ русскихъ воеводствахъ за-
нимати будутъ тѓлько православ-
ныи.
- 7) Городъ Чигиринъ съ его округомъ
остане на всегда при булавѣ гет-

манской, яко маєтностъ Гетманъ Хмельницкого.

18. Езуиты не мають права находитись въ Кіевѣ и въ тыхъ городахъ где суть русскіи школы.
19. Всѣ тіи условія будутъ затвердены на Варшавскомъ Соѣмѣ, а что было и дѣлалось до тыхъ по предано буде забвенію и насте згода межи Русію а Польщею.

Условія тіи договора підписаль роль, скрѣпилъ печатію, и документъ передано Хмельницкому.

На другій день явился Хмельницкій Старшинами въ польскомъ таборо приступилъ до короля и приклонилъ передъ нимъ одно колѣно, заговорилъ него: „Много уже лѣтъ обернена была насъ, вѣрныхъ твоихъ слугъ, жестока и кровавая ненависть польскихъ пановъ. Всѣми способами топтали они правъ свободы наши, а войско Запорожское важали своими рабами. Священники были для нихъ гѣрше магомеда. Захвативши всю власть въ свои руки они не дали намъ свободного голоса соймахъ; насилія, убійства, оскорбленія всякого рода терпѣли мы ътъ нихъ. жаловались, но насъ не выслухано. Оставивый королю! мы не обманювали тебе, представляючи причины, якіи при

ли насъ станути въ оборонѣ нашей жизни. Терпѣливость наша перебралась : мы принуждены были вязатись съ чужеземцами противъ шляхты. Такъ и годѣ уждати насъ за тое, що мы обороняли свою жизньъ и имѣніе. И скотина бо, если и мучать, буде боронитись. У мене нешло николи мысли поднимати оружіе противъ Вашего Величества, короля нашего: мы возстали тѣлько противъ тѣхъ татарыи козацтвомъ презирали, которыи ненавали насъ, якъ самыхъ найпослѣднѣйшихъ рабѣвъ“.

На тую бесѣду Хмельницкого не отвѣтилъ король ни слова, а тѣлько въ рѣшчаніи подалъ гетману руку, которую тойже съ почтеніемъ уцѣловалъ. Тѣлько канцлеръ князь Сапѣга заявилъ въ имени короля, що все минувшее забудеться и прощается.

Другого дни послѣ того свиданія разошлись враждебныи войска. Поляки отправились въ Польшу, а Хмельницкій съ побѣдоноснымъ козацтвомъ поступилъ въ Збаража, где была другая половина польскаго войска. Мирный договоръ Зборовскій прибавилъ бѣдныи остатки залого польской въ окопахъ Збаражскихъ. Не много ихъ уже и было, бо изъ 10.000 мужа стало ледви 3.000, а и тіи, коли выходили изъ оконѣвъ на свободу, выглядали съ настоящии мары, наскрѣзь изнемо-

жены, изхудѣлы, и ледви держали на ногахъ.

Одновременно застановлено вой также на Бѣлой Руси и на Литвѣ, и народное возстаніе прибрало такожь ликіи размѣры. Тутъ лютился особен полковныкъ козацкій Кречковскій козаками и прилучившимися до него п дамаками, розбиваючи многіи пол польскіи. Вѣсть о заключеномъ догово утихомирила и тіи народныи возстані

Изъ-пѣдъ Збаража верталъ ме тѣмъ Хмельницкій ва Украину въ сла и чести. Всюда виталъ его народъ достными воскликани яко избавити своего; всюда раздавались торжественнi голосы звонѣвъ, а люди русскіи, раду чись о подвигахъ Гетмана и войска выходили противъ нихъ съ процесіа съ хлѣбомъ и солею. Радость народа да безъ границъ, бо ему засвитала над що ѓнъ, выбитый изъ панской нево начне жити иннымъ житьемъ, житье на свободѣ, середъ мира и гаразду. То по крайней мѣрѣ думалъ тогда усно енный уже русскій народъ, уповаючи то, що коли Поляки и самъ ихъ кор дознали такои бѣды и нужды пѣдъ З ражемъ и Зборовомъ, то они въ конц прійдутъ до розуму и перестануть кр дити нашу Русь, котора зъ того часу Хмельницкого, уже на-правду почала и учити того розуму. Однакожь покаже

льше наша Исторія, що не такъ то
 го было, заслѣпленныхъ гордостію и
 хомъ езуитскимъ панѡвъ польскихъ
 учити простого людского розуму,

Послѣдствія Зборовскаго договора

Якійсь часъ тревала на Руси общая
 достъ зъ причины счастливого закон-
 нья вѡйны. Упоенныи побѣдами Руси-
 ы ликовали о своей славѣ въ почутію
 юей великой силы. Къ сожалѣнью, и
 перь не долго было той радости, бо
 скорѣ настала для Руси новая бѣда, и
 овыи клопоты возмутили радостное на-
 троенье народа, и погрузили его въ но-
 ан бѣдствія и смуты. — Вскорѣ пока-
 шось, що Зборовскій договоръ,
 торый малъ улегчити черную долю
 уси, не мѡгъ быти сохраняемый ни По-
 ками, ни Русинами. Предовсѣмъ зая-
 ши тутъ Поляки свое неудовольствіе:
 ни уважали условія Зборовскаго дого-
 ра унизительными для своей державы.
 году съ козаками на такихъ условіяхъ
 ь которымъ мало быти теперь ажъ
 .000 реестрово-козацкаго войска, а такъ
 и зъобовязанье давати Татарамъ по-
 ыдную дань, считали Поляки великимъ
 я себе оскорбленьемъ и затѣмъ поста-
 вили сей-часъ договоръ зѡрвати.

И такъ, коли на пѣдставѣ Зборовскіа договора явился русскій Митрополитъ Сильвестеръ Коссовъ въ Варшаву, чтобы заняти почетное мѣсто въ Союзѣ, подняли польскіи бискупы великій крикъ и грозили, що самы, они выступять въ Союзѣ, если въ томже засѣданіи не будетъ „шизматичкій“ Владыка! Митрополитъ, узнавши о тыхъ угрозахъ, не заходя даже въ Союзъ, а повернуль въ Кіевъ. Такъ само оказалось невозможнымъ осуществленіе уніи. Король издалъ вѣдугу, которою затверждены были права православной церкви и ненарушимыя церковныхъ и монастырскихъ имуществъ; позволено ѡтновляти русскіи церкви, оставлено русскому духовенству надзоръ надъ школами; однакъ грамота та была мала нѣякой силы, такъ зарѣвно, явилась всѣ давнѣйшіи подобныи грамоты, издаваемыи намъ надаваемыи. Такимъ способомъ же Поляки первыи нарушили договоръ Зборовскій.

Но и русскаго народа не задоволили той договоръ. Въ сей-часъ по закончаніи войны показала бѣда ѡтъ того, що вѣдуга року селяне не орали и не сѣвали своихъ полей, бо все мужество служило въ козацкомъ войску: те же, коли люди тѣи повернули домоу, стали тутка пустки и нужду. Но то не конецъ бѣдѣ. Пришло бѣдѣе крѣпче еще ѡтъ самого же договора. По

30 договору мало быти 40.000 мужа ко-
зако́въ. Хмельницкій зачалъ списовати
реестръ, та при великомъ стеченью охот-
никовъ новобранцевъ записалъ ко́лька
тысячъ бо́льше, якъ было условлено въ
договорѣ. Наибольше козако́въ явилось
туть у Гетмана изъ дѣбрь панѣвъ По-
тоцкого и Вишневецкого. Съ козаками
отпадала отъ тыхъ панѣвъ и тая часть
земль, которую они занимали, бо тую у-
важали козаки яко до нихъ належашую.
Кромѣ того забралъ Хмельницкій панамъ
цѣлыи маетки, т. е. села и хуторы съ по-
лями и лѣсами пѣдъ тымъ предлогомъ,
що они колисъ належали до козако́въ.
Тѣ имѣнїя отдавалъ онъ своимъ Стар-
шинамъ полковникамъ, которые отъ те-
перь становили высшее сословіе русского
народа, сословіе русскихъ дворянъ.

Решта народа, невписаного въ реест-
ры козацкіи, мала зновъ повернути пѣдъ
власть панѣвъ; но власне изъ того имен-
но выйшла наибольшая трудность, бо
тѣ то люди нїякъ не хотѣли пѣдъ сво-
ихъ давныхъ панѣвъ вертати. По окон-
ченїю реестрованья зачали и паны по-
вертати до своихъ имѣнїй, и туть они
заводили знову старыи порядки, до того
мстились, где могли, на „хлопахъ“, слѣ-
дили, выглядовали зачинцико́въ бунту,
и тыхъ вбивали навѣтъ и безъ всякого
суду на палъ, отрѣзовали имъ ноги и у-
ши, выколювали очи и прч. Народъ, не

видячи и теперъ для себе найменьшоу
улегченья, а противно, дознаючи еще
больше всякого насилія и всякихъ надъ
людскихъ наказаній, роптали по́дносили
въ небо голоса. „Якъ то? — кричали
хлопы: мы маемъ зновъ робити панщи
ну? А гдежь обѣтницѣ Гетмана? Чина
не всѣ мы были козаками?“ Народъ все
да волновался, отказовалъ послушенство
панамъ, отъказался робити панщину, а ще
гѣрше, началъ на-ново собиратись грома
дами, составлялъ „загоны“, и тѣи зновъ
кидались на панскіи имѣнія, палили, ни
щили, рабовали дворы, и прогоняли па
новъ до Польщи. Одинъ зъ найзавзятѣй
шихъ и найстрашнѣйшихъ гайдамацкихъ
загонѣвъ бушовалъ по́дъ проводомъ ко
зака Ничая, полковника Брацлавского —
Хмельницкій въ той бѣдѣ хотѣлъ
по крайней мѣрѣ для виду сохранити
миръ и не дати причины до нового роз
рыва съ Польщею, и для того то онъ
выступалъ противъ збунтованныхъ хло
повъ, а часто даже велѣлъ ловити гайда
мацкихъ начальникѣвъ и казнити ихъ
щобы якъ-такъ принудити народъ до по
слушанья панамъ. Но тѣи мѣры лишь
еще больше озаострювали справу и по́д
носили народъ противъ самого Гетмана.
Полковникъ Ничай выслалъ до Хмель
ницкого своихъ депутатѣвъ и велѣлъ ему
сказати: „То ты, батьку Гетмане, поки
даешъ тыхъ, которыхъ ты обовязался бо

ронити? Хиба-жь ты слѣпый, не видишь, що Ляхи обдуряють тебе и хотять тебе порожнити съ вѣрнымъ твоимъ народомъ!... Хмельницкій, тронутый тыми словами народа, отвѣтилъ : „Не бѣйтеся! я васъ не опущу. Въ реестры бѣльше козаковъ принимати не могу; однакъ кто хоче быти вольнымъ козакомъ, нехай такимъ и буде“. Въ сей-часъ по томъ скликалъ Гетманъ до Переяславля козацкую Раду, а на той Радѣ порѣшено: щобы каждый зъ козаковъ добралъ собѣ еще по двоухъ людей, одного конного, а другого пѣшого, вслѣдствіе чого число войска козацкого далеко перейшло означену границу, бо зновъ назбиралось его до 200.000 мужа. На той Радѣ постановлено еще, що еслибы Поляки не схотѣли додержати условія Зборовского договора, то щобы удатись до Московского Царя и просити его о зашити. Однакожь все тое не уллучило, не злагодило справы; ба, прогнаныи паны польскіи вертали на Русь съ шайками нанятыхъ жолнѣровъ, вривались въ збунтованыи села и выправляли страшную рѣзню, такъ, що хлопы одни утѣкали и поселялись въ московскихъ земляхъ, а другіи знову збирались „загонами“ и ставали до битвы съ польскими жолнѣрями. Въ виду такихъ обстоятельствъ позналъ Гетманъ, що не ма и надѣи на який миръ, и що если не днесь, то завтра мусить крѣтчи

до новой великой вѣины съ Польщею, и для того онъ за-вчасу оглядался за союзниками.

Дотеперѣшній союзъ козакѣвъ съ Татарами не былъ первый; Татары бо требовали безъустанно грошей и подарковъ и для нихъ то все одно было, держати съ Хмельницкимъ, чи съ Польскими, бо для нихъ былъ той лучшей, кто больше давалъ. Затѣмъ на ихъ дружбу не можна было полагати. Лучше бы было забезпечити собѣ помѣчь у другихъ державъ. Султанъ турецкій приставалъ отнюдь на союзъ съ козаками, но онъ не хотѣлъ, чтобы Украина ему подалась. Хмельницкій же боялся, что народъ и духовенство будутъ противны такому османскому поданству. По той причинѣ рѣшился Хмельницкій глядати поспѣшичи у велико-русского Царя Алексея Михайловича, а то тѣмъ больше, что народъ смотрѣлъ на Великую Русь какъ на державу, собѣ не чужу, и радо вглядывалъ отъ ней покровительства. То чтобы не тратити часу Хмельницкій послалъ до Царя посольство съ подарками и съ тою просьбою, чтобы онъ принялъ покровительство надъ Украиной. Царь принялъ посольство ласкаво, отвѣтилъ, что онъ на теперъ еще от того долженъ вздержатись, бо его лучи съ Польщею примирительный договоръ, однакъ онъ не откаже козакамъ сво

лучи, коли тільки прийде на то удоб-
на пора.

Межи тѣмъ дѣйшло до вѣдомости
мана, що Поляки пѣдъ его плечима
каются съ Татарамы и хотять ихъ
гнути въ союзъ противъ Великой
и противъ Хмельницкого. Щобы
обѣгчи тому, вступилъ Хмельницкій
гъ-скорше въ сношенія съ Султаномъ
ецкимъ, который былъ верховнымъ
дѣтелемъ Крымскихъ Татаръ, и той
Татарамъ указъ, щобы они держа-
я Хмельницкого и помагали ему про-
тъ Польщи. Хмельницкій скорысталъ
сей-часъ зъ той дружбы Султана и
требилъ Татаръ въ своей справѣ съ
лдавою. А была у Хмельницкого
а справа съ Молдавою, що уже передъ
гъ молдавскій господарь Липула обѣ-
гъ ѳтдати свою прекрасну доньку
ину-Розанду за Гетманового сына,
моша Хмельницкого. Коли однакъ
ерь Липула не хотѣлъ додержати да-
о слова, написалъ Гетманъ до него
ьмо съ такимъ заявленіемъ: що если
не ѳтдасть своей доньки за Тимоша,
Гетманъ вышле за нею 100.000 сва-
гъ. Якъ заповѣлъ, такъ и здѣлалъ
ельницкій. Призвавши собѣ на помочь
000 Татаръ, выслалъ ѳнъ въ Молдавію
сленное войско пѣдъ начальствомъ сы-
свого Тимоша. Войско тое заняло
кны города молдавскіи и дѣйшло

ажь до самой столицѣ молдавской Яс. Татаре mezi тѣмъ бушевали по вѣмъ сторонамъ, пустошили и рабовали. Далеко теперь смирился Господарь Липула, да Татарамъ 30.000 таларѣвъ окупу, а Тимошомъ заручилъ свою доньку Доминку Розанду.

Уладивши такъ свое дѣло въ Молдавію, задумалъ Хмельницкій зновъ правитись съ Польщею. Волненія родныи не уставали; польскіи шаки и жолнѣрѣвъ дѣлали изъ своей стороны всякіи пакости Русинамъ, отже требовало было конечно дѣло рѣшительно покончить. Въ той цѣли выслалъ Гетманъ осенью 1650 г. трехъ козацкихъ Старш до Варшавы на воймъ и затребовалъ черезъ нихъ: 1) щобы панщина была всегда знесена, именно щобы въ воеводствахъ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Подольскомъ жаденъ панъ ни шляхты не малъ власти надъ хлопами; 2) щобы шляхты, причина всѣхъ роздорѣвъ, была разъ уже совершенно уничтожена, щобы тѣи условія вразѣ съ условіями Зборовского договора заприсяжены были значнѣйшими сенаторами Польщи, щобы Польша въ поруку, що условія будутъ додержаны, дала козакамъ въ догъ панѣвъ Вишневецкого, Конецкого, Любомирского и Калиновского.

Паны польскіи, учувши такіи требованья, пѣдняли ужасный шумъ и бѣ

ть то? — закричали они: той хлоп-
 Гетманъ важится домагатись, щобы
 бвъ зрѣвно со хлопами, щобы ска-
 ти подданство и унію! Та вѣдь на
 щинѣ и на унії стоить наша Польша!
 ще смѣе онъ собѣ забагати, щобы
 и на заложникѣвъ нашихъ найзна-
 йшихъ панѣвъ и вельможъ? Хиба
 небо насъ покарало, що народъ
 цкій на Руси смѣлъ такъ до насъ
 итись! О, скорше всѣ погибнемъ,
 бмъ допустимъ до такого сорому
 щи!“ Сенаторъ Адамъ Кисель
 ѣ доказовати, що треба конечно
 щити унію, бо каже: ажъ тогды за-
 ве миръ и православныи будутъ вѣр-
 боронити интересѣвъ Польщи. Однакъ
 сь Киселя былъ безъуспѣшный; По-
 и закричали его, сказуючи, що теперь
 ушилъ уже Хмельницкій ихъ рели-
 ции чувства, и затѣмъ рѣшили вы-
 вѣсти ему вѣйну. Самъ король не хо-
 ь допровадити до новой вѣйны, ста-
 я отже задобрити ласками козацкихъ
 шинѣ и здѣлалъ ихъ „шляхтичами“;
 шляхта не ѣтступила ѣтъ своего, и по-
 ювила собрати „посполитое рушеньє“
 дти вѣйною на Хмельницкого.

Хмельницкій, получивши вѣсть о та-
 ь оборотѣ дѣлъ, издалъ въ сей-часъ
 версалъ до всего русского народа съ
 вѣщеньемъ: що начинается новая

вѣйна съ Польщею, скликалъ военную Раду, которая и рѣшила выжидати неприятеля на Украинѣ.

Такимъ способомъ не удержался миръ и одного року; договоръ Зборовскій ужасали Поляки для себе постыднымъ, а Русинѣвъ онъ такожь нинѣ не удовлетворилъ, бо былъ только на паперѣ, а на дѣлѣ его вовсе не было. Мушло отже прійти до новой кровавой розправы, до новой борьбы на смерть и житье, а счастье военное мало рѣшати, которая сторона буде диктовати права.

Новая вѣйна съ Польщею. — Битва пѣдъ Берестечкомъ 1651 г.

Съ готовымъ до вѣины козацкимъ войскомъ стоялъ Хмельницкій на Украинѣ и выжидалъ обѣщанной помочи татарского хана. Въ той часъ пріѣхалъ на Русь Коринтскій Митрополитъ изъ Греціи и привѣзъ Хмельницкому мечъ, посвященный на гробъ Господнемъ. Самъ Патріархъ Цареградскій прислалъ Хмельницкому грамоту, въ которой захочалъ его до вѣины противъ ворогѣвъ православія. Однакоъ русского войска было теперь уже меньше, чѣмъ минувшого року, а то не лишъ зъ причины недавней молдавской выправы, но еще и для того, що хлопы стали недовѣряти Гетману за черезъ то, що онъ не запомнѣлъ про нихъ.

Зборовской угодѣ, и що также союзъ старыми не былъ имъ по сердцю. Не бо, хотяи и были въ союзѣ съ двомъ, но рабовали по дорозѣ безъ ру такожь и русскіи землѣ и забивъ полонъ русскіи невѣсты и дѣти.

Хмельницкій не рѣшился о своихъ выступити на короля, а тымъ чазброились Поляки добре, нагромадили войска до 200.000 люда и спровадили авеликіи гроши наемное войско нѣмец-Папскій легать (посланникъ-бискупъ) въ польскому войску благословенье святого Отца, а королеви посвящевъ Римѣ мечъ. Тое благословеніе закло дуже Полякѡвъ. Король означилъ борное мѣстце для своего войска го-Сокаль.

же въ Февралѣ 1651 г. потыкались овьи козацкіи стражи съ польскими ами. Коло Каменця на Подѡлью въ Потоцкій съ Калиновскимъ зъ) войска. Калиновскій напалъ неча-на мѣсточко Красне недалеко Бару, тоялъ полковникъ Ничай съ 3 ты-ми козакѡвъ. Завязалась тутъ стра-ая рѣзня. Ничай съ своими боро-отчайдушно; однакъ въ конци по-были козаки перемагаючими поль-и силами. Самъ Ничай, пострѣляный рубаный на цѣломъ тѣлѣ, полягъ на поли битвы. Заразъ потомъ збу-Калиновскій вѡлька Подѡльскихъ

городѣвъ, но подѣ Винницею доста
 заслуженную отплату за Ничая. Въ Ви
 ницѣ стоялъ славный полковникъ коза
 кій, прехоробрый Иванъ Богунъ. Ма
 у него было войска, но своею хитрос
 и удивительнымъ знаніемъ военного
 ла прогналъ онъ Калиновского зѣ-по
 Винницѣ и разбилъ его войска такъ.
 Калиновскій ледви съ частиною сво
 отряда успѣлъ утѣчи подѣ Каменецъ
 соединитись съ Потоцкимъ. Зѣ тои по
 не смѣло уже войско польское вылави
 изъ своего табора, а выжидало удобн
 способности, щобы оставити Каменецъ
 получитись съ головною армією и съ
 сполитымъ рушеньемъ.“ Положенье
 тоцкого и Калиновского ставалось тѣ
 незноснѣйше, що доходили вѣсти,
 Хмельницкій уже въ походѣ.

Съ початкомъ мѣсяця Мая стану
 король съ огромнымъ войскомъ подѣ
 калемъ и намѣрилъ соединитись съ
 рядомъ Потѣцкого и Калиновского. Хме
 ницкій стоялъ межи тѣмъ дармѣ на У
 инѣ и выжидалъ Татаръ. Но Татары
 являлись. Коли же дознался Гетманъ,
 король уже подѣ Сокалемъ готовъ ве
 пити въ бой, рѣшилъ не дожидати
 дальше Хана, а двинулся на Волы
 щобы не допустити соединенья кор
 съ Потоцкимъ и Калиновскимъ. Въ
 цѣли онъ выправилъ 40.000 мужа по
 начальствомъ полковника Джеджали

в Каменецъ, щобы той ударилъ на По-
тоцкаго, а самъ пустился къ Тернополю,
щобы станути тамъ съ своими 80.000 коза-
ковъ межи королемъ а войскомъ зъ-пôдъ
Каменця. Былъ то плянъ хорошо обду-
маный, однакъ ôнъ не удался, бо былъ
не за пôдно поднятый. Потоцкiй до-
ждался за-вчасу о движенiяхъ козакôвъ,
бѣжалъ чѣмъ скорше изъ Каменця и
спѣлъ соединитись съ королемъ. Козаки
прибыли пôдъ Каменецъ, но тутъ не за-
чали уже и слѣду зъ Полякôвъ. Хмель-
ницкiй, видячи, що плянъ его не повелся,
вернулъ ôтъ Тернополя пôдъ Збаражъ,
щобы выжидати Крымскаго Хана. Такъ
собрали вражii собѣ войска вôлька недѣль
здѣльно: польское пôдъ Сокалемъ, ко-
зацкое пôдъ Збаражемъ. Въ-конецъ пере-
стался король, що мѣстце его пôдъ Со-
калемъ невыгодное, такъ и зачалъ пере-
осити свôй таборъ надъ рѣку Стырь, на
широкое поле пôдъ Бересточкомъ. Тогда
оудалась была козакамъ добрая случай-
ность, погромити польскiй войска, коли
они переходили черезъ болотнистыи мѣст-
ца и черезъ рѣку Стырь; однакъ Гетманъ
не-бѣ увзялся на свою бѣду—чекати на
Гатарь, и пропустилъ тую наилучшую
пôбность.

Ажъ коли Поляки розмѣстились хо-
рошо пôдъ Берестечкомъ, прибылъ
въ-конецъ и Ханъ Исламъ-Гарей съ сво-
ею ордою пôдъ Збаражъ. Уже зъ первого

привитаньяся его съ Гетманомъ видѣно было, що онъ неохотно ишолъ на войну. Закѣмъ еще соединился съ козацкимъ войскомъ, малъ онъ посылати посольство до короля, и тогда уже, якъ позднѣе говорено, обѣцалъ здрадити козаковъ.

Дня 10 Юнія стали подходить въ Берестечко козацкіи и татарскіи войска и они остановились на полѣ миль отъ польскаго табора. На другій день, якъ только зачало свитати, двинулись польскіи войска съ мѣстца, и самъ король началъ уставляти ихъ въ боевой порядокъ. То само дѣялось и въ козацкомъ таборѣ. Возставшее солнце узрѣло уже оба войска, стоящіи на широкой пространности противъ себе, якъ два грозныи великаны, готовыи на данный знакъ кинуть одинъ на другого и въ зажертомъ бѣрозгромити противника, или самому убитыи. — Роздѣленыи рѣвнымъ полемъ стояли ряды противникѣвъ тихо, неподвижно до самого полудня; ни та, ни другая сторона не хотѣла первая начинати.

На-разъ о 2 годинѣ по-полудни двинулась козацкая пѣхота своимъ четырьмя углами; Татары съ дикимъ крикомъ помчались ударити на осередокъ польскіи войска, а въ томъ же часѣ съ польскіи стороны вырвался Іеремія Вишневецъ съ 12 полками регулярнаго войска и началъ съ обнаженнымъ мечемъ на козацкіи четыреугольникъ. Отъ сильнаго

ора заколебались ряды козацкіи: въ четырехугольнику здѣлался выломъ, и туда поскочилъ Вишневецкій, розорвалъ передокъ козацкихъ рядовъ и стануль въ козацкихъ возахъ. Въ слѣдъ за Вишневецкимъ выслалъ король пушки и нѣвѣдкую пѣхоту; прилетѣлъ сюда и Конецпольскій, и такъ закипѣлъ страшный бой. Въ одной хвили загремѣло кѣлькѣ десятъ пушокъ и тысячи-тысячъ самопаловъ; въ небо поднялась черная туча, ругомъ-далеко раздавались крики раненыхъ, стоны умирающихъ, ржаніе коней, мычаніе скота, а скрѣзь дымъ виднѣли потоки крови, купы мертвыхъ тѣлесъ польскихъ и козацкихъ... Надмѣрнымъ усиліемъ козацтва удалось уже выперти Покѣловъ изъ четырехугольника, коли наизъ винулся Ханъ въ бѣгство. За нимъ погнали изъ поля битвы всѣ Татары, оставляючи свѣй таборъ на росхищеніе. Тая неожиданная здрада Хана и со Татаръ змѣшала козакѣвъ. Гетманъ столпѣлъ, и ѣтдавши начальство полковнику Джеджалику, погнался съ Выговскимъ и кѣлькома козаками за Ханомъ, чтобы его задержати и завернути на поле битвы.

Скоро тѣлько спостерегли Поляки, бѣгство Татаръ, заняли быстро ихъ мѣсте и стали напирати и поражати козакѣвъ изъ трехъ сторонъ. Хорошо держался Джеджаликъ, ѣтбивалъ напады

Поляковъ, и вечеромъ занялъ край становище надъ рѣкою Пляшевою, въ задѣ боронили его непроходимыми лота. — По заходѣ солнца палъ густой мракъ, хмары закрыли небосклонъ и лился сильный дощъ, который перерывал горячую, отчаянную борьбу. Поляки вернули до своего табора, козакъ же мали часу и отдохнуть, а взялись часть окопываться изъ трехъ сторонъ изъ четвертой стояли болота. За ночь станули окопы, якъ каменные стѣны. Десять дней держались козакъ окопами, боронились мужественно и держивали страшенную пальбу польскою облоги. Джебжаликъ хотѣлъ вступить на переговоры, однакъ Поляки ставляли кѣи условія, що козакъ волѣли до последнего згинути, чѣмъ принимати тѣя условия. Облога продолжалась; козакъ поновили держатись дальше и выжидали повороту Хмельницкого. Но межѣ та вкрался до козацкого табора неладный замѣшанье: начальство перейшло отъ Джебжалика на Богуну. Хлопы, не выкшии до такъ долгой, правильной войны, начали негодовати; они сходили толпами и толковали межѣ собою такъ: „Що дѣлати? Король хоче взяти Сѣверинъ въ закладъ, они же не хотять и не допускають до мира; а тымъ часомъ Татарѣ руйнують нашъ край, забирають наши жены и дѣти. Найлучше выда-

нихъ Старшинъ Полякамъ, а самы сна-
ся.“ Почувши о тыхъ хлопскихъ
радахъ, уложилъ Богунъ мудрый плянъ,
бы выцофатись изъ того безнадѣйнаго
юженья въ таборъ. Онъ велѣлъ сы-
ти греблю черезъ болота, щобы
в убѣжати. Пóдъ нóчь зъ 28 на 29
днѣя велѣлъ Богунъ хлопамъ начати
греблю съ Поляками, а козаки межъ тѣмъ
розлили на болота возы, шатры, кожухи,
дла, контуши, свиты, мѣшки и всякую
арядь, а коли уже добре вымощена
дла гребля, зачали козаки неспостере-
ю переправляться отдѣлами черезъ бо-
та. На другій день ранкомъ засѣли
опы до снѣданья, а ажъ тогды спосте-
гли, що половина войска и цѣлой кон-
цѣ въ таборъ уже не было. Нагло роз-
ися межъ хлопами крикъ: „Братья! всѣ
пковники поутѣкали.“ На той голосъ
днѣяли хлопны ужасный крикъ; повстало
рашенное замѣшанье. Всѣ исполошены
нулись на греблѣ; греблѣ не выдержали
люди станули тонути въ болотахъ. На-
рмо пóдѣхалъ до нихъ зъ другой сто-
ны Богунъ и приказовалъ, щобы не
пились и ишли поволи и въ порядку;
нищо не помогло; хлопны кидались
ремь - головъ въ розличныи стороны,
кликли одни другихъ и кидались въ воду.
Поляки долго не догадовались, въ
мѣ дѣло; ажъ по якóмсь часѣ они ки-
длись изъ всѣхъ сторонъ въ козацкй

таборъ, гнали за хлопами и убили всѣхъ безъ розбору, безъ помилованья. Якъ не выпрошовались хлопы и зывали „Помилуйте, панове Ляхи! Мы будемъ вѣрны, мы не козаки а мужики“, — было надаремно. Поляки рубали, рѣзали и топили, поки въ-конецъ послѣдній положили головы. Тогда взялись Поляки грабити таборъ: забрали множество оружія, быковъ и коней, 28 пушокъ и пороха, цѣлое свое войско; рознесли шапку Хмельницкого и взяли его шкатулку, письмами и съ 20.000 талярѡвъ.

Такъ, несчастливо для Русинѡвъ, кончилась битва пѡдъ Берестечкомъ. лягло множество русскаго народа голыми на широкомъ поли, розбилась голыми военная сила черезъ лукавую зраду Гетманъ; — но помимо того завзятіе русскаго народа противъ ненавистнаго шляхты Польщи не зломилось!

По розбитію козацкаго табора розсталъ король „посполитое рушенье“ регулярное (кварцянное) войско въ 40 тысячъ мужа кинулось пѡдъ начальствомъ Вишневецкаго, Потоцкаго и Калиновскаго защищати Украину и розбивати козацтва остатка.

Поворотъ Хмельницкаго отъ Татаръ. Поляки вступаютъ на Украину.

Где же подѣвался въ ту несчастную пору батько Хмельницкій? Куда онъ пропалъ? Чому не верталь подъ Берестечко, спасти славу козацтва, а оставилъ свое въ самую горячѣйшую хвилию судьбу на произволь? Никто не зналъ, куда онъ подѣлся, лишь доходили глухія вѣсти, що сидить у Татаръ въ неволи.

А оно такъ случилось съ Гетманомъ: Изъ поля битвы помчался онъ за Ханомъ догналъ его, но вмѣсто щобы наловити Татаръ къ повороту, дѣстался самъ подъ стражу. Розъяренный Ханъ не смѣлъ собѣ ничего говорити, а повлекъ съ обою Гетмана ажъ въ Крымъ, держалъ его тутъ въ неволи и требовалъ отъ него окупы.

Хмельницкій послалъ тогда Выгового до Чигирина по гроши, и доперва коли той привѣзъ 800.000 таларѣвъ. пустилъ Ханъ Хмельницкаго на волю въ одной сорочцѣ и жупанѣ.

Прѣхалъ Гетманъ на Украину до мѣстечка Павлочи и пилъ изъ грызоты три дни и три ночи. Тутъ стали сходитись до него полковники съ останками разбитыхъ полкѣвъ. Коли онъ узрѣлъ Старшинъ, бывшихъ подъ Берестечкомъ зачудовался и закричалъ отъ испуга: „А таборъ где?“ — „Уже чорты взяли та-

боръ! Мы утѣкли съ табора!“ от-
чали козаки. — „Якъ то?“ запыталъ
манъ недовѣряючи: „а хоругви где?“
„И хоругви пропали.“ — „А гарматы
„И гарматы.“ — „А шкатула съ чер-
цями?“ — „Про тую не знаемъ,“ отвѣ-
ли въ смущеніи козаки. Тогда Хмель-
кій рвалъ на собѣ волосы, прокли-
себе и цѣлый свѣтъ, що дожилъ та-
соромъ.

Вскорѣ однакъ ободрился вновь
манъ и замышлялъ уже собирать гр
на новую войну, та на бѣду почаль
родъ бунтоватись противъ Хмельни-
го. Говорено въ народѣ, що Гетманъ
такуе панамъ; нарѣкано и за-союз
Татарами. Въ многихъ мѣстцяхъ с
рались „Черныи рады,“ и замышляю
же скинути Хмельницкого съ гетманс
Но въ той небезпечной хвилѣ заяв
Хмельницкій особенную рѣшительн
и присутствіе духа: онъ появился е
на одномъ изъ такихъ собраній на
на М а с л о в о м ъ Б р о д ѣ и промов
въ своей оборонѣ такъ щиро, такъ
дечно, що весь народъ, передъ хвиле
ще нимъ недовольный, призналъ
зновъ своимъ Гетманомъ и готовъ б
идти за нимъ на край свѣта. Въ-сл
за тѣмъ собирались новыи полки: на
стекался до Хмельницкого численно
казалось, що помимо тяжкихъ неда
нанесенныхъ ударовъ, народъ не ут

духу, а готовъ былъ скорше а́гинути, въ вернуть въ давное подданство. Козкии полки скоро наполнились новыми отниками, а народъ въ недостатку отного оружія зброился косами и номи.

Тымъ часомъ польское войско по́дъ оводомъ Потоцкого, Вишневецкого и Миновского вступило въ Украину и йшло тутъ всюда сильный и зажертый брѣ. Селяне нищили запасы хлѣба, лили власныи дома и отдѣльными занами нападали неустанно на Поляко́въ, бирали имъ возы, кофѣ, портили доро, ломили мосты и кричали: „Вражіи ны, забирайтесь въ вашу Польшу, бо аче и слѣду по васъ не стане!“ Въ войу польскомъ начали проявляться тяжкы болѣзни, о́тъ которыхъ гибло много одей, и межи ними постигъ такожь коць найзнаменитшого польского рыцаря военачальника Іеремію Вишневецкого.

По дорозѣ стануло польское войско о́дъ мѣсточко́въ Трилѣсами. Тутъ сѣлись козаки съ сотникомъ Александркомъ и привитали Поляко́въ граомъ куль. Мѣсточко боронилось отчаяно, ве хотячи здатись на польскую мнеть; все, що жило, мужики и женщины зброились чѣмъ кто мо́гъ, и оборонялись въ-поза хать и частоколѣвъ съ неслышною яростію, поки всѣ до послѣдней ши не полягли. Въ-конецъ заняли Цо-



яки Трилѣсы спалили оное до тла и не выпустили живымъ ни одного человѣка; аже надъ дѣтьми збытковались, разби- аючи ихъ головки о дерева и стѣны.

Одновременно настала на Руси изъ звѣра другая черная хмара. Гетманъ ли- овскій Радивилъ поразилъ козацкого голковника Небаву, гналъ просто на Украину и вскорѣ безъ опоры занялъ Ки- евъ. Но тутъ засталъ онъ такъ жесто- ченныхъ мѣщанъ, що тѣи въ ярости под- талили сами свѣи городъ, щобы польское войско не набирало тутъ пожиткѣвъ. Отъ сильного пожара выгорѣлъ майже цѣлый Кіевъ, а Радивилъ, видячи, що тутъ на старищахъ не ма ему що стояти и псобою- бчись мстивости и завязтости народа, пустился дальше на югъ, щобы соедини- ться съ войсками Потоцкого подъ Бѣ- лою-Церквою.

Бѣлоцерковскій договоръ. — Посольство Хмельницкого до Царя Алекѣя.

За той часъ собралось коло Хмель- ницкого подъ Бѣлою-Церквою до 40.000 козаковъ (наибѣльше изъ Подѣ- лья.) Но не было то уже давнѣйшее вой- ско козацкое, не было въ немъ того ду- ха и той характерности, якою побивали бояки вороговъ подъ Жолтыми-Водами и подъ Корсунемъ; словомъ не было то уже правильное войско, отданное тѣлому

и душею Гетману своему, а были то
найбольшой части на-скорь собран
гайдамацкїи загоны хлопѳвъ, неприд
ныи до великой войны съ регулярныи
польскимъ войскомъ. Хмельницкїй у
жалъ тое дуже добре и обавлялся съ та
ватагою вступити въ бой съ 70.000-ноу
мією Радивиля и Потоцкого. Отже за
шлялъ ѳнъ на-разѳ завести съ поляка
переговоры, щобы зыскати на часѳ,
поволи побѳльшити и устроити собѳ
боровое войско. Польскїи восводы не
тягалися такожь ѳтъ мирныхъ перего
рѳвъ, бо имъ не доставало уже живнос
а до того побоювались они, що Хме
ницкому надѳйде яка помѳчь, та и т
вожились неразѳ завзятостїю и ярес
русского народа, якая съ каждымъ дне
взмагалась. Тожь зачалися на замок
ло-церковскомъ переговоры. Ледви одна
зачуль народѳ, що права его по то
переговору мають быти обмежены и
границѳ козацкой землѳ будутъ зме
шены. пѳдступили толпы людей безѳ
сла пѳдѳ замокъ и стали пѳдносити гр
ныи крики. „Ты, Гетмане ведешъ съ
хами трактаты а насѳ покидаешъ! Себѳ
Старшину спасаешъ, а насѳ ѳтдаешъ зн
на муки пѳдѳ палки, на палѳ и шибѳ
цѳ! Нѳтъ! закѳмъ до того дѳйде, то
самъ наложишъ головою и ни одинѳ Л
зѳ-ѳтти живымъ не выйде.“ Роздал
выстрѳлы, толпа валила на замокъ и

на убити комисарей, а коли Хмельниц-
 неустрашимый выйшолъ изъ замка,
 она верглась и на него съ поднятыми
 ялями; но онъ кинулся на ню съ була-
 вою въ руцѣ, началъ бити нею понав-
 ихъ подъ руку и закричалъ: „А вы по-
 цѣ, вы гайдамаки! Вы смѣете напада-
 на послѣвъ, которыхъ не вольно оскор-
 яти! Таже за нихъ суть наши залож-
 ки въ польскомъ таборѣ, хотъ тыхъ
 атей своихъ пошануйте!“ — Таярѣши-
 льность Гетмана усмирила взволновану
 шу, и такъ переговоры тягнулись дол-
 й часъ, — но они кончились на ни-
 мѣ. Пришло знову до збройной роспра-
 , по взаимныхъ побѣдахъ и стратахъ
 дѣ Хвастовомъ, при Масловомъ
 савѣ и подъ Бѣлою-Церквою рѣ-
 лись обѣ стороны еще разъ вступить
 мирныя перегсворы, и таки заключи-
 такъ званый Бѣло-церковскій
 говоръ. Условія того договора были
 я козацтва досыть невыгодны; и такъ
 ѣсто трехъ воеводствъ лишилось имъ
 лько одно воеводство Кіевское, число
 йска обмежено до 20.000 мужа, шляхта
 льска могла вертати въ свои имѣнія,
 дамъ и езуитамъ позволялось такожь
 юда жити на Украинѣ. Заключивши та-
 договоръ, розбѣшлись польскіи вой-
 а, Радивиль на Литву, Потоцкій на
 дѣлье. По дорожѣ умеръ Потоцкій отъ

моровой заразы, яка вкралась въ польскіе ряды и десятковала ихъ.

Но если Зборовскій договоръ не удался, то тѣмъ меньше мѡгъ удержати и той Бѣло-церковскій, бо онъ со всѣмъ не пѡдходилъ пѡдъ потребы и вымаганіе русскаго народа. Жителѣ цѣлой Малой Руси не хотѣли жити дальше въ подданствѣ. А тутъ тымчасомъ зачали пани дѣдичи повертати цѣлыми толпами Волынь и Подѡлье и силовались привнати давныи порядки. Отъ того давали слышати межи народомъ страшенныи зрѣченья, пѡднялся великій ропотъ и противъ Поляковъ и противъ самого Хмелницкаго, который черезъ Бѣло-церковскій договоръ дозволилъ давнему лиху зновъ завладѣти.

Въ томъ часѣ убѣгало множество русскаго народа зъ-пѡдъ панскаго ига предѣлы Московскаго Царства, и поселились они тамъ, где не было Поляковъ и Жидѡвъ. Первый примѣръ до того дѣла жителѣ Волыня, именно же козаки Сорожскаго полка заложили надъ берегами рѣчки Тихой Острожскъ, ввели у себя козацкое устройство и утворили въ Малой Руси первый такъ званый слободскій полкъ. За ними пустились Нѣдвѣстряне и Бужане. Они палили сѣхаты и обороги, щобы ни крыхты имъ не досталось ворогамъ; складали возы всѣ движимыи достатки и выпу-

ся цѣлыми громадами глядати собѣ
й отчины. Польскіи войска заступамъ
дорогу, но народъ пробивался съ
іемъ въ рукахъ. Въ короткомъ часѣ
ули надъ берегами Сосны и Десны
елико-русской державѣ новыи села и
ды, якъ то: Лебединъ, Ахтирка, Бѣ-
лье, Харьковъ и др.

Но и оставшійся въ Малой Руси на-
не думалъ вступати до пановъ въ
анство. Жителѣ зѣ-надъ Буга и Днѣ-
кидали свои хаты и скрывались въ
хъ и пещерахъ, или творили шайки
падали на Поляковъ. По всѣхъ за-
ахъ Литвы, Руси и Украины выправ-
доведенный до отчаянїя народъ стра-
ныи рѣзнѣ.

Съ початкомъ р. 1652 выслалъ Хмель-
ій зновъ посольство до Московского
и съ такимъ письмомъ: „Пожалѣй
, православный Царь! Умилосердись
православными церквами и надъ
ю невинною кровію. Поляки не до-
уютъ ничего, що прирекли. Святыи
ви, якїи прирекли ѳтдати намъ изъ-
унїи, не ѳтдали до днесь, та еще
тають въ унїятскїи навѣтъ тїи, ко-
и у насъ до теперь въ православїи
вали. Они хотять искоренити право-
ную вѣру, и для того собрали на
коронныи войска, ругаютъ нашимъ
ынямъ, обижаютъ христїанъ мїрскихъ
ховныхъ... Со слезами отже просимъ

тебе, Государь православный, не дай, чтобы Ляхи зруйновали насъ до конца, прійми насъ пѣдъ свою царскую руку.

На тое письмо получилъ Гетманъ вѣтъ, полный состраданія надъ недовою Малой Руси, и вразъ же запевненье, что Царь готовъ своей брати дати помощь и защиту, однакъ въ той хвили того злати ему невозможно. „Потерпѣтъ, — сего яло въ томъ письмѣ: еще хоть одно лѣто доки зберетсѣ великое войско въ Москвѣ, которое въ своемъ часѣ подасть руку и закамъ, щобы ихъ на всегда освободити ѳтъ кормиги ляцкой.“

На такой отвѣтъ успокоился Гетманъ и началъ изготавляти козацкїи реестры вмѣсто 20.000, якъ было условлено въ Бѣло-церковскомъ договорѣ, записавъ 40.000 и порозмѣщаль ихъ по такимъ родамъ, где пѣсля договора не дозволялось козакамъ стояти. Тымъ поступкомъ зновъ задобрилъ Хмельницкїй народъ Полякѳвъ тѣмъ бѳльше на себе нагнѣвъ.

Сваты Хмельницкого. Пораженіе Полякѳвъ пѣдъ Батогомъ 1652.

Поляки на соймѣ въ Варшавѣ не хотѣли затвердити навѣтъ и Бѣло-церковского договора. Хмельницкїй узнавъ о томъ, уважалъ, що такимъ способомъ и его не обовязуе договоръ; сталъ о

ѣло собирать въ реестры новыхъ ко-
ковъ и вѣйшолъ на-ново въ союзъ съ
рымскими Татарами. Щобы однакъ за-
ти чѣмъ войска свои, щобы не сидѣли
здѣльно, задумалъ онъ пѣднати вѣйну

Молдавіею, которой Господарь Ли-
ла все еще ѳттыгался выдати свою
нѣрку за молодого Хмельницкого. Передъ
ходомъ Гетманъ выслалъ еще письмо

Липулы и остерегалъ его, мовячи:
ѳдай Господаре, свою донѣрку Домну за
его сына, а дѣти наши будутъ счаст-
вы; если-же не выдашь донѣрки, то я
потру - изомву тебе такъ, що слѣду по
бѣ не останется.“

На тое грозное письмо, удался Ли-
ла съ покорною просьбою до пана Ка-
линовского, що стоялъ съ польскими вой-
сками на Подѣлью, и умолялъ его о по-
бѣчь. Калиновскій пустился въ сей-часъ
о границѣ Молдавіи и стануль берегомъ
ѣрки Буга коло горы Батого, щобы тутъ
уступити дорогу козакамъ. Хмельницкій
передилъ Калиновского, що сынъ его
не женится и не мае нѣякихъ враждеб-
ныхъ намѣреній на Польшу, такъ и про-
шлъ онъ, щобы Поляки уступились зъ
ороги, „бо инакше, — писалъ Гетманъ:
рощь, щобы сваты мого сына не завели
ѣтвы съ полками польскими и не вый-
ло бы нарушенье мира.“ Но Калинов-
скій не слухалъ перестороги Гетмана, а
озложилъ свѣй таборъ пѣдъ Батогомъ

въ найневыгоднѣйшомъ мѣстцѣ. Въ то же самъ часъ ступаль дорогою до Мадави сынъ Гетмана Тимошъ съ своимъ козацкимъ вѣйскомъ и съ татарскою ордою. Дня 29 Мая 1652 г. появились Татары передъ Поляками, ступая совсѣмъ спокойно. Тогда пустилъ Батюшковскій на нихъ цѣлую свою кѣбичу Татары, мовъ переполоханы, начали убивать, но въ той хвилѣ всыхнулъ въ серединѣ польскаго табора пожаръ: русскіе хлопы, що были на работѣ въ польскомъ таборѣ, умышленно запалили тамъ сѣно. На видъ пожара роздался межи Поляками крикъ: „Стойте, вертайте — козаки надаютъ зъ заду на обозъ!“ На той крикъ кинулась польская кѣбича въ-задь. Татары, обернувшись за ними, зачали пражити стрѣлами и кулями. Одновременно выступили изъ-поза горы Батюшковскіи полки, а узрѣвши въ польскомъ таборѣ пожаръ и страшное замѣшательство, не довѣряли своимъ очамъ и не знали зъ-початку, що бы то все значило; якъ скоро дознались они о настоящей правдѣ, кинулись стрѣлою на польскій таборъ. Настала рѣзня, о якой давно чувано. Козаки и Татары приперли поляковъ изъ двохъ сторонъ и задали имъ совершенное пораженіе. Поляки недолго розбѣгались на всѣ стороны, но всюду гнали за ними хлопы и козаки не слухали ихъ просьбъ, а прали б

досердія, примовляючи: „Ото вамъ за у-
 ю! Ото Берестечко! ото вамъ ваши дани-
 и!“ Въ битвѣ той званої Батоговской зги-
 до цѣлое 50.000-ное польское войско; самъ
 начальникъ Калиновскій полягъ на по-
 битвы. Осталось въ живыхъ всего 256
 одей, а тиі попались до Татаръ въ неволю.

Послѣ такой преславной побѣды пу-
 ились сваты-козаки съ веселою думкою
 льше на Молдавію и достались сча-
 ливо до самыхъ ея границъ. Тутъ на
 осьбу Лицулы остановилъ женихъ Ти-
 шь свое войско, а самъ отправился до
 съ и звѣнчался дня 31 Августа съ кня-
 жою Домною-Розандою. Великолѣпный
 рь весѣльный треваль цѣлую недѣлю,
 о чемъ повернулъ Тимошъ съ молодою
 рекрасною женою и богатымъ вѣномъ
 азадъ на Украину.

Хмельницкій за той часъ донѣсь ко-
 леви о всемъ, що сталося пѣдъ Бато-
 мь, и доказоваль, що виною того не-
 астья для Польщи былъ самъ Калинов-
 скій, и писалъ такъ: „Я перестерегалъ
 ана Калиновского, чтобы ѓнъ уступился
 ѣ дороги моему сыну, но ѓнъ не послу-
 аль. Мои козаки звычайно, якъ весѣль-
 ми люди, горячіи, обѣйшлись съ паномъ
 алиновскимъ не дуже вѣжливо.“ Поляки
 риняли то за насмѣшку и зачали соби-
 ати новын войска.

Межи тѣмъ цѣлый той рѣкъ 1652
 алъ для Польщи полный самыхъ стра-

даній. Кромѣ Батоговскаго пораженія въ терпѣла Польша премного ѡтъ моровой повѣтря; трупы валялись по поляхъ, являлись снопы; осиротѣлыя родины скитались въ лѣсахъ и дѣбрахъ, а дикіи звѣры забѣгали въ яругъ и ущелій въ людскіи хаты. Пожары знищили многіи города, рѣки заливали поля; наступила нужда и страшный голодъ. Голодъ былъ такъ великій, що въ одномъ мѣстці, якъ казала польская лѣтопись, „на одномъ столбѣ сѣна, плывучомъ по Вислѣ, сидѣли волы и коза цѣлкомъ дружелюбно, бо вспѣлая нужда ихъ помирила.“

Весною 1653 р. собрали Поляки 120000 нового войска и выправили оное на Украину по дѣлу начальствомъ Чарнецкаго. Чарнецкій надѣлалъ Руси много бѣдъ. Онъ вдерся въ землю Брацлавскую, и щилъ села и города и разбивалъ народъ не щадячи невѣсть, ни дѣтей. Ажъ по Монастырищами задержалъ его хоробрый полковникъ Богунъ и ѡтбилъ его въ пады. Чарнецкій самъ тяжко раненъ мусѣлъ бѣжати въ Польшу, а козаки до него смѣялись зъ его походу и скорого вороту, та и поговарювали они: „На тѣлѣ Чарнецкій на Украину мовъ тихищный воронъ чорный; но онъ якъ-ст передъ Богуномъ-орломъ упорхнулъ мовъ бы той оскубанный зъ пѣрья воробецъ.“ На таке оно и выходило съ тымъ во

гмъ походомъ славного въ Польщи пана
сманна Чарнецкого.

Молдавская война. Зрада Татаръ пѣдъ Жванцемъ.

Господарь молдавскій Липула, упо-
ючи на козацкую силу своего зятя Ти-
оша Хмельницкого, забавъ завла-
сти Семиградскими Молдавянами, кото-
ли были пѣдъ властію угорского князя
ракочія, а также и сусѣдною Волощиною,
второю управлялъ другій Господарь Ра-
дула. Липула найшолся въ прикомъ по-
оженью, бо Ракочій и Радула вторгли
въ Молдавію, заняли головной городъ
Иссы и прогнали Липулу зъ княжеского
престола. Липула утѣкъ на Украину, а
жена его съ 4000 своего войска заперлась
въ Сучавѣ и выжидала помочи ътъ зятя
Симоша. Но тутъ еще не конецъ бѣдѣ.
Ракочій и Радула, певныи того, що Гет-
манъ Украины не наспѣе съ помочію для
Липулы, запросили собѣ еще Полякѣвъ,
цобы разомъ съ ними въ даномъ случаю
побороти Хмельницкого. Поляки, розъя-
ренныи до крайности неудачнымъ похо-
домъ Чарнецкого, связались дужо радо
съ неприятелими Гетмана и рѣшили те-
перь непременно зломити и зничити
козацкую силу. Для той цѣли собралъ
король 40.000 нового войска, нанялъ еще

20.000 Нѣмцѣвъ и пустился съ тѣми
 сками загородити дорогу Хмельницко
 еслибы той намѣрялъ итти въ Молдавію
 Гетманъ Хмельницкій, видячи, що тѣм
 мае до дѣла наразъ съ 4 ворогами,
 правилъ своего сына съ 20.000 козак
 на Молдавію, а самъ съ 30.000 двину
 на Подолье, чтобы тутъ змѣритись
 Поляками. Въ томъ же часѣ бнѣ послалъ
 посольство до Царя Алексѣя съ извѣ
 емъ, що Поляки идутъ на Русь да
 обижати св. Церковь русскую, и дода
 „Турецкій царь прислалъ до насъ пос
 ство и хоче насъ взяти въ свое под
 ство. Если Ваша Царская милость не
 милосердится надъ православными х
 стіанами и не прійме насъ подъ с
 руку, то поганцѣ завоюють насъ и мы
 демъ дѣлати ихъ волю. А съ польск
 королемъ у насъ миру не буде.“

Посольство тое мало уже великій успѣ
 Дня 20 Юлія явились послы вели
 русского Царя во Львовѣ, где
 ялъ польскій король съ таборомъ, и пр
 явили напередъ домаганье, чтобы ко
 строго укаралъ тыхъ Поляковъ, що н
 мами оскорбляютъ титулъ и особу
 ского Царя, а потомъ заговорили он
 о козацкихъ справахъ. Посоль бояр
 Репнинъ Оболенскій промовилъ такъ
 короля: „Великій Царь нашъ прост
 тымъ, що оскорбляли его особу, одн

дѣ условіемъ, если король заперестане
 оуадити вѣйну съ Гетманомъ Хмель-
 ницкимъ, если православнымъ назадъ ѳт-
 ны будутъ ихъ св. Церкви, если Поля-
 ки уничтожатъ унію и затвердятъ на-
 чины вѣки Зборовскій договоръ.“ На
 и рѣшительныи требованія русскихъ по-
 бѣвъ задрожалъ король и Поляки; они
 али извинялись, но въ-конецъ заявили,
 о годѣ имъ касовати унію, що грече-
 он вѣры они николи не переслѣдовали,
 що съ Хмельницкимъ они не тѣлько
 а основѣ Зборовского, но даже и Бѣло-
 ерковского договора не будутъ годитись.
 Прѣотивно, говорили они, козакѣвъ бун-
 ѳвникѣвъ пѣдобьемъ совершенно и до-
 едемъ ихъ до такогосостоянія, въ якомъ
 ни находились передъ козацкою вѣйною.“

Услышавши такой неблагосклонный
 твѣтъ, послы въ имени велико-русскаго
 Царя зѣрвали всякіи сношенія съ Поля-
 ами, а упередивши ихъ, що вся Вели-
 ая Русь постоитъ за честь своего Царя
 св. православія, отправились въ своя-
 и. — Король съ войскомъ оставилъ
 ѳвѣвъ, пустился на Подѣлье и стануль
 тежи Каменцемъ и Жванцемъ, щобы не
 устити Гетмана Хмельницкаго до Су-
 авы.

Въ тотъ часъ находился Тимошъ въ ко-
 аками въ Сучавѣ, окруженный численны-
 и волошскими, угорскими и польскими вой-
 ками, и ѳтбивался хоробро ѳтъ нихъ, вы-

жидаючи ѳть батька свого Гетмана да
шой помочи. На несчастье, одного ра
коли ѳнь переходился по валахъ ме
арматами, ударила его въ ногу и гол
скалка съ розбитого кудею дерева, и
тыхъ равъ умеръ Тимошъ до 3 дн
Осажденные козаки съ полковникомъ
имъ Ѳеодоренкомъ держались еще 6
дѣль и ѳтбивались що-силы, полагаю
на то, що чей надѳйде Гетманъ съ
помогою; но Гетманъ не являлся; голо
давался уже чувствовати козакамъ
тогда Ѳеодоренко пѳддалъ Сучаву не
ятелю пѳдъ такимъ условіемъ, що
камъ буде дозволено съ тѣломъ Тимо
спокойно повертати на Украину.

Межи тѣмъ подвигался Гетма
Хмельницкій къ Молдавіи, не знаючи
ще ничего о стратѣ сына. Ажъ по де
зѣ стрѣтилъ ѳнь повертающихъ козак
и мертвое тѣло Тимоша. Зарыдалъ го
ло старый батько Гетманъ и потѣша
тѳлько тымъ, що сынъ его умеръ,
козакъ, и не дѳстался въ руки врагѳ
Похоронивши тлѣнныи останки сына
Чигиринѣ, пѳйшолъ Гетманъ ударити
польскіи войска, которыи стояли таборѳ
пѳдъ Жванцемъ. По дорогѣ при
чился до него татарскій Ханъ
100.000-ною ордою. Положенъе Поляв
пѳдъ Жванцемъ было дуже неприя
Войска ихъ было вправдѣ довольн
было до 70.000 мужа; но однакожь л

свѣжо-набранныи, непривыкшии до
виной службы, а до того настала пѣзд-
н осѣнь съ своими плютами, стужами,
жолнѣры, не маючи теплой одежи,
стенѣли ѳтъ зимна, та ѳтъ того начали
збѣгаться.

Король, видячи, що находится въ
кѣ лихѳмъ положенью, що Хмельниц-
й съ самыми козаками може его разби-
на-прахъ, рѣшился ужити штуки, що-
и изъ сеи нужды выбавитися. Онъ вы-
алъ кѳлькохъ своихъ панѳвъ съ пода-
нками до татарского хана и съ пред-
оженьемъ ему мира. Ханъ надѣялся для
себе бѳльше корысти ѳтъ короля, якъ ѳтъ
мельницкого; тожь згодился онъ на миръ
ѳдъ такими словіями: 1) щобы Поляки
аплатили 100.000 червонцѣвъ залеглого
арачу и зѳобовязались каждого року
присылати Татарамъ данину; 2) щобы
Татарамъ было дозволено черезъ 40
ней грабити русскіи земли и уводити
въ неволю русскихъ жителей.

Хмельницкій, дѳзнавшись о томъ
ромномъ договорѣ и о той новой здра-
вѣ Татаръ, просилъ Хана усиленно, щобы
онъ не покидалъ козакѳвъ; но все было
дармо. Въ виду того трудно уже было
Хмельницкому вести вѳйну съ Поляками
и Татарамъ; онъ зневоленъ былъ поми-
тись съ судьбою и въ прискорбїи ѳт-
упити съ цѣльивъ войскомъ зѣпѳдъ

Жванца на Украину, та и выжидати у помочи ѿгъ Московского Царя.

Одновременно забрался и король истощенными своими войсками въ Польшу, а Татары, на основѣ угоды, кинули на Волынѣ и Подѣлье мовѣ хищныя зѣры; опустошили и ограбили тѣ несчастныя землѣ до крайности. Но не ушли и Поляки заслуженой кары за той стыдный договоръ, якого отъ вѣка и ди не запомняли. Татары бо въ бѣствѣ не различали своихъ жертвъ, а дили и грабили за рядомъ такъ русскыя и польскія имѣнія, проливали и шотскую кровь, и много премного польскихъ дѣтей, женъ и дѣвицъ пошло зомъ съ русскими въ татарскую неволю.

Русь, котора до тѣхъ поръ перестидла и пережила стѣлько тяжкихъ бѣдъ и горя, не звелась еще и теперь, перелла и тую бѣду. „Бисурмане — говори русска лѣтопись зъ тыхъ часѣвъ: въ зѣвѣ съ Ляхами хотѣли погубити до вѣща русскій народъ; но Богъ записалъ лукавыхъ въ коварствѣ, обратилъ и ставилъ дѣло для Руси такъ, якъ то до ему извѣстно и въ неизслѣдимомъ совѣтѣ.“

Соединение Украины с Великою Русію въ г. 1653.

Насталъ окончательно часъ, такъ
о выжиданный жителями Украины,
Царь Алексѣй рѣшился высту-
питься отверто противъ Польщи и приня-
ть оборону притѣсненныхъ отъ ней
христіанскихъ единоувѣрцевъ въ земляхъ Малои
Руси. Правительство его въ Москвѣ смо-
ло зорко на все, що дѣялось въ су-
хой Польщи и долше не могло уже
охоудно придивляться на тѣ безуряди-
шныя, на кривды Русинѣвъ, на
отрадное ихъ положеніе. Въ осени
г. собралъ Царь до Москвы „зем-
скую Думу (Раду)“ и въ самъ день По-
кровы Пресв. Богородицы, по торжествен-
ному Богослуженію, открылъ засѣданіе
въ гранитовой палатѣ, где собра-
лись всѣ выбраны до Рады съ духовно-
мирскаго сословія изъ цѣлой держа-
вы. На знакъ Царя „думный дьякъ“ (вы-
сшій урядникъ) сталъ читати царское
указаніе, въ которомъ было сказано, що
Польски не додержуютъ условій мира, за-
ключеннаго передъ тѣмъ съ Великою Ру-
сью, ибо важились оскорбляти царскій ти-
тулъ, а также, що Гетманъ Хмельницкій
по кѣлькы разы доносилъ Государю
о притѣсненіяхъ, якіи терпитъ русскій на-
родъ, и православная Церковь отъ Поля-
ковъ, и онъ же просилъ, чтобы Царь при-

няли цѣлое козацтво пѣдъ свою ру
 Дальше было въ томъ-же царскомъ ш
 мѣ заявлено, що послы Царя вставляя
 у польского короля за Русинами и в
 вославною вѣрою, но безуспѣшно; що С
 танъ турецкій призываетъ Украину въ
 подданство, а Хмельницкій и народъ
 бажаютъ тѣлько присоединитись до
 ливой Руси, — „нехай затѣмъ Земс
 Дума розсудить якъ тутъ поступити

По долшой зрѣлой нарадѣ начал
 и голосованье, а земская Дума рѣш
 одноголосно: приняти Гетмана Хмель
 кого съ цѣлымъ войскомъ запорожски
 со всѣми ихъ городами и землями в
 царскую руку, а Польщи объявити нѣ
 за оскорбленіе царской чести и пр
 славной вѣры.

По такомъ рѣшеніи Земской Д
 отправилъ Царь своихъ послѣвъ на У
 ину, чтобы тѣи приняли мало-русскій
 родъ пѣдъ покровъ велико-русской
 жавы, и 31-го Декабря станули послѣ
 Переяславлѣ, где привиталъ ихъ пол
 никъ Тетеря съ великимъ торжеств

Въ началѣ Января 1654 надтяги
 до Переяславля Гетманъ Хмельниц
 повертающій изъ-пѣдъ Жванца, и на
 чилъ на 8-го Января „Великую народ
 Раду.“ На той день собрались въ Пе
 славли всѣ полковники и старшины
 зацкіи, также великое множество в
 ковъ и депутатѣвъ зъ русскихъ горо

селъ. Раненько того дня ударено въ ставры; народъ тиснулся толпами на лошадей. О 11-той годинѣ явился на площади Гетманъ въ полномъ парадномъ убранью гетманскомъ и станувши посерединѣ народа, заговорилъ громкимъ голосомъ: „Панове полковники, асаулы, сотники, войско Запорожске и всѣ православныи християне! Всѣмъ вамъ вѣдомо, якъ Господь Богъ вызволилъ насъ изъ рукъ враговъ, преслѣдующихъ Церковь Божию, хотящихъ искоренити насъ такъ, щобы имя русское не упоминалось на земли нашей. Всѣмъ намъ стало то уже невинно, и видно, годѣ намъ жити бѣльше безъ Царя. Для того то зѣшлись мы сегодня на нараду, щобы вы собѣ выбрали владѣтеля изъ чотырѣхъ, которого захотите: чи султана турецкого, хана Крымского, короля польского, чи Царя православного Великой Руси. Султанъ турецкій — бисурманецъ, всѣмъ намъ извѣстно, якую бѣду терпятъ наши братья християне-греки и якъ они утѣснены отъ безжалостныхъ Турковъ. Крымскій ханъ — такожь бисурманинъ, а хотяй мы зъ нужды заводили съ нимъ дружбу, однакъ дознали черезъ тое нестерпимыи бѣды, неволю и безпощадное пролитіе крови християнской. О утѣсненіяхъ отъ польскихъ вавовъ не ма що и говорити: самы знаете, що они лучше почитали жида и собаку, якъ нашего брата християнина! А

православный Царь восточный одного
нами греческого благочестія, одного за



Переяславская Рада.

кона и исповѣданія ; едино мы тѣло цер-
ковное съ православіемъ Великой Руси,

вѣющее главою Иисуса Христа. Той великій Царь христіанскій склонилъ къ намъ теперь свое милостивое сердце и послалъ до насъ людей съ царскою мистію. Возлюбѣмъ его щиро! Кромѣ его царской руки не найдемъ мы спокойнѣйшаго пристанища. Кто же съ нами согласенъ, — тому вольная дорога, куда любо.“

На ту бесѣду Гетмана весь народъ съ площади, на дахахъ, на улицахъ, вошелъ: „Волимъ подѣ Царя восточнаго православнаго!“ — Переяславскій полковникъ обходилъ кругомъ площади и спрашивалъ еще разъ: „Чи всѣ такъ изволятъ?“ — „Всѣ!“ возносились голоса угоромъ. Тогда сказалъ Гетманъ: „Будите же! Да крѣпите насъ Господь Богъ Царя его царскою крѣпкою рукою,“ — а народъ голосилъ за нимъ: „Боже утверди! Боже укрѣпи! щобы мы на вѣки всѣ были едино!“

Вслѣдъ за тѣмъ перечитано козакамъ слово, по которому Украина подчиняется Царю. Теловія договора были такіи:

1) Цѣлая Украина, часть Волыня и Подолья прилучаются на вѣчныя часы велико-русской державы:

2) въ тѣхъ земляхъ має быти 60.000 козакаго войска;

3) Гетманъ и всѣ чиновники Украины выбираются вольными голосами на-

рода и управляютъ въ краю по давнымъ козацкимъ установамъ;

4) Гетману прислугуе право приимати послѣвъ ѳтъ чужихъ державъ, а мѣ Польщи и Турціи;

5) Царь обязуется боронити Украину своимъ войскомъ. Данины для Царя будутъ собирати самы козави.

По ѳтчитанью тѣхъ условій вступилъ Хмельницкій съ Старшинами и царскими послами въ городскую соборную церковь и тутъ присягнули Гетманъ и Старишины на Евангеліе, що будутъ вѣрныи поддаными Царя, а потомъ зложили присягу и царскіи послы въ имени Царя, що ѳнъ буде держати цѣлу Малую Русь подъ своимъ покровительствомъ и сохранитъ давныи козацкіи права.

Въ слѣдующихъ дняхъ ѳздили царскіи послы и чиновники въ различныи мѣста и мѣсточка, чтобы приимати жителей присягу. Коли послы тѣи выѣхали до Кіева, вышолъ супротивъ нихъ великій здвигъ народа и боярство тѣи сопровождали ихъ торжественно до Кіева, где въ такъ званыхъ золотыхъ вратахъ привиталъ царскихъ бояръ самъ Митрополитъ Сильвестеръ Коссовъ словами: „Войдѣмъ въ домъ Бога нашего на сѣдалище первѣйшого благочестія руского, и дай Господи, чтобы вашимъ присутвіемъ обновилась яко-бы юность наша, наслѣдіе православныхъ русскихъ в

И. " Подобно радостно и торжественно принимано царскихъ посланникѣвъ во ихъ другихъ мѣстцевостяхъ; всюду отъ авлялись благодарственные богослужения, всюду отдавано присягу торжественно и охотно. Народъ не таился съ чувствами радости, бо уважалъ тую хвилю избавленіемъ отъ долготного прегорного рабства.

Такъ совершалось тое великое и въ послѣдствіяхъ своихъ важное дѣло соединенія Украины съ Великою Русію. Важное было то дѣло для того, що черезъ то соединились отъ давна розъединенныя части Малой Руси съ Великою Русію; важное и для того, що также и другіи русскія землѣ, остающія еще дальше подъ надѣніемъ Польщи, недолго уже мали уставати въ томъ незавидномъ положеніи, такъ якъ вѣины козацкіи, а вѣдъ за ними отлученъе Украины были смертельнымъ ударомъ для Польщи. И правдѣ, вѣины тіи стались одною зъ главнѣйшихъ причинъ паденія Польщи, которая отъ тѣхъ поръ впадала въ щозъ гѣршіи безъурядицы и неустройства, приближалась къ своему цѣлковитому паденію.

рода и управляютъ въ краю по давнымъ козацкимъ установамъ;

4) Гетману прислугуе право примати послѣвъ отъ чужихъ державъ, вѣдѣнь мѣ Польщи и Турціи;

5) Царь обязуется боронити Украину своимъ войскомъ. Данины для Царя будутъ собирати самы козаци.

По отчитанью тѣхъ условій вступили вѣнгерскіи послы и Хмельницкій съ Старшинами и царскими послами въ городскую соборную церковь и тутъ присягнули Гетманъ и Старшины на Евангеліе, що будутъ вѣрныи и поддаными Царя, а потомъ зложили присягу и царскіи послы въ имени Царя, що онъ буде держати цѣлу Малую Русь подъ своимъ покровительствомъ и сохранитъ давныи козацкіи права.

Въ слѣдующихъ дняхъ ѣздили вѣнгерскіи послы и чиновники въ различныи мѣста и мѣсточка, чтобы примати жителей присягу. Коли послы тѣи выѣхали до Кіева, выйшоль супротивъ нихъ великій здвигъ народа и боярство тѣи сопровождали ихъ торжественно до Кіева, где въ такъ званыхъ золотыхъ вратахъ привиталъ царскихъ бояръ епископъ Митрополитъ Сильвестеръ Коссовъ словами: „Войдѣмъ въ домъ Бога нашего на сѣдалище первѣйшого благочестія руского, и дай Господи, чтобы вашимъ присутвіемъ обновилась яко-бы юность наша, наслѣдіе православныхъ русскихъ и

й." Подобно радостно и торжественно принимано царскихъ посланникѣвъ во всѣхъ другихъ мѣстцевостяхъ; всюду отъавлялись благодарственные богослуженія, всюду отдавано присягу торжественно и охотно. Народъ не таился съ чувствами радости, бо уважалъ тую хвилю избавленіемъ ѿ долготѣннаго прегѣорго рабства.

Такъ совершалось тое великое и въ послѣдствіяхъ своихъ важное дѣло соединенія Украины съ Великою Русію. Важное было то дѣло для того, що черезъ то соединились ѿ давна розъединенныи части Малой Руси съ Великою Русію, важное и для того, що также и другіи рускіи землѣ, остающіи еще дальше подъ надѣніемъ Польщи, недолго уже мали гавати въ томъ незавидномъ положеніи, такъ якъ вѣины козацкіи, а вѣдъ за ними ѿтлученъе Украины были смертельнымъ ударомъ для Польщи. И правдѣ, вѣины тіи стались одною зъ головнѣйшихъ причинъ паденія Польщи, вторая ѿ тѣхъ поръ впадала въ щоназъ гѣршіи безъурядицы и неустройства, приближалась къ своему цѣлковитому паденію.

**Война межи Польщею а Великою Русію о
ло-русскіи землѣ. — Хмельницкій пѣдъ Л
вомъ и ёго смерть.**

Добровольное подчиненіе Украи Московскому царству обурило страше Полякѣвъ. Весною р. 1654 вдерлось иское войско на Подѣлье и выправ тутъ ужасную рѣзню. Городъ Немир знищено совершенно. Въ одной камен пивниці укрылось 3000 людей; По стали выкурювати ихъ дымомъ и ве подушили. Такъ само поступовано всѣмъ мѣстамъ и мѣсточкамъ: въ мѣску Мушировцѣ вырѣзано на самъ Ве день 5000 народа. Русины борони завзято, косами, колами, и всѣ рѣши скорше згинуті, якъ пѣддатись Поль Незадолго явились козацкіи полки и гнали Полякѣвъ на якійсь часъ ѳтѣ дѣлѣвъ Украины.

Вскорѣ однакъ взяли дѣла инни бороть. Велико-русское правитель объявило Польщѣ формальную войну торая велась въ одинъ и тойже часъ Украинѣ и въ Литвѣ. Война велась стливо для Великой Руси. На Укра дѣйствоваль Хмельницкій съ пом велико-русскихъ войскъ, а одноврем выслаль Царь грамоту до всѣхъ скихъ жителей въ Польци и на Ли и взываль ихъ, щобы всѣ возстал

отивникѣвъ святой восточной церкви еческаго закона. Тое возваніе мало необычайный у с п ѣ х ѣ: всѣ русскіи города Литвѣ и Бѣлой Руси отвирали добродельно свои ворота велико-русскимъ полемъ. Мѣщане, шляхта и селяне правобавныи, угнетеныи панованьемъ польской шляхты, принимали войска великорусскіи яко освободителей своихъ. До Огородѣвъ, межи тыми найважнѣйшии: Смоленскъ, Орша, Минскъ, Могилевъ, вильно, находились въ рукахъ Царя. Поки ставляли всюду опѣрь, но той нащо не здался; войска великорусскіи помочию козакѣвъ пѣдъ начальствомъ полетаренка разбивали ихъ всюду на гову. Вступивши въ Смоленскъ, велѣль аръ всѣ костелы, якии Поляки зѣ Цервей перетворили, назадъ замѣнити въ православныи церкви Въ р. 1655 вѣль Царь Алексѣй торжественно въ столицю Литвы, въ Вильно, и заименовалъ бе тутъ Великимъ Княземъ Литовскимъ.

Въ той самъ часъ выступилъ зѣ Ураины Хмельницкій съ своими козаками и велико-русскими войсками и подвигся на Польшу. Поляки просили поранку у Татаръ, заключили съ ними договоръ и кинулись на Подѣлье, выпраятати новыи рѣзанѣ. Въ мѣсточку Бушаржалось 12.000 людей мужчинъ и несть и не хотѣли поддатись полякамъ

за ніякую цѣну. Но не выдержали до бѣдныи. Польскимъ войскамъ удад вдертися до города, а мѣщане вида що надходить для нихъ послѣдняя х ля, запалили самы свои дома и убиво одинъ другого. Невѣсты покидали с дѣти въ керницѣ, и сами скакали за ми. Жена одного сотника, узрѣвши тру свого мужа, сѣла на бочку съ порохо и сказала: „Не хочу по миломъ чело цѣ достатись на забавку польски жолнѣрамъ!“ — пѣдложила огонь вылетѣла въ воздухъ. — Сем сять женщинъ уккрылось съ оружіемъ далеко мѣсточка въ одной печерѣ. С стерѣгъ ихъ польскій полковникъ и о цялъ имъ даровати житье, если выйдзъ печеры; они отвѣтили выстрѣла. Полковникъ велѣлъ спустити до пече воду съ жерела и всѣ невѣсты потону въ той водѣ. То само, що дѣялось Буши, дѣялось такожъ по другимъ стамъ и селамъ.

Разомъ съ Татарами посунулись ляки въ глубину Украины. Коло У ня понесли они вправдѣ чувствительн пораженіе ѳтъ полковника козацкаго гуна, но въ сей-часъ потомъ поступи дальше и стрѣтились съ войсками Хм ницкаго недалеко Бѣлой-Церкви коло ла Бабы. Завязалась битва, въ кото позналъ Гетманъ завчасу, що силы далеко меньшіи ѳтъ польскихъ и ѳтъ

до своего табора по́дъ Бѣлю-Цер-

Межи тѣмъ найшла на Польшу еще
а бѣда зъ инной стороны, т. е, о́тъ
еціи. Лѣтомъ р. 1655 переправился
дъ шведскій Кароль черезъ Балтій-
море, вступилъ въ Польшу и занялъ
шаву и Кракѡвъ. Для Яна-Казиме
не было уже мѣстця въ своемъ ко-
вествѣ: онъ принужденъ былъ утѣка-
а границу.

Въ томъ же часѣ двинулся Хмель-
скій съ козаками и велико-русскимъ
комъ ажъ на Червоную Русь, т.
нашу Галичину, разбилъ польскіи
ка по́дъ Городкомъ и осадилъ Львѡвъ.
пріѣхалъ въ таборъ Хмельниц-
о по́дъ Львовомъ посолъ о́тъ ко-
Яна-Казимира, панъ Любовицкій,
вѣзъ Гетману о́тъ короля письмо,
ое хорошихъ прелестныхъ слѡвъ и
зностей, та и просилъ и заклиналъ
пана, чтобы онъ назадъ перейшолъ
торону Польши. — Хмельницкій, пе-
тавши письмо, сказалъ съ горечію
Любовицкого: „Милый пане! погадай-
до вы намъ обѣцали, а що мы о́тъ
получили! Всѣ ваши обѣцанки ро-
вы по наукамъ Езуитѡвъ, що не
жить додержовати слова „шизмати-
“ (т. е. православнымъ). Вы называ-
ась хлопами, били нагайками, о́тби-
достатки, а коли мы не стерпѣвши

далѣй гнету вашего, утѣкали и покижены и дѣти, вы безчестили женъ и плли наши хаты съ дѣтьми, вбивали колы, кидали въ воду, згнущались ихъ безсиліемъ, а що гѣрше, вы навались надъ нашою вѣрою. Стѣлько терпѣли мы ѳтъ васъ, стѣлько равы насъ обманули, що мы мусяли гати способу улегченья нашої долѣ. пѣздно думати о помиреніи козаковъ Поляками!“

Любовицкій не зраѣился еще т словами Гетмата, началъ пѣдлещовати докоряти польской шляхтѣ и доде „Забудьте все, що было, а помогѣтъ ролеви, помазаннику Божому! Вы бу не козаками, а друзьями короля; вамѣ ны будутъ достоинста, коронныи де Король не дастъ уже нарушати ва свободы и правъ вашихъ.“ — Но манъ не дался пѣдѣйти, а отвѣтилъ шительно: „Быль часъ, где мы жили згодѣ и счастью; тогды боронили ко державу польску ѳтъ опасностей и е наставляли свою шкѣру за Польшу. Поляки увзялись нарушати свободу синѣвъ, а Русины, якъ ихъ почало б ти, стали отгрызатись. Довелось, що синѣвъ бѣльшу часть посѣчено, а и лякѣвъ не мало пропало. Зъ того ч якъ тѣи народы згадають несчастья, несенныи собѣ взаимно, заразь пове досада, и хотяй начнутъ миритисѣ

вѣла до конца не доведутъ! Межи нами оже быти твердый миръ лишь такъ: ехай королевство польское зречется всею, що належало княжествамъ русской землѣ, нехай отступитъ козакамъ цѣлую Русь до Владиміра, и Львовъ, Ярославъ и Перемышль, а мы, сидячи въ своей Руси, будемъ отперати вороговъ отъ польского королевства. — Но я знаю, що если бы въ цѣломъ королевствѣ лишилось только 100 пановъ, то и тогда не годили бы ся на тое. — Тому продайте!”

Любовицкій, видячи твердость Гетмана, вынялъ тогда дорогоцѣнное украшеніе съ дорогими камнями, даръ отъ польской королеви для жены Хмельницкого. Гетманъ на видъ такого подарунку ронулся хвилево любезностію найяснѣйшей королевы польской, но таки скоро вернулся до Любовицкого и сказалъ: Нѣтъ! не могу исполнити желанія Ея Императорской Величости; не могу нарушити тѣснаго договора съ Великою Русію и со Шведами.”

Съ тыми словами отправилъ Гетманъ польского посла, а самъ взялъ изъ Львова 60.000 золотыхъ окупы и отступилъ на Украину.

Дальшая война Великой Руси съ Польщею велась для Руси ровно счастливо. Король Янъ-Казиміръ прислалъ до Царя просити мира. По долгихъ переговорахъ въ Вильнѣ заключенъ былъ въ

р. 1656 миръ межъ Вел. Русію а Польщею по́дъ тымъ условіемъ: що Польша обовязались по смерти Яна-Казимира брата королемъ своимъ Царя Алексѣя

Хмельницкій былъ недовольный заключеніемъ мира и писалъ до Царя: „Ляхи не додержуть николи того договора; они заключили его тóлько для того, чтобы трохи о́тдохнути и умовити съ Турками, Татарами и инными противъ Вашей милости. Мы на-пewно знаемъ, що они не бажають добра нашего русскому народови. Великій Государь молимъ тебе не довѣряйся Ляхамъ, о́тдавай православного народа на нашу руку!“ — Но тии рады остави безъ поспѣха, бо миръ былъ уже заключень.

Здавалось бы зъ того, що Хмельницкій хотѣлъ весь русскій народъ видѣти освобожденнымъ о́тъ польской власти и по́ддати оный Великой Руси. Но изъдѣянь его дѣйствій выходило, що о́нъ сто малъ свои отдѣльныи замыслы. Звѣстается, що у него было тайное желаніе статись окремымъ независимымъ владѣтелемъ Малои Руси, а желаніе тое не разъ, хотяй дуже осторожно, высказывалъ прислучайно. Гадку тую поддержалъ въ немъ его другъ Выговскій до того, коли Украина уже была по́ддана Великой Руси. Въ р. 1657, незадолго передъ смертію своею, заключилъ Хмельницкій тайный договоръ съ шведск

ролемъ Каролемъ и княземъ семнадцатымъ Ракочимъ о подѣль Польши. По тому договору мала Украина съ шостою мала русскихъ земель признанаю сти на всегда отдѣльною, ѳтъ Польщи зависимою державою. Пѳзднеѳйше переконанася Хмельницкѳй, що замысль его дастся осуществити, та уже до смерти оставался вѳрнымъ Цареви.

Незадолго потомъ попалъ ѳнъ въ тяжкѳй недугъ и сталъ скоро ныдѳти. Въ той часъ прислалъ до него еще разъ король Янъ-Казимѳръ своего посла и той соворювалъ въ него: „Що вамъ шкодитъ, Гетмане, скинути Московскую прокцію? Московскѳй Царь не буде николи польскимъ королемъ. Получѳтся съ нами, старыми земляками, якъ рѳвны съ рѳвными, вѳльны съ вѳльными.“ На то отвѣтилъ Хмельницкѳй: „Я одною ногою лежу въ могилѳ, и въ конци дней моихъ не прогнѳваю Бога нарушеньемъ даного клятва. Разъ присягнулъ я Цареви вѳрность и додержу ей до остатной хвилѳ.“

Въ коротцѳ послѳ того умеръ Хмельницкѳй дня 22-го Юлія 1667 р. Тѳло его похоронено по его волѳ въ селѳ его Сутоповѳ, въ церкви, котору ѳнъ самъ основалъ. Сироты-козаки, ѳтдаючи тѳлѳны останки батька своего Гетмана землемѳра, такъ заходились ѳтъ плачу и рыданья, що не чути было церковного пѳнія. То не вѳтры осеннии бушевали въ ду-

бравъ, — сказуется въ одной думѣ плакали неутѣшно и рыдали козакъ, гребяючи батька свого старого Хмельницкого!“

Безъурядицы на Украинѣ.

Дѣло Хмельницкого, змѣряющее того, чтобы улегчить долю мало-русского народа, могло достигнуть своей цѣли оно ишло до того, что русскіи земледѣльцы еще за Князей потомковъ Рюриковичей составляли всѣ разомъ одну природную цѣльность, получились вновь въ одну массу, чтобы оттакъ тѣмъ snadнѣйше возрасти въ силу и благосостояніе. Однако самыя же Старшины козацкія допускали еще дотого. Многіе изъ тѣхъ Старшинъ не радо подчинялись московскому владѣнію, такъ какъ они сами были то русскіи шляхтичи, вышедшіе изъ польско-езуитскихъ школъ, и привыкли до обезъюзданой свободы, якою буйствовала шляхта въ Польщѣ, а якою не пускали московскіи власти. И между ними и духовенствомъ мало-русскимъ было согласіе: низшее духовенство считало простымъ народомъ было все государство Великой Руси, но Митрополитъ не хотѣлъ подчиняться Московскому Патриарху и признавалъ надъ собою только вл

патріарха Цареградского. До того вытворюлись теперъ на Украинѣ, по зверженію польскихъ порядковъ, такіи отношенія, которые цѣлкомъ на добро не ворожили. По договору съ Великою Русію означено было число козаковъ на 60.000 мужа. Того войско было яко-бы станъ привилеёванный, то есть именованъ козаковъ, которые не платили податковъ, распоряджались сводно землями и доставали еще платню за военную службу. Решта народу не мала козацкихъ правъ, а мусѣла платити податки и отбывати розличныи работы. Изъ того вышло, що козацкіи старшины дбали только за себе, а народъ лишался на ихъ самоволю. Козацкіи начальники переняли цѣлкомъ польскіи понятія о свободѣ; были свободнымъ, значило у нихъ имѣти такіи права, якихъ другіи низшіи чины не имѣли: никто и не думалъ о томъ, чтобы признати рѣвность межи всѣми. Земля было наибольше въ рукахъ козацкихъ; каждый присвоювалъ собѣ или выпрошивалъ для себе у начальства землю якъ наилучшіи, а хотяи и простой народъ малъ свои удѣлы, но власность его уважалась зависимою отъ волѣ козацтва, бо козацкіи урядники присвоювали собѣ власть распорядимости надъ мужицкими грунтами. И межи самими козаками не было рѣвности: Старшины и ихъ поплечники захватили для себе больше земель и маєтковъ и затѣмъ ско-

ро вывысшились знатностію и богатством надъ своихъ товаришей. Старшины знатная козацкая старались утвердиться привилеи и права грамотами, и отъ они ставались теперь на Украинѣ тѣмъ чѣмъ была самовольна и буйная шляхта въ Польшѣ.

Въ такихъ своихъ стремленіяхъ русско-украинская шляхта встрѣчала репону у московскихъ властей, вслѣдствіе чего при первой случайности готова была измѣнить Москвѣ. Въ короткомъ времени распространился по Украинѣ якійсь сворный духъ противенства: щобы ни кому не подчинятись, а отъказоватись всякой власти, отъ всякого поря. Буйство и сваволя Старшинъ козацкихъ перейшли всякіи границѣ; каждый изъ нихъ готовъ былъ идти нынѣ на чужихъ воеводъ, завтра на Польшу, завтра на Турцію, щобы только поблудитись съ кѣмъ, погуляти, а собѣ при этомъ нажити добра. Оттакъ наступило и то межю Старшинами а простыми козаками возникло взаимное недовѣріе: одинъ другому обманювалъ, одинъ другому не вѣритъ и всякій, щобы доказати свою преданность Москвѣ или Варшавѣ, доносилъ на носы, обвиненія противъ всѣхъ, кто ему не поѣдходили поѣдъ руку. — Посел такихъ отношеній повстали на Украинѣ по смерти Хмельницкого внутренніи неурядицы, борьбы, межюусобицѣ: Гетманъ

змѣнялись скоро одинъ по другомъ; бывало даже по кѣлькѣ Гетмановъ разомъ, которые взаимно собѣ вредили и себѣ нищили. Но простое козацтво и народъ поддерживали только тѣхъ Гетмановъ, которые были вѣрны Москвѣ, бо якъ прежде они ненавидѣли порядки польскіи, такъ само теперь не радо дивились на новыи порядки козацко-шляхотскіи. Все же тое провадило конечно весь край до замѣшательства, а козацтво до падевія, до утраты той силы и той свободы, до якои козаки дошли въ часахъ Хмельницкого. — Но перейдѣмъ коротко историчный перебѣгъ sprawy на Украинѣ по Хмельницкомъ.

Богданъ Хмельницкій назначилъ своимъ наслѣдникомъ своего сына, Юрія. Козаки, догоджуючи ему, не сопротивлялись его послѣдной волѣ. Однакъ у козаковъ былъ таивъ выборъ Гетмана новостію: они привыкли выбирать собѣ проводира такого, що уже чѣмъ-нибудь добре у нихъ заслужился. Коли же еще оказалось, що сынъ Богдана, молодець, до гетманства не способный, уговорили его Старшины, чтобы ѓнъ зрѣкся гетманства, а выбрали Гетманомъ друга старого Богдана, писаря козацкихъ войскъ Ивана Выговского. Выговскій, зъ роду шляхтичь польскій, былъ то уже не рѣвня покойному Хмельницкому, который, яко козакъ Русинъ сердцемъ и ду-

шею, съ панами не братался и съ паномъ николи не мѳгъ сжитись. Выговскій противно, яко родовый шляхтичъ, тягнулъ до Польщи; ему не розходило о независимость Украины, а о тое, щобъ самъ ѳнъ сталъ польскимъ княземъ и генераломъ. Знало правительство Московское, що Выговскій зносится съ панами и получаетъ въ Варшавы подарунки — недовѣряло ему. Но и mezi самыми панами заками было много недовольныхъ новымъ Гетманомъ, и тѣи выступили противъ него пѳдъ начальствомъ Полтавского полковника Мартина Пушкаря. Выговскій собралъ свои полки, чтобы усмирить своихъ противникѳвъ, ба и затребовалъ еще ѳтъ Москвы помочи для себе. Въ Москвѣ вѣдали о томъ, що Гетманъ хоче употребити велико-русскіи войска противъ тыхъ, що Царю наибѳльше были приклонны, тому не выслано ему ѳтту помочи. Выговского роздражнило то дуже: ѳнъ сталъ роспускати вѣсти, что Царь нарушае Переяславскій договоръ, що хоче уменьшити козацкое войско при прѳ. Противники же его доносили одновременно до Москвы, що Гетманъ забирае поборы въ народа до своего карману или дѣлится тыми со Старшиною, и что просто умышляе измѣнить Царю и соединитися съ Татарами.

Въ Москвѣ не знали далѣй, но вѣрити, и затѣмъ выслали на Украин

очного посла повѣрника, чтобы той
 ѣдлся точно, що и якъ тамъ дѣет-
 Передъ тымъ посланникомъ уже жа-
 вался Выговскій отверто на Москву и
 ворилъ: „У короля польского было
 мь хорошо: прійдутъ бывало наши до-
 го, скажутъ, що треба, и указъ въ сей-
 ась готовъ. Зачѣмъ вы присылаете
 о насъ вашихъ московскихъ воеводъ?
 ълько народъ зъ того бунтуется. А
 оли отъ менеперебѣгаютъ до васъ, то
 вы не выдаете ихъ менѣ назадъ; тожъ
 и я не буду выдавати вамъ бѣглыхъ
 царскихъ людей“.

Выговскій говорилъ такъ дерзко, якъ
 бы уже почитался не царскимъ пѣдда-
 нымъ, а независимымъ княземъ; а смѣ-
 лости той додавали ему вѣсти, що зъ
 одной стороны приходятъ ему на помочъ
 Татары, а зъ другой ѣдутъ польскіи ко-
 мисари дѣлати съ нимъ переговоры.

Татары прійшли въ самомъ дѣлѣ,
 однако вно на погибель Руси, бо раз-
 сыпавшись по Украинѣ, почали зновъ
 грабити жителей и палити ихъ имѣнія.—
 Далѣй пріѣхали и польскіи комисары, а
 съ ними Выговскій поговоривши самъ-
 на-самъ, созвалъ Раду козацкую до Га-
 дяча (1658 г.). На Радѣ явились Стар-
 шины: полковники, сотники и знатнѣй-
 шіи изъ козацтва, а простыхъ козаковъ
 было дуже маленько. Явились на Радѣ

также и польскіи комисари, и одинъ изъ нихъ озвался такъ: „Зачѣмъ соединились вы, паны рыцари, съ Москвою? У васъ вѣра греческая, а у Москвитинъ московская. Они хотятъ здѣлать васъ простыми мужиками, прикажутъ ходить въ лаптяхъ. Они готовы вамъ языкъ сръзати, щобы вы не говорили, очи выколоти, щобы вы не смотрѣли. Соединитесь лучше назадъ съ Польшею! Неяснѣйшій панъ нашъ король поверитъ вамъ всѣ вольности и дастъ еще новыя. По той промовѣ уложено договоръ, званый пѣдъ именемъ Гадяцкого договора. Условія договора были такыя: „Украина (которой на тотъ разъ дѣлали ширшіи границѣ) лучится съ Польшою добровольно пѣдъ именемъ великаго княжества русскаго на тыхъ же правахъ, якъ княжество литовское. Того же русскаго княжества буде имѣти свой верховный трибуналъ съ русскимъ урядованьемъ, своихъ достойникѣвъ, свой скарбъ, свою монету, свое войско 40.000 людей. Унія на Руси зноситъ Митрополитъ Кіевскій съ чотырьма Епископами: Перемышльскимъ, Львовскимъ, Холмскимъ и Луцкимъ будучи засѣдати въ Соймѣ. Въ Кіевѣ мае вестись академія съ университетскими правами, а по всему краю мають вѣдѣтись гимназіи и другіи школы, лишь окажется ихъ потреба. Гетманъ

де представляти що-рочно козаковъ и наданья имъ шляхотства. Козаки дуть выбирать четырехъ кандидатовъ Гетмана, изъ которыхъ одного зардигитъ король“.

По заключенью того договора готовился Выговскій до войны съ Москвою, одновременно написалъ до Царя сьмо, завѣряющее о своей преданности вѣрности для московского царства. Но Москвѣ уже ему не вѣрили, а выслали противъ него войско. Чернь и прочие козаки горнулись толпами служить велико-русскихъ полкахъ. Выговскій помочію Крымского хана распочавши войну противу Москвы, имѣлъ вправдѣ -початку где-якіи малыи успѣхи; но король звелось затѣянное нимъ дѣло ни что. Король и сенатъ подтвердили вправдѣ изъ конечности договоръ Гадяцкій, съ такимъ намѣреньемъ, щобы его рушити въ сей-часъ, якъ тѣлько дѣстать въ руки назадъ Украину. Та на часте, народъ не дался уже заманити имъ такъ лестнымъ договоромъ: всякое ошеніе съ Польщею надоѣло, зъогидисъ ему. Противъ Выговского повстали козаки въ многихъ округахъ, вырубали куски его поплечникѣвъ, а самъ Выговскій принужденъ былъ утѣкати и отти козакамъ свою гетманскую булаву войсковую печать.

Теперь выбрали козаки на Гетмана Юрія Хмельницкого, а правительство Московское затвердило его выбор.

Зъ причины подданьяся Выговскимъ Польщѣ повсталъ друга вѣйна Польша съ Великою Русію, и тая вѣйна тяглась черезъ 8 лѣтъ и велась съ разлымъ для обохъ сторонъ поведеньемъ. Въ первыхъ лѣтахъ была перевага сторонѣ Польщи; Великая Русь потерпѣла въ Литвѣ и Бѣлой-Руси многія страты, однакъ позднѣйше перехилили счастье на корысть Великой Руси. Въ то часъ змѣнялись Гетманы одинъ за другимъ. Юрій Хмельницкій былъ еще ловѣкъ молодой, до того слабый умомъ и характеромъ. Его окружила старшая преданная по бѣльшой части Польша и увлекла его за собою. Побитый однимъ сраженіемъ отъ Поляковъ, изнѣнилъ онъ Великой Руси и погодился Польшею. Тогда слѣдовала на Украинѣ совершенная безурядица: то въ то мѣсто въ другомъ мѣстѣ собирались козаки и выбирали собѣ гетмановъ; гетманы воювали одинъ противъ друга, одинъ склоняючись до Польщи, другой до Великой Руси. Дѣйшло до того, даже трудно было сказать, кто стоитъ за Москву, а кто за Польшу.

По зрадѣ Юрія Хмельницкого сталъ Гетманомъ атаманъ Запорожской Сѣчи Иванъ Брюховецкій. Человѣкъ

ль не дурный, но лживый и злобли-
 й, отже не такой, щобы зъумѣлъ со-
 ати въ округъ себе взволнованный на-
 цѣ и успокоити Украину ѳтъ внутрен-
 хъ безъурядицъ. Щобы приподобатись
 оквѣ, ѳнъ пѳддавалъ ей правительству
 цку, щобы скасовати привилеи краю,
 помножити московскихъ воеводъ. Самъ
 ѣ поѣхалъ въ Москву, оженился съ бо-
 скою донькою и дѳсталъ ѳтъ Царя ти-
 цѣ боярина. Тое самое зразило уже до
 го козаковъ. „У насъ — говорили они:
 было передше боярѣ, и черезъ него
 пропащуются наши всѣ вольности“.
 егодованье на Гетмана взросло и пе-
 йшло въ обуренье, коли ѳнъ началъ
 пускаться безграничной самоволѣ и
 ѳ полковниками своими выправлялъ на-
 асти и грабежи въ краю. Народъ воз-
 утился, не хотѣлъ платити данинѣ,
 бивалъ московскихъ жолнѣрей, якіи бы-
 и тогда на службѣ у Гетмана. Мѣщане,
 ростыи козаки и селяне дерлись съ гет-
 анскими козаками, враждовали на Гет-
 на и уважали его причиною всего
 ха у себе. Посередѣ того народного
 уренья повставало мѣстцями желаніе
 цатись пѳдъ власть Гетмана зъ право-
 боку Днѣпра, где недавно тому Юрій
 ельницкій, пѳддавшись Польцѣ, а чув-
 вуючи, що у него не ма силы удержа-
 сь посередѣ общого забуренья, зложилъ
 лаву и вступилъ теперь въ монастырь.

Мѣстце его занялъ тамже власне тотъ человекъ хоробрый, способный до великихъ дѣлъ и знаный своею славою далеко по Украинѣ, именованъ Петро Дорошенко.

Межи тѣмъ желалъ король польскій помириться съ Великою Русію. Царь былъ такожь не отъ того. Русскіи польскіи послы зѣхались въ мѣстце Андрусовѣ 1667 г. и по долгихъ трудахъ заключили перемиріе на 30 лѣтъ на такихъ ото условіяхъ: границею между Польщею а Великою Русію буде рѣка Днѣпръ, а то лѣвая сторона Малой Руси остане при Великой Русі, а правая при Дорошенкомъ при Польщи; лишь Кіевъ хотяй находился на правомъ берегу рѣки, остане на два лѣта при Великой Русі. При томъ землѣ Смоленская и Черниговская отданы теперь назадъ Великой Русі. — Договоръ сей, званый Андрусовскимъ, роздѣлилъ такимъ способомъ Украину на двѣ части, на лѣвую бережную и право-бережную. Изъ этого повстали новыи неудобности и недозумѣнья. Жителѣ правой стороны Дорошенкомъ огорчались, що ихъ знову отдалъ подъ Польшу, що ихъ кровавыи жертвы и дознанныи потери мали остатити въ вынагороды, безъ ніякой для нихъ выгоды; они вырѣкали, що такъ далеко боролись противъ польской шляхты теперь назадъ найдуть на нихъ зноу

еным паны и іезуиты и начнуть нова творити имъ свои давныи паны, насилувати ихъ религійную свободу. Вправдѣ договоромъ Андрусовымъ забезпечена была личная свобода православнои вѣра Руси; но народъ русскій зналъ уже хорошо изъ премногихъ досвѣдѣвъ, якъ то такіи условія ввѣряются, и чувствовалъ уже на собѣ ихъ утѣсненія. Не диво отже, що въ порѣ всѣ желанія и стремленія тыхъ русскіи змѣряли до того, щобы получити съ братьями лѣво-бережными, и все ти, щобы тѣлько отвязатись ѳтъ польскихъ властей, ѳтъ польского панованія.

Гетманъ Петръ Дорошенко.

Посередѣ тыхъ внутреннихъ затѣй и неурядицъ, якіи настали въ Русіи по смерти Хмельницкого, представляется отраднѣйшимъ явленіемъ личность Петра Дорошенка. Прославленный еще за гетманства Хмельницкого, Дорошенко добился потомъ у козаковъ широкой славы и сталъ Гетманомъ ихъ зъ р. 1665. Личность его выдающаяся и привлекательна по той причине, що не глядалъ ѳнъ подобно другимъ Старшинамъ-товарищамъ своей личнаи корысти, своей особистои выгоды, а боролся постоянно за благо отечества.

своего, желаячи отъ сердца вывести его изъ трудного положеня.

Въ Польщи за той часъ зложилъ корону Янъ-Казиміръ, а на его мѣстце вѣнчано королемъ неудольного Михаи



Гетманъ Петръ Дорошенко.

Вишневецкого. Въ р. 1669 Гетманъ слалъ на Соймъ прошеніе, щобы зверно церкви русскія, загорненныя пра

нымъ, и щобы русскіи Владыки ли право засѣдати въ Соймѣ. Прочее тое осталось безъ успѣха; новый сеймъ не допускалъ ни одного изъ русскихъ Владыкъ, такъ православныхъ, какъ и навѣтъ уніатскихъ, до сойма, а православныхъ людей исключалъ изъ всѣхъ воинствъ и урядовъ. Вслѣдствіе того возманилъ Дорошенко зорвати съ Польшею и соединити Украину западную съ лѣво-бережною, т. е. московскою. Но договоръ Андрусовскій стоялъ у него на перешкодѣ. Дорошенко переговаривалъ съ Москвою, но тая, яко твердая, не хотѣла нарушати договора. Не было друго выхода, якъ заключити договоръ: треба было, по мнѣнію Дорошенка, напередъ за помочію Турковъ и пѣдъ ихъ властію вызволитись отъ пѣдъ Польщи, а потомъ съ помощію какой Руси изъ-пѣдъ власти Турковъ. Для той цѣли намовилъ Дорошенко Брюховецкого, Гетмана лѣво-бережной Украины, щобы той подалъ ему руку и щобы ономъ они поставили цѣлую Украину вѣдѣльною, независимою. Брюховецкій, вѣдючи, що обуренье на него козацтва принимаетъ що-разъ бѣольшую мѣру, задумалъ направить дѣла измѣною супротивъ Польщы, и бѣнъ затѣмъ порозсылалъ мѣнародъ универзалы того содержания: Москва связалась съ Поляками, и що ономъ они постановили зничити Укра-

ину и розорити Запорожье такъ, щом на тыхъ мѣстцяхъ, где жили козаки стали дикіи поля и жили тóлько звѣри.

Такии пóдстрекательства взволновали народъ; той же кинулся теперъ на московскихъ воеводъ и на велико-русскіи войсковыи залого, проганялъ ихъ къ краю и розбивалъ. Брюховецкій соединился съ Дорошенкомъ и ищетъ съ войскомъ получитьсь съ нимъ; въ Гадячи его власныи козаки поймали его, привезли къ Дорошенку и тутъ таки убили. Теперъ была цѣла Украина въ рукахъ Дорошенка; оставало тóлько укрѣпити свою власть. Но на счастье, въ тое же время возстали противъ него домашніи соперники. Польское правительство, узрѣвши измену Дорошенка, поставило гетманомъ Ханенку, а козаки, оставшіи вѣрными Москвѣ, поставили собѣ гетманомъ Многогрозного. Такъ было теперъ гетмановъ трехъ. Дорошенко сталъ переговаривать съ Москвою и увѣрялъ Царя, що онъ хочетъ быти пóдъ властію Польщи, а съ Москвѣ и желаетъ тóлько того, щобы Украина была пóдъ властію Царя, не иначе, якъ тóлько такъ, щобы Царь принялъ пóдъ свою руку обѣ стороны Днѣпра и подтвердилъ бы той договоръ, який съ Хмельницкимъ въ Переяславі былъ заключенъ. Однакъ московское правительство не могло на тое согласити

рь Великой Руси былъ въ переми-
 королемъ Польщи, и затѣмъ те-
 старался онъ уговорити Дорошенка,
 оставалъ вѣрнымъ Польщи. — Такъ
 мся теперь Дорошенко въ прикромъ
 еню: ему приходилось воювати
 съ и съ Вел. Русію и съ Польщею.
 го повстало еще Запорожье и пѣдъ
 домъ атамана Сѣрка не хотѣло
 гати ни Дорошенку, ни Многогрѣш-
 а пустовали теперь Запорождѣ са-
 розбивали то Туркѣвъ, то Полякѣвъ,
 овились воевати и съ Москвою.

Въ такомъ отчаянномъ положенью
 я Дорошенко послѣднаго способу
 далъ въ Турцію своихъ посланни-
 съ просьбою, щобы Султанъ ту-
 і принялъ Украину къ собѣ въ под-
 во. Въ сей часъ на зазывъ Доро-
 явилось 300.000 Туркѣвъ, разбили
 ка и польскіи войска пѣдъ уро-
 мъ Батогомъ, заняли на Подѣлью
 городѣвъ и кинулись на крѣпость
 нецъ, а здобывши тую крѣпость,
 или тутъ всѣ церкви въ мечеты
 кии и народъ уводили въ бисурман-
 неволю. Такой грозы, яку теперь
 вили Турки на нашей Руси, давно
 до. Турки быстро подвигались къ
 ру, а народъ утѣкалъ передъ ними
 сы и ущелья, та проклиналъ Доро-

Вѣсть о нападѣ Туркѡвъ поразила Польшу несподѣванно и страшенно; самъ король попалъ въ такой ужасъ, що якъ стѡй поспѣшилъ заключити съ Турками миръ пѡдъ городомъ Бучачемъ, ѡтступилъ имъ Подѡлье и Украину и обовязался еще платити 22.000 червонцевъ данины.

Такъ завелся Дорошенко и на Туркахъ, бо имъ не приходило на гадку повернути въ Украинѣ миръ и единство въ народѣ. Своимъ поступкомъ обуривъ Дорошенко на себе весь народъ, который теперь въ множествѣ переселился на лѣвый берегъ Днѣпра пѡдъ владѣніе Москвы. Правая сторона Украины вразъ съ Подѡльемъ и Волынемъ ставала що-разъ безлюднѣйшою, опустѣлою.

Теперь Дорошенко зновъ сталъ звертатись до московскаго правительства и просилъ Царя, щобы принялъ его въ подданство, но такожь ино пѡдъ тымъ условіемъ, щобы Украина остала нероздѣленою на двѣ половины и вся была бы свободною.

За той часъ въ Украинѣ лѣво-бережной не стало уже Гетмана Многогрѣшного. Онъ началъ былъ думати о зрадѣ супротивъ Москвы, но тамъ правительство еще въ часъ дозналося о томъ, и выслало его въ Сибирь. Гетманомъ выбрано теперь на козацкой Радѣ Самойловича. Самойловичъ же былъ то человекъ умный, но яко при томъ бутный

корыстолюбивый, онъ не хотѣлъ допустить, чтобы просьбы Дорошенковы нашли послухъ у правительствавъ Москвѣ; ожь чернилъ онъ Дорошенка и довелъ о того, що тое правительство, вмѣсто омириться, выслало противъ Дорошенка войско. Самойловичъ съ своими козаками и съ велико-русскими войсками переступилъ Днѣпръ, а тутъ народъ принялъ ихъ радостно. Дорошенко пробовалъ еще разъ спасатись и призывалъ въ другій разъ до себе въ помѣчь Туркѡвъ; тѣ же явились скоро, но зновъ ино на тое, чтобы пустошито ужасно Украину, и то въ самъ той часъ, коли изъ другой стороны наступалъ на правобочную Украину Самойловичъ. Тогда стратилъ уже Дорошенко все довѣріе у народа; останки Юдей выносились за Днѣпръ, а коли Самойловичъ пѡдступилъ ажъ пѡдъ Переяславъ, козаки и народъ приняли его рихильно и на Радѣ въ Переяславлѣ голосили его Гетманомъ цѣлой Украины, Дорошенко потерялъ все. Пѡдъ Чиркиномъ зложилъ онъ булаву, присягъ Кареву и переселился въ Москву. Въ Москвѣ принято его ласкаво и даровано ему богатую посѣлость, въ которой и проживалъ онъ спокойно ажъ до своей смерти, не мѣшаючись уже въ ніякіи воєнно-политичныи sprawy.

Разомъ съ Дорошенкомъ упали такожъ и козацтво на правомъ берегу Днѣпра. Султанъ турецкій, узнавши, що Дорошенко ѳтдался Москвѣ, не изрекся своихъ уроенныхъ правъ до Украины, а поставилъ тутъ ѳтъ своей руки Гетманомъ Юрія Хмельницкого, и давши тому же численныи турецкіи войска, выслалъ его нападати на лѣвобочную Украину. Самойловичъ велѣлъ тогда умышленно палити города и села зъ правого боку Днѣпра, а людей, якіи тамъ еще жили, переселялъ на свѳй берегъ Днѣпра.

Въ-конецъ рѣшилъ Царь заключити съ Турцією миръ (въ р. 1682) на двадцать лѣтъ. По условіямъ того мира лѣвобережная Украина и Запорожье остались при Великой Руси, а цѣла право бережна ѳтъ долѣшного Буга до Днѣпра, ставшая тогда пустынею, мала такую же пустынею остати и роздѣляти державу русскую ѳтъ турецкой.

Вотъ до чого то звелось съ сею хорошою, буйною и заможною землею украинскою! Турки, Поляки и самы же козаки обернули ю въ безлюдную пустыню, которой каждый уже выречися былъ радъ.

Пѳзднѣйше поставили Турки гетманомъ для той безлюдной пустыни волоского господаря Александра Дuku. Той, заставши тутъ такіи пустыни

ены, замыслилъ ихъ на-ново оживити и оголосилъ право цѣлкомъ свободного вѣдѣнія и вольного поселенія, щобы на-задъ такимъ способомъ назадъ въ тѣи мѣлѣ стягнути. Затѣмъ жителѣ начали въ самомъ дѣлѣ зновъ тутъ появляться; однакъ понеже той поступокъ Дуки на-шалъ договоръ съ Турцією, то самого Дуку поймано, а съ нимъ упала гадка залюд-нѣня право-бочной Украины. Широкая и взненная земля, позбавлена возможности поселитись народомъ, стала прибѣжи-емъ всякаго рода бѣглецѣвъ, волоцюгъ и гайдамакъ. Пѣзднѣйше король польскій въ Собѣскій, воюючи съ Турками, а амятаючи еще вагу и силу козацкаго войска, силовался назадъ воскресити ко-зацтво; однакъ вадармо; для козацтва не оставало тогды уже пѣдставы; оно пере-живало тутъ уже свою исторію. Всѣ уси-лія, щобы оно пѣднести зновъ до давной славы, проминули тогды безъ слѣду. — Правда существовали тамъ еще и по-томъ козаки, но не былъ то уже народъ вободный, а подданыи польскихъ маг-натѣвъ.

Козаки яко войско въ властивомъ мѣслѣ задержалось еще ино въ лѣвобе-режной Украинѣ, которая належала до Москвы; однакожь и съ тѣми козаками найшла съ часомъ така перемѣна, що о-ни не творили уже самоуправну военную ормаду, а стали такъ, якъ воинства въ

другихъ державахъ, правильныи войскомъ. Москва, перетворяючи ковъ въ такое войско, а знаючи томъ, що козаки вправны до служби енной конно, составила зъ нихъ славленную и до нынѣ на весь свѣтъ зацкую конницу.

Гетманъ Иванъ Мазепа. — Знищенье нозкого самоуправленія.

Цѣлой Европѣ, особливо же Польши и Австрій грозила въ оно время великая опасность отъ Туркоу. Мужественный король Польши Янъ Собѣскій постановилъ нанести рѣшительный ударъ тымъ врагамъ христіанства, и въ цѣли приглашалъ Великую Русь до юза и до вспольного дѣла. Высланныи Собѣскимъ посланники, воевода Гримунтскій и князь Огинскій, заключили въ 1686 въ Москвѣ договоръ, силою которого отказалась Польша на всегда Кіева съ его окрестностями, также Украины и Запорожья, а обовязалась тому въ своей державѣ завести полную религійную свободу. Договоръ сей бытяжкимъ для Польши: Собѣскій подсалъ его со слезами въ очахъ. Великая Русь приобрѣла незмѣрныи корысти,

ихъ мусѣла заплатити неудачными дами въ Крымъ.

Въ Москвѣ царствовали тогда по ти Θεодора Алексѣевича два братья Иоаннъ и Петръ, и понеже первый былъ слабосильный, а второй еще мѣтень, то дѣлами державы управляла ихъ, царица Софія. Согласно договору, заключенному съ Польщею, царица Софія выслала въ сей-часъ на крымскихъ Татаръ войска свои подъ наставствомъ князя Голицына и выдала ихъ Гетману Самойловичу, чтобы съ козаками прилучился до тыхже мѣстъ. Самойловичъ, яко заклятый врагъ Польщи, противный былъ союзови Польщею и не одобрялъ похода на Крымъ. Затѣмъ походъ и не удался. Голицынъ съ Самойловичемъ ступали спешно впередъ въ степы; Татары не показались, но нагло въ степяхъ поднялся туманъ и охватилъ широкую простороню похода. Дальшій походъ въ степы оказался за-для того пожару ихъ невозможнымъ. Голицынъ принужденъ былъ безъ выгоды по вертати. Въ тотъ часъ разнесся слухъ, будто Самойловичъ, не радъ походу въ степы, подналити степы, Слухъ такой вышелъ, здается, отъ козацкого асаула на Мазепы. Лукавый той человекъ зъумѣлъ приподобатись и въ Москву и у Самойловича, а корыстаючи изъ неудачной выправы на Крымъ, онъ

постановилъ звалити всю бѣду на Самовича и такимъ способомъ самъ же гору пѣднѣтись. Хитро задуманный планъ его удался. Впрочемъ не было никакихъ основаній ни доказѠвъ противъ Самовича, но старшина козацкая не долговала его за его гордость и самолюбивъ затѣмъ то и распущенный слухъ прился скоро, и рѣшено усунути Гетмана достоинства. Надъ рѣкою Коломакою далеко Полтавы отобрано Самойлову булаву и выслано его въ Сибирь, а зацтво оголосило новымъ гетманомъ вана Мазепу (въ р. 1687.)

Хорошъ тѣломъ, проворный и довольно образованный новый Гетманъ Иванъ Мазепа, выхованный былъ въ молодлѣтѣ при польскомъ дворѣ королевскомъ въ отки за молодечіи свои продѣлки и нужденъ былъ утѣкати межи козаки. Тутъ то дослужился онъ скоро почестъ за Дорошенка онъ сталъ уже генеральнымъ писаремъ, а потомъ за Самойловича генеральнымъ асауломъ. Ставши перъ Гетманомъ, онъ началъ дѣйствовать въ душѣ польско шляхотскомъ, съ представителемъ того старшого козака которое походженъемъ, урядомъ и мкомъ стремилъ отрѣжнитися отъ прочерни, отъ народа и пановати надъ теми же. Заразъ съ початку гетманства съ завель онъ въ своихъ маеткахъ панну, накладалъ данины и запрещалъ

ымъ людямъ вступати въ козаки и тѣмъ
дбурюваль простой народъ, который
егда добивался ровности съ козаками.
обыотже забезпечитись въ своей власти
съ стороны московского правительства,
Гетьманъ Мазепа такъ хитро и мудро о
мъ походити, що приподобался самому
Царю, якимъ тогда былъ уже быстро-
умный Петръ; а приподобался ему такъ
разумно, що Царь Петръ уважалъ Ма-
зепу не ино своимъ найвѣрнѣйшимъ слу-
гой, но и своимъ другомъ. Однакожь не
долго тревало, а позналъ Царь Петръ, що
свелся на Мазепѣ. Онъ бо, той Гетманъ
Мазепа, началъ по-за плечи правительства
тайно порозумѣватись съ Польщею и съ
шведскимъ королемъ Карломъ.

А въ томъ то часѣ вторрнулъ былъ
и Карль шведскій въ Польшу, про-
далъ короля польского Августа, а поса-
дил на немъ шляхтича Станислава Ле-
щинского. Партія Лещинскодо обѣцала
Мазепѣ золотыя горы, чтобы измѣнилъ
Царю, а перейшолъ бы на сторону Поля-
ковъ и Шведовъ. Обѣцали ему Поляки и
Шведы, що сдѣлають его удѣльными
въ землѣхъ мало-рускимъ по обохъ
сторонахъ Днѣпра, до того сенаторомъ
польскимъ и Богъ знае якимъ великимъ
укомъ. Мазепа увѣрилъ обѣтницямъ
и больше, що Карль шведскій про-
давился тогда своими войнами на цѣлую
Европу и готовился до войны съ Россією.

Въ р. 1700 началась дѣйствительная война между Россіею и Швеціею. Зѣпочат не велось Россіи: войска шведскія подгались побѣдоносно въ глубину русскія земель. Тогда то и Мазепа зѣюхался королемъ шведскимъ и обѣщаль прічтиться до него съ 20.000 козаковъ.

Въ Москвѣ цѣлкомъ не надѣялись той зрады; Царь не хотѣлъ вѣрится носамъ, якія приходили изъ Украины Мазепу, и выслалъ даже гонцевъ до него съ приказомъ, чтобы онъ спѣшилъ почитись съ головною арміею великорскою. Но вмѣсто идти къ русскимъ вѣскамъ, Мазепа помчался съ частію зацтва за Десну въ шведскій таборъ. Намѣреніяхъ Мазепы знали лишь нѣторыи изъ старшинъ козацкихъ, прочіе же козацтво было обмануто; оно думало идти битись со Шведами, а дошло о истинѣ ажъ тогда, коли найшало въ серединѣ шведскихъ полковъ.

Вѣсть о зрадѣ Мазепы поразила страшенно Царя Петра; онъ долго не хотѣлъ тому вѣрится, но въ-конецъ вѣрпѣлъ грозю и выдалъ быстрыи и рѣшительныи распорядженія. Онъ извѣстилъ всю Украину о лукавой намѣнѣ Гетмана, ввелъ туда свои полки и разомъ оццалъ полное прощеніе всѣмъ тымъ кокамъ, которыи вернутся до него на означенный часъ. Сверхъ того приказалъ Ц

етръ всѣмъ старшинамъ козацкимъ со
воими полками зѣйти до городка Глу
хова, щобы избрали собѣ нового Гетма
на и щобы были свѣдками проклятiя, я
кое тутъ мало вержено быти на измѣн
ника Мазепу.

Коли уже зѣхались до Голухова ко
лки, совершенно на-передъ церковное
проклятiе на Мазепу. Проклятiе такое
мало страшное дѣло, якого дуже рѣдко
в Руси уживано. Отбылось-же оно такъ:
несено въ церковь изображение (пор
етъ) Мазепы; все духовенство въ чор
номъ одѣвiи священнодѣйствовало, дер
жачи въ рукахъ чорныи свѣщи и напѣ
вучи похоронныи напѣвы. Найстаршiй
въ священникѣвъ приблизился до изо
браженiя Мазепы, коснулся его своимъ
езломъ и возгласилъ ему; „анаѣма“
(проклятiе), а хоръ повторилъ трикратно:
„анаѣма!“ Потомъ ѳдано изображение
плачу (катови) и той тягнулъ оное на
отузѣ по улици и повѣсилъ на вѣсели
нѣ (на шибеницѣ.) Въ сей-часъ послѣ то
го выбрала козацкая рада гетманомъ
коронадского; при немъ однакъ на
бодился уже постоянно царскiй урядникъ,
оторый пильно наблюдалъ всѣ его дѣй
ствiя.

Тымчасомъ Мазепа, предавшiйся
Пведамъ, грубо въ своихъ надѣяхъ за
селся. Народъ не былъ ему совсѣмъ при
ильный, бо интересы народа были

противны личнымъ интересамъ Гетман
а и тѣи козаки и даже самы старшини
которые лестію дали себе увести въ швед-
скій таборъ, побачивши теперь, въ чемъ
дѣло, утѣкали чѣмъ скорше до русскіхъ
войскъ. Послѣдній же ударъ задалъ
Мазепѣ битва, состоявшая
межи шведскими и русскими войсками
подо Полтавою. Было то въ р. 1709
дня 27 Юнія. Оба войска станули
противъ себе до завязанной битвы и начался
жестокій бой, въ которомъ русскіи войска
зломали славу шведскаго оружія. Цѣль
шведская армія была разбита и разсыпана
на всѣ стороны. Король шведскій съ
Мазепою утѣкъ изъ боевища, а гонимый
козаками, ледви спасся съ жизнію и
спинился съ Мазепою ажъ въ турецкій
краю. Тутъ и закончилъ свою сумную
жизнь Гетманъ Мазепа въ р. 1710, и
вдѣтый отъ своихъ, а презрѣнный
чужихъ.

Измѣна Мазепы и паденіе его за-
ли теперь рѣшительный ударъ тому
дѣльному ладови и устроению, какое
отъ Хмельницкаго на Украинѣ уде-
лось. Измѣна Мазепы была послѣд-
нею причиною, що правительство Москвы
становило отнять козакамъ ихъ отдѣ-
льное управленіе, положити конецъ
самоуправству, а сполучити и соль
ихъ съ цѣлою державою въ одинъ
родъ. И справдѣ, народъ мало-рус-

е виновать былъ въ грѣхахъ Мазепы; понеже козацкая старшина съ нѣко-рыми своими Гетманами не могла по-быти шляхетскихъ вольностей, а взды-ала всегда до прежнихъ временъ, где-икто власти ихъ не стѣснялъ; то и за-алъ теперь по такой измѣнѣ Мазепы-елико-русскій Царь прилѣжнѣйше вгля-ати въ поступки старшины козацкой, мѣшовався бѣльше во внутренніи дѣла-Украины и подѣлалъ такіи перемѣны, которые укротили власть и самоволю стар-шинъ, а выходили на добро простому на-роду. А такъ якъ до теперь ѳтъ часѣвъ-Хмельницкого находилась вся власть въ-рукахъ Гетмана, то изъ сего времени-послѣ Мазепы учреждено уже при Гет-манѣ судебную канцелярію для рѣшенія-важнѣйшихъ спорѣвъ и жалобъ народ-ныхъ, а для завѣдованья всѣмъ управ-леніемъ, сборами податкѣвъ и расходами-становлено окремую комисію, названую-Гало-россійскою коллегією, въ ко-рой часть членѣвъ были велико-русскіи-чиновники. Назначенье же полковникѣвъ-ставало еще дальше при Гетманѣ, но-Царь затверджовалъ ихъ теперь ѳтъ сво-ихъ руки, и въ короткомъ часѣ бѣльшая-часть козацкихъ Старшинъ состояла уже-въ Велико-Руссовъ.

Тѣи то порядки не подобались коза-камъ, а особенно ихъ Старшинамъ; бо-мы не переставали еще мечтати о Укра-

инѣ, яко отдѣльной, независимой державѣ. За тую отдѣльность боролись козаки съ Польщею, и за ню то многіи зѣ нихъ не дуже охотно лучились съ Великою Русію. Но вѣдь такая мечта давно уже оказалась неосуществимою, бо отдѣльною державою Украина, окруженная доколѣсенька трема инными сильнѣйшими державами, каждая собѣ ея заняти баяющимися, отдѣльною — кажемъ — державою Украина устоятись не могла, не мѣючи до того потребныхъ условій. Она затѣмъ мусѣла конечно опертись о другую крѣпчайшую державу и сама же она дѣлала тутъ выборъ, где ей буде найвыгоднѣйше. Пробовала она съ Польщею, пробовала съ Турціею, а таки наконецъ присоединилась до Россіи, съ которою лучила ея одна вѣра и сродственный оного племени русскій языкъ.

По смерти Гетмана Скоропадскаго въ р. 1722 Царь вздерживался съ позволеньемъ выбора нового Гетмана. Козаки выбрали собѣ тымчасовымъ (наказнымъ) Гетманомъ Павла Полуботка и послали до новой столицѣ Вел. Руси, Петербурга, своихъ депутатѣвъ, щобъ упоминались о старыи козацкій правахъ, дабы Царь згодился на древній звичай козацкій выбору Гетмана. Царь отвѣтилъ, що прійде свѣй часъ все, що на теперъ трудно найти здѣлать.

и вѣрнаго челоуѣка на Германа, а
 оки-що нехай Украина довольствуется
 колегією", котора уже и такт. управле
 сѣми дѣлами. Такимъ отвѣтомъ не за
 обрилась старшина козацкая, и затѣмъ
 выслано новыи депутаціи до Царя. Ме
 и колегією а Полуботкомъ и его това
 нишами прійшло до непорозумѣній, вслѣд
 ствіе которыхъ призвалъ Царь Полубот
 а и товаришей его до столицѣ, щобы
 ѣ ними перегововити. Полуботокъ от
 равился до Царя и сталъ передъ нимъ
 жаловатись на нарушенье козацкихъ
 равъ, упрекалъ Царя въ его строгомъ
 оведеніи, грозилъ ему бѣдствіями и су
 омъ Божимъ. Царь Петръ не терпѣлъ
 ѣякихъ супротивленій и велѣлъ заклю
 ити депутатѣвъ козацкихъ въ Петер
 ургскую крѣпость, где Полуботокъ и
 меръ.

Долгій часъ потомъ не было на Укра
 ии нѣякого Гетмана. Ажь за владѣнія
 Царицы Елисаветы 1750 р. назначенъ
 былъ козакамъ Гетманъ Кирило Ро
 зумовскій. Былъ то уже не изъ рода
 Хмельницкихъ или Дорошенковъ Гет
 манъ, а 20-лѣтній молодикъ, приподобав
 шійся на царскомъ дворѣ. Но и такъ чей
 не нужно уже было лучшого: старыи ко
 баки извелися; достоинство Гетмана ува
 жалось державнымъ урядомъ; гетманъ не
 былъ вождемъ буйного козацтва, а упра
 вителемъ края. Розумовскій зѣхалъ на

день выбора до Глухова съ множества повозовъ, коней, гайдукввъ, съ кухар и музыкантами, и давай устраивати ды, балъ, праздники для козацтва; т коли прійшло до рады, всъ единоду выбрали того гостинного молодца, Ц вои любимца, на Гетмана.

Розумовскій былъ уже послѣдн гетманомъ. Въ р. 1764 призвала его рица Екатерина до Петербурга, бнъ уже не верталъ на Украину. По смерти не прійшло уже никому гадку, щобы зыбирати нового гетм Украина зближалась що-разъ ббольш Великой Руси; козацтво мало-помалу ретворювалось въ правильное войс вскоръ старая гетманщина перемѣни въ намѣстничество и было роздѣлен губерни; сохранились въ ней лиш давныхъ часовъ многіи старинны чаф, которыи оставали единственною тою, розличающею Велико-русса от ло-русса.

Въ-скоръ за тѣмъ прилучило Россіи и Запорожье. Атаманъ Горд ко, одинъ изъ найвѣрнѣйшихъ то шей Мазены, перейшолъ съ тымъ з Турцію и зъ-отти долго мутиль За зье, та вызывалъ зъ-оттамъ до себе гихъ. Свѣчь, выселившаяся въ Тур перейшла подъ владѣніе Турка. Но русскіи козаки тосковали за своєю с

ю и просили въ Петербургѣ позволе-
я повернути на свое пепелище, а по-
чивши тое отъ Царицѣ Анны, приня-
ли русское подданство съ условіемъ, что
къ военныи права и землѣ не будутъ
отъ нихъ отняты. Въ того часу брали
участъ въ всякихъ выправахъ
Россіи, а коли вѣны закончились, они
долго еще не могли усидѣти въ бездѣй-
ствіи, а вчинали гайдамацкіи напады то
на сусѣдныхъ Крымскихъ, то въ поль-
скихъ областяхъ.

Въ р. 1775 положено конецъ Сѣчи
Запорожской. На повелѣніе Царицѣ Ека-
терины П. заняли русскіи войска Сѣчь:
и перетворено Запорожскихъ козакѣвъ
въ правильное войско до военной служ-
бы конно, и отъ теперъ введено на Запо-
рожій такіи порядки, якіи были въ цѣ-
лой велико-русской державѣ.

ПЕРІОДЪ II.

ЧАСТЬ III.

Русскіи землѣ пѣдъ владѣніемъ Польщи до паденія той

Проектъ на знищенье Руси.

Изъ предыдущихъ розказѣвъ узнали мы, що вслѣдствіе военъ козацки роздѣлена была Малая Русь такъ, одна ей часть присоединена была Россіи, другая же остала еще при Польщи. При Польщи остала право-бережная Украина, Подѣлье, Волынь и Галичина. Въ дальнейшій исторіи тѣхъ краѣвъ ажъ до самого паденія Польши встрѣчаемъ тѣ самыя прискорбныя явленія, якіи передъ козацкими вѣйнами дились. Русскій народъ не тѣлько, що добился ніякихъ правъ ни въ дѣлѣ вѣры, ни народности; но пренебреже презрѣнію и гоненіямъ ѳтдавый, сгноалъ тяжко и переживалъ гѣрькіи чинтяжкихъ испытаній. — Поляки и по тѣ доткливой и тяжелой науцѣ, якую получили въ козацкихъ вѣйнахъ, не научились ничому, не научились познати, держава устоятись може тѣлько спротивостію и вырозумѣлостію для всѣхъ родѣвъ, якіи она въ своихъ границахъ заключае. Вѣдъ досвѣдчали они до

що тѣлько ихъ несправедливое повоуанье съ Русинами, ихъ нетерпимь къ русской Церкви, довели до тыхъ шенныхъ военъ козацкихъ, въ котоль пролито было стѣлько братной кровъ которой цѣлая широка, жизненная богатая земля знищена, слезами миліи народа зрошена, грубо кѣстми крыта, стала одною великою пусткою. Ии они тое, но не научились ничего того дѣлати; вмѣсто направити старпрегрѣшенія, прекратити давнюю еду и ненависть къ русскому племени пѣднести честными, справедливыми мѣрами народъ, доведеный до крайнужды и нищеты, они кинулись на е, безпомощного, беззащитного, еще бѣольшою яростію, щобы бѣдвый тотъ одъ до тла истребити, щобы и слѣду емъ не осталось.

Мало было для Польщи, що ѣтняла и все боярство и гражданство; мало, позбавила ю всей лѣпoty и величія; о, що загорнула всѣ богатства, и всѣ части изъ богатыхъ русскихъ земель себе забирала: но ею тревожило и чало еще и тое обстоятельство, що одъ рускій въ лохмотяхъ, мимо тоихъ бѣдъ, все еще не хотѣлъ отрест своей народности, все еще стоялъ ю при Церкви своей, при своемъ обѣ. Налезало затѣмъ принудити той одъ, щобы ѣнъ позабылъ, що народъ

бнѣ русскій, щобы ему опротивѣла его Церковь, до которой бнѣ прильгнулъ съ такою горячою любовію. — Коли не стало Сагайдачнаго и Хмельницкаго, или не стало козацкаго рыцарства, отбивающаго съ самоотверженіемъ враждебныя нападенія польской шляхты, то припущено теперь смѣлѣйшій штурмъ на осироченный народъ и на единую твердыню его, св. Церковь.

Придавленный духомъ и тѣломъ русскій народъ оборонялся въ своемъ остаточномъ положеніи, но борьба была неровна и безуспѣшна. И такъ коли украинская земля ледви троха зачала отживати по страшныхъ опустошеніяхъ, постигла на ню зновъ шляхта съ проводниками своими езуитами, щобы по данному притѣснити православіе, принуждати до уни и заводити подданство. Возновались тогда на Украинѣ остатки зацтва, и подъ проводомъ Палѣя Самуся протестовали оружіемъ, голосли свободу и вzywали всѣхъ до возстанія. Непокои и волненія ширялись скоро по Украинѣ, Подолью и Волиню, и взнае, до чого бы было дѣйшло, если бы не вмѣшался въ справу Царь Петръ, не успокоилъ тутъ возстающій до новоборьбы народъ.

Не станемъ подробно описовати и несчастное состояніе Руси въ послѣднихъ часахъ владѣнія Польци надъ нею.

31 не будемъ ррестрвати печальныхъ,
умъ поражающихъ и сердце розрываю-
щихъ событій, якии свидѣтельствуя о
кривдахъ и гоненіяхъ Русинѡвъ; а наве-
демъ лишь одну справу, которая ажъ
надто докаже намъ тогдашніи отношенія
Русинѡвъ до Польци и поучить, якъ
богатою была еще и тогда Польша въ
губительныи выдумки и вражду ко все-
му, що русское, а якъ убогою за то въ
справедливость, благородіе и людскѡсть.
Справою тою есть проектъ на знищеніе
въе Руси.

Въ в. 1717 выдумали загорѣлыи па-
триотники а томителѣ Руси такіи про-
ектъ, щобы всю Русьокончательно роз-
рушити, уничтожити и стерти совершенно
изъ лица землѣ. Способы, якими мало
доходится до такой цѣли, уложено въ
томъ проектѣ слѣдующи:

„Шляхта русского обряда, чи то уни-
яты, чи не-уніяты, не мають быти при-
пущены до ніякихъ урядѡвъ, особенно
до такихъ, где бы Русинъ мѡгъ добитися
по воли имѣнія и славы. Каждый Полякъ
долженъ ѡтъ Русина сторонити и оказо-
вати ему погорду, пренебреженіе, высмѣ-
вати его въру, а въ бесѣдахъ при Руси-
нѣ говорити наибѡльше о забобонахъ
Русскихъ; такимъ способомъ съ певностію
оставитъ Русинъ свою въру, а перейде
на латинство.

лати хотѣли. Въ епископы назначати только такихъ, которые суть въ сродствѣ Поляками католиками, чтобы тое, що ихъ смерти остане, переходило не въ ескіи, но въ польскіи руки. Еписковъ тыхъ николи не припустити до ойма, чтобы тѣмъ не приходили до поги и значенья, а подчиняти ихъ ланскимъ Епископамъ, чтобы народъ привычался видѣти надъ собою римскихъ настоятелей духовныхъ.

„Всевозможными способами держати русское духовенство въ невѣжествѣ и неостатствѣ, бо тогда поны самы не будутъ ничего знати о своихъ обрядахъ, николи, ни отъ кого ти установлены; они не будутъ знати для чого ти обряды до русской Церкви введены и они не зубуютъ поучити людей, що ти обряды отъ св. Отцевъ происходятъ, ни пояснять, что обряды ти не суть забобоны, та люди не будутъ могли противитись есеню ихъ. До удержанья той группы, дуже намъ потребной темноты между духовенствомъ наилучше средство: убожество, въ которомъ, якъ до теперь надятся, такъ изъ него, за нашимъ станьемъ, николи не выдобудутся, а черезъ тое самы ихъ прихожане будутъ ими презирати и скорше на нашу сторону перехиятися. Родины священниковъ во всѣхъ справахъ мають быти поганы до двора, и за наименьшіи про-

вины или сопротивленія мають быти аки
настрожше караны. черезъ що будутъ
еще бѣльше понижены. Такожъ голоса
що сыны священникѣвъ, поповичи, и
суть вольны отъ панщины, а понеже онѣ
мають вступъ до публичныхъ школъ, т
шляхта должна ихъ преслѣдовати, в
чемъ помагати имъ будутъ самы учи
телѣ.

„Належитъ ѳтнимати церковныи
мѣнїя, ѳтдавати церкви жидамъ въ аре
ду и при всѣхъ спорахъ, яки легко за
дутъ межи арендарями а русскими св
щенниками, брати сторону жидѣвъ.

„Въ конецъ уважати и на селянскѣ
сословіе, которое само изъ себе есть д
же упорное; тожь знести причину той
порности, ѳтняти ему средства до пр
свѣщенїя, заборонити селянскимъ сынамъ
учитись по школамъ и при церквямъ,
перестерѣгати прилѣжно, щобы хлопскі
дѣти не брались до книжокъ, но пильн
вали бы плуга, рала и цѣпа.

„Для лучшого успѣха належитъ пил
но записовати всѣ неправильныи посту
ки, неприличности дворянъ, мѣщанъ
селянъ русскихъ, щобы мати пѣдъ рукѣ
всегда готовы противъ нихъ обвиненїя
щобы и свѣтъ переконати, що Поля
въ томъ справедливо поступають.

„Еслибы однакъ тѣи справедливи
мѣры не были достаточны, тогды
лезно буде розголошати уложенныи щ

въ нихъ вымыслы, подкладати сфалшивыя письма отъ имени священникѣвъ и Владыкъ, вредныи Польщѣ и вѣрѣ католической и тѣмъ взводити на нихъ доозрѣнія и притѣсненія, доводящія до ничтоженія греческой религіи въ Польщѣ. — Коли все тое буде подготовлено, оли постепенно, съ осторожностію и пагорозуміемъ успѣемъ то обманомъ, то грозами перевести Русинѣвъ на латинянь, тогда при помочи Божой народы королевства польского будутъ проживати въ общей любви, въ согласіи и едности. Польща стане сильнѣйша и страшнѣйша для ворогѣвъ, религія римско-католическая буде всюда процвитати, нашихъ Русинѣвъ здѣлаемъ врагами Россіи и отбѣемъ Москвѣ надѣю на прилученье до ней русскихъ земель.“

Тахій то былъ проектъ на совершенное знищенье Руси. Проектъ той и ему подобныи проекты въ самомъ дѣлѣ приодились въ исполненіе въ продолженіи вѣлого XVIII. столѣтія и причинялися вѣйствительно къ уничтоженію русскаго происповѣданія и народности русскаго, православныи Русины засылали неустанно жалобы и мольбы до россійского двора о защиту передъ насиліемъ изъ стороны Польщи; Россія вступалась за православныи и черезъ посланникѣвъ своихъ дѣлала безъустанно представленія до короля и до сойма въ оборонѣ угне-

тенныхъ, но представленія тѣмъ имъ обыкновенно мало успѣха. Король и совѣтники издавали рескрипты въ пользу Русинъ, обѣщавали строго касаться и рассудить одинокіи sprawy и укарати виновныя, но дѣло затягалось на дальшіи часы, если пріишла справа русская передъ судомъ, где засѣдали самыя Поляки, то Русинъ понесъ только великія кошта, а справедливости не найшолъ. Всѣ суды, всѣ трибуналы присягались нѣкогда на то, что Русинъ нѣкогда sprawy не выигралъ, допускали, чтобы онъ легче одотхнулъ прикладали до того руку, чтобы черпать кривды и насилія до крайности прибить и уничтожить русское племя. Но тѣмъ дѣломъ сей русскій народъ не дался мяти и не погибъ. Помимо всякихъ возможныхъ притѣсненій, онъ удивлялся своимъ терпѣніемъ, мужествомъ, стѣпкою, спокойствіемъ, непоколебимою привязанностію до своей Церкви и до нации своей. Онъ подчинился судьбѣ, выжидалъ поры, пока не измѣнятся политичныя отношенія, пока Всевышній не посрамитъ гордыхъ, пока не низвергнетъ несправедливаго правительства польскаго надъ русскими землями.

До той же перемѣны клонилась Польша съ каждымъ днемъ що разъ болѣе. Пророческія слова короля Яна Казимира начали исполняться. Да

е передъ паденіемъ Польши сказалъ
и король памятливыя слова: „Говорю
мъ (шляхтѣ), если не змѣните вашихъ
рядкѣвъ и не откажитесь нѣкото-
рыхъ вольностей, то Рѣчь-Посполита ста-
нется жертвою чужеземцевъ...“ предска-
заніе то выполнялось точно. Шляхта не
только не отказалась отъ своихъ безуря-
дочь, но взростала въ нихъ и довела
свою державу до такого розстройства,
до такого роспряженья, что Польша
уже не могла уже устоять о своихъ си-
лахъ, а мусѣла грядати поддержки въ
сосѣднихъ державахъ. А слабый уже той
вѣгдѣ, что надѣется больше на сосѣдѣвъ,
чѣмъ на свои силы; немощна уже такая
держава, которая не чувствуетъ силъ, чтобы
одна собою управлялась, — Въ дѣла
Польши начинала что-разъ больше вмѣ-
шиваться Россія, потомъ Пруссія, а въ-
конецъ и Австрія. Всѣ же тѣ три дер-
жавы уважали на-конецъ лучшимъ и вы-
годнѣйшимъ раздѣлити цѣлкомъ Польшу
между себе, якъ управлять нею нестрой-
ною и розслабленною, яко окремою само-
стоятельною державою.

Русская Церковь въ часахъ передъ раздѣломъ Польши.

Черезъ унію Берестейску розбрана была русская Церковь въ Польшу на два таборы, въ слѣдствіе чего началась на Руси религіиная борьба, а щонаибольше, борьба въ самой раздѣренной Церкви межи уніятами а православными. Начало и цѣлый ходъ борьбы той вѣстный изъ выше описанныхъ военныхъ зацкихъ, которыи произошли наибольше по причинѣ гоненій, якихъ дознала православная Церковь и народъ, притѣвляющійся ей. Отчаяннымъ змаганіемъ козацтва за Сагайдачнаго и Хмельницкаго удавалось принудити Польшу, щонаибольше признала православнымъ равныя права съ другими, а побольше ужасамъ король Собѣскій, щобы положить конецъ той религіиной борьбѣ, надавши Русинамъ свободу вѣроисповѣданія, призволить православнымъ митрополитамъ своихъ Епископѣвъ и Митрополита сѣвернаго въ Кіевѣ; но черезъ тое таи не прішло дѣло се до лучшаго. Нетерпимые Полякѣвъ до православія не далась имъ повздержати: мимо всѣхъ распоряженій и указѣвъ королевскихъ и различныхъ рѣшеній соймовыхъ, являющихся, православію запоручали свободу, а таи мимо всякихъ представленій російск

въ томъ взглядѣ, гоненія противъ
правныхъ таки не уставали.

Въ концѣ 17-го столѣтія была Цер-
ковная въ Польщѣ такъ роздѣлена,
что тамъ належали четыре епископ-
ства: Полоцкое, Вильненское, Холмское
и Могилевское, а православнымъ другіи че-
тыре: Перемышльское, Львовское, Луцкое
и Житомирское съ митрополіею въ Кіевѣ.
Изъ четырехъ православныхъ Епи-
скоповъ перешли до уніи первыи три
въ началѣ 18-го столѣтія. Въ р. 1690
перешелъ до уніи Епископъ Перемышль-
нинскій, а въ р. 1700 Епископъ
Могилевскій Іосифъ Шумлянскій, который
перешелъ до уніи публично въ Варшавѣ, а
послѣ до Львова (якъ то лѣтопись
города разказуе) завладѣлъ съ по-
мощью войска братскою Успенскою цер-
ковью и поставилъ въ ней свѣи престолю.
Церковь Ставропигійское стояло то-
гда твердо при православіи и вы-
слалъ сей-часъ депутацію до короля
въ Петербургъ, чтобы той взялъ въ обо-
ихъ вѣроисповѣданіе и ихъ приви-
редѣ нападеніемъ Епископа. Депу-
тація у короля четыре рескрип-
та (казы), силою которыхъ всѣ ихъ сво-
боды были затверждены, а Епископу
запрещено, чтобы Львовскую Русь при-
нудилъ оставить и дабы не смѣлъ ихъ
покушати. Коли же Епископъ, ма-

ючій за собою старосту и войско, не хотѣлъ по́дчиняиься приказамъ короля. Тогда выслали Львѳвскіи Русины другъ разъ депутацію до короля съ жалобой. Король поручилъ старостѣ якъ найострѣе, щобы даныи приказы были исполнены, и ажъ тогда уступилъ Епископъ въ городской церкви. — Наконецъ въ 1702 приступилъ до уніи также Епископъ Луцкій. Принимаячи унію, ти три православныи Епископы поставили такіи словія: 1) щобы обрядъ греческій оставленъ всегда неизмѣннымъ, 2) щобы уніи Русины имѣли рѳвныи права съ Поляками, 3) щобы латинскіи Епископы не мешались въ справы русской Церкви. Эти условия были имъ вправдѣ запоручено, но ніякъ не додержаны.

Ажъ на самомъ концѣ по тыхъ Епископахъ приступило до уніи Львовскіе Ставропигійскіе братство, а то ажъ въ 1710, застерегаючи собѣ при томъ, що оно было по́дчинено непосредственно Престолу апостольскому римскаго папы.

Такимъ способомъ оставала еще и православіи то́лько Бѣлая Русь (литовская) съ своимъ Могилевскимъ епископомъ. — Якъ же поводилось той Бѣлой Руси по́дъ владѣніемъ Польщи ажъ тѣхъ поръ, коли тая Русь перейшла въ власть Россіи, оказываютъ тое тогдашніи жалобы бѣло-русского духовнаго

ва; о якихъ тутъ въ короткости згада-
ть. Ото на пр. писалъ бѣло-русскій
епископъ до Царя Петра I. слѣдующее:
„Въ Литвѣ Татарамъ и жидамъ отдава-
тъ лучшее почитанье ихъ вѣрѣ, нежели
православнымъ христіянамъ. Татарамъ
дозволено строить мечеты, а жидамъ ка-
пеллы, христіянамъ же строго запрещено
строить церкви... Не ма пѣдъ солнцемъ
какого притѣсненія, якое терпитъ Цер-
ковь православная въ сторонахъ короны
польской. Если днесъ Ваше Величество
освободитъ насъ ѳтъ погибели, то да
охранитъ Богъ православіе ѳтъ послѣ-
дующихъ еще опасностей.“ — Православ-
ныи жители города Невля писали къ то-
же Царю: „Изволь подати намъ бѣд-
ствующимъ совѣтъ и помощь, и защити
съ ѳтъ льва рыкающаго, и денно и
нощно поглотити насъ умышляющаго.“

Въ р. 1756 случился такой случай: Пра-
вославный Игуменъ Виленскаго монасты-
ря Теофанъ Леонтовичъ провадилъ
своимъ духовенствомъ покойника на кладби-
ще; народа собралось много, процесія бы-
ла торжественна. Студенты езуитской
виленской школы, узрѣвши той походъ,
начали кричати и ругатись надъ нашими
рядами и въ-конецъ кидали грязію на
ищенникѳвъ и мірянъ. Тое произше-
ніе оскорбило глубоко Игумена и всѣхъ
православныхъ; они засылали жалобы то

до короля и сената, то до російскаго двора
то дѣло кончилось на ничемъ.

Самымъ изряднымъ заступникомъ
православной Церкви въ томъ часѣ былъ
Епископъ бѣло-русскій Георгій Конис-



Георгій Конискі .

скій. Онъ то безъустанно и неустраш-
но подвигался для блага русской прав-
славной Церкви, самъ выѣздивъ нера-
до до Москвы, чтобы требовати тамъ защ-
ты для русскаго народа, заивляючи, ц

я русское изчезне изъ земель русскихъ, ни не будутъ приняты рѣшительныи вѣры для его захороны. Онъ то въ день роунованья Царицѣ Екатерины произсѣ до неи такую рѣчь: „Тутъ въ Великой Руси свѣтильникъ вѣры, зажже- ный ѡтъ дней Владиміровыхъ, блистае селѣ; у насъ же свѣтильникъ той пе- вернули противныи вихры. Тутъ хра- мь Господни славословіемъ имени Его ободно гремятъ; у насъ же храмы одни нханы, другіи запечатаны и опустоше- ны, издають хибань лишъ голосы гнѣз- щихся совѣ и воронѣ. Тутъ кто бла- чествивѣйшій, тѣмъ честнѣйшій; у насъ же за благочестіе терпимъ раны, узы, мницы, а нерѣдко и смерть.“

Той же самъ Епископъ Георгій Ко- нискій говорилъ и до короля Станисла- ва Августа въ р. 1765: „Одно, що намъ прикидають яко преступленіе, есть вѣра иша... Христіане ѡтъ христіанѣ бываемъ притѣснены; замыкають намъ церкви иши, где Христосъ безъустанно есть живимый, а за тое отворены жидѡвскіи синагоги, где Христа зневажаютъ.“

Для скорѣйшого и успѣшнѣйшого стребленія православія въ Польци на- чачены были особныи мисіонерскіи про- свѣдническіи комисіи, которыи имѣли возъѣздитись по Руси, и будь убѣжде- нымъ, будь обманомъ и силою отвертати народъ ѡтъ прародительской вѣры.

Народъ бѣло русскій, придавленъ давна панами и ксендзами, стогналъ молчалъ въ безсиліи; но насилію то супротивлялся еще и теперь наибольшіи украинскій народъ зъ правого берегу Днѣпра, що еще и тогда належало до Польщи. Зъ тсй причины мисіонеръ отправляючись на Украину, брали съ собою войско и съ помощію того прогнали священникѣвъ, розграбляли ихъ имѣнія а жены и дѣти отдавали на поруганіе ужасную нищету. Тыхъ же, которыи хотѣли покоритися, ковано въ кайданы и отсылано въ польскіи города, где и немилосердно бито, заправлявано до работъ чокъ и другихъ тяжкихъ работъ. Народъ розбѣгался съ ужасомъ, а если уловляло якого непокорного, бито его нагайка и приговорювано: „Се тобѣ за Государыню (Царицю Россіи)! се за короля! за святѣйшій синодъ, за архіереи и за всѣ православны христіане.“

Изъ всѣхъ монастырей православныхъ по правой сторонѣ Днѣпра имѣло тогда наибольшую повагу Мотренинскій монастырь и его настоятель Мелхиседекъ Яворскій. Тутъ стекались и съ всѣхъ сторонъ православныи, спасающіи свою жизнь передъ насиліемъ. Игуменъ Яворскій принималъ ихъ радушно съ состраданіемъ, и отъ того пошла немъ и его монастырѣ добрая слава и жи народомъ такъ, що христіане изъ

кихъ сторонъ и Запорожцѣ приходили
ода на поклоненіе. Зъ той причины
отрѣло польское духовенство кривымъ
комъ на Мотренинскій монастырь, и по-
гановлено въ 1765 привести его до уни.
гумень, предвидячи опасность, донѣсъ
тѣмъ до своего начальства, до Епископа
ереяславского и до Митрополита Кіев-
кого, а самъ лично отправился въ Мо-
кву до Царицы Екатерины. Царица при-
яла Яворского ласкаво и велѣла оповѣ-
ти собѣ подробно о положенью русского
арода въ Польщи, вразъ же и передала
ему письмо до польского короля. Поѣхалъ
Яворскій съ письмомъ Царицѣ до короля
о Варшавы и передалъ ему тое письмо
лично. Король не хотѣлъ и повѣрити,
до его украинскимъ подданнымъ дѣлаютъ
я такіи кривды и насилія, и издалъ въ
ей-часъ приказъ къ властямъ, щобы ти
перекратили свои насилія. Но власти ти
такъ приняли до сердца той приказъ, що
самъ Яворскій, повертающій съ королев-
скою грамотою, былъ схваченъ, заклю-
ченъ въ вязницю, и томился тамъ голо-
домъ кѣлька недѣль, по чемъ ледво жи-
вый повернулъ до своего монастыря.

При такихъ губительныхъ гоненіяхъ
находилось православіе въ польской дер-
жавѣ майже при послѣднемъ дыханіи
тойже. Польская мірская и духовная іе-
рархія поставила собѣ задачею искорени-
ти всякое некатолическое вѣроисповѣда-

ніе, а весь народъ православный „инициативній“ повернути до латинства.

Сказалъ бы може кто, що таке обидь дознавала тѣлько православная Церковь, а унійская заживала лучше долѣ. Але где-тамъ! Вѣдь для польскихъ мірскихъ и духовныхъ политикѣвъ унійская церковная служила тѣлько средствомъ опольщенья Руси; имъ не ходило о тѣмъ, чтобы Русь признавала главою Церкви Ісуса Христа римского, но о тѣмъ, чтобы цѣлѣкомъ поборвати русскую Церковь, а народъ русскій обернути въ латинство. О тѣмъ свидѣтельствуе наилучше той нелюдскій „проектъ на уничтоженіе Руси.“ Въ тѣмъ цѣли ѣтъ начала введенія церковной унійской польское духовенство, вспомагаемое польскими дворами, мимо запрещенія римскихъ Папъ, перехватывало крещеніе Русь къ латинскому обряду, вводило въ силіемъ обрядъ той въ русскій землі, забирало русскіи церкви и на ихъ мѣстахъ ставило великолѣпныи латинскіи костели и кляшторы, загортало свободно церковныи имѣнія, а русское духовенство и россійскіи церкви бѣднѣли и приходили до великого пониженья. Надармо русскіи митрополиты и Епископы, которые бы соединены съ римскимъ престоломъ, носили жалобы до римского Папы, что той укроцалъ польское духовенство отъ его ревности, въ его злоупотребленіяхъ нищо не помагало: Папы римскіи не

дали булли (законы) въ пользу уніятѣвъ
и обряда ихъ, но на дармо; бо политика
польска брала верхъ даже надъ послуша-
ніемъ, яке належится головѣ Церкви.

И такъ уже съ початкомъ 17-го сто-
лѣтія Митрополитъ Рутскій, ревный уніять,
вносилъ жалобы до Рима въ томъ смы-
слѣ, що народъ русскій вопіе и нарѣкае,
що унія церковна служить тѣлько яко
средство до легшого перетяганья на об-
рядъ латинскій, до вынародовленья Ру-
спіиѣвъ. Коли же Русины помимо всѣхъ
напастей стояли твердо при своемъ об-
рядѣ и на притѣсненія жаловались, то-
гда высказовались Поляки откровенно,
що не терпятъ унії и уніятѣвъ, и под-
держовали вражду межи уніятами и пра-
вославными, щобы такимъ способомъ са-
мы Русины себе истребляли въ между-
собной борѣбѣ.

Въ р. 1664 писалъ Епископъ Холм-
скій уніять до Рима, що латинскіи Епи-
скопы стремять до того, щобы знести
всѣ уніатскіи епископства, добра ихъ со-
бѣ загорнути, а уніаты щобы были отда-
ны пѣдъ ихъ зарядъ. „Унія давно бы уже
величалась побѣдою надъ православіемъ,
— писалъ той Епископъ: — елибы тому
не перешкаждали самы латинники, Поля-
ки мірскіи и духовныи, которыи говорятъ:
уніять чи православный то одинъ чортъ,
а удержуютъ православныхъ приходни-
кѣвъ, щобы зъ нихъ потягати зыски, а

русскихъ Владыкъ обезпокоиваютъ, священникамъ уніятамъ накладываютъ различные тягары и роботизны, добра церковныи насиліемъ отбираютъ и отдаютъ ихъ польскимъ костеламъ. Русскіи священники, хотяи уніаты, хотяи запоручено имъ рѣвныи права съ польскимъ духовенствомъ, мусятъ давати данины латинскимъ ксендзамъ; если не ма збѣжа то забираютъ имъ худобу, набѣлъ, одежду. Часто нападаютъ латинскіи ксендзы на русскихъ парохѣвъ, на власныи ихъ дома, бьютъ ихъ и насиліемъ забираютъ десятину."

Съ початкомъ 18-го столѣтія приступили кромѣ Могилевскаго, всѣ прочіи русскіи Епископы до уніи, но съ тѣмъ цѣлкомъ не улучшилась доля Руси. Въ летописи города Львова записано слѣдующее: „Коли въ р. 1710 довершено дѣло соединенія и братство русское престолу римскому подчинилось, належало, чтобы и Русины стали участниками тѣхъ свободъ, зъ якихъ корыстали другіи граждане и якіи имъ особенною декларацией заповнено; однакъ надармо! Поляки не только не хотѣли ихъ уважати рѣвными, но еще сильнѣйше податками и данинами ихъ обложили. Народъ сталъ роптати и волноватись, и здавалось, що хоче вернути до православія. Узнавши о томъ Епископъ Варлаамъ Шептицкій, собралъ въ церкви св. Георгія всѣ братства, чтобы нарадитись надъ средствами выдвиг-

евья Русинѡвъ изъ того пониженья. радѣ той выбрано пленипотентѡвъ и слано ихъ до Варшавы, глядати справдливости, и въ р. 1713 прійшоль зъ Варшавы декретъ такий: що Русины мотъ занимати всѣ уряды и до рады годской мають быти выбираны, податки мотъ платити рѡвныи, якъ и Поляки, мотъ заниматись купечествомъ ремеслами и прч. Радость Русинѡвъ была изъ границъ, — но не долго она тревала. Поляки не мыслили поѡдчинитись королевскому декретови, и Русины якъ были прежде бѣдными, презрѣнными, такими стали и теперь.“

Митрополиту и Епископамъ уніятимъ обѣцано было при принятію уніи, обудуть засѣдати въ Соймѣ; но до того паденія Польци ни одинъ изъ нихъ не получилъ мѣстця въ Соймѣ или въ Сенатѣ.

Разъ зѣѣхался Львовскій Епископъ Шентицкій съ православнымъ Владыкою Конскимъ въ Варшавѣ, и тогда высказалъ Шентицкій слова правды, живо представляющіи недолю всѣхъ Русинѡвъ. Такъ якъ васъ православныхъ — говорятъ бнъ: называютъ шизматиками, такъ насъ помимо уніи шизматиками зовутъ и причиняють намъ безчисленныи кривды и бѣдствія.“

Щобы же тѣснѣйше зближити русскую Церковь до латинской и затерти въ

ней слѣды восточнаго обряда, киневъ-конецъ на обряды и обычаи грече и заступовано ихъ латинскими. Отъ то часу берутъ свѣй початокъ тѣхъ одовьи перемѣны, званы уніятскими рядами, змѣны въ церковныхъ божественныхъ книгахъ, въ церковныхъ одахъ, новыи церемоніи при богослуженіяхъ, приноревлены до латинскихъ, чисто латинскіи обряды и обычаи, и новыи русской церкви. Перемѣны тѣхъ обрядахъ не устанавлиались на Соборни затверждены были римскими Папами а противно самыи св. Отцы Папы римскіи супротивлялись всякимъ нововведеніямъ и перемѣнамъ обряда; однакъ сказано — Полякамъ ходило о вѣроустройство Руси, отже и о знищенъе русскаго въ обрядѣ, щобы того и слѣдъ въ Церкви русской остался.

Для всестороннаго представленія гдашней долѣ нашей русской уніятской Церкви наведемъ тутъ еще изъясненіе уже не изъ русскихъ лѣтописей, а съ одного польскаго священника, котораго описуючи „исторію уніи,“ говоритъ мнѣ прочимъ такъ: „Русь уніятская терпѣла черезъ щоразъ частѣйшій переходъ шты на обрядъ латинскій. Причины та переходы были многіи: низкое образъе русскаго духовенства (вообще бо было дозволено образоватись русскіи

деннику); упослѣдженіе шляхты рус-
 ской въ правахъ и привилеяхъ граждан-
 скихъ и заповѣненіе тыхъ правъ и при-
 нѣженіе тому, кто перейде на обрядъ ла-
 тинскій; погорда, яку заявляло латин-
 ское духовенство Церкви русской и об-
 раженіе ей; отвертое перетяганіе до ла-
 тинскаго обряда русской молодежи въ
 школы езуитскихъ. Ужашаются на тое
 перетяганіе уніятѣвъ до обряда латин-
 скаго, на пониженіе Церкви и духовен-
 ства русскаго, русскіи Владыки передъ
 польскимъ апостольскимъ престоломъ и
 воймахъ польскихъ, начавши ътъ по-
 чинку 17-го до конца 18-столѣтія. Трудно
 сказать, а однакъ документы тое ствер-
 жаютъ, що духовенство латинское, вмѣ-
 стѣ притягати до себе уніятѣвъ, въ дѣти-
 шествомъ заслѣпленію дражнило ихъ и по-
 ждало; що епископы латинскіи на си-
 нодѣ въ Варшавскомъ 1643 г. издали декре-
 томъ обурюющіи на тое, що русскіи Вла-
 дыки употребляютъ тыхъ самыхъ, що и
 латинскіи титулѣвъ, що носятъ крестъ на зо-
 лотыхъ ланцухахъ. Духовенство русское,
 отстающее тяжко на поли, якъ кметѣ,
 свое удержаніе, кривджено было ътъ
 латинскихъ священникѣвъ черезъ выби-
 вѣніе десятины. На паперѣ имѣло оно
 знаній не одинъ привилей, но въ
 дѣлѣ ктицѣ не дознавало ніякого. Митро-
 политъ имѣлъ право належати до сената,
 латинскіи епископы не допустили его, а

тѣмъ меньше другихъ епископовъ русскихъ. Низшее духовенство русское законно потягано было передъ міромъ суды, коли латинское духовенство судилось своими духовными судами. Впрочемъ, трудно не удивляться и не величать богатырей св. вѣры, коли разсмотримъ, що они, стаючи уніятами, не только не зыскали ничего, а противно, испали на тернистую дорогу. Правда, апостольскій престолъ бралъ ихъ въ орану, но успынуло много часу, закъ упомяненья изъ Рима, высланныи латинскому духовенству, принесли якій успѣхъ.

Такъ описуе латинскій священникъ судьбу русской Церкви въ тое время у Писе тое Полякъ, изъ чого можемъ, ключати, що въ сущности гоненія и прѣтѣсненія русской Церкви о много бѣдами были, чѣмъ тутъ представлено въ самомъ дѣлѣ всѣ наши лѣтописи, записки, якій остали намъ до днесь и тыхъ печальныхъ временъ, яко голоса свидѣтелъ беззаконія, высказуютъ одголосно, що на народность и на Церковь русскую вложенъ былъ томительный стальной дальчекскій вѣнецъ, якого примѣры жемъ встрѣчати ледво въ гоненіяхъ христіянъ поганами.

Тожъ и вѣрно изрекае о томъ законѣ состояніи Русинѣвъ уніятѣвъ кляшанинъ Луцкой епархіи Θεодосій Бодовичъ, коли въ самъ часъ передъ

днимъ роздѣломъ Польщи, въ р. 1789
 ише вотъ-такое: „Знай о томъ соединен-
 ный (съ Римомъ) Русине, а въ земли тво-
 й отъ всѣхъ правъ, свободъ привилеѣвъ
 а всегда усуненый, що на дармо выси-
 яешься, щобы оказати вѣрность, послу-
 шенство и подданство твое (для Польщи);
 а дармо въ доказательство твердой вы-
 ревалости въ униі отдаешься въ неволю
 готовъ еси не тѣлько имѣніе, но и жи-
 ве стратити — тобѣ не будутъ николи
 вѣрити!... Причина той ненависти хоба
 а одна, що ты Русине, хотяй униять,
 си таки галузію того дерева, въ которо-
 о уни найперше усмотрено отруу. Ты
 одай черезъ звычайи и обряды належишь
 о той восточной Церкви, котора посмѣ-
 на колись рѣвнати съ западною. То
 дається твоій непростительный грѣхъ,
 бльшій передъ лицемъ міра, якъ грѣхъ
 ервородный передъ лицемъ Бога, его бо
 и крещеніемъ, ни покаяніемъ, ни пере-
 вною многихъ твоихъ давныхъ обрядѣвъ
 е зѣтрешь...“

Такъ писалъ въ то ненастное для
 Юльщи время ополяченый униять Теоодо-
 ий Бродовичъ, крылошанинъ Луцкой
 пархіи, которая тогды по первомъ роз-
 дѣлѣ Польщи еще належала была до силь-
 ю обрѣзаного Варшавского королевства
 икъ называно въ томъ часѣ Польшу). Не
 редвидѣлъ той честный униятскій кано-
 икъ, що такой трогательный отзывъ его,

якій до уніятѣвъ русского Воляня выголосилъ онъ передъ сто лѣтами, далъ еще на долго до уніятѣвъ русской Галичины приноровити, такъ якъ тѣмъ, хотъ уже тогда оставали пѣдъ владѣніемъ блѣгодѣтельныхъ Монархѣвъ Австріи, но аврусскіи, своимъ обрядомъ належащій до восточной Церкви, переносили на собѣ еще мало-що не то само, що переносили колісь-то всѣ уніаты въ давной Польщѣ

Вмѣшательство Россіи въ польскіи безъурядницѣ.

Въ 18-томъ столѣтію представляе держава Польщи дуже сумный образъ. Власть королевска зведена уже до пусто го титулу; гордые магнаты и розъузданая шляхта разомъ со сфанатизованнымъ своимъ клиромъ, розбитыи на численныи враждебныи собѣ таборы и партіи, вчиняють внутренніи замѣшательства, кровавыи борьбы и доводятъ свою отчину до безпримѣрного неустройства и розврата. Станъ мѣщанскій погордженыи, селянини до крайности пригнобленыи, жидъ упривелеѣванный — то картины представляющіи станъ упадающей Польщи. — Якъ человекъ, не умѣющій управлять собѣ ни имѣніемъ своимъ, попадае пѣдъ курятелю (оцѣкунство другихъ): такъ мусѣтъ попасти и розслабленная неустройствамъ

льща въ курателю сусѣдныхъ державъ, въ которыхъ найважнѣйшій голосъ и больше вліяніе досталися державѣ Россійской.

Уже въ р. 1686 договоромъ, заключеннымъ межи Польщею и Россією, получила тая послѣдняя право вступатися за нихъ единовѣрцѣвъ, находившихся подъ польскимъ владѣніемъ. Право тое утвердилось еще тѣмъ, що въ силу договора рейшоль также Кіевъ до Россіи на тныи часы. Въ Кіевѣ же, якъ извѣстно, находилась митрополія всей запад-русской Церкви, слѣдовательно всѣхъ восточного вѣроисповѣданія, оставивъ еще при Польщѣ, находились въ душной связи съ Митрополитомъ, который не жалъ до другой державы. Въ силу этихъ обстоятельствъ имѣлъ отже Царь Россіи полное право вмѣшоватися въ справи духовныи Русинѣвъ въ Польщи, а тѣ же и корысталь зъ права того, бо на устающіи жалобы православныхъ вставался за ними всегда до короля и до пима.

Вскорѣ подали Поляки Россіи новую случайность вмѣшоватися въ свои дѣла. По битвѣ Полтавской и по поражении шведскаго короля Кароля принужденъ былъ уступити изъ польскаго престола оставленный Шведами Станиславъ ещинскій, а прогнанный король Августъ Сасъ вернулъ назадъ въ свое

владѣніе: Сторонники Лещинского свѣлись въ конфедерацію (союзъ) противъ Августа и начали въ Польщи междуусобную войну, которая тревала черезъ войну ка дѣтъ. Ажь въ р. 1716 закончилась междуусобная борьба за посредничество Царя Петра. И тогда то на соймѣ было рѣшено, что на будущее все споры, абы зайшли между королемъ а его властными, буде рѣшати велико-русскимъ Царь, именно той же самъ Царь Петръ, которого за славное и розумное владѣніе его въ Россіи цѣлый свѣтъ называли великимъ. Тымъ способомъ самы Польши связали собѣ руки и отдались совершенно во власть Россіи. Съ той поры сталъ уже Россія мѣродательною въ Польщи и вмѣшательство ей въ дѣла польской державы стало для Польщи необходимою. Царѣ Россіи достигли затѣмъ огромнаго перевага во всехъ внутреннихъ справахъ польского королевства.

По смерти короля Августа II. Скончались въ Польщи новыя незгоды на королевскій престолъ. Бѣольшость голосовъ на избирательномъ соймѣ объявилась зновъ за Станиславомъ Лещинскимъ и его приверженцѣ глядали поддержки отъ Франціи. Другая же партія, хотя и бѣ меньшая, но отъдавшись подъ покровительство Россіи, стала отътакъ сильнѣйшею и она то провозгласила королемъ Августа III., сына помершою короля А

га II. Тымъ поступкомъ созналась уже сама Польша, що не може вже быти стинно самостоятельною державою. Русскія войска явились на призываніе могутеліи теперь сасской партіи въ границяхъ Польши, прогнали зновъ Лещинского, а вѣли на престолъ Августа III.

Возведеніе на польскій престолъ второго короля Саса дало вліянію Россіи на польскій дѣла новую силу. Говорено уже было, що Польша управляется не изъ Варшавы, а изъ Петербурга.

Около того часу начиналъ вмѣшываться въ дѣла Польши еще и другій ей сосѣдь, король прусскій. Тому хотѣлось конечно отрѣзати отъ Польши для себя кусень землѣ, врѣзавшійся клиномъ между прусское королевство, и онъ то глядѣлъ зачѣпки, щобы вмѣшаться въ дѣла польскіи. Случайность къ тому сама издалась. Въ королевствѣ польскомъ на границяхъ Пруссъ было много городѣвъ, населенныхъ Нѣмцами лютерского вѣроповѣданія. Подобно якъ православныхъ, такъ и тыхъ лютеранъ притѣсняли Польски всевозможными способами, а якъ православныи звертались о зашити до русского Царя, такъ теперь лютеране прощали своего единовѣрца, короля прусского, и просили себе о покровительствѣ. Вотъ и добрая то была случайность для Пруссъ, исполнити свои замыслы. Король прусскій принялся защищати польскихъ лю-

теранъ и приказалъ своему посланцу въ Варшавѣ, рѣшительно выступити ихъ оборонѣ. Тое покровительство короля прусского, который имѣлъ тогда великое значенье въ Европѣ, принесло полки успѣхъ: лютеране въ польской державѣ подняли голову и добились свободы своего вѣроисповѣданія.

Православныи же и уніаты исповѣдавали межи тѣмъ всегда еще и за короля Августа III. одинаковую недолю. Ажь при наслѣднику его принялась царица Екатерина усерднѣе выспрашивать за православными Русинами, а при такихъ вотъ обстоятельствахъ: смерти короля Августа III. усмотрѣла царица Екатерина яко способного занять польскій престолъ извѣстнаго собѣщаннаго чина, шляхтича изъ старинной и славной фамиліи, Станислава Августа Понятовского, и возвела его на престолъ, мимо вооруженныхъ протестацій противъ ей партіи. Поставивши отже королемъ челоуѣка, который Россіи завдича корону, думала Екатерина, що теперѣ представленія Россіи въ корысть православныхъ принесуть добрый успѣхъ. Когда то славный Епископъ Конисскій поѣхалъ до Варшавы и представилъ царице ролеви бѣдственное положенье православныхъ. Король, въ почуствіи справедливости, рѣшился улегчити долю тыхъ своихъ подданныхъ и выдалъ соовѣтныи роспе-

ення мірскимъ и духовнымъ начальствамъ. Но если давнѣйше ніякъ не дѣйствовали приказы королевскіи, то о скѣльці меньше имѣли они силы теперь, коли озладъ, сваволя, непослухъ дѣйшли до заграниць. Партія противная Россіи, не згучи на ней ѡтомститись, выливала всю злобу на православныхъ а навѣтъ на нїятахъ, и чѣмъ настойчивѣйшіи были требованія послѣвъ россійскихъ за Русіями, тѣмъ сильнѣйше лютилась буря зненій ѡтъ стороны патріотникѡвъ польскихъ.

Цариця, переконавшись теперь, що ея помагають уже ніякіи ей представленія, ни ласки, ни просьбы, ни грозбы, рѣшилась употребити послѣднего средства, щобы достигнути своей цѣли и обогчати долю Русинѡвъ, она приказала полномоченому своему въ Варшавѣ князю Репнину, приступити рѣшительно до дѣла на найблизшомъ соймѣ и переставити оное непременно. Князь Репнинъ видѣлъ, що тутъ не обѡйдеся безъ волѣній, и призвалъ собѣ до Варшавы отъ себя войска, а другимъ войскамъ велѣлъ стояти на границѣ въ поготовью.

Дня 27 Сентября 1767 г. собрался соймъ, зѣхалось кѡлька сотъ послѣвъ, ко большой части пѡдбурены уже на иновѣрцѣвъ, не католикѡвъ, и на первомъ обраніи начали шумѣти, ударятися въ руди и клястися, що скорше всѣ головы

пеложать, а не допускать до поруганья своей вѣры, т. е. не признають иновѣрцямъ ніякихъ правъ. На той общій сѣансѣ выступить смѣло князь Репнинъ и воскликнулъ громкимъ голосомъ: „Пусты вы станьте панове кричати, бо если будете дальше шумѣти, то я заведу шумъ, а шумъ буде сильнѣйшій отъ вашего.“ Кто не стѣсняе васъ въ вашей вѣрѣ, тотъ нарушае правъ католического вѣрованія. А если вы вѣрны своему закону, то выполняйте его приписы и не допускайте другому насилія въ вѣрѣ.“ Словъ не замолкло нагло на тѣи слова, аминѣякой хвили возсталъ польскій Епископъ Солтыкъ и горячою а роздражняющею сѣдою возбудилъ новый шумъ и крикъ, что отъ того вся соймовая сала гудѣла. Тогда хватился Репнинъ послѣднихъ средствъ: переговоривши съ королемъ, арестовалъ четырехъ проводирѣвъ, и между ними: Епископѣвъ: Солтыка и Залуского, и двоихъ графѣвъ Ржевускихъ, та велѣлъ вывезти ихъ въ глубокую Россію.

Тое строгое поведеніе російскихъ посла взбурило сенаторѣвъ: они почувствовали въ невыказанный ужасъ и негодованіе, но окончателно притихли всѣ, и спросивъ якою выступилъ князь Репнинъ, было улажена такъ: признано всѣмъ иновѣрцямъ, лютеранамъ и православнымъ, равныи права съ правами католикѣвъ; запрещено называти ихъ еретиками и и

тиками; позволено имъ строить собѣ новыя церкви; скасовано всякіи данины ътъ православныхъ на польскіи костелы; приуздано незаконно забраныя церкви наадъ ътдати православнымъ, а для всѣхъ порѡвъ церковныхъ межи католиками а православными установлено особый духовный трибуналъ. Всѣ же тѣи постановленія ътдано покровительству Царицѣ Россіи. Такимъ образомъ Россія достигла же совершенно переваги надъ Польшою: король, сенатъ, весь народъ былъ уже въ еи рукахъ, а держава Польщи была а исходѣ.

Ноліѡвщина (гайдамаки).

Хотяй якъ уже безсильною и неподдадною оказалась Польша въ другой половинѣ 18-го столѣтія, но все-жъ таки у шляхты ей было еще стѡлько гордости и честолюбія, що больно ей приходило чувствовати надъ собою чужу протекцію, а страдати ътъ того понизительного поуженья, въ якомъ розстроенная польская гчина теперь найшлася. Шляхта тая покушалась затѣмъ повернути Польшѣ еи давнюю свободу, но всѣ покушенія и силія тѣи были безуспѣшныи.

Въ р. 1768 собралась въ Подѡльскѡмъ мѣстечку Барѣ часть той шляхты и сваялась въ конфедерацію (союзъ), въ такъ вѣдану Барскую конфедерацію, а то

въ такой цѣли, щобы скинути изъ Польши верховодство Россіи и уничтожить права, якіи що-ино надано иновѣрцамъ (диссидентамъ), т. е. лютеранамъ и протестантамъ. Вѣсть о завязанью тѣхъ конфедераціи розбѣшлась быстро по всему краю, поднесла всю шляхту и польскихъ ксендзѣвъ, которые подъ знаменемъ „въѣру свободу“ выступили съ оружіемъ противъ своего короля и противъ департаментѣвъ, а оттакъ кинулись на русскій на свой собственный край, истребили все мечемъ и огнемъ, що было инной католической вѣры въ Польши. Съ безпечною дикостію кинулись Барскіи конфедераты на русскій народъ и выправили неслыханую рѣзню, побиваючи тѣхъ православныхъ христіянъ безъ разбору вѣка и пола. Однакъ тая кровавая рѣзня не пройшла безнаказанно, нападѣ конфедератѣвъ на Подѣлью и крайнѣ возбудилъ народъ до возстанія, довелъ до ужасного мятежа, знано въ исторіи подъ именемъ коліѣвщинны гайдамаччины.

Огонь возстанія начался въ имѣніи князя Любомірскаго на Подѣлью. Селеніа начали волноватись; появились малыя отряды гайдамакъ, а въ тую же пору Запорожья переходили то поодинокими, партіями польскую границу вольными тогда Запорожцѣ. Роздраженіе противъ панѣвъ и католикѣвъ возрастало чрезъ

ю скоро, и въ короткомъ времени кадесять тысячъ селянъ, межи ними ка сотъ Запорожцѣвъ, кинулись съ исказаннымъ ожесточеніемъ на пановъ и жидовъ. Ударили толпы на двопалаты и костелы, палили и грабили, бивали и вѣшали пановъ дѣдичей, оновъ, жидовъ и ксендзовъ.

Проводиромъ збунтованныхъ и до крайи розъяренныхъ толпъ былъ Максимъ Гизнякъ. Былъ то отчаюша Зажець, который долшій уже часъ перетѣмъ гулялъ съ кѣлькома товарищи то по Сѣчи, то по польскимъ землямъ, добывалъ различными способами то и раздавалъ оное межи козакѣвъ длянъ, чѣмъ и сталъ межи ними гоуый и любимый. Теперь, въ часъ наконфедератовъ явился онъ съ Зажцями на Подѣлью, а народъ кинулся на встрѣчу и подъ его начальствомъ началъ дѣло отмщенія на Польшѣ. Въ продолженіи кѣлькохъ недѣль произошло возстаніе грозныи размѣры: оно ширилось на цѣлое Подѣлье и Кіевщинисленныи гайдамацкіи толпы перели по мѣстамъ, селамъ и панскимъ замкамъ, и въ бѣшенствѣ руйновали, палили все и всюда разбивали шляхту и дворянъ, где лишь тыхъ нашли. Наибѣшнѣйшая гроза розлютилась въ мѣстѣ Уманю въ добрахъ графовъ Потоцкихъ. Умань былъ сильною крѣпостію,

окруженъ валами, укрѣпленъ 32 пу-
ми, сильною залогою войска и колы-
тысячь козакѣвъ, стоящими въ слу-
пана Потоцкогo. Коли Желѣзнякъ съ
ими Запорожцами и множествомъ во-
женныхъ селянъ поѣступилъ поѣду У-
тогда перейшолъ на его сторону соти
Уманскихъ козакѣвъ, именемъ Го-
со всѣми своими козаками, вслѣд-
чого Умань не мѣгъ уже оборонятъ.
Староста Уманя отворилъ ворота и от-
все въ руки Желѣзняку, щобы то-
ему и панамъ оставлено житье. Но
ки и чернь вдерлись въ городъ и
шлись съ нимъ ужасно, безошадно.
паны и жидаы, якии лишъ находились
городѣ, были вырѣзаны до кореня
цѣлыми фамиліями, съ женами и дѣт-

Кто знае, до чого бы было до-
тое гайдамацкое возстанье, еслибы в-
лико-русскій войска, которы и поѣду
часъ недалеко у границѣ тутъ стоял
такъ якъ Россія обовязалась по-
нимъ договоромъ удержовати въ Под-
мирѣ, тожь теперь на просьбу ко-
двигнувшись русскій войска съ генера-
Кречетниковомъ поѣду Умань, обез-
жили безъ труда такъ званыхъ гайд-
кѣвъ и увязнили головныхъ проводир-
Доперва въ три мѣсяцѣ поѣднѣйше
тягнулъ и польскій гетманъ коро-
съ войскомъ, но того не было уже
но, бо возстаніе было вже усмирено.

й генералъ Кречетниковъ отдалъ Покамъ Гонту и другихъ увязненныхъ оводирѣвъ, а Желѣзняка съ Запорожми отослалъ до Россіи. Гонту съ его варишами постигло отъ Поляковъ рашенное наказаніе: самъ Гонта былъ ченый двѣ недѣлѣ; каждого дня рѣно у него по куснику тѣла, потомъ отчено то руку, то ногу, а въ-конецъ тѣ порѣзанного на-скрѣзь туловища отбано голову. Другіи его товариши довали подобной долѣ: по долшихъ мучеяхъ вбивано ихъ на колы или перевѣано.

На томъ кончилось тое грозное возаніе, которое было и послѣднимъ взрыомъ отчаянія у русскаго народа. Щою было вызвано самыми Поляками кондератами, о томъ свѣдчить самъ колъ Станиславъ-Августъ въ своемъ исъмѣ къ одному частному лицу. „Кѣль загорѣльцѣвъ, — пише ѣнъ: настрадали нашихъ украинскихъ хлопѣвъ и неніями хотѣли довести ихъ до ѣтрянья отъ своего вѣроисповѣданія.. Тое будило ихъ къ мятежу, а мятежь хлопѣвъ то не шутка. Суть то вооруженныи ппы всегда ужасныи въ мятежи. Нынѣ ивають они своихъ панѣвъ, ихъ жены, ти, католическихъ священникѣвъ и евѣвъ. Тысячи людей убитыхъ. Мятежь впространяется якъ пожаръ, понеже пгійный ихъ фанатизмъ соединяется у

нихъ съ жаждою къ независимости. Умнѣе Украинцѣ есть то козацкое имя ненавистное для Польши со временъ подобной вѣины за короля Яна-Казимира. Все то причины менѣ много хлопотѣвъ. То фанатизмъ (загорѣлость религійнаго фанатизмъ схизматической и крѣпостнической (подданныхъ) который воюе огнемъ и мѣломъ противъ фанатизма католического и шляхты... Нѣтъ сомнѣнія, что безъ Барской конфедераціи не послѣдовало бы твое несчастье!..“

Роздѣлъ Польши 1772—1795 г. Конецъ и руской бѣдѣ.

Послѣ долголѣтнихъ томительныхъ испытаній, по четырехъ столѣтіяхъ страданій и тягостной неволѣ прійшовъ въ конецъ и для Руси нашей выжиданная часъ избавленія. Всесильная десница справедливости Божой повела дѣянія сѣ та такъ, что не стало въ томъ свѣтѣ поскои державы, а за то Русь, черезъ борьбу которой тая держава стала бы могущею, Русь дожилася окончательной лучшей долѣ.

По усмирении гайдамачины великая вѣина межи Россіею а Турціею. Въ тую часъ, коли всѣхъ взоры звернены бы на тую вѣину, вступилъ прусскій король съ небольшимъ войскомъ въ По-

ду незамѣтно, безъ шума. Польское правительство, пораженное тымъ поступкомъ, просило короля о причину того военнаго нашествія, на що отвѣтилъ король прусскій, що то тѣлько мѣры осторожности передъ чумою, якая тогда въ Польщѣ будто-бы была явилась. Однакъ чумы въ Польщѣ таки со всѣмъ не было, въ виду чего такъ вторженіе прусскихъ войскъ, якъ и отвѣтъ короля оказались таинственными знаменами, предвѣщающими для Польщѣ лихо. Прогнати чужіи войска не была Польша въ силѣ, сама бо она въ настоящую пору терзаема была внутренними межиусобицами, черезъ що роздроблены и ослаблены были военныи еи силы. Бо и якъ же ту было думати о якомъ отпорѣ? Шляхта ненавидѣла короля, простой народъ ненавидѣлъ шляхту, Барская конфедерація оголосила короля лишенымъ престола, а украинскіи селяне рѣзали панѣвъ и жидѣвъ. Такъ въ тѣмъ розстройствѣ где же было брати силу Польшѣ? Прусскіи войска заняли спокойно свои становища въ земляхъ Польщѣ, а одновременно другая сусѣдная держава, Австрія, на которую Поляки такожъ много числили, вступила одного хорошаго поранка въ польскіи границѣ и заняла западную часть Галичины. — Вѣсть о тѣмъ поразила шляхту польску мовѣ-бы громомъ: повсюду раздавались голоса обуренья и отчаянія, нѣкоторые

изъ патриотѣвъ хватали за оружіе и малыми горстками одушевленныхъ вѣлились на неприятелей. Но що они значили противъ силъ Австріи и Пруссій? Усилія ихъ — то послѣдній проблѣскъ огня передъ окончательнымъ его погасаньемъ. Сусѣдныя державы переговаривали уже межи собою о роздѣлѣ Польши. Въ р. 1772 посланники: австрійскій, прусскій и польскій, составили договоръ о заборѣ нѣкоторыхъ частей разпадающейся Польши. Россія прилучила до своей державы часть Бѣлой Руси, область Витебскую и Могилевскую; Пруссія прилучила ту часть Польши, которая принадлежала до ихъ границъ, а Австрія получила Галичину и часть Подолья. — Такъ отбылся первый роздѣлъ Польши. Держава Польши уменьшена о одну третью часть своихъ земель, но за тое на русскій народъ въ Галичинѣ стала освобожденъ отъ ига, покончили свою исторію страданій, а перейшовши подъ власть австрійскихъ монарховъ, начали отдышать и величати и прославятъ Бога, его бѣдѣ таки разъ прійшолъ конецъ.

Но въ г. 1772 тѣлько одна часть польскаго народа достигла того счастья, то лишъ жителей Галичины и часть жителей на Бѣлой Руси вызволены быти изъ-подъ польской опѣки; другой части, Русинамъ на Волыню и Подолье суждено было оставати еще кѣлька лѣтъ

цѣ владѣніемъ Польщи, а то до того часу, ки Польша совершенно не распалась. той часѣ приходилось тымъ Русинамъ теперь еще испытывати горькіи гонны.

Въ р. 1789 разбѣйшлась поголоска, що ляне на Волюню и Подбѣлю замышлять новое возстанье и такую рѣзню, яка тбылась шо-ино недавно на Украинѣ. Тогда то Поляки по своей ненависти къ Россіи, яко сусѣдной найсильнѣйшой ержавѣ, стали голосити по всему свѣту, до народѣ мало русскій, якій оставаль ще при Польщи, сноситея съ Россією, до тая мутитъ межи тымъ народомъ и озбуджае его до мятежа, и шо особливо риклонное Россіи духовенство, такъ праславное, якъ и уніятское, пѣдбурюе народѣ до того бунту. Шляхта всполошилась и въ порозумѣнью со своимъ сойомъ приняла отвѣтныи мѣры, щобы велѣдовати дѣло и придавити мятежѣ. Въ распоряженья сойма началось изслѣованіе; назначены къ тому люди пригупили до него съ тѣмъ упередженьемъ, до межи народомъ въ самомъ дѣлѣ скрывается великій заговоръ и шо конечно треба вынайти виновныхъ и зачинцивъ. Призывано множество селянъ, церковныхъ слугъ и священникѣвъ, ѳтдаваю ихъ на жестокии муки, щобы принудити ихъ до признанія вины. Поляки самы розносили все новыи выдуманныи

вѣсти и доносы и побуждали слѣдъ комисію до що-разъ строжайшихъ искѣвъ, а комисія не перебирала въ стѣствахъ, и многихъ цѣлкомъ невинныхъ томила по вязницямъ голодомъ и поби, инныхъ даже казнила смертію.

Такъ якъ тоє событіє на приграномъ Галичинѣ русскомъ Волинѣ дѣялось въ пору, коли по первомъ семѣ роздѣлѣ обкроенная зъ трехъ сторонъ держава польска могла еще бы свѣту доказати, чи зъумѣе она еще бою яко-такое розумно управляти: то мѣстно тутъ згадати о томъ же событіи немного подробнѣйше по указанію соименной лѣтописи, якую пѣдъ заглавіемъ „Образъ насилія, ужасно здѣланого слабой невинности“ совѣстно списуніятскій каноникъ Луцкои капитулы Θεодосій Бродовичъ. Начало событія было вотъ такое: На одного польского священника О. Лукевича на Волине донесено, що ѓнъ переночовалъ разсебе російского маркитана (прохожаго торговця). Членъ польской комисіи Аксакъ поѣхалъ до того священника на изслѣдованье. Священникъ сей былъ человекъ дуже боязливый и сталъ бѣснати пана Аксака, щобы той научилъ его, що ему говорити при комисіи. Панъ Аксакъ сказалъ: „Не бѣйся, тобѣ не грозитъ ничего злого, скажи толькo, у тебе былъ маркитанъ, пѣдмавлялъ

Се до бунту и поназовалъ письмо ътъ
россійской Царици, а ты на тое не согла-
сился.“ — „Алежь того, пане, совсѣмъ не
было! — сказалъ священникъ: я розмав-
лялъ съ нимъ о московской вѣйнѣ, кто съ
кимъ бьется, и о томъ была бесѣда, що
Поляки собирають войска, думаютъ съ
къмъ-нибудь воювати; а бѣльше не го-
ворили мы о ничемъ.“ — „А чижъ того
еще мало? — сказалъ панъ Аксакъ: мар-
китанъ говорилъ тобѣ, що Москва хоче
воювати Полякѣвъ, ты самъ мѣгъ дога-
даться, що ѡнъ хоче тебе намовити, що-
бысь бунтовалъ хлопѣвъ противъ насъ.
Якъ приведуть тебе до комисіи, то ска-
жи, що ѡнъ пѣдмавлялъ тебе и показо-
валъ московское письмо; иначе пропа-
дешъ и погубишь себе и свою жену и
дѣтей. Менѣ жаль тебе!... На, возьми!
тое придасться тобѣ на прожитье въ Луц-
ку. Если хорошо здѣлаешъ дѣло, то и
бѣльше получишь.“ И всунулъ ему въ
руку два червонцѣ. Священникъ испу-
ганный не зналъ, що дѣлати. „А буду я
на волѣ? — спыталъ ѡнъ. — „Не тѣлько
будешъ на волѣ — сказалъ панъ Аксакъ:
а еще дадутъ тобѣ бѣольшую нагороду за
вѣрность.“

Пріѣхали въ Луцкъ и панъ Аксакъ
въ сейчасъ объявилъ комисіи, що теперь
уже все ѡткрыто. Привели Лукевича. Въ
комисіи засѣдало много лат. ксендзѣвъ.
По поученью пана Аксака заявилъ Луке-

...уока!"
сіи и начали
сварити на М
одинъ честный
говоръ, задума
тіи попы всѣ а
скопъ съ ними
ковала дѣло ком
Схвачено и
которого очерни
сниль, що дѣй
письмо, — но пис
пашпортъ, а друг
найдено. — "Мы
будемъ тебе казни
що Цариця послала
пѣвъ!" — "Я не ку
ветою на мою Гос
гордо маркитанъ. —
цю привели его до в
монахъ сповѣдалъ ег
докончити сповѣ
фанатъ

ь тѣхъ поръ стали еще бѣльше до-
 священникѣвъ и мїрянъ, нѣкото-
 повѣсили, другихъ саджали въ кай-
 и въ вязницѣ, зѣющіи смородомъ
 истотою, инныхъ сѣкли нагайками
 интѣ, по груди и по черевѣ, иннии
 кой экзекуціи ѳтдавали Богу духа.
 ено даже уніятского Епископа Ви-
 Садковского, подозрѣннаго о то,
 нтоваль хлопѣвъ до мятежа, и за-
 но его въ кайданы. По такой то
 хотѣла комисія дѣйти до клубка.
 цнакъ ни наименшихъ доказа-
 вѣ не ѳткрыто. Цѣлое обвине-
 ртѣлось коло того, що на Волынѣ
 цили купцѣ изъ Россїи и продавали
 инными товарами такожь ножи.
 чено по корчмамъ ѳтъ селянъ кѣль-
 ѳвъ, которыми они выражали свое
 вольство и жаловались на свои крив-
 ти же згадали гдѣколи о ужасной
 ѳ Гонты, — вотъ и все.

ого же изъ священникѣвъ и хло-
 признала комисія виновнымъ, того
 ано до Варшавы, гдѣ отбывались
 допросы, новии пытки. „Тутъ, —
 о пише Бродовичъ: наступали кри-
 ьныи суды, — заглушенъ былъ го-
 религіи, умолки чувства человекѣ-
 — ишли пѣдъ топѣръ головы слу-
 ей престола, или въ далекихъ вяз-
 ѣ окончаючи несчастливое свое
 , ставались жертвою запальчивости“.

Подобныи варварскіи пранттики быи бы и дальше продолжались, бо задача Полякѡвъ было: якими-нибудь способами уничтожити и вынародовити Русинѡвъ. Но на счастье, Польша, позбавлена раб- певной пѡдставы и самостоятельной си- лы, поступала теперь уже скоро до со- вершеннаго своего паденія.

Сусѣдныи три могущіи державы, бы и цѣлый свѣтъ образованной Европы не могли холодно и безъучастно дивитися на тиі нелюдскіи поступки, якихъ допу- скалась Польша въ лѣтахъ своей послѣд- ной пробы, где она могла была свѣту показати, чи зъумѣе еще разъ собою ро- зумно управляти. Послѣдняя тая проба, якъ показали повьшшіи дѣйствія Поля- кѡвъ на русскѡмъ Волюню, выпала оче- видно якъ найгѡрше. Тожь не дивно, що сусѣдныи державы уже вскорѣ по томъ событію приступили до окончательнаго розчета зъ такою нестройною Польщею.

Отъ часу первого роздѣла Польщи былъ въ той ей области, яка еще при ней осталася, черезъ якійсь часъ миръ; здавалось отже, що Польша отямится и начне скрѣплятись. Но на ей бѣду, по- творились въ ней многіи враждебныи собѣ партіи, которыи еще бѡльше ею ро- слабляли. Одна партія изъ шляхты на- чала отверто выступати съ своею непри- язнію и враждою къ Россіи, которая те- перь зновь обновила вѡйну съ Турцією.

Тое раздраженіе противъ Россіи под-
сыщало еще и прусскій король, которому
залежало на томъ, щобы не допустить
до дружескаго зближенія тыхъ двоухъ
славянскихъ державъ, якими было сред-
ныи собѣ славянскою кровію Россія и
Польша; и до того-жь радъ былъ король
прусскій черезъ тии роздоры еще бѣльше
добыти собѣ земель зъ Польщи. Тая
партія шляхты польской, такъ звана пар-
тія прусская, была тогда найчисленнѣй-
ша въ Варшавѣ, и она то довела до то-
го, що посолъ прусскаго короля въ тую
пору яко-бы владѣлъ надъ всею Польщею.
Другая партія, тоже численная, состояла
изъ найзнатнѣйшихъ магнатѣвъ, которыи
бѣльше сприяли Россіи, а ненавидѣли прус-
скихъ Нѣмцѣвъ, и затѣмъ были во враждѣ
съ партією прусскою. Противъ же
обоихъ тѣхъ партій враждовала партія
низшой шляхты, польскихъ мѣщанъ и
ксендзѣвъ, которыи, дѣйствующи въ душѣ
Барскихъ конфедератѣвъ, стояли въ правдѣ
за державною независимостію Польщи,
по при томъ есемъ наибѣльше вредили
Польшѣ черезъ то одно, що усилиучись
здѣлати Польшу одною по вѣрѣ и
народности державою, заводили борьбы
съ Русинами, которыхъ все таки и въ
той такъ значно уменьшеной Польщи еще
бѣльше было, чѣмъ Полякѣвъ, и которыи
лучше волѣли перейти подъ владѣніе

Россіи, чѣмъ дати себе въ Польшу и
тинщити и ополячити.

Коли тѣи три партіи, борючись ме-
станно съ собою, доводили Польшу
всякихъ беззурядиць и неспокоевъ, па-
тія прусска, яко найчисленнѣйшая и
всѣхъ, отнеслась до Пруссъ съ просьбѣю
о возстановленье мира въ краю. Пруссы
прирекли возстановити миръ и даже
дати войну Россіи, однакъ тѣлько по
условіемъ, щобы Поляки отступили и
воеводства Гданскъ и Торунь. Поляки
приняли такого условія, и затѣмъ Пруссы
перекинулись на сторону Россіи и
вели въ р. 1793 до другого роздѣла
Польшу. При тѣмъ другомъ роздѣлѣ
няла Россія остальную часть Бѣлой
си, бывшую еще при Польшу, а такъ
Волынъ и Подѣлье; Пруссы же розши-
ли свои границѣ ажъ пѣдъ саму Варшаву,
занявши головную часть коренной
Польшу съ Гданскомъ и Торунемъ.

Польша ограничилась теперь ле-
на 3 миліоны жителей майже самъ
Полякѣвъ, но все еще она яко держав-
съ своимъ королемъ Станиславомъ-Ав-
стомъ существовала. Русскіи еи земли
по томъ роздѣлѣ отѣйшли уже всѣ
Польшу и съ извѣтїемъ Галичины,
торая уже зъ г. 1772 была при Австріи
прилучены были до Россіи.

Дознаное пониженье Польшу за бо-
ло и тяжко доткнуло тыхъ Полякѣвъ

ыхъ горѣла правдивая любовь от-
 . Видячи, якъ поволи и постепенно
 ды роздирають ихъ землѣ, затрепе-
 они ужасомъ, а предчувствуячи
 вднѣй неизбѣжный конецъ Польщи,
 ли еще остатнихъ силъ, щобы ѳтда-
 хъ на жертвенникъ той отчины, ко-
 й не умѣли шановати. Въ р. 1794
 хло грозное возстаніе въ Краковѣ и
 авѣ: поднялась на ноги шляхта,
 скии мѣщане та и много мазурскихъ
 ть, и пѳдъ начальствомъ мужествен-
 Костюшка здвиглись съ отчая-
 до борѣбы за свободу дыхающей
 вднѣмъ дыханіемъ своей державы.
 ганіе тое охватило скоро бѳльшии и
 шии города Варшавской державы и
 ло обняти также и дальшии сторо-
 авной Польщи. Смѣлымъ и отчай-
 імъ движеніямъ Костюшка удалось
 чала отнести кѳлько поменьшихъ
 цѣ, но окончательно Костюшко, стрѣ-
 ись съ бѳльшою арміею русскою пѳдъ
 діѳвицами, потерпѣлъ тяжкое по-
 ніе и самъ раненъ на полю битвы
 бьлъ въ неволю. Тогда то ѳнъ съ
 ію и жалостію произнесъ ти два
 нныи слова: *Finis Poloniae*, то зна-
 : „Конецъ Польщи!“
 I въ самомъ дѣлѣ наступилъ конецъ
 щи. Варшаву взялъ генераль Суво-
 штурмомъ, и въ сей-часъ въ р. 1795
 здовалъ послѣднѣй третій роз-

дѣлъ Польщи mezi Россію, Австрію и Пруссы.

Въ кѣлькѣ мѣсяцевъ потомъ королю Станиславъ-Августъ зложилъ корону, и Польща перестала существовать.

Такъ упала держава, существовавшая около 1000 лѣтъ. Духъ несправедливости, съ якимъ она долгіи вѣки пановала надъ Русію, помстился на-конецъ и на ней жестоко. Говорить пословица, и не вартъ той свободы, кто не умѣе бытъ справедливымъ. Пословица тая точна найшла до Польщи свое приуроченіе. Говорить бо одинъ писатель польскій раздумуючи надъ судьбою своею отчизны: „Якъ разважу, кто повредилъ мою отчизнѣ, то скажу, що ѡтъ самыхъ я панѡвъ выйшла погибель Польщи. Они то знивелили всякое почтеніе для завѣна; они, не хотячи повинуватись правительству, оставляли законъ безъ исполненія; они затерли понятіе справедливости въ умахъ Полякѡвъ. Они замѣнили законъ въ пустую формальность, кото тогды тѣлько была и важна, коли правослужило ихъ лишъ гордости, лакомству злюбѣ.“

Упала Польща по причинѣ своего внутренняго розстройства, позбавленія нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ оборонѣ отъ ударѡвъ изъ-внѣ. Шляхетско-польскіи порядки вызвали въ с

и державѣ голосное неудовольство, дошли до домашнихъ мятежѣвъ и войнѣвъ, которыхъ зъужила Польша всѣ свои силы, розстроилась и въ-конецъ цѣлкомъ немогла. Въмѣсто лучити съ собою нады единоплеменные братскимъ союзѣмъ любви; вмѣсто управляти ними на пованіяхъ справедливости и признавая каждому тое, що ему по законамъ природнымъ и человѣческимъ належася, станула Польша противъ нихъ, именно же противъ Руси съ мечемъ нація въ рудѣ, щобы придавити въ Рунахъ самыя нѣжныя національныя и плгійныя чувства. Всѣхъ способѣвъ, честныхъ и нечестныхъ, употребляла Польша, дабы перетворити подчиненный собѣ русскій народъ противъ его волю въ лковито въ польскій, усилиучись опочити его языкъ и сокрушити въ его сердци вѣру и св. обрядъ его. А такъ какъ тая Русь, зъ-поконвѣка привязана къ своимъ сердцемъ до всего своего, а до того еще и своимъ народонаселеніемъ всегда численнѣйша отъ Польщи, не давала себе ополячити наскрѣзь, то Польша, завладѣвши разъ хитростями надъ Русію, хотя для достиженія своей цели превращала цѣлый край въ одну язву, пересыщенную кривдами и кровію, такъ своей цѣли не допяла, а сама пошла на изготовленныхъ собѣ руинахъ.

Польша, прилучивши до себе на Русь, имѣла всѣ условія на то, чтобы статься сильною и могущею державою, власне черезъ свои неустанныя боры съ тою „твердою а упертою Русію“ о розслабившись и попавши въ совѣшенное изнеможеніе, спасалась еще дѣгій часъ ино тѣмъ однимъ, що сусѣды не могли погодитись относительно ей родѣла. Но коли въ-конецъ прійшло мезьтими сусѣдами до згоды, Польша розпалась.

А никому то и не удивляйтесь, и сусѣды Польши такъ безпощадно съвообѣшлись, бо якимъ оружіемъ Польша воювала, ѳтъ такого и погибла: насиліе захватила она Червоную Русь, коимъ ствомъ и насиліемъ присоединила къ себѣ и княжество русско-литовское. Не догадывались Поляки о мнѣніе русскаго народа, коли лучили до себе литовско-русскій народъ своими уніями. Насиліе обертали они русскій народъ въ другіе вѣру и ругались надъ его найдорожнѣи святостями. Народъ бунтовался, да и знулъ самъ упоминатись о свои права а его саджали на колы и палили на страхъ. Слѣдовательно, коли приспѣло время ѳтплаты за всѣ старыя грѣхи, ступлено съ Польщею такъ само безпощадно. Три державы роздѣлились и не пытаючи о ей мнѣніе, и Польша

якимъ оружіемъ воювала, ѳтъ такого и
погибла.

Великая Русь.

(1645—1746).

Исторію Великой Руси оставили мы на царствованіи первого изъ дома Романовыхъ Царя Михаила Ѳеодоровича, который скончался въ р. 1645. Наслѣдникъ его Царь Алексѣй Михаловичъ, молодець, удавшійся въ добродушного своего отца, имѣлъ для себе великую задачу. Внутреннее бо состояніе велико-русской державы носило еще на собѣ слѣды „смутного времени“; внутренніи бо бѣдствія еще продолжались: народъ страдалъ пѳдъ тягаремъ налоговъ и данинъ, все бѳльше возраставшихъ, зъ причины которыхъ проявлялось сильное народное неудовольство, а тое же приходилось неравъ силою оружія усмирять. Для водворенія мира внутръ своей державы издавалъ Царь Алексѣй многи полезныи указы и уставы, которые въ-конецъ привертали ладъ къ общому задоволенью.

За того Царя Алексѣя совершилось присоединеніе Украины до велико-русской державы. Изъ-затую Украину принужденъ былъ Царь вести вѳйну съ Польщею, а та вѳйна окончилась, якъ намъ извѣстно, перемиріемъ Андрусовскимъ въ

р. 1667. — Однакоъ справа съ Украини не была еще окончательно порѣшена Алексѣя Михайловича.

Въ часѣ владѣнія того царя жили въ Москвѣ славный Патріархъ Никонъ. Своею мудростию и твердостию характеромъ



Царь Алексѣй Михайловичъ.

онъ приобрѣлъ собѣ такую повагу, Царь оказывалъ ему неограниченное вѣрiе и поручалъ ему даже неразъ упреленіе цѣлою державою. Одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ Никона было: испреленіе богослужебныхъ книгъ. Въ церквни бы старорусскіи рукописы, вкрад

теченіемъ времени немало ошибокъ; и же въ Россіи начали книжки печати (въ 1533 р.), то ошибки тіи перейи въ печатаныи книги. Для устраненія того зла созналъ Патріархъ Никонъ Совный Соборъ (въ р. 1654) и тутъ рѣно: исправити всѣ книги по образцу істаршихъ русскихъ яко же и греческихъ рукописей. Но найшлося и много дей, которые недовольны были тымъ правленіемъ, та стали роптати на Никона и придержовались ошибочныхъ книгъ такимъ упорствомъ, що не помагали противъ нихъ ни угрозы, ни наказанія. Кіи люди получили названіе староцевъ или раскольникѡвъ.

Позднѣйше, вслѣдствіе клеветъ ѡтъ стороны своихъ ворогѡвъ, Патріархъ Никонъ попалъ въ немилость у Царя и понынѣ былъ у монастырь на заточеніе.

Царь Алексѣй Михайловичъ умеръ въ р. 1676, оставляючи по собѣ трехъ внѣвъ: Θεодора, Иоанна и Петра и кѡльдоcherей. По немъ наслѣдилъ царскій престолъ Θεодоръ Алексѣевичъ, молодой слабого здоровья. За часъ короткого правленія окончено справу украинскую перемиріемъ въ Москвѣ (1681 г.), которому посѣданіе Украины и Запѡвья утверждалось при велико-русской клятвѣ. Наслѣдникомъ Θεодора Алексѣевича долженъ былъ статись другій сынъ Царя Алексѣя, Иоаннъ. Но тотъ зновъ

извѣстный былъ своею тѣлесною и душевною слабостію, для того Патріархъ и бояре оголосили Царемъ десяти-лѣтняго царевича Петра. Межи тѣмъ, пока онъ не сталъ полнолѣтнимъ, вручено корону и правленія сестрѣ его, умной царицѣ Софіи. Хотячи удержатись при власти, старалась честолюбивая Софія перевести всѣмъ выскати собѣ приклонность большей части войска, такъ званыхъ „стрѣльцовъ,“ и раздавала добра начальникамъ и солдатамъ тыхъ же. Походы войскъ русскихъ въ Крымъ подъ начальствомъ советниковъ царицы Голицина были безуспѣшны и нанесли державѣ немало страты, окончательно и подорвали становище царицы Софіи. Всѣхъ взоры отвертались теперь на царевича Петра, который той часъ уже пріишолъ до возросту. Въ р. 1689 обнялъ царевичъ Петръ правленіе изъ рукъ сестры и стался единодержавнымъ Царемъ всей Россіи.

Царь Петръ (отъ р. 1689 до 1725) вполне заслужилъ на то, что потомки назвали его Великимъ; такимъ образомъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ для своей державы и такимъ представился онъ взорамъ цѣлаго современнаго міра.

Въ дитинствѣ проявлялъ Петръ обыкновенно дѣятельную натуру и великія способности ума. Уже тогда всѣ забавы отличались военнымъ характеромъ; онъ окружалъ себе способными

дцями-ровесниками и игралъ съ ними жолнѣры. Онъ найшолъ собѣ учитель межи иностранцами, стоящими въ еской службѣ, а науки тыхъ людей, накопляющія Петра съ европейскою разованностію, возбуждали въ немъ жду знанія и дѣятельности. Въ первое емя своего правленія онъ занимался тройствомъ войска, строилъ кораблѣ Воронежскомъ озерѣ и ѣздилъ самъ Архангельска, щобы познакомиться съ ремъ. Въ свободныи отъ трудѣвъ часы бавлялся въ обществѣ хоробрыхъ воювъ, особенно иностранцевъ. Скоро ийшло къ нему испытати военной жизни. ачатая еще при Софіи война съ Турка не была кончена. Теперь отже выавился Петръ на югъ, къ Азову, щобы быти тую крѣпость, и при осадѣ ей явилъ онъ великую ревность и силу ха, не меньше и военную вправу своарміи.

Щобы обучити своихъ въ дѣлѣ моплаванія, выслалъ Царь Петръ 50 модыхъ людей за границу, и самъ пуился за ними, щобы видѣти европейю образованность и научитись строикораблѣ. Въ всѣхъ державахъ западй Европы встрѣчалъ онъ гостинный иемъ. Въ Голяндіи задержался онъ долре время, и тутъ якъ простый робѣтъ работалъ съ топоромъ въ руцѣ на рабляхъ. Потомъ онъ отправился до

Англии, дальше до Венеции и наконец через Австрию повернулъ въ Москву. Въ сей-часъ по своемъ поворотѣ принялся онъ переобразжати свою Россію. такъ запретилъ онъ всѣмъ, кромѣ дворянства и селянъ, носить бороды; такъ само всѣмъ мѣщанамъ и чиновникамъ приказалъ переменить долгополую одежду на короткое европейское платье. И велѣлъ, чтобы съ началомъ 18-го столѣтія годъ начинался не отъ 1-го (Сентября, какъ бывало на всей Руси) передно отъ 1-го Января, какъ у другихъ Европейцевъ. — Тѣмъ его распоряженіямъ вывали изъ стороны старшихъ людей народъ немалый ропотъ, но Царь былъ твердый и неуступчивый въ своихъ ваторскихъ дѣйствіяхъ. — Изъ тыхъ домостей и наукъ, особенно въ военномъ искусствѣ, якіи присвоилъ собѣ Царь Петръ въ своихъ путешествіяхъ по западной Европѣ, имѣлъ онъ случайность въ сей часъ скорыстати въ начатой войнѣ съ Шведами, которая та война на долготу затяглась. Початокъ той войны былъ для Петра несчастливый: его войска терпѣли чувствительное поражение отъ шведскаго короля, хороброго Карла, при городомъ Нарвою. Но на дальшихъ войнахъ по той битвѣ обернулся король шведскій на Польшу, за той часъ усилилъ Царь Петръ Великій свои военныя дѣла такъ умно, що мѣлъ уже численность

печный успѣхъ въ дальшихъ воен-
ныхъ походахъ. Въ р. 1708 обновилась
война межи Швеціею и Россіею, но те-
перь встрѣтилъ уже король не тѣ самыя
войска въ Россіи, съ якими недавно еще
онъ легко и успѣшно боролся. Мы зна-
емъ, якій оборотъ взяла тая война; зна-
емъ о зрадѣ Мазепы и старшинъ козац-
кихъ, о битвѣ подъ Полтавою и о даль-
нейшій судьбѣ шведскаго короля и войскъ
его. Шведы разбиты были совершенно;
Царь Петръ нанесъ имъ сильный ударъ,
отъ котораго уже подвигнуться не могли.
Договоромъ, заключенымъ межи Россіею
и Швеціею въ р. 1721, прішли до Россіи
огромныя пространства земель надъ бере-
гомъ Балтійскаго моря, а что болѣе, отъ
того часу достигла Россія наибольшаго
значенія межи европейскими державами
и великое вліяніе на внутренніи ихъ
дѣла.

По окончаніи шведской войны тор-
жествовалъ Царь Петръ, а съ нимъ и вся
Россія. Петръ принялъ тогда титулъ
императора всероссійскаго, а весь
народъ прославлялъ и величалъ его, на-
звавши его „Отцемъ отечества.“

Найважнѣйшимъ дѣломъ Петра Ве-
ликаго были внутренніи реформы (улуч-
шенія), которыя мали преобразовати его
государству и просвѣщеніемъ зблизити ю до
западной Европы. Особенное вниманіе
обратилъ Царь Петръ на свою армію и

флоту (т. е. корабль, помѣщены заложники войсковою), и по́днесъ тѣи до такого степени ладу и значенія, що они утвердили величіе Россіи межи другими державами. Времена, свободныи отъ военныхъ занятій посвящаль Царь Петръ на по́днесеніе добробыта своей отчины, и не пропустилъ изъ виду найменьшихъ способностей, якіи для той цѣли могли послужити. Онъ розвиваль промышленность черезъ основаніе фабрикъ и заводо́въ, высылалъ многихъ русскихъ людей въ границу учиться розличного ремесла, памятаючи о томъ, що образованье и просвѣщенье есть по́дставою и первымъ степенемъ общего блага, старался онъ надо все, щобы особенно сословіе духовное и дворянское умственно было по́днесено. Въ той цѣли онъ заводилъ для духовныхъ училища въ каждой епархіи, для дворянъ и чиновнико́въ школы и во всѣхъ областяхъ своей державы.

Въ церковную іерархію внесъ онъ важную перемѣну: именно уничтожилъ онъ патріаршество, а вмѣсто того, щобы всѣми дѣлами Церкви управлялъ одинъ лишь Патріархъ, установилъ для такоу церковного управленія Соборъ изъ избранныхъ Владыкъ и найвысшихъ духовныхъ лицъ по́дъ именемъ святѣйшаго Синода. Первымъ предсѣдателемъ того Синода назначенъ былъ Рязанскій Митрополитъ Стефанъ Яворскій, одинъ

айлучшихъ проповѣдниковъ и духов-
 писателей своего времени. Сей то
 анъ Яворскій, достигнувшій найвыс-
 достоинства въ церковномъ упра-
 вствѣ всеи Россіи, былъ зъ роду
 орусъ (Украинець), воспитанникъ
 ловской академіи въ Кіевѣ, просла-
 и при Царѣ Петрѣ великою учено-
 и ревными подвигами во благо пра-
 вной Церкви, зарѳвно якъ просла-
 и другій Малорусъ, професоръ той
 евской академіи, Теофанъ Проко-
 чъ, которого Царь Петръ за его
 чайныи проповѣдническіи дарова-
 зъ смиренного монаха здѣлалъ Ар-
 скопомъ въ Псковѣ и своимъ най-
 веннѣйшимъ совѣтникомъ въ дѣлахъ
 ѳры. Тѣмъ бо и отличался особенно
 Петръ Великій, що своимъ зорко-
 щательнымъ духомъ умѣлъ выгла-
 собѣ наибѳльше даровитыхъ людей,
 способны были съ успѣхомъ содѣй-
 ати его великой работѣ въ преобра-
 зью его державы. А якъ для упра-
 вства мірскихъ и военныхъ дѣлъ
 ке державы Царь Петръ добиралъ
 такихъ способныхъ людей изъ уче-
 иностранцевъ, особенно изъ Фран-
 ѳъ и Нѣмцевъ, такъ зновъ для у-
 ченія духовныхъ дѣлъ находилъ онъ
 ныхъ сотрудникѳвъ въ своей цѣли
 одвластной собѣ Малой Руси, надо
 се въ славной тогды Кіевской ака-

деміи, основанной знакомитымъ Митрополитомъ Петромъ Могилою. Изъ того духовного средоточія Малой Руси возникъ также и Стефанъ Яворскій.



Стефанъ Яворскій.

первый наибольшій соподвижникъ Царя Петра въ дѣятельности его для блага Церкви. Вообще занялся Царь Петръ усердно церковными дѣлами и окон-

пное розрѣшеніе ихъ подчинилъ сво-
верховной власти.

Строго выступалъ такожь Царь Петръ
отивъ раскольникѡвъ. Росколь бо въ
ико-русской Церкви, возникшій за
триарха Никона, розпространялся ско-
въ Россіи и принятыи противъ него
ры ничего не помагали. Гонимыи рос-
льники уходили въ лѣсы, степы, или
границю, и составляли тамъ свои об-
ины (громады). Зъ времени Царя Петра
змножался расколь еще быстрѣйше и
инималъ не тѡлько церковный, но и
политичный характеръ. Новыи бо рефор-
ы Петра и подражаніе западнымъ обы-
ямъ выдавались простому народу на-
ушенъемъ народности и православія, а
рогіи мѣры, якими вводились тїи ре-
ормы, къ тому и тяжкіи податки и при-
усовыи работы подсыщали въ народѣ
еудовольство. Щобы отже не дати ро-
олу розширяться, старался Царь Петръ
орогою обученія дѣйствовати на рос-
льникѡвъ, и за него то писались самыи
наменитыи сочиненія противъ лжеуче-
й раскола. Коли же всѣ тїи мѣры оста-
или безъ успѣха, обложилъ Царь Петръ
оскольникѡвъ подвѡйными податками,
е допускалъ ихъ до урядѡвъ, велѣлъ
итъ носити особный родъ платья, за
роды приказалъ платити окремыи по-
твы и прч., но и тїи способы дѣйстви-

вали на упертый людъ раскольникоу
весьма немного.

Эъ всякого рода другихъ реформъ
Царя Петра замѣчательны тѣмъ, что
мѣстамъ и селамъ приказано строить
мы по порядку въ певномъ отстояннѣ,
то для безопасности ѳтъ пожарѳвъ; а
прещено хоронити усопшихъ передъ
ма днями и хоронити ихъ внутри го
да. Въ бѳльшихъ мѣстахъ заведено
тики, поѳнесено управу винограда, ш
ководства и тютюну; улучшено садов
ство и скотоводство. Начато печата
газету о современныхъ событїяхъ и
ведено въ Москвѣ первый театръ; пр
вожено изъ заграницѣ знаменитыи
тины (образы) и статуи, чѣмъ введе
въ Россїю изъ запада изящныи ис
ства. По образцу западныхъ мѣсть
строилъ Царь Петръ много новыхъ
родѳвъ, межи инными городъ Пете
бургъ, при устью рѣки Невы, котор
сейчасъ и стался столицей державы.

Черезъ всѣ тѣ реформы, въ ко
рыхъ Петръ объявилъ неутомимую д
тельность и необыкновенную ревност
духа, зближилъ ѳнъ Россїю въ само
дѣлѣ до западной Европы и поѳнял
на такъ высокую степень могущества,
тъ цѣлой европейской политцѣ Рос
взяла ѳтъ теперъ рѣшителный перевѣ

То суть заслуги Царя Петра, въ которыхъ справедливо названъ былъ „Отцемъ отечества“ и „Великимъ.“

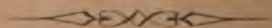
Въ р. 1725 въ мѣсяци Январѣ проудился Царь Петръ, присутствующи при вященіи воды, попалъ въ тяжкій негъ и незадолго упокоился.

Изъ наслѣдникѣвъ Петра Великого мое виднѣйшее мѣстце занимаетъ Царица Екатерина II. (1762—1796). Изъ природы одарена рѣдкими способностями, тая Царица якъ-бы создана была только до того, щобы довершити дѣло, начатое Петромъ Великимъ и поставити славу и могущество Россіи на твердой и некрушимой пѣдставѣ.

Блистательныи военныи подвиги за Екатериныи и внутреннии улучшенія въ законодательствѣ и экономичныхъ дѣлахъ царства, тоже ей собственныи талантъ въ веденіи политики, такъ внутренней, якъ заграничной, зъеднали ей великую славу, вправляли современныи рѣ въ удивленіе.

Изъ военъ важнѣйшии были войны: турецкая и Крымская, которыми границы Россіи далеко розширились на полуднѣ, и дѣйствія войскъ русскихъ въ Польшѣ, въ которой за время Екатерины происходило окончательное роспаденіе, наступившее вслѣдствіе численныхъ безурядицъ, мятежей и межиусобицъ въ ржавѣ польской.

Въ послѣднихъ лѣтахъ существованія Польши полномочникъ Екатерина розпоряжалъ въ ней въ имени своей Царицы, а войска русскіи майже не выдѣли изъ Польши. Окончательный успѣхъ дѣйствій Россіи въ Польши былъ тѣмъ, что всѣ землѣ Малой Руси, кромѣ Галичины, перейшли подъ владѣніе Россіи. Мудрая Царица Екатерина зарядила всѣми мѣрами, чтобы народъ той русскій, стогнавшій до теперъ подъ неблагоприятнымъ правленіемъ Польши, возродился и дойшолъ знову до своихъ гражданскихъ и родныхъ правъ.



ПЕРІОДЪ III.

ЧАСТЬ I.

Русь Галицкая подъ владѣніемъ Монарховъ австрійскихъ

Легкимъ седцемъ, исполненнымъ чуждыми отраднѣйшими чувствами, принимаемъ до изложенія III. періода исторіи нашего отечества.

Якъ всему на свѣтѣ приходитъ съ концемъ, такъ прійшолъ такожь конецъ всѣмъ испытаніямъ и страданіямъ, и униженію и неволѣ, якихъ дознавала Русь черезъ долги вѣки подъ тягостнымъ правленіемъ Польши. На

иль памятный годъ 1772-гій, а съ нимъ къ-бы по темной ужасной ночи засвѣ-ла для насъ ясная зоря свободы, якъ о долгой невиносимой зимѣ заблысло ясное оживотворящеею весняное солнце ашого возрожденія. Галицкая Русь пе-йшла пѣдъ владѣніе Австріи; а якъ съ есною пѣдъ вліяніемъ благотворныхъ лучей солнца воскресаетъ природа изъ мер-ного сна къ новой жизни, такъ теперъ пѣдъ милостивымъ владѣніемъ австрій-скихъ Монарховъ поднялся русскій на-рѣдъ изъ своего оцѣпенѣнія и началъ по-ли приходити до силъ, началъ ѳтдыха-ти новою жизнію. Народность и Церковь русская приходили до своихъ правъ до лежащейся имъ чести и значенья. Пер-ю же благодѣтелькою нашою, которой вѣдчаемъ мы Русины наше освобожде-е, была богобоязненная и премудрая монархиня

Марія Тересія.

(1772—1780 г.)

За ей владѣнія въ монархіи австрій-ой прилучены были до Австріи при пер-мъ роздѣлѣ Польщи: Пѣдгѣрье Краков-ое, часть воеводства Сандомірского зъ авого берега Вислы, воеводство Белз-е, воеводство Русское, т. е. Червоная Русь или Русская Галичина и часть пѣдѣлья по рѣку Збручъ. Прилученъе

Русской Галичины и Володимірія (ча Подолья) до Австріи въ г. 1772 Цѣсар Марія Тересія основывала на правѣ, а до тыхъ русскихъ земель она имѣла, дучи разомъ королевою Угорщины. Ибо измѣтно изъ нашей Исторіи, угорскій король еще на долго передъ Поляки посѣдали черезъ якійсь часъ русскую личину, титуловались навѣтъ князьямъ дѣдичами Галичины и Володимірія угорскій король Людвикъ уступилъ свои русскіи области польскому королу Казиміру Великому (въ р. 1353) тогда по дѣлу условіемъ, чтобы той сплатилъ за нихъ 100.000 золотыхъ, и если Казиміръ умре безъ потомковъ, то чтобы Поляки тѣмъ русскіи области назадъ звернули угорской коронѣ. Коли-жь теперь въ первомъ раздѣлѣ Польши Цѣсарева Марія Тересія, яко вравъ же и король Угорщины, именованъ угорской короной, помнудась о зверненіи собѣ Галичины и Володимірія, то владѣющій тогда въ Польшѣ польскій король Станиславъ Августъ самъ отдалъ ей во вѣчное посѣданіе землѣ съ такимъ заявленіемъ: чтобы она на всегда заспокоити претенсіи австрійской державы до тыхъ же русскихъ земель, и самъ же онъ, той послѣдній король Польши, въ своемъ договорѣ съ Австрією изъ 11. Сентября 1772 называетъ то уступленіе оныхъ земель Австріи „внудикацією“, т. поновнымъ отвыс-

ь для Австріи того, що ей по праву
жалося. Тое слово „ревиндикація“



Марія Тересія.

шло въ того часу въ употребленіе въ
личныхъ грамотахъ и распорядженьяхъ
рійскихъ Монарховъ и австрійского

правительства, и оно относилось именно до русской Галичины и Володиміріи, до которыхъ часть мазурской Польши была при его роздѣлѣ властиво лишь для округленія земель къ Австріи прилучена, и тая же мазурская часть ажъ доперіодъ по Австрію дѣстала новое, передъ тѣмъ небывалое названіе „западной Галичины.“

Наши подкарпатскіи русскіи земли получили теперь названіе „королевствъ Галицкіи и Лодомеріи (Володиміріи),“ яко коренно-русскіи сѣласти пріобрѣтены, они теперь назадъ своіи русско-народныи характеръ и призваны были до обновленія своей народной жизни, пригнобленою передъ тѣмъ розличными крутыми мѣрами польского владѣнія. — Въ р. 1775 пріишла до Австріи еще и Буковина.

Русь Галицкая, вышедшая щодня изъ-подъ польской опѣки, находилась тогда въ такъ жалкомъ бѣдственномъ состояніи, щодля истины треба было до ней всякого содѣйствія изъ стороны того умного и доброго правительства, кимъ было въ тую пору австрійское, щодля бы не допустить до окончательнаго матеріального и духовнаго обнищенія народа въ цѣломъ томъ краю.

Затѣмъ то сынъ Маріи Тересіи, цесаревичъ Іосифъ, предпринялъ въ тую цѣли подорожь по Галичинѣ, щодля бы узнать о нуждахъ той новозанятой

Области и прийти съ помощію и утѣше-
ніемъ ей жителямъ. Тое, що увидѣлъ цѣ-
саревичъ Іосифъ въ Галицкой Руси, пре-
взойшло всякое понятіе: народъ изъ все-
го ограбленный, погруженный въ варвар-
скомъ рабствѣ, лишенный даже человѣче-
скаго достоинства; дворянство и мѣщан-
ство пѣдъ напоромъ польской политики,
переведенное въ латинство; клиръ въ
нуждѣ и невѣжествѣ, безъ надлежащей
поваги, — вообще всюда настоящая тьма,
положеніе крайне печальное. Вотъ що
засталъ Іосифъ въ Галиціи! — Пребыва-
ючи кѣлька дней во Львовѣ, онъ выслалъ
до матери своей описанье всего бѣдствен-
наго состоянія, высказуючи при томъ
наглую потребу заведенія реформъ, осо-
бенно же улучшенія экономичныхъ дѣлъ,
пѣднесенья ремеслъ и купечества, выс-
шого образованья духовенства. „Безъ ду-
ховенства — писалъ тогда цѣсаревичъ
Іосифъ — ничего ту не можна здѣлати
для просвѣщенія народа; но якъ долго
епископы и монахи промышляютъ тѣлько
о своемъ хозяйствѣ, выгодахъ и пр., такъ
долго не можна на нихъ полагати надѣи.“

Тии обстоятельства заставили велико-
душную Монархиню принятись въ сей-
часъ за дѣло, щобы изцѣлити пекущія
раны русскаго народа, вынесенны изъ
прошедшихъ надъ нимъ тяжкихъ вре-
мень. Но на самомъ вступѣ своихъ бла-
готворительныхъ дѣйствій встрѣтила Ма-

рія Ёресія препятствіе, которое нужно было чѣмъ скорѣйше силою закона и ребороти. — Польская шляхта, привышя ѳтъ давна ѳтноситись къ Русинамъ съ религіино-политичнымъ фанатизмомъ не укротила еще и теперь буйства свои и коли приходило складати присягу новому Монархину, шляхта тая ставляла свои требованія въ такой формѣ: „Теперь, коли поѳдаемся владѣнію Найдостойнѣшнему Монархину, певны есьмо, що строи церквии шизматицкихъ вѣчнымъ закономъ запрещено буде. Упращаемъ притое, щобы апостаты, т. е. ѳтступивши ѳтъ вѣры, смертію и конфискованьемъ ихъ цѣлого имѣнія караны были.“ Далше, головнымъ желаніемъ шляхты было щобы остали старыи панщизняныи чини такъ, якъ то было въ часахъ „золотой шляхетской вольности“, тому и писали они въ своихъ требованіяхъ далѣй: „Мы набыли собѣ селянъ не малымъ протіемъ крови предковъ нашихъ, заставляючи ихъ собою противъ Турковъ, Татаровъ, Козаковъ (бачь, и противъ козаковъ, поѳдданныхъ Польщи!), и неразъмы неизмѣрными грошевыми накладками ихъ окуповали. Ратовалисьмо ихъ не лымъ коштомъ въ различныхъ бѣдахъ и помагаючи имъ въ нуждѣ, притое прашаемъ съ цѣлымъ народомъ, щобы не были позбавлены права панованья надъ ними.“

На такіи требованія шляхты выдала Марія Тересія указъ, которымъ распоряджено, щобы латинскіи епископы приводили свое духовенство до згоды и пріязни взглядомъ Русинѡвъ, щобы не называно ихъ „уніятами,“ лишь греко-католиками, щобы такъ шляхтѣ якъ и духовенству того обряда во всемъ допомагаю такъ, якъ и латинскому.

Коли же помимо того цѣсарского указа притѣсненія и гоненія греко-католического обряда и русской народности не прекращались, тогда Львовскій Епископъ Левъ Шептицкій просилъ Марію Тересію о помощь и покровительство, и зъ того часу издавано зъ Вѣдня цѣлый рядъ распоряженій для охороны русского обряда и русской народности ѡтъ нападеній полонизаторѡвъ Галицкой Руси.

Що же до панованья шляхты надъ „хлопствомъ,“ постаралась милостивая Монархиня конечно улегчить черную долю хлѣборобѡвъ, которые до теперъ находились еще въ полной власти панѡвъ такъ съ житьемъ своимъ, якъ и своимъ имѣніемъ. Про тое выдала она патентъ, который долженъ былъ статись мѣриломъ для работъ и данинъ, подданого и для обязанностей его взглядомъ дѣдича. Патентъ той освободилъ уже въ цѣвной мѣрѣ бѣдный народъ ѡтъ неограниченной зависимости ѡтъ пана. До того же упомнено тогда всѣ доминіи (пан-

скихъ мандаторѣвъ), чтобы тѣмъ не доу-
скались такихъ притѣсненій и обща-
народа, якии до теперъ такъ часто случ-
лись, и запрещено вымагати ѿтъ подд-
ныхъ бѣльше надъ тое, що на давныхъ
инвентарахъ выразно есть основано.

Духовенство русское чахотились въ
крайномъ убожествѣ: оно удерживалось
изъ милостынъ своихъ прихожанъ и изъ
труда рукъ своихъ, а сверхъ того оно
присуджено было давати для войска
осыпъ м подводы. По той причинѣ вы-
дала Цѣсарева Марія Тересія наказъ гу-
бернатору Гадику, чтобы за осыпъ, до-
ставленной войску, выплачено духовен-
ству нагороду въ трехъ ратахъ, а самымъ
бѣднѣйшимъ священникамъ чтобы дава-
ти запомогу. — А не забыла и о томъ
мудрая Монархиня, дабы духовно подне-
сти русское духовенство, которое послѣ
имѣло статись первою пружиною и осн-
вою до поднесенья цѣлого народа. Въ
той то цѣли, коли заведено въ Вѣдн
„сѣменище“ для греко-католическихъ ду-
ховныхъ воспитанникѣвъ зъ Угорь и Се-
миграда, то распорядила Марія Тересія
чтобы такожь изъ Галичины выслано до
того сѣменища шестѣхъ такихъ воспитан-
никѣвъ изъ Перемышльской, а шестѣхъ
изъ Львовской епархii. Въ томъ то сѣ-
менищи Вѣденскомъ при церкви св. Вар-
вары получили воспитанiе пѣзднѣйшии
свѣтильники Галицкой Руси, якъ: Епи-

Скопъ Скородынскій, Митрополиты: Анто-
ній Ангеловичъ, Михаилъ Левицкій, Епи-
скопъ Іоаннъ Снѣгурскій, Митрополитъ
Григорій Яхимовичъ, крылошанинъ Га-
расевичъ и много другихъ Русинѡвъ,
прославившихся науками и патриотиз-
момъ.

До важнѣйшихъ реформъ, якіи со-
стоялись въ нашей Галичинѣ за Маріи
Фересіи, належитъ причислити такожъ
„галиційскій становый соймъ,“ въ
которомъ должны были засѣдати сосло-
вія: рыцарское и магнатское, а mezi ни-
ми такожъ епископы обохъ обрядѡвъ.
Такъ добилась въ-конецъ Русь наша то-
го, за що долги вѣки безуспѣшно пѡдъ
Польщею боролась — и наши русскіи
Епископы допущены были до Сойма.
Соймъ тотъ имѣлъ опредѣляти, якимъ
способомъ належитъ приводити въ дѣй-
ствіе высочайшіи распорядженія, и быть
уполномоченъ предлагати Императору
прошенія въ дѣлахъ Галиціи за посред-
ствомъ губернатора. Для изготвленія
меньшихъ дѣлъ поставленъ былъ „ста-
новый комитетъ“ изъ шести членѡвъ,
который постоянно дѣйствовалъ.

Уже изъ тыхъ наведенныхъ тутъ роз-
порядженій и патентѡвъ Маріи Фересіи
познаемъ ей материнскую опѣку, якую
она оказала галицко-русскому народу;
познаемъ, що завдячити маемъ цѣсар-
ской австрійской династіи, що мы цѣл-

комъ не загибли, а прекратились наши стоны, народность же наша и Церковь наша начали знову жити своимъ. пророднымъ русскимъ житьемъ.

Марія Теразія упокоилась въ р. 1788 а смерть ей оплакивали искренно та Русины, якъ и всѣ народы, заживавши подъ короткимъ и ласкавымъ ей владніемъ свободы и теплою опѣки. — Послѣ смерти Маріи Теразіи вступилъ на австрійскій престолъ незабвенной памяти Императоръ

Іосифъ II.

1780—1790 г.

Якъ дорогою есть для дитяти память любезнѣйшого отца, такъ безъ сомнѣяя дорогою была, есть и на всегда дорогая остане для каждого Русина память то великого и человекѣлюбивого Императора Іосифа II., ибо онъ былъ для насъ наилучшимъ отцемъ и милостивѣйшимъ благодѣтелемъ, который поставилъ собою единственную задачу своего житья: дати своимъ подданнымъ общечеловѣчскіи и гражданскіи права, и тѣмъ привести ихъ до свободы и благосостоянія. Коли же въ томъ часѣ другіи народы добывались внутреннихъ реформъ и средствомъ возстаній, революцій и страшныхъ войнъ (якъ то бывало въ Польшѣ, во Франціи и пр.), то Цѣсарь Іосифъ

вѣденъ свѣтлымъ своимъ умомъ и
вѣколюбивыми чувствами сердца
его, принялся въ мирный способъ



Цѣсарь Іосифъ II.

формовати, до нового, лучшого життя
вести свою державу. Тому то часъ
якъ ни короткій (тільки 10-лѣтній),

часъ его владѣнія представляется въ исторіи яко цѣла свѣтлая эпоха.

Для нашей же Галицкой Руси есть владѣніе Цѣсаря Іосифа въ особенностяхъ золотою добою. Наша земля, недавно присоединена до Австріи, потребовала якъ наибольше отеческого попеченія и найшла тое въ самомъ дѣлѣ въ особѣ Цѣсаря Іосифа II, Монарха своего. Собо-лѣзнуучи надъ крайно бѣдственнымъ состояніемъ русской землѣ, русского народа и церкви русской, обратилъ Цѣсарь Іосифъ II. прежде всего свой взоръ на русское духовенство, и щобы по́днести повагу и достоинство тогожь, основалъ для кандидатѠвъ русского духовного ста-ну генеральное сѣменище во Льво-вѣ. На тое сѣменище подарилъ онъ обширное зданіе, а на семинарскую церковь скасованый кляшторъ Доминиканокъ вызначилъ великіи суммы на прилично устроенье такъ сѣменища того, якъ и егѠ церкви, назначилъ ученыхъ настоятелей и здѣлалъ все, що оказалось нужнымъ для добраго воспытанія русского духовенства. При той случайности подалъ Цѣсарь Іосифъ такожь доказательство, якъ онъ и нашъ обрядъ глубоко почиталъ. Коли бо давнѣйшій костелъ перестроено на семинарскую церковь, повелѣлъ онъ, щобы тая церковь была устроена и приукрашена цѣлкомъ по уставу и предписанію восточного обряда.

Постарался Іосифъ и о томъ, чтобы русское духовенство образовалось въ своемъ родномъ языкѣ, и для того повелѣлъ учителямъ въ семинаріи плекати русскій языкъ и учить по русски, а воспитанникамъ сочиняти на русскомъ языкѣ проповѣди и катихитичныи науки, и тѣже каждого року предлагати правительству. Вскорѣ же завелъ Іосифъ II. на всеучилищи Львовскомъ отдѣленіе богословское, где всѣ богословскіи предметы на русскомъ языкѣ преподавались. — Къ сожалѣнію, не умѣли тогдашніи Русины корыстати изъ того благодѣянія; нашлись даже такіи, которые, привыкши до польской едукации, просили о выключенъе русского языка изъ богословскихъ заведеній и высмѣвали молодыхъ священникѠвъ, образовавшихся въ русскомъ языкѣ, Такъ и незадолго, т. е. въ р. 1810 удалось неуспѣшнымъ заходамъ ПолякѠвъ и споляченныхъ РусинѠвъ устранить изъ всеучилища русскіи преподаванія.

Убезпечивши дѣло просвѣщенія русскаго духовенства, промышлялъ Цѣсарь Іосифъ II. о томъ, чтобы и матеріальное состояніе того духовенства пѠднести, и въ той цѣли опредѣлилъ онъ точную платню для приходникѠвъ по 300 зл., для сотрудинокѠвъ и для знемоцѣлыхъ священникѠвъ по 150 зл. рѣчно изъ релігійнаго фонда. Суммы то были якъ на

тамтѣ времена значительны и обезпечали всецѣло духовенство, которое, освобожденное отъ нужды, могло уже легче и успѣшнѣйше дѣйствовать на духовное благо повѣреннаго собѣ народа.

Еще за Маріи Тѣресіи поднята была мысль устроенья духовныхъ консисторій при русскихъ епископствахъ во Львовѣ и Перемышли; но ажъ Цѣсарь Іосифъ П. довершилъ тое дѣло, назначивши трехъ совѣтниковъ (крилошанъ) и одного канцлера, и заосмотрѣвши консисторіи курсорами служителями. Одновременно освободилъ онъ русскихъ Епископовъ и весь клиръ отъ зависимости тогдашнихъ ополяченныхъ и златинцныхъ Василиянъ. Треба бо знати, що на Синодѣ Замоискомъ, бывшомъ въ р. 1720 за часовъ Польци, а созванномъ для удаженья нѣкоторыхъ духовныхъ справъ русской Церкви и для переведенья гдѣякихъ змѣнъ въ русскомъ обрядѣ, имѣли Василияне, тогда яко приклонники Польци, наибольше вліяніе и они то застерегли собѣ майже всѣ достоинства епархіяльныи, а мірскихъ священниковъ понижали. Коли же тіи Василияне навѣтъ за настаньемъ австрійского владѣнья стали домагатися, чтобы лишь они самы могли вступати на епископскіи престолы, тогда зачался спѣръ межи ними а Львовскимъ Епископомъ Львомъ Шептицкимъ, который то споръ закончилъ Цѣсарь Іо-

ь П. рѣшенемъ, опредѣляющимъ: що
вляется его цѣсарскому благомнѣнню
новати на достоинство Епископа изъ
оуменовства чи то мірскаго, чи монаше-
оу. Сверхъ того рѣшенія подчинилъ
Цѣсарь Іосифъ П. Василиянъ подъ
руку русскихъ епископовъ.

Самымъ важнѣйшимъ дѣломъ Іоси-
фа П. было внесеніе численныхъ кля-
торъ, которыхъ при вступленіи его
на престолъ было въ державѣ 2067. Кля-
торы тѣи представляли великанскіи ма-
насти, а приносили мало корысти для об-
щественнаго блага. Тому позносилъ Цѣсарь Іо-
сифъ П. наибольшую часть ихъ, а оста-
лось только до 700 и то подъ условіями,
что монахи ихъ будутъ заниматься шко-
лами или другими полезными дѣлами.
Здания ихъ уничтоженныхъ кляшторъ
использованы были магазины, шпиталь,
фабрика, касарнѣ, а имѣнія ихъ были про-
даны и изъ полученныхъ грошей сотворе-
но фондъ религійный и научный въ ко-
рѣ всего духовенства.

Що жъ говорити еще о тыхъ благо-
дѣлахъ, якіи высвѣдчилъ той неизчер-
паемый въ добротѣ Императоръ Іосифъ П.
тебе, вынищенный, горькою долею
испытанный народе нашъ русскій! Хи-
титъ глубины души благодарити лишь
могущаго Господа, що сослалъ на насъ
свою добротливую руку, которая съ
своимъ сочувствіемъ подняла насъ

Русинѣвъ изъ пропасти всякихъ нуждъ розогнала накопившуюся надъ насшою головою пучину чорныхъ хмаръ и вывела на свѣтло свободы и золотой надѣ. Ты добрый, но нищій народе, ты былъ уже человѣкомъ, а былъ еще таки настоящимъ „быдломъ“ въ рукахъ твоихъ опшкунѣвъ; ты былъ рабомъ, стогнающимъ подъ тягаромъ чорной неволѣ; ты не имѣлъ права не такъ уже до хаты твоей, до нивы твоей, но даже до твоей родины, до твоего власного житя ты не имѣлъ права! И ото смотри! такому твоему сумному и несчастному состоянню положилъ конецъ Цѣсарь Юсифъ II. Онъ бо въ сей-часъ по вступленью на цѣсарскій престолъ, видячи кривды и страданія русскаго народа, издалъ патентъ, который имѣлъ цѣлею охоронити селянскій народъ отъ кривдъ и притѣсененій. По тому патенту, если которому селянину сталась кривда или обида, то онъ мѣг жаловатись до домини, а если тая до 3 дней не вымѣрила справедливости, тогда было ему свободно внести жалобу до окружного уряду, зѣ-отси же и до губернии, а наконецъ еще и до найвысшой инстанци, до надворной власти. Того самого еще року обмежилъ другій патентъ „панщину“ и опредѣлилъ, щобы вмѣсто неозначенного числа дней панщизняной работы (якихъ до теперъ было 5 или даже 6 въ тыждни), отъ теперъ

высшою мѣрою было 3 дни въ тыжъ
отъ цѣлого грунту.

Вскорѣ послѣдовало найважнѣйшее
о, которое стерло изъ чела руссого
ода соромное знамя рабства, пѣдъ я-
къ стогналъ онъ долги вѣки — послѣ-
ало знесенъе крепацтва (подданче-
а.) Патентомъ зъ дня 5-го Апрѣля 1782,
ующимъ поганое крепацтво, признано
инскому сословію межи инными слѣ-
ощи льготы, якихъ за Польци нико-
не было: ото бо 1) свободно было те-
ь селянину безъ прошенія о соизво-
іе дѣдича, лишъ за увѣдомленьемъ
арского уряду, женитись; 2) изъ сво-
села на другое мѣстце переселятись;
ведля уподобанья перемѣнати станъ
й на высшій, и выбирати собѣ якое
есло или инное занятіе, не позволяю-
ь о тое удѣдича; 4) вступати въ двѣр-
ю службу; 5) кромѣ работъ и данинъ,
вомъ приписаныхъ, ніякихъ другихъ
себе не пріймати. — Незадолго послѣ
о въ р. 1786 выйшолъ еще инный па-
тъ, который зносилъ многіи утяжли-
а данины, якіи селянинъ принужденъ
тъ дѣдичеви складати, — и такъ: зне-
о мостовое, комѣрное, сольное, священ-
, гайдучное, столовое, грошевое, торго-
и многіи еще другіи дачки и робо-
ны, которыи даремщиною называ-
ь. Дальше патентъ зъ р. 1787 соизво-
тъ селянамъ закуповати землѣ, грунта

и распорядити ими по своей волѣ, такъ что дѣдичъ не малъ уже нѣякого права мѣшались въ тое дѣло селянскаго народа. Сверхъ того вызначилъ еще Цѣсаръ Іосифъ II. помѣры грунтовъ, которыя должны были отграничити посѣлости дѣдича отъ посѣлостей селянскихъ и заботы печити селянамъ ихъ маетокъ. Той законъ о помѣрѣ ихъ грунтовъ называлъ наши люди въ славу того добродѣтельнаго Цѣсаря преимущественно „Іосифинскимъ патентомъ,“ бо онъ и былъ для нихъ наибольшимъ, того Монарха добродѣтствомъ.

Такими патентами и законами пожелъ Іосифъ II. конецъ самоволѣ шляхты и збыткованьюся ей надъ бѣднымъ вѣрородомъ. Такъ прислужился онъ народу русскому, страдающему неизмѣрно отъ своихъ дѣдичей и ихъ посѣпакѡвъ, и издалъ его свободнымъ народомъ-гражданиномъ, та отворилъ ему дорогу до лучшей будучности.

А якъ той добрый Цѣсаръ Іосифъ дѣлалъ селянскій земледѣльческій народъ изъ трудѡвъ котораго наибольше удѣлуеся держава, то доказовалъ онъ своихъ частыхъ поѣздкахъ по краямъ своей державы, где при каждомъ случѣ заходилъ особисто подъ стрѣхи селянскихъ хатъ, радо розговаривалъ съ селянами, неразъ кумовалъ при крещеніи и дѣтей, и загаломъ обходился съ селян

тъ якъ съ братомъ рѣднѣй братъ. Разъ такой то проѣздцѣ по Моравскомъ ю бнѣ, переѣздячи по-при поля пѣдѣомъ Позорицями, узрѣлъ орущего свое е селянина, та щобы въ працѣ ему югчи, излѣзъ зъ повозу, приступилъ плуга и самъ же занялся ораньемъ, бы простой земледѣлецъ. Въ память цѣсарской орки поставлено потомъ поли сего селянина, именовъ Тернка, елѣпный памятникъ, якій тамъ же и днесъ стоитъ, а плугъ, которымъ той вный Цѣсаръ ораль, сохраняется и до нѣ въ соймовой палатѣ въ мѣстѣ овѣ.

Щобы вычислити всѣ благодѣянїя, ихъ дознала наша Галицкая Русь ѡтъ о милостивого Монарха, на тое не до бы намъ мѣстця въ тыхъ узкихъ дѣлахъ книжочки; но уже изъ наве- ой тутъ оповѣсти о немъ можемъ не- мѣнно узнати о высоблагородной ии, о свѣтломъ а снисходительномъ ѣ его, о его милосердію и добротѣ, и оказалъ ѡнъ такъ щедро Русинамъ. монархъ для державы, а не держава для монарха," говорилъ ѡнъ часто самъ, и ласно съ мыслію того изреченїя посту- ть ѡнъ такъ даже цѣлую жизнь свою. кренняя любовь къ своимъ подчинен- мъ и безвглядная справедливость для ихъ — то два свѣтильники, которые провожали его всѣ дѣйствїя. Яко прав-



...и якую провину, то вымѣрялъ кару не безъ взгляду на личность, достоинство или сословіе провинившого. Въ одномъ письмѣ своемъ выразился онъ: „Держава подъ моимъ владѣніемъ должна по моей свѣдучной мысли управляться. Суевѣріе, знатизмъ, кривда и рабство должны быти устранены, а каждый подданный долженъ наслаждаться природною свободою.“ Вотъ такіи засады зъеднали ему названіе „доброга, мудрога и благороднога правителя!“ Коротко онъ владѣлъ народами, во всего лишь 10 лѣтъ; однакъ и той короткій часъ былъ достаточнымъ для него, щобы на вѣки вселити образъ свой въ сердца народѣвъ всѣхъ будущихъ лѣтъ, вѣковѣчнито имя свое и оставити не забвенную память по собѣ отъ рода въ родъ.

Леопольдъ II.

(1790—1792 г.)

Наслѣдникомъ Иосифа II. былъ его братъ Леопольдъ II. Весьма короткое, во только дволѣтнее владѣніе его было для Галицкой Руси такожь справедливымъ и приклоннымъ. Случилось бо въ началѣ его владѣнія, що духовенство латинское, полагаячи на ласкавое расположенъе Цѣсаря Леопольда для Полякѣвъ и для ихъ движеній, якіи проявлялись въ маленькой, не цѣлкомъ еще тогда розбраной

Польщи, стало въ Галичинѣ зновѣ шутягати Русинѡвъ на латинскій обрядъ, маловажити русскую вѣру и пренят



Леопольдъ II.

вати Русинамъ при публичныхъ церковныхъ обрядахъ. Зъ той причины пошли до Вѣдня жаловатись два русскіе пугаты, Епископъ Львовскій Ник

кородынскій и офиціалъ Перемышль-
ской капитулы Юліанъ Шпонрингъ.
Вслѣдствіе той депутаціи издалъ Цѣсарь
Леопольдъ П. грамоту, обезпечающую
права греческо-кат. обряда и признающую
иерскимъ и духовнымъ лицамъ обряда
такого право пользоваться всякими до-
стоинствами въ австрійской державѣ. Гра-
мота тая, выданная до русскихъ Владыкъ
въ Галичинѣ, гласить, якъ слѣдуетъ:

Уважаючи, що обрядъ греко-католи-
чeskій въ часу отъзысканья королевства
Галиціи и Володиміріи заявилъ намъ и
тому нашему должную прихильность при
каждой случайности, рѣшили мы съ роз-
мысломъ и въ полнотѣ власти нашей
прихилитись до смиренного прошенія Ва-
шего (Владыкъ русскихъ), и отвѣтно до
секретовъ и привилеевъ, такъ черезъ по-
лѣдного, якъ и давнѣйшихъ попередни-
ковъ нашихъ наданныхъ и зрѣванье об-
рядовъ во всемъ затверджающихъ, такожъ
зрѣванье тое обохъ католическихъ обря-
довъ въ Галиціи и Володиміріи, яко спра-
едливое и для блага религіи и державы
оно полезное, властію нашою королев-
скою затверждаемъ и строго приказуемъ:
о первыхъ: Дабы одинъ католическій
другимъ рѣвно католическимъ обрядомъ
не погорджалъ, ему не препятствовалъ и
якого превосходства собѣ не присвою-
еть. Во вторыхъ: Щобы клиръ и станъ
иерскій, въ обрядѣ греческо-католическомъ

остающій, имѣлъ свободу пользоваться
рѣвными правами до промоціи, рѣвными
привилеями и достоинствами. Въ тре-
тихъ: Щобы одинъ обрядъ не вазма-
ся ніякимъ способомъ препятствовать
другому въ исполненіи своихъ долж-
стей, а при обходженію обыкновенныхъ
богослуженій, щобы не смѣлъ допускать
другихъ до затрудненья и перешкодженья
понеже еслибы кто изъ нашихъ подд-
ныхъ що-будь противное посмѣлъ здѣ-
лать, то нехай знае, що стягне на себе
шу немилость...“

Тая грамота есть свидѣтельство
ласки Императора сего для Русинѣвъ,
зѣ другой стороны есть она и сумны
доказательствомъ, що такъ народнос-
якъ и Церковь русская еще и подѣ
стрийскимъ отцевскимъ правленіемъ
была совершенно свободною ѳтъ губ-
тельной польской политики вынароде-
ленья, и доперва могущая оборона за-
на уймилла по части жаркое усердіе
шихъ колонизаторѣвъ.

Уже то за сего же Императора
опольда повстала была мысль возстан-
ленія Галицкой митрополіи, и до т
справы была уже и назначена окре-
комисія; но наглая смерть Императора
французкая вѣйна, що въ тыхъ лѣтахъ
выбухла, препятствовали на-разѣ скоро
осуществленію того для Руси нашей с
сительного замысла. По смерти Импе

Леопольда вступилъ на австрійскій
олю сынъ его

Франць І.

(1792—1835 г.)

Беликодушный и добросердечный той
рхъ царствовалъ черезъ 43 роки, а
вовалъ подобно своимъ попередни-
съ отцевскою печаливостію, спра-
востію и любовію, рѣвно для всѣхъ
иненыхъ ему народѣвъ.

Ба Цѣсаря Франца І. розъярилась
въ Европѣ страшная французская
д, въ которой прійшло и Австрія
немалое участіе. Русины, памятаю-
великихъ благодѣянійхъ якихъ дѣ-
отъ австрійского престола, мали
въ способностъ въ той приврой порѣ
ти ему дѣломъ благодарностъ, и ко-
дни съ духовенствомъ своимъ по-
амъ заносили моленія за благоуспѣ-
австрійского оружія, другіи ступа-
ряды военной арміи, мчались съ
емъ на врагѣвъ и хоробро боронили
у своего Монарха. Тая преданностъ
агодарностъ русскихъ сердець не
ась передъ очима Достойного Мо-
Франца І., но найшла у него пол-
признательностъ и ласку, ба и при-
слись наибѣльше до нового Руси-
оказаного благодѣянія, якимъ было
тановленіе галицко-русской

митрополіи во Львовѣ. На предло-
женіе Епископа Ангеловича и русскаго
министра, что Церковь русская въ Галич-



Францъ I

поносить где-якіи невыгоды зъ при-
чиной своей зависимости отъ митрополіи
польской, бывшей тогда подъ властью
другого Монарха, рѣшился Импера-

нцѣ возстановити Галицкую митро-
 по. Дѣлу тому начала ставити пере-
 пы польская духовная іерархія, кото-
 розходило о тоє, щобы не допусти-
 до возвеличенія Церкви русской въ
 чинѣ. Въ той цѣли польскіи еписко-
 вносили до правительства розличныи
 дставленія въ томъ смыслѣ, „що оно
 церкви и для державы лучше буде
 устанавляти Русинамъ Митрополіи, но
 нинити русскіи епископства латин-
 у Архіепископу, черезъ що утвердит-
 нія и духовенство обохъ обрядѣвъ
 нымъ союзомъ згоды и любви полу-
 ся.“ Но на счастье, правительство не
 себе тутъ обманути, бо исторія ми-
 пости ажъ надто свѣдчила, якою то
 овію обдаровывало латинское духовен-
 русскій народъ и св. Церковь его.
 вительство было пересвѣдчене, що зъ
 ого пѣдчиненія русскихъ епископствъ
 нскому Арцибискупу выйшли бы
 ко суперечки, смуты, безъустанныи
 бы и новое пригнетеніє русского об-
 и Церкви. Затѣмъ то узнало пра-
 вительство рѣчею справедливою, що для
 вжанія всѣхъ возможныхъ клопотѣвъ,
 жить именовати для Галицкой Руси
 мого Митрополита изъ русского ду-
 нства и поручити его римскому Па-
 до затвержденья. И теперь еще не
 икли „опѣкуны“ Церкви русской; од-
 жь зважаючи, що у правительства

они не здѣлають ничего, звернувшись къ апостольскому престолу въ Римъ и начли тамъ же дѣйствовать противъ русскаго митрополіи, та и довели до того, що самъ Папа, который передъ тѣмъ самъ назначивалъ на возобновленье митрополіи Галицкой, здѣлалъ теперь австрійскому правительству предложенье, чтобы закннутую мысль, а русскіи епископства починити непосредственно Римскому престолу. Однакожъ не помогло и то: всякія подпольныя работы и заходы противъ галицко-русской митрополіи были правительствомъ отвержены; въ р. 1808 подтвердилъ Императоръ Франць І. тую митрополію и именовалъ первымъ Митрополитомъ Львовскаго Епископа Антонія Ангеловича.

Въ часахъ тыхъ пересправъ о русскаго митрополію поставленъ былъ одинъ Галицкій священникъ референтомъ при Галицкой губерніи для обохъ обрядовъ. Той референтъ, яко ѳпоручникъ святаго духовенства, старался всѣми силами дѣйствовать во вредъ Церкви русской. Онъ то писалъ на нашихъ Владыкъ змысленныя доносы и тѣмъ надѣялся подконтривать довѣріе, какое правительство мало до русскаго клира; онъ то и ставилъ урядовымъ предложенія, полныя ненависти и презрѣнія для нашего обряда, дѣлалъ и большіи перепоны возобновленію русскаго митрополіи, силдовался завести наза-

конъ, чтобы на архіерейскіи престолы ставлялись исключительно ополяченныи мохи Василянне, въ-конецъ же хотѣлъ (е въ своей недоброжелательности выючити русскій клиръ, отъ участія въ пугйномъ фондѣ, т. е. радъ былъ скавати для русскаго клира побирание рѣчи и платнѣ изъ того фонда, который тутъ русской Галичинѣ составился изъ сскихъ же маекѣвъ. Но всѣ тѣи вражбныи усилія, которыи постоянно поврядились изъ стороны лат. іерархіи, розлились о ласку Императора Франца I., торый не давшись всколебати въ своѣ пересвѣдченью о вѣрности и пренности русскаго народа, со взгордою вергъ нечестивыи протівъ него подрекательства.

Не смотря однакъ на тое, приходишь Русинамъ еще не одно горе испытати отъ навязавшихся имъ колись-то, не хотящихъ и теперъ отступити отъ ихъ религійныхъ опѣкунѣвъ. Сталось же такъ наконецъ, що австрійское правительство, которое за всѣмъ въ Галичинѣ слѣдило зоркимъ окомъ, назначило томъ при Львовской губерніи особнаго ферента для русскихъ справъ духовныхъ, передавши таковой рефератъ русому крылошанину Офиціалу Шпонвгу.

Межи тѣмъ война французская продолжалась: имя Наполеона I. и вѣсть о

его побѣдахъ затревожила цѣлую Европу, а въ тую то пору Поляки, уповавши на помощь Наполеона, поднесли голод начали мятежи, волочились и по наши Галичинѣ и мстилися лютымъ способомъ на тыхъ Русинахъ, которые, вѣрны присяжѣ, зложенной австрійскому цѣсарскому Дому, не хотѣли до нихъ приставати.

Было то въ р. 1809. Въ восточной Галичинѣ вспыхнула польская рухавка, начались творити польскій гвардіи; гвардіонъ австрійского войска оставилъ Львовъ, неизвѣстно по какой причинѣ, а Поляки принялись звергати австрійскіе орлы зъ цѣсарскихъ будынкѣвъ, задумавши туть во Львовѣ установити центральное военное управление зъ польскіе шляхты. Польскій жителѣ Львова подняли великій шумъ, производили бурливыя сцены и издѣвались надъ Русинами, которые держалися здалека ътъ рухавки. Польскій революційный комитетъ выдалъ приказъ русскому Митрополиту Ангеловичу, щобы той препоручилъ своему священству не вспоминати при литургии имени Цѣсаря Франца I., но Наполеона. Коли же Митрополитъ Ангеловичъ хотѣлъ ътступити ътъ вѣрности Австрійкинулась толпа зачинщикѣвъ на здачу митрополичей палаты, ворвалась на полѣмъ въ середину и съ крикомъ „Митрополитъ здрайця — повѣсити его“ перевертали и розбивали все, що имъ

подъ руки. Самъ Митрополитъ на-
 шлся въ опасности житья, но на сча-
 сть, онъ за-вчасу оставилъ Львѣвъ, а
 ушелъ на село съ Михаиломъ Гарасе-
 вичемъ, крылошаниномъ - офиціаломъ
 Львовской капитулы, щобы спасатись пе-
 редъ розьюшеною чернею. Много то бѣдъ
 и мучку перенесли тѣ два твердыя па-
 ты и заслуженныя люде русскіи, ста-
 рый митрополитъ Ангеловичъ и офи-
 ціалъ Гарасевичъ. Отъ села до села при-
 денны они были скитатись, щобы
 и передъ руками ново-повставшого
 польскаго правительства, а коли оказа-
 лось, що нигде мѣстце для нихъ не есть
 безопаснымъ, не оставало имъ другого
 выхода, якъ переправлятись прикрыми
 путями черезъ Карпатскіи горы на
 западъ.

Преступное лже-правительство, узнав-
 о бѣгствѣ Митрополита, напосѣдось
 рѣшило схватити его яко „здрайцю“ и
 назначило 5000 зл. нагороды тому, кто
 его до Львова приставитъ. О сквер-
 ную нагороду задумали убѣгатись,
 пожалѣвнню, нѣкоторые русскіи селяне
 села Сенечоль (въ Долинскомъ по-
 лѣ). Коли-жъ Митрополитъ съ своимъ
 рѣшемъ пвѣялись по стромкимъ бе-
 зопаснымъ хребетамъ у того села на угор-
 ской границѣ подстерѣгъ ихъ пьяница
 сенечольскій вѣйтъ Костеля и съ дру-
 гимъ пьяницею Маланчукомъ, они под-

мовили еще ко́лькохъ рѣвнѣхъ собѣ
пустились на лукавое предательское дѣ
ло. Они задержали достойныхъ страда
цѣвъ, ѳтставили ихъ по́дъ сильною стур



Мѣтрополитъ Антоій Ангеловичъ.

жею до Стрѣя и ѳтдали въ руки пол
ного окружного управленія. Та и вт
до сталоь бы съ шѣвнищам
самого дня не змѣнил

совершенно несчастныя обстоятельства. Точно бо въ той самъ часъ, коли тягнено протоколы съ Митрополита и Гарасевича, надоспѣла громовая для Поляковъ вѣсть, що ихъ правленіе въ Галиціи кончилось, бо австрійскіи войска заняли знову Львѡвъ. Вслѣдствіе того наши іерархи, ѡтпущены на свободу, вернулись въ сей часъ до Львова.

Такии то гоненія и униженія терпѣли Русины еще и тогды за свою твердую вѣрность для Австріи, и счастье тѡлько, що не долго тое тревало, такъ якъ австрійское правительство, прогнавши мятежниковъ, водворило опять миръ въ Галиціи, завело назадъ примѣрный порядокъ, наказало мятежниковъ и предателей, а невинно гонимыхъ, вѣрныхъ своихъ пѡдданныхъ Русинѡвъ нагородило съ честію. Митрополитъ Ангеловичъ помимо того, що Поляки неусыпно чернили его то въ Вѣдни то въ Римѣ, но въ узнанье своей вѣрности получилъ ѡтъ Императора великій крестъ ордена Леопольда, а свѣтлый товаришь его недолѣ Михаилъ Гарасевичъ одержалъ крестъ командорскій и титулъ „Барона.“ И весь народъ и Церковь русская дознавали въ дальшии мирныи часы владѣнія Франца I. теплой его опѣки. Зъ помежи многихъ благодѣяній того Цѣсаря, оказанныхъ Русинамъ, належитъ пѡднести тое, що онъ потвердилъ въ Перемышля исти-

туть дяко́въ и учителей, который, вступивши в санъ епископскій, въ маганый по́зднѣйше Епископомъ Снѣгурскимъ, принесъ много пользы для возвеличенія нашего обряда и для по́несенья просвѣщенья межи русскимъ народомъ. Ласкавая рука Монарха не оставила и простого селянского народа; та же бо и тому старался Францъ I. облегчить его долю, запретилъ какъ вайстржайше зле обходиться съ нимъ и въ даль распорядженъе, щобы панщина бывалась то́лько въ первыи три дни вѣдѣли, а въ прочіи дни щобы селянини мѡгъ идти по своей волѣ на роботу, о какъ лишъ за окремую платню.

Еще жь тутъ слѣдуе примѣти, що ласкою Цѣсаря Франца I. поставленъ былъ на Руси ясный свѣтильникъ, и розлилъ струи первого свѣтла на Русь, Галицкую и положилъ какъ бы основаніе до нашего народно-церковного возрожденія. Свѣтильникомъ тымъ былъ Владыка русский Іоаннъ Снѣгурскій.

Цѣсарь Францъ I., знаючи здѣбности ревности и праведности нашего Снѣгурского еще изъ Вѣдня, где той же бы на наукахъ богословскихъ, поставилъ его въ р. 1818 Епископомъ въ Перемишлѣ. На той должности состоялъ Іоаннъ Снѣгурскій до своей смерти, т. е. до р. 1840, а стоялъ тутъ яко первый народный защититель и рець правды и правъ русской Церкви и русского народа, и заслужилъ собо́ю л

и довѣріе у своихъ и у чужихъ, а
и славу у современныхъ и будущихъ
слѣній. Онъ то, сей славный русскій
Епископъ, ставши Епископомъ въ Перемыш-
льскомъ краѣ, коли высшіи сосло-
ва въ нашемъ краѣ были до того, сте-



Іоанъ Сяѣгурскій.

и ополячены, що пренебрегали русскою
мудростю, называючи ю „хлопскою;“ коли
навѣть русскіи священники уживали
не дома и на проповѣдяхъ въ церкви
въ польскій: сей Епископъ нашъ Сяѣ-
гурскій, майже одинъ и первый зъ Руси-

нѣвъ, не тѣлько завелъ оную „хлопскую“ бесѣду въ своемъ владычѣмъ дворѣ, и говорилъ такъ съ Русинами, якъ и съ чужими не иначе, тѣлько по русски. Онъ то, яко мужъ высоко образованный и наичестнѣйшого характера, ставши Владыкою, былъ рѣднымъ отцемъ своей страны, добродѣйнымъ опѣкуномъ русскихъ сирѣтъ, щедрымъ покровителемъ всѣхъ убогихъ безъ розличія народности и вѣроисповѣданія. Для блага своего народа онъ изъ власныхъ средствъ основалъ въ Перемышляхъ печатню, институтъ для воспитанья дяковъ, выдавалъ за житія завѣщалъ передъ смертію значительныя суммы на благотѣльные фундаціи, являющія и до нынѣ подъ его именемъ въ Перемышляхъ для Русинѣвъ существуютъ. Словомъ, былъ то Владыка справдѣ по сердцу русского народа, и Русь наша и до сего всегда съ благодарностію вспоминаетъ его и доброго Цѣсаря Франца I., который такъ дѣльного русского мужа въ Епископы Русинамъ поставилъ.

Изъ всего выше сказаного можемъ безперечно заключити, що цѣлое 43-лѣтнее владѣніе Цѣсаря Франца I. было для нашей русской отчины счастливымъ, ибо, пробужденны разъ изъ томительнаго сна, подъ могущею охороною ласки справедливости того Монарха, постепенно двигались впередъ до новаго народного житія.

Свидѣтельствомъ твоей любви и преданности, якую приобрѣлъ собѣ Цѣсарь Францъ I. у русскаго народа, осталъ на милую память прекрасный стихъ составленный нашимъ знакомитымъ пѣвцемъ Маркіаномъ Шашкевичемъ по случаю 40-лѣтняго владѣнія того же Монарха. Хорошій и въ русско-народномъ духу написанный стихъ твой есть первымъ поэтическимъ трудомъ того нашего народнаго пѣвца, есть и первымъ литературнымъ плодомъ въ часѣ духового возрожденія нашего, который, можна сказать, розбудилъ русскую словесность ътъ глубокаго сна до новой жизни. Мы же и заключаемъ тутъ нашу згадку о добромъ Цѣсарѣ Францу I. наведеніемъ того допотопнаго стиха, который звучитъ такъ:

Що то за краса всѣмъ цвѣтомъ зацвила?

Чи солнце ясне зъ-пѣдъ небесъ ступило?

Чи небо звѣзды на землю спустило?

Чи зоря ранкомъ землевъ ся розпыла?

Не солнце, не звѣзды, не ясна зоря то,

Народы велике днесъ святкують свито!

Куда мѣръ веселый такъ прикванно скорить?

Въ одеждахъ сваточныхъ всякій ся являє?

Чи труба ангела свѣтъ на судъ скликае?

Чи Божіи вѣщій князямъ пѣсни творить?

Не пѣсни Божіа, не труба ангела,

Усерднѣ подика въ храмъ народы звела

Що то за голосъ свѣтомъ-сь розлягае?

Чи ангеловъ пѣнье плагне воздухами?

Чи чудными море грае голосами?
 Чи соловій-птиця весну розвивае?
 Не ангели, не птиця пісень чудну творить,
 Народы усердно молитву говорять.

Мудросте вѣчна, доброто прекрасна!
 Що зъ вѣка водишь свѣты воздухами,
 Що ублажаешь народы Царями,
 Съ котрыми весь родъ, вся сторона счасна:
 Милости безконечна! Ты жерело свѣта!
 Ще Царемъ Францомъ въ многи гѣшь насъ зна.

По смерти Императора Франца I. ставъ
 царствовать надъ Австрією старшій сынъ
 его.

Фердинандъ Благій.

(1835—1848).

Не далеки то еще времена, якъ цар-
 ствовалъ сей добротливый, великодушный
 Монархъ Фердинандъ Благій, и
 днесъ живутъ еще mezi нами свидѣтель
 его житья и дѣлъ, и ти розказуютъ
 намъ самы о его любви къ челоувѣчеству,
 о милосердіи и щедрости его для нищихъ,
 о его печаливости для блага церкви и
 просвѣщенія народѣвъ. Не стало бы мѣстця
 розказати тутъ, скѣлько то создалось
 церковей за его стараньемъ, скѣлько ихъ
 приукрасилось дорогими церковными утвар-
 ями зъ его ласки, скѣлько основалось
 школъ его заботами, скѣлько то слезъ
 нищихъ вдовъ и сиротъ отерла добро-
 тливая и щедрая рука. Изъ всѣхъ же
 свѣтлыхъ дней царствованья Фердинанда

наславнѣйшій безъ сомнѣнія день
го Мая 1848 г., въ которомъ то дни
тъ довершилъ мѣру своихъ благодѣяній
сплелъ собѣ неувядаемый вѣнецъ сла-



Фердинандъ Благій.

г; той бо день — се день, въ которомъ
тъ сломилъ отвѣчныя оковы народѣвъ,
вбилъ пута той долголѣтней неволѣ,
якой земледѣльческій народъ мовѣ

скотина въ ярмѣ тяжело стогналъ и ни комъ лишь при черной работѣ рясны слезами заливался. То день, въ которъ онъ, Найяснѣйшій Императоръ, памятуя грамотою своею скасовалъ панщину — Въ м. Мартѣ 1848 г. надалъ Царь Фердинандъ всѣмъ народамъ Австрійской конституцію, установилъ, что всѣ вѣдныя даны его мають выбирать въ-помощь себе свободными голосами послѣдователей, которые собрались въ Вѣднѣ, совокупно заботились о надѣ добромъ своихъ народѣвъ, и о задоволеніи потребъ и прекращеніи нужды ихъ. Въ Радѣ той, названой „нашю державною“, засѣло тогда 32 послѣднихъ русскихъ изъ Галичины, и они то, повѣдаючи горячіи желанія народа своего, промовляли въ защитѣ его и требовали, чтобы для добра и по́днесенья людей отъ варварскаго запусьтня конечно знепанщину. И промовляли наши послы даромъ; вскорѣ бо издалъ милостивый Императоръ Фердинандъ патентъ, въ которомъ было сказано, что отъ 3-го русского Мая 1848 г. зносятся всѣ панщинныя работы и всякіи другіи панщинныя обязанности! И вотъ, коли приспѣло вѣчно-памятное утро 3-го русского Мая, миліоны сердець затрепетали, унесеныю одною невысказанною радостію; изъ грудонѣвъ сердець вырывался голосъ, звучащійся въ одну молитву сердечнаго благодаренія. А чтобы повзяти нов

кій былъ того дня восторгъ радости въ
 ердцахъ Русинѣвъ, торжествовавшихъ
 ей день знесенія неволѣ, наведемъ тутъ
 новъ одну русскую пѣсню, составленную
 по тому поводу знакомитымъ русскимъ
 гѣвцемъ Николаемъ Устіяновичемъ. Вотъ
 та его славная пѣсня, достойная также
 написанною быти въ русскаго народа и-
 сторіи:

Заполнило небо докола:
 Чи то Великденъ сіяе?
 Нѣ, то Царь милый зъ своего престола
 Кайданы зъ Руси звимае.

На третій Мая правду прислали,
 Правду отъичну святую;
 Третёго Мая Бескида скалы
 Заграли радость новую.

Зашуми Дикстре, загреми Сяне!
 Заграйте крѣшко въ походѣ!
 Днесъ третій Мая, днесъ Галичане
 Праздникъ святкують свободѣ!

Пырели жезта, спали оковы,
 Свободна русска долоня,
 Свободный воздухъ, воды, ярове,
 Свободны нивы, болоня.

Гей братья! землю цѣлуймо нивѣ!
 До груди скибу притиснѣмъ!
 Зъ русскаго сердца, русскаго родинѣ
 Пѣсню свободы загудѣмъ!

*Тешеръ то мило за плугъ хопити,
 Гузати по нивѣ съ косою,*

Теперь то мило край боронити,
Сзавочку Австрии въ бою!

А где жь Ты, Царю-батьску нашъ милый,
Розьёмче черной неволи!
Глазъ, якъ ликуе Галичъ счастливый,
То Ты зорею сей доли!

Доюки воды павугъ Дунаю,
Доку въ русской пѣсни ще грому,
Имать гремѣти третѣго Мая
Пѣснь Фердинанду Благому.

Тое стихотвореніе, то найотчетливѣшій толкователь восхищенія и радости нашей русской землѣ въ день праздника наданой свободы, то разомъ и найкрасивѣшій гимнъ похвальный, якимъ Русь-мать восхвалила великого Монарха и Благотеля своего. Отъ того часу каждого года день 3-го Мая — то нашъ великій народный праздникъ свободы, на которомъ Русь въ церквахъ своихъ заноситъ горячіи молитвы передъ престолъ Всевышняго, молитвы благодаренія за высвобожденіе отъ вѣкового ига панщины и литву за упокой души того праведника который по внушенію Божому ига сильною своею рукою на всегда перемилъ.

Но якъ ни добротливое было сердце Цѣсаря Фердинанда безъ пзятія дивныхъ народѣвъ, надъ которыми онъ былъ поставленъ Императоромъ, то таки несправедливо было много горя отъ тыхъ же акц

которые онъ самыя благодѣянія съ-
 . Онъ испыталъ на собѣ истину по-
 орки той, що „неблагодарность есть
 родою сего міра“. Ото въ самъ той
 , коли отцѣвская его рука высила-
 въ добротѣ, т. е. въ р. 1848, стали
 говатись противъ австрійскаго прави-
 ства его Италиане, Венгры, Поляки,
 же и самы Нѣмцѣ. Въ томъ роцѣ
 нужденъ былъ Цѣсарь Фердинандъ
 ти вѣйну въ Итали. Въ вѣйнѣ той
 вадилъ нашу армію извѣстный, вели-
 славы маршалъ Радецкій, а пѣдъ его
 альствомъ боролись якъ львы наши
 скии полки, окрывали славою австрій-
 е оружіе и тѣмъ заявили честно свою
 одарность и привязанность къ сво-
 Монарху. Многимъ изъ насъ па-
 ны до днесъ битвы пѣдъ Мадженною,
 енцою, Кустоцою, пѣдъ Новарою и
 , где богатырскии русскии воины съ
 ою армією здобыли собѣ неувядаемыи
 ры. Цѣсарь Фердинандъ Благій, убѣж-
 въ о той непоколебимой вѣрности на-
 русского для себе, ѡтдавалъ ему
 ною мѣрою свою царскую милость,
 илъ его надъ всѣ народы а отзы-
 я о Русинахъ всегда любовно слова-
 „мой вѣрныи Русины“. Коли же въ
 омъ Вѣдни началась ворохобня про-
 цѣсарскаго престола, то добрый
 цархъ сей тяжко болѣлъ сердцемъ о
 невдѣчности своихъ Вѣденчикоувъ.

неразь ставалъ безпокойнымъ, и только тогда уважалъ себе безпечнымъ, коли узнавалъ, що въ царскомъ дворѣ его русскій полкъ держитъ стражу. Непокои и бунты продолжались еще и тогда коли добросердный Монархъ, здѣлавши все, що только владѣтель въ любви и добротѣ своей народамъ своимъ здѣлати може, оставилъ съ горечию въ сердцѣ своѣй престольный городъ Вѣдень, выѣхалъ въ м. Октябрѣ 1848 г. до Оломуца, а желаючи собѣ въ покою доживати своихъ преклонныхъ лѣтъ, зложилъ корону, и отдалъ правленіе державы молодымъ рукамъ своего братанка, милостиво царствующего намъ днесъ Францъ-Іосифа I. Отъ того часу Цѣсарь Фердинандъ жилъ спокѣйно въ Празѣ, не переставучи въ своемъ челоуѣколюбіи творити народамъ премногиа благодѣянія, особливо же надѣляючи многи русскіи церкви въ Галичинѣ щедрыми дарами въ грошахъ. Благодарны сердца подданныхъ назвали его „Добротливымъ“ или „Благимъ“, и воспоминають и на вѣки воспоминати будутъ его имя съ честию и благодарностию.

Годъ 1848 яко годъ возрожденія Галицкой Руси. — Григорій Яхимовичъ.

Годъ 1848 становить въ исторіи нашего отечества, а именно въ австрійскомъ ей періодѣ великую и важную виллю, въ немъ бо наступилъ рѣшительный переломъ въ нашей народной жизни, сдѣлался наглый переходъ отъ лихой минувшости до лучшей будущности. Въ томъ годѣ не только что уничтожена злопамятная павщина, но кромѣ того надана намъ конституція — рѣвноуправненіе, т. е. надана намъ полная свобода стати народомъ русскимъ съ такими самыми природными и историчными правами, якии и другимъ народамъ прислушаютъ. Опираючись на томъ оголошеніи рѣвноуправненію всѣхъ народѣвъ, научены исторією минувшости, поучивъ о насъ, чтобы не сподѣватись намъ отъ обратель Полякѣвъ въ Галичинѣ ніякихъ ступствъ для русской народности, двинулись тогда наши Русины и рѣшилися ганути самы за себе, а для осягненія си сѣли основали во Львовѣ политическое общество подъ названіемъ „Народная Русская Рада“. На челѣ общества того стануль великій патриотъ, неустрашимый борець за права Руси, Владыка Григорій Яхимовичъ, который зъ ои поры сталъ истиннымъ отцемъ на-

шого галицко-русского отечества. Задачею „Русской Рады“ было: защищать права русского народа въ Галиціи посредствомъ петицій, меморандовъ и публичныхъ писемъ, зарѣвно якъ и черезъ вліяніе на выборы до конституційныхъ репрезентацій, а вразъ же всякими правными способами, особенно просвѣщеніемъ подносить благосостояніе русского народа. Первымъ дѣломъ Львовской „Русской Рады“ было отозваться по цѣлой Галицкой Руси громкимъ русскимъ голосомъ, разбудить цѣлую Русь эъ долгого томительного сна и воззвать, дабы всегда по повѣтамъ Русины по образу Львовской завязовали повѣтovyи Русскіи Рады. И въ самомъ дѣлѣ проявился повсюду оживленный здвигъ русского патріотизма: по большимъ городамъ, якъ въ Перемышли, Станиславовѣ, Коломыи т. д. собирався громадно русскій народъ, организовалъ повѣтovyи Рады подъ нимъ русскимъ знаменемъ. Русская жизнь закипѣла широкими струями; свободы загудѣла всюда русская пѣснь; кругомъ по Руси разносились патріотичныи русскіи пѣнія: „Миръ вамъ, братья, всѣмъ приносимъ!“ — „Счасть намъ, Боже, счастье намъ, счастье!“ и порывали за собою тысячи сердець, побуждали ихъ до самопознанія, загрѣвали въ нихъ теплыи чувства любви своей отчины. И взялись Русины рука за руку користати изъ да-

имъ конституціею свободы, и одни носили требованія о народныи права едѣ высокимъ правительствомъ, друванялись прилѣжно дѣломъ просвѣія народа, а всѣ вразъ подвигались ивно къ тому, чтобы доставити народу ше своихъ питомыхъ просвѣтителей щитникѡвъ. Увѣрены въ томъ, що ко черезъ просвѣщеніе приходится иначенья и добра, стали Русины щиро дитись на поли науки, стали закла и по селамъ школы, а въ школахъ ѣ находящихся пѡдъ досмотромъ рускѣ консисторій, заведено по роспоряью властей русскій языкъ. А „Руск Рада“ постаралась, що во всѣхъ назіяхъ восточной Галичины имено о професорѡвъ для руссого языка и щкихъ катихитѡвъ для науки религіи. меньше и въ урядахъ найшолъ при ить языкъ русскій; свободно стало пи и всякіи поданья по русски, и ѡтъ у никѡвъ вымагалось знаніе того языка. а то для Руси нашей великая благо ѡ — се здобытіе природныхъ правъ скому языку въ школахъ и урядахъ: року бо 1848 тая Русь наша въ выс ить слояхъ народа своего была уже вно ополячена, ба, доходило и до того, кромѣ сельсого народа майже никто ыше уже не говорилъ по русски, на ѣ въ церквахъ русскихъ говорено ьскіи проповѣди. Въ тыхъ то выс-

шихъ слояхъ нашего общества не слышно тогда было русскаго слова, не выдаю русской книжки, бо почутье своего роднаго слова задремало подъ могучимъ вліяніемъ польщины, а даже соромомъ стало называтись Русиномъ. Ледви на 10 лѣтъ передъ конституціею 1848 г. начали разбуджати русскаго духа во Львовѣ молоды поэты-писатели наши, якъ Маріянъ Шашкевичъ, Николай Устіяновичъ и Яковъ Головацкій, а въ Перемышлѣ Епископъ Свѣгурскій и другіи патриоты, якъ Феодоръ Лукашевскій, Ома Полянскій, Антоній Добрянскій и прч. Поволо давалось слышати русское слово, начали появлятись дробныи стихи и книжки русскіи. Коли же насталь годъ 1848, а съ нимъ и общій переломъ въ народной жизни, принялись патриоты наши всѣми силами поднимати словесность русскую и черезъ тую выдвигати изъ темноты русскій народъ. Въ той цѣли основано во Львовѣ науковое общество „Галицко-русскую Матицю“, общество, которое яко печаливая мати должно было удержовати Русинѡвъ въ неутомимомъ трудѣ для добра своего народа. Общество „Русская Матица“ выдало ѡтъ 1848 року множество духовныхъ трудѡвъ, сочиненій ученыхъ Русинѡвъ, школьныхъ учебникѡвъ и молитвословѡвъ, и до днесъ оно существуете, ис-

олияючи совѣстно заложеную собѣ задачу.

Такъ отже памятный рѣкъ 1848 не только тѣмъ, що розковано въ немъ народъ изъ кайданъ панщины, но и тѣмъ, що со введеніемъ конституціи настало на Галицкой Руси совершенное возрожденіе народности русской, що той годъ розколъ насъ и ѳтъ другихъ, не меньше тяжкихъ путь духовной темноты и невѣжества. Засіяла на нашомъ небосклонѣ чудная звѣзда народного просвѣщенія, которая зъ-начала маленька, взмагалась съ каждымъ рокомъ въ своемъ свѣтлѣ и несъ стоитъ надъ нами въ такомъ блескѣ и просвѣтила насъ уже до той степени, що нынѣ наши высшіи сословія народа уже не сорамятся своей русской народности, и що всѣ мы нынѣ съ гордістю величаемся быти Русинами.

Въ той свѣтлой хвилі исторіи нашего отечества не спалъ однакожь такъ и духъ непріязни противъ насъ, а тощалося все еще на новыи подвиги. Такъ уже въ самомъ началѣ конституційного устроенія Австріи, коли Русины могли наконецъ дожидатись лучшихъ времъ для своей народности и своей Церкви стали Поляки оспорювати наши надно-политичныи права и заперечати и права, особливо пѳдъ взглядомъ приавія нашего русского языка. Возрожденіе Галицкой Руси, введеніе русского

языка въ школахъ и урядахъ пришло имъ не до смаку, бо то ставало переполною до дальшого ополчованья Русинѣвъ. И затѣмъ продолжалась далѣй завантая борьба двохъ славянскихъ племенъ: Поляки стали кричати и обвиняти Русинѣвъ о прихильность до Москвы и до православія; представляли правительству движенія Русинѣвъ и розвѣй русского языка яко опасныи для державы; трудились и надъ тѣмъ, щобы зъогидити, вбѣчестити всякіи подвиги патріотѣвъ русскихъ, а тыхъ, которыи не боялись стати отверто до защиты русского народного прапора, прозывали съ пренебреженіемъ „святоюрцями, борителями“ и преголосили на нихъ засужденія, упреки, и доносы, ѳтъ якихъ и самы наши Владыки не были свободны. На счастье, ни тѣя ворогованья, ни крутыи мѣры не успѣли уже теперъ вздержати буйного возраста русской жизни; Русь наша, разъ пробужденая, не дала уже выперти себе на давное упослѣдженое становище. Особено теперъ въ р. 1848, коли правительство само въ интересѣ своемъ сиряло Русинамъ и вспирало ихъ народное движеніе, щобы тѣмъ обезсилити стремлѣнія неспокойныхъ политикѣвъ польскихъ, теперъ торжествовала наша правда, и дѣля розвитку русской народности, поднесенію русского духа поступало скоро впередъ. Пѣзднѣйше, коли змѣнились обстоятелства.

ства, коли Полякамъ, присмирѣвшимъ трохи въ своихъ подвигахъ противъ австрійскаго правительства, удалось осягнуть въ нашемъ краю обширную власть автономичную, нашлись Русины въ труднѣйшемъ положенью, оставлены бо были самымъ собѣ, самы собѣ должны были въ тѣлько-що начатомъ дѣлѣ возрожденія своего помагати. Тогда ослабъ на хвилю духъ русскій; но онъ скоро поднесся снову и укрѣнился, заедно поддерживаемый жаркою дѣятельностію вѣрныхъ русскихъ патріотѣвъ, лучшихъ сыновѣ матери Руси.

Въ числѣ тыхъ патріотѣвъ русскихъ занималъ найвысшее становище Митрополитъ-кардиналъ Михаилъ Левицкій, который ставши по Ангеловичу еще въ г. 1815 Митрополитомъ Галицкой Руси, управлялъ, яко такіи верховный достойникъ, дѣлами нашей Церкви за владѣнія трехъ по собѣ слѣдующихъ австрійскихъ Монархѣвъ черезъ 41 лѣтъ честно и ровно ажъ до своей смерти, которая наступила въ г. 1858. Онъ то заслужился для Руси нашей особенно тѣмъ, що не допускаръ латинникамъ перехватывати до себе русскіи души, въ которой то цѣли онъ часто высылалъ къ римскому Папѣ грозныи жалобы противъ польско-латинскаго духовенства, представляючи откровенно, що се душехватство изъ сторуны тогожь дѣется вовсе не для блага

св. вѣры, а едино для зыску, т. е. проба
 латинскѣи, уже и такъ богато выносае-
 ныи парохѣи черезъ захваты русскихъ



Митрополитъ-кардиналъ Михаилъ Левицкѣи.

душъ униатѣвъ еще тѣмъ бѣльше всеи
 двамъ польскимъ приносили доходѣи.
 Кромѣ другихъ немалыхъ заслугъ Митр

левицкого для нашей Руси была
 а зъ наибольшихъ, що онъ до-
 бѣ за помочника въ управитель-
 ковныхъ дѣлѣ великого мужа
 именно Григорія Яхимовича,
 ставши зъ г. 1841 его Суффрага-
 томъ въ р. 1843 именованъ былъ
 омъ Перемышльскимъ, а на-
 кончинѣ Митролита Левицкого
 о наслѣдникомъ на галицко-рус-
 рополи.

рно середъ мужей, которыи при-
 бѣ большее участіе въ томъ часѣ
 о возрожденія, которыи своимъ
 и дѣломъ пробудили Галицкую
 новой жизни, належится неоспо-
 вое мѣстце русскому Владыцѣ,
 ному Батькови Руси, Григорію
 ичу. Онъ то яко твердый и не-
 мый борецъ за права руссого
 яко смѣлый, опытный и изряд-
 вождь народа, велъ своею отцев-
 сою дѣла Руси черезъ 15 лѣтъ
 воей смерти. Еще въ р. 1841, яко
 зъ старенького Митрополита-кар-
 Михаила Левицкого, онъ старал-
 чи упавшому народу своему и
 илъ правительству въ Вѣдни
 гное письмо, въ которомъ обра-
 иманіе тогожъ правительства на
 руссого народа, указуючи на ко-
 ии може имѣти Австрія изъ под-
 народа того до жизни. Коли же

лишь оголошено въ Австрiи конституцій-
ную свободу, онъ стануль немедленно въ



Митрополитъ Григорiй Яхимовичъ.

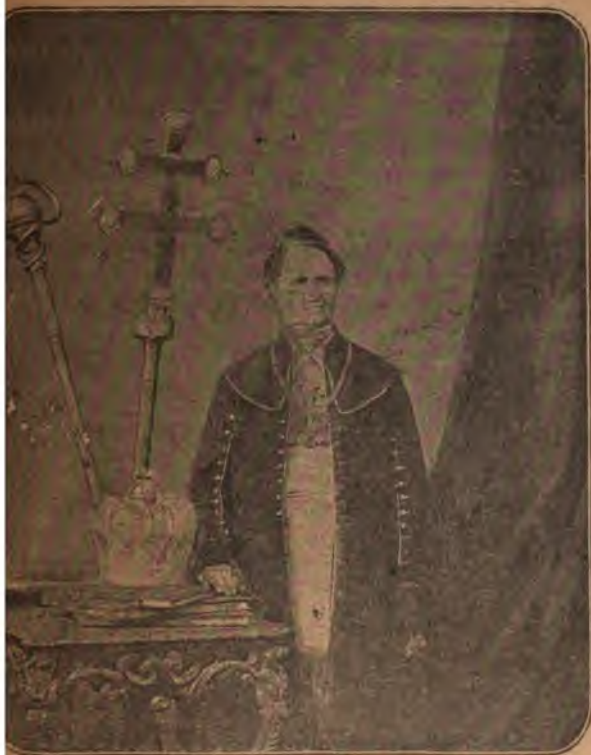
главѣ русскаго движенiя, а прибравши
собѣ помѣчникѣвъ изъ-помежи крыла

шанъ, образованнѣйшихъ духовныхъ и мѣрскихъ людей русскихъ, основалъ выше упомянутую „Народную Русскую Раду,“ которая имѣла отъ теперь промавлати и дѣйствовати въ имени всего народа. Зъ того часу ажъ до своей смерти былъ Яхимовичъ головнымъ дѣятелемъ въ справахъ политичныхъ, церковныхъ и народныхъ нашей Руси. Яко первый достойникъ галицко-русской Церкви, отъ г. 1849 яко Епископъ Перемышльскій, а отъ г. 1860 яко Митрополитъ Галицкій, онъ розвинулъ необыкновенную дѣятельность и разомъ зъ другими патриотами, которыи до него горнулись, отъ него брали примѣръ и поощреніе, управлялъ всѣми важными дѣлами нашей Руси, вступался передъ правительствомъ за народомъ своимъ, побуждалъ Русь до дѣйствованья, загрѣвалъ и одобрялъ всѣхъ словомъ и примѣромъ. Честность, прямота и твердость характера, глубокое образованье, праведность и горячая чистая любовь къ отчинѣ, къ народу своему, дѣлали его здѣбнымъ заступити весь народъ, сотворили его первымъ изъ всѣхъ первѣйшихъ въ новожитной исторіи нашей, здѣлали его любимцемъ народа до того степени, що днесъ еще, коли доходить 30 лѣтъ отъ его смерти, каждое щиро-русское сердце ударяе теплѣйшимъ чувствомъ на самую згадку его имени и одушевляется до любви къ своей Руси,

до полезнаго труда для своего народа. До днесь заховуются явныи слѣды заходѣвъ и трудѣвъ того вожда-труженника и сердечнаго батька нашего; до днесь собирае Галицкая Русь плоды ѳть его дѣйствій, неусыпно все съ одинакою жаркою любовію по́днимаемыхъ нимъ во благо нашей Руси.

Занятый политичными дѣлами Руси и позыскавши за свою праведно́сть великое довѣріе и наибольшое почитанье у австрійскаго правительства, Владыка Яхимовичъ творилъ премного добра въ пользу русской Церкви, посвящаячи ей за всю свою жизнь головное вниманіе. Отношенія бо церковныи находились тогда еще у насъ въ неисправномъ станѣ, именно же въ обряды и богослуженія вкрались зѣ-давна немалыи беспорядки, а запустѣніе и пренебреженіе походило неравъ и ѳть гдеякихъ споляченыхъ или нерадивыхъ слугъ нашей Церкви. Вслѣдствіе того поставилъ собѣ Митрополитъ Яхимовичъ задачею искоренити тое зло, очистити обрядъ и ввести правильность всюда въ богослуженіяхъ. Въ той цѣли составилъ онъ по́дъ своимъ предсѣдательствомъ „обрядовую комисію,“ которая должна была заняться церковными дѣлами. Посередъ прилѣжныхъ трудѣвъ въ комисіи той постигла нашего Батька-Владыку Яхимовича скоропостижная смерть, прекративши всѣ его спаситель-

и для нашей народности и Церкви
 готворныи дѣйствія.



Михаиль Куземскій.

На томъ мѣстци належитъ вспомну-
 еще о одномъ изъ численныхъ тру-
 нникѡвъ русскихъ, который пѡдъ пред-
 цительствомъ Митрополита Яхимовича
 бѣлъ наибѡльшее участіе въ дѣлѣ воз-

рожденія Галицкой Руси, а такимъ именно былъ высокій достойникъ духовный, Михаилъ Куземскій. Яко крыломаннъ Львовской капитулы, былъ онъ въ р. 1848 однимъ зъ головныхъ дѣятелей, которыя пробудили и воздвигнули народъ русскій до жизни. Цѣлый періодъ часу отъ 1848 до 1868 трудился онъ таковыя ревно то на политичномъ, то на духовно-научномъ поли въ пользу своего народа. Въ р. 1868 онъ поставленъ былъ Епископомъ въ Холмъ за-кордономъ, и тогда переселилось съ нимъ въ Россію немалое число здѣбныхъ патріотѣвъ нашихъ. Въ р. 1875, коли Холмская епархія обращена была на православіе, вернулъ Михаилъ Куземскій назадъ до Галичины и отдался тутъ тихому труду для добра Галицкой Руси ажъ до своей смерти, котора послѣдовала въ р. 1879.

Цѣсарь Францъ-Іосифъ I.

Середъ тяжкихъ обстоятельствъ обвинялъ управление державою теперѣшній нашъ Монархъ Францъ-Іосифъ I. Въ цѣлой державѣ розгорѣлись великіи несопои и революціи. Збунтовались Мадяре и выперли зъ Угоръ австрійскіи войска; въ Италиі населеніе Ломбардиі и Венеціи поднесло оружіе; австрійскіи Нѣмцы, съ изытіемъ Тирольцѣвъ, задумали оторва-



Цѣсарь Францъ-Юсифъ I.

гисъ изъ связи австрійской державы и
соединились съ нѣмецкою Пруссією; Чехи

затребовали отдѣльнаго королевства, Поляки же держали одну руку съ Мадярами и стали подвигаться въ цѣли восстановленія Польши. Вѣрными Габсбургскому Дому остались только народъ галицко-русскій и его русскіи полки, къ тому и Хорваты и нѣкоторыя Нѣмцы (въ Тироле, въ Стыріи и Семиградѣ). Въ виду того найшолся молодой Монархъ въ затрудительномъ положеніи, изъ котораго вывелъ Богъ и вѣрныи подданыи, межи которыми мы Русины первое занимали мѣстце. Напередъ упорался Цѣсарь Франць-Іосифъ I. съ Италіянцами, а вслѣдъ затѣмъ усмирить и мадарскій мятежъ при помочи Россіи, такъ, що съ концемъ 1849 года восстановленъ былъ миръ въ цѣлой державѣ.

Полную преданность, якую заявили Галицкіи Русины въ тыхъ бурныхъ хвляхъ, оцѣнилъ Цѣсарь Франць-Іосифъ I. и его правительство, выдавши роспоряженія, мающіи на цѣли по́днесеніе русской народности. Въ урядовыхъ грамотахъ той поры называно Русинѡвъ „найвѣрѣйшими по́ддаными Австріи“ и величано ихъ крѣпкую вѣрность для владычюго цѣсарскаго дому. Тогда то, по счастливо укѡнченной вѡйнѣ съ збунтованными Италіянами въ р. 1849, где русскіи полки по́дъ начальствомъ славнаго Радецкаго чуда богатырства доказали, прислала мати нашего Монарха Франць-Іо-

фа I., Архикнягиня Софія, въ память
 его богатѣйства нашихъ воинѣвъ, Руси-
 намъ во Львовѣ дорогоцѣнную хоругвь
 съ шолковыми лентами, богато серебромъ
 инкрустированными власною ея рукою и вразѣ
 съ надписомъ: „Вѣрность веде до по-
 бѣды, 1849.“ Тая то хоругвь, неоцѣни-
 мая памятка признательности найяснѣй-
 шаго монаршого дому за вѣрность
 ему же Галицкихъ Русинѣвъ, сохраняетъ
 и нынѣ всецѣло въ русскомъ „Народ-
 номъ Домѣ“ во Львовѣ. — Найкрасшимъ
 доказательствомъ монаршой ласки изъ
 тѣхъ временъ состоитъ онъ то велича-
 вый „Народный Домъ“ во Львовѣ.
 Если бо въ 1848 р. возникла во Львовѣ
 новъ польская рухавка и австрійскій вой-
 ска, бомбардуючи той городъ, разбили
 гардію народову польску, тогда при-
 шломъ острѣлюванью города загорѣлъ и
 разрушился великій будынокъ, въ кото-
 ромъ номѣщалась цѣсарская академія.
 Руины изъ того будынка и пространную
 площадь его даровалъ милостивый мо-
 нархъ Русинамъ, а Русины скорыстали
 въ того дару, якъ лучше не можна, бо
 остановили на томъ мѣстци создати ве-
 ликій „Народный Домъ“ и „вторую го-
 родскую церковь.“ Завозвано весь на-
 родъ до добровольныхъ складокъ и съ
 ними складками приступлено до будова-
 нья тыхъ зданій. Въ р. 1851 зѣѣхалъ
 въ Львова самъ Монархъ Францъ-

Иосифъ I., и онъ то власною рукою положилъ краеугольный камень подъ „Народный Домъ“ въ присутствіи Епископовъ Яхимовича и Бохенского, найвысшихъ достойниковъ краю и неизчислимого множества народа. На тую то будову Найяснѣйшій Монархъ приказалъ выдать изъ лотерійной касы два разы по 30.000 злр. Тая ласка монарша заохотила всѣхъ русскихъ жителей Галичины до жертвы: каждый Русинъ считалъ своимъ обовязкомъ причинитись якою-нибудь лептою, а зъ лептъ тыхъ стануль до кѣлькихъ дѣтъ величавый будынокъ, въ которомъ помѣщена народна бібліотека, русскія школы, бурса для убогихъ русскихъ учениковъ, къ тому въ томъ же будынку собираются патриоты изъ Львова, якъ и зъ цѣлой Галицкой Руси будь на раду, на вѣча, будь на общественныя собранія или на забавы. Въ недалгомъ часѣ стане уже окончена и постройка второго зданія, т. е. второ-городской церкви, которая стоячи побѣчь „Народного Дома,“ долгія вѣки буде разомъ съ тыми свидѣтельствами такъ о ласцѣ Монарха для русскаго народа, якъ и о вѣрности народа того къ Габсбургскому владѣющему Дому.

Доброе росположенъе Цѣсаря Францъ-Иосифа I. и благосклонность его къ русскому народу объявилъ сей Монархъ и тѣмъ, що по его милости введено русскій языкъ яко преподавательный въ

кѣлькохъ середнихъ школахъ; що головныи русско-народныи школы ѳдданы были и состояли якійсь часъ пѳдъ досмотрѣмъ русскихъ консисторій; що и на всеучилищи учреждено русскіи преподаванія пастырского богословія и катихитики, а также преподаванія русской словесности и языка русского. И поодинокіи, найславнѣйшіи тогда достойники Руси не уйшли отъ вниманія Монарха, а были ѳтъ него по своимъ заслугамъ честно отличены. Въ р. 1856 именоваль ѳнъ тогдашного Митрополита Михаила Левицкого Примасомъ, т. е. Первопрестольнымъ Владыкою въ Галиціи и Володиміріи, а коли того же року Папа римскій Пій ІХ. вынесъ тогоже Митрополита Левицкого на найвысшее достоинство Кардинала, тогда выслалъ нашъ добрый Монархъ ѳтъ себе Архіепископа князя Шварценберга въ Львовъ, щобы той въ его имени присутствовалъ при торжествѣ введенія нашего Митрополита на новое достоинство. Одновременно отличилъ Цѣсарь Францъ-Іосифъ І. и другихъ заслуженныхъ мужей якъ Епископа Григорія Яхимовича, которого надѣлилъ высокимъ орденомъ и титуломъ Барона, а другихъ мѣрскихъ и духовныхъ достойникѳвъ почтилъ то орденами, то золотыми или серебряными медалями. Зъ того времени черезъ цѣлый часъ владѣнія своего по нынѣшній день не забывает милостиво царствующій

и доказуе вс
Политич
свѣтлымъ он
го оно обѣц
лось не въ на
первой десят
туціи против
много здѣлат
внушити прав
росту русской
предовсѣмъ на
межити его въ
корысть польско
вышло уже рос
русскіи письма до
латинскими буквам
бо уже въ р. 1861
Монархъ тое неспр
нѣ и постановилъ,
уряды при всѣхъ р
жалобахъ вели пер
языцѣ

а щобы удоволити еще народонаселенію Угорщины, оголошено новую конституцію. Конституція тая зъ р. 1860 и пѣзднѣйшіи постановленья цѣсарскіи зъ р. 1861 и 1873 надали австрійской державѣ значно змѣненную форму, которая нынѣ такъ представляется: Власть законодательную исполняе Монархъ за соучастіемъ Думы державной и краевыхъ соймѣвъ. Цѣлая Монархія дѣлится на двѣ половины: на краѣ, репрезентованыи въ „Думѣ державной“ или такъ званую „Передлитавію,“ и на „краи короны угорской“ т. е. такъ звану „Залитавію.“ Каждая изъ тыхъ половиныхъ распадается на краи коронныи, которыи составляютъ отдѣльную политичную цѣлость: Австрію и Угорщину. Обѣ половины суть якъ-бы самостоятельными державами и самы окремо управляются, а разомъ залагоджують тѣлько вѣкоторыи дѣла, якъ дѣла военныи и справы заграничныи. Каждая зъ обохъ половиныхъ монархіи имѣе свои окремыи министерства и окремыи высшіи репрезентаціи, т. е. Думу державную въ Вѣдни и Соймѣ угорскій въ Пештѣ, съ которыми установляе Монархъ законы и которыи укладають счетаи приходѣвъ и расходѣвъ. Репрезентація Передлитавіи, т. е. Дума державная, состоитъ такъ, якъ Соймѣ угорскій, изъ палаты панѣвъ и палаты послѣвъ. До палаты панѣвъ входятъ въ неозначенномъ

первой инстанціи суть суды по-
дольскій, окружныи и два суды краевыи,
Львовъ и въ Краковѣ; судами другой
инстанціи суть высшіи суды краевыи во
Львовѣ и Краковѣ, а третьею и найвыс-
шею инстанціею есть судъ касаційный
(найвысшій трибуналь) въ Вѣдни.

Найвысшею автономичною властію
въ поодинокихъ краяхъ державы суть
краевыи соймы. Нашъ галицкій соймъ,
становленный для восточной и западной
галичины, еще до того и съ польскою
властію Кракова, собирается во Львовѣ,
состоить изъ 151 членовъ, межи кото-
рыми есть 10 съ голосомъ вирильнымъ,
141 избранныхъ черезъ народъ на 6
лѣтъ, изъ которыхъ припадае на мень-
шіи посѣлости 74 пословъ. На челѣ сой-
ма стоитъ именованный черезъ Цѣсаря
аршалъ краевый и заступникъ марша-
ла. Кругъ дѣйствій сойма есть законода-
тельный, также администраційный и над-
зорный. Власть законодательную въ
правахъ, относящихся до края, испол-
няетъ соймъ за подтверженіемъ цѣсарскимъ.
Съ законы, о скѣлько они относятся до
какого края, требуютъ до важности при-
воленія относительного сойма. Соймъ
дѣлае дѣла краевого просвѣщенія, дѣла,
относящіися до бюджету и имѣнія кра-
евого, а при рѣшеніяхъ, повзятыхъ че-
резъ думу державную, въ дѣлахъ гро-
мадскихъ, школьныхъ, церковныхъ и пр.

числѣ члены высокаго роду и звани, якъ архикнязѣ и представителѣ магнатѣвъ, архіепископы и заслуженныи достойники, именованы на такихъ членѣвъ Монархомъ. Палата же послѣвъ состоитъ изъ 353 депутатѣвъ, которыи свободными голосами выбираютъ въ коронныхъ краяхъ на 6 лѣтъ. До той палаты высылае Галичина 63 послѣвъ межѣ ними 27 изъ группы сельской. До важности новаго закона потребно есть согласіе обохъ палатъ, а затвержденіе (санкція) каждаго закона прислугуе Монархови.

Въ справахъ общихъ обомъ половинамъ монархіи именуе Монархъ окремыхъ вспѣльныхъ министрѣвъ, а Дума державна и Соймъ угорскій исполняютъ въ тыхъ вспѣльныхъ справахъ власть законодательну и контрольную посредствомъ избранныхъ изъ-середъ себе делегацій.

Въ каждомъ изъ поодинокихъ краѣвъ коронныхъ Передлитави, а затѣмъ и въ Галичинѣ, лагодятъ нѣкоторыи sprawy власти правительственныи, зависимы ѳтъ министерствъ, а другіи sprawy ѳтданы властямъ автономичнымъ, избраннымъ черезъ народъ. Власти правительственныи роздѣлены на судебныи и политичныи; краемъ управяе намѣстничество съ пѣдчиненными собѣ повѣтовыми староствами. Вымѣреніе справедливости повѣрено властямъ судейскимъ.

Судами первой инстанціи суть суды повѣтовые, окружныи и два суды краевыи, во Львовѣ и въ Краковѣ; судами другой инстанціи суть высшіи суды краевыи во Львовѣ и Краковѣ, а третьею и найвысшою инстанціею есть судъ касаціиный (найвысшій трибуналъ) въ Вѣднѣ.

Найвысшою автономичною властію въ поодинокихъ краяхъ державы суть краевыи соймы. Нашъ галицкій соймъ, установленный для восточной и западной Галичины, еще до того и съ польскою областію Кракова, собирается во Львовѣ, а состоитъ изъ 151 членовъ, межи которыми есть 10 съ голосомъ вирильнымъ, а 141 избранныхъ черезъ народъ на 6 лѣтъ, изъ которыхъ припадае на меньшіи посѣлости 74 послбовъ. На челѣ сойма стоитъ именованный черезъ Цѣсаря маршалъ краевый и заступникъ маршала. Кругъ дѣйствій сойма есть законодательный, также администраціиный и надзирательный. Власть законодательную въ справахъ, относящихся до краю, исполняе соймъ за подтвержденіемъ цѣсарскимъ. Всѣ законы, о скѣлько они ѳтносятся до якого краю, потребуютъ до важности призволенья относительного сойма. Соймъ рѣшае дѣла краевого просвѣщенья, дѣла, относящіися до бюджету и имѣнія краевого, а при рѣшеніяхъ, повзятыхъ черезъ думу державную, въ дѣлахъ громадскихъ, школьныхъ, церковныхъ и пр.

Соймъ має право дѣлати представлезы и внесенія о выданью законѣвъ общедержавныхъ, якихъ вымагають добро и потребы краю.

Власть администраційну и контрольну исполняе Соймъ черезъ Выдѣлъ краевый, который состоитъ у насъ изъ 5 членѣвъ и стѣлько же заступникѣвъ, выбранныхъ изъ членѣвъ сойма. Выдѣлъ краевый урядуетъ безпрерывно пѣдъ предсѣдательствомъ краевого маршала. Выдѣлу краевому пѣдчинены суть повѣтовьи репрезентаціи, т. е. Рады повѣтовьи и выдѣлы повѣтовьи, которые надзирають мають надъ громадами и обшарами двѣрскими.

Вотъ такую свободу самоуправства надалъ Цѣсарь Франць-Юсифъ I. народамъ своимъ, щобы они могли усиѣшно розвиватись и поступати на дорозѣ просвѣщенія и благобыта. Съ жалѣмъ однакъ должны мы тутъ замѣтити, що мы Русины изъ свободы той мало користати можемъ. Съ введеніемъ бо новой формы конституційной дѣйшли въ Галичинѣ Поляки до верховодства, до полного владѣнія. Скликано Соймъ краевый, а въ Соймѣ томъ на подставѣ ординаціи выборовой, користной якъ наибѣльше для панѣвъ, получили Поляки значительную перевагу. Неусыпной дѣятельности Митрополита Яхимовича удалось вправдѣ въ р. 1861 черезъ доброе переведенье

выборѣвъ доставити до того Сейма 48 русскихъ послѣвъ, т. е. наибольшое число, якого Русинамъ послѣ некорыстной для нихъ ординаціи выборчой достигнати возможно, а которое то число все таки супротивъ польского составляло въ ономъ Сеймѣ лише меньшость. Однакожь и тая меньшость еще зменьшилась въ сей-часъ при слѣдующихъ выборахъ; Поляки бо, употребляючи всевозможныхъ способѣвъ вліянія на выборцѣвъ, не допускали русскихъ кандидатѣвъ на послѣвъ, народъ же не былъ и къ сожалѣнію навѣтъ до нынѣ не есть просвѣщенъ еще на стѣлько, щобы зъумѣлъ избрати собѣ заступникѣвъ, якихъ ему потребно. Дѣйшло до того, що въ передъ-послѣдней каденціи имѣлъ русскій народъ въ соймѣ всего ино 7 своихъ заступникѣвъ, а въ Вѣднѣ въ Думѣ державной ледво трехъ. При такомъ составѣ галицкого Сейма рѣшаются тамъ такіи уставы, якіи лишь большинству его суть выгодны, при чемъ не обращается ніякого вниманія на потребности и желанія русского народа. Основные законы, запоручающіи намъ рѣвныи права съ другими народами державы, то — якъ писано было въ одной галицко-русской газетѣ — „то великая и полная миска на столѣ: другіи засѣли вокругъ ней, ѣдятъ на всю губу, а у насъ ложка есть, и поѣлось бы со вкусомъ, но не ма где сѣсти, бо розсѣлись тамъ-тѣ

широко"... И въ самомъ дѣлѣ, коли поглянешь днешь на нашу Галичину, то здается тобѣ, що ты въ чисто польскѣмъ краю: Соймъ польскій, выдѣлъ краевый польскій, рады повѣстовыи польскіи, школы майже всюда польскіи а ели тии и суть где и русскіи, то съ польскими учителями; фонды краевыи идуть ино на польскіи цѣли, а Русинамъ дадутъ хиба ѳтченнаго пару крайцарѣвъ. Если якій Русинъ хоче добитись высшаго становища чи то въ урядѣ, чи въ школѣ, и спокѣино на немъ сидѣти, то не свободно ему явно признаватись, що ѳнъ Русинъ, а тѣмъ меньше выступати въ справахъ русско-народныхъ, бо иначе окричанъ буде за Москаля, здѣлають его политично подозрѣннымъ, и пропала его карьера. Черезъ великую перевагу Полякѣвъ въ галицко-краевомъ Соймѣ, мы яко бы ѳтданы въ нашомъ краю на ласку Полякѣвъ. Изъ ласки той заведено въ р. 1866 польскій языкъ выкладовый въ середныхъ школахъ; зъ ласки той роздѣлено насъ на два таборы; зъ ласки той наслано намъ въ р. 1881 Змартвых-встанцѣвъ, которыхъ мимо сильныхъ и горячихъ протестѣвъ русскихъ заступникѣвъ въ Соймѣ поддерживает Соймъ переважно русскими фондами; зъ ласки той ѳтдано въ р. 1882 наши монастыри Василіянскіи въ зарядъ Езунтамъ, и всякїи супротивленія изъ стороны цѣлого русскаго народа въ дѣлѣ томъ остави безъ

наименьшого успѣха; зъ ласки той за-
 прещено намъ въ 1887 г. ставити въ
 краю нашѣмъ русскіи трираменны кресты,
 хотя впрочемъ и самъ святѣйшій
 Папа римскій въ той самой буллѣ при-
 зналъ тымъ же рѣвную съ другими хри-
 стіанскими крестами честь и святость.
 А еще-жь и зъ ласки такъ той же самой,
 якъ и зъ ласки всякихъ непріязныхъ
 Русинамъ людей поднято въ р. 1882 пер-
 вый, николи передъ тымъ небывалый
 процесъ противъ нашихъ Русинѣвъ, и-
 менно противъ совѣтника двору Адольфа
 Добрянского, о. Іоанна Наумовича и дру-
 гихъ патріотѣвъ русскихъ, которыхъ об-
 жаловано о наибольшое злочинство из-
 мѣны противъ австрійской державы цѣл-
 комъ безъосновно, а то безъосновно для
 того, бо помимо найстрожшихъ изслѣдо-
 ваній и пересправъ въ карномъ судѣ
 Львовскомъ злочинства такого, якое вовсе
 не бывшего, на нашихъ патріотахъ ни
 наименьшого слѣду не показалось.

Поставлена середъ такихъ неблаго-
 пріятныхъ обстоятельствъ Русь наша
 принуждена была сама за себе промышляти,
 сама о себе дбати, щобы заняти
 межи народами Австріи соотвѣтное мѣст-
 це. А що мы до днесъ яко-такое существу-
 емъ, що мы не потонули совершенно въ
 морѣ владѣющей польщины, а таки дви-
 гаемся все въ-передъ и днесъ уже стоимо
 на битой дорозѣ къ лучшему, тое завдя-

чуемъ не кому другому, тѣлько прежде всего ласцѣ Бога и добротѣ нашего найяснѣйшаго Монарха, который дозволяе нашей народности русской свободно развиваться; завдячуемъ то и самымъ собѣ и тымъ вѣрнымъ и отличнымъ сынамъ отечества, которые, дѣствуячи пильно на русско-народной нивѣ выступали и выступаютъ все смѣло и неустрашимо въ защитѣ своего народа и своей Церкви, и неутомимымъ трудомъ не дали известись дѣлу возрожденія Руси, такъ хорошо начатому въ р. 1848. До г. 1863 жилъ Митрополитъ Григорій Яхимовичъ, удержючи славно въ своихъ рукахъ народный прапоръ. Со смертію того Батька своего понесла Русь неѣтжалованую страту, но народное дѣло таки не упало, бо остались еще дѣятелѣ, ученики изъ школы Яхимовича, которые выйшли изъ той школы, яко новыи борцѣ за святую Русь, заправлены до подвиговъ своимъ изряднѣйшимъ учителемъ.

И такъ выступилъ по кончинѣ Яхимовича яко виднѣйшій защитникъ Руси, преемникъ митрополичаго престола, Спиридіонъ Литвиновичъ. Уже самымъ становищемъ своимъ, яко первый іерархъ русской Церкви, годился онъ заняти на Руси мѣстце Яхимовича, т. е. годенъ былъ статись вождемъ ея. Свойства и дарованія его души дѣлали его совсѣмъ отвѣтнымъ до того, щобы проводить Ру-

синамъ въ политичныхъ ихъ вѣдѣн-
няхъ. Глубоко образованный и ученый,
онъ приобрѣлъ собѣ повагу и значенье



Митрополитъ Спиридонъ Литвинovichъ.

у высокаго правительства, а почтенье
даже у противниковъ нашего народнаго
движенія; перенятый любовью къ своему

отечеству онъ имѣлъ взглядомъ него наилучшіи намѣренія. Не забываячи николи о своемъ народѣ, онъ старался своимъ умѣніемъ, а неразъ и своею проворною политикою осягнути для него нѣоторыи корысти, якихъ прямою дорогою достигнути не было возможно; затѣмъ то онъ неразъ и уживалъ ловкой хитрости супротивъ переваги политиковъ польскихъ въ Соймѣ.

Съ годомъ 1860, коли Владыка Григорій Яхимовичъ сталъ Митрополитомъ Галицкой Руси, проявилась въ цѣломъ краю нашомъ русская жизнь въ такой силѣ, якъ того передъ тѣмъ не бывало, а якая и заповѣдалась статися не то хвиливымъ, но постояннымъ на всегда основаніемъ лучшей для Русинѣвъ доли. Особенно великое оживленіе духовныхъ силъ нашей Руси явилось на нивѣ литературной дѣятельности, до которой возбуждалъ и ободрялъ свои чада наибѣльше самъ же Отець Архіерей Яхимовичъ не тѣлько словомъ, но и щедрою поддержкою изъ власныхъ доходовъ. Кромѣ дѣйствующихъ на томъ поли духового труда старшихъ писателей галицко-русскихъ, якіи уже изъ давна приобрѣли собѣ заслуженную славу, якъ то были именно ученые писателѣ: Денисъ Зубрицкій, Яковъ Головацкій, Антоній Петрушевичъ, Михайлъ Малиновскій, Іосифъ Лозинскій, Антоній Могиль-

ницкій, явилось еще множество молодых, которые отъ тогда и до нынѣшнихъ временъ дѣйствуютъ въ области русской словесности съ честною цѣлю образованья и просвѣщенія своего народа. Изъ великого множества тыхъ новожитныхъ галицко-русскихъ писателей, которые своими добрыми трудами заслужилия своему народу, наведемъ тутъ хоть бы лишь небольшое число изъ тѣхъ, що ихъ имена поширше въ краю нашомъ стали извѣстны, якъ то примѣромъ: Исидоръ Шараневичъ, Богданъ Дѣдицкій, Иванъ Наумовичъ, Маркиль Попель, Василий Ковальскій, Иванъ Гушалевичъ, Стефанъ Качала, Иоаннъ Гавришкевичъ, Лука Цыбыкъ, Игнатій Галька, Венедиктъ Площанскій, Василий Ильницкій, Емилианъ Огоновскій и многопремного другихъ, которыхъ всѣхъ дѣятельность литературная оставила свѣтлыя слѣды въ исторіи нашей Руси въ часѣ великого дѣятеля Митрополита Яхимовича.

Однимъ изъ найважнѣйшихъ событий, якіи произошли за Литвиновича было то: установленье конкордата, т. е. обрядового помиренья съ престоломъ римскимъ. Конкордатъ той установилъ право, по которому запрещено было Русинамъ переходити на латинскій обрядъ, а латинникамъ на русскій. Установа тая дуже важна для насъ Русинѣвъ,

бо черезъ нѹ положено конецъ тому громадному перехвачованью русскихъ душъ на латинско-польскій обрядъ, яко передъ тѣмъ на великіи размѣры безнаказанно практиковалось.

По смерти Литвиновича поставлень былъ Митрополитомъ Іосифъ Сембратовичъ, который не выступалъ вправдѣ въ политичныхъ справахъ нашихъ, но за то яко „добрый пастырь“ усиленно трудился около по́днесенья нашей Церкви и моральнаго воспитанія русскаго народа, особенно же около заведенія между нимъ честноты тверезости. По недогаданной и до нынѣ явно не заподавлившей причинѣ принужденъ былъ той праведный мужъ и добрый пастырь отречись престола митрополичаго и удались до Риму на постоянное жилище, где и умеръ.

Якъ свѣтлыи мужи науки, такъ и многіи другіи дѣльныи патріоты русскіи, одушевлены одною любовію къ отчинѣ, дѣйствовали рука въ руку, словомъ и дѣломъ для блага своего народа; бодро стояли они всегда и всюду за его народныи права, а своимъ добрымъ примѣромъ воспитали молодое поколѣнье русскихъ дѣятелей, якихъ — слава Богу — умножается на честь и на радость Руси все бѣльше и бѣльше. Въ числѣ дѣятельныхъ патріотѣвъ русскихъ за Митрополита Яхимовича и его наслѣдника Литвиновича отличился особенно яко по-

кровитель русской словесности и молодежи русской, славный именемъ своимъ Михаилъ Качковскій, который для поддержанья русскаго духа и постояннаго за народныя права Галицкой Руси, осно-



Митрополитъ Юсифъ Сембратовичъ.

валъ политичную газету „Слово“, удерживалъ у себе въ Самборѣ бурсу для бѣдныхъ русскихъ дѣтей и въ-конецъ завѣщалъ даже все свое великое имѣніе (сверхъ 60,000 зр.) на основаніе постояннаго фонда для цѣлей русско-литератур-

ныхъ. Въ честь того знаменитого подвижника просвѣщенія въ народъ русскомъ основали наши патріоты Общество его имени, которое ѳтъ р. 1873 до днѣсь своими, що мѣсяця издаваемыми книжочками и также черезъ устроиванье генерального собранія членѳвъ Общества, а то ежегодно въ инномъ городѣ русской Галичины, по́дноситъ высоко духа русскаго, дѣйствуетъ къ просвѣщенію особливо сельскаго народа, ввело въ житье русскую „Народную Торговлю“ во Львовѣ, подвизается къ заведенію селянскихъ читалень и загаломъ исполняе задачу свою во благо образованья народа съ наилучшимъ успѣхомъ.

Дѣйствія патріотѳвъ нашихъ въ часѳвъ владыцтва Яхимовича и Литвиновича были и по́дъ всякими другими взглядами, где ишло о защиту и по́днесенье русской народности, спасительны и благи въ своихъ послѣдствіяхъ. Такъ на пр. еще въ г. 1859, коли то за губернатора Галичины гр. Агенора Голуховскаго австрійское правительство задумало ввести въ книжкахъ нашихъ вмѣсто славяно-русской азбуки абецадло латинское, ученые наши патріоты все совокуино выступили противъ того съ такимъ жаромъ супротивленія, такъ умно и основно обороняли споконвѣчное наше русское письмо, що и самъ многовліятельный тогда графъ Голуховскій видѣлъ

себе принужденнымъ, той новый проектъ для ополячованья Руси залишити. — Тѣмъ же патріоты наши за побудкою русскаго посла соймового, Юліана Лавровскаго основали р. 1863 театръ русскій во Львовѣ, и той же переѣздячи по бѣльшихъ городахъ краю, удержиуесь и до нынѣ та и дѣйствуете корыстно на по́днесенье и розширянье русскаго слова во всѣхъ верствахъ тукраевого народонаселенія. — Они то, тѣмъ патріоты наши по́дъ проводомъ крылошанина Теофіла Павликова и совѣтникѡвъ Василія Ковальскаго и Юліана Лавровскаго привели до бѣльшого житья нашу „Русскую Радѡ“, составили для неѣ новыѣ статуты и по́дносили съ живѣйшимъ натискомъ повзятую еще въ р. 1848 спасительную для нашей Руси мысль по́дѣленья Галичины на двѣ части: русскую и польскую, якъ то для двохъ, въ тѡмъ краю жиющихъ народностей есть природно, и якъ того такожь исторія оныхъ двохъ народѡвъ основно вымагае и требуе. Для достиженія такъ той, самой важнѣйшой, якъ и другихъ цѣлей, къ по́днесенію русскаго народности и народнаго благобыта служащихъ, наши добрыѣ патріоты стали уже ѡтъ р. 1880 созывати такъ званыѣ „народныѣ Вѣча“, т. е. громадныѣ собранія для народа въ дѣлахъ народныхъ и политичныхъ, которыѣ то собранія ѡтъ сего часу ѡтбываются уже такъ частѣйше въ розличныхъ городахъ

нашой Руси при великомъ участіи селенскаго народа.

Изъ многихъ благодатей, якихъ за новѣйшихъ часѣвъ доняла Галицкая Русь по милости владѣющаго днесъ Монарха Францъ-Иосифа I, слѣдуетъ записать въ нашой исторіи собывшееся въ р. 1885 основанье третьяго галицко-русского епископства съ особою епархіею Станиславовскою. Велика то для насъ монаршая ласка, бо маючи нынѣ трехъ русскихъ Владыкъ, не толькы наша св. Церковь приходитъ до тѣмъ-большаго блеску и значенья въ краю, но и нашъ Митрополитъ може теперь созывать для Галицкой Руси церковныя Соборы, для созванія котрыхъ по законамъ церковнымъ власне нужно того, щобы въ краю было трехъ Владыкъ епархіальныхъ.

Лѣтомъ р. 1887 удостоилъ нашу Русь австрійску своимъ посѣщеніемъ единственный сынъ владѣющаго нами Монарха, престолонаслѣдникъ Архикнязь Рудольфъ, высокоударованный молодой мужъ и славный въ свѣтъ своею ученостію и благородными свойствами души, который на той проѣздцѣ своей по нашомъ краю принимаючи всюду Русинѣвъ любовно, позыскалъ собѣ такую же любовь во всехъ русскихъ сердцахъ, а въ цѣломъ народоваселенію Галичины наибольшое для себе сочувствіе. Тожь икъ

громомъ поразила всѣхъ Русинѡвъ въ полтора лѣта потомъ сумная вѣсть, що той многонадѣйный наслѣдникъ царско-го престола Австріи скончался наглою смертію въ своемъ дворцѣ въ Маерлингу подѣ Вѣднемъ дня 30. Января 1889 г.,



Архикнязь Рудольфъ.

и опечаленная Русь наша глубоко сочувствовала такъ тяжелой стратѣ, якои дозналъ добрый нашъ Монархъ, его царская родина и всѣ народы державы австрійской.

О добротѣ сердца нашего Монарха Францъ-Юсифа I., заявляемой для долѣ подчиненныхъ ему народѡвъ, слѣдуетъ за

найновѣйшихъ часѣвъ еще и тое заши-
ти въ нашей исторіи, що коли зъ заши-
шного лѣта 1889 наступилъ въ цѣлѣ
Галичинѣ, особливо для галицко-русскаго
селянъ, тяжкій голодовой годъ, то
добрый Монархъ дозволилъ выдати и
державныхъ и краевыхъ фондѣвъ вел-
канскіи сумы для ратованья голодающаго
людей въ томъ краю, а еще до того
правительство въ началѣ 1890 г. изво-
ло русскимъ патриотамъ во Львовѣ за-
зати вспомогательный Комитетъ по
предсѣдательствомъ Б. А. Дѣдицкого, и
который для усмиренья голодовой нуж-
дителей нашей Галицкои Руси собралъ
роздалъ досытъ значныи запомоги
грошахъ и збѣжу, въ цѣнности око-
60.000 зр., а кромѣ того русскіи братъ
изъ Россіи прислали нѣскольво вагоно-
пшеницы.

Новая эра въ 1889 р.

(Дополненіе къ второму изданію.)

Въ р. 1889 вышло при выборѣ
галицкогo сойма 16 нашихъ послѣвъ, с-
мыхъ свѣтлыхъ мужей, и тиі соединили
въ одинъ „русскій клубъ“ и выбрали пре-
сѣдателемъ професора Юліана Рома-
чука. Той провозгласилъ въ соймѣ сла-
ную интерпеляцію, состоящую и
кѣльканадцяти точокъ, въ которыхъ в-
сказалъ всѣ важнѣйшіи кривды Русинѣ
и возвалъ правительство до устрани-
тѣхъ-же. Тое выступленье русскихъ п-

слѣвъ, безъ взгляда на партіи, не было на руку Полякамъ и правительству.

Тогда начали наши противники входить въ переговоры то съ партією старорусскою, историчною, то съ молодою званою „народовскою“, и робити розличны обѣщанки, а то въ цѣли розбитья русско-го соймового клуба, а взглядно, щобы розъединити русскій народъ. Народовская партія далась увлечи обѣщанкамъ и Юліянъ Романчукъ провозгласилъ безъ порозумѣнья съ прочими членами клуба, дня 25-го листопада 1890 р. програму будьто бы якогось перемирія съ поляками. Ходило въ той програмѣ головно о то: оголосити насъ Малорусинѣвъ особнымъ самостоятельнымъ народомъ, розличнымъ такъ ѳтъ Полякѣвъ, якъ и ѳтъ Великоросѣвъ. Розличеніе наше ѳтъ тѣхъ послѣднихъ надзвычайно подобалось Полякамъ, и они приняли програму Романчука по той причинѣ съ великимъ восторгомъ. Они и тогда не могли, та и теперь не могутъ, поняти, що мы Малорусины, бывшии пѣдъ панованьемъ Польщи около 500 лѣтъ, розличны ѳтъ Полякѣвъ, та що мы не хочемъ належати, яко давныи ихъ пѣдданыи до ихъ Польщи, которую они при нашей помочи хотять возстановити.

Якъ уже выше сказано, Юліянъ Романчукъ выголосилъ програму уложеную въ порозумѣнію съ намѣстникомъ

графомъ Казиміромъ Бадени, а безъ вѣдома своихъ товаришей, послѣвъ старо-русской или русско-народной партіи. Тожъ сейчасъ запротестоваль именовъ старо-русской партіи противъ програмы Юліяна Руманчука посоль д-ръ Николай Ивановичъ Антоневичъ, доказуючи, що нѣтъ двоухъ, а тѣлько одинъ русскій народъ. На то отвѣтилъ митрополитъ Сильвестръ Сембратовичъ въ долшой рѣчи, въ оправданье програмы Юліяна Романчука д-ру Н. И. Антоневичу и его товаришамъ, а вкѣнци сказалъ: Кто не зъ нами, для того тутъ мѣстця не ма.

Програма Романчука, хотя она была почти повтореніемъ прежнихъ галицко-русскихъ програмъ еще ѳтъ памятного року 1848, но тѣмъ дуже подобалась Полякамъ, що она пѣдносила „самостоятельность“ Малорусинѣвъ и „отдѣльность“ ихъ ѳтъ Великоруссѣвъ, черезъ що Полякамъ мерещилось, що также малорусская Украина, що колись была пѣдъ Польщею, а теперъ пѣдъ Россією, може оголосити себе такою же „самостѣйною“ супротивъ великорусской державы. А о тоежь Полякамъ, отвѣчнымъ противникамъ велико-русской державы, властиво и вайбѣльше ходило. Они назвали програму Романчука объявою „новой эры“, т. е. заповѣстью яко бы „новой лучшей будущности“, а самое же правительство, которе всегда бажало, щобы Русины съ

Поляками въ сгодѣ жили, подѣлало Русинамъ за цѣну той сгоды где-якіи обѣтницѣ, но тѣлько подѣ условіемъ, если польская бѣльшѣсть соймава сгодится на якіи ласки въ корысть Русинѣвъ. А по-неже польская соймавая бѣльшѣсть боялась, що правительство безѣ ея вѣдома схоче въ силу договора съ Романчукомъ удѣлвити якіи-то уступки, то черезъ одного изѣ своихъ послѣвъ застереглася противѣ такихъ уступокъ. Щобы затѣмъ и Полякѣвъ упевнити, що ничего съшкодою для справы польской не зайде, заявилъ заразы въ соймѣ, сдѣлавшій договоръ съ Юліяномъ Романчукомъ намѣстникъ гр. Казиміръ Бадени, що заявленіе посла Юліяна Романчука принимае до вѣдомости, а свертаючись до польской бѣльшѣсти сказалъ: „Мы собѣ ничего не обѣцали и до ничего себе не zobовязывали.“⁴ И вотъ отъ теперъ настала въ краѣ великая и завзятая борьба. Весь народъ и бѣльше чѣмъ $\frac{3}{4}$ мірской и духовной интеллигенціи стануло по сторонѣ посла Антоновича, а тѣлько часть молодшихъ священникѣвъ, въ цѣли приподобанья митрополиту Сембратовичу, а такожъ народныхъ и гимназіяльныхъ учителей и чиновникѣвъ станула по сторонѣ Романчука, а то въ бѣльшой части для личныхъ выгодъ. А щобы доказати по чіей сторонѣ правда, политическое Общество „Русская Рада“ во Львовѣ созвало на

день 2 н. ст. лютого 1891 въ Львовѣ весь русскій народъ на всенародное русское вѣче. На вѣче то прибыло изъ всѣхъ сторонъ Галичины выше 6000 народа, разомъ съ мѣрскою и духовною интеллигенціею, которое то вѣче подъ предѣтельствомъ о. крмл. Теофіля Павликова запротестовало одногласно противъ выголошенной програмы Романчука, а одобрило протестъ д-ра Николая Ин. Антоневича. Щобы показати гр. Казимиру Бадени, що по сторонѣ Юліяна Романчука стоить такожь яка-то частина народа, устраивали приверженцѣ Романчука свои собранія, на которыи однакъ народъ не являлся. Въ тѣхъ то своихъ собраніяхъ выговорювали они не чуванныи рѣчи противъ старорусской партіи, а въ однѣмъ такѣмъ собранію кандидатъ нотаріальный изъ Зборова Рудницкій заявилъ, що каждый членъ „народовской партіи“ (партіи Романчука) долженъ стати отъ теперъ народнымъ жандармомъ и указывати кто зрадникъ-москаль.

Но мимо того всего народъ и большинство старорусской интеллигенціи не устрашилось такихъ угрозъ. Тогда начато печатати въ газетѣ „Дѣло“ адресы Юліяну Романчуку зъ полными подписями, въ надеждѣ, що найдутся слабодухи, по̀дпишутъ такой адресъ. Въ томъ однакъ обманулися, такъ якъ кромѣ ма-лой частины, подписывавшихъ адресы,

прилучилася до нихъ, вѣйшовшая изъ народовой партіи наймолодшая партія т. з. „русскихъ радикаловъ“, которая, хотя не признавала единства русского народа, не записалася въ Польшу. Тяжкіи часы переживала тогда Галицкая Русь! По-сталъ братъ на брата; жандармы заходили до членовъ Общества им. Мих. Качковскаго, предпринимали ревизіи будь то за запрещенными книжечками, которыхъ они не имѣли, — а бывали и такіи случаями, що заходили въ церковь, чи не служить литургіи священникъ старо-русской партіи по „шезматицки“. Митрополитъ Сильвестръ Сембратовичъ старался всѣми способами притягнути священниковъ старо-русской партіи на свою сторону, а коли то ему не удавалось, то заслуженныхъ для церкви и русского народа священниковъ, а награжденных за свою дѣятельность на поли церковномъ крылошанскими и другими отличіями, касовалъ изъ декановъ и отбиралъ отличія, якъ то мало мѣстце съ о. Феодосіемъ Эффиновичемъ и другими. Кромѣ того опороженныи приходы по мѣстамъ и лучшіи по селамъ, якъ такожь деканаты замѣщаль приклонниками новой эры.

Особно — на свою руку — выступали реформованныи Езуитами оо. Василіане въ своихъ проповѣдяхъ и изданіяхъ противъ членовъ Общества им. Мих. Качковскаго, а то тому, що тое Общество основалъ о. Іоаннъ Наумовичъ.

И тѣхъ всѣхъ переслѣдованій и гоненій не убоялися Старо-Русины, которыя поучены досвѣдомъ и показаніями исторіи ніякъ не годилися на „новую эру,“ а и самъ Романчукъ, спостерегши, що всѣ обѣцанки правительства, кромѣ введенья въ 1892 р. въ школахъ фонетики — яко подходящій польскимъ цѣлямъ—и польскихъ надписей на желѣзницахъ, положены на ласку Полякѡвъ въ краевомъ соймѣ, отрѣкся своего чада — той новой эры—и сталъ на ново выступати противъ Полякѡвъ, а навѣтъ, где треба и противъ правительства. При „новой эрѣ“ остался и на дальше тѡлько Александръ Барвинскій, дѣлавшій прежде разомъ съ Романчукомъ переговоры съ гр. Казиміромъ Вадени) съ кѡлькама своими приклонниками, а потѡмъ прилучился до него и Анатоль Вахнянинъ, которыи то оба, спонуканы и хорошо нагорожаемы Поляками, довели „новую эру“ еще до значенія „найновѣйшого курсу“, т. е. до такого стана политики, где Русь мала бы оставатись дальше не своею споконвѣчною Русью, а якимъ-то недогодкомъ чи выродкомъ, подъ опѣкою и зъ ласки Польщи.

Въ роцѣ 1892 введено до всѣхъ школъ народныхъ и середнихъ такъ званое фонетичное правописаніе. Протестъ Русинѡвъ, заосмотренный около 32 тысячью пѡдписями, не принѣсъ ніякого успѣха.

Въ роцѣ 1893 устроили Поляки во Львовѣ такъ званую „краевую выставку.“ Краевая была она о стѣлько, що нашъ край мусѣлъ еще до ней доплатити, ибо былъ недоборъ съ ней свышь полъ миліона. Звалась она краева, но на ней было лишь майже все польское и польское. Понеже того року припадала 100-лѣтняя рѣчница возстанія Поляковъ пѣдъ Костюшкѣмъ, то тая же „Костюшковская выставка“ была на то, чтобы передъ свѣтомъ показати, о скѣлько Польша по своемъ паденью поступила.

Въ роцѣ 1895, дня 25-го вересня, переведено въ Галичинѣ новыи выборы до галицкаго сойма. По причинѣ, що съ противной намъ стороны дѣялись небывалыи до теперъ надужитѣя и насилія при тѣхъ выборахъ, выбрано лишь 14 русскихъ послѣвъ. Въ дѣйствости по волѣ народа выбрано лишь трехъ, а прочіи изъ партіи новѣйшого курса Ал. Барвинскаго. Сейчасъ по скѣнченью выборѣвъ намѣстникъ гр. Каз. Бадени зѣсталъ министръ-президентѣмъ, а отпраляясь въ Вѣднѣ затримался въ Краковѣ и тутъ передъ своими избирателями произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ, що выборы были переведены въ порядку. Русскій народъ покривженный домагался ѳтъ своихъ провѣдникѣвъ, духовныхъ и мѣрскихъ, чтобы выслати депутацію до Вѣдня, до Найяснѣйшого Монарха, и просити о скасованьѣ тѣхъ выборѣвъ. На усильное домага-

нѣе селянѣ изъ цѣлой Галичины, завязался комитетъ изъ довѣренниковъ всѣхъ русскихъ партій, кромѣ партіи новѣйшаго курса— который постановилъ скликать вѣча въ цѣлой Галичинѣ съ протестами противъ надужитій при выборахъ, а оттакъ выслати депутацію съ жалобою до цѣсаря. До комитета вѣчевого вѣшли: Романъ Бачинскій, о. Вас. Давидякъ, д-ръ Мих. Король, Василь Нагорный, Стефанъ Новаковскій, Теофиль Окуневскій, д-ръ Евгений Олесницкій, Лонгинъ Рожанковскій, Юліанъ Романчукъ и Константинъ Телишевскій.

Однакожь политичныи власти заказали русскій вѣча, пѣдъ позоромъ эпидемичныхъ слабостей, и краевое вѣче во Львовѣ такожь заборонено на той пѣдставѣ, будто оно мало пѣдьюджовати до ненависти и погорды противъ органовъ правительственныхъ, до вражды національной и клясовой въ краю. Тогда скликалъ комитетъ на день 15-листопада 1895 изъ всѣхъ повѣтовъ Галичины мужей довѣрія на довѣрочное собраніе во Львовѣ. Съѣхалось около 600 мужей довѣрія и ти ухвалили: 1) Довѣрочный сборъ Русинѣвъ цѣлой Галичины протестуе противъ способа переведенья соймовыхъ выборовъ и признае цѣлый соймъ за неправный; 2) постановляе выслати депутацію до Монарха съ прошеніемъ о розвязанье сойма и зарядженье новыхъ выборовъ; все то мае выконати комитетъ

изъ десяти членовъ, который занялся устройствомъ всенародного вѣча.

Митрополитъ Сильвестеръ Сембратовичъ, застараньемъ Поляковъ и Іезуитовъ, яко въ нагороду за вѣрную службу возсталъ именованный кардиналомъ.

Дня 12-грудня 1895, вѣхалъ о 3-й годинѣ пополудни новоименованный кардиналъ, митрополитъ Сильворстеръ Сембратовичъ, торжественно во Львовъ. Его повитали репрезентація края и города, латинскіи епископы и численно собранное русское духовенство.

Въ томъ повитанью брали участіе и рускіи депутаты до Цѣсаря, которые вечеромъ того-же дня отъѣхали до Вѣднѣ съ пѣснію въ устахъ:

„Подивися, Цѣсареньку,

„Якій народъ бѣдный!“

Всѣхъ депутатовъ изъ всѣхъ русскихъ повѣтовъ было 220. Найчисленнѣйше были заступлены повѣты: Жидачевъ, Стрый, Городенка, Жолковъ, Калушъ и Борщовъ. Дня 16-го грудня 1895, о 10-ой годинѣ рано, депутація, выбрана изъ середъ 220 членовъ и состоящая изъ о. І. Озаркевича яко проводника, Лонгина Рожанковского, о. Саноцкого, (выбранный въ составъ депутаціи только въ Вѣдни на мѣсто члена старорусской партіи о. Иліи Каламунецкого на котораго президентъ министровъ гр. Казиміръ Бадени не согласился,) д-ра Окуневского, селянь Стефана Новаковского и Проконя Грен-

джолы, была допущена на авдіенцію до цѣсаря. О. Іоаннъ Озаркевичъ промовилъ слѣдующими словами: „Ваше цѣс. кор. апостольское Величество! Яко делегаты высланой русскимъ народомъ депутациі, сложенной изъ 220 членовъ, важность явиться передъ Вашимъ цѣс. кор. апостольскимъ Величествомъ, чтобы передъ ступенями найвысшого трона запевненіе непохитной вѣрности и преданности сего народа поновити, а вразъ чтобы для того, отъ ста лѣтъ тяжко досвѣдчованого народа, просити о вселаскавѣйшую охрану. Русскій народъ, который завсѣгды, навѣтъ въ наитяжшихъ часахъ становилъ крѣпкую пѣдпору трона и державы, находится теперь, вслѣдствіе несважанья на основныи законы державныи правительственными органами при послѣднихъ выборахъ соймовыхъ, въ зврушенію умовъ, которое переймае такожъ найспокобѣйшого горожанина и сбиваетъ поглядъ, мовъ-бы въ нашомъ краю пановали задоволеніе и сгода. Понеже русскому народу, черезъ недопущеніе отповѣдного заступничества, замкнено всѣ дороги до осяненья его права и бнѣ едино и выключно отъ Вашего Величества сподѣваеся зарады, то важимось жалобы сего народа на сегорочныи выборы соймовыи сложити передъ найвысшимъ трономъ съ найуниженѣйшимъ прошеніемъ: Ваше цѣс. и кор. апостольское Величество изволятъ вселаскавѣйше сіе про-

шеніе пріймати и поданымъ въ немъ жалобамъ зарадити.“

По тѣхъ словахъ передалъ о. Озаркевичъ меморіалъ (пропамятное письмо) до рукъ монарха. Въ томъ меморіалѣ были близше означены найважнѣйшіи надъужитя при выборахъ и правыборахъ въ Галичинѣ.

На другій день писали полу-урядовыи газеты о той депутаціи такъ: Цѣсаръ изволилъ пріяти меморіалъ съ тою увагою, що депутація може быти певна, що мѣстящіися въ немъ жалобы будутъ основно розслѣжены и, о скѣлько стануть оправданы, буде имъ зараджено. Запewненъе вѣрнаго привязанья пріймае цѣсаръ съ вдоволенъемъ; онъ знае, що на тии чувства у Русинѣвъ може числити. Депутація нехай буде пересвѣдчена, що русскій народъ такъ само близкій сердцю цѣсаря, якъ иншіи народы монархіи, и що цѣсаръ ѣтъ сердця бажае его усиѣльного розвою. Но цѣсаръ не може залишити уваги, що дуже мусить впадати въ очи, коли бѣльшее число священникѣвъ опускае Львѣвъ въ той самой хвили, якъ ново именованый кардиналъ ѣтбывае тамъ свѣой вѣздѣ; бо наданъе кардинальскаго достоинсва архіепископу Сембратовичу мае уважатись яко знакъ, що и папа, и цѣсаръ дбають о розцвѣтъ русской Церкви. Такожъ мусить се съ недоволенъемъ замѣтити, що надто великое число участ-

никѡвъ депутаціи єсть зарѡвно конштовною, якъ невластивою демонстрацією, которая нїякъ не представляєся ѡтповѣднымъ средствомъ до лучшого осягненья намѣреной цѣли. Авдієнція трєвала чєтыре минуты и закѡнчилась словами цѣсаря: Отже прощайте!“

Масовая депутація русскаго народа осягнула свою цѣль, ибо свернулася бѡльшая увага на галицкіи, а властиво русскїи отношенїя въ Галичинѣ, а русскїи народъ пересвѣдчился, що треба ему предовсѣмъ спускатись на власную роботу и власную силу.

Поляки же прїйшли до верховодства въ Галичинѣ, якъ бы въ чисто-польскѡмъ краю...

Соймъ польскїи, выдѣль краєвий польскїи, рады повѣтовьи самъ народъ зове „польскими бєцирками,“ школы майже всюда польскїи а если суть где и русскїи, то съ польскими учителями, фонды краєвии идуць переважно на польскїи цѣли, надписи на улицахъ во Львовѣ, въ русско-княжѡй столицѣ, лишъ польскїи, урядовый языкъ польскїи! Коли якїи Русинъ хоче добиватись высшого становища и спокѡйно на немъ сидѣти, то найчастѣше не може признаватись до того, що ѡнъ Русинъ, а тѣмъ меньше признаватись и выступати въ справахъ народно-русскихъ, ибо окричатъ его сейчасъ яво „Москаля,“ и пронала его карьера.

И въ Вѣднѣ мають великую перевагу Поляки, ибо мають своихъ министрѣвъ, и шефѣвъ секцій, а польскіи послы, связавшись въ польское „коло,“ руководять политикою Австріи. Коли мали свою Польшу, не было имъ такъ добре, якъ теперь въ Австріи...

Выборы въ роцѣ 1895 и масовая депутація русская нарobili много шума, и то въ цѣлой Европѣ.

Въ роцѣ 1897 мали наступити новыи выборы въ державную думу. Польскіи послы изъ „кола,“ а властиво верховодячая польская шляхетская партія „Станчикѣвъ,“ видячи, що не тѣлько ихъ мазурскіи селяне начинаютъ о свои права упоминатись, бо видко наприкрили собѣ уже шляхетскую опѣку, и хотять избирати собѣ своихъ „хлопскихъ“ послѣвъ: отже Станчики, видячи дальше, що и русскій селянинъ о стѣлько уже прозрѣлъ и наученъ опытомъ при послѣднихъ выборахъ въ соймъ, не такъ легко дастся переробити при выборахъ, загадали ввести межъ Русинами дальшій подѣлъ на партіи, щобы утраченныи на Мазурахъ польскіи мандаты ѳтзыскати въ русскихъ округахъ восточной Галичины. Въ той работѣ якъ не можна лучше прислужились имъ ихъ послушники лжепослы, Барвинскій и Вахнянинъ. Выслугуючись своимъ покровителямъ за свѣй выборъ, поднялись дѣлити еще дальше Русинѣвъ,

а предлогомъ къ тому взяли католичество, та и вмѣшали вѣру до политики, помѣшали огонь съ водою. Щобы отлучити русское духовенство, т) хъ природныхъ проводникѡвъ, ѡтъ народа, zaloжили въ р. 1896 политическое общество подъ назвою „Руско-католицкїй Союзъ.“ Они думали собѣ, що весь русскїй клиръ приступитъ до того Союза, ибо навѣрно той клиръ не схочетъ навлечи на себе подозрѣнїя, що ѡнъ не католическїй, если не приступаетъ до „Католического Союза.“ Позабыли они видко, що старанїемъ кардинала Сембратовича завязалось уже чисто-церковное католическое русское общество: „св. Апостола Павла,“ которое старается о успѣванїи нашей гр.-кат Церкви и поднесенїе духа католического и званїя священническаго.

Въ той справѣ удались и до кардинала С. Сембратовича и упросили его, щобы ѡнъ потолковалъ съ духовенствомъ всѣхъ трехъ епархїй въ той справѣ. — Кардиналъ выдалъ куренду и распорядилъ, щобы каждый деканатъ выбралъ собѣ ѡтпоручникѡвъ и щобы тїи прїѣхали на день 10-го грудня 1896 р. на нарады въ справахъ церковныхъ и народно-политичныхъ до Львова. — Дѣйство, прїѣхало до Львова около 160 делегатѡвъ, священникѡвъ изъ всѣхъ трехъ русскихъ епархїй Галичины.

Собранимъ делегатамъ предложено въ рефератъ крылошанина Ал. Бачинско-го кѣльканадцять точокъ въ справахъ церковныхъ, народныхъ и политичныхъ до застановленья и рѣшенія. Собраннии делегаты выбрали съ помежь себе комисію изъ 15 членѣвъ, въ составъ которой вошли священники: Теофилъ Калужняцкій, Ілія Мардаровичъ, Волод. Дорожинскій, Даніилъ Танячкевичъ, Василій Залозецкій, Василій Давидякъ, Іоаннъ Мышковскій, Іоаннъ Негребецкій, Владиміръ Рынявецъ, Александеръ Сабать, Симеонъ Заяць, Корнилій Сеникъ, Іосифъ Крушинскій, Владиміръ Вергановскій и В. Козѣровскій.

Комисія, пѣдъ предсѣдательствомъ Ѳ. Калужняцкаго, застановившись основно надъ предложеньями, уложила слѣдующіи резолюціи: „Мы, гр.-кат. духовенство галицкой провинціи, репрезентованныи дня 10 н. ст. декабра 1896 р., вслѣдствіе деканальныхъ выборовъ, по милостивѣйшему порученію Его Эминенціи Кардинала Сильвестра, вѣрнии святѣйшему апост. Престолу и августѣйшой австрійской Династіи, выражаемъ: 1) Розваживши, що наше гр.-кат. духовенство само собою творить іерархическій организованный союзъ, и для того нѣтъ необходимости организовати еще офиціально-клерикальный союзъ; 2) розваживши, що такий офиціально-

клерикальный союз мѳгъ бы приняти религіино-политическій характеръ, а те для Церкви и народа должно бы быти безусловно вреднымъ, такъ якъ кинуло бы вѳру въ водоворотъ политики, всегда непостоянной, всегда самолюбной и въ средствахъ неперемѣняющей; 3) разваживши, що мы не видимъ причины якої-то надобыкновеной акціи въ нашей на скрѳъзъ католической провинціи; 4) разваживши, що такая офиціально-клерикальная организація, фактичною потребою неоправдана, вызвала бы замѳшательство межъ духовенствомъ и народомъ, якъ того яскравыи примѳры имѳемъ въ западной Галичинѳ, где народъ католическій враждебно выступае противъ всего своего клира; 5) а наконецъ разваживши, що безъ участія народа одно духовенство не чувствуеся компетентнымъ рѳшати такъ важный вопросъ на скорѳ и на собственную руку;

I) Делегаты гр.-кат. духовенства всѳхъ трехъ епархіи въ Галичинѳ не видять необходимости отдѳльной организаціи будь посредствомъ основанія нового офиціально-клерикального политического общества, будь якогю-то исполнительного комитета того же общества;

II) разваживши, що Высокопреосвященный австрійскій Епископатъ на своихъ конференціяхъ цѳлый рядъ лѳтъ

трудится надъ трепещущими вопросами въ интересъ Церкви и блага народа, вступаеся за устраненіемъ конфесійныхъ законѣвъ, за введеніемъ вѣроисповѣдной школы, за поднесеніемъ и обезпеченіемъ земледѣлія и промысла посредствомъ организаціи компаній для устраненія несправедливой конкуренціи, въ пользу обезпеченія рабочихъ на случай несчастныхъ приключеній, въ пользу воспитанія дѣтей въ католической вѣрѣ, въ пользу поднесенія нынѣшней нужденной дотаціи душпастырскаго клира и обезпеченія пенсій для его вдовъ и сирѣтъ; разваживши тѣ ихъ благотворныя старанія и труды, собранныя делегаты заявляютъ Высокопр. австр. Епископату свою сыновскую благодарность, съ тѣмъ увѣреніемъ, що въ той области найдутъ насъ всегда ревными труженниками, готовыми къ моральнымъ и матерьяльнымъ жертвамъ;

III. собранныя делегаты застерѣгаются противъ остракизма, изъ якой бы то не было причины, изъ-за своихъ политическихъ убѣжденій, и заявляютъ, що ѡтъ католическихъ чувствъ и убѣжденій не дадутъ ніякой хитрости себе ѡтсудити.“

Тѣ резолюціи были одноголосно приняты собранными делегатами и противъ нихъ не поднялся на собранію ни одинъ голосъ.

Собранныя делегаты сошлись того самого дня въ „Народномъ Домѣ“ и вы-

брали съ-помежь себе выборчій комитетъ изъ 30 священникѣвъ, т. е. по десять съ каждой епархіи. Комитетъ той воззвалъ мірскихъ людей, членѣвъ „Русской Рады“ и „Народной Рады,“ щобы для вѣспѣльной працѣ до того комитета въ рѣвнѣмъ числѣ 30-ти вступили.

Дня 29-го Грудня 1896 съѣхались всѣ члены того комитета до Львова и составили такъ званый „Краевый русскій комитетъ выборчій,“ въ составъ котораго вѣйшло 30 священникѣвъ, 30 мірскихъ людей изъ русской интеллигенціи и 30 селянъ и мѣщанъ, выбравши собѣ яко 91-го члена о. Іоанна Озаркевича на предсѣдателя, и также двоихъ заступникѣвъ тогожь, Богдана Дѣдицкого и Юліяна Романчука. Свѣтлаго того дня ѣтложила Галицкая Русь всѣ свои партійныи споры и соединилась въ одну цѣлость, щобы постояти единоподушно при выборахъ въ 1897 за права русского народа и его русско-католической Церкви.

Такъ здавалося, що послѣ примиренія партій и соединенія ихъ для вѣспѣльной защиты галицко-русского народа отъ вражихъ навѣтѣвъ, лучшая для него настане доля. Однакожь то соединеніе Русинѣвъ обезпokoило верховодящую польскую партію и наклонило ю къ тѣмъ враждебнѣйшимъ роботамъ противъ Русинѣвъ. Они, въ виду предстоящихъ выборѣвъ

въ думу державную составили краевый комитетъ выборчій подъ предводительствомъ гр. Войтѣха Дѣдушицкаго и подѣлили его на два ѳтдѣлы: одинъ для выборѳвъ въ восточной, другой для выборѳвъ въ западной Галичинѣ. Оба тѣ комитеты и урадили, щобы кромѣ трехъ такихъ Русинѳвъ, которыи-бы на руку ишли Полякамъ и правительству, бѳльше никого не дати vybrати изъ Русинѳвъ посломъ въ думу державную. Помѣщики обложили сами себе на выборчи цѣли податкомъ и кромѣ того польскій выборчій комитетъ получилъ грошевое пособіе изъ правительственного фонда, который называется диспозиційнымъ.

Правыборы начались въ февралѣ 1897 г. Розличіе mezi давнѣйшими выборами а тѣми состояло въ томъ, що по реформѣ выборчой ординаціи отъ 14 іюня 1896 р. до 353 послѳвъ, яко представителей розличныхъ станѳвъ и инте ресѳвъ, мало быти выбранныхъ 72 послѳвъ въ цѣлой Австріи изъ такъ зовимой 5-ой куріи, яко представительницѣ всѣхъ станѳвъ. Русины могли тецерь vybrати своихъ послѳвъ изъ двоихъ курій, 5-ой и 4-ой. Въ мѣстахъ восточной Галичины Русины всегда еще въ меньшенствѣ, такъ що о своихъ представителяхъ изъ городской куріи не могутъ еще долго думати.

Якъ правыборы происходили, еще въ свѣжой нашей памяти. Русскій коми-

тетъ выборчій послѣ выборовъ составилъ книжку на нѣмецкомъ языцѣ, въ которой на основаніи фактовъ представилъ примѣры яркого злоупотребленія власти съ стороны правительственныхъ органовъ. Польскій комитетъ выборчій малъ на свои услуги жандармовъ и даже державное войско. Комисары выборчиі закрадались тайкомъ въ села, чтобы, скликавши кѣлька приверженцевъ польскаго комитета, въ корчмѣ или въ дворѣ перевести выборъ надежнаго выборца. Такъ на пр. въ Жолковскомъ повѣтѣ секретарь староства Слопецкій, яко комисаръ выборчій переодѣвался даже за женщину, чтобы неспостережено достатись до назначеннаго съ горы локала выборчюго.

Кровавая сцена розигралась въ Чернѣвѣ, селѣ станицлавовскаго повѣта, числившомъ тогда надъ 4000 жителей. Тамъ начались 26 лютого рано выборы выборцевъ изъ пятой куріи. Правительственнымъ комисаремъ былъ секретарь староства Карль Штрассеръ, секретаремъ на время выборовъ чернѣвскій вѣйтъ Полякъ Робачевскій. Въ полудне выборы кончилися и комисаръ отойшолъ на обѣдъ къ вѣйту, не оголосивши результата выборовъ. Изъ неуваги оставилъ онъ паперы на столѣ и селяне стали ихъ переглядати. Къ большому своему удивленію они замѣтили, що жидѣвскимъ выбор-

цямъ было вписано больше голосовъ, якъ селянскимъ и що голоса правыборцевъ, отданныи на селянскихъ кандидатовъ, записаны были для жидовъ.

Коли комисаръ по обѣдѣ вернулъ и сказалъ, що будутъ выборы выборцевъ для 4-ой куріи, жаловались селяне, що ихъ голоса фальшиво записуются. Комисаръ крикнулъ: якъ вамъ не подобаеся, обжалуйте мене... Началося голосованье изъ 4-ой куріи. Селяне, платившіи 20—30 зр., не были вписаны въ выборчую листу — жидовъ, платившихъ мало, що кликали до голосованья. Жидъ Энгельбертъ голосовалъ три раза. Селяне возмутились и стали кричати: Бій жидовъ. Энгельбертъ сховался за столъ комисаря — другій жидъ Маргулесъ, ставшій черезъ фальшованье выборовъ выборцемъ, тоже былъ zagrożеный, а комисаръ перервавши выборы и отъѣхалъ въ Станиславовъ.

Станиславовскій староста Прокопчиць выслалъ въ самую полночь 4 жандармовъ до Чернѣва для возстановленія порядка. Жандармы арестовали 9 общепочитаемыхъ господаровъ и закули ихъ въ кайданы. Коли ихъ ведено толпа народа сопровождала ихъ селомъ, а щобы людей отогнати ударили штиками (багнетами) въ толпу. Одинъ изъ толпы, Петръ Стасюкъ, минушого дня выбранный выборцемъ, былъ штикомъ съ заду пере-

колотый, палъ на землю и черезъ кѣлька минутъ отдалъ духа Богу. Кромѣ него трехъ другихъ селянъ получило тяжкія раны, а два легкія. Слѣдующаго дня прійшло войско въ Чернѣевъ. Прокураторія державная на доносъ комисаря выборчого, жида Маргулеса и вѣйта обжаловала 25 селянъ о публичное насиліе. Замѣчательнымъ есть, що mezi тѣми 25 селянами лише 1 былъ изъ онихъ 9, закутыхъ въ кайданы, ибо противъ прочихъ 8 не оказалось ничего карыдостоинного. Но также и тѣ 25 судьями присяжными были освобождены.

Въ тернопольскѣмъ повѣтѣ пріѣхалъ яко комисарь выборчій секретарь староства Хлендовскій въ недѣлю вечеръ до Березовицѣ великой и заѣхалъ до вѣйта Подгайного, будь-то на запусты, где и поправдѣ гостился, но заравомъ съ нѣсколькими запрошенными сторонниками переводилъ выборы. А коли о томъ узнали на данный знакъ звономъ громадяне, сошлися всеѣ на подвѣрье Подгайного, щобы голосовати. Комисарь, настрашившия собранныхъ, выбѣгъ на гору дома и бѣжалъ черезъ стрѣху. Громадяне тѣмъ обурены розобрали дахъ дома Подгайного и опарканеніе, а староство подозрѣваячи въ томъ руку мѣстнаго приходника о. Александра Мироновича, второго дня его арестовано и отставлено въ судъ, изъ котораго по нѣсколько-

дневномъ арестѣ былъ пущенъ на свободу, а позднѣйше судомъ всецѣло освобожденъ. Въ жидачевскомъ повѣтѣ пріишоль дня 23 лютого ранкомъ до о. Корнилія Сеника въ Бережницѣ королевской—коли онъ еще спалъ — вахмайстеръ жандармеріи, а войшовши въ комнату, и вынявши саблю изъ похвы, сказалъ: „W imieniu prawa aresztuję księdza i proszę się udać ze mną do Żydaczowa“. Такъ заскоченный священникъ, принужденъ былъ вставати изъ лѣжка, оставити жену съ малолѣтними дѣтьми и удалися яко арестантъ въ Жидачевъ, где просидѣвши нѣсколько дней былъ освобожденъ яко въ ничемъ не повиненъ. Въ мѣсточку Комарно повѣта рудецкого, зауважили выборцѣ-мѣщане, що комисарь переводившій выборы разомъ съ бурмистромъ д-ромъ Яклинскимъ допускаея якихъ-то неправильностей и домагалися переведенія новыхъ выборовъ. Коли комисарь тому супротивлялся, то выборцѣ начали тиснутися до стола комиссіи; акта выборчи подерли, а комиссія спасла себе бѣгствомъ. За тое нѣскольконадцяти мѣщанъ были арестованы и отставлены въ окружный судъ въ Самборъ, а по переведенію розправы большинство было приговорено отъ 1 мѣсяца до 3 лѣтъ. Также въ селѣ Стоянцѣ, повѣта мостиского произошли большіи безпорядки и

арестованья жандармами, а арестованных передано суду въ Перемышлѣ.

Особную книжку треба бы написать, дабы исчислити все злоупотребленія при выборахъ. Въ Золочевѣ 60 русскихъ выборцевъ не допустили до голосованья, а 50 арестовали. Въ Бережанахъ при выборѣ посла изъ 4-ой куріи заявилъ комисарь, що 130 голосовъ получилъ польскій кандидатъ, а русскій лишь 46 голосовъ. Однако 86 русскихъ выборцевъ заявило готовость присягнуть, що дали свой голосъ на русскаго кандидата — значитъ, 40 русскихъ голосовъ сфальшовано.

Изъ русиновъ вышли послами изъ 5-ой куріи лишь двоихъ д-ръ Романъ Яросевичъ (Борщевъ - Залѣщики - Чортковъ - Гусятинъ - Тереховля - Скалатъ), яко независимый русскій посолъ, и д-ръ Юаннъ Гробельскій (Коломыя - Надворна - Богородчаны - Коссовъ - Снятинъ - Городенка) яко русскій, правительственный посолъ. Изъ четвертой куріи выбраны послы-русины: правительственные кандидаты: адъюнктъ суда Модестъ Каратницкій (Самборъ - Старое Мѣсто - Турка - Рудки) и Ал. Барвинскій (Броды - Каменка), польско-правительственные кандидаты: Анатолий Вахнянинъ (Жолква - Сокаль - Рава) и Корнилий Мандычевскій Станиславовъ-Богородчаны - Толмачъ - Надворна), независимы: Теофиль Окуневскій (Коломыя - Снятинъ -

Коссовъ) и Данилъ Тянячкевичъ (Золочевъ - Перемышляны).

Яросевичъ, Тянячкевичъ и Окуневскій составили въ думѣ державной независимую тройцу, которая передъ цѣлымъ свѣтомъ подносила кривды русинѣвъ. Протесты русскихъ выборцѣвъ противъ незаконнаго переведенія выборѣвъ на нѣщо не придались; вмѣсто сего посыпались процессы противъ поодинокихъ патріотѣвъ, жаловавшихся на несправедливѣсть при выборахъ и противъ цѣлыхъ масть селянъ. Наибѣльшее число такихъ обжалованныхъ ставало передъ судомъ въ Самборѣ изъ Комарна. Русскій краевый комитетъ выборчій составилъ для обороны выборцѣвъ передъ судами защиту изъ адвокатѣвъ, которыи безвозмездно исполняли чловѣкобивое дѣло.

Обѣ русскіи партіи, старорусская и народовецкая ишли дальше разомъ и вспѣльно отпраздновали 50-лѣтній юбилей знесенья панцины. То торжество, на которое въ Львовъ съѣхались тысячи народа изъ всей Галичины, хотѣли разбити студенты-радыкалы, но получили ощутительную науку отъ собранныхъ селянъ, отогнавшихъ ихъ изъ мѣстця собранія. Радыкалы тогда для себе составляли отдѣльную партію, ставшую хилиться на сторону соціалистовъ,

Межи тѣмъ министръ-президентъ гр. Казиміръ Бадени получилъ 30 листопада 1897 г. отставку и съ нимъ вышли изъ министерства: министръ финансовъ Билинскій, и польскій министръ для Галичини Риттнеръ. Управляти министерствомъ сталъ бар. Гаучъ, по немъ гр. Тунъ, затѣмъ Виттекъ, а по немъ д-ръ Керберъ (зъ 1900 р.). Уступилъ изъ достоинства намѣстника незадолго по Баденимъ тоже князь Евстахій Сангушко, а на его мѣстце сталъ намѣстникомъ гр. Пининьскій.

Народовцы соединились были съ Старо-Русинами головно по той причинѣ, що уважали себе обманутыми черезъ гр. Казиміра Бадени и попали съ нимъ въ роздоръ. Коли уже Баденѣго не потребовали бояться, они стали думать о разрывѣ съ старо-русскою партією и довершили тотъ разрывъ на съѣздѣ въ Львовѣ дня 14 (26) грудня 1899 р. Они соединились съ частію радыкаловъ, которымъ предводилъ д-ръ Иванъ Франко, и составили новую партію, которая назвала себе національ-демократичною. Въ главѣ той партіи станули: Юліанъ Романчукъ, д-ръ Иванъ Франко и спроваженный въ Львовъ изъ Украины Михаилъ Грушевскій, професоръ львовского университета. Та новая партія издала отзывъ къ галицко-русскому народу, въ котромъ сказала, що стремле-

нѣмъ ей буде, выбороти независимую Русь-Украину безъ хлопа и пана.

Къ той партіи не пристала часть радыкаловъ съ такими людьми, якъ М. Павликъ, д-ръ Даниловичъ, д-ръ Триловскій, д-ръ Яросевичъ, которые въ политикѣ поѣшли другою дорогою и стали сближаться къ социалистамъ. Александръ Барвинскій и Анатоль Вахнянинъ стояли дальше въ главѣ нечисленной фракціи клерикально-правительственной, для которой смерть кардинала Сильвестра Сембратовича, упокоившагося 4 септя 1898 р. была - самымъ бѣльшимъ убыткомъ. Со смертію бо Сембратовича устали и переслѣдованья священниковъ русско-народной партіи, бо засѣвшій по немъ на митрополичомъ престолѣ въ 1899 р. станиславѣвскій епископъ Юліанъ Куиловскій, хотя и не мѣшался до политики, то мимо того приклонялся на сторону народно-русской партіи.

По смерти митрополита Куиловского наступившей 4 мая 1900 р. обнялъ правленіе митрополіи 17 января 1901 р. гр. Андрей Шептицкій, зъ ополченнаго роду славныхъ когда-то русскихъ Шептицкихъ, членъ ордена реформованныхъ василіанъ.

Національ-демократичная партія сьорганизовала себе и розвинула сильную дѣятельность, особенно въ школьной области. Она старалась выбороти для Руси-

новъ бѣльше русскихъ гимназій, а львовскому университету придати хотя въ половинѣ русской характеръ. Но тому воспротивились Поляки, а польскіи профессоры боячись, щобы университетъ львовскій непотерялъ своего чисто польскаго характера, рѣшили русскій языкъ совсѣмъ изгнати изъ администраціи университета.

Когда осенью 1901 року русскіи богословы сгласились до вписа, деианъ богословскаго факультета кс. д-ръ Фьялекъ отказался приримати вписы на русскомъ языкѣ. Русскіи богословы отнесли къ сенату, и той призволилъ на сей разъ приримати русскіи вписы, но сталъ на русскіи просьбы отвѣчати по-польски. Такое неприклонное отношеніе Поляковъ-професоровъ университета возбудило у русской молодежи домогаться учрежденія университета русскаго или по крайнѣи мѣрѣ учрежденія русскихъ кафедръ побѣчь польскихъ. Для обсуждения того вопроса, созвала молодежь въ стѣны университета вѣче студентѣвъ въ 12 часѣвъ полудня 6 (18) падолиста 1901 р. Сенатъ университета однако не позволилъ, щобы вѣче отбылося въ полудне, тѣлько назначилъ для него 7 часѣвъ вечеромъ, а кромѣ того вычеркнулъ изъ программы совѣщаній двѣ точки (о самостоятельномъ русскомъ университетѣ.)

Не смотря на то запрещеніе, 500 студентѣвъ собралось въ 12 часѣвъ полудня въ университетѣ и начали совѣщанія. Но тутъ появились въ сали профессоры Твардовскій, Фьялекъ, профессоръ Кручковскій и секретарь Вимяржъ и возвали собранныхъ разойтись. Но студенты подняли шумъ и Твардовского даже вытолкнули изъ сали. Вѣче студентѣвъ отбылося и приняло резолюцію, щобы правительство основало особнній русскій университетъ, а поки то не послѣдуе, завело паралельныи катедры русскіи, т. е. русскіи катедры побѣчь польскихъ. Затѣмъ студенты межи которыми были и богословы, устроили сѣредъ пѣсенъ похѣдь по улицамъ Львова.

Послѣдствіемъ того вѣча было новое притѣсеніе русской молодежи и та не видячи другого вихода оставила стѣны львовского университета, и перенеслась въ Вѣденъ, Кракѣвъ и Прагу. То была такъ зовимая сецесія студентѣвъ въ 1902 р.

Щобы вознаградити кс. Фьялка за оборону польскости университета, выбралъ его академичный сенатъ своимъ ректоромъ на слѣдующій 1902/3 р. Такое поведенъе сената вызвало между русскими студентами еще бѣльшее негодованъе и дѣшло къ тому, що академичная русская молодежь постановила споводовати кс. Фьялка до уступленья изъ ректорства.

Коли тойже явился съ первую лекцію по фєріяхъ 1902 р. русскіи студенты обкинули его яйцами. Послѣдствіемъ того было то, що кс. Фьялекъ осталъ на дальше ректоромъ и получалъ розличного рода письма и заявленія признательности, а русская молодежь стратила пзъ своей среди 8 академикѡвъ борцѡвъ за русскій языкъ.

Національ-демократическая партія не добилась отдѣльного мало-русского университета и паралельныхъ русскихъ катедръ. Она старалася другимъ путемъ настрашити полякѡвъ. При помощи студентѡвъ, вернувшихъ изъ Вѣдня, Праги и Кракова, она лѣтомъ 1903 р. стала организовати рольничіи стрейки на Подѡбљу. Но и тѣмъ мало помогла русскому дѣлу. Помѣщики покуповали собѣ жнивярки, косярки, спровадили мазурѡвъ и порадили собѣ безъ русскихъ робѡтникѡвъ.

Тотъ стрейкъ возбудилъ у польскихъ помѣщикѡвъ великую ненависть къ всему русскому. Одинъ изъ нихъ Вл. Козловскій зложилъ нарочно посольскій мандатъ до Вѣдня и сталъ обѣзжати всю восточную Галичину и взывати своихъ одноплеменникѡвъ, дабы соединялись будто для обороны правъ Полякѡвъ, для борьбы съ русинами.

Козловскій устраивалъ сѣзды Полякѡвъ по всѣмъ мѣстамъ и на тыхъ яв-

ныхъ собраніяхъ организовалися будто для обороны, а на тайныхъ же укладывали плянь на ополяченье Руси.

Польскіи ксендзы стали взывати своихъ прихожанъ-селянь, говорящихъ по русски и по правдѣ уважающихъ себе русскими — дабы сорвали съ греко-католиками, не ходили въ церковь, говорили лишь по польски и мали себе за Полякѡвъ. Латинскій арцибискупъ Бильчевскій издалъ въ томъ дусѣ пастырское посланіе, объѣзжалъ восточную Галичину и въ томъ же дусѣ промовлялъ. А дабы бѡльше надати блеска своимъ поѣздкамъ арцибискупъ Бильчевскій устраивалъ торжественныи освященья нѣсколькихъ ко-сцюлковъ, на которыи то освященья ѣздили также его суфраганъ арцибискупъ Веберъ и армянскій арцибискупъ Теодоровичъ. Кромѣ того устраивано различныи польскіи торжества, или народныи собранія, на которыхъ проповѣдалъ ксендзъ Громницкій изъ Вучача, розкидаючи изъ амвона межи слушателей печетанныи агитаційныи брошюры.

Оказалось, що робота національ-демократѡвъ не довела къ цѣли. Послѣ стрейкѡвъ польскіи помѣщики еще меньше стали платити русскимъ робѡтникамъ, которыхъ выручали мазурами. Тогда національ-демократы стали селянь высылати въ Канаду или на зарѡбки въ Прусію.

Коли такое на Галицкой Руси происходило а соймовая польская бѣльшѣсть 1903 р. откинула предложеніе русскихъ послѣвъ о основаніе русской гимназій въ Станиславовѣ, русскіи соймовыи послы приняли тое откиненіе за обиду для цѣлого русского народа, а запротестовавши противъ такого поведенія польской соймовой бѣльшѣсти, сложили всѣ свои посольскіи мандаты и вышли изъ сойма. Послами тѣмн были: Алексѣй Барабанъ, поляками избранный Александръ Барвинскій, о. Ѳеодоръ Богачевскій, Іосифъ Гурикъ, д-ръ Мих. П. Король, о. Викторъ Мазикевичъ, д-ръ Андроникъ Могильницкій, д-ръ Евгений Олесницкій, Димитрій Отсапчукъ, Антоній Старухъ, остали тѣлько: о. Кор. Мандычевскій и Ксеноф. Охримо-вичъ польско-правительственныи кандидаты, и Глиджукъ членъ выдѣла краевого. Въ лютомъ 1904 р. происходили новыи выборы на мѣстце сецесіоновавшихъ послѣвъ и были всѣ поновно выбраны, кромѣ Ал. Барвинского, которого яко зненавиженно-го русскимъ народомъ за свою намѣну, а при выборахъ уже не попираемого Поляками и правительствомъ, побѣдилъ членъ старо-русской партіи о. Ѳеодосій Эффиновичъ изъ Поповець, тотъ самъ которому митрополитъ С. Сембратовичъ за его преданность русско-народному дѣлу отнять отличія крышоанскіи и сложилъ съ уряда декана. Тѣ поновно выбранныи послы

приняли мандаты, а вступивши въ соймъ, вели себе въ осенней сесіи 1904 р. дружно въ виду польской бѣльшости. Тѣмъ своимъ поступкомъ надѣялись они успособити польскую бѣльшѣсть приклонно для себе и черезъ то получить основанье русской гимназіи въ Станиславовѣ и субвенцію края на будову русского театра. Сталося однакъ иначе; бо польская бѣльшѣсть вправдѣ рѣшила основанье русской гимназіи въ Станиславовѣ но заразомъ рѣшила введенье въ всѣхъ гимназіяхъ восточной Галичины обовязковую науку польского и русского языка. На постройку театра признано вправдѣ 300.000 кор. субвенціи, но за разомъ поставлено такіи условія, що комитетъ будовы театра признанной субвенціи съ такими условіями не принялъ. Въ сесіи той рѣшено два дуже важныи а для Русинѣвъ шкодливыи законы, т. е. реорганизаціи Рады школьной краевой и введенья рентовыхъ сельскихъ загородъ. Русскіи послы требовали подѣленья Рады школьной краевой на русскую и польскую; но соймовая бѣльшѣсть тому жаданью отказала. Дальше супротивлялися русскіи послы закону о рентовыхъ селянскихъ загородахъ доказуючи, що ѳнъ мае на цѣли колонизацію и полонизацію восточной части Галичины. Но то супротивленье русскихъ пословъ ничого не помогло и законъ при-

нято, бо онъ подходитъ къ строенію Польщи на Руси.

Наибольше вреда нанесли національ-демократы молодежи. Они подстрекали молодежь противъ старѣйшой партіи и вообще противъ старшихъ особъ и довели молодежь до такого одичанія, що она не совѣтилась обижати публично старшии вѣкомъ и обще-почитаемы особы. Не добре то, якъ въ сердцахъ дѣтей защепляется ядъ ненависти!.. Такую ненависть кинули они также mezi народъ и въ многихъ мѣстностяхъ стали селяне, жившии прежде въ сгодѣ, mezi собою враждовати.

Старо-русская партія mezi тѣмъ также себе лучше устроила. Она установила „Народный Совѣтъ“ яко найвысшій политическій органъ и издала кѣлька отзывѣвъ, взываючи Русинѣвъ къ згодѣ и единомудрію, боронити свѣй языкъ, свои буквы и добиватись улучшенія матерьяльного быта. Въ 1903 р. произбѣшли на Галицкой Руси два важныи событія. Въ мѣсяцъ липни уступили Езуиты изъ монастырей чина св. Василя Великого перенятыхъ въ 1882 р. будыто къ реформѣ, а митрополитъ Андрей гр. Шептицкий издалъ на польскомъ языкѣ пастырское посланіе до Полякѣвъ обряда греко-католического, щобы они придержовалися того обряда.

Но мимо того всего, пролсходящего на Галицкой Руси, русская справа посту-

пае природно съ дня на день впередъ.

Заключаемъ тутъ нашу Исторію еще слѣдующими увагами: Вправдѣ до днесь еще не добились мы всѣхъ тыхъ конституційныхъ правъ, якіи намъ на пѳдставѣ рѳвноправности належатся; но все таки справа наша о много поступила впередъ, днесь бо уже дозрѣвае нашъ народъ, веденъ нашими провѳдниками патріотами до гражданскаго и народнаго самопознанія; днесь той народъ уже не есть „попыхайломъ“ для чужой справа, а пѳзнае свое честно, высокое назначеніе, якое ему опредѣлила его исторія. Если же развитіе нашей народной жизни въ такой самой мѣрѣ дальше поступати буде, то маемъ твердую надѣю, що Галицкая Русь доживе добра и слѣдуемыхъ ей законныхъ правъ.



СОДЕРЖАНЬЕ.

Вступное слово	Стор. 3
Подъѣлъ исторiя	6

ПЕРЮДЪ I.

Часть I.

Давнымъ Славяно, ихъ житiе, обычаи и народныи бословiя	7
Начало Руси	13
Рюрикъ	15
Апостолы Славянъ св. Кириллъ и Методiй	17
Первыи сѣмена вѣры Христовой на Русь	20
Олегъ	22
Князь Игорьъ	25
Княгиня Ольга	26
Князь Святославъ	31
Великий князь Ярополкъ	32
Князь Владимiръ Великий	42
Владимiръ до крещенiя своего т. е. отъ 981—988	43
Крещенiе Владимiра въ 988 г.	47
Крещенiе всей Руси въ 988 г.	52
Владимiръ послѣ крещенiя своего отъ 988—1015	55
Великой Князь Святославъ названъ „Окаянныиъ“	58
Великий Князь Ярославъ Мудрый	66
Мстиславъ	68
Чтенiе народу „Русской Правды“	70
Русь по смерти Великого Князя Ярослава Мудрого	72
Потомки Ярослава Мудрого	75
Родословная табела	78
Великое княжество Кiевское	77
Препод. Антонiй и Феодосiй Печерскiя	81
Князь Святославъ	83
Владимiръ Мономахъ	87
Монаховичи и Ольговичи	91
Князи: Мстиславъ и Ярополкъ	92
Княжество Суздальское	95

Часть II.

Русь Галицкая или Червоная Русь	96
Ростиславичи	97
Княжество Перемишльское и Тернопольское	98
Володаръ и Васильво	99
Княжество Галицкое	
Князь Владимiрко	104
Ярославъ Осмомисель	110
Владимiръ Ярославичъ	115
Княжество Галицко-Владимiрское	118
Романъ	119
Беззурядицы въ княжествѣ Галицко-Владимiрскомъ до перваго напавша Татаръ	123

	Стор.
иномъ ядова	134
иславъ Удакъ	135
иное Княжество Суздальское	139

Часть III.

и воеводство Татаръ	134
и воеводство мурзидици въ Галицкой Руси	139
и воеводство Звеникъ	142
и воеводство Коростъ	152
и воеводство Львовъ	155
и воеводство Юрій	157
и воеводство Лемъ. Передача Литам на Малой Руси	160
и воеводство II	165
и воеводство Тройденевичъ	166
и воеводство польскій Казимиръ нападает на Галичину въ 1340 г.	170
и воеводство Княжество Суздальское—Московское	172
и воеводство отъ первого нашествия Татаръ до 1340 г.	175
и воеводство вѣдь на внутреннее устройство Руси до 1340 г.	179

ПЕРІОДЪ II.

Часть I.

и воеводство мени Литвою и Польщею о Галично-Владимірскую спадщину	174
и воеводство —до уни любельской 1340—1569.	175
и воеводство миръ (польскій) и Ольгердъ литовскій	185
и воеводство ии порядки въ Галицкой Руси	196
и воеводство иславъ польскій и Людвикъ угорскій или владѣтели	200
и воеводство Русь Галицкой	205
и воеводство во Вел. Князь Литвы, король Польши и дѣдичъ Руси	209
и воеводство вѣдь и Свидригайло	211
и воеводство вѣдь, Вел. Князь литовско-русскій	219
и воеводство ригайло, Вел. Князь Литвы и Руси	228
и воеводство вѣдь Федько Острожскій	235
и воеводство реннѣй переворотъ на Руси за Ягайла	241
и воеводство вѣдь Ягайлонами, т. е. наследниками Ягайлы	253
и воеводство тантинъ Острожскій	259
и воеводство утъ литовскій и уни Любельская	272
и воеводство и каи Русь	276
и воеводство Иванъ III	276

Часть II.

и воеводство козацкии	292
и воеводство вѣдь Баторъ II—возрастъ козацтва	305
и воеводство с церковными на Руси—Братства	316
и воеводство Берестовска	324
и воеводство вѣдь въ Берестю 1596 г.	333
и воеводство ии возстанья козацкии, Косиискій—Добода—Наливайко	342
и воеводство вѣдь Кошаевичъ Сагайдачннй	354
и воеводство царенье уни и дальшая судьба козацтва	364
и воеводство ии козацкии возстанья. Гетманъ Тарасъ Тригубо. Гра	373
и воеводство мота примиренія 1632 г.	378
и воеводство ополить Петръ Могила, Гетманъ Сулима-Павлюкъ (1633—	387
и воеводство 1638)	388
и воеводство аи доля Руси, Гетманъ Остриница	397
и воеводство ии Русь (отъ 1598—1645)	407
и воеводство вѣдь Богданъ Хмельницкій и великая его война съ Поль	417
и воеводство щемъ (1648—1654). Черная рада Хмельницкого	417
и воеводство токъ войны. Побѣда Хмельницкого у Жолтихъ-водъ и	417
и воеводство вѣдь Корсунемъ 1648	417

Очищеніе русскихъ земель.—Непорядная година въ Польщѣ
 Битва подъ Пидлявою
 Осада Львова и Замостья .
 Поворотъ Хмельницкаго на Украину
 Переговоры Польши съ Хмельницкими въ Переяславѣ
 Отновленіе войны. — Осада Збараша. Битва подъ Зборовомъ.
 Договоръ Зборовскій
 Послѣдствія Зборовскаго договора
 Новая война съ Польщею — Битва подъ Берестечкомъ
 Поворотъ Хмельницкаго отъ Татаръ. Поляки вступаютъ на
 Украину
 Вѣдоцерковный договоръ.—Посольство Хмельницкаго къ царю
 Алексею
 Свѣтъ Хмельницкаго. Пораженіе Польковъ подъ Батогомъ
 (1652)
 Молдавская война. Зрада Татаръ подъ Жвизнею
 Соединеніе Украины съ Великою Русію въ 1653 г.
 Война между Польщею и Великою Русію о запад-русскихъ земляхъ
 — Хмельницкій подъ Львовомъ и его смерти.
 Беззурядцы на Украинѣ
 Гетманъ Петръ Дорошенко
 Гетманъ Иванъ Мазепа.—Знищеніе бояцкаго самоуправленія

Часть III.

Русскія земли подъ владѣніемъ Польши до паденія того же.
 Просить на знищеніе Руси
 Русскія церковь въ часахъ передъ роздѣломъ Польши
 Вмѣшательство Россіи въ польскія беззурядцы
 Конфессіона (Гайдамаки)
 Роздѣлъ Польши 1772—1795. Конецъ и русской бѣды
 Великая Русь (1645—1746)

ПЕРІОДЪ III.

Часть I.

Русь Галицкая подъ владѣніемъ монарховъ австрійскихъ
 Марія Терезія
 Іосифъ II
 Леопольдъ II
 Францъ I и галицкая митрополія
 Іоаннъ Сибгурскій
 Фердинандъ Блажій
 Годъ 1848, или годъ возрожденія Галицкой Руси. — Григорій
 Яхимовичъ.
 Цѣсарь Францъ-Іосифъ I.
 Новая эра въ 1889 г.



2





Handwritten text, possibly a signature or name, written in dark ink.



